АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. М. ШЕЙНМАН

ВАТИКАН И КАТОЛИЦИЗМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории

М. М. ШЕЙНМАН

ВАТИКАН И КАТОЛИЦИЗМ

в конце XIX- начале XX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1958

В работе на основе архивных и литературных материалов раскрывается социальная и политическая роль Ватикана в конце XIX — начале XX века, прослеживается эволюция католицизма в рассматриваемый период, разбираются вопросы истории христианского социализма и христианской демократии, анализируются основные моменты политики папства, его участие в колониальной политике империализма и, наконец, позиция Ватикана в первой мировой войне.

Ответственный редактор
Б. Е. ШТЕЙН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача настоящей работы — проследить основные моменты истории Ватикана и католицизма с конца XIX в. до окончания первой мировой войны.

Литература о папстве — религиозно-политическом центре католической церкви — обширна, и не только о средневековом, но и о папстве нового и новейшего времени. В значительной мере эта литература носит апологетический характер, и чем ближе к современности, тем критический элемент в ней становится все слабее. Это происходит как потому, что в области истории папства больше подвизаются католические историки, так и потому, что современная буржуазия высоко ценит папство в качестве антикоммунистической силы и не заинтересована в его развенчивании.

Литература о папстве исследуемого периода по преимуществу апологична и ограничивается историей отдельных пап. Особенно много написано о Льве XIII — первом папе периода империализма.

В католической и буржуазной светской литературе не предпринималось серьезных попыток исследовать историю папства конца XIX — начала XX в. в тесной связи с общей историей империализма. Папство в этой литературе выглядит как наднациональный и надклассовый институт, побуждаемый в своей деятельности «высшими», морально-религиозными целями и соображениями.

В действительности история папства — это не история отдельных пап, а история определенного общественного, религиозно-политического института, вся деятельность которого и в прошлом, и в настоящем неразрывно связана с общей гражданской историей, с историей классовой борьбы. Следовательно, история Ватикана в период империализма должна рассматриваться как часть истории империализма, в неразрывной связи со всеми коренными явлениями этой эпохи.

Для империализма, как известно, характерно углубление всех противоречий капитализма — противоречий между трудом и капиталом (с этим связано обострение классовой борьбы и рост социалистического рабочего движения), противоречий между народами колониальных и зависимых стран и колониальными державами (с этим связан рост национально-освободительной борьбы угнетенных народов), противоречий между буржуазными державами, вступившими в борьбу за передел мира (следствием чего была первая мировая война). В тесной связи со всеми характерными особенностями империализма автор и рассматривает историю папства в конце XIX — начале XX в.

Круг вопросов, относящихся к истории Ватикана, и католицизма, очень широк, и автор должен был ограничиться исследованием наиболее важных из них.

Что же больше всего характерно для папства изучаемого периода?

Папство возникло и выросло как религиозный институт. Однако исторически сложилось так, что оно не ограничивалось и не ограничивается религиозной деятельностью. Нельзя упускать из виду, что более тысячи лет существовало теократическое государство римских пап — Церковная область — ликвидированное только в 1870 г. и в миниатюрных размерах возрожденное в 1929 г. Таким образом, папы в течение этого большого периода выступали и как светские государи папского государства и как претенденты на верховную власть над всей христианской церковью (не только римско-католической). При этом интересы католической церкви различных стран папство нередко подчиняло интересам своего светского владычества.

«Римский вопрос» — борьба папства за восстановление своей светской власти — играл, как прослеживается в данной работе, немалую роль в международной ориентации папского престола в конце XIX — начале XX в. Значение этого вопроса в политике папства было очень велико непосредственно после событий 1870 г., однако со временем значение «Римского вопроса» постепенно уменьшилось.

Решающее значение во всей религиозно-политической деятельности папства в период империализма приобретает борьба с социализмом и с освободительным движением колониальных народов. К концу XIX в. в главнейших буржуазных странах закончился процесс приспособления католицизма к буржуазному строю. Некогда феодальная церковь становится теперь оплотом капитализма. Одновременно к капитализму приспосабливается и становится важнейшей его опорой и папство. Это привело к тому, что борьба с социалистическим рабочим движением и с освободительным движением народов

колоний с конца XIX в. постепенно становится главным содержанием всей религиозно-политической и международной политики папского престола.

В наметившейся с начала XX в. ориентации Ватикана на Германию Вильгельма II сказались не только расчеты папского престола на то, что правительство Германии поможет решить «Римский вопрос» в интересах папы. Эта ориентация составила традиционную политику Ватикана, заключавшуюся в ориентации на наиболее сильные с точки зрения ватиканских политиков и наиболее реакционные в данное время государства. Большое значение имело и то обстоятельство, что папский престол считал Германию Вильгельма II наиболее мощным оплотом против социализма и революции.

История папства в конце XIX — начале XX в. — это история роли папства в системе империализма.

Глава первая

КАТОЛИЦИЗМ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

ЛИКВИДАЦИЯ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПАПЫ

Папство возникло в период раннего средневековья. Его существование было неразрывно связано с феодализмом в странах Западной Европы. Свыше тысячи лет католическая религия в этих странах была религией феодального общества, а ее учреждения, в первую очередь папство, были составной частью феодального мира. Основой могущества католической церкви в средневековой Европе были земельные богатства. «...Земельные владения церкви,— пишет Энгельс,— нахватанные при помощи дарений, вымогательств, обманов, плутней, подлогов и других способов уголовного характера, приняли в течение немногих столетий прямо колоссальные размеры» [1].

Во главе феодальной духовной аристократии стоял папа, не отличавшийся по своему образу жизни от светских феодалов.

Свыше тысячи лет — с середины VIII в. до 1870 г.— на части территории нынешней Италии существовало папское государство — Церковная область. Главой этого государства был римский папа, важнейшие административные посты занимали епископы и монахи. Режим, существовавший в папском государстве, вызывал глубокую ненависть даже среди верных последователей католической церкви. Последний папа — светский государь Пий IX (находившийся на папском престоле в 1846—1878 гг.), ненавистник демократии, науки и особенно социализма, в своем Силлабусе (перечне «заблуждений») 1864 г. «осудил» науку, демократию, свободу слова, печати, свободу совести, веротерпимость, социализм и коммунизм. В числе многих других осужденных положений Силлабус предавал анафеме и того, кто считает, что «римский первосвященник может

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 396.

и должен примириться и согласоваться с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией» [2].

Пий IX возражал даже против того, чтобы в папских владениях была проложена железная дорога. В «Вестнике Европы» так характеризовалось положение папства в 1870 г.: «Как тысячу лет назад, так и теперь папство старается поддержать свое существование ссылками на предписания разных соборов и старых книг, на божественный источник происхождения своей власти; ему и в голову не приходит, что этот источник давно иссяк, что старые книги слишком устарели и что постановления соборов давно уже перестали считаться обязательными для всех» [3].

В августе 1870 г. папское государство перестало существовать. Французские войска, которые помогали папе удерживать власть, вынуждены были покинуть Церковную область в связи с франко-прусской войной. В Риме началось восстание против теократического правления. Опасаясь роста народного восстания, итальянский король в сентябре поспешил двинуть войска в папское государство и взять Рим. Город был объявлен столицей Италии, а территория папского государства стала частью итальянского королевства. Папе, лишенному светской власти, были оставлены Ватиканский и Латеранский дворцы (в Риме) и летняя резиденция Кастель Гандольфо.

В начале октября население бывшего папского государства почти единодушно проголосовало за присоединение к Италии (в Риме лишь 46 голосов было подано в пользу светской власти папы, а во всем бывшем папском государстве — 1507 голосов).

В дни, когда светская власть папы доживала последние дни, заканчивал свою работу и Ватиканский церковный собор.

Последний церковный собор — Тридентский — происходил в середине XVI в. Он был созван в то время, когда папству угрожала опасность, связанная с реформационным движением, охватившим многие страны Европы. Главными вдохновителями собора были иезуиты.

Спустя триста лет после Тридентского собора Пий IX созвал новый церковный собор, чтобы мобилизовать силы религии против духа нового времени и спасти находившееся в состоянии деморализации и упадка папство. Главными вдохновителями собора, открывшегося 8 декабря 1869 г. в Ватикане, были те же иезуиты.

Историческая обстановка складывалась не в пользу светской власти папы. Иезуиты, учитывая это обстоятельство, настойчиво стремились упрочить религиозное положение папы,

---

[2] В. Гладстон. Рим и папа перед судом совести и истории. М., 1903, стр. 173—174.

[3] «Вестник Европы», 1870, апрель, стр. 849.

упрочить самый институт папства, как непререкаемый авторитет для католиков всех стран — мирян и духовенства. С этой целью они добивались провозглашения догмата папской непогрешимости (на что папство претендовало на протяжении многих столетий, но встречало сильнейшее противодействие, в частности, со стороны епископов, а также католических государей, опасавшихся чрезмерного усиления папской власти).

В булле от 29 июня 1868 г. о созыве собора 8 декабря 1869 г. Пий IX писал, что католическая церковь «потрясается ужасными бурями», что нападкам подвергаются как сама церковь, так и ее учение и власть, а равно и высшая власть этой церкви — папская, что «распространяются всякие безбожные сочинения и тлетворные газеты вместе с разнообразными и зловредными сектами». Папа оповещал о созыве церковного собора, который должен найти средства к устранению «всех бедствий церкви и гражданского общества», для того, чтобы католическая религия и ее учение «были повсеместно оживлены, все более и более распространены и получили господство...» [4].

Одним из средств укрепления авторитета папства иезуиты считали принятие догмата папской непогрешимости.

Планы провозглашения этого догмата встретили возражения даже в католических кругах. Конференция немецких католических епископов в Фульде в сентябре 1869 г. выступила с пастырским посланием, в котором опровергались слухи о том, что на соборе будут приняты новые догматы. В секретном адресе, посланном папе, епископы писали, что настоящее время неблагоприятно для принятия догмата папской непогрешимости.

Возражения шли и из Франции. Одним из основных мотивов противников догмата папской непогрешимости было утверждение, что его принятие неизбежно столкнет папство со светскими властями, так как хотя формально речь идет о «непогрешимости» в делах веры, но очень трудно размежевать, где кончается религиозная область и начинается компетенция государственных властей.

Иезуиты пустили в ход все средства, чтобы расстроить оппозицию на соборе. Из 750 участников собора (на 6 января 1870 г.) — кардиналов, епископов, настоятелей монастырей и глав религиозных орденов — около 150 были против провозглашения нового догмата. Многие из них уехали с собора до его окончания, не желая поддерживать сторонников догмата, но и не желая голосовать против. 18 июля собор принял новый догмат, который гласит, что папа, когда он говорит «с амвона» как учитель всех христиан, обладает, в силу содействия бога и его обещания апостолу Петру, непогрешимостью.

---

[4] Цит. по журн. «Вестник Европы», 1886, июль, стр. 155—156.

Новый догмат так сформулирован, что провозгласил папу «непогрешимым судьей» в вопросах не только чисто религиозных, но и общественной жизни.

Принятие догмата было отрицательно встречено и в некоторых буржуазных кругах. Так, буржуазный политический деятель, занимавший посты министра и премьер-министра Англии Гладстон, который вовсе не был противником католицизма, писал (в книге, изданной в 1875 г.) по поводу догмата папской непогрешимости: ...папе «достаточно сказать: «Я объявляю ex cathedra»..., и все те речи, какие могут последовать за подобными заявлениями, всякий католик, признающий Ватикан своим учителем, обязан принимать безусловно как то, что на богословском языке католиков называется «божественной верой», наравне с членами апостольского символа... Отныне воля и приговор одного человека для половины христианского мира будет решать, в чем должна состоять ее религия» [5].

Та небольшая часть епископов и духовенства в разных странах, которая отказалась признать новый догмат, образовала отдельную от Рима «старокатолическую церковь».

Ватиканский собор расширил Силлабус 1864 г. новыми аналогичными постановлениями, направленными против науки. Эти постановления, в частности, угрожают отлучением от церкви всем, кто утверждает, что можно признавать истинными те научные открытия, которые противоречат «откровению».

В связи с началом франко-прусской войны, а затем вступлением итальянских войск в папские владения и в Рим Ватиканский собор прервал (20 октября 1870 г.) свою деятельность. Папское государство перестало существовать. Папа проклял всех, кто участвовал в лишении его светской власти, и объявил себя «ватиканским узником».

13 мая 1871 г. правительство Италии издало «Закон о прерогативах папы и святейшего престола», или так называемый «Закон о гарантиях», согласно которому «личность папы священна и неприкосновенна», а посягательство на нее карается как посягательство на личность короля. «Закон о гарантиях» предусматривал ежегодную ренту в 3 225 000 лир в пользу папского престола, обеспечивал папе полную свободу осуществления функций главы церкви, гарантировал привилегии иностранных дипломатических представителей при папе, возможность свободного общения последнего с внешним миром без всякого вмешательства со стороны итальянских властей. Папа отклонил «Закон о гарантиях».

Как Пий IX, так и последующие папы демонстративно при удобных случаях заявляли протесты против «ограбления»

[5] В. Гладстон. Рим и папа перед судом совести и истории, стр. 148—149.

папского престола — лишения папы светской власти и время от времени угрожали отъездом из Рима. Через месяц после ликвидации папского государства прусский посол в Риме граф Арним послал Бисмарку телеграмму, в которой сообщал, что папский статс-секретарь кардинал Антонелли спросил его, может ли папа рассчитывать на помощь прусского короля в целях беспрепятственного отъезда из Рима. Бисмарк ответил на это положительно.

В связи с ликвидацией папского государства возник так называемый «Римский вопрос»,— продолжавшаяся почти 60 лет борьба папского престола за восстановление светской власти папы и возвращение ему г. Рима. Борьба эта то обострялась, то ослабевала.

Среди части ватиканских иерархов и в влиятельных итальянских католических кругах уже вскоре после событий 1870 г. появились сторонники соглашения с итальянским государством. Они понимали, что к прежнему возврата нет, что восстановление папского государства в прежних границах невозможно.

Можно предполагать, что и Пий IX это понимал.

В опубликованной бывшим французским министром иностранных дел Жюлем Фавром переписке по «Римскому вопросу» содержится сообщение о беседе Пия IX с французским послом графом д'Аркуром 26 апреля 1871 г. Папа сказал д'Аркуру, что не просит больше того, что можно просить; он выразил пожелание, чтобы французское правительство рекомендовало итальянскому действовать осторожно и не принимать поспешных решений. Папа высказался против провозглашения Рима столицей Италии. Жюль Фавр приводит следующие слова папы, сказанные французскому послу: «В такие времена, как сейчас, нечего думать о суверенитете. Я это знаю лучше, чем кто-либо. Все, чего я желаю,— это иметь маленький уголок земли, где я был бы хозяином. Если бы мне предложили вернуть мое государство, я бы отказался. Но если я не буду иметь этого уголка земли, я не смогу выполнять во всей полноте своих духовных обязанностей» [6].

Сообщение об этом заявлении папы было Ватиканом опровергнуто. Нет, однако, оснований не верить донесению

---

[6] Jules Favre. Rome et la République Française. Paris, 1871, p. 109. Сравни с этим сообщение американского католического священника Дж. ван дер Вельда, профессора психологии в Ватиканском университете «Пропаганды веры»: «Когда итальянское правительство предлагало ему (Пию XI в 1929 г. при заключении соглашения о ликвидации «Римского вопроса». — *М. Ш.*) больше территории, этот мудрый человек отказался, заявив, что он не хочет ни территорий, ни подданных, так как, добавил он смеясь, не любит, чтобы его беспокоили забастовками и другими неприятными вещами» (J. A. van der Veldt. The city set on a hill. New York, 1946, p. 60).

французского посла своему министру иностранных дел о беседе с папой.

Комментируя донесение д'Аркура, Жюль Фавр пишет: «...вероятно впервые он (папа.— *М. Ш.*) заявляет, что не принял бы обратно свое государство, если бы это ему было предложено. Он бросает на власть меланхолический и безразличный взгляд и говорит, что сегодня «не следует искать власти...»» [7].

Однако ни Пий IX, ни его ближайшие преемники и не думали отказываться от своих притязаний, в частности на г. Рим. Своим непримиримым отношением к Италии преемники Пия IX хотели побольше выторговать для себя у итальянского правительства. «Римский вопрос» стал орудием папской политики.

Сторонники папства в Австрии, Франции и других странах, хотя и выражали Пию IX сочувствие по поводу лишения его светской власти, ни тогда, ни позже не думали всерьез выступить против Италии, чтобы силой оружия восстановить папское государство, но, как дальше будет показано, правительства этих стран охотно использовали «Римский вопрос» в своих политических целях.

Светская власть папы после более тысячелетнего существования была скомпрометирована в глазах народов, в первую очередь в глазах итальянского народа. Если в средневековой Европе папское государство было феодальным, то в условиях капитализма оно могло быть только капиталистическим с большими пережитками феодализма, с социальной дифференциацией и острой классовой борьбой. При таких условиях папа и его государственный аппарат должны были бы еще более откровенно действовать как слуги имущих, эксплуататоров против неимущих и эксплуатируемых. Такое положение не способствовало бы упрочению авторитета церкви, которой выгодно, чтобы миллионы верующих считали папу представителем не классовых интересов определенных групп, а представителем «общечеловеческих» интересов.

Помимо этого, космополитические цели папы, его притязания на то, чтобы быть духовным главой всех христиан, даже всего человечества, не мирятся с его положением светского правителя небольшого государства. Следовательно, ликвидация светской власти папы объективно послужила на пользу папству и облегчала ему возможность перестроиться в соответствии с новыми условиями.

---

[7] Желание Пия IX, чтобы папа получил «уголок земли», где он был бы полным хозяином, осуществилось спустя 60 лет после смерти этого папы в результате соглашения, заключенного в 1929 г. между папой Пием XI и фашистским правительством Италии, когда было основано современное папское государство «Город-Ватикан».

Ликвидация папского государства способствовала ускорению процесса превращения папства из феодальной главным образом организации в организацию буржуазную.

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ КАТОЛИЦИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ

При капитализме религия приспосабливается к условиям буржуазного общества. Религиозные организации попадают в зависимость от организаций капитала и государства; церковь и связанные с ней организации, в отличие от средневековья, когда они были крупнейшими землевладельцами, становятся владельцами капиталов и участниками капиталистического предпринимательства.

Соответственно меняется и характер религиозной идеологии. Сохранив почти целиком из прошлого весь запас представлений о сверхъестественном, религия приспосабливает эти представления к новым условиям.

«...Религия,— пишет американский писатель проф. Дэвис,— работает в тесном союзе с капитализмом. Хотя капиталисты оказывают на церковные советы сознательный нажим, более широкая и сложная зависимость религии от капитализма в значительной степени представляет собой бессознательный процесс, коренящийся в самой природе церкви как делового предприятия и в установках её руководителей,— установках, которые ни они сами, ни другие люди серьезно не критикуют» [8].

В европейских странах католицизм и его учреждения больше тысячи лет были связаны с феодализмом. В связи с этим процесс превращения католицизма в религию буржуазную происходил здесь медленно и часто в той же мере, в какой феодальная аристократия сращивалась с промышленной буржуазией. Так было во Франции, в Италии. Там, где промышленное развитие страны происходило медленно, там и католицизм дольше сохранил черты феодальной религии и феодальной церкви (Испания, Португалия).

В США католицизм и его церковь были меньше связаны феодальными традициями. Уильям Фостер пишет: «...в деле создания американского общественного строя капитализм в основном не связывали пережитки феодализма, которые служили серьезным препятствием для развития капитализма в других странах» [9]. В силу того, что США, как указывал Энгельс, являются страной, с самого начала развивавшейся на буржуазной основе, религия в этой стране, в частности и католицизм,

---

[8] Д. Дэвис. Капитализм и его культура. М., 1949, стр. 410.
[9] Уильям З. Фостер. Закат мирового капитализма. М., 1951, стр. 40.

раньше, чем в странах Европы, была подчинена буржуазии, трестам и банкам.

О зависимости американских церквей от банков Поль Лафарг писал в 1903 г.: «Если только материалистическое понимание истории Карла Маркса, согласно которому «способ производства материальных благ обусловливает собою развитие социальной, политической и интеллектуальной жизни», нуждается в новом блестящем подтверждении, то его дают тресты. Они господствуют не только в экономической области, но им подчинены и религиозная, политическая и интеллектуальная жизнь американского народа. Тресты делают его историю.

Морганы и Рокфеллеры воздвигают храмы и основывают университеты... Их священники и профессора всячески стараются угодить желаниям толстосумов... В Америке церковь не субсидируется государством и содержание духовенства зависит от щедрости паствы. Церкви строятся акционерными обществами, совсем как промышленные предприятия. «Возблагодарим господа, ниспосылающего нам денежные пожертвования»,— такова молитва, которую повторяют в этих храмах каждое воскресенье. Духовенство всех исповеданий падает ниц перед крупными капиталистами, этими истыми богами, дающими им хлеб насущный, жилище и прочие блага. Нью-йоркский католический епископ недавно отрешил от сана одного священника своей епархии за пропаганду христианского социализма. В Бостоне протестантский епископ публично заявил с кафедры, что если бы Иисус снизошел теперь на землю, то он занимался бы спекуляциями на бирже, ибо нет более почетного занятия. Несмотря на это, Рокфеллер находит, что деятельность духовенства недостаточно плодотворна. Он собирался организовать тресты для издания учебников, имея в виду очистить библию от негодующих гневных протестов против богатых, встречающихся на страницах Ветхого и Нового Заветов. Унизительное раболепие духовенства и интеллигенции внушает эксплуататорам рабочего класса убеждение, что они — подобно государям старого порядка — владеют рудниками, фабриками и банками на основании божественного права...» [10].

Американские монополии выросли на крови, на поголовном истреблении индейцев, рабстве негров, на беспощадной эксплуатации миллионов иммигрантов из стран Европы, гонимых оттуда безземельем, голодом, безработицей. Религиозное ханжество, столь характерное для американских миллионеров, должно было прикрывать их лицо беспощадных эксплуататоров. Религиозное ханжество и слава «благотворителей» помогали и помогают им обманывать трудящихся, создавать иллю-

---

[10] П. Лафарг. Соч., т. II. М., 1928, стр. 213—214.

зии «духовного» равенства рабочих и капиталистов, которые (капиталисты) «заботятся о бедных», создают «благотворительные» заведения и не только строят церкви, но и являются активными их посетителями, а часто сами занимаются с рабочими в воскресных библейских школах.

«Религиозное ханжество,— писал в 1893 г. американский корреспондент журнала «Вестник Европы»,— часто самого дурного характера, чрезвычайно распространено в Америке, особенно в южных штатах. Чем отчаяннее спекулятор, чем красноречивее земельный агент, чем жестокосерднее заводовладелец, чем лукавее адвокат,— тем более принимает каждый из них наружного участия в церковных делах, и тем более жертвует он на разные церковные нужды. Многие приходы чрезвычайно богаты и церковные здания и их устройство соответствуют этому богатству. Не говоря уже о больших центрах, как город Нью-Йорк, где только что оконченный из серого мрамора католический кафедральный собор строился целых десять лет и стоит свыше пяти миллионов, каждый небольшой город... имеет непременно 10, 15 церквей, часто стоящих 30, 40 и даже 100 и более тысяч долларов» [11].

В США происходило более быстрое, чем в странах Европы, приспособление католицизма к существующим условиям и принятие им характера капиталистической религии. На американском католическом конгрессе в 1889 г. один из руководящих деятелей католической церкви США архиепископ Айрланд заявил: «Мы должны жить в нашем веке, знать его, быть в контакте с ним... Мы должны говорить нашему веку о вещах, которые он чувствует, и на языке, который он понимает. Мы должны быть в нем и с ним, если мы хотим, чтобы он нас слушал. По этим мотивам необходима полнейшая симпатия к нашей стране. Церковь Америки должна, конечно, быть такой же католической, как и в Иерусалиме, и в Риме; но, поскольку ее одежды принимают цвет и зависимость от местной атмосферы, она должна быть американской» [12].

В этом заявлении авторитетного тогда в США католического архиепископа была изложена программа американской иерархии: стать американской церковью, опорой американских капиталистических институтов, так называемого американского «образа жизни», проще говоря, стать опорой американского капитализма.

В 1884 г. в своем пастырском послании американский католический епископат заявил, что признает американские политические учреждения лучшими по сравнению с европейскими и

---

[11] «Вестник Европы», 1893, январь, стр. 77.

[12] Цит. по Th. Maynard. The story of american catholicism. New York, 1943, p. 511.

что они сулят «триумф католичеству более абсолютный, чем его победа в средние века» [13].

Таким образом, к концу XIX в. американские католические иерархи провозгласили, что католицизм в США рассматривает себя как «американский католицизм», как один из институтов американского капиталистического строя. Американские католические историки пишут, что в США «католическая церковь в действительности является естественной опорой американских институтов», «она чувствует себя более свободно в США, чем в какой-либо другой стране современного мира» [14].

Главнейшим институтом, господствующим в США, является институт частной собственности, власть кучки монополистов над народными массами. Католическая религия и ее учреждения в США (как и другие религии) являются одной из опор власти миллиардеров и миллионеров.

Кардинал Мунделейн, архиепископ Чикагский, выступая перед членами католической ассоциации «Святого имени» в январе 1938 г., признал, что в прошлом (на самом деле не только в прошлом) католическая церковь в США «была слишком часто союзником или втянута в союз с дурной стороной», с «эгоистическими предпринимателями» [15].

Характерным для католицизма конца XIX — начала XX в. является то, что, став одной из опор господства капиталистов, он настойчиво начал добиваться завоевания на сторону церкви промышленных рабочих, стремясь оторвать их от социалистического движения. Кардинал Мунделейн в том же выступлении заявил, обращаясь к католическим деятелям США: «Наше место среди рабочих, они составляют наш народ, они строят наши церкви, а наши священники — это их сыновья».

В странах Западной Европы превращение католической религии в религию буржуазного общества и подчинение учреждений этой религии капитализму происходило более сложно и медленно, чем в США, вследствие того, что католицизм здесь на протяжении столетий был связан с феодализмом. Но и в этих странах явления, происходившие в области религиозных отношений, отражали процессы, совершавшиеся в экономической области и в развитии классовой борьбы. «Нужно отметить,— пишет итальянский публицист Э. Серени в книге «Аграрный вопрос в Италии»,— что уже с конца прошлого столетия... земельная аристократия целиком завязла в строительной спекуляции и банковских скандалах, знаменовавших собой рождение царства финансовой олигархии в Италии...» «Между круп-

---

[13] Th. Maynard. The story of american catholicism, p. 512.
[14] Ibid., p. X.
[15] «The Daily Worker», 4. 1 1938, New York; Th. Maynard. Op. cit., p. 433.

ной дворянской земельной собственностью и крупным капиталом были установлены гораздо более близкие отношения, чем в прошлом, и взаимное проникновение экономических интересов стало еще более значительным» [16].

Землевладельческую аристократию связала с финансовым капиталом не только общность экономических интересов В неменьшей мере их породнила и вражда к социалистическому рабочему движению, принявшему в конце XIX в. широкий размах во многих странах Европы. Относительно Италии Серени пишет: «Несравненно чаще, чем в прошлом, всякий удар, направленный против пережитков феодализма в землевладении, ощущается господствующими группами финансового капитала, трестовскими магнатами не только как нападение вообще, направленное против одной из форм частной собственности, но как прямое нападение на одну из их привилегий, на один из их кровных экономических интересов» [17].

Сращивание землевладельческой аристократии с финансовым капиталом сыграло большую роль в превращении католицизма в странах Западной Европы в религию буржуазную, в приспособлении церкви к нуждам буржуазии. Главным для католической религии стало учение о святости капиталистической частной собственности, а главной задачей деятельности церкви была признана борьба с социалистическим рабочим движением.

Поль Лафарг писал об этом: «...в XVIII веке буржуазия была подчиненным классом, она боролась против аристократии, которую поддерживало духовенство, она была тогда вольтерьянской и даже заигрывала с атеизмом. Но стоило ей притти к власти, как она тотчас же переметнулась и поспешила возвратиться к религии своих отцов: теперь она уже не боялась религиозного дурмана, а старалась использовать его в своих интересах; она декретом восстановила бога, упраздненного некогда ее же декретом, она вновь отстроила ниспровергнутые ею алтари и взяла на свое содержание священников, которых когда-то сама гнала и преследовала. Священники оказались слугами, преисполненными низкого угодничества. Неудивительно поэтому, что владельцы промышленных предприятий погрязают в самом низком ханжестве, а католические и протестантские попы отравляют мысль рабочих отвратительным ядом. Священник служит тому, кто снабжает его деньгами...» [18].

Во Франции католическая иерархия проделала поворот к буржуазной республике, все время оглядываясь назад. Вместе с буржуазией она возненавидела социализм и рабочее движе-

---

[16] Э. Серени. Аграрный вопрос в Италии. М., 1949, стр. 113, 114.
[17] Там же, стр. 120—121.
[18] П. Лафарг. Соч., т. III, стр 435

ние. Все ее идеалы были в прошлом. Вместе с аристократией католическая иерархия мечтала о монархии. Она до сих пор помнит ненавистный ей 1789 г. (а наиболее реакционные круги католической иерархии и ныне считают, что все «зло» XIX и XX вв.— демократия, материализм, наука и социализм — пошло от французской революции 1789 г.), она помнит и июньские дни 1848 г. и Коммуну 1871 г. Католическая иерархия еще в конце XIX в. считала, что союз трона и алтаря, т. е. королевская власть, опирающаяся на церковь, явится гарантией от революции.

Во второй половине XIX в. в заговорах, имевших целью реставрацию во Франции королевской власти, самое активное участие принимали французское духовенство и Ватикан. Заговоры монархистов не имели успеха, участие в них духовенства приводило к усилению недоверия и вражды к нему в народе.

В конце XIX в. католическая иерархия вынуждена была вступить на путь «признания» республики. Она не оставила, однако, своих антидемократических целей. Она стала служить новому хозяину — промышленной буржуазии.

Эмиль Золя в своей корреспонденции «Типы французского духовенства», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в январе 1877 г., дал картину приспособления французского католического духовенства к разным классам французского общества своего времени. Золя рассматривает пять категорий духовенства.

1. Сельский священник. Он цепко держит в своих руках сельское население, политически отсталое и забитое. Сельского кюре все слушаются и следуют его указаниям. «Он — представитель власти более могущественной, чем сам мэр: тот говорит только от имени правительства, а он от имени неба, а небо — продолжает быть для крестьянина страшной силой, перед которой он склоняет голову». Сельский кюре знает нужды крестьян, он лечит больного «святой водой», изгоняет из темных людей «нечистую силу» и т. д.. «Все село преклоняется перед ним, как перед представителем страшного господина, могущего ежечасно покарать смертью».

2. Городской священник, работающий среди городской бедноты. Он живет в рабочем предместье и считает, что религия должна завоевать население городов. «Но все усилия его разбиваются о непреодолимое отвращение. Предместье не только не верит и равнодушно к религии, оно ненавидит патеров, ненавидит религию, на которую смотрит сквозь патеров». Тем не менее этот священник настойчиво ходит в рабочие семьи и добивается возвращения рабочих в лоно церкви.

3. Кюре буржуа. Он получил доходный приход и катается как сыр в масле. Этот кюре умеет ладить со всеми. «Ханжи

его обожают, неверующие объявляют, что он милый человек». «Он царствует не только над женщинами, приходящими со сложенными руками и опущенными глазами; он распространяет свою власть и на мужей-вольтерьянцев, для которых в кругу близких людей религия является предметом постоянных насмешек».

4. Кюре, обслуживающий барынь. Его церковь похожа на большой салон. Этот кюре — высокий, черноволосый, красивый мужчина, лет 30. Он — сын крупного фабриканта. Его духовные дочери — маркизы, графини и т. д. «Самые изящные дамы в восторге от него». «Аббат такой красавец, так изящно носит сутану, что может служить украшением любого салона».

5. Монсеньер епископ. Сухой шестидесятилетний старик. Он был драгунским капитаном. Военная служба ему наскучила, «а церковь представляет особенно удобную арену для честолюбия». По выходе из полка он занялся богословскими вопросами и начал борьбу «с духом нашего века». Он стал епископом и надеется стать кардиналом. «Бывший драгунский капитан, по-видимому, все еще считает себя на поле битвы, где оглушает противников епископским жезлом. Он воюет в журналах, воюет с помощью брошюр, употребляет всевозможные орудия, даже самые мирские... Религия для него арена, на которой он сокрушает всех, кто не преклоняется перед его властью. Бог для него просто-напросто жандарм... Во имя неба он требует, чтобы священник царствовал на земле...» [19].

Большое влияние на ускорение процесса приспособления католической церкви в странах Западной Европы к условиям буржуазного общества оказала католическая иерархия США. Она учила своих европейских собратьев, что католическая церковь отлично может преуспевать и в условиях буржуазного общества, что союз с капиталом выгоднее, чем союз с непрочными тронами. Приехавший в 1892 г. в Париж американский архиепископ Айрланд сказал на аудиенции, на которой присутствовали видные французские католики: «В прошлом говорили, что католическая церковь не сможет примириться с республикой» и что «воздух Америки будет гибельным для нее». Опровергая это мнение, Айрланд заявил, что католическая церковь США «придышалась к воздуху республики и преуспевает в нем очень хорошо» [20].

Американские епископы советовали и римской курии — папе и его окружению — признать новое положение папского престола и найти свое место в условиях капиталистического общества. Американский кардинал Маннинг, посетивший в 1876 г.

[19] «Вестник Европы», 1877, январь, стр. 416—442.

[20] Цит. по C. S. Phillips. The church in France 1848—1907. New York, 1936, p. 246.

Рим, сетовал на то, что в Ватикане после событий 1870 г. одни ждут чуда, а другие бездействуют и выступают против тех, кто хочет действовать, как «примирители»[21].

Из сказанного вытекает, что, начиная со второй половины XIX в., происходит интенсивный процесс сращивания католицизма с капитализмом и империализмом прежде всего в США, а затем — в разных странах Европы. Католицизм стал религией буржуазного общества, одной из его опор.

ВТОРЖЕНИЕ КАПИТАЛА В ЦЕРКОВЬ

В буржуазном обществе религиозные учреждения сами становятся крупнейшими капиталовладельцами. Проповедуя народу бедность и рисуя ему заманчивые картины «загробного счастья», церковь и связанные с ней организации сами выступают в роли капиталистов и банкиров. Меняется способ использования огромных средств и доходов церкви, которые теперь вкладываются в капиталистические предприятия. Меняется и самый источник доходов религиозных учреждений: наряду с тем, что они получают от верующих, огромные прибыли к ним поступают с капиталов, вложенных в промышленные предприятия.

Еще в середине XIX в. католическая церковь в ряде европейских стран была крупным землевладельцем. Главным источником ее доходов (если не считать того, что она получала от верующих за требы) была земля. По данным на 1858 г., в Италии (без Папской области) католическая церковь (вместе с католическими орденами) получала ежегодно от земель, домов, ферм и капиталов (оценивавшихся в общем в 2 млрд. франков) доход в сумме 75 266 416 франков. Эта сумма складывалась из следующего[22]:

Источники доходов	Франки
Земля	40 522 325
Фермы	20 708 253
Капиталы .	5 890 056
Дома	5 503 669
Прочие	3 642 113

Как видно из этих данных, преобладающую часть своих доходов (61 млн. из 75 млн. франков) католическая церковь Италии получала от своих земель и ферм и лишь сравнительно небольшую часть (около 6 млн.) — от капиталов. Следователь-

---

[21] Цит. по C. S. Phillips. The church in France 1848—1907. New York, 1936, p. 164.

[22] По данным журн. «Отечественные записки», т. 157, 1864, ноябрь, стр. 127—128. СПб.

но, еще в середине XIX в. католическая церковь (не только в Италии, но и во всех европейских странах) выступала прежде всего как крупный землевладелец. Это обстоятельство отражало феодальный по преимуществу характер католицизма и его учреждений.

В эпоху империализма положение и в этой области коренным образом изменилось. Религиозные учреждения стали крупными капиталовладельцами. В Баварии, например, по данным на 1910 г., всё состояние церковных организаций оценивалось в 719 млн. марок. Из них стоимость земли и лесов составляла 103 млн., стоимость церковных зданий — 299 млн. Капиталы же церквей составляли 318 млн. марок [23].

В Испании, где католицизм более, чем в других странах Европы, сохранил характер феодальной религии, церковь выступает крупнейшим землевладельцем. В то же время учреждения католицизма, в частности орден иезуитов, уже в конце XIX в. выступили и как крупнейшие предприниматели и банкиры. Через подставных лиц иезуиты и церковь в этой стране владеют банками, коммунальными учреждениями, промышленными предприятиями и пароходными линиями. В корреспонденции из Испании, опубликованной в 1910 г., говорится: духовенство превратило «былые места молитвы в современные фабрики и заводы... Все, начиная с четок и изображений святых и кончая кружевами для дамского белья, можно получить в любом монастыре гораздо дешевле, скорее и удобнее, чем в специально занимающемся этим заведении. Даровой труд многочисленных послушников и братии позволяет монастырям вести, в широких размерах, самые разносторонние индустриальные предприятия, подрывая дешевизной возникающие рядом светские производства...» [24].

Во Франции многочисленные монашеские конгрегации, существовавшие в стране в конце XIX в., занимались промышленной деятельностью. У них были свои предприятия (портняжные мастерские, шоколадные фабрики, сыроваренные заводы, гостиницы), магазины, они вели оптовую торговлю вином и др.

О порядках, существовавших на монастырских предприятиях, можно судить по следующему, далеко не единичному примеру. Женский монастырь «Доброго Пастыря» имел к 1903 г. 221 приют, где, кроме 7 тыс. монахинь, проживало 48 тыс. работниц. Монастырь принимал в свои приюты одиноких женщин, девушек и сирот и безжалостно эксплуатировал их на своих предприятиях. Даже представители духовенства признавали, что в монастыре существуют каторжные условия труда. Епис-

---

[23] «Religions und kirchliche Statistik», München, 1921, S. 90.
[24] «Вестник Европы», 1910, август, стр. 341.

коп Тюринац из Нанси, например, заявил, что «во всей стране нельзя было бы найти более безбожного работодателя, более эксплуатирующего своих работников и работниц, нежели монахини, которые эксплуатируют своих питомниц под видом благотворительности». Работницы занимались вышиванием. Вследствие невероятно скверных условий труда и плохого питания у них болели глаза, они страдали малокровием, а смертность среди них была очень большая. Монахини строго следили за тем, чтобы у работниц не было никакой связи с внешним миром. Вопрос об этих порядках, в связи с запросом депутата-социалиста в парламенте, был предметом административного следствия, собравшего большой материал о капиталистической эксплуатации на монастырских предприятиях [25].

Предпринимательской деятельностью занимались уже к концу XIX в. монастыри и в Бельгии. По свидетельству Луи де Бруккера, в Бельгии монастырь «дает работу бедным сиротам в своих мастерских, он устраивает детей в своих школах, он раздает работу бедным деревенским кружевницам. А так как он платит рабочим чрезвычайно мало, то и свои продукты он может продавать дешевле, чем обыкновенные ремесленники. Он разоряет таким образом прачек и портных. В курортах он устраивает дешевые гостиницы, он фабрикует пиво, ликеры, шоколад, тысячи вещей, сбыт которых все увеличивается. Вместе с тюрьмами монастырь практикует каторжную работу...» [26].

Крупными капиталовладельцами с начала XX в. выступили религиозные учреждения, в частности католические, в США, причем их богатства с того времени значительно возросли. Теодор Драйзер пишет об американских церквях 30-х годов XX в.: «Несметные богатства — вот что создает церкви ее огромный престиж. Приношения верующих 25 исповеданий и сект за один только 1928 год составили по всей Америке 402 682 981 доллар 82 цента. Что по сравнению с этим походы какого-нибудь нефтяного концерна!..»

Доброхотные даяния верующих вместе с процентами на завещанные церкви вклады за 1928 г. принесли 25 исповеданиям и сектам, существующим в США, доход в 532 386 714 долларов Владея капиталами, пишет Драйзер, церковь может «оказывать огромное влияние на управление страной, а также на всю нашу систему просвещения» [27]. Значительную часть этих капиталов сосредоточила в своих руках католическая церковь, которая стала владельцем акций промышленных предприятий, нефтяных компаний, каучуковых плантаций и т. д.

---

[25] «Мир божий», 1903, март, стр. 55—57.

[26] Гендрик де Ман и Луи де Бруккер. Рабочее движение в Бельгии. М., стр. 80. Книжка впервые появилась на немецком языке в 1911 г.

[27] Драйзер. Соч., т. XI. М., 1954, стр. 256, 257.

Крупнейшим капиталистом и банкиром в эпоху империализма выступает Ватикан. Золотыми цепями связан он с международным финансовым капиталом. В его сейфах хранятся акции капиталистических трестов разных стран, он заинтересован в производстве оружия и пороха, в колониальной эксплуатации.

Ватикан был связан с банкирскими домами и в период средних веков. Иной характер стали носить эти связи при капитализме и особенно в период империализма, когда интересы папства переплелись с интересами финансового капитала.

В 1899 г. Вильгельм II поручил германскому военному атташе в Риме Энгельбрехту ознакомиться с финансовым положением Ватикана в связи с сообщением из Парижа, что оно тяжелое. Из этого обстоятельства, по мнению кайзера, итальянский двор мог бы извлечь пользу. В своем докладе Энгельбрехт сообщал, что после смерти Пия IX состояние Ватикана составляло 80 млн. лир. По совету французского спекулянта Бонту Лев XIII решил капитализировать достояние Ватикана. Был создан банк «Банко ди Рома» (1880 г.), который принял активное участие в финансовых операциях и в предприятиях всякого рода. В итоге этой финансовой деятельности и благодаря поступлениям в виде «лепты Петра», сообщал Энгельбрехт, к настоящему времени (т. е. к концу 1899 г.) состояние Ватикана оценивается в 140 млн. лир. Кроме того, недвижимость Ватикана оценивается в 12—15 млн. лир. Годовой бюджет Ватикана составляет 6 млн. лир [28]. В числе других представителей итальянской аристократии, которые участвовали в учреждении ватиканского банка, была и семья банкиров Пачелли, из которой вышел папа Пий XII [29].

Джолитти сообщает о финансовых спекуляциях «Банко ди Рома», ставших известными в 1892—1893 гг., о выпуске фальшивых облигаций на много десятков миллионов лир [30].

Представитель царского правительства при Ватикане Губастов писал Ламздорфу (министру иностранных дел) в июле 1903 г., что денежные пожертвования католиков всех стран в Ватикан составляют в среднем 6—7 млн. франков в год, а в юбилейные годы — до 10—12 млн.[31].

Тот же Губастов сообщал в феврале 1903 г. Ламздорфу, что в связи с 25-й годовщиной своего избрания на папский престол Лев XIII пожертвовал из собственных сумм бедным 50 тыс. лир. По этому поводу, по словам Губастова, газета

---

[28] «Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd., Stuttgart-Berlin, 1928, S. 330—332.

[29] О «Банко ди Рома» см. интересное исследование. A. Nowicki. Watykański bank Pacellich. Warszawa, 1952.

[30] G. Giolitti. Memoirs of my life. London, 1923, p. 78—82.

[31] Архив Внешней политики России (АВПР), ф. Ватикан, д. 11, л. 124.

«Оссерваторе романо», ватиканский орган, писала, что этот дар исходит от «почитаемого всеми старца, принужденного жить в бедности, в нужде и одними подаяниями преданных ему сынов...» [32]. Но вот через несколько месяцев, в том же 1903 г., папа Лев XIII умер. В своей депеше от 2 (15) декабря 1903 г. Ламздорфу Губастов писал из Рима: «Настоящая цифра скопленного им (Львом XIII.— *М. Ш.*) богатства в точности неизвестна. По словам одних, она простирается до 32—35 млн. лир, а другие уверяют, что она превышает 40 млн. лир. Капиталы помещены в процентные бумаги как итальянские, так и иностранные». Кроме того, Лев XIII «оставил еще наличными деньгами до 700 тысяч лир, как расходы по своему погребению, так и на издержки, сопряженные с конклавом» [33]. Такими на самом деле были капиталы (40 млн. лир!) этого «бедного старца», который, по уверению «Оссерваторе романо», «жил в нужде» на «подаяния» верных сынов церкви. И когда он из своих 40 млн. отдал бедным 50 тыс. (т. е. одну восьмисотую), то это было представлено как выдающийся акт человеколюбия!

При преемниках Льва XIII капиталы Ватикана во много раз увеличились, а активное участие папского престола в капиталистическом предпринимательстве приняло, правда замаскированно, широкие размеры. Об этом можно судить по ряду данных, появившихся в печати. «Нет в Италии такой области экономической деятельности, пишет итальянский писатель, деятель рабочего движения, Дж. Джерманенто,— где бы Ватикан не имел капиталов, в одном случае непосредственно владея акциями, в другом — косвенно, через подставных лиц, руководя предприятиями, фактически принадлежащими Ватикану. Через семьи известных финансистов и промышленников — Ногара (министра финансов Ватикана), Пачелли (племянник папы, возведенный Муссолини в княжеское достоинство), Галеацци, Саккетти и т. д.— Ватикан контролирует наиболее важные акционерные общества. Он держит контрольный пакет акций в 31 обществе, капитал которых достигает 33 миллиардов лир; владеет акциями во всех областях экономической и финансовой деятельности общим капиталом в 25 миллиардов лир (электрическая промышленность, химическая, текстильная и т. д.). Ватикан связан с такими крупными итальянскими банками, как Коммерческий банк, банк «Святого духа», Римский банк и т. д.» [34].

---

[32] Архив Внешней политики России (АВПР), ф. Ватикан, д. 11.
[33] Там же, л. 219.
[34] Дж. Джерманенто. «Святой год» и политика Ватикана. «За прочный мир, за народную демократию», 11 августа 1950 г.

Финансово-промышленная деятельность Ватикана никогда не ограничивалась пределами Италии. Его капиталы вложены в промышленность Франции, Швейцарии, Испании, в коммунальные учреждения Южной Америки, в военные предприятия США и многих других стран [35].

В. И. Ленин указывал, что характерной чертой империализма является господство монополий и финансового капитала. Капиталистические монополии поставили под свой контроль государственный аппарат, науку, литературу, искусство.

Крупный капитал контролирует и религиозные организации. В США «церковь контролируют те же капиталистические группы, которые контролируют экономическую жизнь» [36]. То же имеет место во всех буржуазных странах. Август Бебель говорил в 1902 г.: «Так же как некогда церковь выступала за рабство и за крепостничество она ныне выступает за сохранение системы наемного труда и капиталистического хозяйства» [37].

В средние века, когда католицизм был феодальной религией, а католическая церковь — феодальной организацией, верхушка церкви — папы, кардиналы, епископы, аббаты монастырей и т. д.— подбиралась главным образом из аристократических семей. В эпоху империализма верхушка католической церкви не только по своему положению, но и по родственным связям и образу жизни близка к миру банков, промышленности и денег.

Переплетение интересов католической церковной верхушки с интересами финансовой и промышленной буржуазии не привело, однако, к ослаблению связей папства с феодальной аристократией там, где последняя сохранила влияние. Сама церковь в ряде государств, например в Испании, Португалии, Италии, Франции, и в эпоху империализма выступает и как крупный землевладелец.

Крупным землевладельцем вплоть до окончания второй мировой войны была католическая церковь в буржуазной Венгрии, Польше, Чехословакии. Неудивительно, что Ватикан и католическая иерархия всеми силами боролись за сохранение привилегий крупных помещиков в этих странах и за феодальные привилегии самой церкви.

Таким образом, в эпоху империализма Ватикан и католицизм срослись с империализмом, капитал вторгся в церковь и завоевал там руководящие позиции.

---

[35] О переплетении экономических интересов Ватикана и крупнейших международных капиталистических монополий см. И. Лаврецкий. Ватикан. М., 1957.

[36] Д. Дэвис. Капитализм и его культура, стр. 383.

[37] August Bebel. Auswahl aus seinen Reden. Berlin, 1926, S. 45.

МОДЕРНИЗМ В КАТОЛИЦИЗМЕ

Приспособление католицизма к капитализму не сопровождалось изменением в области католического вероучения. Одной из особенностей католицизма является то, что он принес в XX в. свои средневековые представления. Консервативность католицизма, его нетерпимость ко всему новому, прогрессивному привлекает к нему современную буржуазию, которая сама боится поступательного, прогрессивного развития общества. Попытки модернизировать католическое вероучение были встречены крайне враждебно Ватиканом и в конечном счете успеха не имели.

Стремление определенной части церковных деятелей примирить и согласовать католицизм с современностью, учитывая как новые явления в обществе, так и прогресс науки (в частности, в области религиозной критики), а также рост культурного уровня людей, сознание которых не может мириться со многими средневековыми представлениями католицизма, породило в конце XIX — начале XX в. в церкви течение, получившее общее название «модернизм».

Идеологи модернизма и крупнейшие его представители были католическими богословами. Изучение истории церкви, в частности раннего христианства и книг священного писания, убеждало их в том, что многое из традиционного учения католицизма не выдерживает научной критики и церковь для сохранения своего влияния должна отбросить явно устаревшее и перестроиться в соответствии с новыми условиями жизни.

Идеи модернизма имели сторонников во Франции, Германии, Англии, Италии и других европейских странах.

Еще раньше, в конце XIX в., модернистские идеи в более ограниченной форме получили распространение в католической церкви в США, где они встретили сочувствие и среди представителей высшего духовенства. Папство и официальное церковное руководство окрестило это течение в среде американского духовенства «ересью американизма».

Характерным для «американской ереси» являлось стремление обеспечить больше самостоятельности (от Рима) для американской церкви и требование применять новые методы католической пропаганды среди многонациональных групп, иммигрировавших в США.

Одним из проповедников этих взглядов был выходец из Германии священник Исаак Геккер. Еще в 50-х годах XIX в. он выдвинул идею завоевания католической церковью протестантского населения США. В 1858 г., с одобрения папы Пия IX, им был создан для этой цели орден под названием «Священники миссионеры апостола Павла». Геккер состоял генералом ордена до

1871 г. Геккер считал, что католицизм будет иметь в США успех тогда, когда изменит методы пропаганды в соответствии с американскими условиями. Свои взгляды он изложил в 1871 г. в анонимной книге «Церковь». Геккер писал, что бог никогда не повторяется, а создает все новые формы, в которых он отражается; методы, которыми бог открывается человечеству, меняются [38]. Отсюда он делал вывод, что должна существовать большая, чем раньше, свобода в сфере церковной жизни, что единообразие, построенное на дисциплине, должно смениться разнообразием, что в промышленный век такие евангельские идеалы, как безбрачие, бедность и послушание, не имеют религиозно-моральной ценности.

Папство усмотрело в новом течении среди американских католиков большую опасность: тенденцию не только к пересмотру католического вероучения в сторону «либерализации», но, что еще хуже,— к ослаблению церковной централизации, к самостоятельности американской церкви от Рима, к превращению ее из части «вселенской» в самостоятельную американскую католическую церковь.

Действительно, среди влиятельных американских иерархов (Гиббон, Айрланд) в то время намечалась определенная тенденция к американизации католицизма в США, тенденция, вполне совпадавшая с интересами буржуазии этой страны. В 1891 г. архиепископ балтиморский Гиббон писал: «...если церковь хочет пустить глубокие корни в стране и процветать, она должна опираться на людей, выросших на ее (т. е. американской.— *М. Ш.*) почве, воспитанных дома, дышащих духом страны, растущими вместе с ее ростом и находящихся в гармонии с ее гражданскими и политическими учреждениями» [39].

Представители американской иерархии хотели, чтобы католицизм и его учреждения в США рассматривались не как «иностранные» организации, а как американские. Они считали, что для этого католицизм должен отказаться от консерватизма, непримиримости к буржуазно-демократическим учреждениям и свободам, от открытой вражды к науке, должен действовать более умно и более гибко. Американские иерархи признавали принцип отделения церкви от государства (в США в условиях многонационального и многорелигиозного населения отказ от этого принципа был бы причиной постоянных межрелигиозных столкновений), в то время как в странах Европы католицизм решительно выступал против этого принципа.

Представитель царского правительства России при Ватикане Чарыков писал 14(26) февраля 1899 г. министру иностран-

---

[38] См. В. Керенский. Римскокатолический модернизм. Харьков, 1911, стр. 10.

[39] Цит. по Th. Maynard. The story of american catholicism, p. 503.

ных дел Муравьеву, что сущность вопроса об американизме «заключается в следующем: может ли римско-католическая церковь, являющаяся специфическим продуктом латинской культуры и, в частности, города Рима, основанная на слепом подчинении авторитету и привыкшая опираться на светскую правительственную власть..., может ли эта церковь в теперешнем ее виде существовать и преуспевать в Северной Америке, где господствует культура англо-германская, где жизнь общественная и частная основана на свободе и самодеятельности и где церковь совершенно отделена от государства»? [40].

Курс на «американизацию» порождал сепаратистские тенденции в американском католицизме, стремление ослабить власть папства над американской церковью. Это последнее обстоятельство больше всего беспокоило Ватикан, где готовы были сквозь пальцы смотреть на некоторые новшества в американской церкви, но не могли терпеть умаления власти папского престола. В 1899 г. появилась папская энциклика «Testem benevolentiae», адресованная балтиморскому архиепископу Гиббону, в которой осуждалась «ересь американизма». В отличие от аналогичных актов папского престола, это осуждение было составлено весьма дипломатично. Чарыков писал (14 (26) февраля 1899 г.), что в послании к архиепископу Гиббону Лев XIII «решает вопрос в пользу интересов папства с удивительным остроумием и гибкостью» [41].

Папа осудил догматические утверждения Геккера и его сторонников, которые расходятся с учением церкви, и при этом заметил, что если под названием «американизм» разуметь положения Геккера, то «американизм» должен быть осужден, если же под этим термином понимать особенности законов, обычаев и национального характера, свойственные американцам и иным народам, то нет повода отвергать «американизм» [42].

Из бесед о папском послании с компетентными лицами Чарыков, по его словам, «вынес впечатление, что решение Льва XIII действительно послужит на пользу развития римского католицизма в Северной Америке». Для папства важно, писал он далее, не довести в вопросе об американизме до раскола, чтобы не утратить политического влияния в стране и заодно те материальные средства, какие оно оттуда получает [43].

В свою очередь и американская католическая иерархия не намеревалась порвать с Римом и образовать независимую от него американскую церковь, т. е. порвать с традицией, которая придает католицизму ореол церкви, возглавляемой преемни-

---

[40] АВПР, ф. Ватикан, д. 6, л. 25.
[41] Там же, л. 26.
[42] Там же.
[43] Там же, л. 27.

ком «князя апостолов». От имени американского епископата архиепископ Айрланд, ездивший в Рим, чтобы заверить папу в верности ему американской церкви (американские иерархи отрицали наличие в США «ереси американизма»), благодарил Льва XIII за выяснение «недоразумения» и заявил о подчинении американских епископов и верующих папе.

В августе 1900 г. на приеме по поводу своих имении Лев XIII, как сообщал представитель России при Ватикане Сазонов, был особенно предупредителен к присутствовавшему американскому архиепископу Айрланду. По словам Сазонова, чтобы положить конец толкам о стремлении к независимости американских католиков, Лев XIII задал Айрланду на этом приеме два вопроса по основным пунктам римско-католического мировоззрения: 1) о единстве высшего управления римской церкви и 2) о светской власти ее главы. По обоим этим вопросам Айрланд дал папе вполне успокоительные ответы, «принятые престарелым папой с видимым удовольствием...» Эти заявления, писал Сазонов, «какова бы ни была их цена при указанной выше обстановке, будут несомненно истолкованы в Ватикане, как принятие католическим населением в Северной Америке ультрамонтанского учения во всей полноте его объема» [44].

Деятельность модернистов во Франции, Германии и некоторых других европейских странах сосредоточилась главным образом на критике церковной истории христианства, так называемых «священных» книг и ряда основных положений католицизма.

Видным представителем модернизма во Франции был аббат Альфред Луази (1857—1940 гг.), преподаватель древнееврейского языка и библейской экзегетики в католическом институте в Париже. Когда он стал применять историко-критический метод к изучению библии, его (в 1893 г.) удалили из института. Появление французского издания книги Гарнака «Сущность христианства» дало повод Луази выступить с книгой «Евангелие и церковь». Луази, возражая Гарнаку, писал, что сущность христианства надо вывести не из материалов о жизни Иисуса и не из евангелий [45]; для исследователя Иисус не бог, а еврейский Мессия, все то, что относится к его до и после земной истории, не является предметом научного исследования; Иисус был не представителем раз навсегда данного откровения, а зачинателем религиозного движения, сила которого проявилась в про-

---

[44] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, л. 103.

[45] В своих лекциях «Сущность христианства» Гарнак пишет: Куда обратиться, чтобы ответить на вопрос — что такое христианская религия?, и отвечает: «Ответ на это прост и исчерпывающ: «К Иисусу Христу — и Его Евангелию» (А. Гарнак. Сущность христианства. СПб., 1907, стр. 11).

цессе развития; сама церковная догма не неизменна, а развивалась на протяжении столетий.

В 1903 г. Луази выпустил вторую книгу — «Вокруг одной маленькой книги», в которой обосновал те же идеи. Эти две книги и появившаяся в 1903 г. книга Луази о четвертом евангелии были Ватиканом в том же году включены в Индекс запрещенных книг.

Луази утверждал, что церковные догмы, таинства и законодательство эволюционируют и меняются. Тем самым им отвергалось церковное учение о божественном происхождении и неизменности догматов и таинств. Он отвергал «боговдохновенность» библии и отстаивал право на историческую библейскую критику. Луази доказывал, что ветхозаветные книги составлялись постепенно, на основании еврейских и иных преданий, что они написаны людьми, что «Моисеево пятикнижье» не написано Моисеем.

Дважды церковь заставила Луази признать ошибочность своих взглядов, а в 1908 г. он был отлучен от церкви. В 1909 г. Луази был избран на кафедру истории Collège de France, что несомненно явилось демонстрацией прогрессивных кругов французской интеллигенции против Ватикана и протестом против гонений на Луази.

Об отношении Ватикана и католической иерархии к Луази мы узнаем некоторые подробности и из дипломатических документов.

Представитель царского правительства при Ватикане Губастов сообщал министру иностранных дел Ламздорфу 16(29) декабря 1903 г., что во французской богословской литературе происходит в настоящее время довольно неприятное для Ватикана движение, во главе которого стоит молодой даровитый и популярный профессор аббат Альфред Луази. В прошлом году он вступил в полемику с берлинским профессором Гарнаком по поводу его книги «Сущность христианства». Увлеченный предметом и спором, он высказал некоторые положения об учении Христа и особенно о догматах римской церкви, которые признаны были парижским архиепископом антикатолическими. Кардинал Ришар запретил его книгу «Евангелие и церковь», как изданную без разрешения духовной цензуры, и просил курию внести ее в Индекс.

Лев XIII не спешил с этим и передал книгу на рассмотрение комиссии для изучения священного писания. Последняя тоже не спешила осудить автора — одного из лучших современных экзегетов.

Аббат Луази, однако, выпустил недавно в свет ряд своих писем по богословским вопросам к разным духовным лицам, в которых смело оспаривает не только правильность взглядов этих

лиц, но и самой римской церкви на самые сложные вопросы, а именно: способ составления библии, значение четвертого евангелия среди других книг Нового завета, установление таинств и, наконец, критически рассматривает вопрос об авторитете церкви.

Как только это новое сочинение («Autour d'un petit livre») появилось, Ришар прибыл в Рим и потребовал скорейшего осуждения книги Луази. 16 декабря (1903 г.) римская инквизиция осудила пять его книг. Теперь, писал Губастов, его духовное начальство потребует от него уничтожения его сочинения и отречения от заблуждений [46].

Большую критическую работу в области истории церкви проделал католический историк аббат Луи Дюшен (1843—1922 гг.), много лет занимавший кафедру церковной истории в католическом институте в Париже. Недовольство в официальных церковных кругах вызвала его книга «История древней церкви». Против автора было выдвинуто обвинение, что в своем критическом подходе к истории церкви он умалчивает о «сверхъестественном» факторе в ее истории [47].

Дюшен не выступал со столь радикальной критикой церковной традиции, как это делал Луази. Он был даже против такой критики. В предисловии к своей книге Дюшен пишет: «Увлечение безрассудными системами, в которых особенно отличалась Тюбингенская школа, теперь прошло; правда, их место заступили другие, ибо человеческий ум всегда плодовит на странные теории, но существует среднее направление, представленное суждениями серьезных и здравомыслящих людей, и оно-то становится авторитетом для всех спокойно судящих о предмете. Мне нет надобности говорить, что я считаю себя сторонником этого направления» [48]. Но сам по себе критический подход к истории церкви, при котором исключается вмешательство сверхъестественных сил, неприемлем для папства (так же как и для многих других исповеданий).

Дюшен подвергся гонениям со стороны церковной иерархии. Он был отстранен от преподавательской деятельности в католическом институте, его книга была включена в Индекс запрещенных книг. Даже в консервативных кругах Франции преследование Дюшена вызывало протесты. В 1910 г. его кандидатура была выдвинута во Французскую академию. В противовес ему ультрамонтаны выдвинули кандидатуру ректора парижского

---

[46] АВПР, ф. Ватикан, д. 11, лл. 237—239.

[47] В 1955 г. в своем выступлении перед делегатами всемирного конгресса историков в Риме папа Пий XII заявил, что католическая церковь имеет божественное происхождение и сверхъестественный характер (см. «New York Times», 8.IX 1955).

[48] Л. Дюшен. История древней церкви, т. I. М., 1912, стр. X.

Католического института Бордийяра (впоследствии кардинал). Избранным оказался Дюшен.

В Германии видным представителем модернизма был Германн Шелль (1850—1906 гг.) — профессор апологетики, истории христианского искусства и археологии в Вюрцбургском университете.

В своей книге «Католицизм, как принцип прогресса» (1897 г.), написанной в значительной мере под впечатлением скандального для католической церкви дела Лео Таксиля, Шелль высказался против веры в чудеса, в дьявола, в ведьм, против опеки духовенства над мирянами, против господства иезуитов в церкви. Он отвергал католическое учение о вечных муках за гробом. В книге «Новое время и старая вера» (1899 г.) Шелль отвергал «вульгарный» католицизм и противопоставлял ему «настоящий» или «идеальный», допускающий свободу убеждений верующего и не находящийся в противоречии с наукой. Шелль заявлял, что догмат меняется с прогрессом общества.

Книги Шелля были в 1898 г. внесены в ватиканский Индекс запрещенных книг. Сам же он подвергался постоянным нападкам церковных иерархов и иезуитов [49].

В Англии видным представителем модернизма был иезуит Тиррель (1861—1909 гг.). По его словам, модернистом он называет церковника, «который верит в возможность синтеза основной истины своей религии и основной истины современности». Больше 20 лет Тиррель занимался изучением и обоснованием схоластики, а также исследованием библии. Историко-критический подход к изучению библии привел его к столкновению с церковью. Он пытался истолковать католическую догматику в ином, чем церковь, духе. Тиррель доказывал, что догматы эволюционируют, что важен в них моральный смысл. В 1906 г. он был исключен из иезуитского ордена и после этого подчинился курии. Однако выступление против папской энциклики 1907 г. о модернизме повело к отлучению его в том же году от церкви.

---

[49] Ватикан умеет мстить не только живым, но и умершим. В 1907 г. в Германии был образован комитет для постройки памятника Шеллю. В комитет вошли и некоторые католические деятели, в том числе архиепископ Бамбергский и епископ Пассау. В связи с этим папа Пий X обратился с письмом на имя венского теолога Коммера, в котором хвалил его за критику Шелля, и напомнил, что некоторые сочинения Шелля осуждены церковью. Люди, которые чтут Шелля и участвуют в сооружении ему памятника, писал папа, или не знают католической веры, или выступают против авторитета св. престола. Папа одобрительно отозвался о тех, кто высказывался против Шелля (см. «Schulthess'Europäischer Geschichtskalender», München, 1907, S. 125—128).

Ватикан преследовал Тирреля и после смерти, запретив хоронить его по церковному обряду.

Для модернизма в Англии, по словам его сторонников, характерно то, что он признает эволюцию в науке и критический метод в истории, он требует не отказа от основных положений христианства, а их пересмотра в свете растущего знания; модернизм стремится сочетать два взгляда на историю христианства: эволюционный и другой, видящий в его истории действие вдохновления; модернизм является попыткой обновить христианство не только внешне, но и внутренне; он стремится сохранить от религии прошлого все важное, но в то же время «хочет мыслить мыслью и говорить языком настоящего»; модернизм является попыткой части мыслителей преподать «христианские истины» в терминах современного знания, а не в терминах далекого прошлого [50].

Видным представителем модернизма в Италии был священник Ромоло Мурри (1870—1944 гг.), один из основателей христианско-демократического движения в этой стране.

Мурри и его единомышленники свое внимание сосредоточили не на вопросах богословия, а на социально-экономических.

Таким образом, модернизм в конце XIX — начале XX в. выступил как распространенное среди католических богословов течение, весьма неоднородное по своему характеру. Его представители с разных сторон подвергали пересмотру основные догматы католицизма и практику католической церкви. Они не думали рвать с церковью, но логика борьбы приводила их к этому; иначе они должны были бы отказаться от своих взглядов и подчиниться предписанию Ватикана.

Взгляды модернистов можно свести к следующим положениям: религия — факт совести, она создается человеком; культовые формы — чуждый для христианства элемент; откровение не имеет исторического основания, рассказы откровения имеют такое же значение, как поэмы; священная история — это история христианских видений, но не подлинных событий; догматы не имеют значения вечных истин, а являются выражением внутреннего религиозного состояния и потому меняются; в евангелиях нельзя найти основание для христианских догматов; Иисус не основал церковь, и церковь не является божественным учреждением. Из этого вытекает, что католическая церковь не является единственным «спасающим» институтом. Некоторые из модернистов, исходя из последнего положения, отвергали учение о верховной власти папы, так же как и учение о его непогрешимости. Модернисты отвергали божественность Христа и чудеса, которые он будто бы творил. Они отвергали и

---

[50] Encyclopediae Britannica, v. 15, London. 1951, p. 638.

догмат о первородном грехе, учение о существовании ада и загробных мук [51].

Такой программы придерживались далеко не все модернисты, и перечисленное является сводкой взглядов разных представителей модернизма. Как замечает прогрессивный историк католического движения в Италии Дж. Канделоро, модернизм принимал «самые разнообразные формы, в зависимости от области, в которой оно проявлялось. Так, например, появился философско-догматический модернизм... Появился и историко-экзегетический модернизм, в основе которого лежало новое историко-критическое толкование Нового и Ветхого заветов и вообще истории христианства... Другой разновидностью модернизма был социально-политический модернизм, объединявший наиболее радикальные христиано-демократические течения, как, например, течение Мурри... Следовательно, модернизм отнюдь не представлял цельной идеологической системы, а, напротив, носил на себе отпечаток самых разнообразных влияний позитивистского, идеалистического, прагматического толка. Это было течение, изобиловавшее различными оттенками и тенденциями, подчас противоречивыми...» [52].

Папство почуяло в модернизме большую опасность и обрушилось на него всей силой своего церковного аппарата. Оно запрещало книги модернистов, включало их в Индекс [53], отстра-

---

[51] См. В. Керенский. Римско-католический модернизм, стр. 33—47.

[52] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италин. М., 1955, стр 338.

[53] В изданный Ватиканом в 1948 г. Индекс запрещенных книг внесены следующие книги известных идеологов модернизма: Дюшен Луи — «История древней церкви», внесена в Индекс декретом от 22 января 1912 г. Луази Альфред — «Исследование Евангелий», «Евангелие и церковь», «Четвертое евангелие», «Вокруг одной маленькой книги», «Религия Израиля», внесены в Индекс декретом инквизиции 16 декабря 1903 г.; «Записки по истории религии нашего времени», «Все сочинения», внесены в Индекс декретом инквизиции от 1 июня 1932 г., «Кризис морали нашего времени и воспитание человечества», «Жорж Тиррель и Генри Бремонд», «Мандеизм и раннее христианство», «Возникновение христианства», «Происхождение Нового завета», «Религия Израиля» (третье издание), «Заметки об эпистолярной литературе Нового завета», «Существуют ли два источника религии и морали», включены в Индекс декретом инквизиции 20 июля 1938 г. Мурри Ромоло — «Проблемы современной Италии», т. 1 — «Клерикальная политика и демократия», внесена в Индекс декретом от 4 января 1909 г.; «Современная борьба», «Демократия и христианство», «Новая философия и энциклика против модернизма», «Религиозная жизнь в христианстве», внесены в Индекс декретом от 5 июля 1909 г. Шелль Германн — «Католическая догматика в шести книгах», «Католицизм как принцип прогресса», «Божественная истина христианства в четырех книгах», «Новое время и старая вера», внесены в Индекс декретом от 15 декабря 1898 г. (Index Librorum Prohibitorum). Ватикан, 1948, стр. 146, 286—287, 335, 431». Это лишь небольшая часть модернистской литературы которую Ватикан ныне запрещает верующим людям читать.

няло модернистов от преподавательской деятельности в католических учебных заведениях, отлучало от церкви и т. д. Борьбу с модернизмом начал папа Лев XIII. В декабре 1902 г. в энциклике к итальянскому духовенству по вопросу об обучении в католических семинариях Лев XIII заявил, что задача обучения заключается в том, чтобы противодействовать проникновению в среду духовенства несвойственных ему идей. «В мире,— говорится в энциклике,— есть тяготение к неразумным и печальным новшествам, но священство должно быть выше изменяемости мнений и систем человеческих...[54]. Лев XIII призывал духовенство быть непримиримыми к «неразумным и печальным новшествам» (он не забывал при этом нападать на социализм), но в то же время советовал «разумно сообразоваться с условиями времени».

Пий X сделал борьбу с модернизмом центральной задачей своего управления церковью. Католический историк папства Людвиг Пастор записал после приема у папы Пия X 17 октября 1903 г., т. е. вскоре после избрания последнего на папский престол: «Что касается отношения к либеральным идеям, то, думаю, что новый папа будет суровее, чем Лев XIII»[55].

В своем выступлении в декабре 1904 г. Пий X, обращаясь к католическим епископам, заявил: «Смотрите внимательно за вашими семинариями и за кандидатами в священники... Одушевленные господствующим ныне духом необузданной критики, молодые клирики потеряли всякое уважение к науке, идущей от... отцов и учителей церкви...» Папа призывал изгонять вольнодумцев из семинарий.

4 июля 1907 г. конгрегация инквизиции опубликовала новый Силлабус, перечень осужденных ею 65 положений, в которых сформулированы основные взгляды модернистов (или «либеральных католиков»).

Первый Силлабус, или перечень «заблуждений нашего века», как уже было отмечено, издан в 1864 г. папой Пием IX. В нем подвергались осуждению научные открытия, свобода печати, слова, свобода совести. Через 43 года Пий X выступил с новым Силлабусом, в котором осуждается критика церковной догматики и авторитета.

Силлабус Пия X осуждал взгляды, направленные против церковной цензуры книг. Осуждался взгляд, что церковь не может выносить суждения относительно чисто человеческих знаний, осуждалась критика библии и положения о том, что бог не является ее действительным автором.

Силлабус Пия X осуждал также положения, расходящиеся

---

[54] Цит. по журн. «Церковный вестник», СПб., 1903, № 4.

[55] Ludwig Freiherr von Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, 1854—1928. Heidelberg, 1950, S. 420.

с церковным учением о христианских догматах и откровении: утверждение, что догматы не являются истинами, данными богом, а являются родом толкования религиозных истин, что между тем, что рассказывает священное писание, и между положениями церкви могут и существуют расхождения, что догматов веры надо придерживаться лишь в связи с их практическим значением, т. е. как норм поведения. Силлабус осуждал положения, расходящиеся с церковным учением о божественности Христа и о божественном происхождении и значении таинств.

Ряд пунктов Силлабуса осуждал взгляды модернистов по вопросу церковного устройства: осуждал взгляд, что церковное устройство не неизменно, что Петр никогда и в мыслях не имел, что Христос поручил ему первенствующее место в церкви (такой взгляд подрывал самое важное для папства учение церкви: ведь с учением об апостоле Петре католическая церковь связывает свое учение о папе, как преемнике Петра).

Силлабус осуждал положение, что римская церковь только в силу политических обстоятельств (а не по божественному установлению) стала во главе всей западной церкви.

Таким образом, Силлабус Пия X в сжатой форме отверг все основные положения модернизма [56]. Изданный против модернизма, он по существу был направлен вообще против научного исследования в области истории религии, христианства и церкви. Изданием нового Силлабуса Ватикан рассчитывал запугать католические массы, восстановить их против «бунтовщиков» модернистов.

Сазонов, тогдашний посланник России при Ватикане, сообщал 10(23) июля 1907 г., что в беседе с ним статс-секретарь Ватикана кардинал Мерри дель Валь заявил, что он не рассчитывает на прекращение дальнейших успехов рационализма с появлением нового Силлабуса, но он «надеется лишь, что оно предохранит от вредного влияния рационалистической критики многих католиков» [57].

Вслед за Силлабусом, 8 сентября 1907 г., появился новый папский документ против модернизма — энциклика «Pascendi Dominici», расширяющая основные положения Силлабуса. Она представляет собой обширное послание к «патриархам, примасам, архиепископам, епископам и другим местным властям».

Модернисты, писал в своей энциклике Пий X, исходят в своих философских воззрениях из учения, называемого агностицизмом, из которого вытекает, что бога познать нельзя, он не является предметом науки и его нельзя рассматривать как

---

[56] Текст см. L. Wahrmund. Katholische Weltanschauung und freie Wissenschaft. München, 1908. S. 51—55.

[57] АВПР, ф. Ватикан, д. 21, л. 16.

деятеля истории. Такой взгляд, заявляет папа, осужден уже Ватиканским собором 1870—1871 гг., предавшим анафеме того, «кто скажет, что естественным светом человеческого ума нельзя достоверно узнать через творение его — единственного и истинного бога». Такой взгляд ведет к атеизму! Для модернистов, пишет папа, «является делом вполне решенным и установленным, что наука и история должны быть атеистичны». Модернисты в действительности ничего общего с атеизмом не имели. Обвиняя модернистов в атеизме, Пий X хотел подчеркнуть, насколько они опасны для церкви.

Папа отверг положения модернистов об историческом развитии религии и о том, что католицизм возник таким же путем, как и все другие религии. Папа восклицает: «Ужасно слышать такие дерзкие утверждения, такое богохульство!» Из взглядов модернистов вытекает и такой вывод, по словам папы: «Как в человеке, называемом Христом, так и в нас, наша святая религия самопроизвольно порождена природой. Возможно ли более коренным образом уничтожить все сверхъестественное?» [58].

Энциклика «Pascendi» подвергала критике взгляды модернистов и на происхождение и природу догматов. Из их взглядов, заявлял папа, вытекает, что догматы это — «символы», они не содержат абсолютной истины и развиваются, приспосабливаясь к религиозному чувству. Модернист как философ, писал папа, допускает реальность существования бога, но эта реальность существует только в духе верующего и обосновывается частным *опытом* верующего. «Существует ли бог сам по себе, независимо от чувства и утверждения; этого философ не знает и ему нет до этого дела» [59]. Но если религия есть дело «частного опыта» верующего человека, то отсюда «следует, что всякую религию, не исключая и языческую, нужно считать истинной... По какому же праву, спрашивал Пий X, модернисты стали бы отрицать истинность религиозного опыта, пережитого магометанином, и присваивать истинный опыт одним католикам? И действительно, модернисты не отрицают этого: тайно или явно, но они признают все религии истинными» [60]. Такой взгляд вызывает гнев главы католической церкви, который считает единственно истинной религией только католицизм.

Папа обвинял модернистов и в том, что из своего исходного положения о религии, как деле опыта верующего, они приходят к разрушительным для церкви выводам и о церковном предании: для них, заявил папа, предание есть только передача

---

[58] «Современные течения религиозно-философской мысли во Франции», Пг., 1915, стр. 115.

[59] Там же, стр. 118.

[60] Там же, стр. 119.

людям первоначального опыта; этот опыт иногда укореняется, тогда он истинен, а иногда умирает. Из этого, заявляет папа, «снова можно сделать вывод, что все существующие религии истинны».

Обобщая взгляды модернистов, Пий X писал, что они ошибаются и в вопросах об отношении веры к науке, так как из их взглядов вытекает, что наука независима от веры, а вера подчинена науке. «Все это прямо противоречит тому, чему учил наш предшественник Пий IX: во всем, что касается религии, философия должна не господствовать, но служить, не предписывать, чему следует верить, но с разумной покорностью усваивать, не исследовать глубины тайн божьих, но благочестиво и смиренно чтить их...» Пий X требовал, чтобы наука была служанкой богословия.

Пий X критиковал взгляды модернистов на догматы, как на «формулы», выражающие религиозное сознание, на культ, который, по их взглядам, возник из внутренних побуждений и потребностей выразить чувственно свою религию, на таинства, как на символы, на священные книги, которые, по их мнению, не даны богом, а являются «сборниками опыта в известной религии», на церковь, которая, с их точки зрения, имеет не божественное происхождение, а порождена потребностью верующего сообщать свою веру другим, следовательно, «коллективным сознанием».

Папа осуждал модернистов за требование демократизации церковной жизни, за согласие их с принципом отделения церкви от государства, за требование упразднить внешнюю церковную пышность.

Главный пункт учения модернистов, заявил Пий X в энциклике «Pascendi» — учение об э в о л ю ц и и, утверждающее, что все должно изменяться: догматы, церковь, обряды, книги, почитание святых и сама религия. Признать эволюцию религии, церкви и ее учения — значит признать, что все это не «извечно» и не «божественно». Вот почему папа отверг взгляд об эволюции религии и церкви. Он напомнил, что такие взгляды уже были осуждены Пием IX в 1846 г., писавшим о «безумцах», которые «хотят ввести его (прогресс.— *М. Ш.*) в католическую религию, как будто эта религия не есть создание бога...»

Большое место в энциклике «Pascendi» занимает опровержение папой исторической критики модернизма: их взглядов на Христа, как на человека, а не бога, их доказательство, что четвертое евангелие (евангелие от Иоанна) — плод благочестивого размышления, их заявление, что библия составлена не теми, кому это приписывается, что в священном писании много ошибок.

В заключительной части энциклики модернисты осуждаются за предложения реформировать церковь и церковное управление.

Энциклика «Pascendi» предлагала и систему мер борьбы с модернизмом.

Как Силлабус, так и энциклика «Pascendi» [61] явились началом ряда мероприятий Пия X против модернизма. Представитель царского правительства России при Ватикане Сазонов сообщал из Рима 13 (26) ноября 1907 г.: «Отлучения следуют одно за другим и еще на днях было обнародовано папское «Motu proprio», грозящее отлучением от церкви всем католическим ученым, чьи взгляды на священное писание не будут одобрены учрежденной Львом XIII в последние годы его жизни библейской комиссией, за которой Пий X закрепил исключительное право толкования текста книг священного писания» [62].

По требованию Ватикана католические епископы во всех странах ополчились против модернизма, стали издавать пастырские послания в духе папской энциклики.

На энциклику «Pascendi» итальянские модернисты ответили в 1907 г. обширным возражением «Программа модернизма» [63]. Заявляя о себе, как о преданных сынах церкви, авторы этого ответа писали, что они не просят прощения, а предлагают на общий суд свои взгляды. Церковь никогда не встретится с современным обществом, писали они, на базе идей Тридентского собора; церковь не может и не должна претендовать на то, чтобы Фома Аквинский отвечал на религиозные вопросы XX в. Авторы «Программы» заявили, что они желают привести католицизм в соответствие с XX в. и что этим хотят служить церкви.

В «Программе модернизма» пункт за пунктом опровергались положения энциклики «Pascendi». Авторы «Программы» отстаивали право на библейскую критику и заявляли, что библейская критика вносит необходимое изменение в концепции откровения, вводит концепцию эволюции религии. Авторы «Программы» отстаивали право исторической критики не только священных книг, но и христианства в целом. Они отстаивали идею эволюции религии, в том числе и католицизма. Сначала, писали они, была религия без определенной формы и догматики. Она развилась постепенно, выработав определенные формы.

«Программа модернизма» была переведена с итальянского на другие языки. Хотя ее авторы придерживались конфессио-

[61] Полный текст энциклики см. «The programm of Modernism», New York — London, 1908, p. 148—243; Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1907, S. 367—375; «Современные течения религиозно-философской мысли во Франции», стр. 108—156.

[62] АВПР, ф. Ватикан, д. 19, л. 357.

[63] «The programm of modernism», New York — London, 1908.

нальных рамок, они тем не менее подвергли сокрушительной критике антимодернистскую энциклику Пия X. Ватикан включил ее в Индекс запрещенных книг (декрет от 17 марта 1908 г.).

Кульминационным пунктом последующей антимодернистской борьбы папы Пия X было введение в сентябре 1910 г. антимодернистской присяги. От всех профессоров католических богословских факультетов, от лиц духовного звания перед посвящением в следующую духовную степень (начиная с субдиакона), от всех служащих в епископских куриях, а также в учреждениях римской курии, от проповедников, от глав монашеских конгрегаций требовалось принесение присяги в верности доктринам католицизма. Присягающий клялся, что он твердо верит в то, чему учит церковь особенно в откровение, чудеса и пророчества, в божественное происхождение христианства, в церковь как хранителя откровения, отвергает «все заблуждения нашего времени», все положения модернистов (об эволюции догматов, о том, что религия — творение людей и т. д.). Приносящий присягу обязывался признавать энциклику «Pascendi» и Силлабус Пия X против модернизма и подчиняться им.

В новых папских постановлениях против модернистов, которыми, в частности, «запрещается чтение всяких газет и периодических изданий, хотя бы наилучших», писал 31 августа (13 сентября) 1910 г. российский представитель при Ватикане князь Волконский, слышится не только недоверие, но и «опасение за надежность как педагогического персонала, так и вообще массы духовенства». «Кардинал статс-секретарь, на днях спрошенный мною,— писал князь Волконский,— допустимы ли отныне для чтения в семинариях такие органы печати, как «Оссерваторе Романо», ответил отрицательно. Равносильным этому,— замечал Волконский,— было бы, например, запрещение нашим юнкерам читать приказы по военному ведомству в «Русском Инвалиде»» [64]. Даже свою собственную, весьма реакционную газету «Оссерваторе Романо» папский престол не разрешал читать семинаристам духовных семинарий, опасаясь «крамолы».

Введение антимодернистской присяги вызвало большое возбуждение далеко за пределами церковных кругов, особенно в Германии. Даже священники местами отказывались приносить присягу. Требование присяги от профессоров теологических факультетов было воспринято как вмешательство Ватикана во внутренние дела данной страны, университетской жизни в частности. В декабре 1910 г. вопрос о присяге был предметом обсуждения в германском рейхстаге (ввиду того, что

[64] АВПР, ф. Ватикан, д. 27, лл. 121—122.

присяга была обязательна и для профессоров теологических факультетов государственных университетов) [65].

В октябре 1910 г. в Ватикан отправился кёльнский архиепископ кардинал Фишер, который добился смягчения папских распоряжений для немецких католиков [66]. Антимодернистская присяга была признана папой не обязательной для лиц, не исполняющих церковных обязанностей (это касалось профессоров теологических факультетов государственных университетов), но была подтверждена ее обязательность для всех преподавателей в школах, подчиненных непосредственно духовенству. В свою очередь в январе 1911 г. прусский министр культов заявил, что профессора католических теологических факультетов немецких университетов не обязаны приносить антимодернистскую присягу.

Модернизм явился одним из проявлений кризиса католицизма, особенно углубившегося с конца XIX — начала XX в. Кризис этот был вызван противоречиями между успехами науки (о природе и обществе) и застывшим средневековым учением церкви. Не в меньшей степени кризис был вызван также противоречием между устремлениями демократических сил в обществе и реакционными устремлениями и симпатиями папства и католической церкви. Модернисты отражали настроения католических кругов из среды мелкой буржуазии, которые верили в возможность примирения этих противоречий, в возможность реформы католицизма.

Модернистское движение не вышло за пределы сравнительно узкого круга католических богословов, историков, литераторов и не вылилось в широкое реформационное движение [67].

Господствующие классы (и широкие круги церковных деятелей) его не поддержали, так как в эпоху, когда социалистическое рабочее движение стало большой силой, господствующие классы враждебно и подозрительно относятся ко всему, что расшатывает и ослабляет религию и ее организации. Этим объясняется то обстоятельство, что папству удалось задушить модернизм. Но ни Пию X, ни его преемникам на папском престоле не удалось преодолеть кризиса в католицизме. Что касается рабочего класса, то, организованный под знаменем научного социализма, он в своей критике религии ушел несравненно дальше критики модернистов и выступил сторонником материализма и атеизма.

---

[65] См. K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. VII. Köln, 1932, S. 350—352.

[66] АВПР, ф. Ватикан, д. 27, л. 150.

[67] Аналогичные тенденции к модернизации с конца XIX — начала XX в. проявились также в православии, в иудаизме и в некоторых других религиях.

Объективно модернизм сыграл свою роль в расшатывании церковной организации, помог вскрыть разъедающие ее противоречия и критикой учения католицизма, «священного писания» и церковной истории дал материал для более радикальной критики христианства и религии вообще.

МОДЕРНИЗАЦИЯ В КАТОЛИЦИЗМЕ

Ватикан отверг модернизм. В вопросах культа и вероучения папство не сочло возможным идти на какие-либо отступления от средневекового учения церкви. Однако жизнь заставила папство и католическую церковь в ряде других вопросов пойти навстречу требованиям времени, в противном случае католицизм не смог бы выполнять своей роли опоры буржуазного общества. В вопросах принципиального отношения к капитализму, к капиталистической собственности, к наемному труду, классам и классовому делению общества, к рабочему движению и научному социализму — во всех этих вопросах папство, начиная со Льва XIII, безоговорочно стало на позиции, соответствующие интересам буржуазии.

Одновременно папство должно было провести ряд мер, направленных к модернизации самой римской курии и, в известной мере, церковной организации в целом. Папство должно было также в какой-то форме выразить свое отношение к новейшим научным открытиям, так как полное их отрицание не соответствовало интересам буржуазии, подрывало авторитет папства.

Еще Лев XIII под давлением библейской критики модернистов и в связи с усиливающейся научно-исторической критикой библии образовал в 1902 г. библейскую комиссию для объяснения и толкования библии и выработки общих принципов отношения к библейской критике. Создавая библейскую комиссию, Ватикан имел в виду поставить изучение библии под свой контроль. Представитель царского правительства России при Ватикане Губастов писал министру иностранных дел Ламздорфу в ноябре 1902 г.: вряд ли с созданием новой комиссии богословие обогатится новыми открытиями; «скорее можно допустить, что она учреждена с целью задержать проявляющееся у некоторых молодых католических богословов стремление стать на путь более свободного мышления и толкования текстов Св. писания» [68].

В 1909 г. Ватикан создал специальный библейский институт для подготовки профессоров, которые могли бы преподавать библию в католических школах и защищать ее от критики. Во главе института был поставлен иезуит. Сазонов (тогда пос-

---

[68] АВПР, ф. Ватикан, д 9, л. 158.

ланник России при Ватикане) писал в июне 1909 г. из Рима, что папский библейский институт создан «с целью подчинить ближайшему надзору св. престола изучение священного писания в связи с историей и археологией, на современном уровне. ...Новое учреждение вверено руководству иезуитов». «Означенное мероприятие является новым звеном в цепи тех мер, которыми Пий X неустанно борется против ненавистного ему направления в современной богословской науке»[69].

Римская курия, т. е. совокупность учреждений в Ватикане, подчиненных папе, как главе церкви, складывалась на протяжении столетий. Система этих учреждений была крайне запутана и уже не соответствовала новым задачам папства. В 1908 г. Пий X предпринял реорганизацию курии, он упростил ее, разграничил функции различных ее учреждений. Служащие курии были, подобно чиновникам учреждений светского государства, разделены на разряды, и вместо отчислений, которые они до того получали от доходов папских учреждений, им было положено твердое жалованье[70].

В 1910 г. Пий X ввел новый единообразный порядок сношений епископов с папой, при этом отменялся порядок, существовавший со времен Сикста V (со второй половины XVI в.). Отныне каждый епископ (или его помощник) обязывался раз в 5 лет посещать Ватикан с докладом папе о положении в его епархии.

В 1905 г. Пий X ввел новый порядок учреждения монашеских орденов: до этого в пределах епархий право давать разрешение на создание новых монашеских орденов и общин принадлежало епископам с последующим утверждением их Римом. Отныне такие учреждения могли создаваться по представлению епископов только с письменного разрешения Ватикана[71].

Это мероприятие было связано не только с тем, что разложение нравов в многочисленных монашеских учреждениях и общинах чрезвычайно компрометировало церковь в целом, но и с тем, что в эпоху бурного промышленного развития монашество себя изжило.

Непосредственно с интересами капиталистического развития связано и другое мероприятие Пия X — уменьшение в 1911 г. числа обязательных церковных праздников. Часть церковных праздников упразднялась, празднование других переносилось на воскресные дни. В тексте папского акта об уменьшении числа праздников говорится, что это мероприятие вызвано изменившимися условиями строя человеческого общества, что большое число церковных праздников не соответствует совре-

---

[69] Там же, д. 26, лл. 55—56.
[70] Там же, д. 23, лл. 152—156.
[71] Там же, д. 17, лл. 166—167.

менным темпам деловой жизни, развитию торговли и деловых оборотов. Пий X заодно пытался представить, что это нововведение вызвано также заботой об интересах рабочих: при вздорожании жизни, говорится в папском заявлении о сокращении числа праздников, трудящиеся люди могут страдать от нынешней многочисленности нерабочих дней.

Комментируя это нововведение папы, посланник России в Ватикане Булацель писал в июле 1911 г.: «...за несколько уже лет, ни одно мероприятие Ватикана не встречаемо было с таким сочувствием, как нынешнее, и притом равно в клерикальных и антиклерикальных сферах... Те уступки, которые сделаны новейшим изменением церковного календаря, являются весьма существенными и несомненно отвечающими требованиям времени» [72].

Попыткой привести католицизм в соответствие с «духом времени» было распоряжение папы Льва XIII в начале 1903 г. о пересмотре жизнеописания католических святых. По существу речь шла об очистке этих жизнеописаний от нелепых, с историческими фактами явно расходящихся, легенд.

В официальном ежегоднике Ватикана на 1904 г. был опубликован «уточненный» список римских пап. Вместо числившихся до того в списке 264 пап (с I в. до Пия X), новый список состоял уже из 258 пап. В католических официальных изданиях поныне публикуется список пап, начиная с I в., с мифического апостола Петра. Для первых веков христианства список этот большей частью вымышленный. Под давлением научной критики Ватикан должен был и здесь пойти на уступки духу времени. Губастов писал в феврале 1904 г. о пересмотренном списке пап, опубликованном в ватиканском ежегоднике: «Редакция ежегодника довольно наивно и откровенно заявила, что печатавшийся до сих пор список составлен был исключительно по папским портретам, находящимся в соборе св. Павла, которые начали писаться в V и VI столетиях, а имена их, очевидно, произвольно обозначены были лишь в конце VII века. В нынешнем же году список составлен на основании исправленного французским ученым аббатом Дюшеном текста «Liber Pontificalis» и поэтому из списка исключены те папы, существование которых признается научной критикой сомнительным...» Губастов далее писал, что «хотя ежегодник и не решился пожертвовать, ради научной истины, первыми епископами г. Рима и начинает попрежнему список пап с апостола Петра, но ставит, однако, в первый раз вопросительный знак рядом с легендарным числом лет его управления Римской кафедрой...» [73]

---

[72] АВПР, ф. Ватикан, д. 30, л. 89.
[73] Там же, д. 13, лл. 15—16.

Знаменательно, что ревизия списка римских пап произведена Ватиканом на основании изысканий модерниста аббата Дюшена!

До XX в. в католической церкви пользовались сборником канонического права, составленным в XIII в., дополненным решениями Тридентского собора (XVI в.) и распоряжениями пап. Это церковное законодательство было противоречиво и не соответствовало новым условиям. Пий X с самого начала своего понтификата создал комиссию по кодификации канонического права. В ее задачу, по словам российского представителя при Ватикане, входили «пересмотр всего канонического права, сравнение и примирение противоречий, устранение отживших правил и установление новых, согласно требованиям современности» [74]. К началу 1917 г. эта работа по очистке канонического права и приспособлению его (конечно, весьма относительному) к современности была закончена.

В 1911 г. Ватикан предпринял реформу католического требника, составленного еще в 1568 г. «Главная цель реформы,— писал российский посланник при Ватикане Булацель,— заключается в значительном сокращении всех служб вообще, а, в частности, воскресных и праздничных...» [75].

Модернизация задела не главные стороны католицизма. Папство зорко следило за тем, чтобы средневековое учение католицизма, в особенности то, чем оно воздействует на широкие слои верующих, сохранилось в незыблемости: пышный культ, почитание святых, вера в существование дьявола и нечистой силы. Больше того, этой стороне католицизма, как бы в противовес духу времени, папство стало уделять все больше и больше внимания. По этому поводу К. А. Тимирязев писал: «Вселенский клерикализм повсюду вооружается в надежде вернуть себе утраченную власть, и, конечно, главным препятствием на его пути является наука. Самым могущественным оружием в этой борьбе мрака с разумом является погоня за чудом» [76]. В католицизме «погоня за чудом» стала широко распространенной практикой.

Лев XIII возобновил после 75-летнего перерыва празднование юбилейных годов: в мае 1899 г. было объявлено, что 1900 г. будет юбилейным [77]. Чарыков писал в январе 1901 г. Ламздорфу, что в этом юбилейном году в Рим прибыло до 400 тыс. паломников, они доставили в папскую казну «миллионов на 20 франков», к тому же празднование юбилея вызвало

---

[74] Там же, д. 144, лл. 4—5.
[75] Там же, д. 30, л. 149.
[76] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, М., 1939, стр. 200.
[77] До этого последний юбилейный год праздновался в 1825 г.

во всем римско-католическом мире подъем религиозного чувства, «не бесполезный для папства» [78].

В дни юбилейных торжеств в Ватикане была проведена канонизация (причисление к «лику святых») и беатификация (причисление к «лику блаженных») около 80 новых «святых» и «блаженных» — монахов и священников, занимавшихся в разное время миссионерской деятельностью в Китае, Корее, Японии и Африке [79].

В 1904 г. католическая церковь по указанию папы праздновала 50-летие провозглашения догмата о «непорочном зачатии» девы Марии. Представитель царского правительства при Ватикане писал в ноябре 1904 г.: «Приготовления к ним (торжествам в честь 50-летия догмата.— *М. Ш.*) в церкви св. Петра носят на себе, не скрою, весьма театральный отпечаток и привлекают любопытство путешественников...» [80].

Вместе с Ватиканом веру в чудеса насаждала католическая церковь в разных странах. В 1891 г. в Трире (Германия) церковь выставила «святой хитон» (плащ) Христа. «Святыня» привлекла более миллиона паломников, что принесло немалый доход церкви. В 1902 г. выставка этой «святыни» была вновь организована [81].

Насколько церковная верхушка католицизма, насаждавшая в народе суеверия, сама в них погрязла, свидетельствовало нашумевшее в конце XIX в. дело Лео Таксиля.

Лео Таксиль (Габриэль Иоганд Пажес, 1854—1907 гг.), французский журналист, воспитанный в строго католическом духе, выступал в течение ряда лет как ярый антиклерикал с книгами, в которых содержались острые нападки на католическую церковь, папство, церковную жизнь и мораль. В апреле 1885 г. Таксиль заявил, что он раскаивается в своих грехах и возвращается к католицизму. Это вызвало радость в церковной среде. Нунций в Париже ди Ренди советовал Таксилю, чтобы его перо отныне так же служило церкви, как до этого оно служило ее врагам. Объектом своих писаний Таксиль сделал масонство. Льву XIII повсюду мерещилась тайная деятельность масонских организаций, по его представлениям вызывающих революции, подрывающих власть церкви и тронов.

Таксиль избрал темой своих писаний союз масонов с дьяво-

---

[78] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, лл. 164—165.

[79] «Журнал Министерства просвещения», 1900, август, стр. 148.

[80] АВПР, ф. Ватикан, д. 13, л. 182.

[81] Даже православных церковников, которые сами не прочь в целях поднятия религиозных настроений использовать «святые» вещи, якобы принадлежавшие Христу, возмутила эта выставка. Журнал Петербургской духовной академии писал по поводу трирской выставки 1902 г., что таких «святых хитонов» имеется не менее 20 и что все это «ультрамонтанское суеверие» (см. «Церковный вестник», 1902, № 38, стр. 1208).

лом. В 1886 г. он опубликовал книгу «Братья трех точек», в которой рассказывал, что на собраниях масонских лож председательствует дьявол, участвуют многие проклятые в библии персонажи (Каин, Моав и др.). Таксиль описывал фантастические бредовые сцены приема новых членов в масонские организации, клятвы сатане, которые будто при этом приносятся, жертвоприношения, совершаемые якобы там, и т. п. Он подробно описывал непристойности обрядов приема в женские ложи (женских лож, кстати, никогда не существовало).

«Разоблачения» Таксиля были встречены церковью с восторгом. Его книга широко рекламировалась как «свидетельство» бывшего масона о тайнах масонских лож, о союзе масонов с сатаной. В каждой новой книге Таксиля содержалось еще больше фантастических измышлений о «нечистой силе».

Вскоре книги против масонов, с еще более фантастическими рассказами об их связях с «нечистой силой», стали писать и другие авторы. В книге «Дьявол XIX столетия», вышедшей в 1893 г., доктор Батайль (сотрудник Таксиля) рассказал, что в Сингапуре проживает англичанка — представительница дьявола, что в Гибралтаре проживают легионы чертей, с главой которых Тубалкаином он, Батайль, встречался; Батайль писал о своих встречах с «папой дьяволов», о том, как тот возил его на звезду Сириус.

Бредовая книга Батайля также была хорошо принята католической церковью. На сцену появился новый автор — итальянец Марджиотта, написавший книгу об итальянских масонах и их «связях с дьяволом».

С 1895 г. с «разоблачениями» культа сатаны — с воспоминаниями «бывшей дьяволицы» — выступила Диана Воган. Свои «воспоминания» она публиковала из месяца в месяц в продолжении двух лет; она писала, что является дочерью дьявола Битру и женой дьявола Асмадея, что с десятилетнего возраста стала во главе масонской ложи. Она рассказывала о своих знакомствах с легионами чертей, о непристойных сценах приема новых членов в масонские ложи, о своих полетах на Марс и, наконец, о своем обращении в католическую веру.

Эти чудовищные нелепости неизменно встречались с восторгом церковью и Ватиканом. Кардинал Парокки писал Воган (16 декабря 1895 г.), что его симпатии давно на ее стороне, что ее «разоблачения» представляют огромный интерес, а ее обращение к богу — триумф божественного милосердия, что он молится за нее. 27 мая 1896 г. тот же кардинал писал Воган, что папа Лев XIII «с огромным удовольствием» читал ее произведения. Кардинал призывал ее продолжать разоблачать «безбожную секту» — масонов.

Таксиль оказался в милости у церкви и у папы Льва XIII.

Последний, принимая его в 1887 г. в Ватикане, сказал ему: «...твоя жизнь еще очень нужна для борьбы веры».

В 1896 г. церковники созвали в Триенте антимасонский конгресс с участием кардиналов, архиепископов, епископов, священников, католических журналистов. Таксиль был с большим почетом встречен конгрессом. Его портрет висел рядом с изображениями святых. Лишь один из участников конгресса выразил сомнение в существовании Дианы Воган и попросил назвать священника, который ее принимал в католическую веру. Маловера не захотели слушать.

Все это дело закончилось скандалом для папства и церкви, когда в апреле 1897 г. на большом собрании в Париже в присутствии иезуитов, клерикалов, представителей печати Таксиль рассказал, что все 12 лет он сознательно занимался надувательством и все написанное им,— выдумка, что Дианы Воган вовсе не существует, а все, вышедшее из печати как ее «воспоминания», написано им самим. Я рад, заявил в заключение Таксиль, что сумел доказать миру, что церковные руководители готовы поверить любой глупости. Такие же саморазоблачения опубликовал в печати доктор Батайль (настоящая фамилия его Хакс) [82].

Папа отлучил Таксиля от церкви. Католическая печать постаралась дело замолчать. Весь мир, однако, получил еще одно яркое доказательство того обскурантизма, дух которого господствует в католической церкви и в Ватикане.

Католические биографы Льва XIII представляют его человеком, который не был противником прогресса современной науки и хотел «примирения церкви с культурой, веры и знания, разума и откровения, философии и теологии» [83]. Однако уже одно то, что Лев XIII верил всем нелепостям о чертовщине, о чем писал Таксиль, достаточно определенно характеризует духовный уровень папы и его окружения.

Лев XIII и его преемники враждебно относились к развитию науки и добивались ее подчинения религии.

Именно это является основным в энциклике «Aeterni Patris» (1879 г.), в которой папа провозгласил схоластику отцов церкви — и в первую очередь Фомы Аквинского — философией католицизма. По указанию Льва XIII в Риме была в 1880 г. открыта Томистская академия, а в Лувенском католическом университете — кафедра схоластической философии. Папа рас-

---

[82] См. F. Hirsch. Der Taxil-Schwindel. Wien [1928]; Д. Е. Михневич. Очерки из истории католической реакции. М., 1955, стр. 114—119; Л. Таксиль. «Священный вертеп». М., 1930

[83] Ed. Soderini. The pontificate of Leo XIII, v. I. London, 1934, p. 129; J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II. München, 1934, S. 393.

порядился издать сочинения Фомы Аквинского. Так, по инициативе Льва XIII началось возрождение средневековой схоластики Фомы Аквинского.

Основная задача, которая была поставлена перед неотомизмом, заключалась в том, чтобы фальсифицировать науку в целях «примирения» (т. е. подчинения) ее с религией.

Эту линию настойчиво продолжал и папа Пий X. В январе 1904 г. он издал папское бреве об изучении Фомы Аквинского, что, по его словам, нужно теперь в связи с распространением враждебных церкви учений.

В своем послании против модернизма Пий X также предлагал духовенству в семинариях и в католических школах обучать теологии и философии в духе Фомы Аквинского.

Католическая иерархия не могла прямо выступать против науки. Напротив, в годы, предшествовавшие первой мировой войне, католические съезды в разных странах выносили решения о «сотрудничестве» религии с наукой, об отсутствии между ними противоречий. В 1907 г. по инициативе кардиналов Мерсье, Маффи и Рамполлы была создана ассоциация для содействия прогрессу науки среди католиков.

Все это, однако, преследовало определенную цель — превратить науку в служанку богословия.

То обстоятельство, что папство, начиная с конца XIX в., стало все больше обращаться к науке, чтобы с ее помощью укрепить религию, явилось свидетельством слабости позиции религии, католицизма в частности.

ТЯГА БУРЖУАЗИИ К КАТОЛИЦИЗМУ

В. И. Ленин писал в 1913 г.: «В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство»[84].

Наблюдавшаяся в конце XIX в. тяга буржуазии к католицизму и католическое «возрождение» объясняется не усилением его позиций в народе, а отражает слабость и неуверенность господствующих классов, их растущую реакционность.

К. А. Тимирязев писал в 1909 г.: «...разлагающаяся буржуазия все более и более сближается с отживающей свой век метафизикой, не брезгует вступать в союз и с мистикой, и с воинствующей церковью...»[85].

---

[84] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 77

[85] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, стр. 100

Характеризуя состояние науки в начале XX столетия, К. А. Тимирязев отмечал: «...но не одни успехи науки останавливали на себе внимание всякого вдумчивого наблюдателя. Рядом с ними выступали ясные признаки регресса, упадка научного мышления, как частного проявления общего реакционного поворота, отметившего конец прошлого и начало нового века. Таковы те, вызванные подъемом клерикально-метафизической реакции, ясно атавистические (вырождающиеся) течения, выразившиеся в пробуждении погони за чудом (Лодж), в попятном движении от разума к инстинкту (интуиции — Бергсона), возврат к витализму и прославление менделизма в биологии, вера в воскрешение Валаамовой ослицы (лошади сверхчеловека) и прочие аберрации человеческого ума. Для внимательного наблюдателя эти признаки регресса научной мысли вместе с подобным же движением в области искусства и литературы были только частным проявлением давно задуманной клерикально-капиталистической и политической реакции. Все силы мрака ополчились против двух сил, которым принадлежит будущее: в области мысли — против науки, в жизни — против социализма. Только на умственно расшатанной почве мог рассчитывать на успех этот союз поборников мрака и защитников насилия...» [86].

Ряд особенностей католицизма привлек к нему внимание империалистической буржуазии. Такими особенностями являются: 1) непримиримость ко всему новому, к прогрессивным движениям, научным теориям, в первую очередь — к научному социализму; 2) сохранение всего средневекового арсенала религиозного воздействия на людей, включая культ святых, веру в чудеса и т. д.; 3) наличие сильной и централизованной церковной организации, с помощью которой легче использовать религию для политических целей и, наконец, 4) огромный опыт социальной демагогии и идейного пленения масс.

С конца XIX в. заметно стало увеличиваться число последователей католицизма. К 1910—1911 гг. число католиков во всем мире доходило до 290 млн., в 1956 г. оно возросло до 470 млн.[87]. При общем увеличении численности народонаселения на земном шаре увеличилось число сторонников и ряда других религий, но не в такой степени, как католической. Следует особо отметить увеличение числа последователей католицизма в странах с преобладающим протестантским населением, например в США. По официальным церковным, а следовательно, и сильно увеличенным данным, число католиков в США изменялось за

[86] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, стр. 18.

[87] «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», Bd. IV, Tübingen, 1913, S. 2215; «The Americana Annual», New York — Chicago — Washington, 1957, p. 676—677.

последнее полстолетие следующим образом: в 1890 г.— 7,3 млн., 1906 г.— 14,2; 1916 г.— 15,7; 1926 г.— 18,6; 1936 г.— 19,9; 1944 г.— 23,4; 1956 г.— 33,5 млн. [88].

В то же время важно отметить, что численный рост католиков в США происходил главным образом за счет иммигрантов. Католические историки пишут, что число обращенных в католицизм «настолько мало, что даже не возмещает число отпавших» [89].

Одновременно с увеличением числа католиков создавалась сильная церковная организация католицизма. С 1884 по 1921 г. в США число католических священников увеличилось с 7 тыс. до 20 тыс., епархий с 55 до 100 с лишним [90]. Сто лет назад в США было всего около 45 тыс. католиков и 30 священников. К 1900 г. число католиков возросло до 10 млн. человек, а священников — до 11,6 тыс.[91].

Тяга к католицизму стала заметна с конца XIX в. также среди буржуазии и аристократии Англии и части высшего английского духовенства. Государственная церковь Англии — англиканская — расходится с римско-католической по многим вопросам вероучения. Расхождения берут свое начало в XVI в. Англиканская церковь не только отвергает папскую верховную власть в церкви, но считает, что римское учение о чистилище, индульгенции, поклонение и почитание икон и мощей, а также почитание святых есть «выдумка и не основывается на свидетельстве писания, но скорее противоречит слову божию», так гласит статья 22-я принятых в 1571 г. парламентом так называемых «39 статей», в которых сформулирован символ веры англиканизма.

Эти и другие отвергнутые англиканизмом католические установления стали привлекать с конца XIX в. часть английской аристократии и высшего духовенства, представителей так называемой «Высокой церкви».

«Англиканский священник, обеспокоенный тем, что низшие классы, обладающие благодаря избирательному праву политической силой, ускользают из-под влияния религии, спрашивал себя: как завоевать их доверие? И он вынужден был признать, что, не располагая эмоциональными средствами евангелических сект, он должен вернуться к излюбленным приемам католициз-

---

[88] По данным «Departament of commerce. Census of religious bodies», Washington, 1926, 1936; а также «Statistical abstract of the USA», 1955; «The Americana Annual», 1957.

[89] Th. Maynard. The story of american catholicism, p. 612.

[90] Ibid., p. 523.

[91] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II. München, 1933, S. 494. В последующие десятилетия аппарат католической церкви возрос еще больше. По данным на 1955 г., в США было 48,3 тыс. католических священников (см. «The Americana Annual», 1957, p. 676).

ма: к благоуханию ладана, к пышным обрядам, к поклонению деве Марии и святым... Миряне приноравливались к этому по мере того, как смягчался их собственный протестантизм. Раз уж они должны были иметь религию, такую, при которой священники избавляли бы их от необходимости размышлять над догматами, они предпочитали такую, обряды которой радовали бы слух и глаз...» [92].

Еще в 1875 г. папа возвел в кардинальское достоинство архиепископа Вестминстерского Маннинга, бывшего протестантского священника, перешедшего в 1834 г. в католицизм. Другим видным представителем английского католицизма, перешедшим из англиканизма, был Ньюмэн. В 1879 г. Лев XIII возвел и его в кардинальское достоинство.

И Ньюмэн и Маннинг имели сторонников среди англиканского духовенства.

В 90-х годах XIX в. среди сторонников «Высокой церкви» возник план соглашения с папством. Отправившаяся в Рим делегация старалась убедить Льва XIII признать действительным с канонической точки зрения англиканское священство. Этот план, однако, не был осуществлен.

С конца XIX в. началось более тесное сотрудничество между правящими кругами Англии и Ватиканом. В британской империи проживало тогда до 20 млн. католиков, из них только 2,5 млн. в самой Англии. В этих условиях для правящих классов страны важна была поддержка Ватикана в ряде вопросов внешней и внутренней политики. В частности, папство оказало английской буржуазии большую помощь в подавлении национально-освободительного движения ирландского народа.

Процесс усиления католицизма с конца XIX в. стал все более заметным и в Германии. На лютеранском синодальном собрании в Померании в 1881 г. один из представителей лютеранского клерикализма граф Клейст-Рецов заявил о необходимости создать в среде лютеран «братства» наподобие «в высшей степени полезного, прекрасного и заслуживающего всякого уважения католического ордена св. Иисуса», т. е. иезуитов. Присутствовавшие лютеранские священники аплодировали этому предложению. Так на родине Лютера появились среди лютеран поборники ордена иезуитов, созданного прежде всего для подавления лютеранства [93].

О распространении католицизма в Германии свидетельствует следующая таблица [94]:

---

[92] Э. Галеви. История Англии в эпоху империализма, т. 1. М., 1937, стр. 157.

[93] «Вестник Европы», 1881, декабрь, стр. 880.

[94] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. VII. Köln, 1930, S. 360—361.

Год	Население Германии	Из них	
		евангелического исповедания	католиков
		в %	
1871	41 052 792	62,31	36,21
1910	64 925 993	61,59	36,69

Сравнительно больше, чем в других частях Германии, возросло число католиков в Пруссии, где с 1871 по 1910 г. процент католического населения увеличился с 33,5 до 36,3.

С конца XIX в. в политической жизни Германии все более значительную роль стала играть католическая партия центра, превратившаяся в годы, предшествовавшие первой мировой войне, в ведущую партию германского империализма. Она неизменно поддерживала, часто при этом лавируя, а иногда и играя в «оппозицию», правительство в коренных вопросах внутренней и внешней политики, особенно же политику милитаризации Германии, строительство мошного военного флота, ассигнования на армию. Центр в своей деятельности опирался на церковную организацию. Католическая церковь привлекала симпатии правящих кругов Германии своей неприкрытой враждой к социал-демократии и своей верноподданностью германскому императору. Борьба с социал-демократией выдвигалась как одна из главных задач церкви на ежегодных общегерманских католических конгрессах («католикентаг»).

В августе 1903 г. на 50-м всегерманском католическом конгрессе выступил кардинал Фишер, архиепископ Кельнский, заявивший, что «дух переворота» работает над разрушением трона и алтаря. Поэтому все в Германии, кто верует в Христа, должны объединиться и бороться рука об руку против этой опасности [95]. Кардинал Фишер имел в виду социал-демократическую «опасность».

Католицизм стал привлекать даже некоторых представителей православных церковников царской России. Журнал «Церковный вестник», орган Петербургской духовной академии, писал в сентябре 1911 г.: «В последнее время у нас нередко в церковной среде с некоторой завистью взирают на католичество и организацию католической церкви. Конечно, тут привлекательной оказывается не идейная подкладка (орган православной духовной Академии не мог не сделать этой оговорки.—

[95] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1903, S. 125—126.

М. Ш.), а те внешние формы, которые, по-видимому, обеспечивают католицизму тот сравнительный вес и влияние, какие он имеет на католические народы»[96].

В самой католической церкви с конца XIX в. еще большую роль, чем раньше, стали играть иезуиты, прибравшие к рукам все ключевые позиции в Ватикане и в его организациях, в особенности в его органах дипломатии, пропаганды и миссионерства. Значительно возросла численность иезуитского ордена. В 1870 г. орден иезуитов насчитывал 7529 членов, в 1906 г.— 15 564, в 1909 г.— 16 159, в 1950 г.— 30 950. Особенно заметно возросло число иезуитов в США: к 1870 г. их здесь было 350 человек, или менее 5% всего числа членов ордена; в 1955 г. в США было 7900 иезуитов, т. е. более 25% всего числа членов ордена.

Немецкий фельдмаршал Вальдерзее сообщает в мемуарах о своей беседе с генералом ордена иезуитов Л. Мартином, происходившей в мае 1903 г., когда Вальдерзее посетил Ватикан вместе с кайзером Вильгельмом. Генерал иезуитов, пишет фельдмаршал, особенно хвалил Соединенные Штаты Америки, где, по его словам, самым дружественным образом идут навстречу ордену, а затем Англию, которая в своих колониях от ордена извлекает «очень большую пользу»[97]. Особое внимание, заявил Мартина в беседе с Вальдерзее, иезуиты уделяют социальному вопросу о борьбе с социализмом. Последнее обстоятельство и делает деятельность иезуитов особенно ценной в глазах буржуазии.

С конца XIX — начала XX в. католическая церковь и связанные с ней организации начали играть все более активную роль в политической жизни капиталистических стран, установились многообразные связи церкви с буржуазным государством, церковь стала настойчиво добиваться контроля над школой.

Вместе с тем происходил процесс приспособления церкви в каждой стране к условиям данной страны.

Дух национализма, характерный для эпохи империализма, глубоко проник и в церковную организацию и давал о себе знать особенно в тех случаях, когда дело шло о поддержке своей буржуазии против буржуазии другой страны.

«Вселенская» римская церковь фактически распалась на национальные церкви, между которыми нередко вспыхивала острая борьба. Первая мировая война наглядно это показала. Борьба между церквами разных стран, отражавшая борьбу интересов буржуазии этих стран, была перенесена и в Ватикан, где католические иерархи крупнейших империалистических дер-

---

[96] «Церковный вестник», 1911, № 35, стр. 1079.
[97] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III, Stuttgart-Berlin, 1923, S. 213.

жав (за их спиной стояли правящие круги этих дрежав) добивались большего для себя влияния. Уже в начале XX в. в среде американской иерархии (архиепископ Айрланд) возникла мысль о том, что папство должно перестать быть итальянским и что иностранцы, особенно англо-саксонские католики, должны больше участвовать в управлении курией [98]. Российский посланник при Ватикане Булацель писал в ноябре 1911 г., что в связи с увеличением числа неитальянских кардиналов уже теперь возникают толки «о возможности избрания со временем на папский престол кардинала не-итальянской национальности» [99].

ВАТИКАН И ВОПРОСЫ ЕДИНСТВА ЦЕРКВЕЙ

С конца XIX в. стали усиливаться объединительные тенденции в христианских церквах, а также тенденция к сближению между различными религиями — христианскими и нехристианскими. В свою очередь Ватикан все активнее боролся за подчинение всех христианских церквей папству. Межконфессиональное сотрудничество сложилось на общей платформе противодействия растущему в народе атеизму и индифферентизму к религии и на общей программе борьбы церквей с социалистическим рабочим движением.

Характерно, что уже в конце XIX в. среди представителей американской буржуазии и в руководящих церковных кругах США возникла идея создания «единой религии».

В сентябре 1893 г. в Чикаго состоялся Всемирный конгресс религий с участием представителей католицизма, протестантизма, мусульманства, иудаизма, индуизма, шинтоизма, брахманизма, буддизма и ряда других религий. Основным мотивом в выступлениях и в решениях конгресса было требование объединения всех религий. Хотя отдельные представители христианских церквей доказывали превосходство христианства, их выступления не встретили поддержки конгресса, который заявил, что отказывается считать язычество лишь «массой низменных и развращенных суеверий»; конгресс заявил, что было бы не по-христиански «приписывать все только одному христианству и не признавать ничего доброго в других религиях». В отчете конгресса говорилось, что «наилучшая религия должна обнаружиться и в конце концов она переживет все другие, потому что будет содержать в себе все, что есть истинного во всех религиях».

Руководящие учреждения англиканизма, католицизма и православия отнеслись отрицательно к конгрессу на том основании, что конгресс, рассматривающий разные религии как рав-

[98] «Журнал Министерства просвещения», 1901, сентябрь, стр. 47—48.
[99] АВПР, ф. Ватикан, д. 30, л. 134.

ные, содержащие элементы истины, умаляет тем самым христианство. Тем не менее такие американские католические иерархи, как кардинал Гиббон, архиепископы Айрланд, Раян и другие, приняли участие в комитете по созыву конгресса и в работе самого конгресса [100]. Вскоре после конгресса в США в церковных кругах возникло движение за создание «универсальной церкви», которая объединила бы последователей различных религий.

Ватикан отнесся отрицательно к этим планам, как и к конгрессу религий. В письме к американским епископам в 1895 г. Лев XIII писал, что католики должны созывать свои съезды отдельно [101]. Не отказываясь от идеи объединения христианских церквей, Ватикан стоял и стоит на такой позиции, что объединение должно состояться в форме подчинения всех некатолических христианских церквей папству. Поборником идеи такого объединения церквей был папа Лев XIII, который считал это условием восстановления средневекового мирового могущества папства [102].

В феврале 1898 г. Лев XIII принял находившегося в Риме писателя Боборыкина. В беседе с Боборыкиным папа затронул в числе других и вопрос о соединении церквей, «указывая,— как сообщал об этом представитель России при Ватикане Чарыков,— на свою искреннюю готовность признать за восточными исповеданиями все их не только бытовые и обрядовые, но и догматические особенности». Папство, писал Чарыков, преследует намеченную себе цель «воспользоваться слабостью и недостатками церковной организации православного востока для того, чтобы подчинить его единой римской дисциплине» [103].

Лев XIII готов был признать догматические и другие особенности восточных церквей, но требовал признания ими над собой верховной власти папы.

Граф Сфорца сообщает, что в бытность его атташе итальянского посольства в Константинополе, его шеф поручил ему обсудить с константинопольским патриархом Иоакимом III вопрос объединения церквей в связи с энцикликой Льва XIII. Патриарх после длительной дискуссии сказал: «Идея Льва XIII очень благородна, я молю бога, чтобы она была осуществлена. Но какие имеются препятствия? Только одно — тщеславие римского епископа» [104].

---

[100] См. Partik Henry A h e r n. The catholic university of America. 1887—1896. Washington, 1948, p. 67—68.

[101] Ibid., p. 69.

[102] См. E. W i n t e r. Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans. 1878—1903. Berlin, 1950, S. 19 и далее.

[103] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 166—167.

[104] Carlo S f o r z a. Fifty years of war and diplomacy in the Balkans. New York, 1940, p. 182.

В действительности более глубокие причины противодействовали и противодействуют объединению церквей. Несомненно, однако, и то, что тщеславие, точнее — притязания римских пап, действительно огромны.

20 июня 1894 г. Лев XIII обратился с энцикликой «к государям и всем народам». Он писал, что наибольшим его желанием является распространение христианства на всем пространстве земли. Так как он, папа, занимает на земле «место бога всемогущего», то он стремится привлечь людей «к единству божественной веры». Между тем существует еще огромное множество людей, которые «стоят в разрыве с католической верой», и часть человеческого рода вступила «на ложный путь». Папа обращался прежде всего к Востоку: расхождения католической церкви с восточными, заявил он, небольшие: «главным предметом разногласия с нами является учение о первенстве римского первосвященника». Папа уверял, что главенство римского епископа в церкви установил Христос, а верховную папскую власть признали многие церковные соборы. Он призывал восточные церкви вернуться к союзу с римской и воссоединиться с ней, обещая, что в этом случае не будут умалены ни права, ни привилегии, ни обрядовые установления каждой церкви.

Лев XIII в той же энциклике обращался и к славянским народам, призывая их вернуться к единству с католической церковью. С такими же словами он обращался к народам, которые недавно «отпали от римской церкви», т. е. сторонникам протестантских церквей.

Энциклика звала также и к единству церкви и государства, ввиду «великой опасности», угрожающей ...«от масонства»! Для Льва XIII «масонство» было пугалом. Его преемники таким пугалом сделали слова «социализм» и «коммунизм».

От согласия между церковью и государством, писал Лев XIII, выиграют обе стороны, так как церковь «умеет действовать сообразно с разными поворотами времен». Обществу, писал он, угрожает опасности социальные и политические. Социальный вопрос церковь разрешает «на основе евангелия». Что касается политических вопросов, то, по словам папы, церковь здесь может давать особенно полезные указания, так как она учит, что «власть установлена от бога» и «самый разум признает, что одним более принадлежит законное право повелевать, а другим — обязанность повиноваться...» [105].

Энциклика Льва XIII не только, следовательно, трактовала о пользе объединения церквей под властью папы, но и о той пользе, которую католическая церковь приносит господствую-

---

[105] «Энциклика папы Льва XIII об объединении церквей», СПб., 1895.

щему классу, приучая верующих быть покорными властям и довольными своей судьбой.

Не надеясь, что восточные церкви пойдут навстречу его призывам, Лев XIII большие надежды возлагал на униатские церкви. В декабре 1894 г. папа издал новую энциклику — «О поддержании и утверждении обрядности и дисциплины восточных церквей». Подтвердив свое намерение добиться объединения церквей, Лев XIII заявил, что он намерен поддерживать «целость собственной дисциплины восточных церквей», их обряды, литургию. Энциклика содержит директивы о порядке взаимоотношений местных католических и униатских церквей. Папа требовал проявления терпимости в отношении особенностей униатских церквей.

Лев XIII мечтал о подчинении папскому престолу не одних только восточных церквей. В апреле 1895 г. он обратился с энцикликой к англичанам, в которой напоминал об их былых связях с папским престолом в средние века, о последовавшем «печальном расколе» и выразил надежду, что «отвращение к заблуждениям» и стремление к воссоединению (с римско-католической церковью) возьмут верх [106].

Преемник Льва XIII папа Пий X продолжал его курс на подчинение христианских церквей Риму. В декабре 1910 г. Пий X обратился с посланием к апостолическим делегатам на востоке об объединении церквей. Заявив, что он, как и его предшественник Лев XIII, является сторонником объединения церквей, Пий X высказался, однако, против уступок восточным церквам в вопросах догматических (о filioque, о папской власти, о «непорочном зачатии» Марии, о чистилище и др.).

Пий X также уделял большое внимание униатским церквам, сохранявшим обрядность и ритуал восточных церквей, но признававшим над собой власть папы.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, оживилось движение в пользу унии в Болгарии [107], в Румынии [108].

---

[106] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II, S. 489.

[107] АВПР, ф. Политархив, 1913, д. 1047. л. 309; д. 1351, лл. 143—144, 169. Сазонов, посланник России при Ватикане, писал Извольскому в декабре 1908 г. о своей беседе с кардиналом статс-секретарем Ватикана Мерри дель Валем по поводу присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии и в связи с этим о положении там католической церкви и о том, насколько верны появившиеся слухи о намерении местных епископов организовать движение в пользу церковной унии с Римом. Мерри дель Валь сказал, что епископы действительно желают организовать здесь такое движение, но до сих пор еще не сделаны серьезные попытки в этом направлении. Нет сомнения, писал по этому поводу Сазонов, что как только явится благоприятный случай, курия поставит вопрос об унии в Боснии и Герцеговине на практическую почву «и в этом она найдет деятельную поддержку Австро-Венгерского правительства» (АВПР, ф. Ватикан, д. 23, лл. 305—306).

[108] АВПР, ф. Политархив, 1910, д. 691, л. 48.

Особое внимание уделял Ватикан пропаганде униатства в Галиции, которую папский престол рассматривал как отправной пункт для пропаганды униатства и католицизма в России. В связи с тем значением, какое Ватикан придавал пропаганде униатства в Галиции, произошло и возвышение графа Шептицкого, как митрополита униатской церкви Галиции, фактически имевшего от Ватикана полномочия и для организации униатства в России.

Сазонов писал в депеше из Рима Извольскому в мае 1907 г. о Шептицком, что курия «согласилась на его назначение митрополитом лишь по настоянию императора австрийского, выказывающего ему особенное расположение» [109].

В апреле 1908 г. Сазонов сообщал, что в Ватикане усилился интерес к вопросам унии, и особенно к ее судьбе в России [110]. С целью выяснения возможности униатской пропаганды в России Шептицкий осенью 1908 г. по подложному паспорту совершил поездку в Россию [111]. Шептицкий пытался склонить на сторону папы и старообрядческую церковь [112].

Во влиятельных ватиканских кругах были сторонники уступок восточным церквам в вопросах догматики, чтобы привлечь эти церкви на сторону папства. Сохранилась докладная записка («совершенно доверительная») от 13(26) октября 1916 г. о беседе представителя Петроградского телеграфного агентства в Женеве с «высоким сановником римской церкви» (на полях документа чьей то рукой написано: «кардинал Ледоховский») по вопросу о сближении католической и православной церквей [113]. «Высокий сановник римской церкви» высказался за сближение и сотрудничество католической церкви с православной и англиканской церквами. «Догматические различия (говорится в записке), по мнению католического сановника, никоим образом не должны мешать сближению, по крайней мере в глазах католической церкви.

Эти догматические различия, например, прибавки filioque, возникли в темные времена средневековья, когда монахи от нечего делать черезчур ревностно и совершенно напрасно увлекались вопросами, непосильными их разуму и неподобающими рассмотрению...» [114]. Эти слова сановника церкви, говорится в записке, создали впечатление, что этот «блюститель чистоты

---

[109] АВПР, ф. Ватикан, д. 19, л. 161.

[110] Там же, д. 23, л. 81.

[111] Там же, д. 26, л. 49.

[112] Там же, д. 26, лл. 51—52; ф. ОПО, 1915, д. 161, л. 42.

[113] В записке оговаривается, что собеседник представителя петроградского телеграфного агентства известен в католических кругах и «беседа происходила в атмосфере доверия...»

[114] АВПР, ф. Ватикан, д. 104, л. 9.

католической веры считает все подобные вопросы, бывшие прежде камнем преткновения, в настоящем праздными, ненужным хламом...»[115].

Несмотря на все усилия папства за последние 50—60 лет, объединение церквей не состоялось не только из-за религиозных расхождений, а и по причинам политическим: противоречия и борьба между буржуазными государствами создали и создают противоречия также между церквами разных стран, хотя эти церкви и принадлежат к одним и тем же религиям.

В то же время в первой половине XX в. сложилось сотрудничество церквей против материалистической философии и социалистического рабочего движения.

УПАДОК ВЛИЯНИЯ КАТОЛИЦИЗМА

Одновременно с усилением политической роли религии в буржуазном обществе и ее влияния среди части городского и сельского населения, с конца XIX в. стал намечаться все более углубляющийся кризис религии, потеря религиозными учреждениями влияния в народе, в особенности в рабочем классе.

Давление буржуазного государственного аппарата и предпринимателей, сила традиций и буржуазного общественного мнения играли и играют сдерживающую роль в процессе упадка религии.

Характерное для периода империализма относительное и абсолютное обнищание рабочего класса, разорение городской и сельской мелкой буржуазии, опасность военных столкновений — все это порождает религиозность и способствует ее сохранению среди трудящихся. Но одновременно увеличивается и число людей, которым жизнь раскрывает глаза на истинную роль религии в обществе. В. И. Ленин писал: «Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывая себе лучшую жизнь здесь на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь»[116].

Кризис религии обусловлен рядом причин, главными из которых являются: противоречия между уровнем современного знания об окружающем мире и религиозным мировоззрением, противоречия между задачами, которые стали перед большин-

[115] АВПР, ф. Ватикан, д. 104, л. 9.
[116] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 66.

ством человечества в деле переустройства общества, и между теми целями, которые ставит перед собой религия и, наконец, противоречия между тем, чему учит религия, и практикой церквей и других религиозных учреждений.

Существование неопреодолимых противоречий между все более расширяющимися знаниями человечества о мире и религиозными представлениями о нем не мешает многим буржуазным ученым придерживаться религиозных взглядов. Для конца XIX — начала XX в. характерна тяга части интеллигенции к мистике и религии. Классовые предрассудки буржуазии, дорожащей религией как орудием господства над народом, передавались и передаются этим ученым, которые на практике, в своих лабораториях, сами поступают как атеисты. Старый лозунг буржуазии — «религия нужна для народа» — сознательно или бессознательно воспринимается и ими.

В широких народных массах вместе с обострением классовой борьбы усиливался индифферентизм и отрицательное отношение к религии. Промышленный пролетариат, просвещаемый классовой борьбой и пропагандой социалистических партий, скорее, чем другие слои трудящихся, осознавал противоречия между религией и современностью, между тем, чему религия учит, и практикой ее учреждений, между целями религии и целями организованного рабочего движения. Это способствовало кризису религии вообще, католицизма в частности.

В некоторых странах Европы кризис католицизма углубился рядом специфических причин.

Во Франции защита республики против заговоров монархистов, борьба против засилья религиозных конгрегаций, за светский характер государства, за светскую школу, неизменно сталкивала широкие массы трудящихся с церковной организацией и реакционным духовенством, которые тормозили социальный прогресс и тянули общество назад. К тому же, отстаивая свои насущные требования, рабочий класс неизменно встречал со стороны церкви враждебное отношение. Все это привело к значительному упадку религии во французском рабочем классе.

В Италии папство и консервативные католические круги почти вплоть до первой мировой войны выступали противниками национального единства страны, сторонниками ее раздробления на мелкие государства и возрождения светской власти папы. Формой протеста против этой позиции церкви явилось широкое распространение в конце XIX — начале XX в. антиклерикализма в различных слоях итальянского общества.

Острая борьба с церковью развернулась в период между 1900 и 1914 гг. в Испании. Начавшиеся трения между государством и церковью привели в конечном счете к столкновению широких слоев народа с церковной организацией. Столкновения

с церковью возникли вокруг вопросов ограничения могущества монашеских конгрегаций, лишения их преимуществ и приравнения к обычным светским союзам [117]. Посланник России при Ватикане Булацель писал в мае 1910 г., что «такое требование поддерживалось, впрочем, из мотивов материального свойства, также промышленными кругами, видящими во многих конгрегациях опасных себе конкурентов» [118]. Переговоры, начатые испанским правительством с Ватиканом о конгрегациях, завершились в 1904 г. соглашением, по которому духовные ордена, не упомянутые в конкордате 1851 г., должны подчиняться общему закону об обществах. Этим соглашением часть монашеских конгрегаций лишалась особых преимуществ.

Разногласия с церковью этим не были исчерпаны: они вспыхнули вновь в 1906 г. и позже вокруг вопросов узаконения гражданского брака, права духовенства заведовать кладбищами, дальнейших ограничений для монашеских конгрегаций [119] и, наконец, в связи с вопросом о признании государством некатолических исповеданий.

Буржуазия спорила с церковью, добиваясь ослабления ее экономических привилегий, но в конце концов договорилась с ней. Зато в массах испанского народа веками накапливавшийся протест против церковных эксплуататоров принимал временами формы открытых выступлений. Так, в июле 1909 г. в Барселоне рабочие ответили всеобщей забастовкой и уличными боями на объявленную правительством мобилизацию резервистов для войны с марокканцами. Выступления рабочих обратились и против церкви и монастырей. Клерикальное правительство Маура потопило эти выступления в крови. Воспользовавшись обстановкой террора, клерикалы расстреляли в октябре того же года ненавистного им Франциско Феррера, передового педагога, борца за светскую школу [120]. Это подлое

---

[117] К началу XX в. монастыри в Испании владели собственностью, оценивавшейся в 1,5 млрд. пезет. Монастыри владели предприятиями, в дела которых власти не имели права вмешиваться. Годовой доход церквей составлял 773 млн. пезет. От государства они получали еще 44 млн. пезет в год, в то время как на народное образование, которое тоже находилось в руках церкви, государство расходовало 8 млн. пезет («Вестник Европы», 1910, август, стр. 341—343).

[118] АВПР, ф. Ватикан, д. 27, л. 57.

[119] Там же, д. 17, л. 189.

[120] Фальсификаторы истории из католического лагеря утверждают, что Феррер был организатором и руководителем восстания в Барселоне, во время которого было сожжено будто бы не менее 65 церквей и 31 монастырь, и что он по приговору «правильно проведенного военного суда» и решению правительства был расстрелян. Так, например, оправдывают эту подлую расправу с Феррером историк немецкой католической партии центра Бахем (см. K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. VII, S. 329—330). В действительности Феррер не участвовал в барселонских событиях (см. «Вестник Европы», 1909, ноябрь,

убийство Феррера иезуитами вызвало массовые протесты во многих странах [121].

В июне 1910 г. в Испании был издан декрет, разрешавший впредь употреблять надписи, знамена, эмблемы, объявления и другие внешние знаки, служащие для вероисповедных проявлений некатолических сообществ. Это означало легализацию некатолических культов. Ватикан увидел в декрете удар по монополии католицизма в Испании и тотчас же заявил протест [122]. Ватикан протестовал против признания государством других культов, так как он остался на средневековых позициях нетерпимости не только к свободомыслию и атеизму, но и к христианам некатолических исповеданий.

Ватикан, испанское духовенство и поддерживавшие их реакционные круги в стране устраивали в церквах демонстрации против робких мероприятий либерального правительства, направленных к некоторому ограничению монополии католической церкви. В то же время в широких народных массах усилилась вражда к церкви и духовенству, временами выливавшаяся в форму стихийных антицерковных демонстраций. Так, демонстрации в честь провозглашения свободы совести привлекали десятки тысяч участников [123].

Антицерковные движения, принимавшие широкие размеры еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, явились ответом широких масс трудящихся (в том числе и людей, связанных с церковью и религией) на ту поистине мрачную роль, какую католицизм на протяжении столетий играл в жизни испанского народа и какую он продолжал играть в XX в.

Массовые народные выступления против католической церкви имели место в первое десятилетие XX в. также в Португалии. Католическая церковь враждебно встретила буржуазную революцию 1910 г., свержение монархии и провозглашение республики в Португалии. В последние годы существования монархии решающее влияние на королевскую власть оказывали иезуиты. Они стяжали себе в стране такую ненависть, что под давлением народных масс временное правительство издало декрет об изгнании иезуитов из страны.

В своем пастырском послании от 24 декабря 1910 г. порту-

стр. 409—410). Он к тому же был противником революционной борьбы (см. P. Ramus. Francisco Ferrer, Nürnberg, 1929). Испанские иезуиты воспользовались удобным моментом, чтобы убить ненавистного им передового педагога, сторонника светской школы.

[121] Булацель писал Сазонову 13 (26) октября 1909 г., что в беседе с ним кардинал Мерри дель Валь заявил, что происходившие в Риме демонстрации сочувствия Ферреру были вызваны «распоряжением, полученным здесь от французских франкмасонов» (АВПР, ф. Ватикан, д. 26, л. 115).

[122] АВПР, ф. Ватикан, д. 27, л. 72.

[123] «Вестник Европы», 1910, август, стр. 344—345.

гальский епископат объявил «незаконным» декреты временного правительства об изгнании иезуитов, об отмене религиозной присяги и преподавания религии в школах, об узаконении разводов. Иезуиты устраивали в стране монархические заговоры.

В свою очередь и Пий X издал энциклику против отделения церкви от государства в Португалии и осудил деятельность республиканского правительства. Католическая печать стала печатать о «религиозных гонениях» в Португалии. Представитель царского правительства при Ватикане Н. Бок писал, что «неожиданным и неприятным» для Ватикана явилось известие об измене ему 800 португальских священников, которые согласились признать закон об отделении церкви от государства. «Таким образом,— писал Бок,— около трети всех португальских священников перешли теперь на сторону Республики. Обстоятельство это грозит для католической церкви серьезными последствиями вплоть до нового раскола включительно» [124].

Католическая иерархия Португалии в конце концов приспособилась к буржуазной республике и вернула себе свое былое привилегированное положение. Однако пропасть между церковью и народом, наглядно обнаружившаяся в период революции 1910 г., осталась.

Таким образом, еще в начале XX в. в некоторых европейских странах имели место острые столкновения буржуазии и буржуазного государства с католической церковью и Ватиканом. Столкновения закончились установлением сотрудничества. Эти столкновения обнаруживали наличие в широких народных массах, часто за внешними выражениями послушания и преданности церкви (как это было в Испании и Португалии), глубокой вражды к ней и к ее учреждениям. Особенно глубокий разрыв с конца XIX в. образовался между рабочим классом и церковью. Папство стало прибегать к различным средствам социальной демагогии, чтобы завоевать рабочих на сторону церкви. Успеха все такие начинания не имели.

«Одним из глубоких процессов, совершающихся на протяжении последних десятилетий,— пишет Уильям Фостер,— является быстрый упадок религии» [125]. «Разложение религии происходит во всех капиталистических странах, даже в тех, где правящий капиталистический класс в эксплуататорских целях настойчиво использует все возможные средства культивирования и сохранения религиозности трудящихся масс. Особенно же быстро оно происходит при социализме» [126].

Поль Лафарг писал (в работе «Экономический детерминизм Карла Маркса», 1909 г.): «В то время как во всех слоях

---

[124] АВПР, ф. Ватикан, д. 31, л. 46.
[125] Уильям З. Фостер. Закат мирового капитализма, стр. 115.
[126] Там же, стр. 118.

буржуазии религиозное чувство укоренилось прочно и проявляется на тысячу ладов, среди промышленного пролетариата наблюдается инстинктивное, но непоколебимое религиозное равнодушие. Г-н Бус (Booth), после произведенной им обширной анкеты о религиозных настроениях Лондона, во время которой «обследовались округ за округом, улица за улицей, а часто и дом за домом», констатирует, что «народная масса не исповедует никакой религии и совершенно не интересуется церковными обрядами... Та значительная часть населения, которая называется рабочим классом и которая находится между мелкой буржуазией и слоем нищих, находится в целом вне круга действия религиозных сект... Она привыкла смотреть на церкви, как на места собрания тех, кто обладает богатством, и тех, кто желает пользоваться покровительством людей, находящихся в лучшем положении... Смирение и чувство греховности, может быть, не свойственны рабочему». Таков бесспорно установленный факт инстинктивной иррелигиозности лондонских рабочих, которых обычно считают столь религиозными. Самый поверхностный наблюдатель может то же самое проследить в промышленных городах Франции. Если там встречаются рабочие, симулирующие религиозные чувства или действительно проникнутые ими,— последних очень мало,— это объясняется тем, что религия предстает перед нами в форме всякого рода благотворительности...

Равнодушие в области религии, этот самый серьезный, по словам Ламеннэ, симптом неверия, врождено современному рабочему классу... Среди пролетариата европейской и американской промышленности не наблюдается стремления ни создать новую религию взамен христианства, ни реформировать его...» [127].

В 1903 г. газета «Дейли ньюз» провела обследование, ставившее себе целью выяснить, как посещаются церкви, синагоги и другие молитвенные собрания в воскресные (а для синагог — субботние) дни. Оказалось, что в 29 обследованных участках Лондона лишь 16% населения посещает в эти дни молитвенные собрания [128].

«...Развитие демократических учреждений,— пишет французский историк,— заставляло англичан, столь склонных считать себя самым религиозным народом в мире, убеждаться в наличии одного обстоятельства, которое они прежде в своем презрении к простому народу предпочитали упускать из виду: английская религиозность была явлением поверхностным, характерным только для верхов общества» [129].

---

[127] П. Лафарг. Соч., т. III, стр. 163—164.

[128] «Вестник Европы», 1904, ноябрь, стр. 39.

[129] Э. Галеви. История Англии в эпоху империализма, т. I, стр. 149.

Вражда католической церкви к социалистическому рабочему движению еще больше отталкивала от нее массы трудящихся.

На состоявшемся в августе 1910 г. в Берлине всемирном конгрессе «Свободного христианства и религиозного прогресса», в котором участвовали видные представители теологического мира, многими участниками было признано, что своей борьбой против социал-демократии и защитой существующего строя церковь потеряла доверие рабочих [130].

Саксонский архидиакон Вальтер Кечке, деятель христианско-социального движения, на основе материалов специального опроса, проведенного среди рабочих, составил список аргументов, которыми рабочие формулируют свое отрицательное отношение к церкви. Приведем некоторые из них: 1) церковь тесно связана с классовым государством; кто борется против государства, тот борется и против церкви; 2) церковь — реакционная сила, задерживает преобразование современного государственного и экономического строя; 3) священник — слуга государства; к нему применимо выражение «чей хлеб ем, по дудке того и пляшу»; 4) священники — враги социал-демократии. Они борются против доброго ее дела, против поднятия материального и морального положения рабочих; 5) церковь поддерживает существующий строй и называет его «миропорядком», хотя он — ужасный беспорядок; 6) благотворительная деятельность церкви не может примирить рабочих с нею. Рабочие не хотят благодеяний, а требуют того, что им принадлежит по праву. Надо создать условия, когда благотворительность была бы излишней; 7) церковь держит рабочих в темноте и преподносит народу библейские сказки о сотворении мира; 8) загробного мира нет, а потому надо здесь устроить жизнь хорошо и красиво [131].

В конце XIX в. в разных странах стали возникать организации атеистов (свободомыслящих) и созываться национальные и международные съезды свободомыслящих. Хотя эти организации не имели четкой программы и в их деятельности участвовали и буржуазные элементы, постепенно влияние в них все больше приобретали социалистически мыслящие люди. С 1880 по 1913 г. состоялось 17 международных конгрессов «свободной мысли». В учреждении международного Союза свободомыслящих на конгрессе 1880 г. в Брюсселе участвовал вместе с Бюхнером и Молешоттом также и Вильгельм Либкнехт.

Вопрос об отношении к религии и церкви близко затраги-

---

[130] «Вестник Европы», 1911, февраль, стр. 340—341.
[131] Там же, стр. 338—339.

вал социалистическое рабочее движение и обсуждался на конгрессах социалистических партий. По мере того как в партиях II Интернационала все больше стали брать верх оппортунистические элементы, в оппортунистическом духе решался ими и вопрос об отношении партии к религии.

В «Критике Готской программы» Маркс критиковал в числе других требований проекта программы германской рабочей партии, который был представлен съезду в Готе в 1875 г., также и требование, касающееся религии. Соответствующий пункт проекта гласил: «Свобода совести». Маркс писал по этому поводу: *«„Свобода совести“!* Если теперь, во время «культуркампфа», хотели напомнить либералам их старые лозунги, то это можно было сделать только в такой форме: «Каждому надо дать возможность отправлять свои религиозные нужды, так же, как и телесные, без того, чтобы полиция совала туда свой нос». Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести,* а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного суеверия» [132].

В Эрфуртской программе германской социал-демократии, принятой в 1891 г., об отношении к религии записано: «...провозглашение религии частным делом. Отмена всяких ассигнований из общественных средств на религиозные и церковные цели. Церковные и религиозные общины должны рассматриваться как частные сообщества, вполне самостоятельные в своих делах». Энгельс считал, что это требование не отвечает интересам и задачам рабочей партии. В 1891 г. в своей критике проекта программы германской социал-демократической партии (Эрфуртской программы) он сформулировал программу марксизма в этом вопросе: «Полное отделение церкви от государства. Все религиозные общества без исключения рассматриваются государством как частные товарищества. Они лишаются всякой поддержки из публичных средств и всякого влияния на публичные школы» [133].

Энгельс подчеркивал, что социал-демократия рассматривает религию как частное дело по отношению к государству, но не по отношению к партии. Во введении к брошюре «Гражданская война во Франции», написанном в 1891 г., он вновь подчеркивает ту же мысль.

Говоря о декрете Парижской коммуны об отделении церкви от государства, Энгельс писал, что коммуна «декретиро-

---

[132] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 286.
[133] Там же, т. XVI, ч. II, стр. 112.

вала такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости, но которые составляли необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса: таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия есть только частное дело...» [134].

В. И. Ленин писал об отношении Энгельса к оппортунистическим взглядам в рядах социал-демократической партии на религию, как на частное дело для партии, следующее: «Не вступая в прямую полемику с этим оппортунистическим взглядом, Энгельс в 1890-х годах счел необходимым решительно выступить против него не в полемической, а в позитивной форме. Именно: Энгельс сделал это в форме заявления, нарочно им подчеркнутого, что социал-демократия считает религию частным делом *по отношению к государству,* а отнюдь не по отношению к себе, не по отношению к марксизму, не по отношению к рабочей партии» [135].

Ленин посвятил ряд своих работ вопросу об отношении социалистической партии к религии и церкви. В 1905 г. в статье «Социализм и религия» он писал: «Религия должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии». «По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас же идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело» [136].

С работами, в которых религия и церковь, в частности католическая, подверглись всесторонней критике, выступили в конце XIX — начале XX в. видные деятели международного рабочего движения — Лафарг и Гед во Франции, Каутский и Роза

---

[134] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 89.
[135] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 373.
[136] Там же, т. 10, стр. 66, 67—68.

Люксембург в Германии, Ленин и Плеханов в России, Даниель де Леон в США, представители социалистических партий в других странах.

Атеистическая пропаганда социал-демократии помогала рабочим понять истинную роль религии в обществе. Это вело к разрыву новых групп рабочих с религиозной организацией, а следовательно, к углублению кризиса религии, католицизма, в частности.

Глава вторая

ПАПСТВО И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

ЛЕВ XIII И АКТИВИЗАЦИЯ «СОЦИАЛЬНОЙ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКВИ

С конца XIX в. папство, обеспокоенное успехами социалистического движения, начинает серьезно интересоваться рабочим вопросом. Интерес этот был вызван глубокой тревогой за судьбы буржуазного общества.

В эпоху империализма встала в качестве практической задача свержения господства буржуазии и установления пролетарской диктатуры для революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое. Организацией и просвещением рабочего класса, чтобы он мог осуществить эту задачу, и занимались социалистические партии, ставшие уже к концу XIX в. в ряде стран большой силой.

Буржуазия приняла все возможные меры, чтобы помешать рабочему классу выполнить его историческую миссию. Она обрушилась на социалистическое рабочее движение всей тяжестью своего государственного аппарата, пустила в ход армию, полицию и исключительные законы. Но на опыте Германии, где исключительный закон против социалистов не смог помешать социалистам сплотить вокруг своей партии значительные массы трудящихся, буржуазия смогла убедиться, что одними репрессиями ей не удастся задушить революционное движение рабочего класса. Не отказываясь от репрессий, она стала одновременно все больше прибегать и к другим средствам борьбы против социализма, прежде всего к расколу рабочего движения, к насаждению в рабочем классе буржуазной идеологии, к разложению рабочего движения.

За счет сверхприбылей, получаемых от колониального грабежа, буржуазия подкупала верхушку рабочего класса, способствовала образованию рабочей аристократии, с помощью которой стала насаждать в массах реформистские идеи. В. И. Ленин писал, что оппортунистическое, реформистское

течение в рабочем движении создано тем, что «передовые капиталистические государства, грабя колониальные и слабые народы, давали возможность буржуазии подкупать частицами добытой этим грабежом сверхприбыли верхушки пролетариата, обеспечивать им в мирное время сносное мещанское существование и брать на службу себе вождей этого слоя» [1].

Оппортунисты выступили с проповедью «реформы», «исправления» капитализма. Они пытались доказать, что классовые противоречия с развитием капитализма не обостряются, а сглаживаются, они выступали против классовой борьбы и звали к «классовому сотрудничеству», утверждая, что происходит процесс мирного врастания капиталистического общества в социализм. Вся их пропаганда и деятельность наносила большой вред рабочему движению, ослабляла революционную борьбу.

Маркс и Энгельс в своем письме Бебелю, Либкнехту и Бракке, написанном в сентябре 1879 г., резко выступили против оппортунистов в германской социал-демократии (Бернштейн и др.), которые предлагали «отложить» на неопределенное время борьбу за программу партии, чтобы не напугать буржуазию, и заняться пока что жалким штопаньем капиталистического строя. «Что касается нас,— писали Маркс и Энгельс,— то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем итти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения...» [2].

Энгельс, критикуя проект Эрфуртской программы Германской социал-демократической партии, осуждал оппортунистов, которые «убеждают самих себя и партию в том, что «современное общество врастает в социализм»...» [3].

Оппортунизм нанес огромный вред международному рабочему движению. В. И. Ленин писал, что «оппортунисты и социал-шовинисты, будучи слугами буржуазии, являются прямыми классовыми врагами пролетариата...» [4].

Буржуазную идеологию в рабочий класс вносили не только оппортунисты, участники рабочего движения. Буржуазную идеологию старалась вносить в рабочие массы и сама буржуазия через свои организации. Этим в широком масштабе с кон-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 103.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 61.
[3] Там же, т. XVI, ч. II, стр. 108.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 103.

ца XIX в. стали заниматься и религиозные организации различных исповеданий. Их деятельность в этой области приобрела для буржуазии особенно большое значение в связи с тем, что религиозные организации пользуются влиянием среди значительных масс трудящихся и имеют большой опыт и различные средства идеологического воздействия на людей.

Переплетение интересов папства и католической церкви с интересами буржуазии привело к тому, что с конца XIX в., начиная с папы Льва XIII, борьба с социалистическим движением заняла центральное место во всей религиозно-политической деятельности папства.

Лев XIII был на папском престоле с 1878 по 1903 г. Это были годы широкого развития рабочего движения и распространения в рабочем классе идей научного социализма. В. И. Ленин писал о периоде 1872—1904 гг.: «Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь.* Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам» [5].

На эти годы и пришелся понтификат папы Льва XIII. Этот папа мечтал о восстановлении средневекового могущества папства, о времени, когда папство будет международным арбитром в правовых спорах между государствами [6]. Бисмарк льстил самолюбию папы и избрал его арбитром в столкновениях с Испанией из-за Каролинских островов, чему папа был несказанно рад. Однако время политического могущества папства прошло. Его политические притязания сталкивались с интересами различных государств. Папство могло рассчитывать на некоторый успех в этих притязаниях, только играя на противоречиях между державами. Лишь одна область деятельности папства встретила безоговорочную поддержку и буржуазных правительств и капиталистов всех стран — его борьба с социализмом.

За время своего понтификата Лев XIII издал более 30 энциклик. Призывы к борьбе с «мятежными идеями», т. е. с революционным движением трудящихся, с социализмом, занимают главное место почти во всех этих выступлениях и обращениях папы.

Уже в своей первой энциклике от 21 апреля 1878 г. («Inscrutabili Dei») папа писал о «врагах общественного порядка», ко-

---

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 545—546.

[6] F. Hanus. Die preussische Vatikangesandschaft. 1747—1920. München, 1954, S. 351.

торые подрывают авторитет церкви и опасны для государства. Под «врагами общественного порядка» он понимал тех, кто выступает против капиталистической частной собственности. Другая энциклика папы, от 28 декабря 1878 г. («Quod Apostolici Muneris») содержит острые нападки на социализм и коммунизм [7]. Папа негодует по поводу того, что коммунисты и социалисты «отвергают повиновение высшим властям», «проповедуют полное равенство всех людей в отношении прав и обязанностей»! Такое требование вызывало гнев папы, защитника власти эксплуататоров. Он требовал чтобы народы признавали, что власти поставлены от бога, и «всякая душа должна быть покорна» им. Между учением церкви и учением социалистов, заявляет Лев XIII, «лежит бездонная пропасть», так как социалисты «не перестают утверждать, что люди по природе равны между собою», а церковь учит, что неравенство «исходит от самого творца природы». Церковь, продолжает папа, постоянно внедряет в сознание подданных следующую апостольскую заповедь: «Нет власти, которая не от бога, и те, которые есть, установлены богом».

Даже если государи «безрассудно излишествуют в применении своей власти, католическое учение не позволяет восставать по собственной воле».

Больше всего вызывало гнев Льва XIII то обстоятельство, что социалисты и коммунисты, «соблазненные алчностью к преходящим благам» (которых сам Лев XIII, однако, не чуждался), «нападают на право собственности», и «разглагольствуют о своем стремлении удовлетворить все желания людей и удовлетворить все потребности каждого...» С барским презрением к народным массам глава католической церкви не признавал за ними права на удовлетворение их потребностей и заявлял, что посягать на собственность с целью превращения ее в общественную — чудовищно, так как частная собственность, по словам папы, приобретена либо путем «законного наследства», либо путем труда, либо «благодаря бережливости!». Церковь учит, заявлял папа, что право собственнности и владения, исходящее от самой природы, должно быть сохранено неприкосновенным и нерушимым в руках тех, кто им обладает.

Папа утверждал, что бедствия происходят от того, что отвергаются «сверхъестественные истины веры», что люди перестали думать о каре и награде на том свете.

Лев XIII доказывал в своей энциклике правящим классам, что только религия, только католицизм способны сохранить их

---

[7] См. Ed. Soderini. The pontificate of Leo XIII, v. I. London, 1934, p. 123—124; O. Schilling. Die Staats und Sociallehre des Papstes Leo XIII. Köln, 1925, S. 46—47.

власть и богатство и помогать им держать народные массы в узде.

Заканчивается энциклика заявлением, что так как социалисты больше всего имеют приверженцев среди рабочих, среди людей, продающих свой труд, то и церкви следует, в противовес социалистическим союзам, «поддерживать и ободрять союзы рабочих и ремесленников, которые, будучи организованы под покровительством религии, умеют делать всех своих членов довольными своей судьбой...» Так, уже в этой энциклике 1878 г. Лев XIII дал указание церкви способствовать созданию раскольнических рабочих союзов, штрейкбрехерских.

Страх перед социализмом был главной причиной того, что, вступив на папский престол, Лев XIII стал сейчас же настойчиво искать соглашения с правительством Германии о ликвидации культуркампфа. В письме германскому императору по случаю своего вступления на престол Лев XIII выражал надежду на улучшение отношений между Германией и Ватиканом. Свое письмо он закончил словами: «Католические подданные его величества являются скрупулезно лойяльными и послушными» [8]. В другом письме германскому императору в том же 1878 г. Лев XIII писал о «разрушительных учениях», «угрожающих социальному, политическому и религиозному порядку». Для успешной борьбы с ними, писал папа, нужен мир между германским государством и церковью. В том же 1878 г. в письме на имя архиепископа Кельнского Мельхерса папа писал, что «разрушительные учения» «настолько угрожают социальному, политическому и религиозному порядку, что мы считали бы, что не выполнили обязанности нашей апостолической миссии, не преподав смертельно-слабому обществу действительных мер спасения, коими обладает церковь» [9]. В числе «мер спасения» Лев XIII указывал на необходимость достигнуть соглашения с правительством Германии и ликвидировать культуркампф.

В 1878 г. в Германии был издан исключительный закон против социалистов: правящие классы были напуганы усилением социал-демократии, и культуркампф стал теперь помехой в деле объединения реакционных сил.

Лев XIII неустанно доказывал представителям держав, с которым Ватикан был связан, что все государства заинтересованы в союзе с папством, так как именно оно распоряжается такой силой — церковной организацией,— которая может эффективно противодействовать успехам социал-демократии.

В сентябре 1898 г. правительство Италии обратилось с нотой к дипломатическим представителям держав в Риме, в кото-

---

[8] Bismarck. Die gesammelte Werke, Bd. 8. Berlin, 1926, S. 249.

[9] В. Соколов. Католическая церковь и государство в Германии во второй половине XIX ст. Казань, 1912, стр. 319.

рой предлагало созвать международный конгресс для борьбы с «анархизмом». Лев XIII, хотя и враждовал с правительством Италии, с сочувствием отнесся к его плану созыва такого конгресса. В своем выступлении перед коллегией кардиналов 23 декабря 1898 г. папа заявил, что он приветствует усилия правительств «создать плотину против разрушительных стремлений», но эта цель не будет достигнута, если в сознании людей не будет упрочен страх перед богом.

Генерал ордена иезуитов Л. Мартин писал 1 августа 1903 г. немецкому фельдмаршалу графу Вальдерзее по поводу успеха германской социал-демократической партии на выборах в рейхстаг, что все меры, принятые, чтобы социалисты потерпели поражение, оказались недостаточными, что с социализмом успешно может бороться католицизм, так как «только принципы католицизма противопоставляют народным страстям плотину, способную их остановить»; католицизм, писал Мартин, «поражает в глубине человеческой души вожделения, которые порождает социализм». А потому, убеждал Мартин графа Вальдерзее, если ордену будет разрешено вернуться в Германию (откуда он был изгнан, в 1872 г.), он сможет оказать свое «целительное влияние», т. е. помогать правительству в борьбе против социализма. «Необходимо, убеждал Мартин, чтобы в борьбе с социализмом католики объединились со всеми консервативными элементами» [10].

Лев XIII мечтал о союзе папы и трех императоров — Германии, Австро-Венгрии и России, что, по его мнению, служило бы плотиной против социализма. Российскому царизму он неоднократно, через представителя последнего при Ватикане, предлагал заключить союз с папством против «опасных движений», против социализма.

Известно, что царская Россия была оплотом реакции. В. И. Ленин писал в 1895 г., что «самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции» [11]. Союза с этой реакционной Россией, с царизмом и искал Лев XIII против социализма. Когда же в России победила социалистическая революция, папство оказалось в лагере врагов новой России.

В апреле 1899 г. представитель царского правительства в Ватикане Чарыков сообщал из Рима, что папа советовал посетившим его редакторам бельгийских католических газет объединить силы различных течений в католицизме для борьбы против социалистов, которые, по его словам, являются «опаснейшим врагом католицизма и нынешнего государственного и общественного строя».

---

[10] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee, Bd. III. Berlin, 1923, S. 235—236.

[11] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 13.

«Подобная деятельная роль современного папства в качестве противника противогосударственной партии социалистов, замечал Чарыков, заслуживает полного внимания»[12].

В соответствии с антисоциалистическим курсом папства выступали и католическая церковь, и ее организации в разных странах. И их руководители стремились завоевать признание и поддержку правительств своей непримиримостью к социализму.

В конце января 1890 г. в германском рейхстаге обсуждался внесенный правительством законопроект об усилении преследований социалистов. Выступивший на заседании 22 января от фракции католической партии центра лидер этой партии Виндхорст упрекал прусские власти в том, что других средств против социализма, кроме полиции и военной силы, они не знают. «Я утверждаю, однако,— сказал Виндхорст,— что идейные стремления, идеи, в особенности если они предосудительны, могут быть побеждены лишь здоровыми идеями, а не кнутом»[13]. Под «предосудительными идеями» представитель центра имел в виду социалистические идеи, а под «здоровыми идеями», которые должны «победить социализм», он подразумевал католицизм. Виндхорст говорил о той пользе, которую приносит буржуазии церковь (в частности, ее религиозные ордена) в подавлении протеста народных масс против их порабощенного положения. Религиозные ордена, говорил Виндхорст, утешают тех, кто лишен счастья в жизни, и указывают им «на нечто высшее» (т. е. обещают им «счастье» за гробом). Виндхорст и его партия указывали, что католическая церковь более умело, чем полиция и армия, справится с задачей борьбы против социализма. Выступая в рейхстаге на следующий день, Виндхорст заявил, что религия — наилучшее средство борьбы против социализма; в тех землях Германии, где сильна католическая церковь,— слаб успех социалистов[14]. На этом основании Виндхорст требовал, чтобы государство помогало католической церкви и предоставило ей и религиозным орденам свободу действия.

В Германии тогда еще действовал исключительный закон против социалистов. В октябре 1890 г. исключительный закон пришлось отменить. Виндхорст советовал учесть этот печальный для буржуазии опыт и рекомендовал, как это делал и папа Лев XIII, более утонченные средства против социализма — религию и католическую церковную организацию.

9 января 1895 г. в рейхстаге вновь обсуждался законопро-

---

[12] АВПР, ф. Ватикан, д. 6, лл. 54—55.

[13] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages VII Legislaturperiode, V Session 1889/90, Berlin, 1890, S. 1157.

[14] Ibid., S. 1184—1186.

ект против социалистов и социалистической печати. Представитель католического центра Гребер напомнил господствующим классам, что католическая церковь является их надежной опорой против социализма. Ссылаясь на речь Виндхорста в рейхстаге, произнесенную 23 января 1890 г., Гребер признал, что насилием нельзя побороть социалистическое движение, хотя он сам и не стоит за полное исключение мер насилия в борьбе против социал-демократии. Католицизм, заявил Гребер, более сильное средство против социал-демократии. Он требовал отмены закона против иезуитов и предоставления свободы деятельности для церкви, чтобы она могла с полной силой включиться в борьбу против социалистов. Свою речь Гребер заключил словами: спасение лежит в том, чтобы сохранить в народе религию; когда люди больше не верят в вечные истины, в богасудью, в воздаяние за гробом, как вы их заставите приносить жертвы и быть послушными? [15].

Католическая церковь указывала, что у нее имеются преимущества по сравнению с церквами других исповеданий, в частности протестантскими. В августе 1895 г. на всегерманском католическом конгрессе в Мюнхене депутат рейхстага Бахем в докладе о мировоззрении социалистов заявил, что так как протестантизм раздроблен, то только католицизм, охватывающий «весь мир», является серьезным врагом социализма. На всегерманском католическом конгрессе в Крефельде в августе 1898 г. один из выступавших священников сказал, что католическая церковь показала себя как «всеспасающая сила» против социализма, она может помочь даже тогда, когда государство уже помочь не может, а потому, требовал этот представитель Ватикана, чтобы серьезно бороться против «переворота», нужно помогать церкви и усилить влияние религии в народе.

Такая линия была взята католической иерархией многих стран. Католическая церковь активно ввязалась в политическую борьбу в качестве непримиримой к социализму силы. В условиях, когда рабочий класс организовался в политические партии, профсоюзы и другие общества, католическая иерархия решила, чтобы духовенство само пошло в рабочие массы и объединило их под руководством церкви. К этому усиленно побуждал церковь и все ее организации папа Лев XIII.

Усилиями Льва XIII так называемый «христианский социализм», возникший в первой половине XIX в., был приспособлен к условиям империализма, а сам этот папа, столь ненавидевший научный социализм, стал поборником и идеологом «христианского социализма».

---

[15] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, IX Legislaturperiode, III Session, 1 Bd. 1894/95. Berlin, 1895, S. 213—226.

«ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»

«Христианский социализм» сложился как течение общественной мысли, исходящее в своих положениях из того, что идеи переустройства общества для поднятия благосостояния народных масс, выдвинутые научным социализмом, задолго до него были провозглашены христианством и могут быть осуществлены не на путях, отстаиваемых социалистическим рабочим движением, и не путем классовой борьбы, а в рамках существующего капиталистического строя посредством поднятия религиозно-морального уровня людей.

«Христианский социализм» возник в противовес социалистическому рабочему движению и всегда был враждебен научному социализму. Его идеологи и проповедники использовали то обстоятельство, что социалистические идеи стали популярны в широких народных массах, для того, чтобы подсунуть массам такие же будто бы идеи, но освященные христианством и поддерживаемые церковью. Широко прибегая к социальной демагогии, позволяя себе вначале, при своем возникновении, более острую, а позже, особенно в период империализма, более осторожную критику буржуазного общества, проповедники «христианского социализма» стремились завоевать доверие трудящихся и оторвать их от социалистического движения.

Христианские социалисты выдумывали небылицы о научном социализме и в то же время утверждали, что христианство впервые и задолго до научного социализма выступило против несправедливости и провозгласило принципы наилучшего устройства общества. Эти принципы, утверждали они, изложены в евангелиях и осуществлялись в раннехристианских общинах; лишь со временем, с отходом от «христианских принципов», повсюду восторжествовал «дух эгоизма» и «либерализма» — корень всех зол современного общества.

Утверждение христианских социалистов, будто христианство впервые провозгласило «принципы социализма», на самом деле ничего общего с действительностью не имеет. Точно так же произвольны их ссылки на евангелия, как на книги, где будто бы впервые были возвещены принципы наилучшего устройства общества. В евангелиях можно найти угрозы по адресу рабовладельцев и слова утешения рабам. Но евангелия призывают рабов быть покорными рабовладельцам. В евангелиях нет призывов к рабам подняться для уничтожения рабства, зато в них утверждается, что рабство — богом посланный им удел, который они должны с покорностью переносить и рассчитывать на воздаяние «на том свете».

Весь дух евангелий и всего учения христианской церкви, как и учения церквей других исповеданий, не враждебен эксплу-

атации человека человеком и классовому неравенству. Возражая тем, кто утверждал, ссылаясь на библию, будто «христианство — есть коммунизм», Энгельс писал, что если бы эти люди лучше были знакомы с библией, они «убедились бы, что если немногие места из библии и могут быть истолкованы в пользу коммунизма, то весь дух её учения, однако, совершенно враждебен ему, как и всякому разумному начинанию»[16]. Христианство не выдвигало задачу переустройства общества в целях уничтожения эксплуатации человека человеком. Оно проповедует тщетность земных стремлений людей и призывает готовиться к «вечной жизни», куда оно и переносит свои обещания счастья. Энгельс отмечает, что «в истории раннего христианства есть любопытные точки соприкосновения с современным рабочим движением»: как и рабочее движение, христианство при своем зарождении было движением угнетенных; как христианство, так и рабочий социализм проповедуют грядущее избавление от рабства и нищеты; однако «христианство ищет этого избавления в потусторонней жизни, после смерти, на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества»[17].

В ранних христианских общинах верили, что «тысячелетнее царство» наступит в недалеком будущем. Христианские социалисты отодвинули его наступление на неопределенное время, на далекое будущее, когда произойдет «моральное самоусовершенствование людей».

Как движение угнетенных, раннее христианство было революционным течением и носило, по словам Ленина, «демократическо-революционный дух». Это обстоятельство стараются использовать проповедники «христианского социализма» в своей пропаганде среди рабочих. Но революционно-демократический дух раннего христианства давно утрачен христианством, которое на протяжении почти двух тысячелетий выступало в защиту рабства, позже феодализма и капитализма.

Христианские социалисты демагогически утверждали, что истинным защитником интересов рабочих является церковь, которая, по их словам, всегда заботилась о бедных, а в средние века создала специальные учреждения помощи бедным. В то же самое время они с самого начала враждебно отнеслись к классовой борьбе рабочих, которая в условиях капитализма только и может привести к улучшению положения трудящихся. Классовой борьбе они противопоставляли проповедь морально-духовного перевоспитания людей, проповедь победы над «духом эгоизма», причем «духом эгоизма» они считали и стремление рабочих путем забастовок улучшить свое положение.

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. I, стр. 532.
[17] Там же, т. XVI, ч. II, стр. 409.

Христианские социалисты обращались со своей проповедью не только к трудящимся, но и к высшим классам, апеллировали к их «человеколюбию» и призывали заботиться о рабочих. Морис, один из видных представителей «христианского социализма» в Англии, писал, что высшие классы должны признать человеческое достоинство рабочих и братски их поддерживать, тогда у рабочих исчезнет стремление к нивелировке классов. Другой представитель «христианского социализма» в Англии, священник Кингслей, в 1863 г. в качестве придворного проповедника пропагандировал свои идеи перед королевой и придворными.

«Христианский социализм» не выдвинул и не мог выдвинуть программы действительного переустройства общества в интересах народа, потому что для такого переустройства нужно нарушить «священное право» частной собственности. А этого проповедники и идеологи «христианского социализма» не хотели. Критическая нота в «христианском социализме», направленная против «неустройств» буржуазного общества (со временем демагогический элемент все больше и больше стал в этой критике преобладать), привлекала к нему политически малоразвитые слои трудящихся, находившихся под влиянием церкви. Враждебные буржуазным порядкам, обрекавшим их на страдания и нищету, эти слои трудящихся поддавались пропаганде проповедников «христианского социализма», в роли которых чаще всего выступали представители духовенства.

Среди деятелей «христианского социализма» более раннего периода были и такие люди, которые сочувствовали трудящимся и верили, что церковь может стать во главе движения за улучшение положения народных масс. Однако объективно их пропаганда противоречила интересам трудящихся, так как мешала народным массам понять истинные причины их бедственного положения, мешала им видеть действительные пути выхода из него.

Франц Меринг пишет, что «христианский социализм» имеет два исторических корня: в одних случаях он сопутствует ранним ступеням «наивного рабочего коммунизма», который носит религиозную окраску (например, Кабе и Вейтлинг). Этот религиозный налет с ростом рабочего движения, с обострением классовой борьбы быстро исчезает. В других случаях, пишет Меринг, «христианский социализм возникает среди имущих классов, как сопутствующее явление феодального социализма. Отсюда не следует, что он непременно должен быть сознательным шарлатанством. Религиозные идеологи могут вполне искренно верить, что им удастся путем религии помочь бедным и обездоленным. Но и этой форме христианского социализма суж-

дено лишь краткое существование: у нее реакционное содержание очень скоро разбивает пролетарскую форму. Временами она очень резко выступает против капиталистической эксплуатации, но как только она затрагивает эксплуатацию или начинает нападать на эксплуатацию вообще, она вынуждена так или иначе капитулировать...»[18].

Иерархия как католической, так и протестантских церквей вначале враждебно встретила пропаганду христианских социалистов, многие из которых были представителями церкви же. Церковные руководители с подозрением отнеслись к той, часто радикальной, критике «недостатков» буржуазного общества, к которой прибегали представители «христианского социализма». Они опасались, как бы массы из этой критики не сделали свои выводы. Со временем церковная иерархия, однако, коренным образом изменила свое отношение к «христианскому социализму», в котором увидела весьма серьезное средство борьбы против социалистического движения рабочего класса.

«Христианский социализм» никогда не был однородным и не оставался неизменным. В конце XIX — начале XX в. его социальная природа стала иной по сравнению с тем, каким «христианский социализм» был в первой половине XIX в. Он сохранил лишь прежнюю религиозную оболочку.

«ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ» — РАЗНОВИДНОСТЬ ФЕОДАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

«Христианский социализм» зародился в странах Западной Европы непосредственно под влиянием революционных событий 1830-х годов, напугавших господствующие классы. Он возник как одна из форм «феодального социализма», блестящую характеристику которого дали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте». Идеологами христианского социализма тогда выступили представители феодальной аристократии разоряемой развитием капитализма (и потому позволявшей себе выступать в роли «оппозиции» капитализму) и к тому же напуганной размахом революционного движения трудящихся.

Из среды аристократии по адресу буржуазии раздавались предостерегающие голоса, что если положение народа не изменится к лучшему, то это грозит социальным взрывом.

Феодальные социалисты, говорится в «Манифесте Коммунистической партии», «столь мало скрывают реакционный ха-

---

[18] Ф. Меринг. История Германской социал-демократии, т. IV. М., 1924, стр. 109.

рактер своей критики, что их главное обвинение против буржуазии именно в том и состоит, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок» [19].

Наиболее известным представителем христианского социализма во Франции в 40-х годах XIX в. был Фелисите Робер Ламеннэ. В своей небольшой книжке «Слова верующего», появившейся в 1833 г. и написанной в подражание «Апокалипсису», он писал: «Бог не создавал ни великих, ни малых, ни владык, ни рабов, ни царей, ни подданных, он создал всех людей равными» [20].

Ламеннэ с возмущением писал о бедности, на которую обречены народные массы в современном ему буржуазном обществе: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные гнезда, а Сын человеческий не имеет где преклонить голову» [21].

Однако, утверждал он, бедные всегда будут, так как бедность — «следствие развращения людей и похотей их». «Всегда будут бедные,— пишет он,— потому что человек никогда не уничтожит в себе греха». Люди должны всего «уничтожить грех в самом себе», т. е. заняться «моральным самоусовершенствованием», тогда они смогут взяться за уничтожение рабства в обществе.

Подобно религиозным пророкам, Ламеннэ видел причины общественных зол в испорченности человеческой натуры. Естественно, что он не мог указать путей к уничтожению того зла, которое он так решительно бичевал.

В то время как в «Словах верующего» содержится критика существующего положения вещей, осуждаются бедствия народа, положительная программа в этой работе крайне расплывчата. Ламеннэ не против строя, основанного на частной собственности. Он, напротив, за частную собственность. «...Уничтожить бедность,— пишет он,— можно не тем, что будешь брать чужое... Каждый имеет право сохранить то, что ему принадлежит» [22]. И хотя Ламеннэ пишет, что он видит, как люди прозрели и увидели, что они не созданы рабами, и восстали против тех, кто заковал их в цепи, и не стало бедных и богатых, но это восстание он мыслит не как действительное восстание, а как символическое. «Если против вас совершена какая-либо несправедливость,— советует он,— начните с того, что изгоните из вашего сердца всякое чувство ненависти» [23]. Он призывал молиться богу, чтобы тот положил конец несправедливости. Та-

---

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 4, стр. 449.
[20] Ф. Ламеннэ. Слова верующего. М., 1911, стр. 39.
[21] Там же, стр. 45.
[22] Там же, стр. 46.
[23] Там же, стр. 53.

кая проповедь, конечно, не служила делу просвещения трудящихся.

Тем не менее критические элементы, содержащиеся в его работах, были признаны папством опасными и папа Григорий XVI в 1834 г. осудил книгу Ламеннэ, а автор был лишен сана и отлучен от церкви [24].

В другой своей работе, «Современное рабство», Ламеннэ писал: «Что такое теперь представляет пролетарий по отношению к капиталисту? Рабочее орудие. Освобожденный действующим правом, по закону лично свободный, он не представляет уже собственности, которую лицо, пользующееся им, может продавать и покупать. Но это свобода мнимая, тело не находится в рабстве, но воля — да. Можно ли называть свободной волей ту, которая может выбирать только между ужасной неизбежной смертью и принятием навязываемого закона. Цепями и мерами современного рабства служит голод» [25].

И в этой работе, как и в «Словах верующего», Ламеннэ призывал народ пробудиться и сбросить с себя цепи рабства. Но как это сделать? Только не насилием, не революционным путем, убеждал он: «Все в природе совершается путем развития, путем постепенного, но постоянного прогресса и это закон, не допускающий исключений... Поэтому насилие инстинктивно противно массам».

Ламеннэ проповедовал, что спасение в «христианской любви», в укреплении «нравственной связи народа», в «мирном применении им своей верховной власти» и т. д.

Таким образом, Ламеннэ остро бичевал буржуазный строй, принесший неслыханные страдания народным массам, но он указывал угнетенным массам неверный выход из их положения, проповедовал любовь к угнетателям, «моральное самоусовершенствование» и т. п. и был против революционной борьбы угнетенных масс, которая одна только может изменить положение вещей. Маркс и Энгельс относили Ламеннэ к числу «увлекающихся католицизмом политических фантазеров...» [26].

Со временем сам Ламеннэ убедился, что одними угрозами будущих кар и призывом к самоусовершенствованию нельзя изменить положение вещей. Он порвал с церковью и примкнул к буржуазно-демократическому лагерю, а в 1848 г. был одним из активных участников революции.

Своей собственной жизнью Ламеннэ подтвердил несостоятельность «христианского социализма».

---

[24] «Слова верующего» католическая церковь и ныне запрещает читать верующим. Эта и ряд других книг Ламеннэ числятся в ватиканском Индексе запрещенных книг, изданном в 1948 г.

[25] Ф. Ламеннэ. Современное рабство. Н. Новгород, 1905, стр. 7.

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-изд., т. 4, стр. 6.

Другим представителем «христианского социализма» во Франции в первой половине XIX в. был сторонник сен-симонизма Филипп Жозеф Бюше (в 1848 г. председатель Учредительного собрания). Он выступал за создание рабочих производственных ассоциаций при поддержке государства. Эту идею пытались осуществить христианские социалисты в Англии, а также и лассальянцы в Германии.

Критикуя лассальянское требование государственного кредита для основания производственных ассоциаций, Маркс писал, что это требование «...есть буквальная копия из программы французского *католического* социализма, который возглавлял Бюше, в «Atelier», в эпоху Луи-Филиппа» [27].

Более широкая пропаганда «христианского социализма» во Франции, теперь уже при благожелательном отношении церкви, началась после революции 1848 г., когда буржуазия объединилась со всеми реакционными силами против «призрака коммунизма». Католическое духовенство активно бросилось в бой против социализма. Ряд служителей церкви и католических деятелей пришел к выводу, что для успеха антисоциалистической пропаганды среди рабочих нужно выдвинуть в противовес социализму какую-то «положительную» программу помощи рабочим. Они выступили с критикой промышленной анархии, конкуренции и деспотизма могущественных монополий. Они проповедовали, что фундаментом общества должна быть церковь, которая должна быть на стороне бедных. Отстаивая частную собственность, они уговаривали собственников «не злоупотреблять собственностью», а смотреть на себя, как на людей, которым бог поручил собственность в управление,— положение, вошедшее в 1891 г. в энциклику «Рерум новарум» папы Льва XIII. По мнению этих людей реформу общества смогут провести аристократия и буржуазия, которые должны осуществлять патронаж над рабочим классом.

Французские рабочие с подозрением и враждой отнеслись к «благодетелям» из среды католических церковников и аристократов. «За десять лет реакции (1851—1861) в рабочих больших городов успела незаметным образом развиться упорная и непримиримая антикатолическая тенденция, которая только усиливалась, когда хозяева заставляли своих рабочих исполнять религиозные обряды» [28].

После подавления Парижской коммуны «католический социализм» во Франции принял еще более враждебный рабочему классу характер и был взят церковью под свою опеку. Учитывая недоверие рабочих к буржуазным и церковным «покровите-

---

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 99.

[28] Ж. Вейль. История социального движения во Франции (1852—1902). СПб., 1906, стр. 55—56.

лям», а также их стремление создавать свои самостоятельные организации, католические деятели стали с помощью церкви учреждать враждебные социализму и классовой борьбе рабочие католические организации. Инициаторами создания этих организаций выступили два офицера-монархиста — участники подавления Коммуны — граф де Мэн и Латур дю Пэн.

В конце 1871 г. де Мэн создал с участием духовенства общество для пропаганды среди рабочих. Во главе общества стоял комитет, главным секретарем которого был де Мэн. За комитетом надзирал назначенный папой кардинал. В крупных городах возникли комитеты этого общества, занявшиеся организацией католических рабочих кружков. В каждом кружке был свой священник. В кружках велась пропаганда против социализма. Де Мэн и возглавляемое им общество стремились создать христианские корпорации, построенные на принципе «сотрудничества труда и капитала» и объединяющие рабочих и предпринимателей.

Основная масса французских рабочих не пошла в католические кружки, хотя число этих кружков в первый период их существования быстро выросло. Больше всего в них вступали ремесленники и другие представители мелкой буржуазии.

Пропаганда «христианского социализма» в Англии началась в период наибольшего подъема чартистского движения, в противовес ему. Проповедниками «христианского социализма» в Англии были представители англиканской церкви (Кингслей, Морис и др.) и аристократических кругов. Христианские социалисты признавали бедственное положение рабочих. «Что значит «низкая оплата труда»?» — писал в 1850 г. один из представителей христианского социализма Людлоу. И отвечал: «Это — кража. Бог сказал: «в поте лица будешь есть хлеб свой»! Это — и заповедь и приказание; однако, Англия объявляет эту заповедь ложной: швея работает 18 часов в день — и голодает. Мы поторопились написать на стенах и на лестницах в рабочих домах для бедных: «Кто не работает, тот не должен есть»; однако, мы очень медленно идем к пониманию того, что приведенное предписание, в основе своей, предлагает другое, т. е., что каждый, кто работает, тот должен есть» [29].

Что же предлагали Людлоу и другие английские христианские социалисты? Средство, которое может привести к улучшению положения рабочих, писал Людлоу, заключается «в полном изменении взглядов» [30], в том, чтобы «прежде всего извлечь зло из нашего сердца», т. е. в изменении морального духа лю-

---

[29] Цит. по Л. Брентано. Христианско-социальное движение в Англии. М., 1906, стр. 96.
[30] Там же, стр. 98.

дей. Людлоу проповедовал, что рабочие должны добиваться улучшения своего положения не путем стачек и забастовок.

Христианские социалисты критиковали государственную англиканскую церковь, представителями которой многие из них являлись. Священник Кингслей в одной из проповедей в Лондоне в 1851 г. говорил: «Представление о христианской церкви в уме многих связано с представлением о господстве священников и царей, о подавлении умов, о преследовании и тирании, и смешно было бы отрицать, что есть основания для соединения мысли о церкви с этими страшными преступлениями одних людей относительно других. История церкви во все времена полна печальных сообщений о таких действиях клира по отношению к народу [31]. Но тот же Кингслей считал, что именно духовенство должно возглавить движение за улучшение положения народа.

В решительных выражениях критиковали христианские социалисты богатых: «Трудно тем,— проповедовал Кингслей,— кто имеет собственность, войти в царствие божие! Горе вам, богатые люди, ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, поглощающим дом за домом и поле за полем, чтобы завладеть всей землей до самого последнего клочка! Горе вам, меньшинству, обогашающемуся насчет массы бедствующих. Горе вам, извлекающим выгоду из нужды своих братьев» [32].

Но на словесной критике богатых и кончается их радикализм. Кингслей утверждал, что никакое изменение в обществе не может сделать людей счастливее, «необходимо полное нравственное перерождение». Обращаясь к чартистам, христианские социалисты призывали их не допускать насильственных мер; всякая реформа, говорили они, должна начинаться с самоусовершенствования, а путь для этого — религия. Они доказывали чартистам, что рабочим незачем добиваться всеобщего избирательного права или участия в законодательстве. Последнее, по их мнению, было бы «тиранией большинства над меньшинством», Социальный вопрос они так «разрешали»: имущие классы должны сознать, что «собственник, владея своим имуществом, состоит на службе у бога и людей», а трудящиеся обязаны соблюдать «простоту, нетребовательность и честность; верность по отношению к предпринимателям и друг к другу...» [33].

Свою пропаганду христианские социалисты вели и среди рабочих. Они посещали бедные кварталы Лондона и других городов, занимались благотворительностью, организовывали школы для взрослых.

---

[31] Цит. по Л. Брентано. Христианско-социальное движение в Англии, стр. 114.

[32] Там же, стр. 118.

[33] Там же, стр. 30.

В качестве средства улучшения положения рабочих английские христианские социалисты (подобно Бюше во Франции) пропагандировали создание производственных рабочих ассоциаций. С помощью богатых покровителей такие ассоциации — портных, сапожников и некоторых других категорий рабочих — были созданы в Лондоне и в других городах. Однако успех их был кратковременный. Они не привели и не могли привести к «реорганизации общества», не охватили значительных слоев рабочих и не улучшили их положения. Произошло это не потому, что, как думали христианские социалисты, рабочие были недостаточно интеллектуально и морально развиты, а потому, что в условиях капитализма подобные ассоциации должны были либо превратиться в капиталистические же организации, либо, что было гораздо чаще, не будучи в состоянии конкурировать с крупными капиталистическими предприятиями, должны были прекратить свое существование. К тому же ассоциации не могли создаваться в ведущих отраслях промышленности — металлургии, или горном деле,— а создавались в таких ремесленных производствах, как портняжное, сапожное и т. п.

Идеи «христианского социализма» оказали крайне отрицательное влияние на часть руководителей английских тред-юнионов и лейбористской партии, воспринявших немало из их религиозно-ханжеской программы [34].

В Германии с проповедью «христианского социализма» сначала выступили представители католической церкви. Наиболее известным представителем «католического социализма» в этой стране был Майнцский епископ барон фон Кеттелер. Несколько позже с такой же проповедью выступили представители протестантской церкви, которые, по словам Маркса, «не могут предоставить своим католическим соперникам монополию кокетничанья с социализмом» [35]. Из протестантских священников наиболее шумливо и демагогически выступал придворный проповедник Штеккер.

Кеттелер оказал очень большое влияние на папу Льва XIII, основные мысли энциклики этого папы «Рерум новарум» явились повторением взглядов Кеттелера. В этом смысле послед-

---

[34] «...Та программа, которую можно найти в настоящее время у лейбористов, представляет собой чрезвычайно неустойчивую систему компромиссов, основная часть программы заимствована главным образом из разработанных независимо друг от друга программ Конгресса тредъюнионов и Кооперативного союза. Кроме основного ядра или основной части программы имеются еще некоторые дополнения... Эти дополнения состоят из многих элементов, заимствованных из разнородных источников. Одним из источников является христианский социализм»... (Р. А. Брейди. Кризис Британии. М., 1952, стр. 65).

[35] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 449.

ний может считаться одним из духовных предшественников папской «социальной» энциклики.

Кеттелер, выходец из аристократической и глубоко консервативной семьи, учился у иезуитов. После нескольких лет службы чиновником прусского правительства он посвятил себя духовной карьере и в 1844 г. стал священником. Его активная пропаганда в 1848 г. против революции, его выступления по социальным вопросам, которые острием своим были направлены против социализма, восхваление им бедности, смирения, его призывы к трудящимся отказаться от борьбы за лучшую жизнь и быть довольными своим положением, обратили на него внимание церковных и светских властей. Он быстро поднялся по церковной служебной лестнице и уже в 1850 г. по указанию папы был посвящен в епископы и получил Майнцскую епархию.

Кеттелер понимал, какую силу представляет рабочий класс, и требовал, чтобы церковь вела пропаганду среди рабочих, для противодействия влиянию социалистов среди них. Подобно христианским социалистам других стран он утверждал, что только христианство призвано решить все современные общественные вопросы и только в лице католической церкви рабочие имеют истинного защитника своих интересов. В одной из проповедей, произнесенных в декабре 1847 г. на тему «Любовь Христа к нищете», Кеттелер заявил, что Иисус «любил нищих духом, а к богатым духом он питал отвращение»[36]. Не случайно этот епископ к словам «бедные» и «богатые» добавляет слова «духом».

Мои слушатели, сказал в своей проповеди Кеттелер, скажут: Христос осуждал богатых; это относится к тем людям, которые живут в дворцах, но не к нам, беднякам; мы — те нищие, о которых сказано в евангелиях «блаженны нищие». Нет, опровергает такого рода взгляды Кеттелер, он говорит, что слова евангелия «горе вам, богатые» вовсе не направлены против богачей, а слова «блаженны нищие» вовсе не относятся к беднякам и неимущим. Можно быть нищим, пишет Кеттелер, и в то же время принадлежать к тем, о которых Христос говорил: «горе вам, богатые». «Горе вам, богатые», поясняет барон Кеттелер, относится и к тем беднякам, у которых нет ничего, но которые стремятся иметь земные богатства, таких Христос осуждает; слова же евангелия «блаженны нищие духом» относятся и к тем, у кого в изобилии земные богатства, но которые правильно их употребляют и «не показывают крепкой к ним привязанности». Христос, поясняет Кеттелер, не требовал от каждого раздачи своих богатств беднякам. Ближе всех к Христу, заяв-

---

[36] «Wilhelm Emmanuel von Kettelers Schriften», Bd. I, München, 1924, S. 63. (В немецком тексте: Jesus... die Armut im Geiste liebte, und... die Reichen im Geiste verabscheute»).

ляет он, стоят, те, у кого нет ничего, или кто имеет лишь самое необходимое, но доволен своей бедностью. Пусть, восклицает этот аристократ в рясе, бедные сознают, какое великое достоинство в их бедности! [37]. Таким образом, «католический социалист» фон Кеттелер хочет убедить эксплуатируемых, что их положение — самое угодное богу!

Основная книга Кеттелера «Рабочий вопрос и христианство» была опубликована в 1864 г. Она была написана в ответ на успехи социалистической агитации в Германии. Кеттелер писал, что улучшение положения рабочих может быть достигнуто только в том случае, если люди будут следовать указаниям церкви и сотрудничать с ней; «только Христос и христианство,— демагогически утверждал он,— могут помочь миру, в особенности рабочему сословию» [38]. Кеттелер сводил «рабочий вопрос» к вопросу о помощи бедным.

В своих рассуждениях о бедственном положении рабочего класса Кеттелер, как и все «католические социалисты» после него, обходит молчанием вопрос о том, что коренная причина бедственного положения трудящихся кроется в капиталистическом строе, основанном на частной собственности. Улучшить положение рабочих, по мнению Кеттелера, могло бы соучастие рабочих в прибылях, что могло бы быть, если бы рабочие были собственниками предприятий. В Англии и Франции, пишет Кеттелер, рабочие создали такие предприятия, собственниками которых они частично или целиком являются. Но для их создания нужны капиталы. «Радикальная партия», пишет он, имея в виду лассальянцев, предлагает организовать производственные ассоциации с помощью государства. Но может ли государство отпустить средства на создание таких ассоциаций, не затронет ли такое действие государства принцип святости частной собственности?

Кеттелер против нарушения права частной собственности. Он считает, что государственная помощь производственным рабочим ассоциациям выходит за пределы функций государственной деятельности и является вторжением в область, куда государство не имеет права вторгаться, в область собственности.

Вопросу о собственности, о ее божественности уделено в книге Кеттелера большое внимание. Его рассуждения на эту тему целиком вошли в энциклику Льва XIII.

Убогость программы, которую выдвигал Кеттелер, прямо пропорциональна демагогическим его заявлениям. Свою «положительную» программу он начинает излагать с напоминания, что церковь отстаивает частную собственность. Человек, который нуждается во всем необходимом, пишет он, имеет

[37] «Wilhelm Emmanuel von Kettelers Schriften», Bd. I, S. 64—65.
[38] Ibid., Bd. III, S. 5.

право на удовлетворение своих нужд. Государственная власть должна обязать все общины, чтобы богатые заботились о бедных, т. е. чтобы они отдавали им из своих богатств необходимое для жизни. Сверх этого, пишет Кеттелер, теология не знает других обязанностей для смягчения нужды ближних [39].

Таким образом, вопрос об улучшении положения рабочих Кеттелер сводит к благотворительности: рабочие — это бедные люди, которым капиталисты должны подавать милостыню. Собственник, так не поступающий заявляет он, будет отвечать, но не перед людьми, а на «вечном суде» [40].

Христианство предлагает, пишет Кеттелер, следующие мероприятия для облегчения положения рабочих: создание благотворительных учреждений для нетрудоспособных рабочих; внедрение религии в семью, религиозное воспитание рабочих; создание рабочих ремесленных, профсоюзных и других организаций, проникнутых религиозным духом, а также производственных ассоциаций, в которых рабочий был бы и рабочим и хозяином.

«Программа» Кеттелера вошла в программу «социальной деятельности» католической церкви, она стала программой христианских социалистов и вне Германии.

Кеттелер довольно откровенно разъясняет буржуазии, какую пользу приносит христианство для укрепления ее господства. Рабочий, пишет он, хочет тех же земных благ, что и предприниматель, но он их не имеет. Отсюда — чувство недовольства и неудовлетворенности. Положение меняется, когда рабочий верует в то, что христианство существует для всех сословий, что Христос, став рабочим, тем самым показал, что он находится с рабочими в особых отношениях, когда рабочий верует в евангельский рассказ о богаче и бедном Лазаре и в свое личное бессмертие, когда он верует, что бедность и труд— дороже богатства и покоя [41].

О программах подобного рода, предлагаемых различными представителями церкви, В. И. Ленин писал: «Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие» [42].

Последователи Кеттелера ухватились за его предложение насаждать религиозные идеи в рабочем классе и создавать в противовес социалистическим католические рабочие организации.

---

[39] «Wilhelm Emmanuel von Kettelers Schriften», Bd. III, S. 70.
[40] Ibid., S. 71.
[41] Ibid., p. 113—116.
[42] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 65—66.

«Ультрамонтанство,— пишет Меринг,— ничуть не стеснялось выставлять в своей программе социалистические требования, как приманку для рабочих слоев, выросших под его духовным влиянием. Широко разветвленная сеть католических ферейнов, которую оно искусно сумело развить, представляла особенно много притягательных пунктов для ремесленных подмастерьев, а социально-политическая программа, выставленная соборным каноником Муфангом в Майнце, выглядела издали почти как программа Лассаля»[43].

Эти организации со временем стали массовой опорой для образовавшейся в 1870 г. католической партии центра.

Одновременно с католической церковью среди немецких рабочих и мелкой буржуазии развернула «социальную деятельность» и протестантская церковь. В течение многих лет руководящую роль в протестантском «христианском социализме» играл крайний демагог и реакционер пастор Штеккер.

Некоторые представители «евангелических социалистов», например священник Рудольф Тодт, доходили до утверждения, что основные положения социализма, кроме атеизма, сформулированы в евангелии, что обвинения социал-демократии против современного буржуазного общества справедливы и что требования социал-демократии (за исключением атеизма) — это требования евангелия. Противоречат евангелию, писал Тодт, лишь средства, которыми социал-демократия хочет осуществить свои цели. Как же христианский социалист Тодт думал осуществить «заветы евангелия», как он думал добиться изменения положения народа? Он считал, что эти цели могут быть реализованы не путем классовой борьбы, а путем реформ, которые «должны быть осуществлены христианским и монархическим государством, при помощи имущих, неимущих и церкви»[44]. Таким образом, прусское полицейско-юнкерское государство кайзера должно было явиться перед рабочим классом и всеми трудящимися в роли мессии, который поведет народ в землю обетованную! Пастор Штеккер, один из идеологов движения, сотрудничал с принцем Вильгельмом (будущим императором Вильгельмом II), с его генералами и бюрократией на ниве «христианско-социальной» деятельности.

В 1874 г. Штеккер, до того дивизионный священник, был назначен дворцовым проповедником. В 1877 г. он, Тодт и другие создали «Центральный союз социальных реформ на религиозной и конституционно-монархической основе». В программе этой организации говорилось, что для проведения политики

---

[43] Ф. Меринг. История Германской социал-демократии, т. IV, стр. 43. Каноник Муфанг был ближайшим сотрудником Кеттелера.

[44] P. Göhre. Die evangelisch-sociale Bewegung. Leipzig, 1896, S. 15.

социальных реформ нужно «доверие между монархией и рабочими сословиями».

Эти предшественники Зубатова и Гапона говорили о «государственном социализме», осуществляемом под эгидой монарха, о «социальной монархии». Центральной своей задачей они считали привить рабочим идеи классового мира и убедить их в надклассовости прусского государства.

Штеккер пытался свои реакционные идеи проповедовать берлинским рабочим. Он выступал на рабочих собраниях с нападками на социал-демократию. Собрания часто заканчивались провалом для их организаторов: из возникавших на собраниях споров социал-демократы всегда выходили победителями. Нередко рабочие, возмущенные провокационной деятельностью Штеккера, на собраниях же заявляли о своем разрыве с церковью.

В 1878 г. Штеккер основал «христианско-социальную рабочую партию». Исключительный закон против социалистов, изданный в том же году, должен был облегчить христианским социалистам — и католическим и протестантским — пропаганду среди рабочих. Август Бебель пишет о деятельности Штеккера и его единомышленников в это время: «Евангелические социал-политики не хотели отставать от католических и старались спасти от социал-демократической пропаганды тех евангелических рабочих, которых еще можно было спасти» [45].

Первый параграф программы этой партии гласил: «Христианско-социальная рабочая партия стоит на основе христианской веры и любви к государю и отечеству». Второй пункт программы направлен против социал-демократии. Программа выдвигала ряд весьма ограниченных и умеренных требований охраны труда, организации пенсионных касс, действующих под контролем прусского государства, третейских судов, «нормального рабочего дня» (однако без указаний его продолжительности) и т. д. Программа высказывалась за организацию профсоюзов, имея в виду, что они будут находиться под влиянием церкви, государства и предпринимателей. От имущих программа требовала «готовности идти навстречу справедливым требованиям неимущих». Решать о справедливости этих требований, конечно, призваны были сами имущие, эксплуататоры.

Рабочие не поддержали «христианско-социальную рабочую партию». На выборах 1878 г. в Берлине Штеккер получил всего лишь 822 голоса. С бо́льшим успехом Штеккер вербовал в свою организацию мелкую буржуазию — торговцев, служащих, студентов, ремесленников, привлекая их разнузданной националистической и антисемитской пропагандой. Он и его

[45] А. Бебель. Из моей жизни. М., 1925, стр. 342.

сотрудники в своих интересах использовали тяжелое положение мелкой буржуазии и части дворянства, разоряемых развитием капитализма, и, чтобы привлечь их на сторону своей партии, приписывали вину за их тяжелое положение евреям, выгораживая немецких капиталистов и капитализм вообще. В руках Штеккера и его партии, переименованной в 1880 г. в «христианско-социальную партию» (но уже не «рабочую»), антисемитизм стал главной приманкой для уловления мелкой буржуазии. Энгельс видел в антисемитизме проявление феодального социализма. «Антисемитизм,— писал он в 1890 г.,— есть, таким образом, не что иное, как реакция средневековых, гибнущих общественных слоев против современного общества, которое состоит в основном из капиталистов и наемных рабочих; поэтому антисемитизм под мнимо-социалистическим покровом служит лишь реакционным целям; это — разновидность феодального социализма, и нам с ним совсем не по пути»[46]. Широко прибегавший к разнузданной националистической и антисемитской пропаганде Штеккер может считаться одним из предшественников фашистских демагогов.

В 1881 г. Штеккер стал членом рейхстага. Тогда же этот представитель протестантской церкви вступил в переговоры с представителями католической партии центра о совместной деятельности против социал-демократии.

В конце XIX в., когда «христианский социализм» из феодального течения превратился в буржуазное, изменилась и деятельность Штеккера и других евангелических «социалистов», так же, как изменился характер деятельности католических «социалистов».

В странах же, где капитализм развивался медленнее, представители феодальной аристократии еще в конце XIX в. выступали в духе феодальных социалистов первой половины XIX в.

В Австрии, например, в 1882 г. граф Белькреди, докладчик комиссии палаты депутатов по пересмотру промышленного устава, выступил с таким заявлением: «Мы стоим теперь перед великой задачей организации труда; но еще раньше придется нам выдержать трудную борьбу с движимым капиталом, который в прошедшие годы успел твердо укрепиться, оказывая свое разрушающее действие во всех концах страны... В земледелии перемена собственников — в полном разгаре. Семейства, сидевшие на одном месте с незапамятных времен, принуждены покидать свои земли... Задолженность землевладельцев возрастает на 108 миллионов ежегодно, цифра ужасающая... Подати все более увеличиваются, и всеобщая бедность народа доходит

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 46.

до такой степени, что государство бессильно уже оказать помощь» [47].

Другой магнат — князь Лихтенштейн — заявил: «Как ничтожны и пошлы... обычные воззрения, по которым труд есть товар, который один продает, а другой — покупает...» «Дурные признаки, которых нет надобности перечислять, потому, что они всем известны, предвещают перевороты, навстречу которым идет, колеблясь, современное общество. Анархические потрясения не пощадят и Австрии... Почему произошла французская революция? Потому, что необходимые реформы откладывались так долго, что уставший ждать народ принужден был брать их с бою. Сделаем же и мы нужные реформы, пока еще не прошло время и пока нас никто еще не насилует...» [48]. Страх перед революцией делал сиятельных аристократов сторонниками «социальных реформ».

Выступления подобного рода — типичное проявление «феодального социализма». Аристократия не только имела свои основания быть недовольной быстрым развитием капитализма, но у нее был исторический опыт, о котором она предупреждала буржуазию, и не случайно австрийские аристократы вспоминали о французской революции.

Даже Бисмарк счел нужным выступить с предупреждением по адресу буржуазии и указать, что нужно известное улучшение положения рабочих, в противном случае социал-демократия поведет за собой рабочий класс. На заседании рейхстага 9 мая 1884 г. Бисмарк заявил: «Дайте рабочему право на труд, пока он здоров, дайте ему работу, пока он здоров, обеспечьте ему уход, когда он болен, обеспечьте ему призрение, когда он стар. Когда вы это сделаете, не отступая перед жертвами, и перестанете кричать про государственный социализм, когда кто-либо произносит слово «обеспечение старости», когда государство показывает немного больше христианской заботы о рабочих, тогда, я уверен, поборники Виденской программы [49] будут напрасно трубить в свои призывные трубы — наплыв к ним последователей сильно уменьшится, как только рабочие увидят, что правительство и утвержденные законом учреждения серьезно заняты заботой об их благосостоянии...» [50].

Бисмарк был врагом революционной борьбы пролетариата и противником социальных реформ. «Если уже хотят говорить о социализме Бисмарка,— пишет Меринг,— то его нужно наз-

---

[47] «Вестник Европы», 1883, январь, стр. 411—412.

[48] Там же.

[49] В августе 1880 г. в замке Виден, расположенном в кантоне Цюрих, состоялся съезд германских социалистов, на котором были приняты изменения в программе партии.

[50] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, V Legislaturperiode, IV Session, 1884, Bd. 1, Berlin, 1884, S. 481.

вать нищенским или лакейским социализмом...» «Социализм Бисмарка, если уже хотят злоупотреблять этим словом, всегда имел целью морочить рабочих нищенскими подачками для того, чтобы они, подобно придворным лакеям, были покладистее и больше позволяли по отношению к себе» [51].

Феодальный социализм был реакционным течением общественной мысли и реакционным общественным движением. В 1847 г. в «Принципах коммунизма» Энгельс писал об отличии феодального социализма от научного следующее: проповедники первого состоят из «сторонников феодального и патриархального общества, которое уничтожалось и уничтожается с каждым днем крупной промышленностью, мировой торговлей и созданным ими буржуазным обществом. Эта категория из бедствий современного общества делает вывод о том, что следует восстановить феодальное и патриархальное общество, так как оно было свободно от этих бедствий. Все ее предложения, прямыми или обходными путями, направлены к этой цели. Коммунисты всегда будут решительно бороться с этой категорией *реакционных* социалистов, несмотря на ее мнимое сочувствие нищете пролетариата и на проливаемые по этому поводу горючие слезы» [52].

Почти до конца XIX в., до эпохи империализма, «христианский социализм» в некоторых странах сохранил элементы феодальной оппозиции капитализму. Для «христианского социализма» этого периода характерно то, что со своей пропагандой он шел к ремесленному, главным образом, пролетариату и городской мелкой буржуазии, разоряемой капитализмом. Среди этих людей пропаганда христианских социалистов о создании мастерских с государственной помощью, о восстановлении патриархальных отношений между нанимателем и рабочим, о возврате к прошлому могла найти сочувствие. Объективно их пропаганда была реакционной, так как их планы шли вразрез с тенденцией общественного развития.

С конца XIX в., с наступлением эпохи империализма, «христианский социализм» изменил свой характер. Осталась внешняя религиозная его форма и «христианско-социальная» фразеология; существо же его изменилось: в промышленно развитых странах в нем почти не осталось того, что придавало ему черты оппозиции капитализму. Теперь он стал апеллировать к промышленным рабочим, к рабочим крупных фабрик и заводов. Их он не мог прельщать ни идеей образования мастерских с помощью государства, ни филантропией. «Христианский социализм» с конца XIX в. исходит из того, что капитализм су-

[51] Ф. Меринг. История Германской социал-демократии, т. III. М., 1921, стр. 112—113.

[52] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-изд., т. 4, стр. 337.

ществует, он не против него, напротив, он его освящает и свою задачу видит в упрочении капиталистического общества. Теперь «христианский социализм» идет в рабочую массу с тем, чтобы организовать ее в клерикальные рабочие организации, профессиональные союзы, культурные общества и т. д., чтобы противопоставить эти организации социалистическому рабочему движению и мешать революционной борьбе.

Изменению социальной политики церкви и характера христианского социализма в конце XIX в. много способствовал папа Лев XIII.

«ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ» ПЕРИОДА ИМПЕРИАЛИЗМА

Прежде чем остановиться на «социальной» деятельности Льва XIII, которую подхватили его преемники на папском престоле и которая в основном в том же духе ведется папством и в наше время, отметим, что одновременно с выступлением Льва XIII заигрывать с рабочим классом пытался и так называемый «государственно-полицейский социализм». Последний просуществовал сравнительно недолго и с самого начала был враждебно встречен рабочими, видевшими в нем детище полицейских охранок.

В Германии главным представителем «полицейского социализма» был Вильгельм II, который пытался разыгрывать роль патриархального государя, «отца» своих подданных рабочих. В то время как «христианские социалисты» старались втянуть в свои организации рабочих, связанных с церковью, и через них влиять на широкие слои трудящихся, Вильгельм II и его сотрудники пытались выступать в роли покровителей рабочих. Эти «друзья народа» хотели, чтобы рабочие не создавали своих организаций, а верили, что все для них сделают кайзер и его министры. В письме от 21 декабря 1887 г. к Бисмарку о своих планах организации «внутренней миссии» принц Вильгельм писал, что он хочет объединить «в этом деле христианской любви» людей из различных политических партий, что предполагается создать комитет, который по его, Вильгельма, предложению, «возглавили: граф Штольберг, министр фон Путткаммер, министр фон Госслер, граф Вальдерзее, граф Гохберг и их супруги». Эти и другие прусские графы и министры должны были осчастливить немецкий рабочий класс! Вильгельм писал, что только работа таких «миссий» (в деятельности которых принимал активное участие и пастор Штеккер) «даст самое действенное средство для решительной борьбы с социал-демократией и анархизмом» [53].

---

[53] О. Бисмарк. Мысли и воспоминания, т. III. М, 1941, стр. 8

В. И. Ленин писал в 1901 г., имея в виду эту политику Вильгельма, Бисмарка и т. п.: «...в обществе, основанном на частной собственности, на порабощении миллионов неимущих и трудящихся кучке богачей, правительство не может не быть вернейшим другом и союзником эксплуататоров, вернейшим стражем их владычества. А для того, чтобы быть надежным стражем, недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т. п. Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии положили немало труда на такое заигрывание с рабочими» [54]. В. И. Ленин отмечает, что эта ложь была очень быстро разоблачена.

Лицемерный и фальшивый характер выступлений Вильгельма и его правительства виден уже из того, что кайзер намеревался «улучшить» положение рабочих, не затрагивая интересов германских заводчиков и фабрикантов. Он уверял, что благосостояние рабочих зависит от процветания германского капитализма.

4 февраля 1890 г. Вильгельм обратился с рескриптом на имя имперского канцлера, в котором писал, что он принял решение содействовать улучшению положения немецких рабочих, но только лишь в той мере, в какой это позволяет сохранить конкурентоспособность немецкой промышленности на мировом рынке. Вильгельм заявил, что намерен вступить в переговоры сначала с правительством Англии, Франции, Бельгии и Швейцарии о международном соглашении, относительно возможности пойти навстречу тем нуждам и желаниям рабочих, которые были выражены во время стачек последних лет, или другими способами [55]. Если в принципе это будет одобрено, писал далее Вильгельм, он обратится к правительствам с предложением созвать конференцию по рабочему вопросу.

В марте 1890 г. в Берлине состоялась созванная по инициативе Вильгельма международная конференция по «рабочему вопросу» для установления общих принципов рабочего законодательства. Никаких практических результатов эта конференция не дала; ее созыв был использован для того, чтобы продемонстрировать отеческую «заботу» о рабочем классе.

В этом обмане рабочих церковь приняла активнейшее участие. Она поддержала легенду о «надклассовом» характере германского государства и об отеческих заботах императора о рабочих. На состоявшемся 25 августа 1890 г. 37-м всегерман-

---

[54] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 66—67.

[55] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender 1890. S. 19—20; «Вестник Европы», 1890, март, стр. 413—417.

ском католическом конгрессе («Католическом дне») в Кобленце было принято по предложению лидера центра Виндхорста решение выразить благодарность кайзеру за его «деятельность в пользу социального мира». В сентябре того же года на международном социальном католическом конгрессе в Брюсселе всемерно превозносилась берлинская конференция по рабочему вопросу и была принята резолюция следующего содержания: «Конгресс признает берлинскую конференцию счастливым событием для дела социального мира».

В связи с созывом берлинской конференции Вильгельм II обратился с письмом и к папе Льву XIII. В ответном письме 14 марта 1890 г. папа писал, что он приветствует созыв международного конгресса для изыскания средств к улучшению положения рабочих и обещал Вильгельму поддержку церкви.

Католическая церковь и ее глава были солидарны с «социальной деятельностью» Вильгельма.

В 1893 г. папа Лев XIII заявил Вильгельму II, посетившему тогда Ватикан, что точка зрения папы в вопросе об улучшении положения рабочих совпадает с точкой зрения кайзера и немецких католиков [56].

«Полицейский социализм» Вильгельма II не имел успеха. Не имела успеха подобная политика буржуазных правительств и в других странах. Рабочие не поверили ни Вильгельму, ни его подражателям. Они пошли за социалистическими партиями.

Попытки насадить «полицейский социализм» были сделаны и в России в начале XX в. Инициаторами создания рабочих союзов под опекой полиции выступили жандармский полковник Зубатов и поп Гапон.

Духовенство принимало активное участие в этих полицейских заговорах против рабочего движения. В резолюции собрания московских фабрикантов 8 июля 1902 г., на котором Зубатов изложил свою программу деятельности, между прочим говорилось, что «охранное отделение открыло лекции, привлекши к этому делу его высокопреосвященство Московского митрополита, который, по приглашению гражданского начальства, уже приступил к новому делу просвещения фабричных рабочих светом христова учения» [57].

Разоблачая провокационный характер потуг царизма и черносотенцев-монархистов заигрывать с рабочими, В. И. Ленин писал: «...интересная картина: генералы и попы, зубатовские шпионы и верные полицейскому духу писатели собрались «помогать» рабочему выбиваться из-под влияния социалистическо-

---

[56] E. Soderini. Leo XIII und der deutsche Kulturkampf. Innsbruck — Wien — München, 1935, S. 304.

[57] «Образование», 1906, январь, стр. 217.

го учения!— а кстати также и помогать вылавливать неосторожных рабочих, которые пойдут на удочку...» [58].

Благодаря непримиримой борьбе передовых рабочих России под руководством большевиков, зубатовцам и гапоновцам не удалось насадить в рабочем классе России поповско-полицейскую идеологию.

Большое знчение в деле разоблачения государственно-полицейского «социализма» имел тот факт, что буржуазное государство в эпоху империализма не могло долго играть роль «надклассовой силы». В эпоху империализма государство откровенно выступает как орудие монополистического капитала в его внутренней и внешней политике. Демагогическое заигрывание буржуазного государства, его полиции и бюрократии с рабочими долго не могло продолжаться.

Зато большую живучесть и приспособляемость к новым условиям обнаружил «христианский социализм», связанный с церковью, умело использующей религиозные чувства в политических целях.

Католическая, а с ней и вся буржуазная литература много поработала над тем, чтобы представить папу Льва XIII как «социального реформатора» и «великого друга рабочих». При этом она в первую очередь ссылается на его энциклику 1891 г. «Рерум новарум».

Этой энциклике «посчастливилось»: чем больше времени проходит со дня ее издания, тем больше легенд буржуазные, в частности католические, публицисты и историки вокруг нее складывают. Энциклика выдается ими за «великую хартию труда», за программу «социальных реформ» и т. д. Ее автора — папу Льва XIII — усердные церковные писатели называют «великим рабочим папой» [59]. Итальянский священник Стурцо, один из основателей католической партии в Италии, пишет, имея в виду энциклику «Рерум новарум», что Лев XIII первый из всех пап занялся вопросами установления справедливости для рабочих [60].

В энциклике «Квадрагезимо анно», изданной в 1931 г. к сорокалетию «Рерум новарум», папа Пий XI заявил, что энциклика Льва XIII отличается от других предшествующих посланий пап об обществе тем, что в ней указан «верный путь» к «счастливому разрешению» того, «что известно, как социальный вопрос».

Энциклика Льва XIII была подготовлена почти полустолетней деятельностью «христианских социалистов» в разных стра-

---

[58] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 272.

[59] См. C. Walterbach. Leo XIII und die Arbeiterfrage. München, 1931, S. 4.

[60] L. Sturzo. Italy and the new world order. London, 1944, p. 151.

нах. По сравнению с католическим епископом фон Кеттелером и с протестантскими священниками Штеккером, Кингслеем, с графом де Мэном и другими идеологами «христианского социализма» Лев XIII сказал мало нового. Появление послания Льва XIII в 1891 г. было непосредственно связано с обострением классовых противоречий в наступившую империалистическую эпоху.

Последние десятилетия XIX в. ознаменовались быстрым ростом социалистического рабочего движения и широким распространением марксизма.

Во Франции, несмотря на террор, наступивший после подавления Коммуны, рабочее движение выросло в большую силу. «Десять лет спустя после падения Коммуны,— писал Поль Лафарг,— Марсельский конгресс, на котором присутствовали представители рабочего класса всех частей Франции, принял, против значительного меньшинства, решение организовать рабочих в классовую партию» [61].

В Германии с 1 октября 1890 г. был отменен исключительный закон против социалистов, просуществовавший 12 лет и показавший, что буржуазии не удалось задушить социалистическое рабочее движение. При господстве исключительного закона против социалистов социал-демократия получила на выборах 1881 г. 311 961 голос, в 1884 г.— 549 900, в 1887 г.— 763 128, в феврале 1890 г.— 1 247 298 голосов. «Это означает,— писал Бебель,— на протяжении девяти лет исключительного закона увеличение голосов (поданных за социал-демократию.— *М. Ш.*) на 457 процентов. Тем самым, к удивлению всего мира, социал-демократия сразу стала сильнейшей партией в Германии» [62].

В 1889 г. на международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже был основан II Интернационал. Парижский конгресс выработал программу требований, за которые социалистические партии должны бороться, в числе других было выдвинуто требование 8-часового рабочего дня.

В 1890 г. рабочие впервые праздновали свой первомайский праздник. Предстоявшее празднование 1 Мая вызвало в ряде мест панику среди буржуазии.

1 мая 1890 г. Фридрих Энгельс писал: «...сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат производит смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в единую армию под единым знаменем и с единой ближайшей целью — с целью законодательного установления восьмичасового нормального рабочего дня, провозглашенного еще

---

[61] П. Лафарг. Соч., т. I. М., 1925, стр. 17.

[62] A. Bebel. Zum ersten Oktober. «Die Neue Zeit», 1890/91, Nr. 1, S. 7.

Женевским конгрессом Интернационала в 1866 г. и потом вторично — Парижским рабочим конгрессом в 1889 г. И зрелище сегодняшнего дня воочию покажет капиталистам и землевладельцам всех стран, что пролетарии всех стран теперь действительно соединились» [63].

В 1890 г. разразился очередной экономический кризис, который не только принес новые страдания трудящимся, но и вызвал рост возмущения в рабочем классе.

В этих условиях Лев XIII и выступил 15 мая 1891 г. со своей энцикликой «Рерум новарум». Она должна была служить вкладом папы в арсенал средств, которые буржуазия пустила в ход против растущего в массах возмущения капиталистическими порядками.

Энциклика начинается с указания на то, что дух «переворотов» и «нововведений» затронул как политическую, так и экономическую области. Последнее выразилось в неслыханном росте промышленности, в изменении отношений между предпринимателями и рабочими, в том, что капитал сосредоточен в руках немногих, в то время как большая масса людей терпит недостатки, в росте самосознания рабочих, объединяющихся в союзы. Это все вызывает социальные конфликты. В связи с этим, заявляет папа, он счел нужным высказаться и по рабочему вопросу.

Изменения, происшедшие в промышленной жизни, заявляет папа, привели к исчезновению союзов ремесленников, следствием чего явилось то, что рабочие постепенно оказались беззащитными перед «бессердечными предпринимателями». К тому же промышленность и торговля стали монополией немногих и небольшая кучка сверхбогачей наложила ярмо рабства на огромную массу неимущих. Этими словами и ограничивается критика «богатых» папой. Нельзя не отметить, что предшественники Льва XIII на ниве «христианско-социальной деятельности» позволяли себе нередко более остро критиковать капитализм и последствия его господства для народных масс, хотя также с демагогическими целями.

Констатировав новые явления в области социальной жизни, связанные с развитием капитализма, папа свою критику направляет не против капитализма, а против социализма. Целая глава папской энциклики называется «Фальшивые лекарства. Социализм вредит рабочим». Социалисты, пишет Лев XIII, считают, что выход из положения — в превращении капиталистической частной собственности в собственность общественную. Папа не согласен с ликвидацией собственности помещиков и капиталистов. Это, пишет он, «больше повредило

---

[63] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 52.

бы самим рабочим», к тому же ущемить капиталистов было бы «несправедливо» и, наконец, расшатало бы государственный правовой порядок.

Чтобы «доказать», что упразднение частной собственности «вредит самим рабочим», Лев XIII прибегает к смехотворному аргументу. Он рассуждает так: рабочий ставит себе целью приобрести собственность; путем ограничения своих расходов он делает сбережения и покупает себе участок земли; с уничтожением же частной собственности социалистами положение рабочих ухудшится, так как у него отнимают перспективу приобрести собственность. Вся эта аргументация не выдерживает критики. При капитализме заработная плата рабочего, как правило, ниже прожиточного минимума. Он не может сделать сбережений, чтобы обзавестись собственностью — земельной или промышленной. Законом капитализма является не увеличение числа мелких собственников, а их разорение и концентрация капитала в руках немногих. Следовательно, социализм не может лишить рабочих того, чего у них нет и быть не может при капитализме. В «Проекте программы Российской социал-демократической партии» В. И. Ленин писал в 1902 г.: «...гигантское развитие производительных сил общественного и все более обобществляемого труда сопровождается тем, что все главные выгоды этого развития монополизирует ничтожное меньшинство населения. Наряду с ростом общественного богатства растет общественное неравенство, углубляется и расширяется пропасть между классом собственников (буржуазией) и классом пролетариата» [64].

При капитализме происходит неуклонно процесс относительного и абсолютного обнищания трудящихся. Следовательно, насмешкой над миллионами пролетариев является утверждение Льва XIII будто рабочий может при капитализме стать собственником и этому его «возможному» счастью мешают социалисты, требующие обобществления орудий и средств производства!

Значительная часть энциклики «Рерум новарум» (глава 2-я) посвящена вопросу о частной собственности, доказательству, что она — вечный институт, что «от природы» человек получил право владения собственностью. Человек тем существенно отличается от животного, заявляет папа, что он владеет собственностью: животные пользуются тем, что они находят в природе, человек же, обладая разумом, длительно владеет не только предметами, которые исчезают при их потреблении, но и такими, которые продолжают оставаться, например землей. Папа хочет уверить, что собственность вечная, незыблемая ка-

---

[64] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 12.

тегория, неотрывна от человека. Но известно, что и в рабовладельческом, и в феодальном, и в капиталистическом обществах собственность является достоянием немногих, большинство же людей — трудящиеся — не владеют собственностью. Почему же «природа» позаботилась только о небольшой части человечества, забыв о большинстве? Лев XIII оправдывает такое положение вещей. То обстоятельство, что бог дал землю всему человеческому обществу, заявляет он, не противоречит существованию индивидуального владения. Бог, поясняет он, дал землю всем людям, но это не значит, что все должны быть хозяевами земли: разграничение и разделение частных владений бог предоставил «прилежности» людей и «обычаям» и установлениям самих народов. Таким образом, Лев XIII уверяет, что помещики и капиталисты получили свои богатства не путем эксплуатации трудящихся, а благодаря своему «прилежанию». Это обычная аргументация защитников эксплуатации, которые уверяют, что трудящиеся бедны только из-за своей лени и нерадивости.

Поделенная на частные владения земля, уверяет папа, не перестает служить «общему целому», так как нет ни одного человека, который не жил бы тем, что дает земля: у кого нет земельных владений, тот получает продукты земли, трудясь на земле или в промышленности. Отсюда следует еще раз вывод, подчеркивает папа, что частная собственность от природы!

Так решает Лев XIII важнейшие вопросы современности: в капиталистическом мире существует справедливость и гармония, которая выражается в том, что одни владеют всем, другие ничем, но работают на первых и получают за это нищенскую оплату. Эта нищенская оплата, возвещает папа, и есть собственность пролетариев и неимущих.

Больше того, заявляет папа, божьи законы запрещают желать частную собственность других, ибо сказано: «не пожелай чужого». Так, ссылаясь на «божьи законы» папа объявляет борьбу рабочих за уничтожение несправедливых капиталистических порядков — борьбу за ликвидацию частной собственности капиталистов и помещиков — «воровством».

При всех попытках, говорится в энциклике «Рерум новарум», поднять благосостояние низших слоев народа, нужно твердо исходить из основного положения: частная собственность не должна быть нарушена.

Поль Лафарг писал по этому поводу, что «папа Лев XIII в своей знаменитой энциклике о положении рабочих» превращает право частной собственности «в догмат католической церкви»[65]. Лев XIII хотел установить «социальную справедли-

[65] П. Лафарг. Соч., т. III, стр. 82.

вость», не задев интересы эксплуататоров, сводя решение коренных вопросов современности к благотворительности.

И в энциклике «Рерум новарум», и в выступлениях последующих пап содержится немало слов увещевания, адресованных к капиталистам и помещикам, чтобы они были «добрее» и заботились бы об «общем благе», содержится и немало слов о «более справедливом распределении богатств». Но на такую «справедливость», несмотря на агитацию «христианских социалистов», эксплуататорские классы не идут.

В. И. Ленин пишет, что «нельзя победить капитализма, не *взяв банков,* не отменив *частной собственности* на средства производства, но нельзя осуществить этих революционных мер, не организуя демократическое управление захваченными у буржуазии средствами производства всем народом, не привлекая всей массы трудящихся, и пролетариев и полупролетариев и мелких крестьян, к демократической организации своих рядов, своих сил, своего участия в государстве» [66].

Лев XIII и своей энцикликой, и всей своей деятельностью стремился к тому, чтобы помешать рабочему классу победить капитализм, взять банки и отменить частную собственность на средства производства.

Как и Кеттелер в своей книге «Рабочий вопрос и христианство», Лев XIII в энциклике «Рерум новарум» много пишет о роли церкви в разрешении современных общественных проблем. Церковь, заявляет папа, помогает решать эти проблемы и своим учением и своим моральным влиянием. Однако все дело в том, в интересах какого класса решает церковь эти проблемы. На этот вопрос не трудно ответить уже на основании сказанного о том, что больше всего Лев XIII был озабочен сохранением в незыблемости института частной собственности.

Классовый характер его послания раскрывается еще больше в последующих рассуждениях, когда он заявляет, что всякое уравнение между высшими и низшими в гражданском обществе невозможно; социалисты к этому стремятся, однако «борьба против естественного порядка безперспективна, так как от природы между людьми существуют глубокие и разнообразные неравенства».

Чтобы «доказать», что и классовое неравенство «от природы», Лев XIII заявляет: люди не равны от природы — по своим способностям, по здоровью; то же происходит в обществе, где требуются различные формы человеческой деятельности, а на основе этого и должно существовать неравенство! Оправдание общественного неравенства тем, что не все люди физически одинаковы, как и отождествление человеческого общества с че-

---

[66] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 13.

ловеческим организмом, у которого ноги ходят, руки работают, а голова мыслит и управляет — старый прием сторонников увековечения неравенства в обществе. В действительности общественное неравенство — не от природы, а явление исторически возникшее и преходящее. Господствующие же классы буржуазного общества — капиталисты и помещики — находятся наверху социальной лестницы вовсе не потому, что они самые прилежные и самые способные, как это вытекает из социологии Льва XIII.

Для оправдания неравенства и социального угнетения трудящихся Лев XIII прибегает к старой религиозной сказке о том, что труд — наказание бога за «первородный грех», все несчастья на земле — это «наследие греха». Поэтому, заявляет папа, лучше всего принять положение вещей таким, каким оно есть, т. е. папа призывает трудящихся согласиться с их порабощенным положением, ибо таков их удел! Из этой социологии вытекает, что не капитализм повинен в бедствиях, которые он обрушивает на народные массы, а они сами, трудящиеся люди, расплачиваются своими страданиями за «первородный грех» [67].

Очень удобная для эксплуататоров теория!

О политической роли церковного учения о «первородном грехе» Маркс писал: «Социальные принципы христианства объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов» [68].

Освободительная борьба рабочего класса под знаменем марксизма-ленинизма, победа социализма в СССР и успехи стран народной демократии опровергли измышления защитников старого мира о том, будто «никакая сила» не способна изменить положение вещей и уничтожить страдания народных масс. Именно рабочий класс, организованный и возглавляемый своей революционной партией, является той силой, которая призвана изменить мир.

Главная ошибка, допускаемая в рабочем вопросе, писал Лев XIII, состоит в том, что считают, что классы враждебны друг другу и должны вести между собой непримиримую борьбу. Между тем, уверял папа, подобно тому, как между различными членами человеческого тела существует гармония, природа хочет, чтобы и в государстве оба класса друг друга дополняли, чтобы они сотрудничали и находились в «единомыслии». Говоря об обязанностях разных классов общества, папа больше всего

[67] В 1950 г. папа Пий XII в энциклике «Humani Generis» повторил выгодную для эксплуататоров сказку о «первородном грехе», как причине общественных неустройств.

[68] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т 4, стр. 204.

имел в виду «обязанности» рабочих по отношению к капиталистам: они, писал он, должны быть верны своим обязательствам, не смеют наносить ущерб предпринимателям и даже при защите своих интересов не должны прибегать к «мятежам», не должны слушать подстрекателей.

Папа поучал предпринимателей не обращаться с рабочими, как с рабами, быть к ним справедливыми, дать им время для выполнения религиозных нужд, платить им «справедливую» заработную плату. Осторожно, чтобы не обидеть капиталистов, Лев XIII заявлял, что несправедливо заставлять рабочих работать больше того, что им позволяют их силы. Он, однако, воздержался от того, чтобы выдвинуть определенное требование о продолжительности рабочего дня. В свете того факта, что рабочий класс вел тогда под руководством социалистов энергичную борьбу за 8-часовой рабочий день, видно, насколько лицемерными были уверения Льва XIII, а за ним и католических писателей, будто энциклика «Рерум новарум» имела в виду защиту интересов рабочих.

Возвращаясь к роли церкви в решении современных общественных проблем, Лев XIII заявляет, что церковь обращает внимание людей на «высшие цели», на «потустороннюю жизнь». «Наша настоящая жизнь,— подчеркивал папа,— начинается лишь с расставанием с земной жизнью», бог создал людей «для радостей на небе». И вечная жизнь не зависит от того, богат ты или беден; наоборот, богатства являются препятствием к вечному блаженству! Так уговаривал Лев XIII неимущих и угнетенных, что их нищета гарантирует им вечное блаженство после смерти. Нельзя не отметить, что папа Лев XIII, как и другие папы и князья церкви, сам всегда предпочитал богатство бедности.

Папа призывал имущих «справедливо» распоряжаться своими богатствами и «справедливо» их употреблять. Конечно, заявлял папа, никто не обязан «в ущерб себе» отдавать другим из своего; никто не обязан жить «не соответственно своему званию». Миллионер, следовательно, не обязан поступиться своими капиталами «в ущерб себе», не обязан жить «не соответственно» своему положению. Живя в роскоши, «в соответствии со своим положением», буржуазия и аристократы должны, по совету Льва XIII, в своих же собственных интересах отдавать бедным часть «из своих избытков». Для папы «рабочий вопрос» решается в рамках благотворительности. Подобно своим предшественникам, в частности Кеттелеру, Лев XIII рекомендовал капиталистам прибегать к милостыни для облегчения положения рабочих.

К этим предложениям Льва XIII, ставящим рабочих на положение нищих, которым капиталисты, осуществляя христиан-

ский завет «любви к ближнему», дают подачки, прямо относятся бичующие слова Маркса о «социальных принципах христианства»: «На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества, пролетариат же — революционен» [69].

Лев XIII не надеялся, что «христианская любовь к ближнему» действительно может установить «мир между классами» и разрешить все вставшие перед обществом проблемы. Он не надеялся, что капиталисты внемлют его словам и используют свою собственность в интересах «общего блага». Еще менее мог папа рассчитывать, что пролетариат откажется от классовой борьбы и во имя «христианской любви к ближнему» возлюбит своих эксплуататоров. Вот почему специальный раздел энциклики «Рерум новарум» посвящен роли государства в осуществлении «социальных принципов», провозглашенных папой.

Под государством мы понимаем, говорил Лев XIII, не какую-либо определенную форму государственного управления, а саму «идею» государства. Лев XIII и в вопросе об отношении католической церкви к государству решительно повернул церковную организацию в сторону буржуазного государства, следовательно, и в сторону буржуазной республики. Монархия перестала быть единственной формой господства имущих классов. Пример США, которыми Лев XIII умилялся, показал папству, что буржуазная республика не хуже монархии обеспечивает сохранение строя, основанного на частной собственности. Вот почему папа подчеркивал, что для церкви безразлична форма государственного устройства, монархическая или республиканская.

Лев XIII был, однако, против того, чтобы власть в государстве принадлежала народу [70]. Он представлял буржуазное государство — республику или монархию — как «надклассовую», справедливую в отношении «всех классов» общества силу.

Государство, писал Лев XIII, должно заботиться о благосостоянии всех сословий (так как ни одно общество немыслимо без сословного деления), в особенности о повышении благосостояния рабочих. В государстве, уверял он, граждане — неимущие и имущие — равноправны. В действительности буржуазное государство заботится не об «общем благе», а об интересах эксплуататоров. В эпоху империализма буржуазное государство неприкрыто выступило как комитет по заведованию делами буржуазии. Вот почему особенно лицемерны уверения

---

[69] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 4, стр. 205.
[70] То же можно сказать и о всех его преемниках.

папы о буржуазном государстве, как «надклассовом» институте, заботящемся об интересах «всех».

Государство, декларировал Лев XIII, должно заботиться «об общем благе». Он, однако, не выдвинул каких-либо конкретных требований, в чем должна выразиться забота государства о трудящихся, а отметил, что возможная помощь государства рабочим ограничена. Такое умолчание папы вполне понятно: ведь чтобы действительно помочь рабочим, нужно было бы нарушить «священное право» частной собственности. Зато когда дело доходило до защиты интересов имущих классов, папа находил вполне конкретные предложения. Государство, заявлял он, должно заботиться о «мире и порядке» и должно вмешаться, когда угрожают опасные «смуты» вследствие мятежного поведения рабочих, или когда существует угроза для их религии и нравственности. Первой задачей государства, говорится в «Рерум новарум», является охрана частной собственности от массы, «среди которой так велика жадность к чужому». Один только этот выпад папы против «жадной к чужому добру массы» достаточно характеризует классовый характер «рабочей» энциклики папы.

Государство, говорится в энциклике, должно помогать рабочим, не затрагивая прав и привилегий «других» (т. е. капиталистов). Оно должно вмешаться, когда призывают к беспорядкам и насилиям, оно должно предотвратить опасность «ограбления собственников».

«Забота» государства о рабочих должна выражаться лишь в заботе о «духовных благах» для них. Папа требовал воскресного отдыха для рабочих, чтобы они могли в этот день молиться, а также ограничения детского труда. Он говорил о «справедливой» заработной плате, но добавлял, что в вопросах заработной платы и величины рабочего дня вмешательство государства не должно далеко заходить.

Из сказанного вытекает, что функция государства, согласно папской энциклике, должна быть сведена к тому, к чему на самом деле и сводится функция эксплуататорского государства — к полицейской защите капиталистической собственности, к охране буржуазии от «подстрекателей» и «мятежников», к законодательному проведению таких мероприятий в области заработной платы и рабочего дня, какие капиталисты найдут для себя выгодным и нужным провести.

Заключительный раздел энциклики посвящен «самопомощи рабочих». Улучшить положение рабочих, сказано в энциклике, могут учреждения, созданные рабочими или предпринимателями и рабочими. Сюда относятся союзы для взаимной помощи и учреждения для помощи рабочим в случае болезни, старости, несчастья. Папа заявил, что он с одобрением относится к обра-

зованию рабочих союзов, которые состоят из рабочих, или из рабочих и работодателей. Важнейшей задачей таких союзов должна быть забота о духовных, религиозных и материальных нуждах рабочих. Государство, писал папа, должно помогать таким союзам и мешать образованию союзов «опасных» для «общественного блага и нравственности» и «общественного благополучия». «Опасными союзами» Лев XIII считал классовые, революционные организации рабочих. Он предлагал католическим рабочим создавать католические рабочие союзы, в противовес союзам, находящимся под влиянием социалистов.

Еще до опубликования энциклики 1891 г. Лев XIII выдвинул план организации рабочих под опекой епископов.

В беседе с корреспондентом газеты «Нью-Йорк геральд» 19 апреля 1890 г. Лев XIII сказал, что он намерен во всех епархиях создать комиссии во главе с епископами с участием рабочих или сочувствующих рабочим. В праздничные дни эти комиссии будут созывать рабочих и внедрять в них «настоящие нравственные учения».

В энциклике «Рерум новарум» Лев XIII высказался за то что католическая церковь должна содействовать созданию клерикальных рабочих союзов, чтобы отрывать рабочих-католиков от классовых профсоюзов и других пролетарских организаций.

Из всего сказанного видно, что «рабочая» энциклика «Рерум новарум» ничего общего с интересами рабочего класса не имела. Ее главным назначением было мобилизовать силы церкви против социализма, против рабочего класса. В этом документе обобщены взгляды католической церкви на буржуазное общество. Защита капиталистической собственности, увековечение эксплуатации человека человеком, ненависть к социализму, составляет основу «рабочей» энциклики Льва XIII.

«Злоупотребление словами — самое обычное явление в политике, писал В. И. Ленин. «Социалистами», напр., не раз называли себя и сторонники английского буржуазного либерализма... и сторонники Бисмарка и друзья папы Льва XIII»[71].

Буржуазная печать положительно оценила энциклику Льва XIII. Во Франции буржуазный публицист Леруа Болье поместил в журнале «Revue de deux mondes» ряд статей, посвященных энциклике. Энциклика Льва XIII, писал Леруа Болье, означала разрыв с традицией предшествующих пап и явилась демонстрацией отсутствия враждебности папы к демократии.

Страх перед социальной революцией делал представителей буржуазии сторонниками католицизма и «социальной политики» папства.

---

[71] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 106—107.

В статье «Лев Толстой и его эпоха» (1911 г.) В. И. Ленин дал яркую характеристику «христианского социализма» и оценку его исторической роли. Ленин писал: «Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодальный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер *такого* социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом наряду с оценкой других видов социализма» [72].

В «христианском социализме» и Ламеннэ и Льва XIII имелись критические черты. Значение критики у первого и у второго, однако, различно.

Выступление Ламеннэ и других представителей «христианского социализма» первой половины XIX в. могло, вопреки утопическим и реакционным чертам их учения, принести известную пользу, так как содержало и критику существующих порядков, и осуждение угнетенного и бедственного положения народа. В эпоху империализма критические элементы в «христианском социализме» приняли характер социальной демагогии. Эта пропаганда способна была лишь приносить самый непосредственный и самый глубокий вред.

Через десять лет после опубликования энциклики «Рерум новарум» российский представитель при Ватикане Сазонов писал (12 февраля 1901 г.) Ламздорфу: Лев XIII кладет в основу своего социального учения «евангельский завет взаимной любви и согласия и увещевает как богатых, так и бедных не сходить с этой почвы при регулировании социально-экономических вопросов, причем папа напоминает бедным, что терпение одна из высших христианских добродетелей» [73].

Энциклика «Рерум новарум» дала новый толчок так называемой «социальной деятельности» католической церкви, способствовала активизации ее пропаганды среди рабочих. В письме к генералу францисканского ордена 15 ноября 1898 г. Лев XIII писал, что если когда либо общественная безопасность зависела в значительной мере от народа, то это — в наше время; отсюда обязанность духовенства знать хорошо народ, помогать ему, учить и утешать его [74]. Эта «помощь», однако, особого рода. Лев XIII был обеспокоен ростом сознательности и активности трудящихся масс и требовал от духовенства идти в народ, делать все для того, чтобы оторвать рабочих от социализма.

---

[72] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 32.
[73] АВПР, ф. Ватикан, д. 8, л. 18.
[74] E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, p. 210.

С этим курсом католической церкви и связано возникновение с конца XIX в. во многих странах массовых католических рабочих организаций.

ХРИСТИАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧИХ

Христианские (католические и протестантские) союзы стали создаваться параллельно свободным (классовым) профессиональным союзам. Хотя они организовывались людьми, связанными с католической церковью, церковная иерархия до конца XIX в., и даже позже, с подозрением относилась к профессиональным союзам. Она была против профессиональных союзов как организаций, строящихся по классовому принципу, и стояла за вовлечение рабочих в общие христианские рабочие союзы. Эти союзы ставили себе целью религиозное воспитание рабочих, но не защиту их интересов перед предпринимателями. Этим и объясняется слабость этих союзов и то, что рабочие (в том числе и связанные с церковью), предпочитали вступать в профессиональные союзы, чтобы бороться за улучшение своего положения. И лишь встревоженные этим обстоятельством, церковные круги отказались от отрицательного отношения к созданию христианских профсоюзов [75]. При этом церковь действовала через католиков-мирян, предпочитая не выпячивать роль духовенства в таких союзах, чтобы не отпугивать от союзов людей, мало связанных с католицизмом или принадлежащих к другим христианским исповеданиям.

В странах со сравнительно меньшим католическим населением (США, Англия), где создание отдельных религиозно окрашенных профсоюзов не могло иметь успеха, церковная иерархия побуждала католических деятелей проникать в существующие профсоюзные организации, добиваться влиятельного в них положения. По словам биографа Льва XIII, этот папа советовал духовенству: «Противопоставьте социалистическим обществам в народе христианские общества, от вас зависит, чтобы демократия стала христианской. Уходите из ризниц и идите к народу...» [76].

Историк американского католицизма Майнард пишет, что католическая иерархия США в конце XIX в. была напугана всем, что напоминало революционное движение; она считала своей задачей вести борьбу с идеями, которые противоречили учению католической церкви, что частная собственность соответствует «естественному праву», т. е. борьбу с социалистическими идеями.

[75] K. Fugger. Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. Berlin, 1949, S. 56—57.
[76] E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, p. 210.

На практике, признает этот автор, не всегда легко было установить разницу между позицией небольшой группы церковных лидеров и богатых мирян-католиков, считавших, что влияние церкви должно быть употреблено для поддержки капиталистической системы [77].

Американская иерархия взяла курс на завоевание влияния в существующих пролетарских организациях путем создания в них своих групп и фракций. Это стало ее традиционной политикой. Уильям Фостер пишет: «Немаловажным показателем силы религиозного влияния католической церкви является состояние американского профсоюзного движения. Иерархия католической церкви со своей Ассоциацией католиков — членов профсоюзов нагло старается захватить в свои руки профсоюзы в США» [78].

Показательна история отношений американской иерархии к «Рыцарям труда» — влиятельной в конце XIX в. профессиональной организации американских рабочих, насчитывавшей в конце 80-х годов XIX в. более 600 тыс. членов [79].

Католическая иерархия США с подозрением относилась к «Рыцарям труда» в связи с популярностью идей социализма среди членов организации, несмотря на то, что Паудерли, возглавлявший «Рыцарей труда», сотрудничал с католической иерархией и был противником социалистов [80].

Первым возбудил в Ватикане вопрос о «Рыцарях труда» архиепископ Квебекский Ташеро, который был встревожен успехами этой организации в Канаде. В 1883 г. он послал в Рим устав организации и просил вынести суждение о нем. Вопрос был передан на рассмотрение комиссии кардиналов. В Ватикане считали, что среди членов «Рыцарей труда» преобладают «еретики» и контакт католиков с ними опасен для веры.

В августе 1884 г. римская инквизиция вынесла решение, что «Рыцари труда» должны рассматриваться как организация, запрещенная папским престолом. Ватиканская конгрегация пропаганды веры рекомендовала американским епископам создавать в США католические рабочие общества, такие, какие существуют в Германии и Франции, общества, которые хотя и преследуют земные и материальные цели, но подчинены духовенству и руководятся ими [81]. Ватикан, следовательно, побуждал католический епископат США раскалывать рабочее дви-

---

[77] Th. Maynard. The story of american catholicism, p. 432—433.
[78] Уильям З. Фостер. Закат мирового капитализма, стр. 128.
[79] Ф. Фонер. История рабочего движения в США. М., 1949, стр. 572.
[80] H. Browne. The catholic church and the Knights of labor. Washington, 1949, p. 90—92.
[81] Ibid., p. 100.

жение, создавать в стране католические рабочие союзы, подчиненные руководству церкви.

В условиях такой многонациональной и многорелигиозной страны, как США, где к тому же католицизм не является религией большинства населения, создание католических рабочих союзов не только не могло быть успешным, но скомпрометировало бы инициаторов этого дела. Это поняла влиятельная часть американской иерархии, воспротивившаяся указанию Рима и настойчиво добивавшаяся отмены осуждения «Рыцарей труда».

Часть американской иерархии во главе с кардиналом Гиббоном исходила из того, что вражда церкви к популярной среди рабочих организации «Рыцарей труда» оттолкнет рабочих от церкви. В письме в Ватикан префекту пропаганды веры Гиббон писал, что «Рыцари труда» ничего не имеют общего ни с запрещенными организациями, ни с социализмом, что цель этой организации — «законными средствами» защищать рабочих от тирании богатых корпораций. Гиббон подчеркивал, что запрещение «Рыцарей труда» явится большой помехой распространению католицизма, это приведет к тому, что рабочие отвернутся от церкви и поверят тем, кто говорит, что церковь находится на стороне угнетателей [82].

Гиббона поддерживали и некоторые другие американские епископы.

В конце 1886 г. в Ватикан отправились американский архиепископ Айрланд и епископ Кеан, а в феврале 1887 г. туда прибыли кардинал Гиббон и инициатор обвинений против «Рыцарей труда» архиепископ Ташеро.

Гиббон доказывал в Ватикане, что «Рыцари труда» не враждебны ни церкви, ни законам страны и что руководитель организации Паудерли — верующий католик. Гиббон далее затронул в своем меморандуме ряд общих вопросов о важности для церкви связаться с рабочими организациями, чтобы влиять на них. Он писал в своем меморандуме папе, что церковь «не должна дольше заниматься парламентами и государями, а должна иметь дело с массами, с народом» [83], т. е. должна завоевать эти массы.

Весной 1888 г. конгрегация инквизиции отменила свое прямое запрещение «Рыцарей труда». Отныне эта организация была признана дозволенной для католиков. В решении инквизиции указывалось, что все, что в уставе «Рыцарей труда» может быть «плохо понято», должно быть исправлено; в уставе должно быть сказано, что каждый имеет право владеть землей, но

---

[82] H. Browne. The catholic church and the Knights of labor, p. 193.
[83] E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, p. 167—178.

осуществление этого права не должно нарушать принципа частной собственности.

К тому времени, когда Ватикан «признал» «Рыцарей труда», эта организация потеряла свой прежний боевой, революционный характер. Паудерли был сторонником классового сотрудничества с капиталистами. «В конце концов Паудерли превратился в одну из наиболее реакционных фигур в рабочем движении своего времени. Он предал крупную забастовку 1886 года за установление 8-часового рабочего дня» [84]. Поездке Гиббона в Рим предшествовала его встреча с Паудерли, который заверил, что возглавляемая им, Паудерли, организация «не придерживается враждебных церкви учений». С ним кардиналу Гиббону легко было сговориться в ущерб интересам рабочих. После отмены инквизицией запрещения «Рыцарей труда» Паудерли встретился с Гиббоном и выразил готовность пойти навстречу всем пожеланиям католической иерархии.

Церковная иерархия оказывала на него все большее влияние. Гиббон писал Паудерли в 1887 г., что не должно быть конфликтов между капиталом и трудом, так как оба необходимы для человечества. В интересах «Рыцарей труда», писал Гиббон, быть против «анархистов» и других «опасных ассоциаций». Духовенство вносило буржуазную идеологию в организацию, стремилось привить ей идеологию классового сотрудничества.

«Рабочему движению в США,— пишет Уильям Фостер,— с самого начала приходилось развиваться, преодолевая сопротивление со стороны самого мощного во всем мире класса капиталистов. В ходе этой длительной и тяжелой борьбы профсоюзы оказывали рабочим большую помощь, но они еще вовсе не достигли полной зрелости в этом отношении... **Первым** и самым основным недостатком профсоюзов является их идеологическая отсталость...» [85].

Американская буржуазия старалась закрепить идеологическую отсталость американского профдвижения, используя, в частности, различный национальный и религиозный состав рабочих-иммигрантов. Католическая иерархия действовала в этом же направлении.

С конца XIX в. до 1910 г. в Сан-Франциско среди рабочих. главным образом ирландцев, подвизался католический священник Иорк, проповедовавший «идеи» классового сотрудничества в духе папской энциклики «Рерум новарум». В 1889 г. Иорк

---

[84] Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 459—460.

[85] Уильям З. Фостер. Закат мирового капитализма, стр. 81.

был принят папой Львом XIII, одобрившим деятельность его и его сотрудников в США [86].

Иорк начал с создания католических организаций, которые во время избирательных кампаний способствовали бы избранию угодных церкви кандидатов. Во время происходивших в начале XX в. в Сан-Франциско забастовок Иорк выступил в роли «посредника» между рабочими и предпринимателями. Он демагогически критиковал действия предпринимателей, но при этом призывал рабочих не допускать насильственных действий против хозяев. Он писал и проповедовал, что главной «внутренней опасностью» для рабочего движения являются политика и социализм, а потому рабочим надо отказаться от политической борьбы. Он пропагандировал против политической партии рабочего класса и против влияния социалистического рабочего движения на профессиональные союзы. Вместе со всей американской иерархией Иорк стремился посеять среди рабочих недоверие к социализму, который, как он утверждал, «разрушает тред-юнионы».

Деятельность представителей католической церкви среди американских рабочих способствовала консервированию идеологической отсталости рабочего движения в этой стране.

В Англии создание отдельных католических рабочих союзов также не могло иметь успеха, и католическая (и англиканская) иерархия, действуя в духе директив Льва XIII, стремилась влиять на существующие рабочие организации, связаться с лидерами тред-юнионов, привлечь их к церкви.

В 1889 г., во время забастовки лондонских докеров, кардинал Маннинг взял на себя роль арбитра между рабочими и предпринимателями. Большинство докеров были католиками и поддались на уговоры кардинала Маннинга. Его посредничество выразилось в том, что когда забастовка шла к концу, он уговорил бастующих принять условия директоров компании [87]. «Вмешательство непрошенных посредников — кардинала Маннинга и Лорда Бакстона... помешало рабочим добиться полного удовлетворения своих требований...» [88]. Докеры требовали главным образом повышения заработной платы и оплаты сверхурочных работ.

Кардинал Маннинг принадлежал к числу тех представителей католической иерархии конца XIX в., которые считали, что церковь должна завоевать рабочий класс и тем помешать успехам социалистического рабочего движения. Маннинг поддержал кардинала Гиббона в его усилиях добиться снятия запрета с «Рыцарей труда». 11 марта 1887 г. он писал Гиббону,

[86] B. C. Cronin. Father Jork and the labor movement in San-Francisko, 1900—1910. Washington, 1943, p. 37.

[87] Том Манн. Воспоминания. М., 1924, стр. 61.

[88] А. Хатт. Английское профсоюзное движение. М., 1954, стр. 51.

что до сего времени мир управлялся династиями, отныне же святой престол имеет дело с народом, а его епископы имеют повседневный контакт с народом, и чем полнее это будет осознано, тем сильнее будет Рим [89]. Несомненно, что позиция таких влиятельных церковных иерархов, как Гиббон, Маннинг, оказала большое влияние на папу Льва XIII и сыграла немалую роль в той политике социальной демагогии в «рабочем вопросе», которую повел он и которая нашла свое отражение в энциклике «Рерум новарум».

В Германии католическая церковь и католическая партия центра с конца XIX в. стали серьезно работать над организацией рабочих католиков под контролем церкви с той же целью — помешать распространению среди них идей социализма.

Социальные вопросы стали предметом обсуждений на традиционных ежегодных всегерманских католических съездах, на которых участвуют епископы, католические политические деятели, руководители католических организаций. На этих съездах произносились громкие слова о сочувствии церкви рабочим, но когда дело доходило до принятия конкретных решений, съезды ограничивались крайне скромными пожеланиями. Всегерманский католический съезд в августе 1894 г. по докладу о «социальном вопросе» вынес решение: добиваться осуществления воскресного отдыха, создания касс взаимопомощи, регулирования рабочего дня путем международных соглашений. О 8-часовом рабочем дне, ставшим боевым требованием рабочего класса, на католических съездах не говорили.

Всегерманский католический съезд в августе 1899 г. высказался за возможное ограничение труда замужних женщин и возможное улучшение условий труда детей. Предъявить какие-либо конкретные требования предпринимателям в интересах рабочих съезд не счел возможным. На всегерманском католическом съезде в Мангейме в августе 1902 г. один из католических депутатов рейхстага демагогически заявил: где рабочему искать помощи? Может быть у государства? Нет, государство дает рабочим только налоговые листки и пушки (политику пушек, политику милитаризации депутаты центра в рейхстаге неизменно поддерживали). Может быть у предпринимателей? Предприниматели, конечно, помогают рабочим, но мало. Только церковь, заключил он, любит рабочих, как и всех людей. Подобные демагогические выступления типичны для «друзей рабочих» из церковного лагеря.

В конце XIX в. при активном участии духовенства и партии центра стали создаваться христианские профсоюзы. В противо-

---

[89] H. Browne. The catholic church and the Knights of labor, p. 255.

вес созданному в 1889 г. союзу горняков в 1894 г. на конференции католических и евангелических горняков Вестфалии был создан «профессиональный союз христианских горняков». В уставе союза говорилось, что его цель — поднятие морального и социального положения горняков «на христианской и законной основе» и сохранение «дружественного согласия» между предпринимателями и рабочими. В уставе (§ 3) говорилось, что союз «верен кайзеру и империи» и что вступающий в союз тем самым признает себя противником социал-демократических принципов и стремлений[90].

Вслед за христианским профсоюзом горняков возникли христианские профсоюзы рабочих других отраслей промышленности. В 1899 г. в Майнце собрался первый конгресс христианских профсоюзов.

В Германии, пишет Эрнст Тельман, «христианские профсоюзы возникли в середине 90-х годов прошлого столетия. Как по своей структуре, так и своей пропагандой эти христианские организации были совершенно определенно основаны в противовес свободным профсоюзам социал-демократии, которые строились по классовому признаку»[91].

Несмотря на поддержку церкви, предпринимателей и властей, христианские профсозы, как видно из следующих данных, смогли объединить сравнительно небольшую часть немецких рабочих[92].

Год	Численность христианских профсоюзов	Численность свободных (классовых) профсоюзов
1895	5 500	259 000
1900	76 000	—
1905	191 000	—
1910	316 000	2 017 000
1912	350 000	2 553 000
1913	341 000	2 573 000
1914	218 000	2 075 000

В отличие от других католических светских организаций, католические профсоюзы не могли не строиться по классовому признаку. Это на первых порах вызывало подозрительное к ним отношение церковной иерархии и части лидеров партии цент-

[90] Karl Fugger. Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung, S. 57.

[91] Ernst Thälmann. Das Zentrum die führende Partei der deutschen Bourgeoisie. «Die Internationale», Berlin, 1932, Nr. 1, S. 14.

[92] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. VII, S. 210.

ра, которые, однако, вынуждены были согласиться с существованием таких организаций.

Различные массовые католические организации, включая и профсоюзы, были в 1890 г. по инициативе лидера центра Виндхорста объединены в «Народный союз за католическую Германию» («Volksverein für das katholische Deutschland»). В воззвании об образовании этого союза говорилось, что католицизм должен противопоставить социал-демократии сплоченную силу.

В германских католических кругах, в руководстве партии центра и в среде немецкого епископата вплоть до первой мировой войны велась острая борьба вокруг вопроса о том, какими должны быть христианские профессиональные союзы. Так называемое «берлинское» направление, представлявшее ультрамонтанские элементы, стояло за то, что христианские профсоюзы должны быть строго конфессиональные организации — состоять из одних лишь рабочих католиков и находиться под руководством церкви; второе направление, так называемое «кельнское», считало, что для успешной борьбы с влиянием социал-демократической партии христианские профсоюзы должны создаваться как межконфессиональные, они должны принимать не только католиков, но и всех христиан, а вмешательство духовенства в деятельность союзов должно быть замаскировано. Прусские епископы в своем пастырском послании в августе 1900 г. высказались против межконфессиональных профессиональных союзов [93].

«Берлинское» направление поддерживал кардинал Бреславльский Копп. Большинство в партии центра было за межконфессиональные союзы, так как при такой структуре профсоюзов они могли вовлекать в орбиту влияния центра и протестантские круги, тем более, что протестантская буржуазия охотно шла на сотрудничество с католической против социал-демократической партии.

Кроме руководства партии центра, кельнское направление поддерживали кардинал Фишер, архиепископ Кельнский и германские правительственные круги, заинтересованные в сплочении сил против социал-демократической партии. В свою очередь и представитель прусского правительства в Ватикане Мюльберг в первые годы своей миссии старался воздействовать на папу и его статс-секретаря в пользу христианских профсоюзов [94].

Ватиканские иерархи больше сочувствовали «берлинскому» направлению и были отрицательно настроены к христианским профсоюзам. Руководитель центра Шпанн вместе с представи-

[93] «Die Neue Zeit», 1901/1902, Nr. 11. S. 343.
[94] M. Pernot. La politique de Pie X. Paris, 1910, p. 240.

телями «Volksverein» дважды, в 1908 и 1910 гг., ездили в Рим, чтобы изложить папе точку зрения центра и склонить его в пользу христианских межконфессиональных профсоюзов [95].

Российский посланник в Ватикане Булацель сообщал в ноябре 1910 г., что в октябре в Рим прибыл архиепископ Кельнский кардинал Фишер. Прусский представитель в Ватикане Мюльберг сказал в связи с этим Булацелю, что в Ватикане «по некоторым особенно важным для германских католиков вопросам кельнскому архиепископу удалось достигнуть желаемого им результата». Больше всего Фишера интересовал вопрос о христианских ремесленных ассоциациях. По словам Булацеля, кардинал «убеждал Ватикан, что недопущение в члены ассоциации всех христиан крайне вредно отражается на этой последней, так как способствует усилению социалистических обществ, куда, вследствие закрытия для них ассоциации, переходят лютеране. Таким образом, ассоциация, созданная для борьбы с социализмом, сама же усиливает его ряды. Вследствие вышеизложенного Фишер просил об отмене этого ограничения» [96].

В мае 1912 г. орган центра «Германия» опубликовал послание папы к берлинским рабочим союзам, в котором Пий X писал, что знает о целях этих союзов, об их разногласиях с другими организациями (имелось в виду разногласие с «кельнским» направлением). Папа писал далее, что именно берлинские союзы он одобряет и признает; другие же союзы не одобряет, но и не осуждает; однако основные их принципы, которые являются фальшивыми, он, папа, не признает. Когда экономическую сторону жизни отрывают от религии, то ведет к печальным последствиям, заявил папа; он не одобряет организации, которые отстаивают такие принципы. Когда говорят, писал далее папа, что каждый член организации подчинен авторитету церкви, а организация как таковая — нет, то это неверно и невыносимо. Послание заканчивалось заверением папы в его одобрении берлинским (т. е. чисто католическим) организациям [97].

И все же Ватикан должен был пойти на уступки. В сентябре 1912 г. была опубликована энциклика Пия X «Singulari Quadam» о христианских профсоюзах. Энциклика была обращена к немецким епископам. Папа заявил, что заслуживают одобрения и поддержки только те союзы, которые создаются как экономические, на основах католической религии. Ни в коем случае, говорится в энциклике, не могут быть одобрены

---

[95] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. VII, S. 213.

[96] АВПР, ф. Ватикан, д. 27, лл. 150—151.

[97] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1912, S. 187.

союзы смешанные, состоящие из католиков и некатоликов, так как, кроме иных причин, в таких союзах послушание католической церкви подвергается опасности. Поэтому папа одобряет существующие в Германии католические союзы. Хорошо, говорится далее в энциклике, что немецкие католики работают вместе с некатоликами для улучшения положения рабочих, но папа предпочитает, чтобы для этого католические и некатолические общества заключали между собой союзы, картели. В связи с особым положением в Германии, говорится в энциклике, он, папа, согласен занять позицию терпимости к смешанным союзам и разрешает немецким католикам вступать в такие союзы. При этом должны быть соблюдены следующие условия: 1) католики, члены смешанных союзов, должны одновременно состоять членами католических рабочих союзов, которые находятся под наблюдением духовенства, и 2) католики могут участвовать только в таких вневероисповедных организациях, в деятельности которых не заключается ничего противного учению католической церкви.

Таким образом, Ватикан вынужден был отступить от своей позиции вражды к сотрудничеству католиков с некатоликами в общих христианских союзах и сделал это для облегчения германской католической партии центра и правительству их борьбы с социал-демократией.

Посланник России при Ватикане Нелидов писал об этой энциклике: «Не подлежит никакому сомнению, что эта уступка сделана под давлением германского правительства и под влиянием настояний многих германских епископов...» [98].

Борьба вокруг вопроса о христианских профсоюзах продолжалась в германских католических кругах и после опубликования папской энциклики, вплоть до первой мировой войны. Каждое из двух борющихся течений толковало энциклику в выгодном для себя смысле.

Пий X не скрывал своего сочувствия чисто католическим союзам. Историк папства Людвиг Пастор пишет, что в феврале 1913 г., когда он был принят папой Пием X, речь зашла об энциклике «Singulari Quadam» и ее толковании. Папа сказал, что он собирается написать кардиналу Коппу, что «терпимость не означает одобрения», папа терпимо относится к смешанным профсоюзам «кельнского» направления в связи с особым положением в Германии, но эта терпимость допустима или целесообразна только временно [99].

При всех этих расхождениях и та и другая сторона считала,

---

[98] АВПР, ф. II Департамент, II 5, д. 107, л. 2.

[99] Ludwig Freiherr von **Pastor**. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen. S. 572.

что главная цель рабочих организаций, созданных по религиозному принципу (католические или смешанные),— борьба с социал-демократией, раскол рабочего класса, отрыв верующих от социалистического движения.

Соревнование с социал-демократическими профсоюзами, пишет Эрнст Тельман, заставляло христианские профсоюзы применять в своей структуре классовый принцип и формально признать «принцип борьбы» и «забастовки». «Само собой понятно, что все это ограничивалось фразой, а на деле ничуть не препятствовало самому позорному пресмыкательству перед предпринимателями и не знающему никаких границ предательству интересов христианских рабочих» [100].

В 1912 г. во время забастовки 250 тыс. горняков рурской области, которая велась за увеличение заработной платы, христианский профсоюз горняков выступил штрейкбрехером и помог угольным синдикатам [101].

Католическая церковь и партия центра старались организовать под своей опекой и крестьян. В Германии первые крестьянские католические союзы образовались в 1895 г., в Баварии. Католические политики и епископы ставили ставку на косность крестьянства и рассчитывали, что крестьянские католические союзы явятся опорой власти против революционного рабочего класса.

Одновременно с католическими и протестантские круги стали создавать «евангелические рабочие ферейны». Впервые эти ферейны были созданы в Рейнско-Вестфальской области в 1882 г. В 1889 г. насчитывалось 70 евангелических союзов с 20 тыс. членов, в 1896 г.— 350 союзов с 80 тыс. членов. Они носили такой же реакционный и антисоциалистический характер, как и аналогичные католические союзы.

Устав евангелических рабочих союзов, принятый в 1885 г., гласил, что союзы стоят на почве «евангелического христианства» и ставят себе целью пробуждение среди своих членов «евангелического сознания» путем поднятия их морального и образовательного уровня; союзы отвергают учение о необходимости изъять средства производства из частных владений, а стремятся обеспечить «мирное сотрудничество» рабочих с капиталистами, помогать своим членам в случае болезни и нужды и приучить их быть верными кайзеру и империи.

На первых порах евангелические рабочие союзы носили и известный антикатолический характер, но вскоре они в ряде мест стали объединяться с католическими союзами на почве общей вражды к социал-демократии. Большое влияние на дея-

---

[100] Ernst Thälmann. Das Zentrum die führende Partei der deutschen Bourgeoisie. «Die Internationale», 1932, Nr. 1, S. 14.

[101] «Звезда», 1(14), 13(26) марта 1912.

тельность союзов оказывал Штеккер, который был больше связан с консервативными феодальными кругами.

Другое течение в евангелическом социальном движении представлял пастор Науманн. Он выступал ярым защитником капиталистического развития Германии и ее активной колониальной политики. Науманн осуждал тех христиан, которые «ныне имеют свои идеалы в прошлых днях». «Бог хочет прогресса техники, он хочет машины», восклицал он [102]. Выступая с демагогическими заявлениями, что не социал-демократия, а христианство способно разрешить социальный вопрос, что «христианско-социальное» движение придет на смену социал-демократии, что Иисус был против «мамонизма», против накопления богатств, что он был за бедных, пастор Науманн в то же время писал, что Иисус «не был коммунистом», он пришел не для того, чтобы уничтожать, «он отдавал кесарю кесарево, он изменил мир, но не был революционером» [103].

Науманн стал певцом германского империализма. Он проповедовал, что кайзер должен опереться на буржуазию и способствовать широкому развитию германского капитализма и его агрессивной экспансии на мировых рынках, он призывал рабочих отказаться от социалистических стремлений и помогать буржуазии в деле осуществления задач промышленного развития Германии и подчинения всего мира ее промышленному господству.

Немецкие рабочие в массе своей не пошли ни за попом Штеккером, тянувшим в сторону юнкерства, ни за попом Науманном, тянувшим «во имя евангелия» к империализму. Те же отдельные представители протестантского духовенства, которые искренне хотели помочь рабочему классу, убедились, что христианско-социальное движение является орудием классовых врагов рабочих. Эти люди нашли путь к социал-демократии. Так было со священником Гере. Еще в 1896 г. он писал, что евангельско-социальное движение «призвано прийти на смену социал-демократии» [104]. Он, однако, убедился, что это движение стало орудием германского империализма и сделал из этого соответствующий вывод: в 1899 г. Гере перешел в ряды германской социал-демократической партии.

Во Франции в конце XIX в., по словам Поля Лафарга, католические попы «решили вступить в борьбу с социалистами за влияние на рабочих. По данному из Рима паролю, аббаты, кюре, монахи стали посещать публичные собрания, на которых уже давно перестали показываться буржуазные республиканцы. В своих выступлениях они были искуснее, чем адвокаты

---

[102] Fr. Naumann. Was heisst christlich-social? Leipzig, 1896, S. 33, 35.
[103] Ibid., p. 9—10.
[104] P. Göhre. Die evangelisch-sociale Bewegung, S. 176. Leipzig, 1896.

и буржуазные политики. Вместо того, чтобы выступать открыто против социалистических ораторов, они решили перещеголять их. Они охотно, без оговорок, признали, что положение рабочих стало невыносимым, что критика социалистов, направленная против капиталистического способа хозяйства, вполне справедлива. Разумеется, они прибавляли к этому, что причина всего зла якобы в том, что люди покинули указываемый церковью путь и пренебрегли ее заповедями. В дальнейшем само собой следовало, что социалисты так же мало сумеют уничтожить нищету народа, как и те, на кого социалисты нападают — республиканцы, франкмасоны, и что только церковь призвана в наш век облегчить жребий трудящихся и обремененных...»[105].

Аббаты и кюре, писал Лафарг, не довольствовались выступлениями на собраниях, где они получали отповедь от сторонников социализма, а начали проповедовать и в церкви, где не могли ожидать возражений. «Чтобы придать собраниям в церкви интерес публичных народных собраний, они вернулись к одному средневековому обычаю. Против проповедника, развивавшего программу христианского социализма, выступал оппонент,— в средние века он назывался «адвокатом дьявола»,— который должен был защищать идеи нехристианского социализма. Само собой разумеется, что он высказывал нелепейшие вещи по поводу научного социализма, и адвокат господа бога, играючи, расправлялся с ними»[106]. На лекции приходили и социалисты, католические рабочие, таким образом, могли здесь услышать от представителей социалистического рабочего движения правду о социализме. «Лица духовного звания,— пишет Лафарг,— двинувшиеся в поход, чтобы уничтожить социализм, только способствовали его распространению»[107]. Духовенству пришлось отказаться от устройства публичных лекций.

Энциклика «Рерум новарум» Льва XIII и во Франции послужила толчком к созданию католических рабочих организаций, построенных на более демократических основах, чем прежние католические рабочие кружки. Теперь старались не выпячивать роль фабрикантов и аристократических «покровителей» в католических рабочих союзах, а придавали этим союзам характер организаций, в которых инициатива принадлежит рабочим, хотя фактическое руководство союзами принадлежало аббатам. Во многих городах священники с одобрения епископов и папы стали создавать «христианские рабочие кружки», организации католической молодежи и менее охотно — профсоюзы. Это движение поддержали и деятели прежнего феодального, «католического социализма» де Мэн и Латур дю

[105] П. Лафарг. Соч., т. I. М., 1925, стр. 23.
[106] Там же, стр. 24.
[107] Там же, стр. 25.

Пэн. Де Мэн считал, что «главная задача момента» — это борьба с социализмом, что есть два способа борьбы с ним: 1) объединившись с капиталом, 2) объединившись с народом. «Де Мэн подчеркивал всю важность для церкви второго пути, т. е. демагогического обмана масс»[108].

Католические «рабочие» организации Франции вели борьбу против социализма и пропагандировали солидарность рабочих с предпринимателями. В их лозунгах немалую роль играли антисемитизм и борьба с франкмасонством. Духовенство разыгрывало роль «друзей трудящихся», оно собирало «социальные конгрессы», на которых обсуждался «рабочий вопрос». В то же время епископат и представители господствующих классов с недоверием смотрели на католические рабочие организации, опасаясь, что классовое сознание организованных в католических союзах рабочих возьмет верх и конфессиональная оболочка организации не помешает их революционизированию. Для некоторых церковных руководителей теория де Мэна казалась «опасной», «родственной социализму»[109].

Сам де Мэн опасался, что организации трудящихся католиков не удовлетворяются отведенной им клерикальными политиками областью деятельности.

Чтобы этого не допустить, как де Мэн, так и другие католические деятели считали, что католические рабочие организации должны находиться под постоянным наблюдением церкви. Де Мэн организовывал массовые паломничества французских католических рабочих в Ватикан. Первое поломничество состоялось в 1887 г. В нем участвовали 1400 рабочих, 100 предпринимателей и 300 священников. Выступивший перед паломниками папа Лев XIII заверял, что церковь является покровительницей труда. Через два года в другом паломничестве из Франции, также во главе с де Мэном и архиепископом Реймским, участвовало 4 тыс. человек[110].

Представитель России при Ватикане Чарыков сообщал в октябре 1898 г. о прибытии в Ватикан 1500 французских рабочих-паломников. В своем выступлении перед ним, писал Чарыков, папа «высказывает горячее поощрение тому движению, которое стало известно под названием христианского социализма»[111].

В Бельгии после появления энциклики «Рерум новарум» под эгидой епископов была создана Федерация католических рабочих обществ[112]. Де Бруккер писал в 1911 г. о широкой «соци-

---

[108] А. З. Манфред. Внешняя политика Франции 1871—1891. М., 1952, стр. 489.

[109] C. S. Phillips. The church in France 1848—1907, p. 224.

[110] E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, S. 180.

[111] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 122.

[112] E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, S. 203.

альной деятельности клерикалов в Бельгии: в числе социальных учреждений бельгийских католиков «есть и дома рабочих, заманивающие членов даровым угощением, стрельбой из лука и бесплатными концертами, и «желтые» рабочие союзы — организации штрейкбрехеров, привлекаемые кое-какими милостями предпринимателей, и кооперативы, и общества взаимопомощи, которые благодаря субсидиям правительства и частных лиц могут всякими нечистыми средствами конкурировать с рабочими организациями. В числе их есть и «честная пресса», которая распространяет консервативные листки по очень низким ценам, и дело St. Vincent de Paul, которое держит бедняков в зависимости, благодаря раздаваемой им милостыне. В деревне дело обстоит еще хуже. «Союзы крестьян», при помощи своих организаций для покупки и продажи и своих страховых касс, контролируют всю хозяйственную жизнь крестьян, так что в некоторых деревнях крестьянин почти не может жить, если он не примыкает к этим союзам и хочет освободиться от опеки церкви... Патеры посвящают обыкновенно больше времени страхованию свиней, продаже масла, распространению газет, управлению больничными кассами и вербовке штрейкбрехеров, чем церковной службе и исповеди старых богомольцев»[113].

Особое внимание церковь обратила на кооперацию. Большевистская газета «Искра» писала в 1902 г.: «...потребительские общества являются таким могучим орудием в руках бельгийских социалистов, что за последнее время бельгийские католики, составляющие самую реакционную партию в Бельгии, поняли удобство этого оружия и решили воспользоваться им сами в борьбе с социалистами. Они также начали устраивать свои кооперативы, завлекая в них еще не доросших до социализма рабочих и, главным образом, невежественных крестьян»[114]. Под руководством католической партии и духовенства были созданы сельскохозяйственные товарищества по закупке семян, удобрений и машин, кредитные и молочные товарищества и другие кооперативные организации. Католические кооперативные организации требовали от своих членов верности религии и другим «устоям общества», т. е. верности капиталистическому строю.

Католические профсоюзы были созданы и в Голландии. О позиции этих профсоюзов во время забастовки железнодорожников в начале 1903 г., когда католическое правительство применило против рабочих террористические законы, «Искра» писала: «Поведение христианских союзов во всей разыгравшейся борьбе является одним из самых печальных эпизодов ее.

---

[113] Г. де Ман и Л. де Бруккер. Рабочее движение в Бельгии, М. (б. г.), стр. 79—80.

[114] «Искра», № 20, 1 мая 1902 г.

За немногими исключениями, эти своеобразные «христиане» являлись форменными предателями своих борющихся товарищей и с чисто собачьей преданностью к своим правящим единоверцам (в Голландии клерикальная партия была тогда у власти— *М. Ш.*) объявляли себя за «каторжные законы»»[115].

Несмотря на сопротивление итальянской католической иерархии, с недоверием относившейся к организации рабочих даже под руководством церкви, в конце XIX в. стали создаваться католические рабочие союзы и в Италии. Священник Стурцо признает, что образование в Италии католических рабочих организаций было вызвано стремлением помешать рабочим-католикам сплотиться вокруг социалистической партии. В январе 1902 г. на съезде 22 католических профсоюзов, объединивших 100 тыс. членов, было решено создать католический профсоюзный центр для всей Италии.

И в царской России чиновники правительства и иерархи православной церкви изучали опыт «христианского социального движения» и христианских союзов в странах Западной Европы с целью применить его в условиях России.

Монархист Саблер, впоследствии обер-прокурор синода, ездил в 1906 г. во Францию, Бельгию и Италию и другие страны знакомиться с применяющимися там методами борьбы против социализма. Больше всего он был удовлетворен деятельностью католических церковников. «В данном вопросе,— писал он,— духовенство католическое и сочувствующие ему публицисты и деятели достигли более значительных результатов»[116].

Попытки создать клерикальные рабочие организации особенно усилились в годы первой русской революции.

В 1905 г. было объявлено об образовании клерикальной партии «Христианское братство борьбы» для «проведения в жизнь начал вселенского христианства». В программе этого «братства» фигурировали «радикальные» требования, которые должны были быть, однако, осуществлены на основе «принципов христианской любви»[117]. По этому поводу М. Ольминский в большевистской газете «Вперед» писал: «Почти через 20 столетий наши христиане спохватились, что нужно поставить целью «активное проведение в жизнь начал вселенского христианства». Это начало того смирения, терпения и суеверной надежды на воздаяние за гробом? Нет,— и самое «очищенное» христианство вредно...»[118].

---

[115] «Искра», № 40, 15 мая 1903 г.

[116] В. Саблер. О мирной борьбе с социализмом. Сергиев Посад, 1911, стр. X.

[117] «Вперед», № 11, 23(10) марта 1905 г.

[118] «Вперед», № 11, 23(10) марта 1905 г.; № 14, 12 апреля (30 марта), 1905 г.

В 1906 г. журнал Петербургской духовной академии «Церковный вестник» выступил со статьей, в которой с похвалой отзывался о деятельности Кеттелера, Льва XIII, Штеккера и других «христианских социалистов» и призывал православную церковь по примеру католической выступать посредником между рабочими и предпринимателями и создавать в приходах христианские профсоюзы [119].

Все эти затеи успеха не имели благодаря тому отпору, который большевистская партия дала попыткам буржуазии и попов разложить рабочее движение.

Таким образом, начиная с конца XIX в., в соответствии с программой, изложенной в энциклике «Рерум новарум» папы Льва XIII, католическая церковь (а в странах с некатолическим населением — и протестантские и другие церкви) в интересах буржуазии и при ее активной поддержке выступила как один из главных организаторов враждебных освободительному движению рабочего класса обществ — христианских профсоюзов, кооперативов и других организаций. Основная цель этих организаций заключалась в том, чтобы под прикрытием религии и под видом «неполитических» обществ расколоть рабочий класс, навязать ему буржуазную идеологию, ослабить рабочее движение, помешать распространению марксизма, помешать рабочему классу выполнить его историческую миссию.

Чем большие успехи одерживало рабочее движение, тем активнее выступала против него церковь. Борьба с социализмом с конца XIX — начала XX в. стала одной из самых главных целей папской политики.

Католическая иерархия и папство поощряли так называемое христианско-социальное движение, как отдушину, куда можно было отвести недовольство части рабочих своим положением. В то же время церковная верхушка с подозрением относилась к массовым католическим рабочим организациям и следила за тем, чтобы они не вышли за те рамки, которые им отводили папство и буржуазия, тем более, что, несмотря на контроль духовенства и католических политических деятелей, нередко низовые организации христианских профсоюзов поддерживали забастовочное движение.

Церковная иерархия опасалась также сближения католических рабочих организаций с классовыми социалистическими организациями.

Социальная демагогия — критика «недостатков» капитализма, которая была характерна для «христианского социализма» раннего периода, уступила место «позитивной» программе, активному участию христианско-социальных организаций в

---

119 «Церковный вестник», 1906, № 40, стр. 1285—1290.

деятельности буржуазного государства. Эту роль в первую очередь должны были выполнять так называемые христианско-социальные партии (католические), возникшие в ряде европейских стран в конце XIX в. Другие христианско-социальные организации (профсоюзы, кооперативы и пр.) со временем стали массовой опорой этих партий.

ДЕЯТЕЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ О «ХРИСТИАНСКОМ СОЦИАЛИЗМЕ»

Социалистическое рабочее движение не могло безразлично относиться к пропаганде «христианского социализма» среди рабочих, который и теоретически непримирим с научным социализмом, и практически наносил вред рабочему классу тем, что отрывал часть трудящихся от классовой борьбы, сеял среди них иллюзии и явился орудием реакционных сил общества.

В одной из ранних своих работ «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»» (1847 г.) Маркс писал о социальных принципах христианства, что они «оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защитить, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата» [120].

В «Принципах коммунизма» (1847 г.) Энгельс раскрыл враждебный рабочему классу характер христианского социализма. Феодальные социалисты, писал он, «пытаются восстановить господство аристократии, цеховых мастеров и владельцев мануфактур, с их свитой абсолютных или феодальных монархов, чиновников, солдат и попов; они хотят восстановить общество, которое, правда, было бы свободно от пороков современного общества, но зато принесло бы с собой, по меньшей мере, столько же других бедствий, а к тому же не открывало бы никаких перспектив к освобождению угнетенных рабочих посредством коммунистической организации» [121].

Христианские социалисты, отмечал Энгельс, больше всего боятся революционизирования рабочего класса и объединяются против него с буржуазией; «свои подлинные намерения они всегда обнаруживают, когда пролетариат становится революционным и коммунистическим. В этих случаях они немедленно объединяются с буржуазией против пролетариев» [122].

Реакционный характер «христианского социализма» первой половины XIX в., как разновидности феодального социализма, Маркс и Энгельс раскрыли в «Коммунистическом Манифесте»:

---

[120] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 4, стр. 204.
[121] Там же, стр. 337.
[122] Там же, стр. 338.

«Подобно тому как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным... Христианский социализм — это лишь святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа» [123].

В Германии в 1874 г. против заигрывания духовенства с рабочими и внушения им, что христианство, в частности католицизм, отстаивает те же принципы, что и социализм, выступил Август Бебель. В письме в газету «Volksstaat» от 22 ноября 1873 г. католический священник Гогофф, возражая Бебелю, пытался опровергнуть его критику реакционной деятельности католической церкви. Гогофф утверждал, что христианская церковь хочет уничтожения того же, что хочет уничтожить и социал-демократия. «Назовите мне,— писал Гогофф,— хотя бы что-нибудь, что вы считаете постыдным и недостойным, что вы хотите уничтожить и что не было бы устранено или уничтожено, если бы люди следовали учению католической религии» [124].

В своем ответе Гогоффу Бебель раскрыл несостоятельность попыток отождествить цели христианства с целями социализма. На протяжении 18 столетий, писал Бебель, христианство, «эта религия любви», была на самом деле религией «ненависти, преследований и подавления»; «христианство враждебно свободе и культуре. Своим учением о пассивном повиновении «богом установленным» властям, своей проповедью терпения и прощения в страданиях, проповедью, связанной с обещанием, что все невзгоды на этом свете будут вознаграждены блаженством на том свете, христианство отвлекло человечество от его цели — совершенствоваться во всех отношениях, стремиться к своему высшему развитию и радоваться и наслаждаться уже достигнутыми благами. Христианство держало человечество в рабстве и угнетении и до настоящего времени используется как важнейшее орудие политической и социальной эксплуатации и для этого оно и служит» [125].

Бебель писал о лицемерии церковных аристократов, которые выдавали себя за «друзей рабочего класса» и проповедовали благотворительность как средство исправления «недостатков» буржуазного общества, чтобы помешать активной борьбе народных масс за свое освобождение. «Ваши епископы,— писал Бебель,— ваши священники, ваши графы, бароны и буржуа, которые в качестве руководителей стоят во главе католического движения, это не наши люди; они не хотят равенства и счастья людей, так как иначе они должны были бы, если не от-

---

[123] Там же, стр. 449.

[124] «Christentum und Socialismus». Eine religiöse Polemik zwischen Herrn Kaplan Hohoff und A. Bebel, Berlin, 1906, S. 4.

[125] Ibid., p. 13.

казаться от своего привилегированного положения, то использовать его так, чтобы содействовать победе благосостояния человечества, к которому они будто бы стремятся. Но они являются главными защитниками привилегий, сословного и классового господства, они хотят не справедливости, а благотворительности, не равенства, а смиренной покорности, не науки, а веры»[126].

Бебель выражал надежду, что наступит день, когда у католиков, следующих за церковью, откроются глаза и они перейдут на сторону социал-демократии.

«Итак,— заканчивал Бебель свой ответ,— я не могу присоединиться к вашему взгляду, что христианство стремится к тому же, что и социализм. Христианство и социализм противостоят друг другу, как огонь и вода...».

В предисловии, написанном в 1901 г. к новому изданию своего ответа Гогоффу, Бебель отмечал, что все вопросы, поставленные в этой брошюре более 27 лет тому назад, не потеряли своего значения.

Против попыток отождествлять социализм с христианством в Германии выступил и Иосиф Дицген. В. И. Ленин писал о нем, что это «один из выдающихся социал-демократических писателей-философов Германии», «самостоятельно пришедший к диалектическому материализму», и который, несмотря на то, что часто впадал в путаницу «с глубокой страстью истинного революционера бичевал и клеймил ...«дипломированных лакеев поповщины»...»[127].

Дицген критиковал и тех членов социалистической партии, которые во вред рабочему движению пытались подменить социализм христианством. «Говорят,— писал он,— Христос был первым социалистом. Социализм и христианство различны как день и ночь. Конечно, у них есть и сходство... А что не сходно? День и ночь сходны тем, что как одно, так и другое — отрезки времени. Чорт и архангел, хотя у первого черная, а у другого белая кожа, опять-таки очень сходны тем, что каждый из них вообще имеет кожный покров... Много ли общего у христианства с социализмом, но во всяком случае тот, кто делает Христа социалистом, заслуживает названия общественно-вредного путаника. Недостаточно знать общее у вещей, надо понимать и различия между ними»[128]. Дицген доказывал, что христианское учение о смирении и о всемогущем боге, перед которым человек бессилен, враждебно интересам рабочего класса.

Во Франции против развращения рабочих религией в конце

---

[126] «Christentum und Socialismus», S. 15.

[127] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 59, 61.

[128] Joseph Dietzgen. Die Religion der Socialdemocratie. Berlin, 1891, S. 27.

XIX — начале XX в. выступали представители революционного марксизма, в первую очередь Лафарг и Гед.

Поль Лафарг написал ряд ценных исследований по истории религии. Он вскрыл в них земные источники религиозных представлений. В своих памфлетах Лафарг раскрыл реакционную роль религии, показал подчинение церкви капиталу, участие Ватикана и католической иерархии в заговорах реакции против социализма и демократии.

«Крупная промышленная буржуазия,— писал Лафарг,— несмотря на всю свою антипатию к католическому духовенству из-за его иерархии, хищной жадности и вмешательства в семейные дела, поддерживает его в политическом и финансовом отношении ради тех многочисленных услуг, которые оно оказывает ей в деле эксплуатации труда» [129].

Религиозности буржуазии Лафарг противопоставлял безразличие к религии и атеизм рабочего класса, который ведет борьбу с религией и церковью, как с опорой буржуазного господства. «...Среди пролетариата европейской и американской промышленности,— писал он,— не наблюдается стремления ни создать новую религию взамен христианства, ни реформировать его. Экономические и политические организации рабочего класса всего мира совершенно не интересуются теоретическими спорами о религиозных догматах и спиритуалистических воззрениях, что не мешает им бороться со священниками всех вероисповедных толков, как с прислужниками класса капиталистов» [130].

Вместе с Лафаргом против религиозного влияния на рабочий класс выступал Жюль Гед, разоблачивший, в частности, несостоятельность и демагогию христианских социалистов типа де Мэна и решительно отвергавший всякие попытки отождествить социализм с христианством.

В Открытом письме «Господину Льву XIII», опубликованному в 1879 г., Гед писал: «Отвечая за нас с бóльшим авторитетом, чем мы, политиканам, которые обвиняют нас в том, что мы являемся лишь плагиаторами христианства первых веков, что у нас «те же учения, те же теории и те же принципы», вы не преминули прочно установить, что равенство, которого мы хотим, материальное и непосредственное, не имеет ничего общего с равенством евангельским, платоническим и неземным...» [131].

«...Серьезный и добросовестный ум, писал Гед, не может смешать старую общность имуществ некоторых христианских сект, основанную на презрении, на равнодушии к этим «преходящим» благам, с тем, что называют теперь коммунизмом

---

[129] П. Лафарг. Соч., т. III. М., 1931, стр. 184.
[130] Там же, стр. 164.
[131] Жюль Гед. Женщнна и буржуазное общество. М., 1925, стр. 13.

«или коллективизмом», стремящимся к общему или коллективному владению всем существующим капиталом с целью обеспечения каждому пользования всеми продуктами его труда или его активности, приложенной к этому капиталу...» [132].

На заседании французского парламента 15 июня 1896 г. Гед выступил против «католического социалиста» де Мэна и католических клерикалов, которые стали «заботиться» о рабочих. Если буржуазия и ее прислужники начинают заниматься рабочим вопросом, заявил он, то это потому, что она вынуждена это сделать под давлением растущего сопротивления народных масс и в страхе перед влиянием социалистической агитации. Обращаясь к графу де Мэну, к «католическим социалистам», которые во французском парламенте пытались играть роль «покровителей» рабочих, Гед сказал: «Прошлое целиком и исключительно принадлежало вам. Что же вы сделали, господа христиане? Восемнадцать столетий вы были владыками мира ...Ваш папа попирал своей пятой королей и императоров. Тринадцать столетий вы могли лепить из человечества все, что вам было угодно, и, не освободив его, вы даже не сумели создать ему защиту от фатально происходящих кризисов, подстерегавших его... Вы являетесь с пустыми руками... Вы партия бессилия! Вся история вопиет об этом... И когда вы время от времени снова появляетесь на сцену, то не в интересах рабочих, решивших спасти себя своими собственными силами, вы вмешиваетесь только для того, чтобы быть против них...» [133].

Гед разоблачил реакционные планы христианских социалистов, звавших человечество назад к прошлому. «Для г. де Мэна и его сторонников справа,— сказал он в той же речи в парламенте,— разрешение политической проблемы заключается в добром короле. Бесполезна конституция, бесполезны права человека, достаточно прав бога, воплощенных в государе божьей милостью... Добрый король — таково истинное, единственное разрешение вопроса... В настоящее время разрешение социальной проблемы заключается для вас в добром хозяине. Такова основа и сущность того, что можно назвать христианским социализмом» [134].

Оппортунисты, которые со временем приобретали все большее влияние в партиях II Интернационала, стали неправильно ориентировать социалистические партии и в вопросах их отношения к религии, в частности в вопросах взаимоотношения христианства и социализма: они сглаживали принципиальные

---

[132] Жюль Гед. Женщина и буржуазное общество. М., 1925, стр. 13.
[133] Жюль Гед. Речи, произнесенные в палате депутатов. СПб., 1908, стр. 198.
[134] Там же, стр. 199.

различия между ними. К. Каутский в своих статьях «Социал-демократия и католическая церковь» (1902 г.) писал, что католическое духовенство «непримиримый враг всякого революционного движения. ...Всякое стремление уничтожить эксплуатацию и классовые различия глубоко ненавистно ему». Однако Каутский считал, что «все же пролетарское стремление к уничтожению классовых различий вполне соединимо с христианским учением евангелия»[135]. «Можно,— писал Каутский,— брать его (христианство.— *М. Ш.*) и в таком смысле, который соответствует социалистическим стремлениям». Но ведь, как показала вся история рабочего движения, и христианство, и другие религии не «соответствуют социалистическим стремлениям», они всегда были враждебны им. И дело не только во враждебном отношении духовенства к социализму, как об этом писал Каутский.

На ошибочность подобных взглядов указывал В. И. Ленин в высказываниях против богоискательства. В письме к Горькому (1913 г.) он возражал против утверждения последнего, что «бог есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством, идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм». Такой взгляд неверен и реакционен. «Наподобие христианских социалистов (худшего вида «социализма» и худшего извращения его),— писал В. И. Ленин,— Вы употребляете прием, который (несмотря на ваши наилучшие намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается прочь то, что́ *исторически и житейски* в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мещанская фраза (бог = «идеи, будящие и организующие социальные чувства»)»[136]. Утверждать, что христианство «соответствует социалистическим стремлениям пролетариата» можно только при условии, если из христианства выбросить то, чем оно являлось на протяжении почти двух тысячелетий, когда оно оправдывало рабство, крепостничество и капитализм, а ныне в буржуазных странах оно освящает порабощение трудящихся и грабительскую политику империализма.

Признание того, что «христианский социализм» есть, как писал Ленин, «худший вид социализма, худшее его извращение», не означает, что в определенные моменты и в определенных условиях для политически менее просвещенных слоев тру-

---

[135] «Die Neue Zeit», 1902/1903, Nr. 1, S. 9; К. Каутский. Социал-демократия и католическая церковь. М., 1906, стр. 16.

[136] В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 92.

дящихся, еще не пришедших к сознательному участию в классовой борьбе пролетариата, пропаганда «христианского социализма» в какой-то мере могла способствовать пробуждению чувства протеста против своего угнетенного положения.

В мае 1905 г. Ленин писал, что в России в народе накопилось много революционной энергии — расширение рабочего движения, рост движения крестьян и городской мелкой буржуазии. Все это, как и брожение среди духовенства, возмущение сектантов, «инородцев», «появление христианских социалистов и христианских демократов» и т. д. «играет как-нельзя больше наруку революции» [137].

Однако идеи христианского социализма являются реакционными, и такими же являются те организации, которые при активном участии церкви и буржуазии создавались и создаются для объединения трудящихся во имя этих идей.

Признание марксистами непримиримости научного социализма с «христианским» и несостоятельности отождествления социализма с христианством никогда не было направлено против единства социалистических рабочих с верующими трудящимися, исповедующими христианство или другие религии.

В. И. Ленин неоднократно указывал на непримиримость марксизма с религией, на обязательность для партии пролетариата вести идейную борьбу против религии. «Партия наша,— писал он,— есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований» [138].

В то же время Ленин настойчиво указывал, что для успеха освободительной борьбы рабочего класса необходимо единство трудящихся независимо от их религиозных взглядов, что это единство важнее всего, и различное отношение к религии, в свете задач социалистического рабочего движения, играет второстепенное значение. «Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле,— писал Ленин,— важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе» [139].

---

[137] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 414—415.
[138] Там же, т. 10, стр. 67.
[139] Там же, стр. 68—69.

Глава третья

ВАТИКАН И «ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

ЗАРОЖДЕНИЕ «ХРИСТИАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ»

В конце XIX в. из «христианско-социального движения» выделилось как относительно самостоятельное, но тесно с ним связанное так называемое «христианско-демократическое» движение, выросшее со временем в большую политическую силу.

Организационно христианско-социальная деятельность католической церкви сосредоточилась в христианских профсоюзах и других рабочих организациях, в благотворительных и аналогичных обществах, а христианско-демократическая деятельность сосредоточилась в католических избирательных союзах, политических обществах и политических партиях.

Выступая в роли «третьей силы», якобы стоящей над классами и враждебной не только социализму, но и капитализму, христианская демократия в действительности всегда отстаивала капитализм, помогала упрочению господства буржуазии. Своим главным врагом она считала (и считает) социализм.

С самого своего зарождения христианская демократия явилась формой политического буржуазного движения, которое в силу религиозной своей окрашенности смогло увлечь за собой значительные слои мелкой буржуазии и часть католических рабочих.

Возникновение христианской демократии отражало то обстоятельство, что в период империализма к активной политической деятельности поднялись широкие массы трудящихся — рабочих и мелкой буржуазии. Вождем угнетенных и эксплуатируемых масс выступили социалистические рабочие партии. Буржуазия стремилась оторвать трудящихся от социалистических партий и восстановить рабочих и мелкую буржуазию против социалистического движения. В этих целях католическая церковь, которая была и осталась врагом пролетарской демократии, вынуждена была выступить в роли сторонника «демократии», чтобы организовать католических рабочих и мелкую

буржуазию против социализма и в защиту капитализма. Эта задача и была возложена на христианско-демократические организации и католические партии.

Не везде и не всегда христианско-демократическое движение готово было следовать беспрекословно указаниям церкви и стоящих за ней сил. Это движение привлекло на свою сторону значительные массы трудящихся католиков, искренне веривших, что на тех путях, какие указывает церковь, они смогут улучшить свое положение и осуществить социальную справедливость. Движение в ряде стран в определенные моменты (как это было в Италии и Франции) выходило за рамки, отведенные ему церковью и связанными с ней католическими деятелями. Тогда Ватикан не останавливался перед преследованием христианско-демократических организаций.

Возникшие в ряде стран христианско-демократические оргазации и политические партии не смогли выработать какой-либо четкой программы, в которой ясно были бы изложены основные принципы этих партий, их цели и пути их осуществления. Объясняется это тем, что католические партии и христианско-демократические организации хотели быть представителями интересов «всех классов», что в обществе, разделенном на классы, невозможно. Ставя одной из своих главных задач борьбу с социализмом, эти организации на деле стали защитниками капитализма, хотя и выдавали себя за некую «третью силу». В тех странах, где христианско-демократические партии в конце XIX— начале XX в. пришли к власти (Австрия, Бельгия и др.), они силой государственного аппарата защищали интересы буржуазии и стали ведущими буржуазными партиями.

Христианская демократия и созданные ею политические партии и организации широко прибегали к социальной демагогии. Она выражалась в нападках на «власть денег» и в лицемерном выражении сочувствия бедным и угнетенным. Социальная демагогия была и осталась одним из средств привлечения к клерикальным партиям политически отсталых трудящихся и прежде всего мелкой буржуазии, разоряемой развитием капитализма.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПАРТИИ ЦЕНТРА В ВЕДУЩУЮ ПАРТИЮ ГЕРМАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ

Особое место среди католических политических партий стран Западной Европы занимала католическая партия центра в Германии. Она выросла не из христианско-социального движения, но по существу выполняла роль аналогичных католических политических партий и организаций других стран. Партия центра возникла в конце 1870 г. как партия южногерман-

ских партикуляристов и по своему происхождению «была орудием самообороны католических кругов против господствовавшего в Пруссии протестантизма и либерализма» [1]. «Сила центра,— писал Энгельс,— заключалась, однако, не столько в католической религии, сколько в том, что он выражал неприязнь народных масс к специфическому пруссачеству, притязавшему теперь на господство в Германии» [2].

Одной из особенностей политической программы центра был партикуляризм.

Уже при самом возникновении «руководство и финансирование партии находилось исключительно в руках силезско-вестфальского феодального дворянства, имевшего наряду с гигантскими поместьями также крупные предприятия тяжелой промышленности (уголь, железо)» [3]. Зародившись как оппозиционная партия прусско-бисмарковской Германии, центр со временем стал ведущей партией германского империализма, активным проводником милитаризации Германии, ее агрессивной колониальной политики и сторонником реакционной внутренней политики, направленной против трудящихся.

Еще в конце XIX и в начале XX в. центр по тем или иным вопросам политики правительства временами занимал свою особую позицию. Однако когда затрагивались коренные интересы германского империализма, центр выступал как защитник этих интересов. В 1887 и 1893 гг. центр голосовал в рейхстаге против предложенных правительством военных законов, предусматривавших увеличение военного бюджета армии мирного времени. На этом оппозиция центра планам создания мощной военной машины и закончилась. Лидер центра Карл Бахем пишет об этом следующее: после принятия, помимо центра, в 1893 г. военного закона необходимо было неотложно менять политику партии; вопрос ставился так: быть ли партией оппозиции или стать на почву новых фактов [4]. Центр не стал партией оппозиции, а пошел на союз с милитаристами, с правительством. Бахем оправдывает этот курс центра обычными доводами апологетов империализма всех стран: им, де, угрожают другие государства, сами же они желают мира и справедливости. Бахем пишет: «Франция вооружалась для войны, Германия — для сохранения мира; Франция вела империалистическую политику силы, Германия — политику права и мирного культурного

---

[1] Ernst Thälmann. Das Zentrum die führende Partei der deutschen Bourgeoisie. «Die Internationale», 1932, Nr. 1, S. 10.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 507.

[3] Ernst Thälmann. Das Zentrum die führende Partei der deutschen Bourgeoisie. «Die Internationale», 1932, Nr. 1, S. 10.

[4] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. V, S. 307.

строительства»[5]. Так облагораживали лидеры центра империалистическую политику правительства кайзера Вильгельма.

В конце XIX в. Германия приступила к строительству большого военно-морского флота, что было связано с обострением борьбы между Германией и Англией за колонии. Лидеры центра были за строительство флота, мотивируя это тем, что это нужно «для защиты германских берегов и прорыва блокады». Они при этом лавировали и делали вид, что не во всем согласны с военщиной. В декабре 1897 г. лидер центра Либер от имени своей фракции заявил в рейхстаге, что строительство флота потребует больших средств и ляжет тяжелым бременем на население. Либер, однако, вовсе не был противником строительства морского флота и ограничился незначительными поправками к законопроекту, не менявшими сути дела. Вопрос был перенесен в комиссию рейхстага. В марте 1898 г. при обсуждении в рейхстаге решения бюджетной комиссии (докладчиком от комиссии выступил Либер) большинство депутатов центра высказались за законопроект. Против законопроекта выступили социал-демократические депутаты.

Законопроект о строительстве большого военно-морского флота вновь обсуждался в рейхстаге в феврале — июне 1900 г., программа правительства предусматривала постройку в течение 16 лет огромного флота, на что должно было быть израсходовано 1600 млн. марок. Решение вопроса зависело от позиции депутатов центра. Правящие круги постарались воздействовать на лидеров центра с помощью немецко-католического епископата и Ватикана. В конце 1899 г. в немецкой печати появилось сообщение, что депутат рейхстага Гертлинг (центр) ведет в Ватикане от имени своего правительства переговоры с папским престолом. Правительство кайзера сулило отмену антииезуитского закона и учреждение в Берлине папской нунциатуры, все это за поддержку центром законопроекта о флоте[6]. Хотя немецкая католическая пресса и опровергла это сообщение, адмирал Тирпиц и статс-секретарь по иностранным делам Бюлов заявили представителям центра (Шпанну и Аренбергу), что папа хочет, чтобы закон о флоте прошел, и сделает для этого все, что в его силах; об этом он говорил, в частности, прусскому послу в Ватикане Ротенгану[7].

И в данном случае лидеры центра, депутаты этой партии в рейхстаге, делали вид, что они не целиком поддерживают программу правительства: они внесли в нее поправки, которые, од-

---

[5] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, S. 309.

[6] Ibid., Bd. VI, S. 30.

[7] Ibid., S. 32.

нако, не расходились с существом правительственной программы. При окончательных чтениях в рейхстаге законопроект о постройке флота прошел при поддержке центра.

В последующее время, в 1906 и 1908 гг., когда в рейхстаге обсуждались законы о флоте, центр уже без оговорок поддерживал правительственные проекты. Депутаты центра голосовали за все более и более широкие программы военного строительства, за милитаризацию страны и, следовательно, за подготовку германским империализмом войны за передел мира.

Вот что говорил Август Бебель в своем выступлении в Бамберге 24 сентября 1902 г. об отношении центра к правительственной политике вооружений: правительству помогают в этом деле «прежде всего члены центра, потому что именно они с большим одобрением подавали голоса за увеличение кредита на флот и армию. Центр из года в год давал на это свое согласие правительству...» «Следовательно, партия, по ее словам защищающая «христианство», желающая быть партией мира и братства, поддерживает государственную власть в целях, направленных не на мир, а на войну, на массовое убийство. Кому мы обязаны колоссальными перевооружениями во флоте? Прежде всего центру...» [8].

Центр становился правительственной партией и поддерживал все правительственные мероприятия.

Сближению центра с правительством содействовал и Ватикан, который хотел видеть в центре правительственную партию, а не оппозиционную, так как это усилило бы позиции католицизма в стране и позиции самого папства. Сазонов, представитель правительства России при Ватикане, писал 26 октября (6 ноября) 1900 г. Ламздорфу, что в Ватикане сочувственно встретили назначение Бюлова германским канцлером. «Расточая любезности новому канцлеру,— писал Сазонов,— курия, как мне довелось слышать, преследовала еще иные, более отдаленные цели. Кардиналу Рамполла приписывают желание заручиться благоволением имперского правительства, чтобы успешнее содействовать, буде это окажется возможным, сближению правительства с партией центра...» «...Если бы ожидания кардинала Рамполла в этом отношении оправдались,— продолжал Сазонов,— центр обратился бы в правительственную партию, имеющую возможность требовать от германского правительства какую угодно цену за свои услуги...» [9].

Чем больше центр становился ведущей партией германской империалистической буржуазии, тем больше и активнее он поддерживал не только программу военного строительства, но и

[8] A. Bebel. Socialdemokratie und Zentrum. Berlin, 1903, S. 8.
[9] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, л. 136.

агрессивную и хищническую колониальную программу германских империалистов. Если рост милитаризма оправдывался этой партией необходимостью «самозащиты», то колониальные захваты центр оправдывал религиозными мотивами,— необходимостью «просветить дикарей» «истинным светом христовым».

Католические историки центра ставят в заслугу этой партии, что еще на заре германской колониальной экспансии она выступила за ведение колониальной политики и в избирательном воззвании 1884 г. высказалась за «здоровую колониальную политику» [10]. В 1885 г. лидер и один из основателей центра Виндхорст заявил: «Мы стоим и будем стоять за разумную колониальную политику...» [11].

В 1896 г. на всегерманском католическом конгрессе («Католикентаг») в Дортмунде деятель центра принц Аренберг выступил за немецкую «христианскую колониальную политику» [12].

Историк центра и один из его лидеров Карл Бахем лицемерно утверждает, что центр имел в виду в первую очередь не материальные выгоды от колониальной политики: для центра речь шла будто бы больше всего о христианизации и поднятии культуры африканских народов [13]. Это утверждение — образец лицемерия клерикалов, активно поддерживавших германских колонизаторов. Лидеры центра временами выступали лишь против слишком больших жестокостей германской администрации в колониях, которые вызывали ненависть местного населения к колонизаторам и расшатывали их позиции. Наша цель, говорил в марте 1906 г. в рейхстаге депутат центра Шпанн, «нести культуру» в колониальные страны, а не быть конквистадорами, культурное же развитие немецких колоний опирается не на наши военные силы, а на наших миссионеров [14]. То же утверждает Эрцбергер, один из видных лидеров центра; Германия, пишет он, заботилась о культурном и экономическом процветании народов колоний [15]. Но все дело в том, что колониальная политика никогда и нигде не была политикой насаждения культуры. Те, кто прикрашивал колониальную политику германских (как и всяких других) империалистов, лишь способствовали их преступлениям против народов колоний, в грабеже

[10] L. Zach. 50 Jahre Zentrum. Berlin, 1921, S. 83.

[11] K. Bachen. Vorgeschichte, Geschichte und Palitik der deutschen Zentrumspartei, Bd. VI, S. 331.

[12] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1896, S. 102.

[13] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. V, S. 50.

[14] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, XI Legislaturperiode, II Session, 1905/1906, Bd. III, Berlin, 1906, S. 2028—2029.

[15] M. Erzberger. Die Erfolge der deutschen Kolonialpolitik. В сб. «Die deutsche Kolonialpolitik vor dem Gerichtshof der Welt», Basel, 1918, S. 6.

которых были заинтересованы в одинаковой степени как протестантские, так и католические финансовые и промышленные немецкие магнаты, в том числе и некоторые деятели самого центра.

При обсуждении в декабре 1906 г. в рейхстаге вопроса о колониальной политике депутат центра Ререн выступил против злоупотреблений колониальной администрации, но не против колониальной политики. Против колониализма выступил социал-демократ Бебель [16].

Центр отстаивал реакционную политику и внутри страны, направленную против интересов немецких трудящихся. С самого начала своего существования центр выступил как антисоциалистическая партия. Считая, что правительственными репрессиями нельзя ничего достигнуть в борьбе с социалистами, центр выдвигал себя в качестве лучшей силы против социализма и революции и в своих избирательных программах так себя и рекламировал [17].

Центр был солидарен с антипольским курсом правительства, хотя из тактических соображений (чтобы не терять голосов поляков-католиков) лидеры центра делали вид, что не во всем с ним согласны; они высказывались против политики правительства лишь в той мере, в какой она затрагивала религиозные вопросы (например, вопрос о языке богослужения и преподавания закона божия польским детям). Но центр не боролся против политики выселения поляков и антипольских законов. Карл Бахем пишет, что поляки часто держались «неразумной», «непонятной» позиции и центр в польском вопросе шел своим путем, не рассчитывая на благодарность с их стороны [18]. Очевидно, этот лидер центра (как и другие) считал, что поляки должны быть благодарны своим гонителям — прусско-юнкерскому государству и тем, кто помогал последнему.

Центр активно участвовал также в германизации Эльзас-Лотарингии.

Чем же отличался центр от других буржуазных партий Германии? Центр выступал как «католическая» партия, опирался на поддержку католической церкви и с ее помощью вел за собой католические массы, в том числе и известную часть католических рабочих. В. И. Ленин писал о центре: «Поучительно посмотреть, как организует, например, массы народа германская реакционная партия «центра», т. е. католиков. Они стремятся

---

[16] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, XI Legislaturperiode, II Session, 1905/1916, Bd. V, S. 4052—4071, 4085—4096.

[17] См. «Die Neue Zeit», 1903, Nr. 41, Juli, S. 473; L. Zach. 50 Jahre Zentrum, S. 46—47.

[18] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. V, S. 410.

вызвать в массах защиту капитализма под лозунгами религии и «патриотизма»...» [19].

«...В Германии,— писал В. И. Ленин,— где особенно острые формы принимает политическая борьба и где особенно сознательно выступает передовой класс — пролетариат,— существуют все еще такие партии (и могучие партии), как центр, прикрывающий вероисповедным отличительным признаком свое разнородное (а в общем безусловно антипролетарское) классовое содержание» [20].

В связи с католическим характером центра значительную роль в нем играло католическое духовенство. Представители духовенства не только выступали в своих приходах в качестве пропагандистов центра, но и занимали руководящие посты в органах партии [21]. Это способствовало усилению реакционных влияний в партии. Через католический епископат и католических политических деятелей центр был связан с Ватиканом.

Папский престол тщательно следил за деятельностью центра. Лидеры партии часто ездили в Ватикан и должны были сообразовывать свою деятельность с указаниями последнего. В ноябре 1900 г. лидер центра Либер посетил Ватикан и был принят с большим почетом папой Львом XIII, наградившим его Большим крестом ордена Пия; вскоре после этого папа присвоил Либеру титул папского камергера [22].

Католическая церковь, опираясь на центр, добивалась привилегий для церковных организаций и все большей клерикализации общественной жизни.

Чтобы удержать за собой трудящихся — мелкую буржуазию и католических рабочих,— центр прибегал к социальной демагогии. Партия безусловно отстаивала частную собственность, буржуазный общественный строй и проповедовала примирение и сотрудничество классов. Социальная политика центра, пишет Карл Бахем, — это «христианская любовь» в отношении хуже обеспеченных соотечественников; эта программа исходит из учения церкви о творении всех людей богом, о задачах и конечных целях людей в земной жизни, о том, что они должны в этой земной жизни искать пути к «вечному счастью»; все люди имеют право в определенной мере на земное счастье, с тем, однако, чтобы это не затруднило «спасение души» [23]. Социальная программа центра противопоставлялась социал-демократии, противопоставлялась классовой борьбе рабочих.

---

[19] В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 206.

[20] Там же, т. 7, стр. 31.

[21] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. V, S. 30.

[22] Ibid., Bd. VI, S. 141.

[23] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. IV, S. 95—96.

Клерикальная партия проявляла заботу «о душе» рабочих, она обещала трудящимся «вечное счастье» за гробом, но отказывала им в счастье на земле. Центр выдвинул принцип «корпоративной организации христианских профессиональных сословий» [24] как руководящий принцип «хозяйственного оздоровления». Этот принцип, как известно, стал впоследствии центральным в «социальной программе» фашизма, программе подчинения рабочих буржуазии под видом «сотрудничества классов» и общности интересов рабочих и предпринимателей. Выставляя себя защитником интересов рабочих, центр на деле поддерживал «рабочую политику» Вильгельма II.

Как выглядела «защита» центром интересов рабочих, можно судить по следующему: еще в 1899/1900 г. центр выступал только за 63-часовую рабочую неделю [25], в то время как социалистическое рабочее движение боролось тогда за 8-часовой рабочий день.

Находившиеся под руководством центра христианские профсоюзы раскалывали рабочий класс, ослабляли его силу.

В связи с превращением центра в правящую партию ее прежний узкокатолический характер мог в стране с преобладающим протестантским населением мешать сплочению вокруг партии также и некатоликов. В связи с этим в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, в рядах центра возникли споры о характере партии: должен ли центр быть партией конфессиональной, только католической, или политической партией, хотя и католической, но не узконфессиональной. Дискуссия по этому вопросу началась в 1909 г. на собрании католиков в Кельне. Некоторые католические деятели высказались за то, чтобы центр был только католической партией, партией конфессиональной. Против такой позиции выступила католическая газета «Кельнише цейтунг», которая отстаивала тезис, что центр должен объединить всех христиан против «либерализма» [26]. Речь по существу шла об объединении сил, враждебных социалистическому рабочему движению. Вопрос этот нашел свое разрешение в общей декларации руководства фракций центра германского райхстага, прусского ландтага и прусского исполкома партии, принятой в ноябре 1909 г. В декларации говорилось, что центр является не конфессиональной, а политической партией, что эта партия стоит на почве конституции германского государства и имеет в виду благосостояние общества в целом, всех граждан «всех классов»; в то же время одной из важнейших своих обязанностей она считает защиту интересов немецких католиков во всех областях

---

[24] Ibid., Bd. IX, S. 129—130.
[25] L. Zach. 50 Jahre Zentrum, S. 93.
[26] M. Pernot. La politique de Pie X. Paris, 1910, p. 233—236

общественной жизни. От этого, говорилось в декларации, центр не теряет характера чисто политической партии, центр не ставил никогда принадлежность к партии в зависимость от принадлежности к католической церкви; фракция центра в рейхстаге насчитывает среди своих членов также и некатоликов [27].

Государственная партия, каковой стал центр, не могла быть узкокатолической в стране с большинством протестантского населения. И центр заявил, что он является межконфессиональной партией с преимущественным католическим влиянием.

Характерно, что и немецкий католический епископат был против того, чтобы центр носил конфессиональный характер, и поддерживал те круги в партии, которые стояли за то, чтобы центр был политической, а не религиозной партией [28]. Опираясь на политическую партию, епископату легче было осуществить и свои политические цели.

Такой характер центра соответствовал и видам папского престола, который хотел, чтобы центр играл ведущую политическую роль в жизни Германии. В апреле 1908 г. Сазонов писал Извольскому, по поводу пребывания канцлера фон Бюлова в Риме и принятия его папой, что папский престол стоит за сотрудничество центра с правительством; папа опасается «как-бы превратившись из правительственной в оппозиционную партию, центр не утратил постепенно выгод своего исключительного положения» [29].

Центр находился в то время в оппозиции к правительству Бюлова, и это вызывало недовольство Ватикана. 20 января (2 февраля) 1909 г. Сазонов писал, что обострение борьбы между центром и Бюловым «крайне неприятно папе» и «превращение центра из партии правительственной в оппозиционную внушает ему опасения за будущность католицизма в Германии» [30].

В феврале 1914 г., незадолго до начала первой мировой войны, руководство центра подтвердило декларацию фракций рейхстага и прусского ландтага от ноября 1909 г. о характере партии. Оно заявило, что стоит на почве германского законодательства, а отсюда вытекает отечественный, государству преданный, монархический и федералистский характер партии [31].

Как правительственная партия центр выступал и в годы первой мировой войны.

Таким образом, начиная с конца XIX в. католическая партия центра стала играть большую роль в политической жизни Германии. От позиции депутатов центра в рейхстаге нередко

---

27 W. Mommsen. Deutsche Parteiprogramme. München, 1952, S. 78, 79.
28 M. Pernot. La politique de Pie X, p. 236—237.
29 АВПР, ф. Ватикан, д. 23, л. 94.
30 АВПР, ф. Ватикан, д. 26, л. 11.
31 Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1914, S. 68.

зависело принятие или отклонение правительственных законопроектов.

Партия центра устами своих лидеров утверждала, что ее цель — интересы общественного «целого», защита интересов всех классов, что она ведет свою политику, исходя из «христианских принципов». На самом деле центр выступал активным сторонником империалистической внешней политики Германии, колониальных захватов, милитаризации страны и подготовки войны. В области внутренней политики центр заодно с другими буржуазными партиями главным своим врагом считал социалистическое рабочее движение. До конца существования монархии Гогенцолернов центр являлся строго монархической партией.

Будучи весьма влиятельной политической партией, центр ничего не сделал в интересах трудящегося германского народа. Вся его деятельность соответствовала интересам германских юнкеров и промышленных монополистов.

Этим можно объяснить то положение, что, несмотря на активную поддержку буржуазии и церкви, число голосов, поданных за центр при выборах в рейхстаг, возрастало сравнительно медленно. Это видно и из следующих данных [32]:

Год	Число голосов, отданных за центр (в тыс.)	Число голосов, отданных за социал-демократическую партию	Год	Число голосов, отданных за центр (в тыс.)	Число голосов, отданных за социал-демократическую партию
1890	1 342	1 427	1903	1 875	3 011
1893	1 468	1 788	1907	2 180	3 259
1898	1 455	2 107	1912	1 997	4 250

ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПАРТИЯ АВСТРИИ У ВЛАСТИ

В некоторых европейских странах уже с конца XIX в. христианско-социальные партии стали правящими. Они имели возможность на практике реализовать свои «христианские принципы». Как же на деле выглядели эти «принципы»?

Одной из таких партий была христианско-социальная партия Австрии. Она образовалась в конце XIX в. и сыграла большую роль в политической жизни Австрии; после первой мировой войны она расчистила путь фашизму и подготовила аншюс. Христианско-социальная партия называла себя и «истинно-свободомыслящей», и «истинно консервативной», и «истин-

[32] J. Hohlfeld. Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten 1849—1934. Bd. II, Leipzig, 1934, S. 874—875.

но народной». Она увлекла за собой значительные слои городской мелкой буржуазии, разоряемой развитием капитализма, ремесленников, интеллигенции, крестьянства.

Христианско-социальная партия не выработала своей твердой программы. Она обманывала политически малоразвитых людей, находившихся под влиянием церкви, разнузданной социальной демагогией, националистической, антисемитской пропагандой. Она обещала бороться против крупного капитала, а на деле ничего для трудящегося народа не сделала и своим врагом считала социализм и социалистическое рабочее движение.

Как клерикальная, христианско-социальная партия исходила из так называемой «социальной программы» католической церкви, изложенной в 1891 г. в энциклике «Рерум новарум». Эта партия, которая выставляла себя защитником интересов «маленького человека», решительно отстаивала принцип частной собственности и враждебно относилась к классовой борьбе рабочих. Вслед за церковью руководители и идеологи партии утверждали, что причины современных бедствий народа в торжестве, основанном на материализме мировоззрении [33].

Не выдвинув никакой программы улучшения положения трудящихся, христианско-социальная партия зато очень много внимания уделяла насаждению религии в народе. Она отстаивала церковный брак, добивалась господствующей роли церкви в семейной жизни. Партия заявляла весьма неопределенно, что рабочие имеют право на «справедливую заработную плату», но, располагая большинством в общинных советах, в частности в Вене, она ничего не сделала в интересах рабочих. Партия выступала против равноправия женщин и против их участия в общественном производстве. Это не мешало ей с помощью духовенства воздействовать на женщин, чтобы их мужья голосовали за ее кандидатов.

Христианско-социальная партия предлагала различные рецепты «в помощь» крестьянству, рецепты, соответствовавшие интересам богатого крестьянства и помещиков. Она требовала «неделимости крестьянского двора» [34], что должно было привести к пролетаризации значительных масс крестьянства. Это требование впоследствии стало основной аграрной программой германского фашизма. В интересах богатого крестьянства и помещиков христианско-социальная партия требовала также ограничить отходы крестьян в города. Это должно было обеспечить помещикам и богатым крестьянам дешевую рабочую силу. Христианско-социальная партия готова была обещать все,

---

[33] T. W. Teifen. Die Christlich-socialen und ihr Programm. Wien, 189..., S. 7—8.

[34] Ibid., S. 10.

что угодно, в период избирательных кампаний, подлаживаясь к разным слоям населения, но не собиралась выполнять обещания.

Основателем партии и ее лидером на протяжении многих лет был Карл Люегер (умер в 1910 г.), избранный в 1895 г. венским бургомистром. Австрийский епископ Худаль пишет, что Люегер был одновременно связан с Шенерером — подлинным предшественником нацизма[35]. Сам Люегер также явился одним из предшественников гитлеризма. Английский дипломат Грегори пишет о нем, что это был демагог работавший над консолидацией союза алтаря и трона; его сильнейшим орудием был антисемитизм[36]. Антисемитская демагогия давала возможность Люегеру и его сторонникам, подобно тому, как впоследствии это сделали гитлеровцы, обманывать политические отсталые слои населения, взваливать вину за их бедствия на евреев и отвести ненависть мелкой буржуазии от светских и духовных феодалов и австрийских и других капиталистов.

Партия разжигала вражду и к славянским народам (к чехам и др.). Она являлась опорой черной реакции и клерикального обскурантизма.

С самого возникновения христианско-социальной партии Ватикан отнесся к ней с большим вниманием и поддержал ее, В правящих же кругах Австрии к партии вначале отнеслись с подозрением. Их пугала социальная демагогия Люегера и его сторонников и разжигание ими национализма; их пугало само массовое движение, вызванное партией, хотя его и возглавляло низшее духовенство. Против христианско-социальной партии выступили кардиналы архиепископы — венский Груша, пражский Шенборн, зальцбургский Катшхалер и видные представители австрийского дворянства.

Глава правительства князь Виндишгрец и министр просвещения составили памятную записку о христианско-социальной партии, одобренную всем кабинетом. Через кардинала Шенборна она была послана папе. В записке говорилось, что 60 лет в Австрии существует консервативная католическая партия, которая представляет религиозный и монархический принцип и придерживается старых форм хозяйственной жизни. Она поддерживает авторитет епископов не только в религиозных вопросах. За последнее время все большее значение приобрел социальный вопрос и те элементы, которые выросли за последние 10—15 лет, используют противоречия в социальной области,

---

[35] A. Hudal. Die osterreichische Vatikanbotschaft 1806—1918. München, 1952, S. 240. Шенерер был лидером антиславянской и антисемитской «немецкой национальной партии» Австро-Венгрии.

[36] J. D. Gregory. On the edge of diplomacy (1902—1928). London. 1928, p. 45.

в своей пропаганде. Они критикуют способ приобретения владений, разжигают вражду к движимому капиталу, борются против современного общественного порядка аргументами социал-демократии. Они ссылаются на «Рерум новарум», а на самом деле направляют свои выводы против проповедуемого папской энцикликой социального мира, тем, что ставят под сомнение правильно приобретенную собственность, отдают дань зависти низших слоев для завоевания их симпатий и ведут неслыханную пропаганду антисемитизма. В записке отмечалось, что новое движение разжигает также вражду низшего духовенства к высшему [37].

Обращение к Ватикану оказалось безуспешным: папский престол стал на сторону христианско-социальной партии. Горячих защитников партия нашла в лице иезуитов, которые раньше, чем епископат, поняли, что христианско-социальная партия может стать важной опорой клерикализма в Австрии и орудием иезуитизма, что на деле и произошло [38]. Защитником партии выступил и нунций в Вене Альярди.

В Ватикане заняли сторону христианско-социальной партии, там не придавали большого значения ее социальной демагогии, зато ценили ее за верность церкви и монархии, особенно же ценили ее непримиримость к социализму.

Поверенный в делах Австрии при Ватикане Амбро писал 16 ноября 1895 г. своему министру иностранных дел Голуховскому в связи с избранием Люегера бургомистром Вены: «Триумф д-ра Люегера — это триумф Ватикана. Когда кардинал Рамполла получил депешу венского нунция, в которой сообщалось о состоявшихся выборах бургомистра Вены он обратился к присутствовавшему прелату и воскликнул: «...смотрите, мы восторжествовали!». «Для меня ясно,— писал далее Амбро,— что д-р Люегер стал здесь героем дня и победный клич, пронесшийся из помещения кардинала статс-секретаря, проник во все углы Ватикана» [39].

В свою очередь христианско-социальная партия требовала решения «Римского вопроса» в духе папских притязаний. На митинге в Венском магистрате 6 ноября 1910 г., созванном христианско-социальной партией вместе с другими клерикалами, главный оратор — первый вице-бургомистр Вены Порцер заявил, что занятие Рима итальянскими войсками — это «позорное пятно современной истории», это позор не только

---

[37] A. Fuchs. Geistige Strömungen in Österreich 1867—1918. Wien, 1949, S. 55—56.

[38] S. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918. S. 241—242; J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II, S. 476—477.

[39] Цит. по E. Winter. Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans 1870—1903. Berlin, 1950, S. 158.

для тех, кто занял Рим, но и для тех, кто это допустил. «Римский вопрос», заявил далее оратор, должен разрешиться как международный, так как итальянское правительство показало себя неспособным сохранить порядок в своем государстве[40].

С начала XX в. христианско-социальная партия стала ведущей партией австрийской буржуазии, главной опорой правительства, сторонником захватнической политики на Балканах и союза с германским империализмом. Огромное влияние на деятельность партии стал оказывать епископат. От былой оппозиции и недоверия у руководителей партии к епископату не осталось и следа. Усилились связи партии с аристократией и с банками, установилась тесная связь с наследником престола Франц-Фердинандом. Христианско-социальная партия с самого начала войны 1914 г. заняла шовинистическую позицию[41].

Рабочий класс Австрии враждебно относился к христианско-социальной партии. Рабочие хорошо понимали, что скрывается за социальной демагогией и религиозно-националистической пропагандой клерикалов. Со временем ее влияние стало падать и среди тех слоев, на которые она опиралась.

В 1907 г. на выборах в парламент христианско-социальная партия получила 96 мандатов, в том числе 20 мандатов от города Вены (из общего числа 33 мандатов от этого города). На выборах 1911 г. партия получила 76 мандатов, и только три из них от г. Вены. Влияние партии упало особенно сильно в городах. Одновременно усилилось влияние социл-демократической партии: от г. Вены в парламент в 1907 г. было избрано 10 депутатов, в 1911 г. — 19[42].

Однако христианско-социальная партия сохранила влияние в деревне и на значительные слои мелкой буржуазии. Австрийская буржуазия и международные реакционные силы использовали это обстоятельство после первой мировой войны, чтобы спасти буржуазный строй.

Почти 20-летнее (к началу первой мировой войны) господство христианско-социальной партии в Австрии наглядно показало несостоятельность «социальных принципов» католицизма, которые христианско-социальная партия проповедовала и на основе которых она собиралась «перестроить общество». Начав как партия мелкобуржуазной оппозиции, она стала ведущей партией австрийской буржуазии.

ОСУЖДЕНИЕ ВАТИКАНОМ СИЛЛОНИЗМА ВО ФРАНЦИИ

В конце XIX в. возникло христианско-демократическое движение во Франции. Его инициаторами и руководителями были

---

[40] «Die Grosse Politik», Bd. 27, T. I. Berlin, 1925, S. 380—381.
[41] A. Fuchs. Geistige Strömungen in Österreich 1867—1918. S. 66.
[42] «Вестник Европы», 1911, июль, стр. 322—324.

те же люди, которые возглавляли католические рабочие организации — граф де Мэн, священники Гарнье, Ноде, Лемье и др. Как и христианско-демократические организации других стран, французское христианско-демократическое движение выступило с весьма расплывчатыми программными требованиями. Оно требовало покровительства мелкой торговли и мелкой промышленности, рабочих законов, «защищающих справедливость», создания смешанных комиссий из хозяев и рабочих. Но и эти требования вызывали недовольство епископата, опасавшегося массового самостоятельного движения трудящихся, которое, несмотря на католическую окраску и участие в нем духовенства, проявляло тенденцию к радикализации.

В 1897 г. граф де Мэн в своем выступлении на ежегодном конгрессе католических кружков заявил: «Я несколько беспокоюсь по поводу того направления, которое наши друзья из группы христианской демократии желают, кажется, дать великому социальному движению, вызванному нашей деятельностью. Общество не может существовать вне известных принципов, которые люди могут не признавать, но которые они не в силах уничтожить. К этому числу принадлежит социальная роль высших классов...» [43]. Очевидно, не легко было графу де Мэну и его единомышленникам внушить трудящимся католикам Франции веру в «великую и спасительную социальную роль» графов и банкиров.

Главное место в христианско-демократическом движении во Франции занимало организованное Марком Санье общество «Силлон» («Борозда»). Санье и его сторонники были приверженцами республики и ставили себе целью «христианизировать демократию». Санье хотел примирения католицизма с республикой, создания в католических кругах групп, которые были бы способны очистить католицизм от всего того, что ослабляло его позиции и мешало распространению христианства в народе. Силлонисты пропагандировали необходимость отделить католицизм от политической реакции и консервативных групп и считаться с тем, что во Франции демократические принципы приняты большинством народа [44]. Ядром «Силлона» были кружки молодых католиков, которые изучали социальные вопросы, занимались лекционной деятельностью с целью «мирного обновления» общественного строя. «Силлон» в вопросах вероучения подчинялся епископам и папе, а в политических вопросах требовал себе самостоятельности.

---

[43] Ж. Вейль. История социального движения во Франции, стр. 372.

[44] F. Goguel. Christian democracy in France. В сб. M. Einaudi, F. Goguel. Christian democracy in Italy and France. Notre Dame, Indiana, 1952, p. 112—113.

Это обстоятельство и вызывало подозрение французского епископата, а также преемника Льва XIII папы Пия X. Как уже было отмечено, этот папа был напуган модернизмом и все годы своего понтификата вел войну с модернистами. Движение силлонистов он также связывал с модернизмом. В августе 1910 г. появилось папское послание к французским кардиналам и епископам, осуждавшее «Силлон». Эта организация обвинялась в том, что ее сторонники уклоняются от руководства церковной власти. Папа писал, что взгляды силлонистов на свободу, равенство, братство и демократию расходятся с учением церкви. При рассмотрении социальных вопросов, говорилось в послании, необходимо иметь в виду учение Льва XIII: христианская демократия должна твердо придерживаться того принципа, что различия классов и сословий — принадлежность хорошо организованной государственной жизни; следовательно, идеал силлонистов об уравнении всех сословий противоречит католическому учению[45]. Папа осуждал силлонистов и за то, что они привлекали к себе сторонников других исповеданий.

Поверенный в делах России князь Волконский писал 17(30) августа 1910 г. Сазонову, что письмо папы «представляет собою в сущности обвинительный акт против силлонистов», что оно «является своего рода проповедью политического консерватизма»[46].

Папское послание имело своим последствием самороспуск «Силлона» в конце августа того же 1910 г. Французский епископат и Ватикан не могли допустить, чтобы организованная группа французских католиксов проповедовала принципы демократии и сотрудничества с республикой в то время, когда у папства были наиболее обостренные отношения с французской республикой. Папство не могло допустить такой «ереси», когда ему отводят роль авторитета только в вопросах религии и хотят уйти из-под его контроля в вопросах политики. Наконец, идея социального равенства, которая находила большое сочувствие среди французских католиков-трудящихся, расходилась с социальной программой папства, предусматривавшей существование социального неравенства. Пий X не остановился перед разгоном влиятельной христианско-демократической организации Франции.

Характерно для руководителей христианско-демократического движения то, что они беспрекословно подчинились папскому приказу, явно отступив этим от принципов, которые проповедовали.

---

[45] V. Gathrein. Socialismus und Katholizismus. Paderborn, 1929, S. 72—73.

[46] АВПР, ф. Ватикан, д. 27, л. 112.

ВАТИКАН И «ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ» В ИТАЛИИ

В конце XIX в. зародилось христианско-демократическое движение в Италии, из которого впоследствии родилась «народная партия». Идеологами и руководителями этого движения были «молодые» католики, люди, выросшие уже после объединения Италии. Они, в противовес консервативным католикам, исходили из того, что католики должны считаться с существующим в Италии положением вещей, участвовать в политической жизни страны и на основе принципов, провозглашенных папой Львом XIII, заниматься социальной и политической деятельностью и таким путем бороться с растущим влиянием социализма. «Христианско-демократическое движение с момента своего возникновения преследовало цель противодействовать социалистическому движению, в соответствии с указаниями энциклики «Рерум новарум» 1891 года, которая остается наиболее важным папским документом, направленным против движения за социальное освобождение трудящихся. Однако объективная обстановка диктовала необходимость защиты интересов рабочих, а в еще большей степени — крестьян и других отсталых слоев населения, участвовавших в христианско-демократическом движении. Поэтому оно оказалось вынужденным вначале (когда оно еще не слилось с консервативными католическими течениями) вести во многих случаях открытую, а иногда и решительную борьбу против господствующих классов того времени» [47].

В 1899 г. на съезде в Турине были приняты программные требования христианско-демократического движения. Они включали положения, которые должны были удовлетворить интересы всех классов общества. В первую очередь программа требовала создания корпораций из людей одной и той же профессии «для регулирования взаимных отношений и соблюдения общих интересов». В пользу рабочих программа выдвинула очень скромные требования законодательства в области охраны труда. В аграрном вопросе выдвигались требования «эффективной защиты» «сельскохозяйственных классов» и их интересов как мелких собственников, организации для них кредита, соответствующего законодательства, создания сельскохозяйственных учреждений.

В вопросах промышленной жизни христианская демократия выдвинула требования «эффективного покровительства и организованной поддержки промышленных и коммерческих классов и их интересов», создания корпорации производителей, торгов-

[47] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., 1953, стр. 109.

цев, преследования ростовщичества и игры на валюте и «непродуктивной капиталистической спекуляции».

Программа включала требования реформы налоговой системы, защиты гражданских свобод, уменьшения военных расходов, развития национальной культуры [48].

При всем «всеобъемлющем» характере этих требований и желании удовлетворить интересы всех, они, как и само христианско-демократическое движение в Италии в первый период своего существования, отражали стремления значительной массы трудящихся-католиков, которые еще не пришли к социалистическому движению, но в то же время были против той линии, которую им навязывали реакционные католические круги вместе с Ватиканом. Эти последние рассчитывали на непрочность итальянского государства и добивались возрождения папской светской власти, а поэтому требовали от католиков воздержания от участия в политической жизни.

Христианские демократы в период возникновения движения «были искренно убеждены в том, что католики способны осуществить социальное обновление общества. Наконец, они, подобно всей образованной итальянской молодежи тех лет, находились под влиянием идей социализма. Влияние социализма на христианских демократов отразилось не столько на их идеологии, сколько на их отношении к трудящимся (в котором они руководствовались скорее стремлением к справедливости и социальному обновлению, чем чувством милосердия и патернализмом, столь типичным для клерикалов). Влияние социализма сказалось также на организационных методах и на методах борьбы, которых они придерживались, стремясь направить католиков по пути создания профсоюзной организации и политической партии» [49].

Виднейшим представителем и идеологом движения был священник Ромоло Мурри. «Мурри был наделен честолюбивым, беспокойным нравом и живым умом и остро чувствовал современные ему политические и социальные проблемы...» [50].

В 1898 г. в Риме начал выходить журнал христианско-демократического движения «Культура сочиале» (Социальная культура) [51].

«...С первого же номера редакторы журнала «Культура со-

---

[48] E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, p. 205—207.

[49] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 297—298.

[50] Там же, стр. 299.

[51] Участником христианско-демократического движения и сотрудником журнала «Культура сочиале» (1898—1905 гг.) был и священник Луиджи Стурцо, впоследствии один из основателей и лидеров католической партии «Пополяри». Когда начались репрессии Ватикана против христианской демократии, Стурцо отдалился от движения.

чиале» объявили себя «полностью католиками, преданными папе и большинству итальянских католиков....» ...Кроме того, они заявили о своем намерении бороться как с либерализмом, так и с социализмом... Но это заявление о верности принципам непримиримости сопровождалось определенными требованиями социального порядка: журнал открыто осуждал капитализм и утверждал, что христианские демократы намереваются «осуществить свою политическую и социальную программу, опираясь главным образом на народные массы»» [52].

Мурри и его сторонники пропагандировали необходимость создания католической партии, которая боролась бы за осуществление требований, выдвинутых христианской демократией.

Программа «Культура сочиале» была встречена крайне враждебно во влиятельных католических кругах. Мурри и его сторонников обвиняли в том, что они превращают католическое движение из религиозного в политическое, что они слишком много внимания уделяют социально-политической деятельности и на второй план отодвигают все, что относится к сверхъестественному. Несмотря на противодействие, христианско-демократическое движение в начале XX в. приняло сравнительно широкие размеры, а Мурри и его сторонники пропагандировали свои идеи не только среди уже существующих католических организаций. В ряде городов были созданы самостоятельные христианско-демократические союзы.

В то время как в некоторых других странах Европы, например в Австрии, Бельгии, католическая иерархия и папство поддержали христианско-демократическое движение, так как видели в нем прежде всего силу против социализма, в Италии отношение к этому движению со стороны Ватикана и католической иерархии сложилось иначе. Реакционные католические круги Италии всемерно поощряли противосоциалистическую деятельность христианских демократов, но в то же время особенности положения папства в Италии сделали его противником этого движения. Папство и католическая иерархия опасались демократического движения итальянских католиков, которые не хотели иметь над собой церковной опеки. Выдвинутые христианскими демократами, хотя и в туманной форме, требования социальных реформ в интересах трудящихся и самостоятельной организации трудящихся также вызывали подозрение папства. Пропагандируя необходимость участия католиков в политической жизни Италии, христианские демократы становились в оппозицию к провозглашенной папой политике непризнания итальянского государства и воздержания католиков от участия в политической жизни страны («Non expedit»).

---

[52] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 300.

Общее осуждение радикальных течений в христианской демократии, как дальше будет показано, было сделано папой Львом XIII в энциклике «Graves de communi» от 18 января 1901 г. Это касалось христианско-демократического движения во всех странах. Что касается непосредственно Италии, то папство на протяжении многих лет вело борьбу против тех демократических католических кругов, которые искренне верили в возможность на основе принципов «христианской демократии» осуществить серьезные общественные реформы.

Острые разногласия между консервативными католиками и сторонниками Мурри обнаруживались на всех католических конгрессах и в полемике в печати.

Ватикан особенно решительно возражал против идеи создания в Италии католической партии, идеи, которую настойчиво проповедовали Мурри и его сторонники. Такая партия должна была бы, исходя из непризнания Ватиканом итальянского государства, находиться при всех условиях в оппозиции к этому государству, а следовательно, в ряде вопросов выступать заодно с левыми. Это не соответствовало интересам итальянской буржуазии и Ватикана. Если же католическая партия выступила бы в тех или иных случаях с поддержкой правительства, то это означало бы не только признание существующего государства и его правительства, но и сотрудничество с ними. Это не соответствовало политике непризнания итальянского государства Ватиканом. Вот почему и Лев XIII и Пий X решительно препятствовали созданию католической партии в Италии.

Еще в январе 1899 г. Чарыков писал министру иностранных дел Муравьеву, что папа надеется на усиление клерикальных симпатий в стране, он не хочет католической партии, т. е. «не желает, чтобы его партия представляла из себя бессильную и бесплодную оппозицию, и выжидает поры, когда итальянские католики получили бы возможность играть в управлении королевством по крайней мере такую же значительную роль, какую сумела завоевать себе в Германском рейхстаге «партия центра»» [53]. Такие расчеты Ватикана осуществились полностью лишь после второй мировой войны.

В мае 1904 г. представитель России при Ватикане Сазонов писал в Петербург, что известная часть итальянских клерикалов желает... «установления с итальянским правительством modus vivendi, который дал бы им возможность сплотиться в организованную партию и влиять в некоторой мере на ход политических событий в Италии» [54]. Но Ватикан был решительно против таких планов.

---

[53] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 152—153.
[54] Там же, д. 13, лл. 54—55.

В марте 1905 г. представитель России при Ватикане Нарышкин писал, что «по мнению осведомленных кругов, папа Пий X, допуская в известной степени причастность католиков к политической жизни органов итальянского правительства, остерегается тем не менее образования сплоченной демократо-католической партии, которая неминуемо привела бы к реакции среди народных представителей итальянской палаты и обострила бы сношения папства с королевской властью...» [55].

Тем не менее в католических кругах вопрос этот настойчиво дебатировался. Папский престол старался ограничить деятельность христианских демократов, лишить их руководящей роли в католических организациях, где они вели свою пропаганду.

В июле 1904 г. по указанию Ватикана была проведена реорганизация католических обществ Италии; часть из них была ликвидирована, оставшиеся были поставлены под контроль епископов [56]. Ликвидация по указанию Ватикана наиболее сильной католической организации «Опера деи конгресси» «лишила Мурри и его друзей возможности проводить свою работу среди организованных католических масс. Им оставалось лишь вступить на тернистый путь создания собственного движения. Некоторые из сторонников Мурри попытались это сделать, но безуспешно, ибо они натолкнулись на сопротивление Ватикана...» [57].

Мурри и его сторонники, как уже было отмечено, отстаивали взгляд, что католики обязаны повиноваться папе в вопросах веры, но свободны в вопросах политических и экономических. Этот взгляд Мурри и проводил в своих статьях в журнале «Культура сочиале». Он даже считал возможным сотрудничество католиков с социалистами и сам сблизился с Турати, чем по словам Сазонова, «навлек на себя неудовольствие Пия X» [58].

Церковная иерархия преследовала журнал «Культура сочиале», запрещала католикам его читать и, наконец, по требованию Ватикана Мурри в июне 1906 г. прекратил его издание, но вместо него создал новый журнал, «Ривиста ди культура», против которого также ополчились церковные власти.

В марте 1909 г. на выборах в итальянский парламент Мурри выставил свою кандидатуру и был при поддержке социалистов избран депутатом от г. Монтеджорджо (в палате он примыкал к радикалам).

Во время избирательной кампании церковные власти под угрозой отлучения потребовали от него снятия своей кандида-

---

[55] АВПР, ф. Ватикан, д. 15, л. 8.

[56] См. Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр 328—331.

[57] Там же, стр. 331.

[58] АВПР, ф. Ватикан, д. 17, л. 115.

туры. В своем ответе архиепископу Фермосскому Кастелли Мурри писал: «Мне было известно, что глубоко и искренно религиозная совесть священника не может уже и долго не будет в состоянии работать над религиозным и моральным обновлением нынешнего демократического общества в согласии с Пием X и его официальной церковью... Ныне в Италии гораздо более духовного добра можно сделать в разрыве с Вами, чем вместе с Вами...» Декретом инквизиции Мурри был отлучен от церкви и объявлен лицом, которого все должны избегать.

Вплоть до первой мировой войны Ватикан продолжал преследовать христианскую демократию в Италии, а к Мурри сохранил враждебное отношение. В ноябре 1913 г. представитель России при Ватикане Д. Нелидов сообщал, что «особое удовлетворение» доставило Ватикану то обстоятельство, что на выборах забаллотирован в Монтеджорджо «вождь итальянских «демохристиан», отлученный от церкви бывший священник Ромуло Мурри» [59].

В апреле 1914 г. газета Ватикана «Оссерватре Романо» заявила, что создание католической партии в Италии было бы открыто направлено против «высшего авторитета» церкви, которая не хочет создания в этой стране парламентской католической партии какого бы то ни было направления [60].

Так зародившееся в конце XIX в. в Италии христианско-демократическое движение, заявившее о неизменной своей верности церкви и о своей готовности действовать в соответствии с принципами энциклики «Рерум новарум» Льва XIII, лишь на первых порах встретило положительное отношение со стороны папства. Ватикан рассчитывал, что это движение явится противовесом влиятельной уже тогда в народных массах Италии социалистической партии и орудием клерикалов. Но движение вышло за рамки, установленные для него Ватиканом. Несмотря на свой антисоциализм, оно под давлением трудящихся католиков выдвинуло и определенные социальные требования в интересах трудящихся. Это обстоятельство, а также политические задачи, какие ставило себе христианско-демократическое движение, столкнулись с политическими целями папства в Италии. Ватикан по этим причинам и организовал гонения против христианской демократии, этого левого крыла итальянского католического движения, и всемерно подрывал ее влияние в католических организациях.

Только после окончания первой мировой войны, напуганные революционным движением в Италии, папство и католическая иерархия в целях противодействия этому движению санкционировали создание священником Стурцо католической партии

[59] АВПР, ф. Ватикан, д. 34, л. 93.
[60] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1914, S. 738.

(«Пополяри»), куда вошли и участники христианско-демократического движения. При этом папский престол ориентировался на наиболее правые элементы этого движения, оттесняя, как он это делал и раньше, более демократические, радикальные круги христианской демократии, которые стояли за сотрудничество не с буржуазией, а с пролетарскими организациями.

ПАПСТВО И «ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

Христианско-демократическое движение увлекло за собой в конце XIX в. в ряде стран Западной Европы значительные слои мелкой буржуазии и католических рабочих. Церковь и связанные с буржуазией руководители этого движения использовали недовольство разоряемой мелкой буржуазии в своих политических целях, стремились направить это недовольство против рабочего движения и социализма. Церковь и те, кто возглавил христианско-демократическое движение, старались убедить католиков — рабочих, ремесленников, крестьян, интеллигенцию,— что только на основе «христианских принципов», а не принципов социализма, можно перестроить общество.

Энциклика Льва XIII «Рерум новарум», в которой папа санкционировал создание католических рабочих организаций, способствовала на первых порах дальнейшему развитию христианско-демократического движения. Сам Лев XIII поддерживал христианско-демократическое движение, считая, что одна церковь, своими только силами, не сможет успешно противодействовать влиянию социализма, и поскольку невозможно препятствовать стремлению рабочих к созданию своих организаций, следует сделать так, чтобы они были под руководством церкви, которая и направит их деятельность против социализма. Германский посол в Вене граф Эйленбург писал 30 марта 1895 г. в Берлин рейхсканцлеру Гогенлоэ по поводу поездки кардинала Шенборна к папе с жалобой на австрийскую христианско-социальную партию, что тенденция курии — скорее предоставить возможность свободно проявляться демократическому направлению среди низшего духовенства, чем сдерживать его [61].

Рабочие-католики верили, что папа одобряет принципы демократии, правда «христианской». В это понятие они вкладывали нечто иное, чем в него вкладывал и Лев XIII и руководители движения. Логикой классовой борьбы и под давлением своих членов христианско-демократические организации должны были выдвигать экономические и политические требования, не укладывавшиеся в те рамки, какими Лев XIII имел в виду ограничить деятельность христианской демократии.

---

[61] «Die Grosse Politik», Bd. 7, Berlin, 1924, S. 143—144.

Граф Содерини, человек близко стоявший к Льву XIII, пишет, что в числе других следующие обстоятельства вызвали недоверие к христианской демократии: стремительность действий; желание немедленно добиться осуществления целей, недостаточно ясных; то, что христианская демократия предпочитала говорить о правах рабочих и меньше об их обязанностях; что она слишком остро и широко критиковала высшие классы, причем эта критика могла казаться направленной скорее на то, чтобы подорвать авторитет этих классов, чем упрочить; она слишком много говорила массам о материальных благах и не указывала на необходимость того, чтобы они предпочитали духовные блага; наконец, она слишком широко толковала лозунг «уходите из ризниц...» [62].

Столкнувшись с фактом радикализации христианско-демократического движения, Лев XIII, вначале поощрявший это движение, выступил против него, когда убедился, что оно принимает опасный для интересов церкви и господствующей буржуазии характер.

18 января 1901 г. была опубликована папская энциклика о христианской демократии (энциклика «Graves de Communi»). Лев XIII прежде всего подчеркивает, что между христианством и социализмом нет ничего общего, что самый термин «католический социализм» неприемлем; что касается христианской демократии, то ей не должно придавать политического значения: она может быть лишь «христианской деятельностью среди народа». «Непозволительно,— говорится в энциклике,— придавать христианской демократии политический характер, ибо, хотя слово «д е м о к р а т и я» с точки зрения его этимологии и того значения, какое придают ему философы, и служит для обозначения власти народа, но для нас, отвлекаясь от всякого политического смысла, оно должно означать только одно: полезную деятельность христиан в интересах народа».

Христианская демократия, разъясняет папа, должна хотеть справедливости и отстаивать право приобретать и владеть, должна защищать разные классы, как «необходимые члены хорошо организованного общества». Христианская демократия отнюдь не должна иметь намерения не подчиняться «законным властям» или создавать им оппозицию, католики не должны отдавать предпочтения той или другой форме правления. Пусть они занимаются вопросами благосостояния бедных классов, но не пренебрегают и высшими классами, «которые представляют собой не меньшую ценность в деле сохранения и усовершенствования общества».

Лев XIII был серьезно озабочен тем, чтобы католики не

---

[62] E. S o d e r i n i. The pontificate of Leo XIII, p. 211.

вышли из повиновения «высшим классам», он хотел, чтобы они всегда помнили, что бог создал классовые различия. Важно, говорится в энциклике, чтобы католики заручились «благожелательностью и сотрудничеством тех, кто, по своему рождению, имущественному состоянию, знаниям и образованию пользуется наибольшим авторитетом среди граждан». Задача заключается в том, говорится в энциклике, чтобы создать для тех, кто занят физическим трудом, менее суровые условия жизни. Это можно сделать только милосердием. Лев XIII, как это церковь делала и раньше, настойчиво указывает на благотворительность как средство улучшения положения народа.

Таким образом, папа требовал, чтобы из христианской демократии было удалено все то, что в какой бы то ни было степени могло носить характер политической борьбы, он требовал, чтобы социальные вопросы решались в духе примирения классов, причем основным должно быть создание благотворительных учреждений и «реформа сердец и нравов» [63].

Все эти положения энциклики были направлены против христианской демократии, как ее понимали левые представители движения, против политической самодеятельности католиков-трудящихся, против их самостоятельных организаций и политической борьбы как средства достижения своих целей.

Христианская демократия должна, по словам Льва XIII, свестись к «оказанию народу милости с помощью христианской деятельности».

Папа осудил как «новшество» требования фабричного законодательства о труде малолетних, пенсий для стариков, 8-часового рабочего дня, минимума зарплаты для сельскохозяйственных рабочих [64].

По словам католического священника Луиджи Стурцо, Лев XIII стремился лишить христианско-демократическое движение какого-либо политического значения, а в социальной области — какой-либо революционной тенденции [65].

Сазонов писал из Ватикана 12 февраля (30 января) 1901 г. Ламздорфу об энциклике «Graves de Communi»: эта энциклика заметно отличается от энциклики «Рерум новарум», «Изложенное в энциклике «Рерум новарум» учение послужило в большинстве католических стран семенем раздора между консервативной высшей иерархией и низшим духовенством, легко поддающимся демократическим веяниям...». Заинтересованные правительства,

---

[63] E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, p. 213—214; O. Schilling. Die Staats und Sociallehre des Papstes Leo XIII. Köln, 1925, S. 148—151; Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 320—322.

[64] C. C. Eckhardt. The papacy and world affairs. Chicago Illinois, 1937, p. 254.

[65] L. Sturzo. Italy and the new world order, p. 91.

писал Сазонов, обращались неоднократно к папе «с просьбой обуздать рвение христианско-социалистической партии». И, «видя невозможность итти далее без крайней опасности для самой церкви, по пути, на который его завлекли ватиканские новаторы, Лев XIII счел необходимым разъяснить в новом окружном послании, что именно следует подразумевать под понятием «христианской демократии» и что в этом учении является с точки зрения церковной дозволенной». Говоря о сущности церковного социального учения, писал Сазонов, Лев XIII в основу кладет евангельский завет взаимной любви и согласия «и увещевает как богатых, так и бедных не сходить с этой почвы при регулировании социально-экономических вопросов, причем папа напоминает бедным, что терпение — одна из высших христианских добродетелей» [66].

Евангельский завет о «терпении», как высшей добродетели, Лев XIII проповедовал только бедным, только народным массам.

Папская энциклика, однако, «не высказала своего отношения к различным формам правления и политическим партиям и, следовательно, открыто не запрещала католикам придерживаться тех или иных политических взглядов. Именно это и было использовано христианскими демократами» [67].

Для того, чтобы не было сомнений в его отрицательном отношении к демократическому направлению в католическом движении, Лев XIII поручил конгрегации чрезвычайных церковных дел опубликовать инструкцию о христианской демократии в Италии (инструкция за подписью кардинала Рамполлы издана 27 января 1902 г.). В Инструкции говорилось, что христианская демократия не должна рассматриваться как средство для достижения политических целей или изменения формы правления; в программах, печати и на собраниях христианские демократы должны обсуждать вопросы, касающиеся торжества справедливости и практического милосердия в интересах народа, что является главной целью христианской демократии. Инструкция выступала против тех, кто говорит о «новом направлении христианской цивилизации», «новой политике церкви», «новом призвании духовенства» [68].

Ограничения и запрещения церковных властей не всегда и не всюду имели успех, и папский престол должен был вновь и вновь заниматься столь нелюбимой им христианской демократией. В сентябре 1904 г. газета «Оссерваторе Романо» выступила с опровержением утверждений, появившихся в печати, будто в церковных сферах сочувственно относятся к автономному

---

[66] АВПР, ф. Ватикан, д. 8, лл. 16—18.
[67] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 321.
[68] E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, p. 217.

движению, возникшему в христианской демократии: ни доброжелательности, ни терпимости церковных властей к автономному движению в христианской демократии, разъясняла «Оссерваторе Романо», не существует; автономное христианско-демократическое движение противоречит папской недавней энциклике и предписаниям папского престола [69].

И в позднейшее время папа неоднократно возвращался к этому вопросу. В изданной в июле 1906 г. энциклике к итальянским епископам Пий X писал, что недопустимы никакие замечания, которые могли бы вызвать в народе «отвращение к высшим классам»; папа требовал, чтобы в католических изданиях избегали употреблять выражения, которые «пахнут нездоровыми новшествами» и толкуют о «новой ориентации христианской жизни», о «новых социальных призваниях духовенства», о «новой христианской цивилизации»; духовенство должно беспрекословно повиноваться своим церковным властям, указывать народу путь к добродетельной жизни и отстаивать принципы христианской любви. «Чтобы создать плотину» против «вредных идей», говорилось в энциклике, духовенству запрещается участие в каких-либо организациях, которые не зависят от епископов [70].

Так, движение, вызванное к жизни при активном участии иерархов церкви, в частности политикой Льва XIII, оказалось на положении преследуемого и нелюбимого у той же церковной иерархии. Произошло это потому, что в планах Ватикана как христианско-демократическое, так и христианско-социальное движение должно было служить формой организации трудящихся католиков против социализма, должно было служить для ослабления классовой борьбы пролетариата и подавления революционных настроений в католических массах. На деле получилось нечто иное: возникшее массовое демократическое движение католиков не удовлетворилось задачами «заботы о душе», а выдвинуло политические и социальные требования, выступило с критикой буржуазного строя и буржуазного государства и потребовало от самой церкви «новой ориентации», ориентации на демократию, а не на «высшие классы».

Ватикан и католическая иерархия толкали христианско-демократическое движение вправо, на путь сотрудничества с буржуазным государством и с капиталистическими организациями, они поддерживали наиболее реакционные круги в этом движении. В тех странах, где христианско-демократическое движение, весьма неоднородное по своему составу, в лице выросших из его недр католических политических партий пришло к власти

---

[69] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1904, S. 267.
[70] Ibid, 1906, S. 349.

(Австрия, Бельгия, Голландия), оно еще до первой мировой войны стало верным оруженосцем буржуазии. Там же, где демократические элементы в движении брали верх (Франция, Италия), Ватикан не останавливался перед гонениями и роспуском организаций.

Только после первой мировой войны Ватикан стал более терпимо относиться к христианской демократии, которая в планах Ватикана и буржуазии должна была сыграть очень большую роль в борьбе против революционного движения, поднявшегося во всех странах Европы.

История христианско-социального и христианско-демократического движения с момента зарождения и до первой мировой войны показала, что ни в социальной, ни в политической области католическое движение, руководимое церковью, не сделало ничего для действительного, коренного улучшения положения трудящихся. Ватикан внимательно следил за тем, чтобы католическое движение не сотрудничало с социалистическим рабочим движением, а было бы в конечном счете опорой буржуазного строя.

Глава четвертая

ДИПЛОМАТИЯ ВАТИКАНА В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

ОСНОВНАЯ ЛИНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ ПАПСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX в. в Европе стали складываться два блока держав.

Характеризуя международные отношения к концу XIX в., Энгельс писал в 1893 г.: «Крупные военные державы континента разделились на два больших, угрожающих друг другу лагеря: Россия и Франция — с одной стороны, Германия и Австрия — с другой» [1].

В 1879 г. был заключен австро-германский союз, к которому в 1882 г. присоединилась Италия. Образовался Тройственный союз.

В противовес этой группировке в 1891—1893 гг. сложился франко-русский союз.

Англия, вследствие существовавших у нее противоречий с Францией и Россией, еще при возобновлении Тройственного союза в 1891 г. сочувствовала этому союзу. Однако уже с конца XIX в. противоречия между Англией и Германией, главным образом в вопросах колониальных, оказались более глубокими, чем противоречия между Англией, с одной стороны, Францией и Россией — с другой. Англия склонялась на сторону франко-русского союза. В 1904 г. было заключено англо-французское соглашение, а в 1907 г.— англо-русское. Этим было положено начало Тройственному согласию — Англия — Франция — Россия.

Италия, формально оставаясь членом Тройственного союза, к началу XX в. фактически отошла от него и все более склонялась к другой группировке держав.

Европа разделилась на два больших лагеря, которые готовились к войне за передел мира.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 33.

Каждое из крупных государств стремилось обеспечить за собой наиболее прочные позиции и в Ватикане и не из благочестивых побуждений, а исключительно для того, чтобы использовать его организации и влияние на миллионы католиков разных стран в своих политических целях, чтобы освятить свои захватнические планы религией.

Два основных обстоятельства определили позицию папства в международных вопросах с конца XIX в.: 1) его вражда к социализму и социалистическому рабочему движению и 2) так называемый «Римский вопрос», возникший, как уже было сказано, в 1870 г. вследствие ликвидации папского государства и включения его территории в состав итальянского государства.

Как было показано в предыдущей главе, папство и католическая церковь крайне враждебно отнеслись к успехам социалистического рабочего движения. Папство не ограничилось тем, что мобилизовало церковь и религию против социализма; оно стремилось также играть ведущую роль в противосоциалистической борьбе светских организаций и буржуазных правительств. С конца XIX в. борьба против социализма стала занимать все большее и большее место в международной политике папского престола. Деятельность папства на этом поприще привлекала к нему симпатии руководящих кругов буржуазного мира, в том числе и тех, кто не был связан с католической церковью.

А. Извольский, посланный правительством Александра III в Ватикан для переговоров (завершившихся восстановлением дипломатических отношений России с Ватиканом), в своем донесении от 21 августа (2 сентября) 1888 г. министру иностранных дел Гирсу сообщал о своей аудиенции у папы Льва XIII: «...Лев XIII, по своему обыкновению, импровизировал пространную политическую речь. Основной мыслью этой речи было доказать необходимость солидарности и единения между великими консервативными державами, особенно Россиею и св. престолом, неустанно работающим для поддержания нравственного и политического порядка в Европе» [2].

В письме от 19(31) декабря 1888 г. Извольский сообщал о новой аудиенции у папы. И на этот раз Лев XIII говорил о «необходимости объединить в наши смутные времена консервативные силы мира» [3]. Папа предлагал Александру III союз для «поддержания охранительных начал» [4].

Александр III сам был напутан революционным движением в России. Несмотря на противодействие Победоносцева и

[2] Е. А. Адамов. Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма. М., 1931, стр. 89.

[3] Там же, стр. 102.

[4] Там же, стр. 73.

иерархов православной церкви, он готов был сотрудничать с папой против революции. В проекте письма Александра III Льву XIII (1888 г.) говорится: «Я с глубоким удовлетворением увидел бы восстановленными дружественные отношения, которые существовали между моим правительством и св. престолом, если эти отношения могут привести к цели, которая так же, как вашему святейшеству, близка сердцу моему...» [5].

В беседах с официальными представителями России при Ватикане Лев XIII неоднократно возвращался к плану союза папства с царизмом.

Принимая в феврале 1898 г. поздравление от Чарыкова, министра-резидента России при папе, по случаю 20-летия своего понтификата, Лев XIII сказал, что «ему особенно приятно видеть в числе дипломатов, приветствующих его по поводу годовщины,... представителя Русской империи». «В настоящее время,— сказал Лев XIII,— подобно тому, как папа служит представителем духовной власти (autorité), русский император является самым могущественным и даже единственным представителем принципа власти в сфере гражданской. Только русский император не пошел на сделку с началами революции и народоправства. Я только что говорил австрийскому послу [6], как сильно упало могущество и значение Австрийской империи с тех пор, как она вступила на ложный путь конституционализма. То-ли было, когда кн. Меттерних был государственным канцлером? Теперь же богемцы, немцы, венгерцы — все требуют особых прав в ущерб положению империи...». «И в Германии,— сказал далее папа,— власть императорская умаляется постепенным возрастанием социализма. Армия, конечно, хорошая опора, но самая прочная опора это человеческая душа (concience). Этой опорою владеет русский император и если между ним, как главой светской власти, и папою, как носителем принципа власти духовной, устанавливается соглашение, то таковое не может не быть в высшей степени драгоценно для мира и для душевного мира на всем пространстве земли...» [7]. Об «общности взглядов и стремлений императора и папы» говорил Чарыкову и кардинал статс-секретарь Рамполла [8].

Наряду с российским царизмом папство видело своего союзника против социализма в лице кайзера Вильгельма и его правительства. Со временем на кайзеровскую Германию в первую очередь и стало ориентироваться папство. Бывший германский канцлер Бюлов опубликовал в своих воспоминаниях за-

---

[5] Е. А. Адамов. Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма. М., 1931, стр. 99.
[6] Граф Ревертера был перед тем принят папой (прим. Чарыкова).
[7] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 8—9.
[8] Там же, л. 114.

пись беседы Льва XIII и Вильгельма II в мае 1903 г. во время посещения Ватикана кайзером. Папа превозносил «принципы управления», которых придерживался кайзер. Вильгельм II, по словам папы, свою власть «построил на основе абсолютного христианства». Был только один государь, сказал папа, который думал и поступал, как Вильгельм II,— это был Карл Великий. Тот, по «поручению бога, склонил весь тогдашний цивилизованный мир к подножью креста, получив эту миссию от тогдашнего папы Льва III». Теперешний немецкий кайзер, продолжал папа, получает от него, папы Льва XIII, «миссию вернуть Европу в лоно христианства, в противовес социалистическим и атеистическим идеям». Он (папа) отлично знает, сказал Лев XIII, что «Европа состоит из отдельных стран и наций и политически не может быть объединена под одним скипетром, но в духовном отношении император Германии, конечно, мог бы примером, влиянием и увещеванием воздействовать, чтобы эти страны вновь склонились к христианству и церкви...» [9].

Вильгельм II рассказывает в своих мемуарах, что во время упомянутой беседы Лев XIII сказал ему, что «Германия должна стать мечом католической церкви» [10].

Ватикан неустанно внушал представителям господствующих классов, что именно католическая церковь во главе с папой, с ее традиционной непримиримостью к демократии и прогрессивным движениям, с ее приверженностью к авторитарности в состоянии объединить консервативные силы против освободительной борьбы народных масс, против социализма.

В речи перед кардинальской коллегией 23 декабря 1898 г. Лев XIII призывал европейские правительства выступить объединенно против «истребительных стремлений». Лев XIII и его преемники претендовали на руководящую роль в международном крестовом походе против социализма. В организации такого похода они готовы были сотрудничать и с теми силами буржуазного общества, которым они не очень сочувствовали. Известно, что идеалом папства на протяжении веков была монархическая форма государственного устройства, и именно — католическая монархия. Однако с конца XIX в. в связи с происходившим в ряде стран процессом сближения католической церкви с буржуазией, а также ради сплочения враждебных социализму сил папство стало сотрудничать и с буржуазной республикой там, где последняя победила.

В энциклике от 29 июня 1881 г., посвященной отношению церкви к государственной власти и изданной в связи с убийством царя Александра II, Лев XIII писал, что церковь гаранти-

---

[9] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I. Berlin, 1930, S. 612—613.

[10] Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipzig — Berlin, 1922, S. 177.

рует «порядок» в обществе, при этом для нее нет основания признавать только монархическую форму государственного устройства.

Генерал ордена иезуитов говорил в мае 1903 г. немецкому генерал-фельдмаршалу Вальдерзее: «Форма государственного управления для нас (иезуитов.— *М. Ш.*) не имеет значения, Мы сотрудничаем так же охотно с республикой, как и с монархией...» [11].

Точно так же и вопрос о религиозном исповедании правительства того или иного государства потерял для Ватикана значение. Лев XIII и его преемники сотрудничали в разное время с «безбожным» правительством Франции, с протестантским кайзером Вильгельмом II, с православным царем Александром III. Лев XIII находился в переписке с турецким султаном Абдул Гамидом, с египетским хедивом, абиссинским негусом, шахом персидским, индийскими раджами, китайским императором, японским микадо и др.[12].

Католическая церковь при капитализме перестала играть роль интернационального центра, каким она была при феодализме. Католическая церковь каждой страны связана с Ватиканом и подчинена ему, однако она более тесно связана с господствующими классами своей страны. В этих условиях папство могло и может выступать как сила, объединяющая буржуазный мир, только в вопросах, затрагивающих самые коренные классовые интересы эксплуататоров всех стран, наций и религий, а именно в вопросах, связанных с сохранением их собственности и господства. Другим важным обстоятельством, которым определялась в течение длительного времени, начиная с конца XIX в., международная политика папства, явился «Римский вопрос» и связанные с ним итало-ватиканские отношения.

«РИМСКИЙ ВОПРОС» И ИТАЛО-ВАТИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ К НАЧАЛУ XX В.

После 1870 г. и до 1929 г. каждый вновь избранный папа заявлял, что он не отказывается от «владений св. Петра». При подходящих обстоятельствах все находившиеся в это полустолетие на папском престоле напоминали, что они не отказываются от светской власти, считают себя «узниками в Ватикане», и жаловались на «невыносимое положение», которое создано для «наместника Христа» «узурпаторским правительством»

---

[11] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III, Stuttgart, 1923, S. 212.

[12] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II. München, 1934, S. 504; L. F. Ranke. Bilder aus der Geschichte des Papsttums. München, 1914, S. 393.

Италии. Папство продолжало считать, что юридически церковное государство существует, хотя оно и ограничено временно территорией Ватикана, себя же папы продолжали рассматривать как суверенных государей [13].

Последний папа — светский государь Пий IX до конца своей жизни остался непримиримым врагом итальянского государства. К концу его понтификата в Ватикане возник проект перевода «престола св. Петра» в Мехельн (Бельгию). О соглашении с итальянским правительством Пий IX и слушать не хотел.

Его преемник, Лев XIII, вскоре после своего избрания на папский престол (1878 г.) заявил, что он — «узник» и будет им до тех пор, пока итальянское правительство находится в Риме. В 1879 г. в адресе конгрессу католических журналистов в Риме Лев XIII заявил о необходимости восстановить светскую власть папы.

В письме к Гирсу 14 (26) февраля 1889 г. Извольский писал о Льве XIII: «Нынешний папа по преимуществу дипломат и политик; в течение одиннадцати лет все его труды направлены к двум целям: вернуть папству его былой международный престиж и его влияние на ход европейских событий; добиться возвращения своего исторического места в Италии, ничего не уступая из своих претензий на светскую власть» [14].

22 мая того же года Извольский писал: «Лев XIII с каждым годом более склоняется в сторону крайней непримиримой партии и с некоторых пор энергически подавляет всякие попытки итальянской иерархии найти почву для соглашения с правительством» [15].

Бывший (с 1882 г.) прусский посол в Ватикане Курд фон Шлецер, пользовавшийся в течение долгого времени влиянием в руководящих ватиканских кругах, также отмечает, что Лев XIII требовал восстановления светской власти папы. 22 июля 1887 г., пишет Шлецер, появился циркуляр статс-секретаря Ватикана кардинала Рамполлы нунциям, апостолическим викариям и другим дипломатическим агентам, в котором подчеркивалось непримиримое отношение папства к итальянскому королевству, а первым условием сближения ставилось восстановление светской власти папы. Шлецер считает, что эта вдохновляемая Францией политика Ватикана закончилась лишь со смертью Льва XIII [16].

Восстановление папского государства означало бы раздробление Италии. Ватиканские иерархи этого и хотели. Чарыков

---

[13] H. Feine. Kirchliche Rechtsgeschichte, Bd. 1. Weimar, 1950, S. 574.
[14] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 106.
[15] Там же, стр. 108.
[16] Kurd von Schlözer. Letzte römische Briefe 1882—1894. Berlin, 1924, S. 111.

сообщал в Петербург в июле 1898 г. о выступлении «Оссерваторе Романо» — ватиканского официоза — со статьей, в которой доказывалось, что «постоянным идеалом» папства является «единение свободных итальянских общин под его главенством» [17].

Лев XIII, пишет Сфорца, не был никогда связан с итальянской почвой. Он мечтал о разрушении итальянского единства; единая Италия должна уступить место федерации мелких итальянских республик во главе с папой; он мечтал об уходе папы из Рима и триумфальном возвращении в Рим после победоносной войны Австро-Венгрии против Италии [18].

Это подтверждается и другими свидетельствами. Бюлов рассказывает о своей беседе с Джолитти в 1904 г. По его словам, Джолитти сказал, что «Лев XIII и Рамполла ставили себе целью устранение итальянской монархии, чтобы установить федеративную итальянскую республику под защитой Франции и с папой во главе» [19].

Таким образом, политика папства противоречила коренным интересам итальянского народа, так как имела своей целью ликвидацию Итальянского государства и его раздробление, что не только задержало бы прогресс Италии, но и сделало бы образовавшиеся мелкие итальянские королевства и княжества игрушкой в руках крупных держав, в первую очередь Австро-Венгерской монархии.

По словам английского историка папства Д. Бинчи, Лев XIII видел в Итальянском государстве «не только опасность для независимости папства, но и нечто искусственное и скоропреходящее...» [20].

Прoватиканские биографы Льва XIII рисуют его папой-«миротворцем». Этот «миротворец», однако, не прочь был, чтобы восстановление прежнего положения папского престола произошло в результате всеобщей войны в Европе. Извольский писал 12(24) марта 1890 г. Гирсу из Рима: «...уверенный в неминуемости всеобщего кризиса, он (Лев XIII.— *М. Ш.*) стремится главным образом обеспечить св. престолу возможность извлечь выгоду от ожидаемых событий» [21].

30 мая 1890 г. Шлецер сообщил, что в иезуитских кругах отстаивают взгляд, что только всеобщая война в Европе может расчистить путь к восстановлению папского государства и Лев XIII не чужд этим стремлениям. Галимберти — нунций в Вене — доверительно говорил Шлецеру в сентябре того же года,

---

[17] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 92.
[18] Carlo Sforza. Contemporary Italy. New York, 1944, p. 84.
[19] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. II. Berlin, 1930, S. 60.
[20] D. A. Binchy. Church and state in fascist Italy. London, 1941, p. 35.
[21] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 114.

что «Лев XIII, до сих пор всегда стоявший за сохранение мира, с недавнего времени явным образом все больше и больше склоняется к точке зрения непримиримых, которая, как известно, заключается в том, что наместничество св. Петра могло бы быть восстановлено «в своих правах» только в результате всеобщей войны, что от отдельных католических и некатолических государств курия не может теперь ждать никакой поддержки; после же европейской войны великие державы должны будут собраться на конгресс, который вновь признает за папой его светскую власть...» [22].

Главными сторонниками этой идеи были иезуиты.

Людвиг Пастор, близкий к ватиканской иерархии, в частности к Льву XIII, человек, записал в своем дневнике 14 мая 1902 г., что он был приглашен к кардиналу Санминиателли, у которого собрался весь епископат Тосканы. Кардинал, когда был затронут вопрос о светской власти папы, заявил: «только меч или чудо может принести решение» [23].

Лев XIII и его преемники стремились превратить «Римский вопрос» из внутриитальянского, каким он был, в международный, вовлечь в свои споры с итальянским правительством правительства европейских стран и католические организации всех стран. Таким образом, на протяжении почти полустолетия «Римский вопрос» был орудием интриг против Италии. 15(28) июля 1903 г. русский посол в Риме А. Нелидов, сообщая в Петербург о смерти Льва XIII и в связи с этим анализируя политику папства, писал: «По странному стечению обстоятельств, не могут искренно желать примирения папства с Италией ни Германия, ни Австрия, ни Франция. Первые две империи... воспользовались при заключении Тройственного союза ненавистью Ватикана к Итальянскому правительству, чтобы обещать королю свое содействие для ограждения его от возможных попыток к восстановлению светской власти пап. Раз римский первосвященник признáет установленную в столице королевства светскую власть, последняя не будет уже нуждаться в покровительстве своих нынешних союзников» [24]. Для Франции, писал далее Нелидов, влияние на папский престол дает возможность оказывать давление на итальянское правительство. «А влияние это, по примирении Ватикана с Квириналом, было бы значительно ослаблено, что могло бы отозваться весьма чувствительно и на внутренних делах союзной нам республики» [25].

Таким образом, правительства крупных держав, участников

---

[22] O. Becker. Bismarck und die Einkreisung Deutschland. Zweiter Teil — Das Französisch-Russische Bündnis. Berlin, 1925, S. 135.

[23] Ludwig Freiherr von Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, S. 392.

[24] АВПР, ф. Канцелярия, 1903, д. 92, т. 1, л. 143.

[25] Там же.

обеих враждебных коалиций, каждое по своим особым мотивам, были заинтересованы в сохранении ватикано-итальянской вражды в связи с «Римским вопросом». Немецкий военный атташе в Риме фон Энгельбрехт писал 12 января 1888 г. графу Вальдерзее, что до тех пор, пока отношения между Францией и Италией напряжены, как ныне, не приходится ожидать улучшения ватикано-итальянских отношений. «Я вижу в этом,— писал Энгельбрехт,— только счастливое обстоятельство, так как, во-первых, папа будет продолжать показывать свое примирительное отношение к нам, а во-вторых, дезертирство Италии невозможно. На этом основании я считаю, что точное знание всего, что касается положения в Ватикане, имеет для нас величайшее значение и мы не должны ограничиваться там только нашими церковно-политическими делами» [26].

Ватикан активно работал над тем, чтобы вовлечь европейские государства и католические организации в свою борьбу с Италией за восстановление светской власти папы. В Германии в пользу восстановления светской власти папы действовала немецкая католическая партия центра. При открытии первого германского рейхстага в 1871 г. представитель центра выступил против принципа невмешательства Германии в дела других государств, так как признание этого принципа означало бы отказ от вмешательства в пользу папы. «Я не стану говорить в пользу похода через Альпы, но и не ставлю для этого абсолютной преграды»,— заявил тогда представитель центра. С того времени на ежегодных католических съездах в Германии систематически выносились резолюции, требовавшие восстановления светской власти папы. Однако по мере того, как партия центра стала все больше поддерживать империалистическую политику германской буржуазии, т. е. становилась правительственной партией, она, чтобы не вызвать недовольства Италии — союзника Германии по Тройственному союзу,— изменила тактику в вопросе о светской власти папы. Бахем, один из лидеров центра, пишет, что в 1887 г. в связи с предстоявшей всегерманской конференцией католиков в Трире, под нажимом Ватикана было предложено подготовить резолюцию, решительно осуждавшую «грабеж» папы Италией и требовавшую восстановления папского государства. Лидер центра Виндхорст выступил против такого проекта резолюции. Его поддержал граф Баллестрем, намечавшийся в председатели конференции. Виндхорст предложил другую формулировку: вместо «восстановление церковного государства» и передачи его папе — «восстановление территориального суверенитета папы». Такая формулировка обходила вопрос о том, что должно было быть возвращено папе от его старого

[26] «Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. I, Stuttgart — Berlin, 1928, S. 143.

церковного государства; в эту формулу укладывалось и признание суверенитета папы над одним только Ватиканом [27]. Эта формулировка принималась и на последующих съездах германских католиков.

Но и такая эластичная формула создавала затруднения для Германии в ее взаимоотношениях с Италией. Бахем сообщает, что канцлер Бюлов во время переговоров с лидером центра Либером указывал ему на вред для германской дипломатической деятельности старой резолюции ежегодных всегерманских конференций католиков, требующей «территориального суверенитета» папства. В 1898 г. на всегерманской конференции католиков была принята резолюция, в которой требования территориального суверенитета папы уже не содержалось, а выдвигалось требование, чтобы папа как верховный глава церкви пользовался «полной и действительной свободой в отправлении своего высшего пастырского служения» [28].

Политические интересы германской буржуазии как всегда взяли верх над религиозными соображениями деятелей католической церкви.

В 1888 г. Лев XIII, воспользовавшись пребыванием в Риме Вильгельма II, пытался втянуть его в конфликт Ватикана с Италией. Визит кайзера в Ватикан был организован так, чтобы ничто не могло быть истолковано ни как признание Вильгельмом отторжения Рима у папы, ни как непризнание этого акта. По предложению посла Пруссии в Ватикане Шлецера Вильгельм отправился на аудиенцию к папе не из дворца итальянского короля, а с прусской территории, из помещения прусского посольства в Риме, на лошадях и в экипаже, специально привезенных для этого из Германии [29].

12 октября во время аудиенции, данной Вильгельму, Лев XIII стал жаловаться на положение папского престола в Италии, на свое положение «ватиканского пленника», и хотя заранее через Шлецера Вильгельм просил, чтобы вопрос о светской власти папы в беседе не был затронут, папа перешел именно к этому вопросу. Папа не упустил также указать своему гостю, что он обеспокоен усилением «анархистских партий», против которых надо объединить все силы, чтобы их уничтожить.

Предвидя, что папа неизбежно поднимет перед Вильгельмом «Римский вопрос», чем поставит кайзера в затруднительное положение, принцу Генриху заранее было велено явиться в помещение, где происходила аудиенция. Ватиканской страже

---

[27] Karl Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumspartei. Bd. IX. Köln, 1932, S. 9.

[28] Ibid., p. 48.

[29] Kurd von Schlözer. Letzte römische Briefe, S. 128.

было предписано во время приема Вильгельма папой никого в помещение не пропускать. Однако принц Генрих в сопровождении статс-секретаря ведомства иностранных дел Герберта Бисмарка вломился в помещение и начатая папой беседа на нежелательную для Германии тему была прервана. В присутствии принца беседа продолжалась только на тему о религиозных отношениях в Германии. Этот инцидент вызвал сильнейшее недовольство в Ватикане [30].

Из этого вовсе не следует, что правительство Германии отказывалось использовать «Римский вопрос» против Италии. В 1888 г., когда Италия примыкала к Тройственному союзу, Вильгельму было невыгодно поддерживать притязания папы. Но именно для того, чтобы привязать Италию к этому союзу, германское правительство не раз пускало в ход «римский козырь» — угрозу поддержать притязания Ватикана. В руках германской дипломатии «Римский вопрос» был средством давления на правительство Италии, чтобы заставить его быть верным Тройственному союзу. Правящие круги Германии имели в виду также использовать «Римский вопрос» против революционного движения в Италии.

В августе 1887 г. в беседе с баварским министром Грайлсгеймом, когда последний затронул вопрос о восстановлении светской власти папы, Бисмарк заявил: «Это нужно отложить до провозглашения республики в Италии» [31]. Это означало, что если итальянский народ провозгласит республику, то правительство Германии в качестве предлога для подавления республики потребует восстановления папского государства.

Через епископат Ватикан организовывал во многих странах выступления в пользу восстановления папского государства. Соответствующие резолюции принимались на годичных конференциях католиков Австрии. В ноябре 1891 г. депутат-католик Цаллингер выступил в австро-венгерском парламенте с речью в пользу восстановления папского государства, заявив, что притязания папы законны и вопрос о восстановлении его светской власти не итальянский, а м е ж д у н а р о д н ы й католический вопрос.

Правящие круги Австро-Венгрии сочувствовали планам папства, но они были заинтересованы в сохранении Тройственного союза, в который входила и Италия. Вот почему в своем ответе на выступление Цаллингера министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Кальноки заявил, что правительство со-

---

[30] См. Е. А. А д а м о в. Указ. соч., стр. 18, 95; «Вестник Европы», 1888, кн. XI, стр. 435—439; F. H a n u s. Die preussische Vatikangesandschaft, 1747—1920, S. 364—366.

[31] Philipp zu E u l e n b u r g - H e r t e f e l d. Aus 50 Jahren. Berlin, 1925, S. 134.

гласно с тем, что справедливые желания католического населения Австро-Венгрии должны быть по возможности удовлетворены, что правительство желает такой полной независимости папы, какая ему необходима. Австро-Венгрия, заявил далее Кальноки, находится в политическом союзе с Италией, и как может она, дерзновенно вмешавшись в ватиканский вопрос, не оскорбить чувства итальянского народа? Практическое решение вопроса еще не найдено [32]. По существу и Кальноки обусловил невмешательство Австрии в «Римский вопрос» верностью Италии Тройственному союзу.

Прибывшее в январе 1901 г. в Рим по поводу празднования «юбилейного года» паломничество английских католиков во главе с герцогом Норфолькским поднесло папе адрес, в котором были выражены пожелания и надежды видеть восстановление светской власти папы. Незадолго до этого американский епископ Айрланд заявил о желательности для его соотечественников восстановления светской власти папы [33]. Все такого рода выступления были связаны с планами Ватикана превратить «Римский вопрос» в международный и в дело католиков всего мира.

В Ватикане рассчитывали на то, что франко-итальянские противоречия сделают Францию активным поборником восстановления папского государства. Ярыми сторонниками этого были французские монархисты.

В конце XIX в. франко-итальянские отношения настолько обострились, что «Криспи ожидал от Франции всего плохого, а также намерение восстановить папское государство» [34].

В августе 1892 г. Извольский писал Гирсу, что непримиримая к Италии партия в Ватикане «пользуется симпатиями Франции» [35].

Ватикан разжигал антиитальянские настроения среди французских католиков. В октябре 1891 г., в день годовщины освобождения Италии, французское духовенство организовало массовое паломничество католиков в Рим, которые устроили там антиитальянские демонстрации. В ответ были организованы итальянские контрдемонстрации. В связи с этим итальянские власти временно запретили приезд паломников в Рим.

Правительство Италии стояло на том, что «Римский вопрос» является делом внутриитальянским и должен быть разрешен Италией и Ватиканом без вмешательства со стороны. Итальянское правительство ревниво следило за тем, чтобы в между-

---

[32] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1891, S. 213—214.
[33] АВПР, ф. Ватикан, д. 8, лл. 8—9.
[34] H. Friedjung. Das Zeitalter des Imperialismus. 1884—1914. Bd. I. Berlin, 1919, S. 110.
[35] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 120.

народных отношениях Ватикану не отводилось такое место, которое ставило бы его в положение суверенного государства.

В 1899 г. в Гааге была созвана международная «мирная конференция», официальной задачей которой было ограничение вооружений.

Ватикан, добивался участия в конференции. В беседе с Чарыковым в феврале 1899 г. Лев XIII заявил: «Итальянское правительство утверждает, что оно гарантировало св. престолу его суверенные права. И что же? Когда представляется случай папе участвовать на конференции, если не в качестве светского государя, то в силу его нравственного суверенитета..., правительство короля старается всячески этому помешать...» [36].

Кардинал статс-секретарь Рамполла заявил тогда же Чарыкову, что Италия «не хочет допустить, чтобы папа был приглашен на конференцию наравне с прочими государями. Мы же не можем отказаться от принципа равноправности папы с другими государями...» [37]. Из своих бесед со Львом XIII и с Рамполлой Чарыков делал вывод, что «для Римской курии принципиальный вопрос о правах папы несравненно важнее вопроса об успехах конференции или об упрочении вселенского мира...» [38].

Итальянское правительство протестовало против приглашения папы и заявило, что в случае приглашения Ватикана Италия не будет участвовать в работах конференции. Кардинал Рамполла обратился к архиепископу Бреславльскому кардиналу Коппу, чтобы тот побудил кайзера потребовать приглашения папы.

Германское правительство учитывало, что если оно займет благожелательную позицию к требованиям Ватикана, то это явится вызовом по отношению к Италии и может взорвать Тройственный союз. Германский статс-секретарь по иностранным делам сказал кардиналу Коппу, что поскольку Италия отказывается участвовать в конференции в случае приглашения папы, то участие двух других держав Тройственного союза в работах конференции было бы опасным для самого этого союза. А потому германское правительство не может поддержать пожелания папы [39].

Так, вследствие позиции, занятой Италией, папа не был приглашен участвовать в работе конференции. В своем выступлении перед кардиналами 14 декабря 1899 г. Лев XIII сказал, что один лишь голос возразил против участия папы в Гаагской конференции — голос тех самых, которые, «заняв Рим, хотят видеть верховного правителя церкви подчиненным их

[36] АВПР, ф. Ватикан, д. 6, л. 39.
[37] Там же, л. 42.
[38] Там же, л. 43.
[39] «Die Grosse Politik», Bd. 15, S. 173.

власти...». «Какого еще зла,— воскликнул Лев XIII,— нам ждать от тех, кто на глазах у Европы осмеливается нарушать наши священные права...» [40].

Папский престол в свою очередь старался создать итальянскому государству внешнеполитические затруднения.

Каждый визит, отданный итальянскому правительству в Риме главой иностранного государства, рассматривался Ватиканом как оскорбление папе, так как такой визит означал признание Рима столицей Италии. После событий 1870 г. папа заявил, что католический монарх, который посетит короля Италии в Риме, не будет принят в Ватикане. На этой почве возникали конфликты и недоразумения между правительством Италии и правительствами ряда государств. В 1875 г. итальянский король посетил Вену. Ответный визит австро-венгерского императора состоялся не в Риме, а в Венеции. В 1881 г. итальянский король снова посетил Вену. С австро-венгерской стороны после этого было заявлено, что император готов встретиться с итальянским королем в любом городе Италии, кроме Рима. Итальянская сторона с этим не согласилась. В 1890 г. император Франц-Иосиф передал через австрийского посла в Риме барона Брука итальянскому правительству о своем желании встретиться с королем Италии, и если король пригласит императора на маневры итальянской армии, то приглашение будет охотно принято. При этом Бруку было предложено заявить, что присутствие на маневрах не освобождает императора от ответного визита (на визит 1881 г.), который должен состояться в Риме, но последний невозможен, так как привел бы к разрыву с папой, чего император Австро-Венгрии должен избегнуть. Итальянская сторона предложение не приняла [41].

Вильгельм II в интересах укрепления Тройственного союза пытался быть посредником в этом споре. Он предложил, чтобы Франц-Иосиф по прибытии в Рим был встречен на вокзале итальянским королем, принцами и правительством, откуда он вместе с королем Виктором Эммануилом III отправится возложить венок на могилу короля Гумберта, и после того отделится от Виктора Эммануила и отправится на прием в Ватикан. В Ватикане с этим предложением не согласились. Франц-Иосиф предпочел не ссориться с Ватиканом [42].

В 1885 г. в результате вмешательства Ватикана не состоялась намечавшаяся поездка португальского короля Карлоса в Рим.

---

[40] АВПР, ф. Ватикан, д. 6, л. 154.

[41] «The memoirs of Francesco Crispi», p. 130—131; Italicus. Italiens Dreibundpolitik (1870—1896). München, 1928, S. 126; H. Friedjung. Das Zeitalter des Imperialismus, Bd. I, S. 370.

[42] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918. S. 268.

Король Карлос выехал 1 октября 1885 г. в Испанию, чтобы оттуда последовать в Париж, Рим и Берлин. В тот же день итальянский поверенный в делах в Лиссабоне телеграфировал в Рим, что нунций считает, что папа прервет дипломатические отношения с Португалией, если ее король посетит итальянского короля в Риме; при всех условиях папа откажется принять короля. Министр иностранных дел Португалии подтвердил итальянскому послу, что посещение португальским королем короля Италии в Риме приведет к отъезду папского нунция из Лиссабона, что чревато серьезными последствиями для Португалии. Король Карлос из Парижа обратился к итальянскому королю с просьбой принять его неофициально и не в Риме, но получил отказ [43].

Встреча не состоялась, так как король Португалии не хотел обострять отношения с Ватиканом и с влиятельной в самой Португалии католической церковью [44].

Непримиримость Ватикана к Италии порой оборачивалась против Ватикана же. В 1902 г. с визитом к королю Италии в Рим прибыл персидский шах. Еще до его приезда персидским посланником в Риме был поднят вопрос о посещении шахом Льва XIII, чего желал и папа. Однако со стороны курии были выдвинуты условия, чтобы шаха при посещении им Ватикана не сопровождал посол Персии в Италии. Персидская сторона отказалась принять это условие, тем более, что визит шаха к папе был бы неприятен итальянскому королю. Визит так и не состоялся [45].

Итальянская сторона пыталась урегулировать с Ватиканом вопрос о посещениях Рима иностранными правителями. 5 сентября 1908 г. итальянский министр иностранных дел Титтони во время встречи в Зальцбурге с австро-венгерским министром иностранных дел Эренталем спросил последнего, не готов ли он участвовать в зондировании почвы в Ватикане об условиях, которые сделали бы возможным посещение Рима католическими монархами, чтобы положить конец ненормальному положению, когда некатолические государи легче могут

---

[43] «The memoirs of Francesco Cripsi», S. 225—229; см. также АВПР, ф. Ватикан, д. 13, л. 54.

[44] Еще в 1908 г. из-за противодействия Ватикана монакский князь отказался от намечавшейся поездки в Рим. По этому поводу кардинал статс-секретарь Мерри дель Валь заявил посланнику России при Ватикане Сазонову, что папский престол не может отступить от установленного правила не допускать в Ватикан католических государей, приезжающих в Рим даже не в качестве официальных гостей итальянского двора. По словам Сазонова, кардинал был, видимо, доволен решением монакского князя подчиниться воле папы и отказаться от поездки в Рим (АВПР, ф. Ватикан, д. 21, л. 79). В 1910 г. приезд монакского князя в Рим привел к временному разрыву сношений между Ватиканом и Монако.

[45] АВПР, ф. Ватикан, д. 9, лл. 82—84.

сноситься с папой, чем католические. Эренталь ответил, что и он горячо желает решения этого вопроса, так как тем самым было бы устранено обстоятельство, отрицательно влияющее на отношения Австро-Венгрии с Италией, но, учитывая господствующие в Ватикане настроения, он считает такой зондаж бесцельным [46].

Лев XIII и его окружение стремились создать в католическом мире представление о невыносимом положении папы в Риме, вследствие чего он поставлен перед необходимостью оставить этот город и перенести свою резиденцию в другую страну.

Каждый раз, когда отношения с Италией принимали более острый характер, Лев XIII угрожал отъездом из Рима. В августе 1881 г. папа обратился с письмом к императору Францу-Иосифу о своем намерении переехать в Австрию и просил его совета. Католический император Австро-Венгрии, душой и телом преданный папе, не намерен был, однако, вступить в конфликт с Италией ради политических притязаний папства. В ответе Льву XIII он выразил надежду, что папе не придется оставить могилы апостолов и что правительство Италии защитит папство от революционных сил [47].

Этот ответ был встречен отрицательно в Ватикане. Франц-Иосиф направил в марте 1882 г. в Рим барона Хибнера, чтобы отговорить папу от рискованного шага.

Сфорца сообщает, что в 1919 г. в архивах Австро-Венгерской монархии были обнаружены документы, свидетельствующие о том, что Франц-Иосиф послал к папе барона Хибнера утешить и успокоить Льва XIII, который намеревался обосноваться в Зальцбурге в ожидании крестового похода католических государств против Италии. Согласно императорской инструкции, Хибнер должен был разъяснить папе, что в случае отъезда из Рима его личный авторитет падет; помимо того, сомнительно, будет ли его свобода и независимость в Австро-Венгрии менее стеснены, чем в Италии, где Закон о гарантиях, хотя сам по себе и плохой, однако дает ему юридическое положение и где он, несмотря ни на что, является хозяином в своем собственном дворце [48].

---

[46] Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Kriese 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914, Bd. I, Wien — Leipzig, 1930, S. 75. Запрет католическим государям посещать Рим был отменен папой сразу же после первой мировой войны. Но уже до этого были сделаны шаги к смягчению этого запрета. В связи с приездом в июле 1913 г. в Рим монакского князя и принятием его папой поверенный в делах России при Ватикане Н. Бок писал, что это «заслуживает внимания, как первый шаг к отмене запрещения католическим главам государств приезжать в Рим» (АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 58).

[47] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II, S. 414.

[48] Carlo Sforza. Contemporary Italy, p. 85.

Посланник императора сказал Льву XIII, что Франц-Иосиф готов принять папу, но Австрия должна сохранить дружеские отношения с Италией [49]. И в последующие годы Лев XIII обращался к правительству Австро-Венгрии с вопросом, может ли он рассчитывать на австрийское гостеприимство.

В противоположность Франции, которая предлагала папе убежище [50], правительства Германии и Австро-Венгрии старались в интересах Италии, своего союзника, отговорить папу от такой демонстрации [51]. Поверенный в делах Австро-Венгрии в Ватикане Околишани писал 24 августа 1888 г. министру иностранных дел Кальноки: единственно реальная служба, которую можно ныне сослужить папе, заключается в том, чтобы побудить его спокойно и терпеливо ждать [52].

Епископ Худаль в своей истории австрийского посольства при Ватикане сообщает, что после происходивших в июне 1889 г. в Риме демонстраций по случаю сооружения памятника Джордано Бруно комиссия кардиналов в Ватикане обсуждала вопрос о возможности отъезда папы из Рима в случае дальнейшего ухудшения ватикано-итальянских отношений. Мнения кардиналов разделились, так как было известно, что еще в марте 1889 г. нунций в Вене Галимберти сообщил в Ватикан, что, по мнению прусского представителя в Вене, отъезд папы из Рима повредил бы интересам самой церкви. Такого же мнения придерживался и лидер немецкой католической партии центра Виндхорст. В начале июля 1889 г. кардинал Рамполла изложил австрийскому послу в Ватикане план перенесения папской резиденции, но тот дал на это отрицательный ответ, имея в виду заявление Криспи австро-венгерскому послу в Риме, что если папа оставит Рим, то обратно он вернется туда только силой оружия. Общее впечатление графа Ревертера, пишет епископ Худаль, «на основании его разговоров с папой и кардиналом статс-секретарем Рамполлой было таково, что эти повторные планы отъезда служили больше предлогом, чтобы не дать «Римскому вопросу» «уснуть»; в действительности,— подчеркивает епископ Худаль,— ни одна влиятельная ватиканская инстанция не думала перенести весь большой аппарат управления церковью заграницу» [53].

Извольский доносил 23 июня (5 июля) 1889 г.: «К настойчивым слухам об отъезде папы из Рима официальная италь-

---

[49] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II, S. 414.
[50] Italicus. Italiens Dreibundpolitik. S. 124.
[51] E. Winter. Russland und die Slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans 1878—1903, S. 56.
[52] Ibid., S. 149.
[53] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918, S. 237—238.

янская печать относится спокойно, очевидно не веря их правдоподобности»[54]. Тем не менее встревоженный этими слухами и считая, что отъезд папы из Рима был бы использован Францией в качестве предлога для выступления против Италии, премьер Криспи, обсудив этот вопрос с членами итальянского правительства, решил направить своего поверенного Франческо Кучи к Бисмарку, чтобы посоветоваться о создавшемся положении. Беседа Кучи с Бисмарком состоялась 23 июля 1889 г. Как видно из письма Кучи к Криспи, Бисмарк сказал ему, что не верит в отъезд Льва XIII из Рима. По его мнению, престиж папства связан с историей и традициями Рима, с сокровищами и пышностью собора св. Петра и Ватикана в целом. Вне Рима папа не был бы больше представителем старого и сильного института, каким является католицизм, а стал бы подобен какому-нибудь шаху персидскому, который на чужой счет шатался бы по Европе. Для католических правительств и самой Франции было бы очень трудно принять папу в качестве гостя. Бисмарк сказал, сообщал Кучи, что германский посол в Испании несколько дней назад телеграфировал, что папа ожидается в Мадриде, но он, Бисмарк, ответил послу, что запрещает ему телеграфировать такую бессмыслицу («solchen Unsinn»). Он, Бисмарк, информирован из Вены, что и оттуда советовали папе не удаляться из Рима, если только он не будет к этому вынужден насилиями толпы[55]. Можно с уверенностью сказать, что слухи о готовящемся отъезде папы из Рима распускались ватиканскими кругами в пропагандистских целях, в целях возбуждения общественного мнения и привлечения внимания католиков всего мира к «бедственному положению» папы. На самом деле Лев XIII не намеревался покинуть Рим. Традиция в каждой религии играет громадную роль; традиции папства связаны с Ватиканом. Вне Ватикана папа в значительной мере потерял бы в глазах верующих свой престиж «наместника апостола Петра». Папа мог себе позволить только угрожать отъездом из Рима. Слухи об этом охотно подхватывали противники Италии. Но отправиться в новый «авиньонский плен» ни Лев XIII, ни его преемники не решились бы.

Папский престол создавал правительству Италии затруднения не только в международной области, но и внутри самой страны. Он старался восстановить католические массы против государства. Ватиканские иерархи, в частности, обвиняли правительство в том, что оно не способно подавить растущее в стране социалистическое движение.

15 октября 1890 г. Лев XIII обратился с энцикликой к италь-

---

[54] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 110.

[55] Bismarck. Die gesammelten Werke, Bd. 8. Gespräche. Berlin, 1926, S. 664.

янскому епископату, духовенству и народу, в которой запугивал «опасностями», вытекающими из роста революционного движения в стране, писал о нарушении прав церкви и борьбе против религии и утверждал, что правительство Италии находится во власти масонов и сект, хочет искоренить религию и разрушить христианскую жизнь. В энциклике, вопреки историческим фактам, утверждалось, что папство принесло Италии счастье и славу. Папа призывал бороться против опасности, угрожающей религии. В интересах Италии, заявил он,— восстановление полной независимости папы [56].

Наибольшая слабость Итальянского государства в период 1870—1900 гг. «проистекала из того, что рядом с ним Ватикан сколачивал вокруг себя реакционный антигосударственный блок аграриев и широких масс отсталого крестьянства, контролируемого и руководимого богатыми землевладельцами и попами. Программа Ватикана состояла из двух частей: борьбы против единого «либерального» буржуазного государства и одновременно создания из крестьянства резервной армии, чтобы остановить наступление социалистического пролетариата...» [57].

В 1868 г. и вторично в 1874 г. был опубликован папский декрет «Non expedit» [58], запрещавший итальянским католикам под страхом отлучения избирать и быть избранными в парламент, так как участие в итальянских выборах означало бы признание Итальянского государства и, следовательно, косвенное согласие с ликвидацией папского (запрет не касался выборов в муниципалитеты). Лев XIII неоднократно напоминал итальянским католикам об этом требовании церкви. В декабре 1903 г. было опубликовано заявление нового папы — Пия X, что декреты Пия IX и Льва XIII от 1868 и 1874 гг., запрещающие итальянским католикам участвовать в выборах, остаются в силе.

Оказалось, однако, что это предписание невыгодно для самой церкви. С одной стороны, оно многими католиками не соблюдалось, что расшатывало церковную дисциплину и подрывало авторитет папства. Важно было и другое: католические иерархи вместе с господствующими классами с тревогой убеждались в успехах на выборах социалистической партии, за которую голосовали и многие трудящиеся католики.

В ноябре 1903 г. Губастов, министр-резидент России при Ватикане, писал Ламздорфу, что в Ватикане обсуждается во-

---

[56] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II, S. 419—420.

[57] Тезисы «Положение в Италии и задачи коммунистической партии Италии», принятые III съездом партии в 1926 г. Сб. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., 1953, стр. 228.

[58] «Принимая во внимание все обстоятельства, не дозволяется» (лат.— «attentis omnibus circumstants, non expedit»).

прос об отмене «Non expedit»; за отмену высказываются и клерикалы, которые хотят избавить своих сыновей от неучастия в делах страны. Папа, писал Губастов, может дать их сыновьям только несколько офицерских мест в папской гвардии и почетные ватиканские звания. Помимо этого, сторонники отмены «Non expedit» доказывают, что это нужно сделать, чтобы привлечь консервативные элементы в парламент и создать сильную партию впротивовес либералам и радикалам.

Пий X и влиятельные ватиканские круги, как было показано в предыдущей главе, были против создания католической политической партии в Италии. Поэтому, писал Губастов, этот папа стремится найти другой выход: «Он обсуждает, как мне передавали, своевременность предоставления епископам и в иных случаях даже приходским священникам права разрешать тем избирателям, которые до сих пор воздерживались из чувства послушания от участия в выборах, являться в качестве избирателей и избираемых» [59].

Чтобы оторвать от социалистической партии католических избирателей и поставить их под контроль клерикалов, Пий X фактически свел на нет предписания своих предшественников и свои собственные, запрещавшие католикам Италии избирать и быть избранными в парламент [60].

Итальянский народ, десятилетиями мужественно боровшийся за объединение Италии, не хотел возврата к прошлому и, несмотря на сильное влияние католической церкви и засилие клерикалов в стране [61], был решительно против планов папства. Широкие слои населения понимали, что ватиканские иерархи, преследуя узкокорыстные цели, тянут страну назад, что восстановление папского государства со столицей в Риме означало бы раздробление Италии, а папское государство ориентировалось бы, как это было и до его ликвидации в 1870 г., на иностранные державы и явилось бы орудием иностранных интриг на Аппенинском полуострове.

Ответом на антиитальянскую политику папства явился рост антиклерикализма в стране, далеко выходивший за те пределы, какие считала допустимым правящая буржуазия.

Грандиозной демонстрацией против папства явились торжества по поводу открытия в Риме в 1889 г. памятника Джордано Бруно на том самом месте, где он был сожжен инквизицией в 1600 г. На торжество прибыли в Рим представители

---

[59] АВПР, ф. Ватикан, д. 11, лл. 214—216.

[60] Декрет «Non expedit» официально был отменен в 1919 г. папой Бенедиктом XV.

[61] В 1882 г. в Италии одних только монахов и монахинь было 35,4 тыс., в 1901 г.— 47 тыс., в 1909 г.— 50 тыс.

из Италии, Германии, Франции, Бельгии, Венгрии, Дании, США и других стран.

В своем донесении об этом событии Извольский писал о «крайнем раздражении Ватикана», который протестовал против сооружения в Риме памятника Бруно [62].

Именно в связи с демонстрацией памяти Бруно в Ватикане обсуждался вопрос об оставлении Рима папским двором и переезде в Испанию.

Усиление антиклерикальных настроений в стране явилось не последней причиной того, что папство в конце концов пошло на соглашение с правительством Италии. Но основной причиной, побудившей папу искать соглашения с правительством, было желание объединить силы против социалистического движения. Следует отметить, что свой антиитальянский курс Ватикан проводил подчеркнуто открыто, демонстративно и шумливо, чтобы привлечь внимание и сочувствие католических масс; переговоры же с правительством Италии о соглашении велись им секретно.

Успехи рабочего движения пугали и господствующие классы Италии и ватиканскую иерархию, которая в преобладающей своей части принадлежала к господствующим классам этой именно страны. К началу XX в. в профсоюзах Италии было организовано 260 тыс. трудящихся. В 1892 г. возникла социалистическая партия. Рабочее движение Италии в конце XIX — начале XX в. характеризовалось боевым духом. Из года в год увеличивалось число забастовок: в 1880 г.— 27 забастовок, 1882 г.— 47, 1884 г.— 81, 1886 г.— 96, 1888 г.— 101, 1890 г.— 139 [63]. «В этот период, то-есть в последнее десятилетие XIX века и в первые годы XX века, вырисовываются некоторые характерные черты итальянского рабочего движения, которые выдвинули его на одно из первых мест в международном рабочем движении. Прежде всего следует указать на боевой дух и стремление к организации, т. е. стремление трудящихся масс к единству, хотя бы для того, чтобы вырвать у хозяев кусок хлеба. Отсюда широкий размах как кооперативного, так и профсоюзного движения...» [64].

Интригуя против правительства Италии, папа Лев XIII и ватиканские иерархи, однако, охотно пользовались охраной той самой королевской власти, которую они ненавидели. Они лишь

---

[62] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 109. В 1900 г. правительство Италии в угоду Ватикану запретило отмечать публично 300-летие сожжения Джордано Бруно.

[63] H. Gualtieri. The labour movement in Italy. New York, 1946, p. 143.

[64] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., 1953, стр. 40.

выражали недовольство тем, что эта власть, по их мнению, не справляется с подавлением рабочего движения. Вот что записал в своем дневнике в 1891 г. В. Н. Ламздорф (тогда советник министерства иностранных дел, впоследствии министр иностранных дел России) о донесении Извольского из Ватикана по поводу того, как там реагировали на празднование итальянскими рабочими первомайского праздника: «...экспедиция Извольского от 24 апреля/4 мая дает любопытные подробности о беспорядках, происходивших в Италии и главным образом в Риме по случаю 1 мая. Ватикан протестует и указывает, что если итальянские рабочие, находящиеся в самых лучших условиях по сравнению со всеми другими европейскими странами, дошли до таких крайностей, то это доказывает, что созданное революцией королевское правительство не обладает ни необходимой силой, ни влиянием, чтобы побороть их... Св. престол также спрашивает себя, не входит ли в интересы всего цивилизованного мира защита святилищ Рима и собранных в нем произведений искусства...» [65].

Когда дело шло о защите буржуазного строя и борьбе против народа, тогда и итальянская церковная иерархия и Ватикан сотрудничали с правительством.

В мае 1898 г. по всей Италии прокатилась волна забастовок рабочих и выступлений крестьян. В Милане восставшие рабочие в течение пяти дней вели баррикадные бои с войсками. Волнения, вызванные тяжелым положением народных масс, напугали как буржуазию, так и ватиканские круги. 1 февраля 1898 г., т. е. когда события в стране еще назревали, Чарыков писал в Петербург о своей беседе с кардиналом Рамполлой. Последний заявил, что в Италии 300 епископов; приезжая в Рим, они сообщают ему о положении в стране. Положение это очень тяжелое, народ изверился в государственных деятелях и в парламентаризме. «Соответственно этому,— заявил Рамполла,— социализм делает большие успехи». Другой кардинал, с которым беседовал Чарыков, указал на необходимость примирения между светской и духовной властями для противодействия народному недовольству. «Нельзя не отметить при сем,— писал Чарыков,— что не только упомянутый кардинал, но и сам папа относятся к нынешнему смутному положению дел в Италии без всякого злорадства...» [66].

10 мая (28 апреля) 1898 г., в разгар волнений в Италии, Чарыков сообщал, что на его вопрос, «не следует ли опасаться нарушений порядка в городе Риме», Рамполла ответил, что правительство собрало в Риме много войск и опасаться нечего.

---

[65] В. Н. Ламздорф. Дневник 1891—1892. М., 1934, стр. 110—111.
[66] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 3—4.

«Из слов статс-секретаря,— замечает Чарыков,— можно заключить, что папское правительство, хотя и не признает «Закона о гарантии», однако, в действительности, полагается на полицию и войско короля для защиты безопасности Ватикана» [67].

Лев XIII рассчитывал на солдат того самого правительства, которое он проклинал; папа был готов сотрудничать с ним против народа. Курия, писал Чарыков, ожидает, что, может быть, правительство «само обратится к папе за помощью, конечно, не даровой, в надвигающемся на Италию социальном кризисе...» [68].

И действительно, высшее духовенство Италии, по словам Чарыкова, отступило от «наблюдательного положения», которое оно занимало в начале событий; многие епископы выступили с обращениями к духовенству своих епархий, энергично требуя от него поддержки местных властей [69].

5 августа 1898 г. Лев XIII обратился с посланием к итальянскому духовенству и народу. Папа писал, что католики должны строго держаться в рамках закона и не участвовать в забастовках и восстаниях против властей; они при этом не могут не желать, чтобы папе была возвращена истинная и действительная свобода [70]. Только что пережитые события, замечал по поводу послания папы Чарыков, «послужили более всего на пользу папства и, в частности, ватиканской партии «непримиримых»» [71].

Таким образом, когда народные массы поднялись, чтобы отстоять свои жизненные интересы, ватиканские иерархи забыли о вражде к правительству Италии и помогли ему подавить народные волнения. Они хотели и на этих событиях нажить себе капитал: доказать правящим классам, что союз государства с церковью — предпосылка сохранения существующего порядка.

12 сентября (31 августа) 1899 г. С. Сазонов (тогда секретарь российской миссии при Ватикане) писал Ламздорфу о своей беседе с кардиналом Рамполлой. Последний заявил, что возрождение Италии может быть достигнуто лишь «посредством справедливого разрешения Римского вопроса» и примирения с церковью, в противном случае, оно (правительство Италии) «неминуемо падет жертвой той же самой революции, с помощью которой оно создало единство Италии». «Несмотря на известное злорадство,— замечает Сазонов,— и несомненное преувеличение, с которым клерикальная партия

[67] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 63—64.
[68] Там же, л. 64.
[69] Там же, лл. 71—72.
[70] Там же, лл. 100—101.
[71] Там же, л. 103.

относится ко всяким промахам и неудачам королевского правительства, мне кажется, что Ватикан взирает не без некоторого опасения на возможность дальнейшего ослабления правительственной власти. Какие бы жалобы ни раздавались из Ватикана, все же Лев XIII сознает, что на страже у его добровольной темницы стоит король Италии, являющийся одновременно защитником папства от врагов церкви и общественного порядка» [72].

В свою очередь и правящие круги Италии хотели соглашения с папой, чтобы закрепить сотрудничество с католической церковью против революционного движения в стране. Правительство Италии, в частности, старалось привлечь на свою сторону низшее духовенство, материальное положение которого резко отличалось от богатой жизни ватиканской иерархии. Выступая в ноябре 1898 г. в парламенте с тронной речью, итальянский король Гумберт сказал: «Мое правительство будет следовать в отношениях к церкви той политики свободы, которая основана на преданиях и чувствах итальянского народа, и, будучи всегда почтительным к религии, сумеет охранить, во всяком случае, права гражданской власти...». Вслед за выступлением короля было объявлено о внесении законопроекта об увеличении содержания сельскому духовенству, которое «будет исполнять свое служение, вдохновляясь обязанностями, которые оно имеет по отношению к религии и к родине» [73].

Протесты пап против их «ограбления» Италией со временем становились все более формальными. По поводу выступления Льва XIII 16 декабря 1900 г. на секретной консистории с очередным протестом против захвата Италией папской области (об этом протесте было сообщено дипломатическому корпусу при Ватикане в форме ноты) Чарыков писал Ламздорфу 5 (17) декабря 1900 г.: «Во время сегодняшнего разговора с папским статс-секретарем последний обратил мое внимание на сдержанность и корректность вышеизложенного протеста. Мне кажется, что он был сделан Львом XIII главным образом для ограждения принципиальных прав папства и для соблюдения формы, а не в надежде на какие-либо практические результаты...» [74].

Было и другое обстоятельство, которое способствовало тому, что обе стороны искали соглашения. Речь идет о тех изменениях, которые с развитием капитализма в Италии произошли и в среде землевладельческой аристократии — тогда главной опоры католической церкви и папства.

---

[72] Там же, д. 6, лл. 104—105.
[73] Там же, лл. 134—135.
[74] Там же, д. 7, л. 156.

В своем исследовании об аграрных отношениях в Италии Э. Серени пишет, что уже в конце XIX в. происходил процесс сращивания земледельческой аристократии с промышленным капиталом. «Нужно отметить,— пишет Э. Серени,— что уже с конца прошлого столетия... земельная аристократия целиком завязла в строительной спекуляции и банковских скандалах, знаменовавших собой рождение царства финансовой олигархии в Италии» [75].

В банковских спекуляциях, а несколько позже и в колониальных предприятиях итальянской буржуазии участвовали также и ватиканские иерархи [76].

В ноябре 1900 г. Сазонов писал Ламздорфу о краже в Ватикане процентных бумаг на большую сумму и «как выяснилось при данном случае, значительная часть ватиканских сумм помещена в итальянских 4-х и 5% бумагах. Упоминая об этом факте, здешняя правительственная печать замечает, что он говорит в пользу итальянских финансов, внушающих к себе доверие самому непримиримому врагу Италии, папе...» [77]. Финансовые интересы сближали Ватикан с правящими итальянскими кругами.

Как отмечает Э. Серени, политический блок между крупным капиталом и землевладельческой аристократией «был порожден не столько широким и эффективным взаимодействием экономических интересов, сколько общностью политических интересов социальной реакции, борющейся с трудящимися классами» [78].

Итальянская аристократия, частью которой было высшее духовенство Италии и большинство представителей ватиканской иерархии, была заинтересована в укреплении буржуазного государства для подавления сопротивления народа, поэтому влиятельные группы клерикалов все больше склонялись к необходимости ликвидировать разногласия между церковью и государством. Проект ликвидации «Римского вопроса» без

---

[75] Э. Серени. Аграрный вопрос в Италии, стр 113.

[76] В 1893 г. в Италии была раскрыта обширная денежная афера на десятки миллионов лир, в которой был замешан Банк Романо (об этом деле пишет в своих воспоминаниях и Джолитти — см. его «Memoirs of my life», London, 1923, p. 78—84). Энгельс писал об этом деле, что глава Банка Романо Танлюгло — «человек набожный, он ежедневно в 4 часа утра ходил в церковь, где обделывал делишки с лицами и посредниками, которых ему не хотелось видеть у себя в банке... Танлонго был в отличных отношениях с Ватиканом, и вот Ватикану, недосягаемому для итальянской полиции, он сдал, говорят, на хранение шкатулку с теми документами, которые давали ему гарантию против его могущественных друзей и покровителей» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 333),

[77] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, лл. 116—117.

[78] Э. Серени. Аграрный вопрос в Италии, стр. 113—114.

восстановления прежнего папского государства был выдвинут уже в 1887 и 1888 гг. представителями высшего итальянского духовенства и лицами, связанными с Ватиканом. В 1887 г. с брошюрой «Примирение» выступил патер Луиджи Тости, из бенедиктинского монастыря Монте-Кассино. Тости вступил в переговоры с Криспи о примирении и действовал с ведома Ватикана. В своей брошюре он «предсказывал примирение и велеречиво восхвалял предполагаемого примирителя—Льва XIII... Есть основания предполагать, что брошюра Тости действительно была одобрена Львом XIII до ее опубликования, который, как мы знаем, не гнушался пользоваться такого рода «пробными шарами»» [79]. По свидетельству германского военного атташе в Риме, папа собственноручно делал исправления в этой брошюре [80].

В марте 1888 г. епископ Кремонский Бономелли опубликовал статью «Рим и Италия», в которой доказывал, что восстановление церковного государства невозможно. Папа, писал он, обладает достаточным моральным авторитетом, который лучше гарантирует ему независимость, чем светское господство; ему могла бы быть оставлена небольшая территория — миниатюрное государство от Тибра до моря [81]. Это как раз тот проект, который через 40 лет, в 1929 г., был положен в основу Латеранских соглашений, заключенных папой Пием XI с Муссолини. В 1888 г. в Ватикане отнеслись к этому проекту отрицательно и статья епископа Кремонского попала в Индекс запрещенных для чтения католикам книг, а Бономелли пришлось публично отказаться от своей статьи.

В ватиканских кругах все больше приходили к выводу, что восстановление папского государства в прежних пределах невозможно. По свидетельству Людвига Пастора, относящемуся к 1902 г., близкий к Льву XIII граф Содерини сказал ему, что «о восстановлении всего церковного государства ныне никто в Ватикане не думает» [82].

В своих «Тетрадях по империализму» В. И. Ленин в сводке главных данных всемирной истории после 1870 г. записал: «1888—1895: переговоры Ватикана с Квириналом. Неудача!» [83].

Лев XIII вступил тайно в переговоры с правительством Криспи (Криспи впервые стал премьером Италии в 1887 г.). Ватикан хотел ликвидации конфликта на условиях уступки

---

[79] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 233.

[80] «Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. I, S. 141—142.

[81] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II, S. 418.

[82] Ludwig Freiherr von Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, S. 395

[83] В. И. Ленин. Тетради по империализму, 1939, стр. 631.

Италией папе г. Рима или в крайнем случае части этого города с полосой земли до моря [84].

Переговоры закончились безуспешно: правительство Италии не могло пойти на то, чтобы отдать Ватикану часть итальянской территории вместе с г. Римом. Такое решение вопроса вызвало бы сильнейшее возмущение в народе. В Ватикане же тогда была еще сильна группа непримиримых кардиналов, имевшая влиятельных покровителей вне Ватикана и вне Италии, которая выступала против отказа от требования восстановления папского государства.

Некоторые подробности о переговорах Ватикана с Криспи (по поручению папы переговоры вел патер Тости из монастыря Монте-Кассио) приводятся в письме от 12 января 1888 г. германского военного атташе в Риме Энгельбрехта графу Вальдерзее. Энгельбрехт сообщал, что правительство Италии готово было на далеко идущие уступки Ватикану. Однако переговоры были прерваны. Криспи заявил посреднику, который вел с ним переговоры по поручению Ватикана, что у него имеются точные данные, что Ватикан ведет двойную игру: циркуляр Рамполлы только недавно разослан (имеется в виду циркуляр Рамполлы от 22 июля 1887 г. ватиканским дипломатическим агентам, в котором говорилось, что первым условием сближения с итальянским правительством является восстановление светской власти папы) и папа действует совместно с Францией против Италии. Всюду, заявил Криспи представителю Ватикана,— в Константинополе, Египте, Массауа,— Франция работает против Италии, а поскольку папа в этом участвует, то не может быть речи о дальнейших переговорах [85].

Переговоры, однако, возобновлялись неоднократно и после этого. 2 (14) февраля 1899 г. Чарыков писал Муравьеву: «...мне известно из частного, но вполне достоверного источника, что минувшей осенью адмирал Каневаро, а также г. Фотис (франкмасон, министр земледелия) предприняли с курией переговоры о примирении, последний через посредство Don Aloisio Mazzentini,— и при сочувствии болонского архиепископа кардинала Свампа. Недавно приезжал сюда известный английский р.-католический публицист sir Wilfrid Ward и, как мне передавали, предпринял по поручению нынешнего ост-индского генерал-губернатора Lord Curzon, посредничество между кардиналом Рамполла и адмиралом Каневаро. Все эти опыты окончились полной неудачей: кардинал заявил, что для необходимой папству независимости столица королевства должна быть

[84] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 110; см. также L. Ranke. Bilder aus der Geschichte des Papsttums, S. 392.

[85] Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee, Bd. I, S. 141—142.

перенесена из Рима в другой город, а папе открыт доступ к морю. Адмирал возразил, что отказ от Рима погубил бы не только всякое министерство, но и династию, а что отделение Ватикана от моря является лучшей гарантией его безопасности от иностранного давления...»[86].

Чарыков сообщал, что, несмотря на неудачу переговоров, указанные в его депеше итальянские деятели мечтают о примирении.

Оставался спорным вопрос об условиях примирения. Ватикан не оставлял надежду получить г. Рим. Еще в сентябре 1902 г. министр-резидент России при Ватикане Губастов писал в Петербург: «...в ватиканских сферах, не только духовных, но и светских, существует несомненно тайное упование, что рано или поздно, под влиянием внутренних, или внешних затруднений, должен фатально наступить день, когда град св. Петра будет возвращен единственному и законному ее преемнику...»[87].

Большие надежды возлагались сторонниками примирения на изменение курса Ватикана преемником Льва XIII. В конце июля 1903 г., во время болезни Льва XIII, русский посол в Италии Нелидов писал, что в правящих кругах Италии заметно желание, чтобы преемником этого папы был «не политический» папа, который занимался бы больше церковными, чем политическими делами. «Для благомыслящих же итальянцев, писал Нелидов, с выбором папы, заботящегося прежде всего о церкви, связана надежда, что, при полной свободе, которая оной предоставлена королевским правительством в силу закона «о гарантиях», между Ватиканом и Квириналом возможно станет если не открытое примирение, то по крайней мере установление правильных сношений (modus vivendi), которое значительно способствовало бы упрочению внутреннего положения юного королевства...»[88].

Новый папа, Пий X, избранный конклавом 4 августа 1903 г., в первой своей энциклике не делал нападок на правительство Италии. Губастов писал 23 сентября (6 октября) 1903 г., что итальянская печать расточает похвалы папе по поводу его первой энциклики, «особенно за то, что он отступил от обычного приема своих предшественников и в самых мягких, почти что мистических, выражениях высказал мысль о необходимости для церкви быть независимой от всякого иностранного государства...»[89]. Однако непримиримые были еще достаточно силь-

---

[86] АВПР, ф. Ватикан, д. 6, лл. 179—180.
[87] Там же, д. 9, л. 142.
[88] АВПР, ф. Канцелярия, 1903, д. 92, т. 1, стр. 142—143.
[89] АВПР, ф. Ватикан, д. 11, лл. 176—177.

ны в Ватикане. 9 ноября Пий X выступил на первом после своего избрания заседании консистории. Речь его перед кардиналами значительно отличалась от первой его энциклики. Теперь он высказался против «оскорбительного для папства положения» и заявил, «что напрасно думают, что ему чужды политические вопросы; напротив, он отнюдь не намерен отделять политику от христианской морали...» [90].

Таким образом, во всяком случае в начале своего понтификата, Пий X дал понять, что будет держаться в «Римском вопросе» курса своих предшественников. Однако в действительности под влиянием указанных уже причин внутренней итальянской жизни, а также новых условий в международной жизни Пию X пришлось во многом отступить в своей непримиримости.

Из всего сказанного вытекает, что итало-ватиканские отношения занимали очень большое место во всей международной политике папства в конце XIX — начале XX в. Папство выступало с настойчивым требованием реставрации папского государства, и борьба вокруг «Римского вопроса» на ряд лет в значительной мере определила и международную ориентацию Ватикана.

ВАТИКАН И ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

Главной силой в Тройственном Союзе была кайзеровская Германия. Как Ватикан, так и правящие круги Германии стремились к сближению и взаимному сотрудничеству. Папский престол твердо рассчитывал на поддержку Германии, в частности Бисмарка [91]. Для папства речь шла прежде всего о поддержке в «Римском вопросе». Независимо от этого политический режим, существовший в Германии, враждебной демократии и социализму, был близок по духу ватиканским иерархам. С того же времени, когда стала все более очевидной непрочность российского царизма, ватиканские иерархи стали смотреть на Германию, как на главный оплот против социализма во всей Европе. Льва XIII привлекала также социальная демагогия Вильгельма II, его заигрывание с «рабочим вопросом» в целях борьбы с социализмом: ведь папа сам занимался социальной демагогией в том же духе и с той же целью.

В свою очередь и правящие круги Германии были заинтересованы в сотрудничестве с Ватиканом и добивались там решающего влияния. Германия нуждалась в поддержке папой

---

[90] АВПР, ф. Ватикан, д. 11, л. 208.

[91] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. IX, S. 5.

ее внешней политики на Балканах, на Ближнем Востоке, в ее колониальной экспансии. Правящие круги Германии нуждались также в поддержке Ватиканом их внутренней политики, прежде всего они рассчитывали с помощью Ватикана и епископата воздействовать на католическую партию центра в духе правительственной политики. Ватикан действительно способствовал превращению центра из «оппозиционной» в правительственную партию. Правительство кайзера рассчитывало и на поддержку Ватиканом его антипольской политики в Познани и Верхней Силезии, и оно эту поддержку имело.

По всем этим мотивам с самого начала существования Тройственного союза сложились дружественные отношения между Ватиканом и ведущей державой этого блока европейских держав.

Уже к 1887 г. почти все основные законы против католической церкви, изданные в годы культуркампфа, были отменены. Остался формально в силе закон против деятельности иезуитов, который фактически не соблюдался, но окончательно был отменен лишь в годы первой мировой войны. Бисмарк, который начал культуркампф, сам же стал добиваться соглашения с католическим центром и с Ватиканом. Мотивируя свой отказ от продолжения культуркампфа, Бисмарк 21 апреля 1887 г. заявил: «Мы, прежде, чем для нас наступили тяжкие испытания внешних и внутренних боев, обязаны ликвидировать все внутренние раздоры, не вызываемые крайней необходимостью» [92].

Еще до ликвидации культуркампфа в Ватикане было восстановлено прусское посольство (в 1882 г.). Послом был назначен Курд фон Шлецер, объединивший вокруг себя прогерманскую часть ватиканской иерархии, сторонников Тройственного союза и пользовавшийся большим расположением Льва XIII [93]. В 1885 г. Бисмарк сделал дружеский жест по адресу папы: предложил ему быть арбитром в конфликте между Германией и Испанией из-за Каролинских островов, принадлежавших Испании, но захваченных Германией.

Папа вынес соломоново решение, от которого фактически выиграла Германия: острова остались за Испанией, но Германия получила все, чего добивалась в области торговли, мореплавания, а также право иметь морскую базу на островах. Решение папы было принято обеими сторонами в декабре 1885 г.

Избрав папу арбитром, Бисмарк добивался расположения Льва XIII. На самом деле германский канцлер придавал папскому арбитражу небольшое значение. Приехавший в 1885 г. в Германию английский банкир Генри Джиббс в беседе с Бис-

---

[92] Цит. по Е. А. Адамову. Указ. соч., стр. 16.
[93] F. Hanus. Die preussische Vatikansgesandschaft 1747—1920, S. 347.

марком сказал, что в Англии считают избрание папы арбитром в споре о Каролинских островах умным шагом, на что Бисмарк, смеясь, ответил, что это именно так, «тем более, что его решение для нас не имеет никакого действительного значения»[94].

Вальдерзее записал 11 октября 1885 г. в своем дневнике о папском посредничестве: то, что Германия избрала папу посредником в Каролинском вопросе, во всем мире считают гениальным шагом; «получим ли мы Каролины или нет, для нас одинаково. Главное, достойно довести это дело до конца»[95].

В Ватикане это дело приняли всерьез и старались истолковать шаг Бисмарка как свидетельство возросшего международного авторитета папства.

15 января 1886 г., выступая перед кардиналами, Лев XIII с торжеством заявил, что два великих и сильных народа обратились к папе, чтобы он рассудил их в целях достижения мира. Папа не забыл отметить, что факт обращения к нему как к арбитру свидетельствует о том, какой ущерб (какой «великий грех») нанесен ограничением присущих папскому престолу свобод: от этого, по его словам, пострадали не только справедливость и религия, но и общественное благополучие[96]. Лев XIII говорил также о возврате к тем временам, когда папа был высшим судьей между народами в правовых вопросах[97].

В связи с этим делом папа наградил Бисмарка орденом Христа с бриллиантами и написал письмо, в котором восхвалял его за ту роль, какую он сыграл в создании Германской империи. Шлецер был также награжден ватиканским орденом.

Более существенные выгоды извлек из союза с Ватиканом Бисмарк, который с помощью Льва XIII добивался поддержки католической партией центра правительственных мероприятий.

В январе 1887 г. в рейхстаге должен был проходить закон об утверждении нового военного бюджета на семь лет (септенат) и о значительном увеличении состава армии мирного времени. Центр, уже в то время поддерживавший военные планы правительства, и на этот раз ничего не имел против увеличения армии, но, учитывая возможную реакцию избирателей на закон, предлагал принять закон не на семь, а на три года; центр предлагал также и несколько сократить число вновь создаваемых батальонов. Бисмарк через Шлецера обратился за поддержкой к папе. В ответ на эту просьбу 3 января 1887 г. было составлено и послано письмо кардинала статс-секретаря нунцию в Мюнхене, в котором говорилось, что папа желает, чтобы центр занял самую благожелательную позицию в отношении воен-

---

[94] Bismarck. Die gesammelten Werke, Bd. 8, S. 533.
[95] A. Waldersee. Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 262.
[96] Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, 1886, S. 355.
[97] Kurd von Schlözer. Letzte römische Briefe, S. 79.

ного закона. Нунцию предписывалось с помощью лидеров центра воздействовать на депутатов этой партии в рейхстаге в пользу септената. Поддержкой септената, говорилось в письме, они принесут большую радость папе; к тому же это очень выгодно для католической церкви; если принятие септената и новые военные законы и принесут с собой новые тяжести для населения, то, с другой стороны, это будет вознаграждено религиозным миром, являющимся высшим благом.

Так в узких интересах католической церкви, в целях сохранения мира и дружбы церкви и Ватикана с правительством кайзера Лев XIII требовал от центра поддержки военных законов.

Лидер фракции центра в рейхстаге барон Франкенштейн не поставил в известность членов фракции о письме папы. 11—14 января законопроект о септенате обсуждался в рейхстаге и был отклонен. Фракция центра голосовала вместе с оппозицией.

После этого рейхстаг был распущен.

В своем ответе папе, переданном через нунция в Мюнхене, барон Франкенштейн объяснил позицию фракции центра и писал, что в религиозных вопросах центр подчиняется церковной власти, но в вопросах чисто политических он нуждается в полной свободе.

В новом письме, адресованном нунцию в Мюнхен и написанном не без участия Шлецера, статс-секретарь кардинал Якобини подтвердил позицию папы. Папа, говорилось в письме, не одобряет позиции центра в вопросе о септенате. Деятельность центра в деле защиты интересов немецких католиков папа очень ценит, и если он счел нужным выразить свои пожелания о септенате, то сделал это потому, что с этим вопросом связаны религиозные и моральные вопросы. Можно было считать, что принятие септената, писал Якобини, способствовало бы полной ревизии майских законов и служило бы сохранению мира. Кроме того, дав совет центру поддержать конкордат, папа хотел сделать приятное кайзеру и Бисмарку.

Чтобы оказать еще более сильное давление на фракцию центра, Ватикан опубликовал текст письма папы от 3 января.

21 февраля состоялись новые выборы в рейхстаг. В марте новый рейхстаг приступил к обсуждению законопроекта о септенате. Депутаты центра, имея в виду желание папы, не голосовали против законопроекта, а воздержались от голосования, и он был принят [98].

---

[98] «Вестник Европы», 1888, январь, стр. 414; Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1887, S. 67—68; Kurd von Schlözer. Letzte römische Briefe, S. 90—93; L. Ranke. Bilder aus der Geschichte des Papsttums, S. 388—389; F. Hanus. Die Preussische Vatikangesandschaft, S. 356—357;

«Оппозиционности» центра хватило ненадолго. Уже 16 декабря 1887 г. лидер центра Виндхорст, выступая в рейхстаге при обсуждении бюджета, заявил, что он и его политические друзья (т. е. фракция центра) поддерживают все мероприятия правительства по строительству армии [99].

Ватикан и в дальнейшем требовал от центра, чтобы он действовал в духе, желательном германскому правительству.

Нунций в Париже Чаки (был нунцием в 1879—1882 гг.) говорил будущему канцлеру Бюлову, что «Лев XIII не хочет ничего больше, как достигнуть соглашения с вашим великим канцлером» (Бисмарком) [100].

Одной из жертв союза между Бисмарком и Львом XIII был польский народ. Лев XIII и все папы после него неоднократно говорили о своем «сочувствии» и о своей «любви» к польскому народу, как народу «католическому».

Легенду о «любви» папства к Польше широко распространяют вопреки фактам проватиканские историки [101]. Факты свидетельствуют совершенно об ином.

Польша, поделенная между кайзеровской Германией, Австро-Венгерской монархией и царской Россией, интересовала папство лишь постольку, поскольку оно могло, принося в жертву интересы поляков, заручиться поддержкой германского кайзера, австрийского императора или русского царя в тех вопросах, которые в данное время интересовали Ватикан. Польский вопрос был в руках ватиканской дипломатии разменной монетой.

Папство поддерживало всех угнетателей Польши и требовало от католиков-поляков подчинения этим угнетателям.

Эта враждебная польскому народу политика папства не противоречила интересам польских помещиков и буржуазии в названных трех государствах. Польские помещики и капиталисты отлично уживались с режимами и немецкого кайзера, и австрийского императора, и русского царя, поскольку эти режимы обеспечивали им возможность эксплуатировать рабочих и крестьян, как поляков, так и не поляков.

В. И. Ленин писал в 1903 г.: «*Теперь* правящие классы Польши, шляхта в Германии и Австрии, промышленные и финансо-

---

B i s m a r c k. Die gesammelten Werke, Bd. 8, S. 549; Georg von H e r t l i n g. Erinnerungen aus meinem Leben, Bd. 11. München, 1920, S. 64—66.

[99] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, VII Legislaturperiode, II Session 1887/88, Berlin, 1888, S. 296.

[100] B. B ü l o w. Denkwürdigkeiten, Bd. 4, S. 527.

[101] Официальный католический историк Льва XIII граф Содерини, который был близок к этому папе, утверждает, например, что Лев XIII «любил Польшу» и не одобрял будто бы антипольской политики Бисмарка (см. вышедшую с одобрения церковных властей его книгу: E. S o d e r i n i. Leo XIII und der deutsche Kulturkampf. Innsbruck, 1935, S. 310). Это утверждение не соответствует действительности.

вые тузы в России выступают в качестве сторонников правящих классов в угнетающих Польшу странах...» [102].

Такую позицию занимали и представители высшего польского католического духовенства, тесно связанные с господствующими классами: одни из них сотрудничали с правительством Вильгельма II, другие — с правительством Николая II, третьи — Франца-Иосифа.

В 1892 г. Энгельс писал, что для польской буржуазии независимость Польши «в настоящее время по меньшей мере безразлична... Независимость эту может завоевать только молодой польский пролетариат...» [103].

Германские правящие круги стремились опереться на поддержку Ватикана, немецкого католического епископата и партии центра в своей антипольской политике.

Начиная с 80-х годов XIX в., прусское правительство стало настойчиво осуществлять насильственное онемечивание поляков, скупку и конфискацию земли у польского населения, изгнание его из Пруссии, Силезии и Познани. Немецкие шовинисты-пангерманисты развернули разнузданную кампанию против поляков. 15 января 1886 г. польским депутатом Яздзевским был внесен в рейхстаге запрос по поводу высылки из Пруссии, Познани и Силезии 40 тыс. поляков. Против гонений прусских властей на поляков решительно и последовательно выступали лишь депутаты социал-демократы Либкнехт и Зингер. Вильгельм Либкнехт заклеймил действия правительства как варварство; раздел Польши, сказал он, был несправедливостью и преступлением, а восстановление Польши было бы счастьем для Германии. Во имя гуманности и чести Германии, заявил Либкнехт, он протестует против высылки поляков [104].

Представитель католического центра Виндхорст начал свою речь с выражения верноподанности кайзеру. Он хотя и высказался против высылки поляков, но представил все дело таким образом, что гонения на поляков являются формой преследования католиков протестантами. Виндхорст, следовательно, старался замазать политическую подкладку дела, которая заключалась в том, что правительство имело в виду удовлетворить аппетиты немецких кулаков и юнкеров за счет земель, отнятых у поляков; изгоняя поляков из восточных областей, Бисмарк имел в виду также подготовить плацдарм для будущей войны с Россией.

---

[102] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 416.

[103] Ф. Энгельс. Предисловие к польскому изданию Манифеста коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, 1948, стр. 36.

[104] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, VI Legislaturperiode, II Session, 1885/1886, Bd. I, Berlin, 1886, S. 537—538; «Вестник Европы», 1886, январь, стр. 910—915.

Виндхорст в принципе не возражал против права правительства на высылки, но возражал против размеров и способов их осуществления. По существу же центр был солидарен с политикой германизации.

Этой линии придерживался и папский престол. В интересах сближения с Германией Лев XIII не возражал против антипольской политики Бисмарка. Папа фактически содействовал последнему тем, что способствовал германизации католической церкви и народной школы в польских областях.

«...С ростом польского национально-освободительного движения германские власти нередко усматривали «великопольскую опасность» даже в католических ксендзах польской национальности. Немецкие шовинисты вопили о «великопольских происках» последних и требовали массового замещения всех церковных должностей не только протестантской, но и католической церкви немецким духовенством...

Германская правящая клика широко прибегала к этому своеобразному методу германизации, насаждая немецкое католическое духовенство не только в западных польских землях, но и в Рейнско-Вестфальской области.

Особенно широко германизация церкви практиковалась в Верхней Силезии, где назначенный в 1887 г. Ватиканом силезский архиепископ кардинал Копп при активном содействии католической партии центра производил систематическую замену польских священников немецкими. В конце 90-х годов, согласно данным официальной прусской статистики, в составе католического духовенства в Силезии насчитывалось всего 53 поляка, в то время как немцев было 917» [105].

В Ватикане были обеспокоены ростом влияния социалистической агитации среди польских трудящихся, и церковная иерархия старалась натравливать верующих против социалистов и отвлекать их от борьбы против угнетателей польского народа.

Ватикан уступал требованиям германского правительства в вопросах назначения в польские области высших духовных лиц. В январе 1886 г. папа утвердил познанским и гнезненским епископом немца Динтера, после того как Пруссией были отклонены одна за другой 13 кандидатур польских священников. Это было победой дипломатии Бисмарка [106]. «Все протесты поляков были Львом XIII безжалостно отклонены. Добрые католики-поляки вновь были использованы Ватиканом как объект торговли. Это

---

[105] Е. И. Рубинштейн. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX в. М., 1953, стр. 54—55.

[106] Kurd von Schlözer. Letzte römische Briefe, 1882—1894, S. 80.

было не в последний раз» [107]. В конце 1891 г. между прусским правительством и римской курией было достигнуто соглашение о замещении кафедры архиепископа гнезненского и познанского и архиепископом был утвержден польский прелат Флориан Стаблевский (вместо умершего в 1890 г. Динтера).

По этому поводу Извольский писал 19 ноября (1 декабря) 1891 г. министру иностранных дел Гирсу, что курия настаивала на том, что «познанский архиепископ непременно должен принадлежать к польской национальности». Прусское правительство в принципе не возражало против этого, хотя и отводило все кандидатуры, представлявшиеся ему капитулом, пока не согласилось с кандидатурой Стаблевского [108]. Кардинал Рамполла объяснил Извольскому, что одной из причин уступчивости Германии является то, что Вильгельм «убежден, что теперь более чем когда-либо необходимо дать удовлетворение национальному чувству немецких поляков, дабы иметь их на своей стороне в случае столкновения с Россией» [109].

Соглашаясь на кандидатуре Стаблевского, Вильгельм знал, что в его лице германский империализм имеет преданнейшего церковного иерарха.

В своем выступлении 4 мая 1891 г. Стаблевский заявил о своей верности германскому государству и своей готовности выполнить все обязанности в отношении этого государства. Несколько позже Стаблевский заявил, что он чувствует себя прусским подданным, что он безоговорочно признает существующий государственно-правовой порядок [110].

В своей речи на католическом конгрессе в Торне 2 ноября 1891 г. Стаблевский восхвалял Вильгельма II за его борьбу с «разрушительными факторами нового времени» — с социалистическим рабочим движением. Закончил свое выступление Стаблевский словами, что поляки должны быть верны прусской монархии и поддержать планы кайзера Вильгельма [111]. Стаблевский неизменно выступал как верноподданный прусской монархии и требовал того же от духовенства и всех католиков. Он разъяснял прусской бюрократии, что опасность в Познани для существующего строя угрожает не со стороны поляков, а со стороны социалистов. Кардинал Рамполла говорил Извольскому, что Стаблевский «далек от бессмысленных увлечений поль-

---

[107] E. Winter. Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans, 1878—1903, S. 44.

[108] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 117.

[109] Там же.

[110] M. Laubert. Die preussische Polenpolitik von 1772—1914. Krakau, 1944, S. 152.

[111] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1891, S. 130; «Die Grosse Politik», Bd. 7, S. 383.

ских патриотических кружков»[112]. Подобно архиепископу Стаблевскому и другие католические польские (и немецкие) иерархи стремились отвлечь ненависть польских католиков к германским колонизаторам и разжечь вражду к социализму.

Немецкие католические церковнослужители в польских областях были проводниками антипольской прусской политики, в то же время с амвонов они требовали от поляков-католиков послушания «богом поставленным» властям[113].

Таким образом, к концу 90-х годов у Ватикана сложились дружественные отношения с ведущей державой Тройственного союза — Германией. Вильгельм II при каждом удобном случае подчеркивал расположение к нему папы.

Другой участник Тройственного союза, Австро-Венгрия в Ватикане рассматривалась как оплот католицизма в Европе и плацдарм для распространения католицизма в балканских странах. В декабре 1898 г. Чарыков писал из Рима, что по случаю 50-летия царствования императора Франца-Иосифа в Риме происходят торжественные богослужения с участием официальных представителей Ватикана. Хотя клерикальные газеты и выражали сожаление по поводу союза Австро-Венгрии с Италией, но они отдавали должное Францу-Иосифу за личную его преданность папе и за заключение (в 1855 г.) конкордата с Ватиканом. В связи с юбилеем император наградил Рамполлу австрийским орденом св. Стефана[114].

Первый секретарь германского посольства в Вене князь Лихновский писал 17 июня 1899 г. Бюлову, что старый император все больше склоняется перед церковью и подпадает под влияние иезуитов[115]. Под еще большим влиянием иезуитов находился наследник престола Франц-Фердинанд.

Главной опорой папства в Австро-Венгрии была католическая аристократия[116]. С конца XIX в. в политической жизни

---

[112] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 118.

[113] Точно так же в интересах германских империалистов действовал Ватикан и в годы второй мировой войны, когда в оккупированной гитлеровскими захватчиками Польше назначил на польские епархии немцев-епископов, которые сотрудничали с оккупантами. Данцигский епископ Карл Мария Сплет проводил политику онемечивания поляков настолько рьяно, что приказал стереть польские надписи не только в костелах, но и с намогильных памятников.

[114] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 140—141.

[115] «Die Grosse Politik», Bd. 13, S. 174.

[116] Католические епископы и аббаты в Австрии принадлежали к феодальной аристократии и были крупными земельными магнатами. По свидетельству английского дипломата Грегори (служил сначала в английском посольстве в Вене, а с 1914 г.— секретарем английской миссии при Ватикане), годовой доход ольмюцкого епископа составлял 60 тыс. фунтов стерлингов, годовой доход епископа Штроссмайера равнялся 200 тыс. фунтам (J. Gregory. On the edge of diplomacy(1902—1928). London, 1928, p. 46.

монархии стала играть все большую роль христианско-социальная партия, ставшая со временем ведущей партией австрийской буржуазии.

Ватикану приходилось считаться со все более усиливавшимся национальным движением южных славян, находившихся под господством Австро-Венгрии и боровшихся за свое освобождение. Папство неохотно, но все же готово было идти и шло навстречу католикам южно-славянам в некоторых вопросах церковного устройства (разрешение богослужения на родном языке), но в вопросах политических оно отстаивало интересы монархии Габсбургов и ее господство над южными славянами.

Ватикан стремился ослабить национальное движение южных славян, и Лев XIII поддерживал так называемый «католический панславизм» — планы объединения южных славян в лоне католицизма под верховной властью австрийского императора. Католический панславизм ставил себе целью впротивовес прогрессивным движениям южных славян упрочить среди них позиции клерикально-феодальных элементов. Поборником католического панславизма был джаковский (Хорватия) епископ Штроссмайер, пользовавшийся поддержкой Льва XIII. Видный хорватский буржуазный деятель, он в то же самое время оставался верным приверженцем монархии Габсбургов [117].

Чарыков называл Штроссмайера (в марте 1901 г.) «любимым папой деятелем по окатоличиванию юго-славян» [118]. Католический панславизм носил явно проавстрийский характер. По поводу устроенного в 1881 г. в Риме Львом XIII «всеславянского» кирилло-мефодиевского праздника Иван Франко писал, что папа «постарался представить Австрию новым центром, к которому теперь тяготеют славяне наперекор России, представить Австрию государством par exellence славянским и католическим наперекор славянской, но не католической России...» [119].

Сложнее обстояло дело с отношением правящих кругов Австро-Венгерской монархии к католическому панславизму. Они поддерживали идею церковной унии под эгидой католической церкви в интересах своей политики угнетения южных славян, а также в интересах своей империалистической политики на Балканах. В то же время они подозрительно относились к планам Штроссмайера и его единомышленников о государстве

---

[117] H. Hantsch. Die Geschichte Österreichs, Bd. II, Graz — Wien — Köln, 1953, S. 512.

[118] АВПР, ф. Политархив, 1914, д. 2906, л. 9.

[119] Иван Франко. Католический панславизм. Сб. «Избранные общественно-политические и философские произведения украинских революционных демократов XIX века», М., 1955, стр. 226.

южных славян, хотя и под эгидой Габсбургов, они особенно были враждебны к национальному движению славянских народов.

«...Трудно себе представить,— писал в октябре 1900 г. из Ватикана Сазонов,— чтобы монсиньоры Штроссмайер и Штадлер (сараевский архиепископ.— *М. Ш.*) вели свою церковно-национальную пропаганду на свой собственный страх, без поощрения со стороны курии. Лев XIII, не перестающий мечтать о привлечении православного славянства к единству с Римом, усвоил себе, как я слышал, до известной степени политические идеалы монсиньора Штроссмайера, видя в нем единственный путь к достижению цели. Не стесняясь нисколько явным осуждением деятельности упомянутых прелатов австро-венгерским правительством, папа и кардинал статс-секретарь не упускают случая выказать им свое благоволение, и всякое их появление в Риме подает повод к какому-либо неприятному для австрийского посольства инциденту» [120].

В интересах Ватикана и австрийских правящих кругов действовала и униатская церковь в Галиции.

Католическая иерархия в Галиции принадлежала к польской аристократии. Между помещиками и костелом существовал тесный союз. Газета «Искра» писала в 1902 г. о Галиции: «Помещики и попы являются полными господами этой австрийской провинции; в руках одних вся власть, все депутатские места, вся администрация, весь суд; другие завладели умом и душою крестьян. И те и другие, и помещики и попы, связаны между собою крепкими узами — эксплуатацией крестьянской нищеты и темноты» [121].

Униатскую церковь на протяжении полустолетия возглавлял граф Шептицкий — выходец из среды богатой польской аристократии. Блестящий офицер австрийской армии, он сменил мундир на рясу, был обласкан в Ватикане и верой и правдой служил папству и Габсбургам, позже — реакционному режиму Пилсудского, а на закате своей жизни — правителям гитлеровской Германии.

Интерес к униатству со временем стали проявлять и правящие круги Германии. Русский посол в Вене Гирс писал в январе 1912 г. министру иностранных дел в Петербурге, что Германия «всячески высказывает свои симпатии галицийским греко-католикам или, вернее, грекам-униатам...» [122]. Переход Шептицкого и ряда деятелей униатской церкви в годы Великой Отечественной войны на сторону фашистских захватчиков сви-

---

[120] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, л. 124.

[121] «Искра», № 26, 15 октября 1902 г.

[122] «Международные отношения в эпоху империализма», т. XIX, ч. II. М., 1938, стр. 18.

детельствует о том, что «симпатии» правящих кругов Германии к униатству дали свои результаты.

Таким образом, Ватикан имел прочные позиции в Австро-Венгрии, которая была вторым участником Тройственного союза.

Участие Италии в Тройственном союзе усложняло взаимоотношения Ватикана с Австро-Венгрией и Германией. В Ватикане были недовольны тем, что эти державы находятся в союзе с Италией — «узурпатором» папских прав. Тем не менее сильная пронемецкая партия в Ватикане во главе с кардиналами Галимберти, Ледоховским, Альярди активно работала над упрочением отношений папского престола с Тройственным союзом. «Сотрудник и советник папы... Галимберти постоянно употреблял свое немалое влияние на папу в духе сотрудничества Ватикана с Германией» [123]. Галимберти, сторонник Тройственного союза, считал, что для усиления этой группировки держав необходимо примирение Ватикана с Италией. Извольский писал Гирсу в августе 1892 г.: Галимберти «слывет открытым сторонником примирения с Италией и сближения с державами Тройственного союза» [124]. На Галимберти и его сторонников опирался прусский посол при Ватикане Шлецер. В 1885 г. Галимберти был назначен папой секретарем одной из самых важных ватиканских конгрегаций — по чрезвычайным церковным делам, которая имеет самое непосредственное отношение к руководству дипломатической деятельностью Ватикана. В 1887 г. он был назначен папским нунцием в Вену, где работал в пользу Тройственного союза и был за сотрудничество Ватикана с ним.

Ледоховский, польско-австрийский аристократ, был с 1865 г. епископом познанским и гнезненским. В годы культуркампфа за сопротивление майским законам он был осужден на два года тюрьмы. Ватикан его возвел в кардиналы. В 1885 г. Ледоховский был отозван в Рим и назначен главой (префектом) конгрегации пропаганды — папского министерства пропаганды. Сторонник Тройственного союза и враг России, он примирился с правящими кругами Германии [125].

За активную поддержку австро-венгерского проникновения на Балканы и Тройственного союза Ледоховский был в 1895 г. награжден императором Австро-Венгрии высшей наградой — большим крестом ордена Леопольда.

---

[123] E. Winter. Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans. 1878—1903, S. 45.

[124] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 121.

[125] Губастов писал в 1902 г. о Ледоховском: когда князь Бисмарк сошел со сцены, Ледоховский «поспешил забыть личные свои обиды и сделался искренним сторонником прусского правительства» (АВПР, ф. Ватикан, д. 9, л. 110).

В Германии Ледоховский сотрудничал со ставленником германского правительства в Познани архиепископом Стаблевским, на Балканах — с архиепископом Сараевским Штадлером. «...Архиепископу Штадлеру приписывается крайний католический фанатизм и нежелание признать единство сербского народа. Его мечта — окатоличить все население Боснии — Герцеговины»,— сообщал в своем рапорте 8 июля (25 июня) 1914 г. второй секретарь русского посольства в Вене[126].

То обстоятельство, что Ватикан ориентировался на главные державы Тройственного союза — Германию и Австро-Венгрию, не противоречит тому, что в определенный момент ватиканская дипломатия повернула в сторону франко-русского союза. В литературе этот поворот связывают с деятельностью кардинала Рамполлы, который будто бы был враждебен Германии и Австрии. Последнее нельзя считать безоговорочно правильным. Бюлов, например, очень хорошо отзывается о кардинале Рамполле, пишет, что находился с ним в «дружеских отношениях» и что «восхищение Бисмарком» у Рамполлы было велико. В его рабочем кабинете, пишет Бюлов, висели только две картины: репродукция с картины Мурильо «Мадонна» и картина, изображающая Бисмарка на докладе у Вильгельма I[127].

Рамполла, как и Лев XIII, добивался восстановления папского государства и поднятия международного значения папства. Проводившаяся им политика определялась этой главной задачей. Он стал сторонником сближения с Францией и Россией и активно действовал в этом направлении только тогда, когда стало очевидным, что ни Германия, ни Австро-Венгрия не намерены ссориться с Италией ради Ватикана. Но уже в конце XIX в. ватиканская дипломатия вернулась к политике длительного и тесного сотрудничества с Германией и Австро-Венгрией.

В литературе по-разному оценивается дипломатия папства в конце 80-х — начале 90-х годов. Е. А. Адамов в своей ценной работе по истории ватиканской дипломатии в начальный период империализма пишет, что с конца 1887 г. «ватиканская дипломатия, убежденная в неминуемости и близости европейской войны процессом превращения франко-русской антанты в финансовый и военно-политический союз и столь же твердо убежденная в том, что Германия не выйдет победительницей из войны на два фронта, со всей энергией принимает участие в политике

---

[126] «Международные отношения в эпоху империализма», т. IV, М., 1931, стр. 308.

[127] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. IV, S. 679.

окружения Германии в качестве деятельного члена антигерманской коалиции.

Англо-французский конфликт меняет внешнюю картину соотношения сил обоих лагерей, и ватиканская дипломатия тотчас же отдаляется от двойственного союза — даже честь создания которого она себе приписывала раньше. Южно-африканская война освещает международное положение Европы новым светом: Англии со всех сторон грозят опасности, против нее плетется сеть дипломатических интриг, за ее счет создаются самые смелые предположения и планы,— и ватиканская дипломатия, почуяв вновь запах пороха, с готовностью бросается в эту авантюру, становясь в первые ряды мобилизующихся против британской империи сил» [128].

Нет оснований утверждать, как это делает Е. Адамов, что с конца 1887 г. Ватикан «принимает участие в политике окружения Германии в качестве деятельного члена антигерманской коалиции». Как раз в эти годы в ряде важных вопросов, в частности в вопросе об увеличении германской армии, Ватикан показал свое единодушие с правящими кругами Германии. В 1887 г., как уже было отмечено, Ватикан оказал давление на партию центра, требуя, чтобы она поддержала военный закон (закон о септенате), который целиком был направлен против Франции.

В те же годы установилось сотрудничество Льва XIII с Вильгельмом II в вопросах социальной политики. В 1890 г. Лев XIII положительно отнесся к приглашению Вильгельма II участвовать в Берлине на «социальном конгрессе» по «рабочему вопросу».

В 1891 г. было достигнуто соглашение между прусским правительством и курией о замещении кафедры познанской и гнезненской епархии.

В 1893 г., когда Ватикан будто бы «принимал участие в политике окружения Германии», Вильгельм II отправился в Ватикан, чтобы заручиться с помощью папы поддержкой партией центра законопроекта о военном бюджете. В рейхстаге имелась сильная оппозиция новым большим ассигнованиям на увеличение армии и на обширную программу строительства флота. Чтобы принудить депутатов — членов фракции центра голосовать за законопроект, глава правительства Каприви обратился за поддержкой к кардиналу Коппу, архиепископу Бреславльскому, с которым по этому вопросу имел беседу и кайзер.

23 апреля 1893 г. кайзер посетил Рим и имел беседу с папой. Папе было дано понять, что в центре произойдет раскол, если его фракция не поддержит военный закон, что тогда партия

---

[128] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 63.

потеряет свое влияние. В пользу военного закона активно выступил и кардинал Копп[129].

Когда во фракции центра споры вокруг военного законопроекта обострились, граф Баллестрем, председатель фракции центра в рейхстаге, сообщил фракции об аудиенции, данной ему папой. Лев XIII, сказал он, воздерживается от вмешательства в вопрос о военном законе, но он ясно дал понять, что по религиозно-политическим мотивам ему желательно, чтобы было достигнуто взаимопонимание с правительством; раскол с правительством в высшей степени нежелателен. Статс-секретарь кардинал Рамполла говорил Баллестрему, что папа придает большое значение сохранению прочных позиций центра в рейхстаге, а потому нужно взвесить — умно ли будет сделать эти позиции предметом игры на новых выборах[130].

Таким образом, «не вмешиваясь» в вопрос о военном законе, Лев XIII настаивал, чтобы центр голосовал за закон. Правда, большинство центра высказалось против закона, рейхстаг был распущен и новый рейхстаг принял законопроект, а в числе голосовавших против него была и вся почти фракция центра.

Таким образом, вмешательство Льва XIII в пользу военного закона и за единство центра с правительством имело место как раз тогда, когда Ватикан будто бы участвовал в политике «окружения» Германии.

Можно также отметить, что во время пребывания Вильгельма II в Ватикане, кардиналу Рамполле был пожалован германский орден Черного орла. В те же дни произошло примирение Вильгельма II с кардиналом Ледоховским. Кайзер поднес ему золотую табакерку и заявил: «прошлое забыто», имея в виду столкновения Ледоховского с правительством в самом начале культуркампфа.

Наконец, в то время, когда Ватикан будто бы участвовал в политике «окружения» Германии, папство начало активно поддерживать колониальную политику германского империализма.

Немецкий историк Эдуард Винтер в своем ценном исследовании о дипломатии Ватикана в конце XIX в. пишет об изменении курса ватиканской дипломатии в 90-х годах в сторону русско-французского союза. Он видит причину в том, что Лев XIII в связи с изменением международной обстановки и с

---

[129] В 1906 г. в немецкой печати появились сообщения, что в неопубликованных воспоминаниях князя Хлодвига Гогенлоэ имеются данные о том, что Лев XIII запросил у кайзера Вильгельма 500 тыс. франков в связи с обсуждением военного закона. Историк центра Бахем категорически опровергает правдивость этого сообщения Гогенлоэ (K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. V, S. 282—283).

[130] Ibid., S. 286.

обострением отношений между двумя группировками держав решил, что «время для реализации его планов настало»[131]. Лев XIII, пишет Э. Винтер, всегда питал симпатии к Франции. Привлекая французских правых католиков-монархистов на сторону республики, он имел в виду этим самым сделать республику приемлемым союзником для царской России и одновременно осуществить свои планы установления дипломатических связей с Россией, рассчитывая, что это приблизит объединение церквей. Кроме того, пишет далее Э. Винтер, Лев XIII видел во франко-русском союзе перспективу и для решения «Римского вопроса», которое было возможно лишь с ослаблением Италии, а так как последняя входила в Тройственный союз, то реализация этой цели папства могла иметь место лишь с ослаблением этого союза. Наконец, по мнению Винтера, немалое значение в выступлении Льва XIII за русско-французское сближение имело и то обстоятельство, что Ватикан мог знать от руководителя английских католиков герцога Норфолькского о намерении Англии в случае войны выступить на стороне Франции и России. При таком понимании обстановки для Льва XIII ясно было, на чьей стороне будет успех, когда начнется гроза. Понятно почему, заключает Э. Винтер, Лев XIII с 1887 г. выступил за франко-русское сближение, а себя охотно выставлял или позволял выставлять его покровителем и даже инициатором[132].

Таким образом, к соображению, выдвинутому Е. А. Адамовым, о том, что Ватикан рассчитывал на поражение Германии и ее союзника Италии в ожидавшейся им войне и поэтому с 1887 г. повернул курс своей дипломатии в сторону сближения с франко-русским союзом, Э. Винтер выдвигает еще два соображения — давние симпатии Льва XIII к Франции и стремление папы добиться сближения с Россией в целях осуществления объединения церквей.

Что касается «любви» Льва XIII к Франции, то непонятно, почему он, избранный на папский престол в 1878 г., вспомнил о своих симпатиях к Франции лишь в 1887 г.? Не потому ли прежде всего, что ставка католической церкви в самой Франции, а также и папства на реставрацию монархии в этой стране потерпела крах?

Лев XIII действительно добивался объединения церквей под эгидой Рима, но в Ватикане не могли не знать, что православная церковь в России решительно сопротивляется унии с Римом и что дипломатическое сближение с Россией еще далеко не обеспечивало объединения церквей.

---

[131] E. Winter. Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans, 1878—1903, S. 47.
[132] Ibid., S. 47—48.

Католический биограф Льва XIII Содерини пишет о дружественных отношениях, существовавших между Львом XIII и Вильгельмом II. Лишь период с 1889 по 1893 г., пишет он, был коротким периодом разлада, так как папская политика в отношении Франции вызвала подозрение, что Ватикан активно участвует в создании франко-русского союза и поощряет любые нападки на Тройственный союз. Считали, что папа действует в пользу распространения республиканских теорий, а также поддерживает демагогические происки, которые без основания приписывались центру. На самом деле, пишет Содерини, в Германии ошибочно понимали намерения Льва XIII. Он не предпочитал ни в какой мере республику монархии, а считал, что церковь должна сотрудничать как с аристократической монархией, так и с демократической республикой. Что касается отношения Ватикана к Тройственному союзу, то в циркуляре нунциям в Париж и Мюнхен от 27 февраля 1892 г., в котором Рамполла предлагал французским католикам подчиняться существующей власти, говорилось также, что папский престол не имеет ни малейшего намерения «тайно вредить союзным державам». Это разъяснение, по словам Содерини, как и «умная политика центра», рассеяло облака во взаимоотношениях между Римом и Берлином [133]. Таким образом, названный католический автор ограничивает период ухудшения отношений между Ватиканом и Германией 1889—1893 гг., но не говорит о коренном изменении курса ватиканской дипломатии.

Карл Бахем — один из лидеров партии центра — пишет о повороте политики папства от Германии в сторону Франции и относит это к концу 90-х годов. Бахем связывает это с тем, что Ватикан убедился в тщетности своих расчетов на помощь Германии в «Римском вопросе». Общественное мнение, пишет он, узнало об этом повороте из статей в «Оссерваторе Романо» в июне— августе 1891 г. Этот курс политики Ватикана, по мнению Бахема, изменился со смертью Льва XIII и с избранием Пия X (1903 г.). Связывая дипломатию Ватикана с его планами восстановления светской власти папы, а его обращение к Франции — с недовольством Льва XIII безразличным отношением Германии к этому вопросу, Бахем, этот правоверный католик, выступает против определенных кругов «безголовых людей» в Ватикане, которые, по его словам, толкали папу на политику, направленную против Тройственного союза. Немецкие католические деятели на католических конгрессах стали выступать против нового курса Ватикана и, не решаясь прямо критиковать папу, обрушивались на его статс-секретаря — Рамполлу [134].

---

[133] E. Soderini. Leo XIII und der deutsche Kulturkampf, S. 298—300.

[134] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. IX, S. 25—35.

Совсем иная версия относительно мотивов дипломатии Льва XIII встречается в американской католической литературе. В монографии по истории Католического университета в Вашингтоне, изданной в 1948 г., приводится письмо бывшего директора этого университета Джона Кеана кардиналу Гиббону от 31 июля 1894 г. В своем письме Кеан информирует кардинала о том, что он незадолго до этого был принят папой Львом XIII, и из беседы с последним делает следующее заключение о существе и целях международной политики этого папы: разрушение влияния Тройственного союза (который означает — монархизм, милитаризм и подавление папства) путем поднятия влияния демократической Франции и Америки, влияния, которое предвещает демократическую Италию или Италию федеративную, с папой, находящимся в положении для него приемлемом [135]. Совершенно ясно, что эта характеристика Льва XIII как борца «за демократию» ничего общего не имеет с действительностью.

На самом деле, после многих лет сотрудничества с Германией произошло сближение Ватикана с Францией и Россией. И это явилось выражением недовольства Ватикана тем, что германское правительство в интересах сохранения Тройственного союза не поддержало притязаний папства на восстановление его светской власти. В Ватикане были недовольны участием Италии в германо-австрийском союзе, так как оно уже само по себе означало признание Германией и Австро-Венгрией итальянского государства со столицей в Риме. В 1887 г. кардинал Галимберти имел беседу с Бисмарком о «Римском вопросе». Бисмарк заявил, что он будет счастлив, если Италия вернет Рим папе; он же не медлил бы действовать в пользу восстановления светской власти папы в случае, если бы в Италии взяли верх республиканцы [136].

Бисмарк не намерен был поступиться союзом с королевской Италией ради папы.

Известно, что Лев XIII был недоволен тем, что во время пребывания Вильгельма II в Ватикане в 1888 г. он, папа, не смог добиться у кайзера поддержки в вопросе восстановления папского государства.

В мае 1889 г. итальянский король прибыл в Берлин, где был встречен с большим торжеством. В Ватикане эта демонстрация укрепления итало-германского союза была встречена отрицательно.

---

[135] Patrick Henry Ahern. The Catholic university of America 1887—1896. Washington, 1948, p. 150.

[136] K. Bachem. Vorgeschichte. Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. IX, S. 14.

В феврале 1889 г. Извольский писал Гирсу из Рима, что визит Вильгельма II, нанесенный папе в минувшем году, «с очевидностью показал ему, что в случае осложнений он отнюдь не может рассчитывать на центральные державы, которые безусловно окажутся на стороне Италии. Отсюда стремление Льва XIII, о чем я считаю своим долгом указывать в своих донесениях, насколько возможно, расширить круг своих политических отношений и снискать большую близость у держав, остающихся вне заключенных соглашений» [137].

В числе держав, за счет которых Лев XIII стремился в это время расширить круг своих политических отношений, были Франция и Россия. Длительные и прочные симпатии папства были на стороне Германии и Австро-Венгрии. Однако, убедившись в том, что эти державы, связанные союзными отношениями с Италией, не будут поддерживать притязаний папства на светскую власть, Ватикан стал искать связей с Францией и Россией, чтобы расширить круг держав, с которыми он связан, а также, чтобы демонстрацией дружбы с Францией и Россией воздействовать на центральные державы и больше всего на Германию.

Правящие круги Германии в свою очередь стремились сохранить дружественные отношения с папским престолом и старались в духе умиротворения действовать на своего итальянского союзника.

30 ноября 1889 г. епископ Бреславльский Копп, человек, приближенный к Вильгельму II, написал папе о своей беседе с кайзером. Копп говорил кайзеру о тяжелом положении папы в Риме и о том, что в своей вражде к церкви правительство Криспи опирается на союз с Германией. Кайзер возразил, что его это удивляет, так как правительству Криспи неоднократно из Берлина были сделаны предостережения; действия правительства Криспи в отношении церкви не в интересах правительства Италии, а на руку революции [138].

Начавшееся сближение Ватикана с Францией и Россией беспокоило правящие круги Германии. 9 июля 1889 г. барон Гольштейн, игравший большую роль в германском министерстве иностранных дел, писал графу Вальдерзее об активизации французской дипломатии в Ватикане: не следует недооценивать силы папы, распространяющего свое влияние на миллионы честных, хотя и ограниченных умов. Гольштейн считал, что в Ватикан нужно назначить другого посла вместо Шлецера, что надо воздействовать на папский престол и через Австрию, которая может указать папе, что он вредит себе, «когда

[137] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 106.

[138] F. Hanus. Die preussische Vatikangesandschaft 1747—1920. S 370.

выступает как примас Франции и как союзник еретической России»[139].

ВАТИКАН И ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ

Католическая церковь во Франции была связана с монархистами, сочувствовала их заговорам против республики и участвовала в этих заговорах. Так называемые «претенденты на французский трон» находили поддержку у католической иерархии, считавшей республику временным установлением, которое будет заменено «законной монархией». Заговорщики против республики — Мак Магон, Буланже, те, кто сфабриковали дело Дрейфуса,— все они неизменно были связаны с клерикалами и пользовались их поддержкой. Католицизм был знаменем французской реакции. В письме к Энгельсу в мае 1873 г. Маркс писал о сторонниках Мак Магона: «Единственное, что формально соединяет этих людей — это бог, т. е. католицизм». Маркс указывает на большую роль иезуитов в окружении Мак Магона[140]. В лице Мак Магона клерикалы имели послушное орудие[141].

Буланже также спекулировал на религиозных чувствах католиков. Его поддерживали церковники, католическая печать и католические деятели, в том числе и граф де Мэн — организатор католических рабочих союзов[142].

Но монархия была ненавистна французскому народу. Это, в частности, давало себя знать при парламентских выборах: число голосов за монархистов систематически уменьшалось, а число голосов, поданных за республиканских кандидатов, увеличивалось. Так, на выборах в палату депутатов монархисты получили голосов: в 1876 г.— 3,2 млн., в 1885 г.— 3,4 млн., в 1889 г.— 3 млн., в 1893 г.— 1 млн., в 1898 г.— 0,9 млн. В те же годы республиканцы получили соответственно голосов: 4 млн., 4,37 млн., 4,6 млн., 6 млн., 6,77 млн.[143].

Связь с монархистами дискредитировала церковь, и вражда трудящихся к монархистам распространялась и на клерикалов. Церковь теряла свои позиции. Буржуазия же использовала ненависть народа к монархическому духовенству, чтобы антиклерикальной пропагандой отвлечь рабочих от классовой борьбы с эксплуататорами.

В то же время под давлением народа правительство было

---

[139] «Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. I, S. 308—309.

[140] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 415.

[141] См. «Вестник Европы», 1873, № 7, стр. 372—383.

[142] C. S. Phillips. The church in France, 1898—1907. London. 1936, p. 220.

[143] «Вестник Европы», 1902, кн. V, стр. 167.

вынуждено принять ряд мер к ограничению аппетитов клерикалов.

Часть высшего французского духовенства уже в 80-х годах пришла к выводу, что церкви невыгодно ссориться с республикой, как невыгодно ей афишировать свои связи с монархистами. Расхождения в среде французского духовенства по вопросу об отношении к республике обнаружились в 1881 г. в связи с выборами, когда церковь отказалась открыто поддерживать монархистов в тех местах, где у них не было шансов победить [144]. Однако до перехода большинства духовенства на сторону республики было еще далеко. Когда в 1880 г. священник Дидон выступил в одной из церквей Парижа с проповедью и призвал католиков примириться с современным обществом, церковные власти заставили его замолчать и услали в уединенный корсиканский монастырь. Лишь через 12 лет, в 1892 г., они ему разрешили вернуться к священнической деятельности.

Главную роль в повороте церкви в сторону республики сыграло стремление господствующих классов создать опору против рабочего движения. Страх перед социализмом делал республиканскую буржуазию набожной, а церковную верхушку, обеспокоенную вдобавок упадком религии, союзником буржуазной республики. Ламздорф записал в своем дневнике 19 апреля 1891 г. о приезде в Петербург бывшего французского министра иностранных дел Флуранса, сообщившего министру иностранных дел Гирсу «интересные подробности о внутреннем положении Франции», а именно: «...высшие классы становятся во Франции религиозными, в то время как низшие слои и народ все более и более предаются неверию. Католическое духовенство теперь признает и поддерживает республиканскую власть. Папа, как тонкий политик, понял ту пользу, которую он мог бы из этого извлечь...» [145].

Оказавшись перед фактом провала планов реставрации монархии, часть высшего французского духовенства стала менять ориентацию и заявила о своей готовности сотрудничать с республикой. Такие настроения в среде части французской иерархии нашли выражение в выступлении кардинала Лавижери, архиепископа Алжирского, 12 ноября 1890 г. на банкете в честь французской эскадры, прибывшей в Алжир. В своей речи Лавижери говорил об обязанностях гражданина принять существующую форму правления и выразил пожелание, чтобы французское духовенство присоединилось к его взглядам. После его выступления оркестр монашеского ордена Белых братьев сыграл «Марсельезу».

---

[144] «Вестник Европы», 1881, № 6, стр. 864—865.

[145] В. Н. Ламздорф. Дневник 1891—1892. М., 1934, стр. 98.

Лавижери по своим убеждениям был монархист. Еще в 1874 г. он советовал «претенденту на французский престол», своему близкому другу графу Шамбору (из бурбонского дома), захватить власть, опираясь на военщину. Время убедило и его, что монархическая идея не пользуется популярностью и что отождествление церкви с монархизмом опасно для самой церкви. Вот почему монархист по своим политическим взглядам, кардинал Лавижери выступил за признание республики [146]. Его позиция была одобрена французским правительством, с которым он был связан, а также и папой. В октябре 1890 г., т. е. до своего публичного выступления в пользу признания республики, Лавижери ездил в Рим, где имел длительную беседу с папой, кардиналом Рамполлой и епископом Феррата, секретарем конгрегации чрезвычайных церковных дел. Было решено, что кардинал обратится с призывом к французским католикам поддержать республику в интересах религии [147]. Лавижери и Лев XIII видели во франко-ватиканском сближении средство давления на Италию.

Часть французского епископата отрицательно отнеслась к выступлению Лавижери, другая (епископы Гренобля, Вердена и др.) присоединилась к нему. В январе 1892 г. было опубликовано заявление пяти французских архиепископов — Парижского, Реймского, Тулузского, Реннского и Лионского, в котором они жаловались на мероприятия государства, идущие против интересов церкви, в то же время они рекомендовали католикам держаться следующей позиции: уважать законы страны, поскольку они не противоречат совести, уважать власти и конституцию, бороться с мероприятиями, идущими против интересов церкви. Эта декларация пяти архиепископов по существу означала признание князьями церкви республики, хотя и со многими оговорками. Большинство французских епископов стало на эту позицию.

Правящие круги французской буржуазии положительно отнеслись к повороту епископата в сторону республики. Буржуазия не хотела «войны» с церковью, так как церковь ей была нужна как союзник против социализма. Когда в сентябре 1891 г. в сенат было внесено предложение, чтобы правительство подготовило проект отделения церкви от государства, представители правительства выступили против такого законопроекта. Министр Фаллье сказал в сенате, что правительство верит в возможность восстановления мира с церковью. Глава правительства Фрейсинэ заявил, что поведение некоторых прелатов

---

[146] См. W. Langer. The Franco-Russian Alliance 1890—1894. Cambridge, Mass., U. S. A., 1929, p. 133.

[147] J. F. Parr. Théophil Delcassé and the practice of the Franco-Russian Alliance 1898—1905. Fribourg (Switzerland), 1951, p. 5.

невыносимо, правительство, однако, хочет мира, а кто не хочет уважать республику,— будет иметь против себя не только правительство, но и весь парламент.

Французские епископы ни до, ни после признания ими республики не были почитателями республиканского строя. И если епископат в 90-х годах прошлого века примирился с республиканским строем, то он это сделал, держа камень за пазухой: он рассчитывал признать республику, чтобы изменить законодательство, занять руководящее положение в республике, усилить в ней позиции реакционных элементов и церкви, сохранить свою монополию на школьное образование и не допустить усиления светского элемента в государстве. На католическом съезде в Рубэ аббат Гарнье заявил: «Мы принимаем республику согласно предписанию Льва XIII. Мы входим в поезд, чтобы управлять им» [148].

Подобные взгляды были распространены среди высшего духовенства. В феврале того же 1892 г. доминиканский священник Маумус в проповеди, произнесенной в одной из парижских церквей (текст проповеди был представлен на одобрение папскому нунцию), заявил: когда Римская империя находилась накануне своего падения, папа протянул руку варварам. Ныне возникла новая сила. Подобно тому, как некогда варвары, эта сила требует себе места под солнцем; «эта сила, с которой надо считаться... демократия. Бессмертный папа Лев XIII в своей блестящей энциклике следующим образом выступил за демократию: он сказал епископам и священникам: «вот новые варвары, идите к ним, вы вместе с ними будете строить храм будущего»» [149].

Французские трудящиеся помешали католическим иерархам овладеть республикой. Сопротивление народа наступлению клерикалов, а не приверженность буржуазии к светскому государству, заставило в дальнейшем правительство принять закон против иезуитов, против конгрегаций и их школ, порвать дипломатические отношения с Ватиканом (1904 г.) и, наконец, принять закон об отделении церкви от государства (1905 г.).

При всем том ко времени выступления Лавижери, т. е. к 1890 г., среди французской католической иерархии наметился определенный поворот от позиции, враждебной к республике, к признанию республики.

Эти веяния соответствовали и планам Ватикана, которому к этому времени стало ясно, что монархисты во Франции не могут иметь успеха и что союз церкви с ними угрожал самой церкви. В Ватикане к этому времени убедились, что руководящие в Тройственном союзе державы — Германия и Австро-Венгрия —

---

[148] См. «Образование», 1904, апрель, стр. 76.

[149] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1892, S. 263.

не намерены удовлетворить требования о восстановлении светской власти папы. Вот почему именно в это время начинается флирт Ватикана с Францией и франко-русским союзом [150].

В свою очередь правящие круги Франции стремились сохранить хорошие отношения с Ватиканом прежде всего потому, что французская буржуазия извлекала выгоды из миссионерской деятельности католической церкви в колониях и из своего так называемого права «протектората над христианами на Востоке». Кроме того, Франция, находясь в дружественных отношениях с Ватиканом, могла использовать «Римский вопрос» как козырь против Италии.

Ватикан, встав на путь сотрудничества с Францией и рассчитывая направить это сотрудничество против Италии, сравнительно спокойно реагировал на антиклерикальные мероприятия французского правительства; он исходил из того, что политические цели папства выше интересов католической церкви в той или иной стране.

Ватикан поддержал Лавижери. В декабре 1890 г., вскоре после публичного выступления этого кардинала в Алжире, журнал «Монд» опубликовал письмо статс-секретаря Ватикана кардинала Рамполлы, адресованное французскому епископу, обратившемуся к папе с вопросом о его отношении к признанию республики кардиналом Лавижери. Рамполла писал, что в учении католической церкви нет указания на то, что та или иная форма государственного устройства противоречит католицизму; верующие должны принимать участие в делах государства, чтобы влиять на них, а потому французские католики сделают полезное дело, если пойдут по этому пути.

В феврале 1892 г. журнал «La France nouvelle» опубликовал письмо папы Лавижери, Лев XIII одобрил деятельность этого кардинала. Папский официоз выступил с рядом статей о сближении Ватикана с Францией. Статьи носили больше характер демонстрации против Тройственного союза. Ватиканские дипломаты хотели показать, что поскольку центральные державы не идут навстречу притязаниям Ватикана, то он найдет в другом лагере союзников, готовых ему помочь в его борьбе с Италией.

19 июня 1891 г. «Оссерваторе Романо» опубликовала статью, в которой говорилось, что церковь протягивает руку «своей любимой дочери» — Франции. В другой статье, 24 августа 1891 г.,

---

[150] Неосновательны утверждения некоторых авторов, что Рамполла имел при этом также в виду поднять значение республики во Франции, чтобы этим «укрепить республиканские идеи в Италии против династии, которая ограбила церковное государство» (см. O. Becker. Bismarck und die Einkreisung Deutschland. Zweiter Teil — Das Französisch-Russische Bündnis, S. 134; W. Langer. The Franco-Russian Alliance 1890—1894, p. 133.

«Оссерваторе Романо» писала, что сама «природа вещей» препятствует отрыву Ватикана от Франции — «старейшей дочери» католической церкви.

В начале 1891 г. в Париж был послан нунцием Доменико Феррата — сторонник сближения Ватикана с Францией. Он получил инструкцию держаться подальше от легитимистски настроенного духовенства и показать, что Ватикан находится в согласии с правительством республики.

В первой половине 1892 г. появился ряд писем папы, адресованных отдельным французским епископам, об обязанностях католиков по отношению к государству. Папа предупреждал против полемики, которая может вызвать в стране возбуждение, и рекомендовал отстаивать интересы церкви на почве существующей конституции. 16 февраля 1892 г. папа издал энциклику, обращенную к духовенству и всем католикам Франции, в которой писал, что церковь не должна связывать себя с преходящими формами и явлениями жизни и с какой-либо одной определенной формой государственного строя. Католики, говорилось в энциклике, должны признать существующее правительство; они должны объединиться, чтобы конституционными средствами обороняться против злоупотреблений законодательства.

Энциклика требовала от католиков и духовенства признания конституции и борьбы на почве существующего строя за изменение законодательства в духе требований церкви.

В письме от 5 мая 1892 г. на имя шести французских кардиналов Лев XIII повторил основные положения своей энциклики от 16 февраля и подчеркнул, что главное в ней — требование безусловного признания республики и подчинения ей, как богом посланной форме государственного устройства.

Настойчивые увещевания папы были вызваны тем, что среди епископата не было единодушия в этом вопросе, а влиятельные французские католические аристократические круги, монархически настроенные, были против сотрудничества церкви с республикой.

Нунций в Париже Феррата, сторонник примирения церкви с республикой, доносил 23 июня 1893 г. папе и его статс-секретарю, что французское духовенство разделилось на две группы: епископы севера, живущие среди населения, менее связанные со старыми порядками, более охотно идут на признание республики. На юге же, где пропасть между партиями глубже, а также там, где монархическое влияние сильно вкоренилось (Вандея, Бретань), епископы менее расположены к республике, а некоторые особенно расположены к монархистам [151].

[151] U. Stutz. Die päpstliche Diplomatie unter Leo XIII. Nach den Denkwürdigkeiten des Kardinals Domeniko Ferrata. Berlin, 1926, S. 131—132.

Феррата далее отмечал, что епископы и севера и юга не хотят отдаляться от монархистов, которые больше всего дают средств церкви.

Лев XIII пришел к выводу о необходимости договориться с республикой не сразу после своего избрания на папский престол, как думает, например, Э. Винтер, который пишет, что «с самого начала своего понтификата» Лев XIII хотел восстановить мир с Французской республикой и установить тесное с ней сотрудничество и с этой целью послал в Париж в 1879 г. кардинала Чаки [152]. По-иному пишет об этом нунций в Париже Феррата в своих мемуарах; он сообщает, что Лев XIII с самого начала нунциатуры монсиньора Чаки считал неуместным и опасным, чтобы французские католики выступали против республиканского строя; в этом читатель увидит первый росток будущих папских директив, так как «тогда было еще преждевременно убедительно советовать католикам свободно и лояльно примкнуть к республике, как св. отец это сделал позднее, по истечении десяти лет. Во времена монсиньора Чаки умы католиков были еще слишком ожесточены и возбуждены церковно-политической борьбой, и монархисты были уверены в несомненном или хотя бы вероятном и скором крушении республики... Святой отец, понимая, что время еще не назрело, ограничился вначале политикой наблюдения и выжидания» [153]. Таким образом, учитывая то, что дело французских монархистов еще не считалось проигранным, Лев XIII сначала держался выжидательной позиции. Лишь спустя десять лет, как свидетельствует Феррата, папа потребовал от французского духовенства и католиков признания республики. По времени это совпадает с «новым курсом» Льва XIII в отношении Тройственного союза, с его недовольством той позицией, которую центральные державы заняли в «Римском вопросе».

Лев XIII преследовал при этом двоякую цель: во-первых, он хотел использовать сближение с Францией в дипломатических усилиях папства, направленных к разрешению «Римского вопроса», сделать сближение с Францией одним из средств давления а Тройственный союз и, во-вторых, упрочить положение церкви в самой Франции, чтобы она могла более эффективно участвовать в борьбе буржуазии против социалистического рабочего движения.

Ламздорф записал в своем дневнике в феврале 1891 г. в связи с выступлением Лавижери: «...рассказывают, что один аббат, или какое-то другое духовное лицо, близкое к папе, говорил ему с ужасом о том, как одному из кардиналов приш-

---

[152] E. Winter. Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans. 1878—1903, S. 68.

[153] Цит. по U. Stutz. Die päpstliche Diplomatie unter Leo XIII. S. 63.

лось слушать звуки «Марсельезы», на что Лев XIII ему будто бы ответил, что это лучше, чем слушать «Королевский марш», исполняемый у Ватиканского дворца» [154].

В странах Тройственного союза новый курс Льва XIII вызвал тревогу. 21 июня 1891 г. германский посол в Париже граф Мюнстер писал рейхсканцлеру Каприви о положении во Франции: «Республика укрепляется. Монархисты с каждым днем теряют сторонников. Претенденты и их дома мало принимаются во внимание, и, что самое важное, Рим мирится с республикой... Буланжизм был последней вспышкой монархической идеи. Духовенство еще верило в возможность монархической реставрации, теперь оно видит, что ошиблось. Папа хочет использовать республику (в этом месте Вильгельм II сделал надпись — «против протестантской Германии».— *М. Ш.*), иначе кардинал Ротелли в Елисейском дворце так не говорил бы, а статья в «Оссерваторе Романо» ясно говорит, что его слова одобрены... Сближение папы с демократической республикой опасно прежде всего для Италии (в этом месте Вильгельм II написал: «Также и для нас».— *М. Ш.*), и мой итальянский коллега и его правительство с тревогой смотрят на эти демонстрации» [155].

Вильгельм II, как отмечал в 1897 г. Вальдерзее, в связи с выступлением Лавижери считал, что папа «стал на неправильный путь» [156]. Маневры папы вызвали беспокойство и в Италии. Извольский сообщал, что итальянский премьер Криспи, выступая в парламенте, бросил Ватикану «обвинение в союзе с врагами Италии, приписав при этом алжирскому архиепископу роль политического агента Франции» [157].

Одновременно со сближением с Францией ватиканская дипломатия стала добиваться сближения с царским правительством России и установления с ним дипломатических отношений, прерванных в 1867 г. Лев XIII рассчитывал, что установление дипломатических отношений с Россией повысит международный авторитет папства и обеспечит ему поддержку царизма в «Римском вопросе». К тому же в сближении с царским правительством России папство видело возможность реализовать другую цель своей международной политики — создание союза всех реакционных сил против социализма.

В ряде своих донесений Извольский писал из Рима, что Лев XIII предвидит в ближайшее время военные столкновения

---

[154] В. Н. Ламздорф. Дневник 1891—1892, стр. 30.

[155] «Die Grosse Politik», Bd. 17, S. 303—304. Кардинал Ротелли 10 июня на торжестве вручения ему кардинальской шапки обратился к президенту Франции Карно с речью, в которой подчеркнул неразрывную связь «судьбы папства с судьбой Франции».

[156] A. Waldersee. Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 390.

[157] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 110.

европейских держав и «хотел бы, чтобы день кризиса встретил Россию и св. престол объединенными искренним согласием, которое, по его мнению, обеспечит нам серьезные выгоды с точки зрения охраны наших границ и даст папству моральную поддержку единственной державы, предназначенной, по его мнению, играть роль арбитра в вопросе о мире и о войне». Так писал Извольский в декабре 1888 г. [158]. Несколько позже, в феврале 1889 г., Извольский писал, что папа «никак не может возлагать на Россию серьезных надежд в вопросе о восстановлении его светской власти», но он (папа) считает, что Россия будет играть решающую роль в будущем столкновении держав, и поэтому хочет быть в дружественных отношениях с ней [159].

Лев XIII учитывал страх российского самодержца перед революцией и в своих обращениях к Александру III писал о своей готовности вместе с ним бороться против «разрушительных» стремлений и теорий.

Враждебные социализму энциклики Льва XIII встречались с большим сочувствием в правящих кругах царской России. Такой реакционер, как граф Ламздорф, например, называл энциклику «Рерум новарум» «замечательной энцикликой по рабочему вопросу».

Тот же мотив — желание заключить союз для борьбы с социализмом,— который побуждал Льва XIII искать сближения с царизмом, играл не последнюю роль и в готовности царизма пойти на сближение с Ватиканом. Царизму нужно было сближение с Ватиканом и для того, чтобы сделать католическую церковь в России, прежде всего в польских областях, своим послушным орудием, чтобы с помощью папства и церкви освятить национальное угнетение поляков и сделать их верноподданными царя.

Наконец, царизм видел в соглашении с Ватиканом средство ослабить проавстрийскую деятельность папства на Балканах, где сталкивались империалистические интересы России и Австро-Венгрии.

В 1887 г. в Ватикан прибыл представитель Александра III А. П. Извольский. В переговорах с Извольским Лев XIII настойчиво подчеркивал, что союз царской России с Ватиканом явится плотиной против революционного движения. При первой же встрече с Извольским в марте 1888 г. Лев XIII предложил царизму союз для этой цели [160].

Царское правительство хотело того же. На это прямо указано в инструкциях Извольскому, которому рекомендовалось в переговорах с папой сказать ему «об особенном желании е. в.,

---

[158] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 103.
[159] Там же, стр. 107.
[160] Там же, стр. 73.

чтобы в нашу, столь тревожную, эпоху, церковь и государство оказывали друг другу помощь в утверждении нравственного и социального порядка среди народов...» [161]. Известно, что и российский самодержец и римский папа имели одинаковое представление о том, что такое «утверждение нравственного и социального порядка».

Даже в кругах иерархов русской православной церкви, относившихся весьма несочувственно к сближению царя с римским папой, считали, что ради борьбы с атеизмом и социализмом допустимо сотрудничество царя с папой, начатое в 80-х годах XIX в.[162].

Выше уже было отмечено, что при переговорах с Бисмарком, а позже с Вильгельмом II папство неизменно в качестве жертвы приносило интересы поляков, проживавших в польских областях, присоединенных к Германии. Точно так же в целях сохранения хороших отношений и сотрудничества с российским царизмом Лев XIII, не задумываясь, приносил в жертву интересы поляков, проживавших в польских областях, присоединенных к России.

В переговорах Извольского со Львом XIII и его статс-секретарем Рамполлой польский вопрос занимал одно из главных мест. В результате переговоров римская курия согласилась помогать царизму (как она помогала и германскому и австро-венгерскому правительствам) подавлять национальное движение поляков.

11 (23) апреля 1888 г. Извольский сообщал Гирсу о прибытии в Рим влиятельной группы польских аристократов из Австрии во главе с князем Адамом Сапегою, которые, в соответствии с интересами Австрии и Германии, старались помешать сближению Ватикана с Россией. «В Ватикане,— сообщал Извольский,— однако, действовали с крайней осторожностью. Аудиенции назначались лишь отдельным лицам и под условием, что не будет представлено никаких протестов, касающихся отношений папы с Россией» [163]. Александру III эта осторожность Ватикана понравилась. На депеше Извольского он написал: «...как осторожно ведет себя папа в настоящую минуту, чтобы не испортить наши отношения с курией» [164].

Кардинал Рамполла заявил Извольскому, что Ватикан готов послать римско-католическим епископам в Россию инструкцию, чтобы они действовали «сообразно с видами государства». Рамполла говорил Извольскому (депеша Извольского от 25 апреля (7 мая) 1888 г.), что Лев XIII «искренно желает, что-

---

[161] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 71.
[162] См., например, «Церковный вестник», 1912, № 35, стр. 1088—1089.
[163] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 78.
[164] Там же, стр. 77.

бы иерархия действовала сообразно с видами государства и не увлекалась никакими политическими тенденциями и, если императорское правительство выразит желание, чтобы епископам были преподаны в этом смысле наставления, св. отец с радостью это исполнит» [165]. Лев XIII заверил Извольского, что авторитет папы «будет всегда употребляем на то, чтобы внушить католикам Польши повиновение законам и верность их государю» [166].

Ватиканские власти заявили даже о готовности предварительно согласовать текст своей инструкции католическому духовенству в России с представителем царского правительства. «Кардинал (Рамполла.— *М. Ш.*) готов обсудить вместе со мною содержание этих писем (католическим епископам в России.— *М. Ш.)* и сообщить мне предварительно их текст», сообщал Извольский в декабре 1888 г. [167]. Извольский не двусмысленно писал (в феврале 1889 г.), что Ватикан приносит интересы поляков в жертву ради сближения с царизмом. «...Когда Лев XIII хочет представить нам ценность своей дружбы во время европейских осложнений, он имеет в виду в особенности польский вопрос, в котором его духовная власть может, по его мнению, оказать весьма ценное воздействие» [168].

Миссия Извольского завершилась установлением дипломатических отношений России с Ватиканом и учреждением в мае 1894 г. российской миссии при Ватикане [169]. Министром-резидентом был назначен Извольский. За два месяца до этого, в марте 1894 г., была опубликована энциклика папы к польским епископам. В ней папа говорил о давней приверженности Польши к папскому престолу, который, как подчеркивалось в энциклике, не учит ничему, что идет против власти государя или блага народов. Обращаясь к католическим епископам в России, папа призывал их стоять на страже интересов религии (под этим католические иерархи понимали борьбу с революционным движением), избегать враждебных отношений с гражданскими властями и следить за соблюдением заключенного Ватиканом с царским правительством соглашения. От польских католиков Галиции папа в той же энциклике требовал верноподданности австро-венгерскому императору и признательно-

---

[165] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 79.
[166] Там же, стр. 89.
[167] Там же, стр. 100.
[168] Там же, стр. 107.
[169] До этого, в 1893 г., царское правительство в штатах Министерства внутренних дел по департаменту Духовных дел иностранных вероисповеданий учредило должность агента в Риме по римско-католическим делам. Его деятельность в Ватикане не носила дипломатического характера (АВПР, ф. Посольство в Риме, д. 2016, лл. 1—7).

сти за его религиозное усердие. Обращаясь к католикам-полякам в Пруссии, папа убеждал их довериться «справедливости» кайзера и повиноваться законам [170]. Роза Люксембург писала, что этой энцикликой Лев XIII говорил полякам в России, что «и в небесах потеряли всякую надежду на возрождение Польши и что с этого времени истинным представителем бога в Польше является русский кнут» [171].

Призыв папы к полякам в России, Германии и Австро-Венгрии быть верноподданными своих государей соответствовал, как уже отмечалось, интересам и польской буржуазии и польской аристократии. Юлиан Мархлевский пишет, что в России к началу XX в. польская промышленность «оказалась спаянной с русской промышленностью общими трестами и синдикатами», но «больше всего польских и русских капиталистов объединяли их непосредственные классовые интересы в борьбе с пролетариатом. Чем сильнее становилось рабочее движение, тем искреннее становилась преданность польской буржуазии царизму...» Что касается польских землевладельцев, то «царизм охранял панов от крестьян — этого для польских помещиков было достаточно, чтобы отказаться от свободолюбивых мечтаний» [172]. То же самое происходило и в Австро-Венгрии, и в Пруссии, где, несмотря на преследования и выселения поляков, польская аристократия оставалась верна кайзеру. Вот почему энциклика 1894 г. Льва XIII шла навстречу не только правительствам России, Германии и Австро-Венгрии, но была вполне приемлема и для польской буржуазии и аристократии, так как была направлена против национального движения поляков, против трудящихся поляков.

24 ноября (6 декабря) 1898 г. Чарыков сообщал, что в беседе с ним кардинал Рамполла заявил: «Если возникают затруднения между каким-либо епископом и правительством (России.— *М. Ш.)*, мы просим, чтобы через миссию при Ватикане об этих случаях нам было бы сообщаемо и вы всегда найдете со стороны папы поддержку и полную готовность дать епископам надлежащие наставления. Повторяю, во всех этих делах наш нравственный авторитет — за вас...» [173].

Почти буквально то же самое сказал Чарыкову в ноябре 1899 г. папа Лев XIII. По словам Чарыкова, в разговоре с ним папа «с воодушевлением повторил уверения в своих личных чувствах к его императорскому величеству, и в постоянном желании своем влиять на польских епископов в смысле упро-

---

[170] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1894, S. 282—283.

[171] Роза Люксембург. Шаг за шагом. М., 1926, стр. 49.

[172] Ю. Мархлевский. Очерки истории Польши. Соч., т. VI. М., 1931, стр. 230—232.

[173] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 147—148.

чения их искренней преданности русскому государю и государству...»[174].

27 февраля (12 марта) 1901 г. вновь назначенный представитель (министр-резидент) России при Ватикане Губастов сообщал Ламздорфу о вручении им папе верительных грамот и состоявшейся после этого продолжительной беседе с ним. «Лев XIII коснулся отношений польского духовенства к императорскому правительству и при этом заметил, что он делает все от него зависящее для внушения посещающим Рим полякам и польским епископам быть верными и хорошими подданными своего государя, советуя им добросовестно исполнять распоряжения правительства...»[175].

В связи с трениями, возникшими в то время по вопросу об учрежденном правительством контроле над католическими духовными семинариями в России, которых царские власти подозревали в полонофильстве, Лев XIII заявил Губастову, что он готов пойти на создание в Риме семинария для подготовки католических священников для России. Папа доказывал Губастову, насколько для царизма выгодно создание такого семинария в Риме. Он сказал: «Это заведение должно, конечно, находиться под ведением миссии... Что касается до ректора, то я постараюсь сделать наилучший выбор и приищу лицо, которое заслужит ваше доверие. Эта семинария принесет русскому правительству уже ту пользу, что лица, окончившие в ней курс, после 6—7-летнего пребывания в Риме, утратят свои узкие польские взгляды и предрассудки и вследствие этого будут лучшими священниками, чем воспитанники местных семинарий...»[176] Лев XIII, таким образом, говорил представителю царского правительства, что курия берет на себя подготовить в Риме из поляков, живущих в России, таких католических священников, которые «утратят свои узкие польские взгляды» и будут верно служить царизму. В доказательство того, что это царизму выгодно, Лев XIII сослался на пример австрийского правительства, которое «долго не соглашалось на устройство в Риме чешской семинарии, но благодаря усилиям и содействию покойного пражского архиепископа кардинала Шенборна, семинария была учреждена здесь 10 лет тому назад и ныне австрийское правительство относится вполне сочувственно к воспитанникам этого заведения, которые, потеряв свою народную чешскую индивидуальность, становятся верными слугами правительства...»[177].

Лев XIII (а позже и его преемник — Пий X) выдвинул предложение о заключении конкордата с Россией. 12 (24) мая

---

[174] Там же, д. 6, л. 130.
[175] Там же, д. 8, л. 36.
[176] Там же.
[177] Там же, л. 37.

1898 г. Чарыков писал Муравьеву, что находящийся в Риме проездом первый секретарь российского посольства в Париже А. Свечин был принят папой. В беседе с ним Лев XIII, по словам Чарыкова, снова развил свою мысль «о пользе для всего мира от соглашения между русским императором, носителем принципа авторитета в гражданской области, и папой, представителем того же начала в области духовной. Затем папа высказал, насколько для него представляется желательным, чтобы соглашение «это расширилось до формы «конкордата»». Папа заявил Свечину: «Для меня конкордат представляет двоякую важность. Во-первых, он все-таки является крайне значительным документом. Во-вторых, заключение конкордата между папским престолом и могущественной Россией имело бы, пред глазами всего мира, громадное и полезное для папства значение ввиду того тягостного положения, в коем папа находится в Риме». «Я,— продолжал Лев XIII,—не мог бы выйти из Ватикана без конвоя итальянских полицейских, чего не допускает мое достоинство, или не подвергаясь опасности оскорблений со стороны толпы. Я поддерживаю, ввиду нападок недавних бунтовщиков, это самое правительство. Но положение мое чрезвычайно тяжкое» [178]. Из этого заявления Льва XIII видно, что папа рассчитывал на то, что конкордат с Россией облегчит разрешение «Римского вопроса» в духе притязаний Ватикана. Замечательно также мимоходов сделаное папой замечание, что он поддерживает то самое итальянское правительство, против которого он строил козни, ввиду нападок «бунтовщиков», т. е. поддерживает его против революционного движения итальянского народа. Комментируя слова Льва XIII, Чарыков замечает: теперь папой произнесено слово «конкордат», ...«и, нет сомнения, что он и кардинал Рамполла готовы приложить большие усилия и, может быть, сделать значительные практические уступки для достижения этой цели» [179].

Папский престол добивался учреждения нунциатуры в России, хотя бы даже временной и неофициальной [180]. Ламздорф записал 1 января 1895 г., что получен отчет князя Лобанова (тогда посол России в Вене) о его переговорах с Ватиканом: Лев XIII «говорил о своем желании воздействовать в умиротворяющем духе на католическое духовенство в России и о том, что полезно было бы учредить в России пост папского нунция» [181]. В проекте секретной инструкции министру-резиденту при Ватикане Губастову, относящейся к январю 1901 г., говорилось, что положение папства в Италии и его стремления

[178] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 184—186.
[179] Там же, л. 186.
[180] Там же, д. 8, л. 182.
[181] «Красный архив», т. 3(46), 1931, стр. 18.

«заставляют его упорно искать сближения с иностранными державами. Отношениям же к России святейший Лев XIII придает особую цену, ибо знает мощь ее и видит в ее самодержавном повелителе единственного в мире государя, царствующего милостию божией» [182].

Ватикан добивался также, чтобы российская миссия при Ватикане была возведена в ранг посольства.

Царизм готов был идти навстречу многим пожеланиям курии, рассчитывая на все более откровенный антипольский курс папского престола. Против конкордата и нунциатуры в России решительно выступала иерархия православной церкви, опасавшаяся за монопольное положение этой церкви. Глава синода Победоносцев в своих письмах Николаю II решительно возражал против принятия в Петербурге папского нунция [183].

При всех существовавших и вновь возникавших расхождениях с царским правительством по вопросам устройства и деятельности католической церкви в России папский престол вплоть до революции 1917 г. оставался союзником царизма в его борьбе с социалистическим движением. Польское католическое духовенство России, руководствовавшееся инструкциями Ватикана, выступало в роли полицейских агентов царизма и превратило церковный амвон (как и духовенство православное и других исповеданий) в политическую трибуну, откуда вело пропаганду против социализма.

Варшавский архиепископ Поппель обратился 12 ноября 1901 г. к римско-католическому духовенству с циркуляром, содержавшим грубые клеветнические нападки на социализм, который, по словам этого представителя Ватикана, «все сводит к житейскому расчету и страстям». Социалисты, метал громы и молнии архиепископ Варшавский, «нападают сами и возбуждают других против богатых, отрицают собственность, вводят на ее место коммунизм, проповедуют вольные нравы...» Особенно тревожил архиепископа Поппеля успех социалистической пропаганды среди фабричных рабочих. Он предлагал духовенству «отвратить опасность», внедрять в сознание верующих учение церкви о властях, о собственности, «о необходимости зарабатывать хлеб в поте лица». Особенно же рекомендовалось духовенству препятствовать социалистической пропаганде среди рабочих [184].

В 1902 г., после покушения Гирша Леккерта на виленского генерал-губернатора фон Валя — жестокого царского сатрапа, организовавшего массовое избиение виленских рабочих, карди-

---

[182] АВПР, ф. Ватикан, д. 8, л. 193.

[183] «Письма Победоносцева к Александру III», т. II, М., 1926, стр. 323—324.

[184] «Искра», № 16, 1902.

нал Рамполла выразил представителю России при Ватикане Губастову соболезнование и на заявление последнего, что, по дошедшим до него сведениям, в Гродненской и Минской губерниях в участии в «смутных брожениях» заподозрены и некоторые представители католического духовенства, «заметил, что он с трудом допускает справедливость этих слухов, так как польскому духовенству неоднократно преподано было воздерживаться от всего, что может навлечь на него гнев или неудовольствие правительства...» [185].

Франко-русское сближение, начавшееся в конце 80-х годов XIX в., завершилось в 1891—1893 гг. образованием франко-русского союза. «В военном союзе Франция нуждалась больше, чем Россия. При этом финансовую зависимость царизма от французского капитала она могла использовать, чтобы побудить Россию связать себя союзными обязательствами. Не следует, однако, видеть в этой зависимости единственную основу франко-русского союза. Хотя и не так сильно, как Франция, но и царское правительство тоже боялось остаться изолированным перед лицом Германии. Особенно встревожилось оно после того, как 6 мая 1891 г. состоялось возобновление Тройственного союза, сопровождавшееся демонстрациями дружбы между его участниками и Англией...» [186].

Франко-русский союз сложился независимо от Ватикана. Империалистические интересы Франции и России, столкнувшиеся с империалистическими планами и интересами Германии и Австро-Венгрии, привели к образованию этого союза. Тем не менее на протяжении нескольких лет Ватикан, его дипломатия и печать выпячивали роль папства в образовании этого союза и версия о том, что Ватикан сыграл чуть ли не решающую роль в создании франко-русского союза, проникла и в историческую литературу.

В ноябре 1893 г. ватиканский официоз «Оссерваторе Романо» писал, что франко-русский союз — творение папского престола [187]. Оценивая это заявление, не следует упускать из вида, что для католической печати вообще характерно преувеличение роли папства в международной жизни, стремление приписать ему значительно большее влияние, чем то, которым оно на самом деле пользуется. Преувеличения в оценке роли папства в образовании франко-русского союза допускают и некоторые историки [188]. Немецкий историк Беккер пишет, что курия и

---

[185] АВПР, ф. Ватикан, д. 9, лл. 186—187.

[186] «История дипломатии», т. II, М., 1945, стр. 104.

[187] O. Becker. Bismarck und die Einkreisung Deutschland. Zweiter Teil — Das Französisch-Russische Bündnis, S. 133.

[188] См., например, John Parr. Théophile Delcassé and the practice of the Franco-Russian Alliance, p. 5—8.

французская республика шли рука об руку в своих усилиях осуществить франко-русский союз [189]. Другой историк, Преллер, пишет: «...не может подлежать сомнению, хотя это и нуждается в дальнейшем подтверждении при помощи первоисточников, что в числе посредников или единственным посредником при заключении франко-русского союза был Ватикан» [190]. Серьезных оснований для такого заключения нет.

Небезынтересно то обстоятельство, что французские дипломаты приписывали себе посредническую роль в ватикано-русском соглашении, а ватиканские приписывали себе отцовство во франко-русском союзе.

Одно обстоятельство подчеркивалось в ватиканских заявлениях о русско-французском союзе, а именно, что союз Франции с Россией будет способствовать усилению позиции консервативных кругов во Франции.

Царизм, и прежде всего царь Александр III, враждебно относился к республиканскому строю во Франции. Сближение Франции с Ватиканом должно было явиться в глазах не только французской монархической аристократии, но и российского царизма в известном смысле актом, свидетельствующим о консервативности республиканской Франции и ее правящих кругов, своеобразным свидетельством о «благонадежности» [191]. В опубликованной Е. А. Адамовым памятной записке из архива Российского министерства иностранных дел, по-видимому, ватиканского или полуватиканского происхождения, о пользе учреждения представительства Ватикана в Петербурге (записка помечена 1898 г.) говорится, что «примирение католиков (во Франции.— *М. Ш.*) с республикой создало почти непреодолимое препятствие для радикализма и помешало ему утвердиться в качестве властителя страны» [192]. В этом духе оценивал положение и германский поверенный в делах в Париже фон Шоэн в своем более раннем донесении рейхсканцлеру Каприви (от 20 августа 1891 г.): сближение Франции как с Россией, так и с Ватиканом выбивает из рук французских монархистов аргумент, будто республика не может вступать в союзы с автократическими правительствами [193].

В Ватикане считали, что сближение французской республики с монархическим режимом в России будет способствовать дальнейшему усилению позиций реакционных элементов во

---

[189] O. Becker. Bismarck und die Einkreisung Deutschland. Zweiter Teil — Das Französisch-Russische Bündnis, S. 135.

[190] Archiv für Politik und Geschichte, 1924, Heft 10. Цит. по Е. А. Адамову. Указ. соч., стр. 22.

[191] См. G. Egelhaaf. Geschichte der neusten Zeit, Bd. I. Stuttgart, 1924, S. 293.

[192] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 138.

[193] «Die Grosse Politik», Bd. 7, S. 222.

Франции (и в Европе), что укрепит и ватикано-французские отношения. Характерна статья в «Оссерваторе Романо» от 20 ноября 1893 г., в которой было сказано: «...мы верим, что дела теперь пришли к такому пункту, когда мы можем заверить, что «папа из Санкт-Петербурга» (т. е. царь Александр III — *М. Ш.*) будет в руках провидения мощным средством, чтобы полностью вновь вернуть Францию «папе из Рима»»[194].

Еще в 1898 г. Чарыков сообщал в Петербург, что в Ватикане придают большое значение франко-русскому союзу, а Лев XIII в беседе со Свечиным «упомянул о громадной важности соглашения между папством, Францией и Россией»[195]

Сближение Ватикана с Францией и Россией воспринималось как политика, направленная против Тройственного союза. В июле 1891 г. Извольский писал Гирсу об отношении папы к Тройственному союзу: «Мне известно из верного источника, что в последнее время, по крайней мере, одним из представителей центральных держав, а именно австрийским послом была сделана попытка разъяснить в Ватикане, что тройственный союз не имеет никакого враждебного характера по отношению к курии и что поэтому напрасно последняя испытывает опасения и ищет опоры во Франции»[196].

За влияние в Ватикане шла борьба между обеими группами держав и каждая стремилась по-своему истолковать и представить в глазах общественного мнения позицию Ватикана, преследуя этим определенные политические цели. Особенно наглядно можно это проследить по той полемике, которая развернулась в германской католической прессе и на всегерманских католических конгрессах об отношении Ватикана к Тройственному союзу. Полемика эта временами принимала антиватиканский характер. На Всегерманском католическом конгрессе в Данциге в сентябре 1891 г. граф Баллестрем сделал заявление об отношении центра к враждебным Тройственному союзу высказываниям «Оссерваторе Романо». Назвав выступления газеты «бесстыдными» и «глупыми», Баллестрем заявил, что немецкие католики остаются верными и послушными католической церкви и папе и если «одна римская газета» «имеет смелость представить папу, как конспирирующего с некими чужими державами, противниками Германии, и представить его (папу) врагом Германии, то мы над этим смеялись бы, если бы не были возмущены этим неслыханным бесстыдством»[197].

---

[194] K. B a c h e m. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. IX, S. 43.

[195] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 186.

[196] Е. А. А д а м о в. Указ. соч., стр. 116.

[197] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1891, S. 108—109; K. B a c h e m. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. IX. S. 34.

В июне 1892 г. на торжестве католических союзов Германии в Дортмуте докладчик барон Шорлемер-Альт назвал «бессмысленными» заявления ватиканского органа «Monitor di Rome» в номере от 7 марта, что Тройственный союз — крупнейшее препятствие к освобождению папства.

Антиватиканской фрондой немецкие католические деятели хотели подкрепить позиции прогерманских элементов в Ватикане.

В то самое время, когда немецкая католическая печать и католические конгрессы метали громы и молнии против русско-французских симпатий «Оссерваторе Романо», съезды немецких католиков в целях сохранения единства с Италией — участником Тройственного союза — стали из своих резолюций вычеркивать требование о восстановлении светской власти папы и воссоздании папского государства. Немецкая католическая печать и католические деятели уверяли в своей преданности папе, отрицали, что он враждебно относится к Тройственному союзу, но обвиняли папских советников, в первую очередь кардинала Рамполлу, в том, что они ведут опасную для Ватикана политику.

Германское правительство, недовольное поворотом ватиканской дипломатии к франко-русскому союзу, отозвало в июле 1892 г. своего посла в Ватикане Шлецера и послало О. Бюлова.

В октябре 1892 г. Извольский сообщал из Рима, что нынешняя политика Ватикана подвергается сильной критике за поддержку французского правительства и сближение с Россией. «Весьма многочисленная партия недовольных, имеющая сильные поддержки в Риме,— писал Извольский,— громко обвиняет Льва XIII в том, что ради преследования миража восстановления светской власти, он пренебрегает интересами католиков во всех странах» [198].

Из сказанного вытекает следующее: убедившись в том, что Германия и Австро-Венгрия в интересах сохранения союза с Италией не намерены поддержать требование о восстановлении светской власти папы, ватиканская дипломатия решила показать центральным державам, что Ватикан может сделать и другой выбор — присоединиться к франко-русскому союзу. Началось сближение Ватикана с Францией и Россией. В самом Ватикане шла борьба сторонников той и другой ориентации.

Французские правящие круги использовали ход ватиканской дипломатии в своей внутренней политике для того, чтобы сотрудничеством с папством ослабить монархическую оппозицию, а во внешней политике для того, чтобы предстать перед

---

[198] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 123.

своим союзником — царской Россией — в качестве вполне консервативных деятелей. Правительство же царской России стремилось воспользоваться новым курсом ватиканской дипломатии для ослабления польского национального движения.

В свою очередь правительство Германии, поддерживаемое лидерами католической партии центра, развило энергичную деятельность, чтобы в борьбе между державами за передел мира сохранить Ватикан в качестве союзника Тройственного союза.

РАЗРЫВ ВАТИКАНА С ФРАНКО-РУССКИМ СОЮЗОМ

Дружба Ватикана с Францией и Россией прекратилась в конце XIX — начале XX в. Этому способствовали следующие обстоятельства: Италия стала фактически отходить от Тройственного союза, а потому для Ватикана отпала надобность демонстрировать близость с противниками Германии, тем более, что ослабела сама ватикано-итальянская вражда, так как Ватикан стал сотрудничать с итальянскими властями в борьбе против социалистического движения (к тому же с конца XIX в. Ватикан все больше втягивался в империалистическую политику итальянской буржуазии и экономически был заинтересован в успехе этой политики, особенно в Африке); наконец, антиклерикальная политика французского правительства еще больше способствовала усилению ориентации ватиканской дипломатии на Германию и кайзера (выступавшего в качестве защитника религии) и союзного с ним католического императора Австро-Венгрии.

Еще в октябре 1892 г. Извольский писал из Ватикана: «Острая борьба, разгоревшаяся в течение последнего года между правительством республики и высшим французским духовенством, глубоко изменила положение французского посольства при Ватикане... Лично гр. Лефевр продолжает пользоваться большим доверием курии..., но, по собственному его признанию, положение, занятое его правительством, значительно парализует его влияние» [199].

Было бы неправильным считать, что главной причиной начавшегося в конце XIX в. охлаждения Ватикана к Франции после нескольких лет подчеркнуто дружественных с ней отношений была антиклерикальная политика французского правительства. Даже клерикальные круги обвиняли Ватикан в безразличном отношении к «гонениям» на церковь во Франции.

Французский клерикализм к концу XIX в., несмотря на выступление Лавижери и сочувствовавшей ему части епископата в пользу признания существующего республиканского строя,

[199] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 122.

остался враждебным республике, тем более, что не оправдались расчеты Лавижери и Ватикана на то, что признание республики клерикалами даст им возможность влиять на ее политику. Дело Дрейфуса в самом конце XIX в. показало еще раз, что клерикалы заодно с монархистами. Французская католическая печать (газета «Croix» и др.) использовала дело Дрейфуса для нападок на республику. Особенно активное участие в монархическо-антисемитской пропаганде приняли католические ордена, в частности иезуиты [200]. Деятельность клерикально-монархических заговорщиков вызывала протесты в стране, и французские правящие круги обращали внимание Ватикана, что участие духовенства и католических кругов в дрейфусиаде таит в себе опасность для самой церкви. Чарыков писал 5 (17) января 1899 г. Муравьеву, что французский посланник при Ватикане Пубель, незадолго до того вернувшийся из Парижа, сообщил ему о своей беседе с кардиналом Рамполлой относительно участия клерикалов в деле Дрейфуса. По словам Чарыкова, Пубель заявил папскому статс-секретарю, что активное участие представителей католических кругов в дрейфусиаде, «что агитация личностей вроде le père du Lac [201], неизбежно вызовет во Франции, при ликвидации этого несчастного вопроса, реакцию, направленную против католической церкви» [202].

В Ватикане сочувствовали французским монархистам-антидрейфусарам [203].

В 1898 г. Золя обратился с открытым письмом к президенту республики Феликсу Фору в защиту Дрейфуса. Золя обвинил военщину в том, что она скрывает истинного виновника преступления. За это выступление Золя был приговорен к тюремному заключению. Вот что писал 17 февраля (1 марта) 1898 г. Чарыков о том, как был встречен в Ватикане приговор над Золя: «Приговор, коим кончился процесс Зола́, был встречен с нескрываемой радостью в здешних клерикальных сферах. Кардинал Рамполла высказал мне по этому поводу, что означенный приговор доказывает разумность и здравый смысл французского народа, и упомянул с похвалой об энергии и «esprit de corps» [204], высказанных французскими военными.

---

[200] C. S. Phillips. The church in France 1848—1907, p. 254—255.

[201] Père du Lac — известный тогда в Париже иезуит.

[202] АВПР, ф. Ватикан, д. 6, л. 172.

[203] Насколько Пий X не любил республику и боялся народа, можно судить по следующему: 20 марта (2 апреля) 1907 г. Сазонов сообщал, что он был принят папой и во время состоявшейся беседы речь зашла о положении во Франции. Папа сказал: во Франции «демагоги» говорят народным массам о суверенности народа; «при этих словах, пишет Сазонов, папа заметно оживился и воскликнул: «Как может народ быть владыкой? Он — подданный и для своего же благополучия должен таковым оставаться» (АВПР, ф. Ватикан, д. 19, л. 89).

[204] «Духе солидарности».

Кардинал добавил, что по известиям, только что полученным им, подготовления к парламентским выборам во Франции подвигаются хорошо. Выборы эти будут поединком между радикалами и социалистами с одной стороны и всеми честными людьми — с другой, и, по мнению статс-секретаря, следует надеяться на дружное взаимодействие всех консервативных элементов Франции. Из этих слов можно и заключить, что, несмотря на неоднократные официальные опровержения, папское правительство относится вовсе не безучастно к предстоящим во Франции выборам и принимает настойчивые, хотя и осторожные усилия к тому, чтобы содействовать победе нынешнего французского министерства...» [205].

В Ватикане были огорчены и разочарованы провалом правых на французских выборах. 23 июня (5 июля) 1898 г. Чарыков писал, что исход выборов во Франции и образование министерства Бриссона «является для папского правительства чрезвычайно неприятной неожиданностью». Папство, писал Чарыков, напрягло все свои силы, чтобы подготовить победу умеренных республиканцев, стараясь присоединить к ним «тех католиков, которые ранее подавали голоса за монархистов. Старания Льва XIII потерпели неудачу»: вместо министерства еще более умеренного и еще более католического, чем то, которое было при Мелине, во главе управления стало министерство, поддерживаемое социалистами, сторонниками преобладания в государстве светского элемента над церковным. Кардинал Рамполла очень огорчен. И для России, сказал он, «должно быть неприятно образование во Франции правительства, которое опирается на социалистов» [206].

Французский посол при Ватикане сказал Чарыкову: «Ватиканские политиканы зашли слишком далеко. Их вмешательство в наши избирательные дела не понравилось и не удалось...» [207].

Свое сообщение Чарыков заканчивает следующим выводом: «Нельзя все-таки не заметить, как кстати эти усложнения являются для здешних, предполагаемых, германских интересов, домогательств и посулов. Теперь, может быть, в уме кардинала Рамполла и самого Льва XIII невольно возникает вопрос: так ли велики, как ожидалось, выгоды франко-русской их политики и не дало ли бы папству, при теперешних обстоятельствах, лучших результатов сближение с Германией?..» [208].

Следовательно, не антицерковная политика французского правительства, к которой на первых порах курия отнеслась

[205] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 14.
[206] Там же, лл. 93—94.
[207] Там же, стр. 95.
[208] Там же, стр. 96.

спокойно, явилась главной причиной начавшегося охлаждения Ватикана к франко-русскому союзу. Существовали более важные причины: провалились расчеты Ватикана на то, что, «признав» республику, клерикалы смогут повернуть курс ее политики вправо и усилят свои позиции в правительстве и стране, что позволило бы в свою очередь и Ватикану опираться на более действенную поддержку французского правительства в вопросе о восстановлении светской власти папы.

Прогрессивные силы Франции, и прежде всего рабочее движение, помешали клерикалам осуществить их намерения.

В Ватикане же взяли верх прогерманские круги. Они усиленно распространяли легенду о «деморализации» Франции. Клеветнические измышления о «деморализации» французского народа, которые впоследствии так охотно подхватили гитлеровцы, уже давно фабриковались в Ватикане. По свидетельству фельдмаршала Вальдерзее, генерал ордена иезуитов Мартин (француз по национальности) в беседе с ним в Ватикане в 1903 г. говорил, что французы всех классов общества «деморализованы» [209].

В конце XIX в. Ватикан стал отходить от франко-русского союза и повернул, на этот раз надолго, в сторону Германии и ее союзников.

Переход папства на позиции, враждебные Франции, и прочного союза с Германией произошел не сразу [210]. В Ватикане были встревожены реакцией во Франции на участие духовенства в дрейфусиаде. Чтобы отступить без ущерба для престижа епископата, Лев XIII в июне 1899 г. в письме к кардиналу Ришару, архиепископу Парижскому, предложил французским католикам сплотиться на почве существующих учреждений и стремиться к охране «высших интересов религии и государства» [211]. Папа, однако, не осуждал заговор клерикалов-монархистов и участие в нем духовенства. В сентябре 1899 г. Лев XIII обратился с энцикликой к французскому духовенству, в которой говорилось об усилении церковной дисциплины, о лучшей подготовке духовенства, но в ней не было сказано ни слова по всем тем вопросам, которые интересовали Францию в связи с

---

[209] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III. Berlin, 1923, S. 213.

[210] В августе 1898 г. Чарыков сообщал в Петербург, что опасения Ватикана в связи с исходом выборов во Франции и образованием радикального министерства, оказались необоснованными и отношения его с французским правительством остаются столь же хорошими, как и при министерстве Мелина. И Лев XIII и Рамполла остаются в своей политике на прежних принципах — нерасположения к Германии и Тройственному союзу и сближения с Россией и Францией (АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 112—113). И тем не менее наметившиеся расхождения Ватикана с франко-русской группировкой со временем все более углублялись.

[211] АВПР, ф. Ватикан. д. 6, лл. 85—87.

происшедшими недавно событиями. Сазонов из Рима писал 14 (26) сентября 1899 г. Ламздорфу: «...энциклика не содержит ни малейшего намека на события, так глубоко взволновавшие общественную совесть Франции. Папа, как будто сознавая невозможность молчать, в то же время не решился высказать свободно того слова братской любви и мира, которого от него ожидали. Подобное воздержание, истолковываемое противниками Ватикана в смысле сочувствия курии антисемитизму французских клерикалов, объясняется здешней католической печатью нежеланием папы усложнять своим вмешательством обязанность правительства, взявшего на себя задачу ликвидировать дрейфусовское дело [212].

Политические соображения, бывшие искони главной заботой Римской курии, вероятно, и на этот раз побудили главу католической церкви воздержаться от осуждения противной самому духу христианского учения агитации, во главе которой стало французское духовенство и послушные ему консервативные элементы...» [213].

Начиная с 1898 г. в донесениях представителя российского правительства при папе неизменно отмечается упадок влияния Франции в Ватикане, разочарование папы Льва XIII, кардинала Рамполлы и других ватиканских иерархов франко-русским союзом и усиление в курии позиции Германии. 8 (20) декабря 1898 г. Чарыков писал: «...впечатление о теперешнем уменьшении здесь обаяния французского правительства остается, пока, неизменным...» [214].

Через год, 9 (21) ноября 1899 г., Чарыков писал: «...один из кардиналов, сочувствующих этой стране (Франции.— *М. Ш.*) и близко знакомый с ее делами говорил мне недавно с глубоким разочарованием о неудачах французской политики Льва XIII. «При жизни Ф. Фора», заметил мой собеседник, «мы надеялись, что во Франции образуется умеренная клери-

---

[212] Имеется ряд фактов, свидетельствующих о поддержке антидрейфусаров Ватиканом. Когда жена Дрейфуса обратилась к папе после того, как стало известно о существовании тайных документов, которые могли раскрыть правду о всем деле, папа отказался выступить по этому вопросу. Брат Дрейфуса просил графа де Мэна, видного католического деятеля Франции, заинтересоваться делом своего брата, но тот отказался даже обсудить вопрос. Кардинал Ришар, архиепископ парижский, на обращение к нему по поводу дела Дрейфуса ответил, что не дело церкви вмешиваться в это. Заявление это было лицемерным.

Формально и Ватикан и французские епископы занимали «нейтральную» позицию в деле Дрейфуса. Фактически же они были на стороне монархистско-антисемитских заговорщиков против Республики, а французское духовенство активно поддерживало заговорщиков (см. C. S Phillips. The church in France 1848—1907, p. 254—255).

[213] АВПР, ф. Ватикан, д. 6 лл. 107—108.

[214] Там же, д. 5, л. 151.

кально-консервативная партия, уважающая республиканские учреждения, но охраняющая также интересы церкви. Теперь же у власти находятся социалисты и радикалы и католическим интересам во Франции угрожает большая опасность...»[215]. Тем не менее добавлял Чарыков, папа и его статс-секретарь остаются сторонниками Франции. В сообщениях Чарыкова отмечалось, что в Ватикане рассчитывали на министра иностранных дел Франции — Делькассе.

Вместе с постепенным отходом от политики сближения с Францией в Ватикане все более усиливались позиции Германии. Еще 10 (22) ноября 1898 г. Чарыков писал, что отношения «к здешней прусской миссии стали отличаться заметной предупредительностью»[216].

Ко всем другим причинам добавилось и то обстоятельство, что Ватикан всегда стремился опереться на более сильное государство. «Одновременно с впечатлением малосилия Франции,— писал Чарыков,— перед умелой решимостью германского императора и английскими вооружениями, которые, кстати сказать, сильно импонируют кардиналу Рамполла, папского статс-секретаря стала озабочивать притягательная сила императора Вильгельма по отношению к германским католикам. Сила эта оказывается настолько значительной, что вызвала, повидимому, в Ватикане опасение за верноподданность ему партии центра. Вследствие этого, задабривая, с одной стороны, германское правительство, курия начала, с другой, хлопотать об упрочении своего влияния на означенную партию...»[217].

Людвиг Пастор сообщает о своей беседе, происходившей 12 мая 1907 г. с монсеньором де Монтель, влиятельным прелатом римской курии. Последний сказал, что Рамполла внушил Льву XIII вести франкофильскую политику, но уже в июле 1901 г. сам Рамполла признался австрийскому послу при Ватикане Ревертеру, что он обманулся в своих планах[218].

Углублению расхождений Ватикана с Францией способствовали законы против конгрегаций, принятые французским правительством.

Религиозные конгрегации были центрами монархическо-клерикальных сил. В докладе парламентской комиссии 1879 г. о деятельности монашеских орденов говорилось: «Духовные общества теперь более многочисленны, чем были до революции, умножаются они в ужасающем прогрессе, собирают большие богатства, которые нельзя исчислять, овладели нравственным руководством высшей буржуазии, держат в своих руках (шко-

---

[215] АВПР, ф. Ватикан, д. 6, л. 141.
[216] Там же, д. 5, л. 208.
[217] Там же, л. 209.
[218] L. Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, S. 391.

лах) более половины нашего юношества...»[219]. К концу XIX в. сила монашеских орденов еще более выросла, а общая стоимость их имуществ к 1901 г. оценивалась от 1,5 до 4 млрд. франков[220].

Накануне революции 1789 г. во Франции было 60 тыс. монахов, к 1900 г. число их увеличилось более чем в два раза. Орден иезуитов, формально запрещенный в 1880 г., фактически продолжал существовать, он владел большими капиталами и играл руководящую роль в клерикальных кругах. Монашеские конгрегации занимались промышленной и торговой деятельностью. Они захватили особенно прочные позиции в области народного образования: к декабрю 1898 г. из 6 млн. учащихся низших школ 2 млн. обучалось в школах, принадлежавших монашеским конгрегациям. Не менее 50% учащихся средних школ обучалось в учебных заведениях конгрегаций. Клерикалы завоевали и высшую школу. Не менее одной трети слушателей Политехнической школы, как и офицерских школ, составляли бывшие питомцы школ монашеских конгрегаций[221]. Неудивительно сильное влияние реакционного клерикализма на высшее французское офицерство.

Монашеские организации были опорой монархистов, врагами демократии и социализма. Они вызывали к себе ненависть рабочего класса и всех прогрессивных элементов. В июле 1901 г. правительство Вальдек Руссо провело закон, ограничивавший деятельность конгрегаций.

В 1902—1904 гг. правительство Комба повело более энергичную борьбу против засилья клерикалов в школе и против монашеских организаций, уклонявшихся от исполнения требований закона об ассоциациях. Клерикалы, иезуиты и монархисты свою борьбу за клерикализацию школы и против перехода начального образования в руки государства проводили под лозунгом «свободной школы», понимая под этим свободу для себя одурманивать детей реакционной идеологией. Принятый в марте 1904 г. закон запретил духовным конгрегациям заниматься учебной деятельностью; церковные школы должны были быть ликвидированы. Закон не распространялся на колонии, где католические миссии и их организации были опорой колониальных властей. Законы против конгрегаций не касались также одного из крупных центров католической пропаганды — Лурда.

В Ватикане враждебно встретили мероприятия французского правительства против конгрегаций. В апреле 1903 г. Сазонов писал Ламздорфу: «...кардинал статс-секретарь говорит с не-

---

[219] Цит. «Вестник Европы», 1879, июль, стр. 433.
[220] «Вестник Европы», 1901, август, стр. 818.
[221] «Образование», 1904, март, стр. 26—29.

скрываемым раздражением о церковной политике г. Комба, которую он называет пароксизмом якобинского деспотизма»[222].

18 марта 1904 г. папа (Пий X) выступил против запрещения во Франции католическим орденам заниматься обучением юношества. Речь папы вызвала официальный протест французского правительства. Тем не менее разрыв дипломатических отношений Ватикана с Францией и отмена конкордата произошли не в связи с принятием законов против конгрегаций, а в связи с франко-итальянским сближением и вытекавшей отсюда позиций Франции в «Римском вопросе».

В октябре 1903 г. итальянский король прибыл с визитом в Париж. По этому поводу посол России в Риме Нелидов писал 7 (20) октября: «Можно с уверенностью сказать, что следы существовавшей в течение последних двадцати пяти лет натянутости окончательно сглажены и между обоими народами восстановлены прежние узы родственной дружбы...»[223].

Италия, формально оставаясь в Тройственном союзе, фактически сближалась с Францией; еще 1 ноября 1902 г. она заключила с Италией соглашение о строгом нейтралитете.

В апреле 1904 г. предстоял ответный визит президента Французской республики Лубе итальянскому королю в Рим. «Оссерваторе Романо» заявляла, что приезд в Рим главы католического государства — тяжелое оскорбление для папы[224]. Сазонов писал 20 апреля (3 мая) 1904 г. из Ватикана, что то обстоятельство, что французский министр иностранных дел Делькассе во время пребывания Лубе в Риме не встретился и не попытался встретиться со статс-секретарем Ватикана Мерри дель Валем, вызвало в Ватикане «некоторое разочарование»[225].

Ватикан усмотрел в визите главы французского государства к королю Италии в Риме «тяжелое оскорбление достоинства» папы. 28 апреля Ватикан направил правительству Франции ноту протеста против поездки президента в Рим. Ноты протеста были посланы и всем державам, с которыми Ватикан находился в дипломатических отношениях. Текст этой ноты попал в руки Жореса, который опубликовал ее 17 мая в социалистическом органе «Юманите». В папской ноте говорилось, что визит президента Лубе королю Виктору Эммануилу является настолько серьезным событием, что папа не может пройти мимо этого; главы католических государств, говорилось в ноте, должны оказывать папе больше внимания в делах, касающихся его достоинства, независимости и прав, чем главы некатолических государств. Это особенно относится к первому сановнику Франции,

---

[222] АВПР, ф. Ватикан, д. 11, л. 56.
[223] АВПР, ф. Канцелярия, 1903, д. 92, т. 1, л. 180.
[224] АВПР, ф. Ватикан, д. 13, лл. 40—41.
[225] Там же, л. 47.

страны, которая пользуется значительными привилегиями, большим представительством в кардинальской коллегии и, вследствие благосклонности папства, протекторатом над христианами на Востоке. Приезд главы католического государства в Рим для того, чтобы выразить почтение не папскому престолу, а тому, кто захватил гражданскую власть папы и стесняет его свободу и независимость, является для папы тяжелым оскорблением. Таково содержание этого документа.

Действие Ватикана явилось не только вмешательством в дела Франции, но и попыткой сделать вопрос, касающийся только Франции, предметом международного обсуждения.

4 (17) мая 1904 г. Сазонов писал Ламздорфу по поводу выступления Ватикана: «Делая его, курия предвидела, что идет навстречу энергичному отпору со стороны французского правительства; цель ее была доказать католическим державам, что в отношении ее к вопросу о светской власти папства, признаваемой ею необходимой гарантией духовной власти, со времени вступления на престол Пия X не произошло никаких перемен» [226]. Протест курии, писал далее Сазонов, имел еще в виду предотвратить возможность (в силу прецедента, созданного Лубе) приезда в Рим других католических государей.

«Оссерваторе Романо» 20 мая 1904 г. писала, что папа не возражал бы, если бы Лубе посетил короля Италии в другом месте, но не в Риме. Торжественный же прием главы Франции в этом городе означает одобрение событий 1870 г. (т. е. упразднения светской власти папы).

Действия Ватикана вызвали возмущение всех прогрессивных кругов Франции. Под давлением общественного мнения французское правительство 25 мая 1904 г. опубликовало сообщение о своем решении отозвать своего представителя из Ватикана. 27 мая в палате депутатов состоялись прения по вопросу о папской ноте. Часть депутатов требовала разрыва дипломатических отношений с Ватиканом. Глава правительства Комб заявил, что из Ватикана отозвана лишь часть персонала посольства, но само посольство сохранено.

Конфликт между французским правительством и Ватиканом, возникший в связи с поездкой Лубе в Рим, обострился еще более после того, когда римская курия наложила взыскания на двух французских епископов и потребовала от одного из них добровольного отказа от сана, а от обоих — приезда в Рим.

Оба епископа обратились за содействием к министру исповеданий. Французское правительство протестовало против действий Ватикана, как нарушающих конкордат, по которому епископы назначаются по взаимному соглашению между Францией и папским престолом (следовательно, для лишения их

[226] АВПР, ф. Ватикан, д. 13, лл. 53—54.

сана также нужно согласие правительства). Во французском протесте указывалось, что епископы, как сановники республики, не имеют права отлучаться из своих епархий без разрешения своего светского начальства и прежде, чем вызвать их в Рим, курия должна была снестись с правительством Франции[227].

Ввиду позиции, занятой в этом вопросе Ватиканом, правительство Франции 30 июля через своего представителя при папском престоле известило кардинала статс-секретаря о разрыве дипломатических отношений в связи с нарушением конкордата папским престолом.

Можно предполагать, что одной из причин «твердой» позиции, занятой Ватиканом как в вопросе о поездке Лубе, так и в вопросе о епископах, было, как неоднократно отмечал в своих донесениях представитель России при Ватикане, то, что в курии рассчитывали на недолговечность кабинета Комба.

5 декабря 1905 г. после длительной внутренней борьбы во Франции был принят закон об отделении церкви от государства, которого давно требовали прогрессивные силы страны.

Закон об отделении церкви от государства никак не может рассматриваться как акт «гонения» на католицизм и церковь во Франции. Согласно закону, государство обеспечивает всем свободу совести и свободу отправления каждого религиозного культа, но оно не поддерживает материально ни одно исповедание; упраздняется бюджет вероисповеданий (но за счет государства обеспечивалось отправление религии в школах, пансионах, приютах и тюрьмах); церковное имущество, не принадлежащее государству и гражданским общинам, по закону подлежало передаче местным вероисповедным ассоциациям; им передавались в безвозмездное пользование церковные здания, принадлежащие государству; здания эти освобождались от налогов. Закон предусматривал выдачу государственных пенсий священникам, прослужившим определенное число лет (с тем, чтобы в дальнейшем пенсии такого рода упразднялись). Закон предусматривал порядок создания вероисповедных ассоциаций, в ведение которых должно было перейти церковное имущество, а также их права и обязанности.

Посол России в Париже Нелидов писал 30 июня (13 июля) 1905 г.: «В настоящем своем виде закон об отделении не наносит религиозным интересам католиков слишком чувствительного удара. В различных католических средах, хотя и безусловно не сочувствуют самому принципу окончательного и наглядного изгнания религиозных начал из домостроительства общественной и государственной жизни, но признают все-таки,

---

[227] АВПР, ф. Ватикан, д. 13, лл. 82—87.

что при новом законе католицизм во Франции может существовать и бодрствовать на охранение религии и христианской нравственности...» [228].

В Ватикане отнеслись к закону об отделении церкви от государства значительно более отрицательно и враждебно, чем к нему отнеслись клерикальные круги самой Франции.

В апреле 1905 г., когда законопроект еще обсуждался, группа правых депутатов французского парламента прибыла в Ватикан. Депутат Дени Кошен имел свидание с папой и убеждал его спокойно отнестись к прениям в палате, чтобы не дать повода к обострению борьбы между партиями при предстоящем голосовании закона, надеясь достигнуть таких результатов, которые удовлетворили бы и сторонников и противников папства [229].

В Ватикане не посчитались с советами правых французских католических кругов. В феврале 1906 г. папа обратился с энцикликой к французскому духовенству, в которой протестовал против отделения церкви от государства.

Часть французских клерикалов была за признание закона и за создание предусмотренных в нем вероисповедных ассоциаций, другая была против.

Собрание французских епископов в мае 1906 г. присоединилось к осуждению папой закона об отделении церкви от государства; в вопросе же о вероисповедных ассоциациях епископы заявили, что они подчинятся решению папы, если он их отвергнет [230].

Французский епископат занял примирительную позицию, однако в Ватикане считали необходимым продолжать войну против французской республики. 14 августа 1906 г. была опубликована новая энциклика папы к французским епископам, в которой Пий X решительно отвергал вероисповедные ассоциации, предусмотренные законом об отделении церкви от государства. По существу этот акт папы, как и его призыв, обращенный к французским католикам, дружно защищать веру, явился директивой сопротивляться закону об отделении церкви от государства. В результате сопротивления духовенства имели место многочисленные эксцессы при проведении закона в жизнь.

Кардинал статс-секретарь Мерри дель Валь в беседе с Сазоновым в октябре 1906 г. о положении во Франции на вопрос, почему папа отверг закон о вероисповедных ассоциациях, не сделав никакой попытки приспособиться к новому порядку, вопреки мнению большинства опрошенных французских епи-

---

[228] АВПР, ф. Посольство в Риме, д. 1929, лл. 31—32.
[229] АВПР, ф. Ватикан, д. 15, л. 79.
[230] Там же, д. 17, лл. 110—112, 150—153.

скопов, высказавшихся в пользу такой попытки, ответил, что, по убеждению папы, закон 5 декабря 1905 г. «имел в виду уничтожить во Франции церковную организацию» и если бы папа признал эти союзы, то церковь «в весьма короткий срок утратила бы во Франции всякое представление о церковных канонах...» [231].

Сам Сазонов объясняет непримеримость папы двумя обстоятельствами: 1) Ватикан возвел в степень политического догмата не признавать никакой меры в области церковного законодательства, принятой правительством без предварительного согласования с папским престолом, 2) Ватикан опасается, что признание закона об отделении церкви от государства во Франции побудит другие державы под давлением радикальных партий провести такие же законы [232]. Последнее обстоятельство играло немаловажную роль в непримиримой к Франции политике папства. В конце декабря 1906 г. Сазонов имел беседу с папой Пием X о положении дел во Франции. «Большую опасность,— по словам Сазонова,— папа видит в том обаянии, которым пользуется Франция у других народов, легко поддающихся всем движениям французской мысли, ее влиянию...» Как пример папа привел Испанию, где радикалы хотят провести коренную реформу церковного законодательства [233].

По словам того же Сазонова, в своей политике в отношении Франции Пий X «вдохновляется воспоминаниями о борьбе двух его предшественников с молодою Германской империей, борьбе, кончившейся путешествием в Каноссу железного кайзера...» [234].

Пий X и его советники надеялись, что Франция пойдет в Каноссу. Нельзя не отметить, что Сазонов тогда же писал о безнадежности этих расчетов в связи с тем, что в самой Франции не удалось создать партии, аналогичной немецкому центру.

В начале 1907 г. во французской печати были опубликованы документы, найденные в папской нунциатуре после удаления из Парижа (в декабре 1906 г.) хранителя архива папской нунциатуры Монтанини [235]. Из документов явствовало, что нунциатура была организатором заговора клерикалов против

---

[231] АВПР, ф. Ватикан, д. 17, лл. 202—203.

[232] Там же.

[233] Там же, л. 275.

[234] АВПР, ф. Посольство в Риме, д. 1951, л. 247.

[235] Еще до опубликования этих документов Сазонов писал 6(19) марта 1907 г., что кардинал Мерри дель Валь с беспокойством относится к возможности опубликования найденных в нунциатуре документов, так как там находится немало таких, которые могли бы скомпрометировать не только некоторых французских политических деятелей, «но и проживающих в Париже иностранных дипломатов, не порвавших своих отношений с монсиньором Монтанини после отозвания нунция из Франции...» (АВПР, ф. Ватикан, д. 19, л. 76).

республики, что нунций поддерживал и поощрял сопротивление закону об отделении церкви от государства, организовал слежку за епископами, чтобы выяснить, кто из них склонен к соглашению с властями, что Монтанини получил указания Ватикана содействовать победе на выборах 1906 г. монархисту и клерикалу Пиу и что Ватикан интриговал против Франции в столицах некоторых государств. Выступая в парламенте 20 марта 1907 г., глава правительства Клемансо заявил: «...в Париже на rue Elysée проживал итальянский священник, стоявший не только в центре всех клерикальных махинаций во Франции, но бывший главой всех заговоров, к которому разные депутаты приходили советоваться накануне своих выступлений в палате... У него спрашивали, напр., «сегодня я выступаю, что мне нужно сказать?..» Нам доподлинно известно, что некоторым парижским священникам отданы приказы, призывающие их к открытому нарушению законов французской республики... Было начато следствие, нити которого привели к жилищу г. Монтанини...» [236].

Ватикан преследовал тех представителей французского духовенства, которые готовы были пойти на соглашение с государством. В ход были пущены также и средства религиозного террора, чтобы разжечь в массах фанатизм. Начиная с конца XIX в. папство каждый раз, когда его отношения с Францией ухудшались, возобновляло процедуру канонизации Жанны д'Арк. Ватиканские иерархи в своих интересах использовали уважение французского народа к памяти национальной героини Франции, сожженной в 1431 г. по обвинению в «связях с дьяволом» католическими инквизиторами во главе с французским епископом Кошеном.

Процедура канонизации проходит ряд этапов и может быть, при желании, растянута на десятилетия. В отношении канонизации Жанны д'Арк папство так и поступило. В 1894 г. было начато дело о беатификации, т. е. причислении Жанны д'Арк к «блаженным». В марте 1898 г. консистории кардиналов был представлен окончательный доклад о канонизации Жанны д'Арк [237]. В 1902 г., когда развернулась борьба вокруг ограничения деятельности монашеских конгрегаций, в Ватикане «вспомнили» о Жанне д'Арк и было заявлено, что дело о причислении ее «к лику блаженных» продолжается. В январе 1904 г. был опубликован папский декрет, разрешавший приступить к каноническому процессу о беатификации [238]. Все мероприятия, связанные с этим, сопровождались церковными тор-

---

[236] «Вестннк Народного комиссариата иностранных дел», М., 1921, № 3—4, стр. 13.

[237] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 30.

[238] Там же, д. 13, л. 2/б.

жествами, которые превратились в политические демонстрации клерикалов. По этому поводу Жорес, выступая в палате депутатов, заявил, что Рим сначала осудил Жанну д'Арк на сожжение, а потом канонизировал, чтобы эксплуатировать воспоминание о ней и национальное поклонение ей, как народной героине, в интересах церкви [239]. В апреле 1909 г. в присутствии большой массы паломников (более 30 тыс. французов) в соборе св. Петра в Риме было зачитано папское бреве о провозглашении Жанны д'Арк «блаженной» [240]. В речи перед паломниками Пий X говорил об обязанности католиков любить отечество. Однако в отношении Франции папа высказал совсем иные мысли. «Это государство,— сказал он, имея в виду Францию,— не может притязать на любовь», так как оно борется с церковью, оскорбляет святыню, а между тем чувство любви и почтения «может внушить к себе то отечество, которое находится в священном союзе с церковью» [241].

Торжества канонизации были перенесены во Францию и здесь приняли характер политической демонстрации клерикализма.

На этом дело не закончилось. В 1912 г. торжества 500-летия со дня рождения Жанны д'Арк были превращены клерикалами и монархистами в свой праздник [242].

В развернувшейся борьбе между Францией и Ватиканом большое место занял вопрос о судьбе так называемого «протектората» Франции над христианами на Востоке. Как дальше будет показано, и этот вопрос был решен Ватиканом в соответствии со своей политической ориентацией на Тройственный союз, в интересах германского империализма.

Французская буржуазия, проводя антиклерикальную политику, не имела в виду ослабить влияние религии в стране.

Законы против конгрегаций осуществлялись непоследовательно, проведение их затягивалось на многие годы. Фактически многие конгрегации сохранили свои богатства и школы. Буржуазия нуждалась в религии и церкви для борьбы против социалистического рабочего движения.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, господствующие классы Франции, напуганные размахом социалистического движения, стали вновь налаживать сотрудничество с

---

[239] «Мир божий», 1905, № 1, стр. 51.

[240] Вся процедура беатификации длилась почти 33 года (См. Maurice Pernot. La politique de Pie X, p. 174.)

[241] Th. Schiemann. Deutschland und die Grosse Politik, Anno 1909. Berlin, 1910, S. 159.

[242] После первой мировой войны Ватикан продолжал политику использования уважения в народе к памяти Жанны д'Арк и для того, чтобы оказать давление на совесть французских католиков, начал процесс причисления ее уже к «святым».

церковью и искать сближения с Ватиканом. Французская буржуазия была заинтересована также и в поддержке Ватикана в развернувшейся борьбе за передел мира между державами. В 1909 г. Бриан заявил о необходимости примирения с церковью. В 1912—1913 гг. в печати был поднят вопрос о возобновлении дипломатических отношений с Ватиканом [243]. Это и было осуществлено вскоре после первой мировой войны.

Разрыв дипломатических отношений между Францией и Ватиканом произошел при папе Пие X, но, как видно из всего сказанного, отношения между Ватиканом и Францией стали ухудшаться и изменение политики Ватикана в смысле отказа от ориентации на Францию (и на франко-русский союз) началось при его предшественнике Льве XIII, который, однако, старался, чтобы столкновения с Францией не приняли острого характера. Пий X и его статс-секретарь Мерри дель Валь настойчиво повели курс на обострение отношений с Францией и сближение с Германией и Австро-Венгрией.

Папа Пий X был избран на папский престол как австрогерманский кандидат, в противовес кардиналу Рамполле, считавшемуся кандидатом Франции и России.

Еще задолго до смерти Льва XIII в Ватикане развернулась закулисная борьба вокруг вопроса о кандидатуре будущего папы. Уже в начале 1898 г. представители России и Франции при Ватикане начали обсуждать между собой вопрос о будущем конклаве. Чарыков писал 31 марта (12 апреля) 1898 г., что французский посол в Ватикане Пубель говорил ему: «...как для Франции, так и для России желательно, чтобы преемник Льва XIII по возможности следовал направлению последнего, направлению, выражающемуся в области внешней политики, главным образом в том, что он чуждается Тройственного союза и оберегает свою независимость от короля Италии...» [244]. Чарыков, как и Пубель, считал, что в делах, касающихся будущего конклава, надо опереться на кардинала Рамполлу, хотя Чарыков предвидел, что Рамполла будет подвергнут австрийскому veto [245].

В проекте инструкции российскому резиденту при Ватикане, одобренной царем 9 января 1901 г., говорились: «По имею-

---

[243] Кардинал Мерри дель Валь сказал в июле 1912 г. представителю российской миссии при Ватикане, что, «по его мнению, в настоящее время действительно заметна сильная перемена не только в общественных, но и в правительственных кругах Франции. Весьма передовые, стоявшие еще недавно за разрыв с Ватиканом, ныне желают соглашения с ним». Как на одну из причин этого Мерри дель Валь указал на заинтересованность Франции в поддержке со стороны Ватикана в Северной Африке (АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 27).

[244] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 175.

[245] Там же, л. 177.

щимся сведениям, Тройственный Союз заблаговременно принимает меры к обеспечению тиары за одним из тех кардиналов, партия коих сочувствует его видам. Поэтому и Вам надлежит, не теряя времени, установить с Вашим французским товарищем программу действий, постепенно подготовляясь к защите наших интересов на новом конклаве» [246].

Готовились к конклаву и правительства Австро-Венгрии и Германии, и совершенно не приходится придавать значения утверждению Бюлова, будто он, Бюлов, категорически заявил еще до конклава кардиналу Коппу, «что мы должны по возможности держаться нейтрально» [247].

Русский посол в Вене Капнист писал из Вены Ламздорфу 16(29) июля 1903 г.: «...я имею причины предполагать, что один из австрийских кардиналов был снабжен, на всякий случай, полномочиями австро-венгерского правительства относительно «veto». Такие полномочия, само собой разумеется, содержатся в тайне, но по всем вероятиям «исключение» со стороны Венского кабинета касалось бы главным образом случая, если бы предвиделось, что на кардинала Рамполлу могло бы пасть достаточное для выбора число голосов...» Капнист писал, что он узнал, что доверенным лицом австрийского правительства на конклаве будет кардинал Краковский Пузина [248]. Немецко-австрийской группе на конклаве удалось привлечь на свою сторону в числе других также и северо-американского кардинала Гиббона, который хотя формально и не присоединился к их группе, но, однако, голосовал вместе с ней [249]. Кардинал Гиббон особенно постарался, чтобы Сарто (будущий папа Пий X) был избран папой. Американский католический историк пишет, что «именно Гиббон более чем кто-либо другой сделал Пия X папой» [250]. Французские кардиналы получили указание своего правительства голосовать за кардинала Рамполлу. 1 августа при первой баллотировке на конклаве Рамполла получил 24 голоса, Готти — 17, Сарто — 5, остальные голоса разделились; при втором голосовании Рамполла получил 29 голосов, Готти — 16, Сарто — 10. Тогда австрийские и немецкие кардиналы собрались, чтобы обсудить положение вещей. Было решено снять кандидатуру Готти и отдать голоса за Сарто. Перед третьим голосованием, по соглашению с немецкими кардиналами, выступил краковский кардинал Пузина и от имени австрийского императора дал отвод Рамполле [251]. Австрийский

[246] АВПР, ф. Ватикан, д. 8, л. 184.
[247] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 619.
[248] АВПР, ф. Канцелярия 1903 г., д. 110, л. 214.
[249] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 621.
[250] Th. Maynard. The story of american catholicism, p. 548.
[251] Со времен средних веков три католических государя — Австрии, Испании и Франции — пользовались на конклавах правом отвода неугодных

отвод решил исход выборов. При седьмой баллотировке 4 августа Сарто получил 50 голосов, а Рамполла 10. Избранным оказался кардинал Сарто [252], принявший имя «Пий X». Австрийская печать приветствовала избрание Сарто, как церковного иерарха, расположенного к Австрии.

Пий X был недалеким человеком. Бывший сельский священник («политически бесцветный», по словам Губастова) поставленный в результате политических интриг великих держав во главе католической церкви, он оказался целиком в руках иезуитов.

Бюлов, посетивший в 1911 г. Пия X, счел нужным в своих записках опровергнуть мнение, что папа в политических вопросах «наивен или прост»; он, пишет Бюлов, обсудил со мной ряд политических вопросов, выказав «здравый смысл и не без дипломатической тонкости» [253].

Сазонов, посланник России при Ватикане в период понтификата Пия X, пишет, что этого папу окружали люди, «которые были обязаны своему возвышению главным образом близостью к ордену иезуитов и стоящим за ним ультрамонтанским кругам, т. е. экстремистской партии, которую можно назвать католической черной сотней» [254]. Вальдерзее записал в своем дневнике в декабре 1903 г. о Пие X, что по его мнению он поставлен иезуитами и должен подчиняться их влияниям; его статс-секретарь (Мерри дель Валь) — иезуит [255].

Пий X сочувствовал феодально-консервативным элементам. Своей враждой к социализму, демократии и науке, нетерпимостью к инаковерующим и к отступлениям от учения католицизма он напоминал Пия IX.

На протяжении почти всех лет своего понтификата Пий X вел непримиримую борьбу против «модернизма». С его вступлением на папский престол еще больше ухудшились отношения Ватикана с Францией и с Россией. Как и Лев XIII, он считал, что борьба с социализмом — главнейшая задача папства. Именно ради этой цели он еще долго после разрыва с Францией стремился сохранить хорошие отношения с царской Россией и пошел на смягчение отношений между Ватиканом и Италией. При этом папе произошло дальнейшее сближение Ватикана с южноамериканскими государствами и США. Больше всего,

---

им кандидатов на папский престол. Это право было отменено Пием X в 1909 г.

[252] «В ватиканских сферах этого выбора не ожидали»,— писал Губастов Ламздорфу 23 июля (5 августа) 1903 г. (АВПР, ф. Ватикан, д. 11, л. 153)

[253] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. III, S. 109.

[254] S. D. Sasonoff. Sechs schwere Jahre. Berlin, 1927, S. 13.

[255] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III, S. 221.

однако, импонировала Пию X и его окружению растущая мощь Германской империи. В лице Вильгельма II и его правительства Пий X видел оплот против революции и социализма, особенно с того времени, как стала очевидной непрочность царской власти в России, подрываемой революционным движением. В 1909 г. В. И. Ленин писал: «Полвека тому назад за Россией прочно укреплена была слава международного жандарма... Революционное движение в России, начиная с последней трети XIX века, понемногу изменило это положение дела. Чем сильнее колебался царизм под ударами растущей революции в его собственной стране, тем слабее становился он в качестве врага свободы в Европе» [256]. Ватикан, помогая царизму бороться с революцией, искал в то же время союза с еще более сильным, чем царизм, жандармом Европы. Таким в глазах ватиканских иерархов представлялась Германия Вильгельма II. Союзную же с ней Австро-Венгерскую монархию Пий X рассматривал как оплот католицизма, особенно на Балканах.

В начале 1904 г. Пий X передал через австрийского посла при Ватикане, что он «сделает все возможное, чтобы следовать желаниям его величества» — императора Франца-Иосифа [257]. Курс Пия X на союз папства с Германией и Австро-Венгрией привел к тому, что к началу первой мировой войны Ватикан оказался вместе с этими державами.

ПОМОЩЬ ВАТИКАНА ЦАРИЗМУ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Разрыв дипломатических отношений Франции с Ватиканом не мог не сказаться на взаимоотношениях Ватикана и России — союзника Франции. Однако ухудшение отношений между Ватиканом и Россией произошло не сразу, явственно оно обнаружилось лишь к 1910 г. Сохранение хороших отношений между царской Россией и Ватиканом в течение ряда лет после отхода папства от франко-русского союза объясняется тем, что в России в год разрыва франко-ватиканских дипломатических отношений началась широкая народная революция. Ее влияние сказалось далеко за пределами России. Царское правительство, напуганное революцией, видело в Ватикане своего союзника против восставшего народа. В свою очередь Ватикан, враждебный революционной борьбе рабочего класса, не считал целесообразным в трудное для царизма время углублять существующие с ним расхождения.

---

[256] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 425.

[257] E. Winter. Rusland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans 1878—1903, S. 128.

Революционные события 1905 г. в России были встречены с энтузиазмом рабочим классом всех стран. «Рабочими всего мира овладевает трепет надежды при известиях о ваших богатырских усилиях»,— гласил манифест союза синдикатов парижских рабочих к русским рабочим по случаю январских событий [258]. Советник русского посольства в Риме Крупенский доносил 22 января (4 февраля) 1905 г. в Петербург, что январские события в России «произвели в Италии, как и везде за границей, сильное впечатление» и «почти во всех городах Италии» (в том числе и в Риме) состоялись демонстрации против царизма. О многочисленных собраниях сочувствия русской революции, устраиваемых в городах Франции, по преимуществу среди рабочих, сообщал посол в Париже Нелидов [259], подобные же собрания устраивались и в столицах других европейских государств.

Революция в России, во главе которой выступил рабочий класс, руководимый большевистской партией, нагнала страх не только на российскую буржуазию, но и на буржуазию других стран. В. И. Ленин писал в своей работе «Что делать?»:

«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» [260].

Царизм был резервом империализма, его союзником. Неудивительно, что международный империализм поспешил на помощь царизму, когда в России началась революция.

На помощь царизму в его борьбе против революции в России выступил и папа Пий X. В мае 1905 г. министр-резидент царского правительства России при Ватикане Нарышкин в беседе с кардиналом статс-секретарем выразил «твердую надежду найти со стороны Римской курии готовность предпосылать римско-католическому духовенству в России указания безусловной верности русской государственной власти...» Мерри дель Валь заверил, что курия пойдет навстречу пожеланиям царского правительства [261].

17 (30) декабря 1905 г. папа принял Нарышкина и в беседе с ним «горячо порицал» революционное движение в России и заявил, что он «почел долгом обратиться со словами успокоения к римско-католическому духовенству в России, вменяя ему

[258] «Вперед», № 4, 31 (18) января 1905 г.
[259] «Красный архив», т. 2(9), 1925, стр. 33—42.
[260] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 345.
[261] АВПР, ф. Ватикан, д. 15, л. 11.

в священную обязанность наставлять свою паству в духе повиновения русским властям...»[262].

В декабре 1905 г. была опубликована папская энциклика («Poloniae populum») к архиепископам и епископам католической церкви в России. Как и многие другие папские послания, направленные против интересов польского народа, и это послание начиналось с заверений в том, что «папа с большой любовью относится к польскому народу». Папа требовал от польских епископов, чтобы они «увещевали» верующих повиноваться властям. Папское послание содержало всяческие измышления о революции, объявляло революционное движение делом «партии буйных людей». Папа требовал от поляков-католиков не поддерживать революционные партии, отказаться от борьбы совместно со всеми трудящимися России за лучшую жизнь, а думать о «загробном счастье», так как, говорилось в энциклике, «католическое учение наставляет нас, что искание вечных благ должно стоять выше каких бы то ни было преходящих земных выгод...» Католики, требовал далее папа, должны «неизменно стоять на стороне порядка», т. е. в данном случае стоять на стороне царизма; они должны быть верны государю. Папа требовал от католиков в России, что бы они не только молились «о мире», но и создали свои союзы для борьбы с революцией, для срыва забастовок. Энциклика заканчивалась славословием по адресу царя Николая II.

Выступление папы было радостно встречено в правящих кругах России. 8 декабря 1905 г. министр иностранных дел В. Н. Ламздорф писал министру внутренних дел П. Н. Дурново: «Папа Пий X, по собственной своей инициативе, обратился с особой энцикликой к римско-католическим епископам в России, внушая им всеми средствами содействовать успокоению умов в Привислинском крае и укреплению в польском населении империи верноподданических чувств к его императорскому величеству». Ламздорф предлагал «ныне же» опубликовать папское послание в русском переводе в «Правительственном вестнике» и широко распространить его среди католического населения России, так как этот акт папы является «в высшей степени важным с политической точки зрения»[263]. Эта идея очень понравилась Дурново, который писал, что «ознакомление народных масс с приведенными взглядами папы представляется в высшей степени желательным»; он предлагал широко распространить послание папы и при его печатании сделать оговорку, что оно предназначается для всех римско-католических епархий России[264].

---

262 АВПР, ф. Ватикан, д. 15, л. 63.
263 АВПР, ф. II, Департамент, II-5, 1905 г., д. 34, л. 2.
264 Там же, лл. 24—25.

В своем докладе Николаю II Ламздорф писал, что послание папы — «акт первостепенной важности» и просил царя выразить папе «особую признательность» за это послание [265]. Николай II написал на первом листе доклада: «Согласен», и «особая признательность» царя папе за его послание, т. е. за его активное вмешательство в борьбу против революции, была передана 5 (18) января 1906 г. через Нарышкина. Мерри дель Валь заявил тогда же последнему, что он не видит препятствий к тому, чтобы поместить в газетах заметку такого содержания: по имеющимся сведениям, папская энциклика, по мнению курии, применима не только в польских епархиях, но и во всех других католических епархиях России [266].

Папское послание, требовавшее от поляков верности царизму, противоречило коренным интересам польского народа, врагом которого царизм был, так же как он был врагом трудящихся всех национальностей России. В энциклике содержалось прямое осуждение национального движения поляков. Наряду с революционной партией энциклика осуждала и тех, которые «признают себя последователями так называемого «национального радикализма»».

Папская энциклика вызвала обиду и протесты поляков. В связи с этим епископу Львовскому Теодоровичу, с согласия папы, пришлось выступить с посланием к польскому народу, в котором он «ввиду многочисленных ложных толкований энциклики» брал под защиту папское послание и уверял в любви папы к Польше. Основная идея послания Теодоровича, как и энциклики, заключалась в том, что поляки в России не должны участвовать в революции, а должны оставаться верными царизму [267].

Польские епископы, угодничавшие перед царизмом, поспешили выразить папе благодарность за его послание. С таким письмом обратился к папе архиепископ Варшавский Викентий Поппель, который благодарил папу, в частности, за то, что в своей энциклике он одобрил выступление Поппеля против забастовок. С таким же верноподданным письмом к папе обратился епископ Калишский Станислав Житовецкий [268]. Мерри дель Валь заявил Нарышкину, что эти письма «он с удовольствием распорядился напечатать в газетах с той же целью успокоения местной в Польше «чувствительности», с какой было опубликовано послание львовского епископа Теодоровича к польскому народу» [269]. Так сотрудничали Ватикан и поль-

---

[265] АВПР, ф. II Департамент, II-5, 1905 г., д. 34, лл. 29—30.
[266] Там же, ф. Ватикан, д. 17, л. 286.
[267] Там же, лл. 10—16.
[268] Там же, лл. 22—26.
[269] Там же, д. 17, л. 20.

ская иерархия с российским царизмом, когда дело шло о борьбе с революционным движением.

Польские рабочие по достоинству оценили лакейство католического духовенства перед царизмом и его борьбу против революционного движения. В мае 1905 г. Феликс Дзержинский писал из Варшавы: «В костелах борьба с ксендзами уже началась — сначала без участия организации, стихийно. Ксендзов освистывают, выкрики: «Врешь» и тому подобное. Ксендзы раздают в костелах брошюры, рабочие рвут их тут же. Дело доходит до драк» [270].

Идея союза с Ватиканом для борьбы с революцией была популярна среди царской бюрократии.

В докладной записке от 3 января 1906 г. Николаю II министр иностранных дел Ламздорф предлагал вести совместно с правительством Германии, Ватиканом и «единственной централистически организованной, и также всемирной» католической церковью борьбу с социализмом в международном масштабе. Ламздорф писал, что протестантское правительство Германии уже давно сотрудничает во внешней политике с Ватиканом в защите «стародавних устоев», а во внутренней политике опирается на католическую партию центра. Что касается России, писал Ламздорф, то «дружественное содействие Ватикана» в борьбе против социализма «могло бы, точно также, оказаться чрезвычайно важным: не говоря уже об умеряющем влиянии св. престола через местное духовенство, специально на наши польские дела,— в каковом направлении последняя энциклика Папы к епископам Польши является весьма знаменательным шагом навстречу пожеланиям русского правительства,— Ватикан мог бы оказать неоценимую услугу в смысле сообщения русскому правительству... о сосредоточенных в Париже нитях разрушительной... организации, фактических данных по вопросу об указанной организации и ее разветвлениях, за которыми в Ватикане не могут не следить самым бдительным образом» [271]. Совет Ламздорфа установить близкие отношения с Ватиканом и для совместной борьбы против революционного движения, и для сотрудничества ватиканской и царской разведок в целях шпионажа за русской революционной эмиграцией понравился царю, и он на его докладной записке написал: «Следует приступить к переговорам безотлагательно. Вполне разделяю высказанные здесь мысли».

Царское правительство было настолько напугано революцией, что хотя и отдавало всегда все преимущества православ-

[270] Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 82—83.

[271] Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел, № 6, январь 1918 г., стр. 270—271.

ному духовенству и стояло на стороне интересов православной церкви, решило более широко прибегнуть к помощи католического духовенства против революции. 24 февраля 1906 г. всем российским посольствам, миссиям и консульствам за границей было разослано циркулярное письмо Министерства иностранных дел, которое гласило: «Признавая полезным ввиду переживаемых событий, приезд не только в царство Польское, но и вообще в местности России с католическим населением р.-католических монахов миссионерских орденов с целью противодействовать при посредстве проповедей среди крестьян и рабочих аграрному и социалистическому движению, Министерство внутренних дел не встречает препятствий к удовлетворению ходатайства о въезде означенных духовных лиц в Россию, без предварительных, в каждом отдельном случае, сношений с означенным министерством...» [272]. Приезжающим католическим духовникам ставились только следующие условия: 1) они должны были предъявить доказательство своей принадлежности к монахам миссионерских орденов, 2) целью их поездки должна была быть «борьба с аграрным и социалистическим движением» и 3) срок пребывания их в России ограничивался двумя месяцами.

19 октября (1 ноября) 1906 г. министр-резидент при Ватикане Сазонов доносил в Петербург о своей беседе с кардиналом Мерри дель Валем о русско-ватиканских отношениях. Кардинал настаивал на учреждении в Петербурге нунциатуры или папского представительства в какой-либо иной форме, чего добивался еще Лев XIII. Сазонов доказывал в своем донесении, что правительству России выгодно сохранить хорошие отношения с Ватиканом и допустить в Россию его представителя. Он ссылался при этом на совпадение интересов царизма и папского престола: «как та, так и другая власть по существу своему консервативна», как та, так и другая власть подвергается нападкам «врагов гражданского порядка» [273].

Сазонов считал, что царскому правительству выгодна поддержка Ватикана против национального движения поляков. Он писал: «... не выгодно ли нам заручиться, даже ценою известных уступок политическому честолюбию Римской Курии, ее более полным и искренним содействием для сдерживания польско-литовских национальных вожделений? В том, что св. Престол станет на сторону русского правительства в его борьбе с означенным национальным движением, едва ли есть основание сомневаться...» [274].

Таким образом, царские дипломаты отстаивали политику

[272] АВПР, ф. Посольство в Риме, д. 1960, л. 17.
[273] Там же, д. 1950, лл. 1—3.
[274] Там же, лл. 3—4.

сближения с Ватиканом для совместной борьбы против освободительного движения поляков.

Ради достижения своих политических целей папский престол, как и раньше, с готовностью шел навстречу царизму, принося в жертву интересы польского народа. В апреле 1906 г., во время вручения папе верительных грамот, Сазонов имел беседу с Пием X, в частности о положении в польских областях. Папа, пишет Сазонов, сказал, «что его величество может вполне положиться на искренность его желания препятствовать польской пропаганде, которую он признает крайне опасной с точки зрения настоятельно необходимого в настоящее тяжелое время умиротворения Польши и прилегающих к ней губерний...».

Папа далее сказал Сазонову: «... в моем распоряжении только один способ воздействовать на разгоряченные умы Ваших р. к. подданных, а именно путем посланий к епископам, к которому я прибегаю каждый раз, что могу ожидать от него пользы. Не скрою от Вас, что последняя моя энциклика к польским епископам причинила мне не мало хлопот и не принесла всех ожидаемых мною результатов. Поляки ставят сплошь да рядом свою национальность выше своей веры, которой отводится часто только служебная роль, и мой голос нередко,— надеюсь только временно,— заглушается шумом народных волнений. Тем не менее я все таки твердо уповаю, что великодушной политике Вашего государя и стараниям Св. престола удастся постепенно успокоить национальные и политические страсти на благо Русской империи и религиозного мира...» [275].

12 (25) июня 1907 г. Сазонов сообщал, что он вступил в переговоры с кардиналом статс-секретарем о признании за белорусским и украинским языками одинаковых прав с русским и польским в дополнительном католическом богослужении. «...Я позволю себе прибавить,— писал Сазонов,— несколько слов в виде разъяснения того положения, которое св. престол занял за последние годы по отношению к полякам и которое отразилось особенно заметно в перемене фронта, произведенной им так неожиданно в вопросе о введении русского языка в католическое богослужение». Со времени Пия IX, продолжал Сазонов, отношение Ватикана к полякам изменилось и «положение», занимаемое поляками в настоящее время в Риме, представляется сильно поколебленным. Политические вожделения польских националистов не встречают ни в папе, ни в курии никакого сочувствия... Я не боюсь ошибиться, сказав, что среди всех народностей, входящих в состав Римской церкви, поляки пользуются в настоящее время наименьшим расположением св. престола...» [276]. «Мне неоднократно приходилось слышать,—

[275] АВПР, ф. Секретный архив, д. 249/250, лл. 5—6.
[276] Там же, ф. Ватикан, д. 21, л. 6.

писал Сазонов, далее,— как от кардинала — статс-секретаря, так и от его сотрудников, горькие сетования по адресу «ни в чем не знающих меры поляков» [277].

Занимая враждебную полякам позицию, Ватикан, отмечал Сазонов, в то же время «тщательно избегает всего, что могло бы дать полякам повод упрекнуть св. престол в нерадении к их интересам и угодливости перед русским правительством» [278]. Такая осторожность курии объясняется двумя причинами: страхом перед расколом церкви в Польше в связи с усилившимся там мариавитским движением и материальной зависимостью курии от подчиненных ему в духовном отношении народов.

В донесениях представителей России при Ватикане в 1906—1908 гг. неизменно подчеркивалось, что курия занимает антипольскую позицию и готова идти навстречу пожеланиям царского правительства в ущерб интересам поляков. В депеше от 18 сентября (1 октября) 1907 г. поверенный в делах России при Ватикане барон Шиллинг писал министру иностранных дел, что папа Пий X «совершенно равнодушен к осуществлению национальных вожделений поляков. Всегда готовый поддержать последних во всем, что касается их веры, он часто упрекает их в склонности подчинить интересы католической церкви своим личным целям. Образчиком последнего могут служить недавно произнесенные папой слова, которые были сообщены мне вполне достоверным источником... Принимая одного прелата и беседуя с ним о положении в Познани, Пий X, со свойственным ему иногда пылом, воскликнул: «Уж эти поляки; они прежде всего — поляки, затем снова поляки и в-третьих — поляки, и только потом немного католики...» [279].

«Негласные польские представители в Риме», говорится в том же документе, ввиду такого положения изменили тактику: вместо того, чтобы ссылаться на старые заслуги Польши перед курией, они пишут о массовом переходе в протестантство и в секту мариавитов поляков, разуверившихся в покровительстве Ватикана [280].

Ватикан шел навстречу царизму и в его стремлении ослабить польское влияние в католической церкви в России В 1908 г. по инициативе министра внутренних дел Столыпина царским правительством был поднят перед курией вопрос о подготовке католических священников из русских, белоруссов и литовцев не в Петербургской католической духовной академии, где, как говорилось в письме Столыпина, они «подпадают

---

[277] АВПР, ф. Ватикан, д. 21, л. 7.
[278] Там же.
[279] Там же, л. 37.
[280] Там же.

под влияние узко-национальных тенденций польской среды», а в Риме, как это предлагал в свое время папа Лев XIII [281]. Российский агент по духовным делам при Ватикане сообщал в связи с этим, что Мерри дель Валь согласен принять в ватиканские коллеги русских клириков для завершения богословского обучения. Ректор Урбанской коллегии конгрегации пропаганды веры заявил российскому агенту, что желательно, чтобы прибывающие для обучения в его коллегии из России клирики «не были из поляков, которые признаются очень беспокойными...» [282].

Так на протяжении ряда лет после разрыва Франции с Ватиканом папский престол продолжал сотрудничать с царизмом. Сближала их общая ненависть и к русской революции и к освободительной борьбе польского народа.

Начиная с 1910 г. и вплоть до конца первой мировой войны отношения между Ватиканом и Россией все больше и больше ухудшались. Окончательный переход папства на сторону Тройственного союза не мог не привести к ухудшению русско-ватиканских отношений.

В конце 1911 г. русский посланник в Ватикане Булацель писал, что за минувший год ухудшились русско-ватиканские отношения [283]. В позднейших своих донесениях Булацель неизменно обращал внимание министра иностранных дел Сазонова на ухудшение русско-ватиканских отношений.

22 февраля 1912 г. Сазонов обратился с письмом к министру внутренних дел Макарову, в котором писал, что в условиях развития повсюду социалистических течений правительству следует обратить серьезное внимание на консервативный характер католического духовенства и не обострять отношения с той властью, т. е. с папской, в подчинении которой это духовенство находится [284]. Правящие круги России всегда имели в виду, что при всех условиях папство является их потенциальным союзником в борьбе против социализма, против польского национального движения и уже по одной этой причине они считали важным сохранять хорошие отношения с ним.

В августе 1912 г. Ватикан предъявил правительству России меморандум, а в 1913 г. второй такой же меморандум о положении католической церкви в России. В меморандумах выдвигался ряд требований. Папский престол добивался расширения деятельности католической церкви в России, учреждения митрополичьей кафедры и папской нунциатуры в Петербурге, изменения порядка публикации папских посланий и других

---

[281] АВПР, ф. II Департамент, II-5, 1908 г., д. 60, лл. 1—3.
[282] АВПР, ф. Посольство в Риме, д. 2004, л. 5.
[283] АВПР, ф. Ватикан, д. 22, лл. 41—43.
[284] Там же, лл. 76—78.

документов, расширения католического религиозного обучения и т. д. Эти требования курии сталкивались с политикой царизма в религиозной области, рассчитанной на сохранение господствующего положения православной церкви. К тому же царские власти не доверяли католическому духовенству, подозревая его в сочувствии польскому национальному движению, несмотря на то, что и Ватикан, и католические епископы в России готовы были все сделать, чтобы ослабить влияние польских националистических кругов на католическое духовенство.

Расхождения по вопросам церковного устройства не были, однако, единственной причиной ухудшения ватикано-русских отношений. Эти расхождения существовали и раньше, но, как это было отмечено, ни одна из сторон в интересах сотрудничества против революции не хотела углублять их. В годы же, предшествовавшие первой мировой войне, на взаимоотношениях Ватикана и России стало все больше сказываться то обстоятельство, что папский престол более прочно связал себя с Германией и Австро-Венгрией. На Балканах, где сталкивались империалистические интересы России и Австро-Венгрии, царское правительство встречалось с фактами активной поддержки Ватиканом австро-венгерской политики. Это обостряло отношения между папским престолом и Россией. Но и в этих условиях царское правительство ценило консервативную роль Ватикана как силу, враждебную социализму, и считало важным договориться с ним.

В январе 1914 г. министр иностранных дел Сазонов одобрил составленную в его министерстве записку, в которой доказывалось, что «использование громадной консервативной силы католической церкви для борьбы с все усиливающимися ныне социалистическими и противоправительственными течениями в народе не может не отвечать самым существенным интересам государства»[285]. В записке приводилось в качестве примера, что в Германии католические организации «ведут сильную борьбу с организациями социалистическими» и это сказывается на результатах политических выборов. В Италии, говорилось в записке, во время последних парламентских выборов «антиклерикальное правительство прибегло к тайному соглашению с католическими организациями, чтобы провести своих кандидатов...» В записке выражалась мысль, что надо договориться с Ватиканом, так как это в интересах и внутренней и внешней политики правительства.

В свою очередь и папский престол, при всех расхождениях с царизмом, ценил царский строй, как одну из важных опор реакционных сил в Европе. В связи с празднованием в 1913 г.

[285] АВПР, ф. Ватикан, д. 22, лл. 273—274; «Красный архив», т. XLVII—XLVIII, 1931, стр. 184—188.

300-летия дома Романовых, посланник России при Ватикане Нелидов писал 26 февраля (11 марта) 1913 г., что «корректным и сочувственным отношением к юбилею царствующей в России династии св. престол, искони верный монархическим и легитимистским принципам, несомненно желал показать свою способность в исторические моменты становиться выше тех временных несогласий, которые зачастую разделяют его с русским правительством...» [286].

Ватикан, разделявший ненависть царизма к социализму и помогавший ему бороться с ним, предпочитал, однако, в это время связать судьбу папства с государством, которое, по его мнению, наиболее успешно может справиться с ролью жандарма Европы. Таким он считал не Францию, где проводились антиклерикальные мероприятия и где в широких массах народа заметно было явно отрицательное отношение к церкви, не протестантскую Англию и не царскую Россию, где народная революция расшатала царизм и оказывала огромное влияние на другие страны, а кайзеровскую Германию, реакционный режим которой Ватикану казался прочным и незыблемым, и где связанная с Ватиканом католическая партия центра стала с начала XX в. ведущей партией германской буржуазии, правительственной партией.

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПАПСТВА С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ИТАЛИИ

Окончательный переход Ватикана на сторону германо-австрийского блока облегчался отходом Италии от этого блока. Тем самым отпадала одна из основных причин, которая, как раньше уже было отмечено, привела в конце XIX в. к охлаждению между Ватиканом и Тройственным союзом и переходу папства на сторону франко-русского союза.

Постепенный отход Италии от Тройственного союза и сближение ее с Францией началось еще в последние годы XIX столетия. «В 1896 г. итальянское правительство сделало серьезный шаг в сторону Франции: оно признало французский протекторат над Тунисом. Еще через два года, в 1898 г., был заключен франко-итальянский торговый договор; за ним последовало открытие для Италии французского денежного рынка, на который

---

[286] АВПР, ф. Ватикан, д. 34, л. 26. О том, насколько ватиканские иерархи были солидарны с царизмом в его реакционной политике и тогда, когда отношения между Ватиканом и царским правительством сильно ухудшились, свидетельствует и тот факт, что, как явствует из донесения Нелидова от 5(18) ноября 1913 г., некоторые видные ватиканские представители в беседах с ним заявляли о своей солидарности с царскими черносотенцами в деле Бейлиса (АВПР, ф. Ватикан, д. 34, лл. 88—89).

она не допускалась со времени вступления в Тройственный союз. Таким образом, Франция прекратила таможенную войну против Италии, а равно и кампанию против ее кредита, которыми она с середины 80-х годов истощала народное хозяйство Италии, стремясь оторвать эту державу от германской группировки»[287]. «Италия в результате франко-итальянского соглашения в 1902 г. фактически уже отошла от Тройственного союза»[288].

Для противодействия отходу Италии от Тройственного союза германские правящие круги пустили в ход угрозу поддержать притязания папы на светскую власть, угрозу, которая до этого исходила для Италии со стороны Франции.

В декабре 1895 г. рейхсканцлер Гогенлоэ инструктировал германского посла в Риме Бернгарда фон Бюлова как ему держать себя во время переговоров с итальянским министром бароном Бланком, если последний заявит о возможности отхода Италии от Тройственного союза. С того самого момента, писал Гогенлоэ, когда станет известным, что Италия больше не принадлежит Тройственному союзу или принадлежит к нему лишь внешне, не только среди немецких католиков, но и среди протестантского населения поднимется сильное движение в пользу того, что настало время, когда Германия должна придать своей политике такое направление, которое необходимо для восстановления полного согласия между кайзером и папой. Гогенлоэ предлагалось заявить итальянскому министру иностранных дел, что итальянский государственный деятель, который ведет Италию по пути отхода от Тройственного союза, приведет к раздроблению государства и восстановлению светской власти папы[289]. Германская дипломатия откровенно угрожала использовать против Италии «Римский вопрос».

Семь лет спустя, в январе 1902 г., Бюлов, теперь уже в качестве рейхсканцлера, предлагал послу Германии в Вене Эйленбургу заявить итальянскому послу в Вене графу Нигра, что германское правительство встревожено сближением Италии с Францией. Уже теперь, писал Бюлов, влиятельные группы и лица в Германии с сожалением указывают на то, что союз Германии с Италией рассорил германское правительство с папой и его сторонниками внутри и вне Германии. Нигра предлагалось сообщить, что при последней встрече Льва XIII с кайзером, папа сказал: «Sire, верните мне Рим», на что Вильгельм ответил, что он этого не может сделать, так как король Гумберт — его друг. Немыслимо, писал Бюлов, чтобы, как во времена Каролингов, кайзер «вернул» Рим папе; но папа, вероятно, будет

[287] «История дипломатии», т. II, стр. 123.
[288] Там же, стр. 180.
[289] «Die Grosse Politik», Bd. 10, S. 235—237.

доволен уже тем, что Германия обязуется спокойно наблюдать, когда Франция, как это было в 1849 г., с помощью оружия восстановит политически самостоятельную папскую область. Это, писал далее Бюлов, усилит клерикалов во Франции, при этом даже некатолическая часть французского населения будет приветствовать восстановление светской власти папы, так как оно видит в этом средство взорвать итальянское единство, к тому же клерикально-национальному правительству во Франции Россия будет сочувствовать больше, чем республиканскому[290]. Такую перспективу рисовал представитель германского правительства правительству Италии в случае, если Италия отойдет от Тройственного союза.

Когда в 1904 г. возник план поездки Лубе в Рим, Бюлов был этим встревожен, он усмотрел в этом опасность для Тройственного союза[291]. В сентябре того же года премьер Италии Джолитти отправился в Гомбург на свидание с Бюловым, чтобы рассеять подозрения правящих кругов Германии относительно позиции Италии. Бюлов подтвердил, что в Германии имеются люди, считающие (в связи с поездкой Лубе в Рим), что Италия слишком сближается с Францией.

По словам Бюлова, Джолитти заверил его, что Италия остается верной Тройственному союзу, но что поездка Лубе в Рим была выгодна Италии, что этим визитом «навсегда был похоронен вопрос о светской власти папы. Существовала только одна единственная держава, у которой можно было бы подозревать склонность к восстановлению светской власти папы. Этой державой была Франция. После того, как глава французского правительства посетил Рим, не уделив никакого внимания папе, этот вопрос исчерпан и Рим действительно стал неприкосновенной столицей Итальянского королевства...»[292].

По словам самого Джолитти, он говорил Бюлову, что отныне (после поездки Лубе в Рим) разрушена последняя надежда сторонников восстановления светской власти папы, с чем Бюлов и согласился[293].

Потеря Ватиканом своих позиций во Франции вынуждала папство к более умеренной позиции в отношении Италии, чем итальянское правительство и старалось воспользоваться. В ноябре 1902 г. Губастов писал из Рима: «Непрекращающаяся во Франции борьба с духовными обществами невольно сближает теперь черных с белыми. Охлаждение курии к Франции не

[290] «Die Grosse Politik», Bd. 18, T. II, S. 519—520.
[291] R. Hoernigk. Italien zwischen Frankreich und dem Dreibund. Halle, 1931, S. 76.
[292] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 60; «Die Grosse Politik», Bd. 20, T. I, S. 82.
[293] G. Giolitti. Memoirs of my life. London, 1923, p. 184.

составляет секрета ни для кого и итальянское правительство желает этим воспользоваться и очень искусно устраняет в своих отношениях к Ватикану все поводы неудовольствия с его стороны»[294].

Сближению Ватикана с итальянскими правящими кругами способствовало и то обстоятельство, что материальные интересы князей церкви все больше переплетались с интересами итальянской буржуазии. Это особенно проявилось во время итало-турецкой войны 1911 г., активно поддержанной папским престолом.

Так в годы, предшествовавшие первой мировой войне, наметилось сближение папства с итальянскими правящими кругами, и не последнюю роль в этом сближении, помимо указанных обстоятельств, играло стремление папства помочь буржуазии в ее борьбе с социалистическим движением итальянского рабочего класса.

В сентябре 1904 г. в связи с предстоявшими выборами в итальянский парламент епископ Кремонский Бономели обратился к папе с предложением отменить «Non expedit», чтобы противодействовать «угрожающему росту анархической социалистической партии». Папа не согласился с этим предложением. Тогда же по совету министра иностранных дел Титтони и по поручению группы католических деятелей к папе обратился участник католического движения Паоло Бономи. Он был принят папой и убеждал его в необходимости участия католиков в выборах, чтобы объединить все консервативные и либеральные силы и преградить путь социализму.

Пий X сначала отверг предложение Бономи, но затем поддался его аргументам и сказал ему: «Делайте то, что подсказывает вам совесть», добавив, что он, папа, «будет молчать...»[295]. С молчаливого одобрения Ватикана католические круги и организации приняли активное участие в выборах главным образом с целью помешать избранию социалистических кандидатов.

2 (15 ноября) 1904 г. министр-резидент России при Ватикане Нарышкин в личном письме Ламздорфу писал: «Из разговора с кардиналом статс-секретарем на его еженедельном приеме я мог усмотреть удовольствие Ватикана, доставленное ему результатом законодательных выборов... Духовная власть не упустила из виду всю опасность, надвигавшуюся со стороны радикальной партии и под видом невмешательства в отправление гражданских обязанностей католиков, оказала как себе,

---

[224] АВПР, ф. Ватикан, д. 9, л. 154.

[295] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 345—347; A. Salomone. Italian democracy in the making. Philadelphia, 1945, p. 36—37.

так и настоящему министерству немалую услугу...»[296]. Нарышкин писал, что для того, чтобы обеспечить победу стороннику правительства (Сантини) при перебаллотировке 13 ноября, «католики послали к избирательным урнам значительное подкрепление, между которым находились даже священнослужители...»[297].

В правительственных кругах Италии были довольны Пием X. Джолитти говорил Бюлову в 1904 г., что если Лев XIII и Рамполла хотели уничтожить итальянскую монархию и создать федеративную республику во главе с папой, то «со времени доброго Пия X об этом нет больше и речи. Естественно, что папа перед лицом всего мира не мог бы отступить в чем-либо от принципов римской церкви и этого не потребует от него ни один итальянец. В действительности же Пий X, который является патриотически настроенным итальянцем, старается оберегать и поддержать итальянскую монархию»[298].

Ослабление принципа «Non expedit» в связи с выборами 1904 г. нашло свое дальнейшее развитие в опубликованной 11 июня 1905 г. энциклике, которая фактически разрешала католикам участвовать в выборах. В энциклике говорилось, что папа не может отойти от закона Льва XIII, запрещающего католикам Италии входить в состав органов законодательной власти; «разве только столь же серьезные мотивы, продиктованные высшим благом общества... потребуют в отдельных случаях отказа от закона...»[299]. Об этих серьезных мотивах, продиктованных «высшими благами общества», которые заставили папский престол отказаться от принципа «Non expedit», Нарышкин писал 14(27) июня 1905 г.: «Главными основаниями, побудившими папу издать такое распоряжение, были желание явить готовность духовной власти жить в мире и согласии с существующей светской и стремление создать твердый оплот для борьбы с социалистами, деятельность которых столь сильна в Италии...»[300].

Католические организации активно участвовали в итальянских выборах и в марте 1909 г. (в самом Риме клерикалы потерпели тогда сильное поражение). В дни избирательной кампании в феврале 1909 г. Сазонов писал: «Из недавних разговоров с кардиналом Мерри дель Валь я вынес убеждение, что в Ватикане желают упрочения путем новых выборов положения г-на Джолитти, к которому св. престол питает расположение за его умение обуздывать крайние элементы, или же в худ-

---

[296] АВПР, ф. Ватикан, д. 13, лл. 177—178.
[297] Там же, л. 178.
[298] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. 11, S. 60.
[299] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 351.
[300] АВПР, ф. Ватикан, д. 15, л. 24.

шем случае — замены кабинета Джолитти кабинетом Фортиса, непродолжительное управление которого оставило по себе в Ватикане благоприятное воспоминание...»[301].

Сотрудничество Ватикана с правительством итальянской буржуазии против социализма смягчало борьбу вокруг «Римского вопроса», но не сняло этот вопрос с повестки дня, так как папство не отказалось от своих притязаний. В начале 1910 г. Ватикан, как выше уже было отмечено, заявил протест по поводу приезда в Рим монакского князя. В разосланной представителям Ватикана за границей циркулярной ноте указывалось, что папа не мирится с этим приездом и продолжает держаться принципа, согласно которому католические главы государств не могут приезжать при теперешних обстоятельствах в Рим.

Булацель писал по этому поводу из Рима 27 апреля (10 мая) 1910 г., что протест Ватикана появился именно теперь в связи с тем, что правительство Италии намерено пригласить иностранных государей в Рим на устраиваемую в 1911 г. выставку по поводу 50-летия объединения Италии[302].

В сентябре 1910 г. синдик (мэр города) Рима Натан на торжестве по поводу 40-летия вступления итальянских войск в Рим осудил позицию Ватикана в Италии и заявил, что Пий X хочет помешать народному стремлению к прогрессу. Натан сравнил папство с египетской мумией, боящейся воздуха, от соприкосновения с которым она может рассыпаться. Речь синдика вызвала протест Ватикана.

Но между Ватиканом и итальянской правящей буржуазией существовали не только расхождения, существовала и общность интересов, в частности общая заинтересованность в колониальной политике Италии.

В 1911 г. итальянский империализм начал войну с Турцией ради захвата Триполи. В. И. Ленин писал, что эта война была вызвана «корыстью итальянских финансовых тузов и капиталистов, которым нужен новый рынок, нужны успехи итальянского империализма»[303]. В этой войне особенно был заинтересован итальянский банк «Банко ди Рома», тесно связанный с Ватиканом. Поверенный в делах России при Ватикане князь Волконский писал 10 октября (27 сентября) 1911 г.: «Война, возникшая между Италией и Турцией из-за Триполи, не может не интересовать Ватикана... Общественное мнение единодушно признает заинтересованность курии в теперешнем кризисе и почти нераздельно приписывает ей на этот раз определенные итальянские симпатии. Это довольно понятно, ибо, прежде всего, здешнему духовенству нельзя поставить в упрек отсутствие

[301] АВПР, ф. Ватикан, д. 26, л. 20.
[302] Там же, д. 27, л. 52.
[303] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 309.

патриотизма, когда речь идет о вопросах внешней политики. Далее, Ватикан может ожидать лишь успеха для своей деятельности в Триполи, если полумесяц заменен будет Савойским крестом... Но едва ли самым главным грузом на чаше весов является известная связь Ватикана с Banco di Roma. Достаточно вспомнить то обстоятельство, что во главе названного учреждения стоит г. Эрнест Пачелли, представитель клерикального Рима, дядя восходящего светила ватиканской дипломатии, монсеньора Евгения Пачелли (с 1939 г. —папа Пий XII.— *М. Ш.*). Значительность же роли этого банка в нынешнем конфликте настолько очевидна, что даже переоценивается в здешнем общественном мнении, доходящем до утверждения, будто война вызвана именно деятельностью руководителей Banco di Roma... В заключение позволяю себе высказать мысль, что удачный результат итальянского военного предприятия доставил бы здешнему клерикальному миру возможность сочетания земных приобретений с соблюдением духовного нейтралитета» [304].

Посол России в Риме князь Долгорукий писал 27 сентября (10 октября) 1911 г.: «Триполийское предприятие зародилось в Banco di Roma, имеющем тесные связи с Ватиканом и являющемся единственным представителем более значительных интересов в Триполи...» [305].

О роли ватиканского «Банко ди Рома» в провоцировании войны в Триполи сообщал в Берлин германский посол в Риме фон Ягов. 1 марта 1911 г. он писал рейхсканцлеру Бетману-Гольвегу, что, по мнению маркиза Сан Джулиано (итальянский министр иностранных дел), движение за войну инсценируется большей частью «Банко ди Рома», который хотел бы довести дело до оккупации Триполи [306].

13 июня фон Ягов вновь сообщал, что Сан Джулиано считает, что за агитацией в пользу войны стоит «Банко ди Рома», дела которого в Триполи плохи, и он стремится вызывать инциденты, чтобы побудить правительство оккупировать страну [307].

17 октября 1911 г. фон Ягов писал, что за войну выступают «национально-консервативно-клерикальные» круги [308].

В английских документах об истории первой мировой войны также отмечается роль «Банко ди Рома», который вел финансовые дела Ватикана, в войне в Триполи [309].

Неудивительно, что итальянское духовенство заняло шови-

---

[304] «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. II, М., 1938, стр. 125—126.

[305] АВПР, ф. Канцелярия 1911, д. 109. л. 218.

[306] «Die Grosse Politik», Bd. 30, T. I, S. 28.

[307] Ibid., p. 30—31.

[308] Ibid., p. 123.

[309] British documents on the origins of the war 1898—1914, v. IX, London, 1933, p. 260—261.

нистическую позицию и заявило, что война является «крестовым походом против врагов христианства». Кардинал Ванутелли заявил, что эта война «может принести цивилизацию креста в страны, порабощенные позорному игу полумесяца...»

Шовинистическая пропаганда католических кругов приняла настолько вызывающий характер, а общественное мнение настолько связывало войну с интересами Ватикана, что «Оссерваторе Романо» должна была отмежеваться от особо рьяных шовинистов. В октябре 1911 г. газета опубликовала сообщение, что некоторые католические органы печати и ораторы представляют войну чуть ли не священной, поддерживаемой церковью; в связи с этим «Оссерваторе Романо» уполномочена заявить, что папский престол непричастен к войне и не одобряет подобные толкования [310]. Булацель объясняет появление этого «разъяснения» опасением папского престола, что шовинизм католических кругов может привести к ухудшению отношений Ватикана с Турцией [311].

Позицию, враждебную войне, занял не Ватикан, а трудящийся народ Италии. Итальянская социалистическая партия протестовала против военной авантюры буржуазии, рабочие организовывали забастовки протеста [312].

Война в Ливии еще больше сблизила Ватикан с правящими кругами Италии [313]. В 1913 г. во время парламентских выборов глава Католического избирательного союза граф Джентилони с согласия Ватикана заключил избирательное соглашение с Джолитти с целью помешать победе социалистов. Местным католическим организациям был разослан циркуляр, как держаться на выборах и при каких условиях католики могут участвовать в голосовании. Католикам предлагалось голосовать за тех кандидатов, которые сделают в письменной форме официальное заявление о своей поддержке избирательной программы церкви; кандидаты должны были заявить, что они будут выступать против всякого законопроекта, направленного против религиозных конгрегаций, что они не будут препятствовать учреждению частных (т. е. церковных) школ, а будут отстаивать право родителей требовать, чтобы их дети в школах коммун получали религиозное обучение, что они будут выступать против разводов [314].

---

310 АВПР, ф. Ватикан, д. 30, лл. 128—129.

311 Там же.

312 Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии, стр. 46—47; «Вестник Европы», 1912, июнь, стр. 300.

313 В апреле 1912 г. папа наградил «за мужество» медалями ряд раненых итальянских солдат (Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1912, S. 401).

314 Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 385—387.

Фактически принцип «Non expedit» на выборах 1913 г. был отменен и не соблюдался по всей Италии.

Сотрудничество клерикалов с правительством во время избирательной кампании 1913 г. способствовало усилению примирительных тенденций среди клерикалов. Из их среды настойчиво выдвигалось требование решить «Римский вопрос» без восстановления светской власти папы. В этом духе, например, имели место выступления на восьмом съезде католических обществ в Милане (получившем название «Католическая социальная неделя») в декабре 1913 г. «Оссерваторе Романо» писала по поводу этих выступлений, «что если до сих пор на деле провидение не создало лучшего обеспечения свободы церкви как территориальная независимость, то церковь никогда не отрицала возможности появления когда-либо других условий для этой полной свободы...» [315].

Это заявление можно было истолковать как признание ватиканской газетой возможности примирения Ватикана с Италией не обязательно на условиях восстановления светской власти папы. Нечто иное сказал Нелидову о дискуссии на Миланском конгрессе кардинал Мерри дель Валь: «Почему,— заявил он,— нельзя в теории допустить возможность того, что итальянское правительство однажды скажет: для того, чтобы иметь мир, вернем папе то, что мы у него взяли» [316].

Так накануне первой мировой войны в Ватикане считались с возможностью по-разному разрешить «Римский вопрос».

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОЧНОГО СОЮЗА ВАТИКАНА С ГЕРМАНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ

Чем больше обострялась борьба между державами за передел мира, тем активнее правящие круги Германии работали над укреплением союза с Ватиканом. В уже цитированной выше докладной записке ватиканского или полуватиканского происхождения — «Основания, по которому следовало бы учредить постоянное представительство св. престола в С.-Петербурге» (1898 г.) говорится: «Поучительно проследить усилия Вильгельма II наложить руку на все жизненные силы международного католицизма: католический центр, епископов, миссионеров, кардиналов, прелатов и агентов в Риме в целях побудить папство тяготеть к германскому орлу» [317].

Вильгельм II демонстративно подчеркивал свою близость к папе Льву XIII, которого он посетил трижды. В своих мемуа-

---

[315] АВПР, ф. Ватикан, д. 34, л. 105.
[316] Там же.
[317] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 136.

рах он пишет: «Общественности, возможно, мало известно о дружеских и доверчивых отношениях, существовавших между папой Львом XIII и мной. Один близкий к папе прелат впоследствии рассказывал мне, что уже при первом моем посещении я завоевал доверие папы...» [318].

Выступая в августе 1905 г. в Гнезне с речью о задачах немцев на востоке, Вильгельм II, обращаясь к немцам-католикам, заявил: Когда я в последний раз посетил Ватикан, старец Лев XIII, прощаясь со мной взял меня обеими руками и, несмотря на то, что я протестант, дал мне свое благословение со следующим обещанием: обещаю вашему величеству от имени всех католиков — ваших подданных всех племен и любого сословия, что они всегда будут верными подданными кайзера и короля Пруссии» [319].

Тщеславный и самолюбивый Вильгельм II разыгрывал роль пророка, поборника религии, мессии. Он не упускал случая принять участие в религиозных торжествах, выступить с речью о значении религии в обществе, о своем покровительстве как протестантам, так и католикам.

Вильгельм II считал религию важным фактором укрепления существующего порядка; он и сам был мистиком, верившим, по словам графа Чернина (бывший австро-венгерский министр иностранных дел), в то, что «он — император божьей милостью» [320]. Вильгельм сказал Бенцлеру, аббату католического монастыря Мария Лаах в Германии, что рядом с католической церковью прусская армия является величайшей силой на земле [321]. Этот нахальный гвардейский подпоручик [322], как называл его Энгельс, мнил себя не только крупным государственным деятелем, но и знатоком религиозно-богословских вопросов. В 1903 г. когда немецкий историк Делич выступил с критическими лекциями о библии, кайзер опубликовал в газетах заявление, в котором упрекал Делича, что он вышел за рамки своей специальности; кайзер осуждал попытки расшатать основу веры, которая, по его словам, должна быть сохранена народу [323]. Этот солдафон подходил к религии с точки зрения того, что она дает для осуществления его милитаристских и великодержавных планов. В ноябре 1897 г. Вильгельм II, присутствовавший при принесении присяги новобранцами в Киле, заявил: «Кто не является добрым христианином, тот также и не настоящий человек и также не прусский солдат и ни при каких об-

---

[318] Wilhelm II, Ereignisse und Gestalten 1878—1918, S. 176.
[319] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1905, S. 109.
[320] О. Чернин. В дни мировой войны. М., 1923, стр. 65.
[321] L. Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, S. 377—378.
[322] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 9.
[323] АВПР, ф. Канцелярия 1903, д. 14, л. 50.

стоятельствах не может выполнить того, что в прусской армии требуется от солдата. Она требует от него самодисциплины и самоотречения — двух высших качеств христианина, далее — безусловного повиновения и подчинения воле ваших начальников...» [324].

Церковная организация в Германии — и католическая и протестантская — настойчиво старались воспитать из немецких солдат покорное пушечное мясо, орудие воинственных планов буржуазии и юнкерства. Недаром Вильгельм II награждал епископов орденами, подобно тому, как он награждал ими своих офицеров. Одного из наиболее преданных ему кардиналов — Коппа (архиепископ Бреславльский) он наградил в 1906 г. орденом Черного орла.

Выступления Вильгельма II о пользе религии нравились немецким епископам, они нравились и ватиканским иерархам, ценившим в этом прусском фельдфебеле больше всего его злобную ненависть к социализму.

Вильгельм так передает слова Льва XIII, сказанные ему в 1903 г. при посещении им Ватикана: «Он (папа.— *М. Ш.*) готов сравнить меня не только с Карлом Великим, но ему даже кажется, что я следую по пути своего великого предка Фридриха II». Папа говорил о миссии кайзера «вернуть Европу христианству...» [325].

Вальдерзее, который был в числе сопровождавших Вильгельма при посещении им Ватикана, пишет, что «кайзер и папа превзошли друг друга в комплиментах и уверениях в обоюдном глубоком уважении. Как далеко кайзер при этом зашел, никто точно не знает, я думаю — очень далеко» [326]. Лев XIII настолько хотел угодить своему другу Вильгельму (Вильгельм утверждал, что Лев XIII его личный друг), что пошел на «неслыханный акт» (как назвал это его действие Вальдерзее): он принял в особой аудиенции всю личную охрану Вильгельма II — всего около 60 протестантов — и каждому протягивал руку [327].

Во время посещения Ватикана Вильгельмом в 1903 г. (как и до этого) дело не ограничилось обменом любезностей между папой и кайзером, велись также переговоры между канцлером Бюловым и статс-секретарем Ватикана кардиналом Рамполлой о сотрудничестве. «Никогда еще германский монарх не оказы-

---

[324] K. Bachen. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. VI, S. 263.

[325] B. Bülow. Dendwürdigkeiten, Bd. 1, S. 614; F. Hanus. Die preussische Vatikangesandschaft 1747—1920, S. 392.

[326] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III, S. 210.

[327] Ibid., p. 211.

вал курии столько внимания и предупредительности»,— писал из Ватикана 22 апреля (5 мая) 1903 г. Губастов [328].

Посол России в Берлине Остен-Сакен в письме Ламздорфу от 25 апреля (8 мая) 1903 г. связывал поездку Вильгельма в Рим с планами германского правительства привлечь на свою сторону католическую партию центра и усилить позиции Германии на Востоке и в Африке. «Покровительство католическим миссионерам германской национальности,— писал посол,— давно уже составляет одну из важнейших сторон политической программы Вильгельма II, не только в виду привлечения на сторону правительства католической партии, но главным образом в целях усиления политического обаяния Германии на востоке и в Африке» [329].

В германских правящих кругах еще в конце XIX в. возникли планы создания папской нунциатуры в Берлине и учреждения посольства имперского правительства (вместо существовавшего прусского) при Ватикане. С этой целью в Рим для переговоров с папой неоднократно ездил видный деятель католической партии центра барон фон Гертлинг. В качестве предлога для этих поездок выдвигалось желание разрешить вопрос о создании теологического факультета в Страсбурге. В действительности же Бюлов, по его же словам, хотел также, чтобы Гертлинг ближе ознакомился с римской обстановкой, так как он имел в виду со временем преобразовать прусское посольство в Ватикане в имперское и барон Гертлинг казался Бюлову наиболее подходящим на пост посла [330]. Вопрос об учреждении имперского посольства в Ватикане и позже (напр., в 1903 г.) обсуждался в правящих германских кругах, в частности в качестве мероприятия, которое будет способствовать упрочению отношений правительства с партией центра. Вильгельм II не отвергал этого проекта [331].

По мере того как углублялись расхождения Ватикана с Францией, папский престол все больше возлагал надежды на помощь Германии и в «Римском вопросе». По свидетельству Пастора, уже в 1898 г. в ватиканских кругах считались с возможностью поддержки папы Германией в «Римском вопросе» [332]. В мае 1898 г. французский посол при Ватикане говорил Чары-

---

[328] АВПР, ф. Ватикан, д. 11, л. 69.

[329] АВПР, ф. Канцелярия 1903, д. 14, л. 96.

[330] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 101.

[331] Ibid., p. 379. Проект этот был реализован только после первой мировой войны, когда германская буржуазия, напуганная революцией, мобилизовала против нее все средства, в том числе католическую церковь. В 1920 г. было учреждено имперское посольство при Ватикане, а нунций в Мюнхене Пачелли (будущий папа Пий XII) прибыл в Берлин в качестве нунция при имперском правительстве.

[332] L. Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, S. 311.

кову, что ради получения поддержки папы на Востоке и вытеснения французского протектората Вильгельм II «готов даже пожертвовать своим союзником, итальянским королем, военное значение коего теперь открыто отрицается в Германии, и выставить приманкой для папы восстановление его светской власти...» [333].

Германские католические организации, одно время снявшие с повестки дня своих съездов вопрос о восстановлении светской власти папы, чтобы не обострять германо-итальянских отношений, стали вновь заявлять протесты по поводу положения папы. В таком духе была, например, принята резолюция 51-м всегерманским католическим конгрессом в Регенсбурге в 1904 г.

Германское правительство принимало меры к тому, чтобы расширить число немецких прелатов в окружении папы и через них влиять на деятельность курии. Чарыков писал в мае 1898 г., что французский представитель в Ватикане Пубель «усматривает, со времени занятия Киао-Чао, усиленную деятельность с германской стороны среди лиц, окружающих папу» [334]. Как сообщает Бюлов, Лев XIII сказал Вильгельму при их встрече в 1903 г., что он, папа, «окружен немцами и в последнее время почти наполовину сделался немцем» [335].

Ватикано-германское сотрудничество и сближение, начатое при Льве XIII, еще больше углубилось при его преемнике — папе Пие X. Вильгельм II говорил немецкому археологу и католическому священнику Вильперту, что со Львом XIII он находился в союзе, да и вновь избранный папа велел передать ему, Вильгельму, чтобы он продолжал развивать дружественные отношения, которые связывали его со Львом XIII [336]. По словам Бюлова, Пий X относился к нему, Бюлову, столь же благосклонно, как и его предшественник Лев XIII [337].

В 1906 г. генералом ордена иезуитов был избран немец Вернц. Печать отмечала, что его избрание — еще одно свидетельство успеха германской политики в Ватикане, французская же печать утверждала, что Вернц кандидат кайзера.

Барон Шиллинг, поверенный в делах России при Ватикане, писал в сентябре 1906 г. по поводу избрания Вернца: «...весьма правдоподобно, что германская политика постарается использовать означенное обстоятельство, которое лишь дополняет целый ряд счастливых для нее условий, созданных событиями последних лет... Можно было бы привести целый, постоянно удлиняю-

---

[333] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 67.

[334] Там же, л. 182.

[335] B. Bülow. Denkwürkdigkeiten, Bd. I, S. 614.

[336] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918, S. 266—267.

[337] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 100—101.

щийся список влиятельных должностей, занятых немецким духовенством вне Германии. Это своего рода «мирное проникновение» («penetration pacifique») католических учреждений немцами дает в руки германскому правительству, при нынешнем его предупредительном отношении к Римской церкви, мощное орудие распространения своего влияния» [338].

Германская военная разведка имела (как дальше будет подробнее рассказано) среди людей, окружавших Бенедикта XV, своего шпиона в лице папского камергера — немецкого священника Герлаха.

Лев XIII сочувствовал планам германского империализма создать сильную армию и могучий военный флот. Во время аудиенции Вильгельма II у Льва XIII в 1903 г. папа, по словам кайзера, спросил его, как обстоит дело с постройкой флота, и выразил надежду, что император «получит сильный и могущественный флот для защиты мира и германских культурных интересов» [339]. Известно, что военный флот строился германскими, как и другими империалистами, не для «защиты мира и культурных интересов», а для осуществления политики захватов.

В 1906 г., когда центр в рейхстаге не поддержал правительства в вопросе о бюджете на содержание войска в юго-западной Африке, кардинал Копп писал канцлеру Бюлову, что он не одобряет линии центра и что в Ватикане также недовольны позицией, занятой центром в данном вопросе [340].

В 1908 г., когда Бюлов посетил Ватикан, Пий X заверил его, что между Ватиканом и Берлином существует полное доверие, немецкие католики, сказал папа,— лучшие и наиболее преданные сыны церкви, и он гордится ими [341]. Сазонов писал в апреле 1908 г., что при встрече Бюлова с Пием X в числе других ими обсуждался и вопрос о политике центра. Сазонов слышал, что папа озабочен разрывом между центром и Бюловым, он «опасается как бы, превратившись из правительственной в оппозиционную партию, центр не утратил постепенно выгод своего исключительного положения. Ввиду этого обстоятельства, как мне передавали, папа счел полезным выразить канцлеру пожелания относительно улажения нынешней распри между Германским правительством и парламентскими католиками...» [342].

Все большее сближение Ватикана с германским империа-

---

[338] АВПР, ф. Ватикан, д. 17, лл. 195—196.
[339] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 615.
[340] Ibid., Bd. II, S. 272—273.
[341] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 406; F. Hanus. Die preussische Vatikangesandschaft, S. 395.
[342] АВПР, ф. Ватикан, д. 23, л. 93.

лизмом имело своим последствием и безоговорочную поддержку Ватиканом (и Львом XIII и Пием X) антипольской политики германского правительства, которую начал проводить еще Бисмарк.

«Пангерманский союз» — организация наиболее агрессивных кругов германских империалистов, возникшая в 1891 г., как и «Союз защиты немецких интересов в восточных провинциях», были центрами антипольской деятельности[343]. От германизации страдали прежде всего польские крестьяне. Представители польской аристократии, хотя время от времени и протестовали против насилий над польским населением, в конце концов находили общий язык с немецкими колонизаторами. Польские депутаты в рейхстаге, примыкавшие к католической партии центра, поддерживали правительство Вильгельма II во всех важнейших вопросах. «Польские депутаты в Германском рейхстаге и в прусском ландтаге,— пишет Ю. Мархлевский,— поддерживали во всех экономических вопросах реакционное юнкерство, неизменно голосовали за морские и военные кредиты, и только время от времени позволяли себе, в виде некоторой роскоши заявлять торжественные протесты против позорной германизаторской политики...»[344].

Такой же линии поведения придерживались и представители высшего польского католического духовенства, лицемерно выступавшие в защиту интересов поляков, а на деле поддерживавшие мероприятия прусского правительства.

Антипольская политика германского правительства в годы, предшествовавшие первой мировой войне (как и до этого), поддерживалась и германской католической партией центра, немецким католическим епископатом и Ватиканом. Депутат центра принц Аренберг говорил Бюлову, что многие члены центра согласны с тем, что необходимы «оборонительные мероприятия» против «наглой польской агитации» и действительная «защита» немцев на Востоке, но из тактических парламентских соображений они воздерживаются от того, чтобы занять позицию против польской фракции. Бюлов пишет также, что его «друг и доброжелатель» архиепископ Бреславльский кардинал Копп был «решительным противником полонизма»[345] и поддерживал антипольскую политику германского правительства. Копп писал Бюлову из Рима: «В папе, как и в кардинале статс-секретаре, а также в руководящих ватиканских кругах, вы можете быть вполне уверены. Здесь доверие к вам непоколебимо и ни поляки, ни иезуиты не смогут заставить курию чинить вам пре-

---

[343] «Красный архив», т. 92, 1939, стр. 221.

[344] Ю. Мархлевский. Польша и мировая революция, М., 1920, стр. 15.

[345] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 566.

пятствия. Прусские епископы взирают на ваше превосходительство с полнейшим доверием...» [346].

Лидеры католической партии и немецкий епископат, не возражавшие против ограбления и изгнания польских крестьян, охотно зато выступали защитниками «религиозных интересов» поляков, например, в таких вопросах, как язык богослужения и преподавания «закона божия» в школах. Но защитником «религиозных интересов» поляков выдавал себя и Вильгельм II, этот сторонник безжалостных мер против поляков. Выступая 9 августа 1905 г. в Гнезне, Вильгельм II, обращаясь к местному капитулу, сказал: некоторые польские подданные не ясно представляют себе, пользуются ли они покровительством Гогенцоллернов? Высказавшись против «фальшивых заключений», делаемых на основании «исторических воспоминаний» и «фантазий», т. е. против тех, кто надеется на возрождение Польши, Вильгельм заявил: «Я хотел бы, повторить, чтобы каждый католик-поляк знал, что его религия мной уважается и ее исповеданию ни в какой форме препятствия чиниться не будут» [347].

Прусское юнкерство и их глава — кайзер охотно готовы были предоставить польским крестьянам «царство небесное», себе же они забирали их земли. Той же тактики придерживался и Ватикан. Папский престол протестовал против ущемления религиозных интересов поляков, но не протестовал против их ограблений и насильственной германизации, как он не возражал против антипольской политики российского царизма.

В июле 1900 г. прусский министр культов Штудт распорядился, чтобы религиозное обучение в низших и средних школах в Познани велось не на польском, а на немецком языке. Распоряжение встретило сопротивление и учащихся, и их родителей. Польские дети стали на уроках закона божия отказываться отвечать на вопросы, задаваемые на немецком языке, а также читать библию и молитвы на немецком языке. В мае 1901 г. в г. Врешене над польскими детьми была устроена экзекуция — 14 учащихся были подвергнуты телесным наказаниям. Родители, устроившие демонстрации протеста против избиения детей, были преданы суду, и 24 человека были присуждены к тюремному заключению [348]. Врешенская история, писала «Искра», вызывала возмущение культурного населения всего мира [349].

Как же реагировали на это дело католические круги?

---

[346] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 589.

[347] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1905, S. 108—109.

[348] «Вестник Европы», 1902, № 1, стр. 389; № 2, стр. 830—831; Th. Schiemann. Deutschland und die Grosse Politik, Anno 1901, Berlin. 1902, S. 403.

[349] «Искра», № 18, 10 марта 1902.

10 декабря 1901 г. князь Радзивилл в весьма умеренных тонах внес в рейхстаг запрос относительно событий в Врешене и политики насильственной германизации. Бюлов поблагодарил Радзивилла за мирный характер его интерпелляции и заявил, что правительство не изменит своей политики и будет дальше защищать Германию от серьезной «польской опасности».

Представители католической партии центра в рейхстаге лицемерно «осуждали» насильственную германизацию и отстаивали право поляков обучать своих детей религии на родном языке, но вопрос о германизации старались свести (как они это делали и раньше) к вопросу о вытеснении католицизма протестантизмом в польских областях [350]. При обсуждении врешенского дела в прусском ландтаге в январе 1902 г. представитель католического центра заявил, что подавление польского языка должно быть осуждено, но поляки должны чувствовать себя прусскими подданными и оставить всякие планы восстановления польского государства [351].

Орган германской социал-демократической партии «Нейе Цайт» писал, что центр на словах слегка критикует правительственную политику в отношении поляков, но фактически поддерживает германизацию [352].

Руководящие деятели партии центра лавировали: они солидарны были (хотя и с оговорками) с пангерманистами и их великодержавными планами, но в то же время как «представители католицизма» должны были выступать, хотя бы на словах, защитниками католиков-поляков — не национальных и социальных интересов трудящихся поляков, а их «религиозных интересов».

Не возражал и не протестовал против гонений поляков и Ватикан. В 1902 г., когда врешенское дело еще волновало общественное мнение, Вильгельм II послал своего представителя генерала Лое в Рим на юбилей 25-летия понтификата папы Льва XIII. Вильгельм II сказал, выступая в Аахене 19 июня 1902 г., что папа заявил генералу Лое, что он всегда высоко оценивал благочестие немцев, в особенности немецкой армии; папа просил передать кайзеру, что страна в Европе, где господствуют повиновение, дисциплина, порядок и уважение к властям и почтение к церкви, где каждый католик свободно и беспрепятственно может жить согласно своей вере,— это Германия, и этим он обязан немецкому кайзеру [353]. Эти слова кайзе-

---

[350] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, X Legislaturperiode, II Session, 1900/1903, Berlin, S. 3083—3093.
[351] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1902, S. 18.
[352] «Die Neue Zeit», Nr. 28, 1903/1904, S. 55.
[353] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1902, S. 112.

ра подтвердил генерал Лое. По его словам, Лев XIII восхвалял кайзера за «справедливость» в отношении его католических подданных и безоговорочно одобрял церковные и государственные отношения в Пруссии [354]. Восхваляя «справедливость» церковных и государственных отношений в Пруссии, Лев XIII тем самым оправдывал и врешенскую экзекуцию и все другие антипольские мероприятия прусских властей.

Папа хотел представить положение католиков в Пруссии в радужном свете, чтобы иметь возможность противопоставить этому «гонения на католиков» во Франции, где в то время усилилось движение против клерикалов и их конгрегаций.

Папа Пий X издавал одну за другой энциклики против антиклерикальных мероприятий во Франции, но он молчал по поводу преследования католиков-поляков в Пруссии даже и тогда, когда это затрагивало и чисто религиозную область, как было, например, с распоряжением гнезненских властей (в сентябре 1905 г.), чтобы польские учителя подготавливали польских детей к исповеди и причастию на немецком языке, или с распоряжением о введении преподавания закона божия на немецком языке.

Союз с кайзеровской Германией делал Ватикан слепым, когда дело шло о положении поляков-католиков в Пруссии.

Ватикан помогал германскому правительству «успокаивать» поляков. В марте 1907 г. Сазонов писал Извольскому о своей беседе с статс-секретарем Ватикана кардиналом Мерри дель Валем по поводу школьной забастовки в польских областях Пруссии. «На мой вопрос,— писал Сазонов,— принимал ли св. престол непосредственно участие в успокоении национальных страстей в Познани и Восточной Пруссии, кардинал статс-секретарь ответил, что хотя прусское правительство не просило его вмешательства, он счел, однако, возможным повлиять на местное духовенство в смысле более примирительного отношения к тем из правительственных требований, которые не представляются св. престолу неразумными и несправедливыми. К таковым относятся главным образом постановление вышеупомянутого закона о преподавании Закона божия на немецком языке в старших классах народных училищ...» [355].

Людвиг Пастор записал в своем дневнике 18 апреля 1907 г.: «Кардинал Фишер посетил меня и уверил, что папа и кардинал статс-секретарь отлично информированы о немецких делах и проявляют живую симпатию к Германии. В этом прежде всего заслуга кардинала архиепископа Коппа. Вопрос о польских школах папа представляет себе с полной ясностью. Он проявляет большое понимание политической стороны этой проблемы.

[354] Ibid., p. 123—125.
[355] АВПР, ф. Ватикан, д. 19, л. 84.

К чисто национальным стремлениям поляков в Риме совершенно не прислушиваются»[356].

Политическая сторона этой проблемы сводилась к германизации польских областей. Этой «политической стороне» дела папа ни в какой мере не противодействовал.

Германское правительство добивалось поддержки Ватиканом своей политики германизации также и Эльзас-Лотарингии и получило ее.

В. И. Ленин писал в 1913 г.: «Свыше 40 лет французское население Эльзаса насильственно «германизировали» и «вгоняли» всяческим прижимом в королевско-прусскую, фельдфебельскую, чиновническую дисциплину, называемую «германской культурой». А эльзасцы отвечали своей протестующей песенкой: «Вы взяли наш Эльзас, нашу Лотарингию, вы можете германизировать наши поля, но вы никогда не овладеете нашим сердцем,— никогда»[357].

Для завоевания «сердец» эльзасцев германское правительство пользовалось помощью католической церкви. По переписи 1900 г. из 1,7 млн. населения Эльзас-Лотарингии 1,3 млн. были католики[358]. Опираясь на католическую церковную организацию в этих областях, германизируя церковь, поставив во главе ее преданных прусскому государству иерархов, правительство Германии рассчитывало осуществить германизацию всего населения.

Правительство Вильгельма II добивалось согласия папы на германизацию всей системы подготовки духовенства для Эльзаса. Уже с конца XIX в. оно начало переговоры с Ватиканом об учреждении при Страсбургском университете римско-католического богословского факультета взамен существовавшего в Страсбурге богословского учебного заведения. До сих пор, по словам Сазонова (депеша от 18(31) июля 1900 г.), богословское образование в Эльзасе по своей организации и традициям являлось «живым памятником французского владычества»; германское же правительство добивалось согласия курии на то, чтобы ввести богословское образование в этих землях «в состав общегерманской образовательной системы», т. е. добивалось его германизации.

Домогательства германского правительства встречали противодействие и правительства Франции и французского католического духовенства. Курия же, писал Сазонов, «не возражая в принципе против намеченного Германией преобразования, затрудняется, однако, дать на него свое согласие ввиду

---

[356] L. Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, S. 473.
[357] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 464.
[358] «The Statesman's Year Book», London, 1903, p. 691.

крайнего возбуждения, вызванного среди эльзасского духовенства и местного населения слухами о подобной мере...» [359].

Летом 1900 г. в Рим для переговоров с папой по этому вопросу по поручению германского правительства приезжал барон Гертлинг. Гертлинг дал понять в Ватикане, что ценой уступки со стороны курии в вопросе создания католического факультета в Страсбургском университете могло бы быть учреждение дипломатического представительства папы в Берлине. Ватикан, писал Сазонов, придает большое значение установлению дипломатических отношений с иноверческими державами и «поэтому едва ли можно сомневаться, что если бы курия не имела основания считать заманчивые речи г-на ф. Гертлинга простыми посулами, а могла бы рассчитывать побороть сопротивление берлинского двора и массы протестантского населения империи появлению нунция в Берлине, она не задумалась бы тотчас согласиться на предлагаемые ей условия...» [360].

Противодействие своим планам в Эльзасе германское правительство встретило первоначально (до того, как во Франции стали проводиться антиклерикальные мероприятия) со стороны эльзасских католиков и духовенства. Эльзасское духовенство, писал Губастов из Ватикана 24 апреля (7 мая) 1901 г., видит в задуманной германским правительством реформе программу германизации Эльзаса и поэтому старается сохранить существующие семинарии в нынешнем виде [361].

Долго длившиеся переговоры привели в 1902 г. к соглашению правительства Вильгельма II с Ватиканом. Взамен существовавшего в Страсбурге высшего духовного училища соглашение предусматривало создание католического факультета при университете, фактически подконтрольного германским властям, так как им принадлежал решающий голос при назначении профессоров факультета (хотя Вильгельм II согласился и на участие страсбургского епископа в назначении профессоров). «Как я слышал,— писал в октябре 1902 г. Сазонов,— уступчивость курии обусловлена замечающейся в эльзасском духовенстве переменой фронта под влиянием недавних мер французского правительства против духовных конгрегаций» [362].

На приеме Вильгельма II в 1903 г. Лев XIII сказал кайзеру, что при решении вопроса о страсбургском факультете пришлось преодолеть сопротивление страсбургского духовенства; он, папа, надеется, что кайзер доволен тем, как вопрос

---

[359] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, л. 88.
[360] Там же.
[361] Там же, д. 8, л. 62.
[362] Там же, д. 9, л. 148.

разрешился, и что для этого много поработали лидер центра Гертлинг и кардинал Копп — «человек, на которого мы оба можем полагаться» (слова папы Льва XIII) [363].

Ватикан шел навстречу притязаниям правительства кайзера и в том, чтобы католические епархии в Эльзас-Лотарингии возглавили епископы-немцы. В 1901 г. после смерти страсбургского епископа начались переговоры между правительством Германии и римской курией о кандидатуре его преемника. Правительство Германии настаивало, чтобы новым епископом был не француз. Между тем статс-секретарь Ватикана получил много писем от эльзасских католиков, требовавших, чтобы на управление Страсбургской епархией не был назначен немец. Соглашение было достигнуто на следующих основах: епископом Страсбурга был назначен немец, а его помощником (викарным епископом) француз [364]. В том же году епископом Меца также был утвержден немец.

Одним из предметов переговоров между Вильгельмом II и Львом XIII в 1903 г. при посещении кайзером Ватикана был эльзас-лотарингский вопрос. «Из некоторых хотя и весьма отрывочных замечаний и недомолвок кардинала Рамполлы можно заключить,— писал в мае 1903 г. Губастов Ламздорфу,— что император пытался склонить папу повлиять своим авторитетом на католическое население Эльзаса в духе полнейшего слияния с Германией и указывал, как на одно весьма действительное для этого средство, возведение мецкого епископа в сан кардинала» [365].

Ватикан стал на сторону Германии и в развернувшейся с конца XIX в. борьбе между ней и Францией по вопросу о так называемом протекторате над католиками на Востоке.

«Пангерманский союз» выдвинул обширную программу империалистического грабежа. Его аппетиты простирались в Европе на Бельгию, Голландию, Люксембург, Румынию, балканские государства, территорию Италии и Франции. Ненавистники славянских народов, пангерманисты строили планы расчленения России, порабощения славянских народов, в первую очередь поляков. В их планы входил захват Китая, Африки, Малой Азии [366].

Правящие круги Германии уже давно стали обнаруживать растущий интерес к Ближнему Востоку — Малой Азии, Сирии, Месопотамии, Палестине. «У изголовья «больного человека»,

---

[363] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 612.

[364] A. Soderini. Leo XIII und der deutsche Kulturkampf. Wien, 1934, S. 356.

[365] АВПР, ф. Ватикан, д. 11, л. 73.

[366] «Красный Архив», т. 92, 1939, стр. 217—222; «British documents on the origins of the war», v. III, London, 1928, p. 350—352.

как назвал Оттоманскую империю Николай I, уже давно стояли претенденты на турецкое наследство — Россия, Англия, Франция. Каждый из них ревниво оберегал это «наследство» от поползновений своих соперников... Но уже в конце 80-х годов новому сопернику — Германии — все-таки удалось проникнуть на арену борьбы за влияние в Турции»[367]. Однако оказалось, что в турецких владениях прочные позиции к этому времени занимала Франция, пользовавшаяся правом протектората, т. е. покровительства, над католиками на Востоке. «В то время, как православные греки обращались к защите России, папский престол поручил Франции защищать на Востоке интересы католиков всех национальностей... Религиозная сила была значительной силой, способствующей росту морального влияния Франции, а следовательно, и ее политического авторитета»[368].

Французский протекторат над католиками в Турции явился одним из препятствий на пути захватнических планов Германии на Востоке.

Краткая история протектората такова: со времен занятия Константинополя турками и падения Византийской империи Франция, в силу сложившейся практики, а затем специальных соглашений с Турцией получила право покровительства (протектората) над католиками в пределах турецких владений. В 1740 г. на основании договора с Турцией Франции как покровительнице католиков в Турции была предоставлена охрана так называемых «святых мест» в Иерусалиме и вне его. В местностях, прилегавших к границам империи Габсбургов, в силу договоров, заключенных в XVII и XVIII вв. с Турцией, право протектората над католиками было признано за Австро-Венгерской монархией (в годы, предшествовавшие первой мировой войне, Австро-Венгрия особенно ревниво следила за сохранением этого права в отношении Албании и Сербии). На Дальнем Востоке, в силу навязанных Китаю договоров, право протектората было признано за Францией.

Ватикан признавал и французское и австрийское право протектората; циркуляром ватиканской конгрегации пропаганды веры от 22 мая 1888 г. папский престол разъяснял, что право протектората (Франции и Австро-Венгрии) над католиками должно быть поддержано там, где оно существует[369].

В конце XIX в., когда Германия выступила участником борьбы за передел мира, она столкнулась на Востоке с французским протекторатом. Церковные учреждения, религиозные миссии, отдельные лица во всех своих спорах с турецкими вла-

[367] А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951, стр. 191.

[368] Жюль Камбон. Дипломат. М., 1946, стр. 49.

[369] АВПР, ф. Ватикан, д. 13, л. 129; ф. Посольство в Риме, д. 2004, лл. 16—17.

стями (а в Китае — с китайскими) обращались к французским дипломатическим агентам. Такое положение естественно укрепляло позиции Франции.

Сделав объектом своих завоевательных планов огромные территории на Ближнем и Среднем Востоке, германские империалисты стали всеми способами добиваться и упразднения французского протектората. Вильгельм II пустил с этой целью в ход все средства нажима на Турцию и на Ватикан. Его правительство поощряло миссионерскую деятельность немецких католических и протестантских организаций, выдвинувших требования, чтобы «защита интересов католиков» на Востоке перешла к Германии.

Тот факт, что в борьбе, которую Германия начала в конце XIX в. за передачу ей права протектората над католиками в Турции, мотив о «защите христиан» был лишь ширмой для захватнических планов германских империалистов, виден хотя бы из того, что когда в 1896 г. султанскими властями в Турции была устроена массовая резня христиан-армян, правительство Вильгельма II, претендовавшее на роль «защитника христиан», чтобы не портить отношений с Турцией, палец о палец не ударило в защиту армян. Германский же посол в Константинополе Заурма «заявил султану, что «подавление армянского восстания» считает «его правом и его обязанностью как суверена», и с этой точки зрения оправдывал пущенные в ход «строгие меры»»[370].

Борьба Германии на право протектората была неразрывно связана с экспансией германского империализма. В письме от 24 февраля 1898 г. на имя фон Шварценштейна — одного из руководящих чиновников министерства иностранных дел — посол Германии в Константинополе фон Маршалль писал, что пришло время, когда Германия может померяться влиянием с французами в пределах Турецкого государства и в церковно-политической области; борьбу против претензий Франции в этой области, доказывал Маршалль, нужно начать тогда, когда германское правительство будет уверено, что имеет папу своим союзником, или хотя бы что он будет соблюдать благожелательный для Германии нейтралитет. Для самого папы, писал Маршалль, французская опека неприятна и, возможно, он сам думает, что для него было бы более приемлемым иметь в качестве покровителя христиан турецкого султана, нежели Францию; но возможно, что он не хочет нарушать статус кво. Дело прежде всего решается в Риме, здесь в первую очередь надо побороть французские притязания[371].

---

[370] А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в., стр. 199.

[371] «Die Grosse Politik», Bd. 12, T. II, S. 593—594.

В обширном докладе, посланном рейхсканцлеру князю Гогенлоэ 25 февраля 1898 г., Маршалль писал, что одна из задач германской политики в Турции — побороть влияние Франции на церковные дела римско-католических христиан в этой стране и тем самым косвенно выиграть в политических вопросах. Благодаря протекторату Франция усилила свои позиции в Турции. С того времени, как Франция стала выступать совместно с Россией, она перестала заботиться об интересах католиков. Немецкие католики в Турции, писал Маршалль, привыкли обращаться со своими религиозными делами к германскому правительству; другие же католики нефранцузы считают, что им нечего ожидать от государства, которое находится на буксире у православной России. И самому папе, если судить по некоторым данным, французская опека становится неудобной [372]. Для Германии, писал Маршалль, складываются исключительно благоприятные условия, чтобы окончательно подорвать французское право протектората и создать немецкое, что сильно подняло бы престиж Германии на Востоке.

Маршалль и на этот раз подчеркнул, что решение вопроса зависит от позиции Ватикана и Германия вряд ли достигнет чего-либо в противовес Ватикану, от которого надо добиваться, если не поддержки притязаний Германии, то нейтралитета [373].

Прусский посол в Ватикане Ротенган и бреславльский архиепископ Копп — один из наиболее преданных германскому империализму немецких церковных иерархов — настойчиво добивались в Ватикане упразднения французского протектората. В мае 1898 г. Чарыков сообщал, что французский посол в Ватикане говорил ему, что «германское правительство стремится, по его мнению, вытеснить французский протекторат над католиками востока и для этого начинает проводить мысль среди лиц, окружающих папу, и даже в немецкой печати, что Франция, став союзницей России, не является более верной и ревностной защитницей интересов римского католицизма, жертвуя ими, в особенности в Палестине, в пользу притязаний греческой церкви, поддерживаемой русскими», но если бы папа захотел воспользоваться могуществом Германии и влиянием Вильгельма на султана, то католической церкви не пришлось бы опасаться за свои успехи на Востоке, от этого выиграло бы и международное положение папства [374].

Германские дипломаты и в Константинополе, и в Ватикане работали над тем, чтобы были установлены дипломатические отношения между турецким султаном и римским папой. В этом

---

[372] Ibid., S. 595.
[373] «Die Grosse Politik», Bd. 12, т. II, S. 597.
[374] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 65—66.

случае отпала бы надобность в посредничестве Франции в вопросах, касавшихся католиков в Турции [375].

4 марта 1898 г. Маршалль телеграфировал в Берлин министерству иностранных дел: турецкий министр иностранных дел сообщил ему, что папа секретно зондирует в Константинополе почву относительно того, согласится ли султан послать в Ватикан своего дипломатического представителя, и что султан относится к этой идее положительно. Со своей стороны Маршалль внушал турецкому министру, что нет оснований к тому, чтобы султан не осуществил своего права вступить в дипломатические отношения с другим суверенным государем. Если бы турецкий представитель был послан в Ватикан, писал Маршалль, то это сильно ударило бы по французским претензиям [376].

30 марта 1898 г. Маршалль писал, что католическая церковь в Турции, в отличие от других церквей, не связана непосредственно с государством, а связана с турецким государством через французское посольство. Это уже не устраивает папский престол. Но есть более важное обстоятельство, почему папство хочет установить с турецким правительством дипломатические отношения: с установлением дипломатических отношений с Турцией Ватикан связывает реализацию своих планов подчинения Риму православной церкви [377].

26 мая (7 июня) 1898 г. Чарыков писал, что вопрос о турецком дипломатическом представительстве при Ватикане, по-видимому, вновь становится на очередь и что турецкое правительство, побуждаемое Вильгельмом II, вновь пытается вести в этом направлении переговоры; французское же правительство возражает против установления дипломатических отношений курии с Турцией. «Из разговора, который я имел об этом предмете вчера с г. Пубель (французский посол при Ватикане.— *М. Ш.*),— писал Чарыков,— я мог заключить, что в Ватикане, а равно и сам Лев XIII, желали бы учреждения при папе турецкого посольства, ради связанного с сим возвеличения международного положения Римской курии и что до сих пор французскому правительству не было дано положительного уверения, что турецкое предположение не осуществится...» [378].

---

[375] W. Langer. The diplomacy of imperialism (1890—1902), New York, 1951, p. 638. Правительство Вильгельма II, как дальше будет показано, добивалось также, чтобы были установлены дипломатические отношения между Ватиканом и правительством Китая и чтобы тем самым было ликвидировано французское право протектората в Китае. Германские дипломаты выступали посредниками между пекинским правительством и Ватиканом, имея в виду усилить свои позиции в Китае.

[376] «Die Grosse Politik», Bd. 12, т. II, S. 598.

[377] Ibid., p. 599—602.

[378] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 80.

От себя Чарыков добавляет, что германский протекторат над христианами в Турции явился бы источником новых недоразумений России с Германией, содействовал бы успеху германской колонизации в этих местностях, означал бы начало упадка влияния Франции и был бы новым орудием воздействия германского правительства на султана, на римскую курию и немецкую католическую партию центра [379].

Французское правительство не хотело отказаться от тех преимуществ, какие ей давало право протектората над христианами на Востоке, и французская дипломатия старалась расстроить планы установления дипломатических отношений между Ватиканом и султаном.

15 апреля 1898 г. статс-секретарь министерства иностранных дел Б. Бюлов по телеграфу запросил германского посла в Константинополе — верно ли газетное сообщение, что противодействие Франции установлению непосредственных дипломатических отношений с папой уже дает себя знать? [380] Германские дипломаты играли на честолюбии султана: они убеждали его, что он, как суверенный государь, волен установить дипломатические отношения с кем хочет и противодействие Франции установлению дипломатических отношений Ватикана с Турцией нарушает права султана.

16 и 18 апреля 1898 г. Маршалль телеграфировал министерству иностранных дел в Берлин о заявлении французского посла, что Франция не потерпит учреждения нунциатуры в Константинополе; в связи с этим он, Маршалль, стремится укрепить в султане силу сопротивления Франции. Беседуя с турецким министром иностранных дел, он убеждал его, что право султана заключать дипломатические соглашения и чужое вмешательство может лишь создать опасный прецедент. Маршалль говорил турецкому султану, что правительство Вильгельма II «с особым интересом» узнало о назначении посла Турции в Ватикан и советует султану безусловно держаться принятого решения [381].

8 мая 1898 г. Маршалль телеграфировал в Берлин, что хотя папа вновь возбуждал перед Турцией вопрос об установлении дипломатических отношений, он теперь, под давлением Франции, откладывает со дня на день выдачу агремана (согласия) Азим бею, назначенному представителем султана [382].

В результате противодействия Франции дипломатические отношения между турецким султаном и папой не были установлены. В августе 1898 г. по другому поводу Бюлов писал графу

[379] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 81.
[380] «Die Grosse Politik», Bd. 12, T. II, S. 602—603.
[381] Ibid., p. 603—605.
[382] Ibid., p. 606.

Гатцфельду, германскому послу в Лондоне, что посылка турецкого посла в Ватикан давно была бы фактом, если бы не преждевременная огласка, давшая возможность французам помешать этому [383].

Такой исход дела не устраивал правительство Германии. После того как провалился план установить дипломатические отношения между папой и султаном, началась подготовка к поездке Вильгельма II в Палестину. В письме к Николаю II (18 августа 1898 г.) Вильгельм II лицемерно сокрушался по поводу того, что вокруг его поездки «в святую землю» поднят большой шум: «приходишь в отчаяние,— лицемерно писал он,— видя, что чувство истинной веры, побуждающее христианина стремиться в ту страну, где жил и страдал наш спаситель, почти совершенно исчезло в так называемых высших классах XIX века, так что им приходится простое паломничество объяснять политическими мотивами» [384].

Во всем этом была не только самореклама, на что так падок был кайзер, но прежде всего политический расчет: Вильгельм II знал, что религия — серьезный фактор политики. Отправляясь на Восток, Вильгельм представлял это как паломничество к «святым местам» христианства. Однако уже возвращаясь из «святых мест», Вильгельм, будучи в Дамаске, говорил о своих симпатиях к исламу и что 300 млн. мусульман всего света имеют в лице германского императора своего друга.

Выступая в роли «покровителя христиан» на Востоке, Вильгельм II рассчитывал подорвать здесь влияние Франции, а поощряя турецких панисламистов, кайзер имел в виду использовать их против Англии и России. В докладе Николаю о своих беседах с Вильгельмом II министр иностранных дел Сазонов писал (4 ноября 1910 г.), что он обратил внимание кайзера на опасность для России панисламистской пропаганды, идущей из Турции и поощряемой Германией. Сазонов сказал кайзеру, что его выступление «в роли покровителя мусульман не может не быть истолковано последними, как поощрение к дальнейшей агитации... Появление нового халифата — «Берлинского» — ...не может не беспокоить России, насчитывающей свыше 20 миллионов мусульманских подданных» [385].

---

[383] «Die Grosse Politik», Bd. 14, T. I, S. 356.

[384] Переписка Вильгельма II с Николаем II, М., 1923, стр. 28. Совершенно несостоятельны утверждения, встречающиеся в литературе, что Вильгельм II отправился на поклонение «святым местам» в значительной мере «из подлинно религиозных» побуждений, а также по политическим соображениям (см., например, W. Langer. The diplomacy of imperialism, p. 637). Вся предыстория поездки Вильгельма, как и история самой поездки, опровергает подобные утверждения и свидетельствует о том, что поездка Вильгельма II в Палестину была продиктована прежде всего политическими соображениями.

[385] «Красный архив», т. 3, 1923, стр. 5—6.

«Паломничество» Вильгельма к «святым местам» еще более ясно раскрывает подоплеку борьбы Германии с Францией за «право покровительства христианам» на Востоке. В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», говоря о всесилии монополий, которые в эпоху империализма ворочают миллиардами и пронизывают все стороны общественной жизни, В. И. Ленин цитирует статью издателя журнала «Банк» Лансбурга, который писал по поводу поездки Вильгельма II в Палестину, что ее непосредственным результатом явилась постройка Багдадской железной дороги [386]. Одновременно с Вильгельмом в Константинополь прибыл директор «Немецкого банка», и в результате происходивших переговоров с султаном германские монополии получили концессии в Турции. Поездка кайзера к «святым местам» должна была морально подкрепить экономическую экспансию германского империализма на Ближнем Востоке.

Незадолго до поездки кайзера к «святым местам» германское правительство купило при посредничестве турецкого султана за 120 тыс. франков участок земли (султану через немецкого посла в Константинополе было заявлено, что Вильгельм II лично заинтересован в том, чтобы этот участок был продан Германии) в Палестине Dormition (или «Почивание богородицы»), чтобы подарить его затем немецким католическим организациям в Палестине, где они и построили католическую церковь и монастырь [387].

В своем письме от 4 июня 1898 г. к Вильгельму II статс-секретарь министерства иностранных дел Бюлов писал, что такой подарок нужно сделать для ослабления могущества, которое Франция приобрела на протяжении столетий благодаря протекторату над католиками в Турции; нужно, писал Бюлов, поддерживать, с одной стороны, все то, что подрывает престиж Франции, и с другой стороны — антагонизм между немецкими и французскими католиками на Востоке [388].

18 октября кайзер прибыл в Константинополь, а 29 октября в Иерусалим, где немецкие протестантские и католические организации устроили ему торжественную встречу. Кайзер и сопровождавшие его лица посещали церкви и различные немецкие учреждения. На приемах кайзер произносил речи о том, что на немцах лежит обязанность показать, что такое христианство. При передаче приобретенного участка земли немецкому като-

---

[386] См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 225.

[387] «Die Grosse Politik», Bd. 12, T. 11, S. 607—612, 617—622; Wilhelm II. Eregnisse und Gestalten 1878—1918, Berlin, 1922, S. 181. На освящение построенной здесь католической церкви в 1910 г. Вильгельм II послал своего сына.

[388] «Die Grosse Politik», Bd. 12, T. 11, S. 610—611.

лическому союзу кайзер заявил, что он, хотя и протестант, но отечески заботится и о своих католических подданных. В телеграмме Льву XIII Вильгельм писал, что он берет на себя защиту немецких католиков в Палестине. В одном из своих выступлений в Палестине Вильгельм II сказал, обращаясь к директору немецкого католического госпиталя, что госпиталь «пользуется тем же самым покровительством, коим пользуются германские католики на крайнем Востоке, где ныне находится принц Генрих с германскими броненосцами...»[389]. Вильгельм II откровенно объяснял, что германские броненосцы готовы расчистить путь германским миссионерам на Среднем Востоке подобно тому, как они это делали в то время в Китае.

Немецкая католическая печать, католическая иерархия и католическая партия центра были целиком солидарны с захватническими планами Вильгельма II. Кардинал Копп говорил Вальдерзее по поводу поездки кайзера в Палестину, что впервые в немецком духовенстве проявилось немецкое национальное чувство[390]. «Немецкое национальное чувство», т. е. германский шовинизм и солидарность с германским империализмом, немецкое католическое духовенство, как и протестантское, в дальнейшем проявит не раз.

Деятельность германского правительства, направленная против французского протектората, и поездка Вильгельма II в Палестину встревожили правящие круги во Франции.

7 сентября 1898 г. германский поверенный в делах в Париже писал рейхсканцлеру Гогенлоэ, что предстоящая поездка Вильгельма II на Восток вызывает возбуждение во Франции[391]. Католическая иерархия Франции выступила в защиту французского протектората и, следовательно, против своих коллег — немецких епископов.

Архиепископ Реймский кардинал Ланженье обратился к папе с предложением о создании французского «Национального комитета для сохранения и защиты французского протектората». Франция, писал кардинал папе, никогда не согласится с тем, чтобы потерять это почетное право. 20 августа папа ответил кардиналу Ланженье, что он с удовлетворением читал его письмо о создании комитета для сохранения и удержания французского протектората в святой земле, где враги католицизма удваивают свой натиск, чтобы помешать верным сынам церкви доступ к святыням. Франция, писал папа, получила на Востоке от провидения особую благородную миссию, которая освящена не только практикой, но и международными договорами и кото-

---

389 АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 126.

390 «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. II, S. 421.

391 «Die Grosse Politik», Bd. 12, T. II, S. 612.

рая признана также святым престолом [392]. Следует иметь в виду, что в то время, когда происходили описываемые события, папский престол еще не отказался совсем от французско-русской ориентации. Этим можно объяснить характер ответа папы французскому кардиналу.

Заявление папы не понравилось германскому правительству. Кардинал статс-секретарь Рамполла заверял прусского поверенного в делах при Ватикане (в сентябре 1898 г.), что письмо папы Ланженье не направлено против Германии и не дарит никого новыми привилегиями, а содержит заявление, что на Востоке должно сохраниться статус кво и это касается не только французского протектората, но и австрийского протектората [393].

8 октября 1898 г. на приеме французских паломников Лев XIII подтвердил свое недавнее заявление относительно традиционного протектората Франции на Востоке. Германскому послу в Ватикане было из Берлина сообщено, что такое выступление папы накануне предстоящей поездки Вильгельма II в Палестину оскорбило кайзера. Кардинал Рамполла, однако, заверил прусского поверенного в делах, что высказывание папы не имеет отношения к поездке кайзера на Восток, что в этом высказывании папы нет ничего нового, а речь идет о сохранении статус кво. Он напомнил послу о позиции Ватикана в вопросе о претензиях на протекторат над христианами в Китае (после захвата Германией Киао-Чао (Цзяочжоу) папа решил этот вопрос в соответствии с немецкими требованиями) [394]. Чарыков писал 13(25) октября 1898 г. по этому поводу: «...кардиналу Рамполла удалось быстро сгладить неблагоприятное впечатление папской речи. Он объяснил, что папа не высказал ничего нового, а лишь подтвердил существующий издавна в действительности порядок вещей...» [395].

Для отстаивания интересов германского империализма в Ватикан был послан архиепископ Гнезненский и Познанский Стаблевский. Стаблевский был принят папой и кардиналом статс-секретарем и говорил им, что немцы-католики не могут признавать над собой французский протекторат. Бюлову Стаблевский писал, что папа не может официально и открыто ограничить исторически сложившееся и закрепленное договорами положение Франции как протектора чисто религиозных учреждений; что касается отдельных лиц, то папа предоставляет им полную свободу. По словам Стаблевского, в Ватикане счита-

[392] Ibid., S. 613; Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1898, S. 305.
[393] «Die Grosse Politik», Bd. 12, T. 11, S. 614—615.
[394] Ibid., p. 621—622.
[395] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 124.

ются с совершившимися фактами — и если раньше или позже католические конгрегации будут искать немецкой защиты, то папа даст на это свое согласие. Наконец, ему известно об указании папы патриарху Иерусалимскому устроить Вильгельму торжественную встречу [396].

Ватикан старался сгладить впечатление, произведенное в немецких правящих кругах речью папы перед французскими паломниками. «Оссерваторе Романо» опубликовала 18 октября статью, в которой резко критиковала либеральную итальянскую печать за то, что она придавала выступлению папы антигерманскую тенденцию. Рамполла говорил поверенному в делах Пруссии в Ватикане, что в будущем он все сделает, чтобы избегать такого рода трений, которые вызваны речью папы перед паломниками [397]. 11 ноября папа обратился с письмом к архиепископу Кельнскому Кременцу по случаю того, что кайзер подарил немецким католическим организациям земельный участок в Палестине. Он выразил по этому поводу свое удовлетворение, восхвалял кайзера и заявил, что его радует, что немецкие католики на своих собраниях благодарят кайзера за его дар.

Французские правящие круги направили в ноябре 1898 г. в Ватикан кардинала Ланженье, чтобы отстаивать там французский протекторат. Прусский посол при Ватикане доносил, что кардинал должен был убедиться в твердом решении Ватикана держаться в этом вопросе сдержанной позиции [398].

В свою очередь немецкая католическая печать подняла на щит кайзера Вильгельма II, как «защитника католиков» на Востоке. В декабре 1898 г. депутаты католического центра Фритцен и Либер выступили в рейхстаге по поводу поездки кайзера на Восток. Оба они восхваляли кайзера и заявили, что отныне немецкие католики будут искать защиты не у иностранных агентов, а у немецких и что немецкие католики «по национальным и религиозным причинам» отвергают французский протекторат и горды доверить защиту своих интересов германскому правительству [399].

Выступления представителей центра и немецкой католической печати по вопросам протектората приняли столь шовинистический характер, что газета «Оссерваторе Романо» сочла нужным опубликовать заметку о том, что в интересах церкви и папства прекратить полемику [400].

---

[396] «Die Grosse Politik», Bd. 12, T. 11, S. 624—625.
[397] Ibid., p. 627.
[398] Ibid., p. 631.
[399] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages X Legislaturperiode, I Session 1898/1900, Bd. 1, S. 24, 110—111.
[400] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 149—150.

Ватикан не считал возможным сразу упразднить французский протекторат: это усложнило бы его отношения с Францией и создало бы трудности для католической церкви в Турции. Дело в том, что большинство миссионерских организаций на Ближнем Востоке вплоть до первой мировой войны были французскими. В Турции к 1912 г. начальное образование находилось в руках французских монахинь и конгрегации имели более 5 тыс. школ [401]. Французские миссионеры создали в Палестине высшую теологическую школу, в Бейруте — университет, они имели низшие, средние и технические школы, госпитали [402]. Лишь постепенно французские миссионеры были вытеснены немецкими и итальянскими и позднее — американскими. К тому же в конце XIX в. Франция еще давала Ватикану больше денег, чем другие державы, на содержание миссий. Рамполла в беседе с прусским поверенным в делах в Ватикане (сентябрь 1898 г.) между прочим сделал такое замечание: «А затем, вы не должны забывать, что Франция нам дает более 4 миллионов ежегодно для наших миссий» [403]. Со всем этим, т. е. с фактическим преобладанием французских миссий, содержавшихся на французские деньги, Ватикан не мог не считаться. Но в соответствии с общим курсом своей политики на установление союза с Германией папский престол все больше склонялся на сторону последней и в вопросе протектората. Архиепископ Стаблевский и баварский посол в Ватикане доносили в Берлин, что Ватикану нужно время, чтобы коренным образом изменить свою позицию в этом вопросе. Они писали, что создание все в большем числе немецких миссий, которые будут обращаться по своим делам не к французским, а к немецким консулам, де факто сведет на нет французский конкордат. В значительной мере так и произошло на самом деле.

В октябре 1898 г. в беседе с прусским поверенным в делах в Ватикане по поводу речи папы перед французскими паломниками о французском протекторате Рамполла сказал: «Когда отец имеет одного весьма здорового ребенка и другого — больного, он иной раз невольно уделяет последнему, имея в виду состояние его здоровья, особую ласку. Пусть здоровый ребенок этим не огорчается» [404].

Католический историк папства новейшего времени Шмидлин пишет, что после поездки Вильгельма II в Палестину вопрос о протекторате над христианами на Востоке и в Китае принял благоприятное для германских миссий направление [405].

---

[401] «Вестник Европы», 1912, март, стр. 304.
[402] «Вестник Европы», 1915, март, стр. 285.
[403] «Die Grosse Politik», Bd. 12, T. II, S. 615.
[404] Ibid., p. 625.
[405] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II, S. 469

Германское правительство старалось использовать обострение франко-ватиканских отношений. Папский же престол хотел показать, как много Франция теряет вследствие антиклерикальной политики своего правительства. Посол России в Берлине Остен-Сакен писал в мае 1903 г. Ламздорфу по поводу пребывания Вильгельма II в Ватикане: «Если императору удалось склонить на свою сторону папу, то последствия подобного успеха не заставят себя ждать. Франция, пользовавшаяся до сих пор престижем покровительницы всех католиков на Востоке, должна будет поделиться этой ролью с Германией, сумевшей фактически уже высвободить своих католических подданных из-под нравственного влияния Франции и добивающейся ныне от курии формального признания своих прав» [406].

В ходе борьбы за ликвидацию французского протектората вновь был поднят вопрос об учреждении турецкого посольства при Ватикане. В конце 1904 г. в Ватикан прибыл антиохийский патриарх Кирилл и привез папе письмо турецкого султана, а кардиналам Мерри дель Валю и Готти (префект пропаганды) турецкие ордена. Печать истолковала все это как показатель желания обеих сторон установить дипломатические отношения [407].

Более откровенно прогерманскую линию в вопросе о протекторате папский престол занял с того момента, когда отношения курии с Францией ухудшились и дело дошло до разрыва с ней дипломатических отношений, хотя правительство Франции заявляло, что законы против конгрегаций и закон об отделении церкви от государства не меняют его благожелательного отношения к миссионерской деятельности и Франция продолжает считать себя покровителем христиан на Востоке, так как право протектората связано с международными соглашениями и не зависит от папского престола.

Французский протекторат фактически был упразднен в годы, предшествовавшие первой мировой войне, в процессе борьбы держав за передел мира: правительство каждой стороны в интересах своей политики завоеваний старалось обеспечить за собой право «покровительствовать» своим христианским подданным в странах Востока, а на самом деле под предлогом «защиты христиан» обеспечить за собой право вмешиваться во внутренние дела этих стран.

Ватикан, насколько это от него зависело, содействовал ликвидации французского протектората и усилению на Востоке позиции немецких католических организаций — этой агентуры германского империализма.

---

[406] АВПР, ф. Канцелярия 1903, д. 14, л. 97.

[407] АВПР, ф. Ватикан, д. 13, л. 175.

Статс-секретарь кардинал Мерри дель Валь говорил в июне 1913 г. Нелидову, что раньше папский престол поручал католические учреждения на Востоке заступничеству Франции, но «по мере того, как усердие Франции ослабевало, с одной стороны, а с другой, националистические течения развивались даже в вопросах духовной жизни,— св. престол не мог, конечно, препятствовать тому, чтобы то или иное учреждение ставило себя под особое покровительство своего национального представительства...» [408].

Чем больше обострялась борьба между двумя блоками держав в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, тем более тесными становились отношения между Ватиканом и Германией. В 1910 г. имперский канцлер Бетман-Гольвег прибыл в Рим. По поводу теплого приема, устроенного ему в Ватикане, Булацель писал 16 (29) марта Извольскому: «...современное общее политическое положение позволяет с большою вероятностью заключить, что как у Германии, так и св. престола имеется немало поводов для взаимного сближения. Антиклерикализм за последнее время, как я недавно еще имел честь доносить вашему высокопревосходительству, сказался очень резко в общественных и даже в правительственных кругах разных стран, тогда как в Германии таких проявлений наблюдается гораздо меньше. Если Ватикану выгодно сохранить расположение хотя бы этой одной державы, то имперское правительство, в свою очередь, естественно дорожит благожелательством курии, которой повинуется партия центра, ныне весьма могущественная...» [409].

Через год, в сентябре 1911 г., в своем обзоре внешней политики Ватикана поверенный в делах России при Ватикане князь Волконский писал: «Высказывается, по-видимому, не без основания то предположение, что течение этой политики уклоняется все сильнее в сторону определенного сближения с обеими среднеевропейскими империями. По общему убеждению, даже кардинал Рамполла, которому раньше приписывались политические симпатии латинские и славянские, ныне начинает тяготеть к германскому миру...» [410].

Стремление упрочить ватикано-германский союз в связи с надвигавшимся военным столкновением между державами было настолько сильным в правящих кругах Германии, что они, вопреки протестам германских протестантов, готовы были смотреть сквозь пальцы на выпады папы против протестантской церкви. 26 мая 1910 г. Пий X издал энциклику по поводу 600-летия канонизации Карла Борромео, одного из деятелей

---

[408] АВПР, ф. Ватикан, д. 34, л. 46.
[409] Там же, д. 27, лл. 31—32.
[410] Там же, д. 30, л. 111.

контрреформации (Борромеева энциклика). Энциклика содержала оскорбительные выпады по адресу реформации. Ее деятелей папа называл «врагами креста Христа», людьми, «чьим богом является желудок», «преступниками», извращавшими нравственность [411]. Энциклика вызвала глубокое возмущение в протестантских кругах Германии (напомним, что к протестантской церкви принадлежали и кайзер, и значительная часть правящих кругов) и других стран. Вопрос об энциклике был в июне 1910 г. предметом обсуждения в прусской палате депутатов. Ораторы протестовали против энциклики, как оскорбительной для евангелического населения. В своем ответе на эти выступления канцлер Бетман-Гольвег признал, что энциклика оскорбительна для евангелического населения, и сообщил, что поручил послу Пруссии в Ватикане заявить протест перед курией и выразить надежду, что курия найдет средства предотвратить ущерб, который принесет опубликование энциклики [412].

По словам Пастора, дело едва не дошло до упразднения прусского посольства при Ватикане [413]. По другому свидетельству, посланник Пруссии в Ватикане Мюльберг все это время сидел с упакованными чемоданами, готовый к отъезду [414]. Последовавшие переговоры показали, однако, желание обеих сторон не обострять отношений.

25 мая (7 июня) 1910 г. Булацель писал: чтобы сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное в Германии энцикликой, папа при приеме 6 июня 1910 г. группы немецких паломников «в особенно трогательных выражениях призывал божие благословение на императора Вильгельма и его августейшее семейство...» [415].

Вскоре после этого в «Оссерваторе Романо» появилось официальное сообщение, что в энциклике вообще не поименованы народы и властители какой-либо страны и что у папы не было желания оскорбить некатолических жителей Германии или их государей, а недавняя речь папы немецким паломникам является доказательством расположения папы к Германии [416]. В результате переговоров представителя Пруссии при Ватикане с курией папа велел энциклику в Германии не опубликовывать [417].

Так с конца XIX — начала XX в. складывался и укреплялся

---

[411] J. Hohlfeld. Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten, Bd. 1. Berlin, 1927, S. 449—450.
[412] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1910, S. 317.
[413] L. Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, S. 520.
[414] F. Hanus. Die preussische Vatikangesandschaft 1747—1920, S. 401.
[415] АВПР, ф. Ватикан, д. 27, л. 66
[416] Там же, л. 68.
[417] F. Hanus. Die preussische Vatikangesandschaft, S. 401.

союз Ватикана с Германией, союз, который сохранился вплоть до окончания первой мировой войны.

Упрочению союза Ватикана с Германией способствовало и то обстоятельство, что в коалиции с Германией находилась католическая Австро-Венгрия.

ВАТИКАН И АВСТРО-ВЕНГРИЯ НА БАЛКАНАХ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Австрийские феодально-клерикальные и военные круги во главе с эрцгерцогом Франц-Фердинандом ставили себе целью разгромить национальное движение южных славян, захватить Сербию и включить ее территорию в состав монархии Габсбургов.

Немалое значение в качестве орудия своей политики на Балканах правящие австро-венгерские круги придавали разжиганию религиозной розни среди балканских народов. Германский посол в Вене Чиршки писал в ноябре 1912 г. рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу, что в правящих кругах Вены утешают себя тем, что распространение различных религий среди южных славян помешает им объединить свои силы против монархии Габсбургов, что католики-хорваты никогда не будут действовать против монархии совместно с православными славянскими братьями. Чиршки, однако, признавал, что эти расчеты, как показали события, не являются надежными [418].

В октябре 1908 г. Австро-Венгрия официально заявила об аннексии ею Боснии и Герцеговины. Активными сторонниками аннексии были клерикальные круги. Незадолго до этого, в августе 1908 г., германский поверенный в делах в Вене граф Брокдорф-Ранцау писал рейхсканцлеру князю Бюлову, что в дипломатических кругах усиленно говорят о скорой аннексии Боснии и Герцеговины, при этом он, в частности, указал на то, что этого давно добиваются военные и клерикальные круги, особенно близко стоящие к архиепископу Штадлеру [419].

Германия поддержала Австро-Венгрию в вопросе о захвате ею Боснии и Герцеговины. Вместе с германскими правящими кругами аннексию Боснии и Герцеговины поддержали немецкие клерикалы из партии центра. 1 января 1909 г. орган австрийских клерикалов «Рейхспост» опубликовал статью депутата германского рейхстага, представителя католической партии центра Эрцбергера, упрекавшего рейхсканцлера Бюлова в том, что в своем выступлении в рейхстаге 10 декабря 1908 г. в связи с захватом Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины он не стал

[418] «Die Grosse Politik», Bd. 33, S. 369—370.
[419] Ibid., Bd. 26, T. I, S. 20—21.

еще более решительно на сторону последней и не заявил, что в случае международного конфликта немецкая армия станет на сторону Австро-Венгрии. С такими же упреками выступил и орган католического центра «Германия»[420].

Захваченные Австрией области населяли 824 тыс. сербов (православных), 612 тыс. мусульман, 434 тыс. хорватов (народ, родственный сербам, по религиозной принадлежности — преимущественно католики) и небольшие группы немцев-протестантов и евреев[421].

Австро-Венгрия, задолго до 1908 г. прибравшая Боснию и Герцеговину к своим рукам, стремилась опереться здесь на католическую церковь и ее организации и покровительствовала этой церкви. Власти поощряли открытие католических школ и при назначении чиновников отдавали предпочтение католикам[422].

Епископ Худаль пишет: «Нигде в Европе религия и церковь так не были перемешаны с политикой, как в балканских государствах и в Восточной Европе»[423]. Ватикан и связанное с ним австро-венгерское правительство широко использовали это обстоятельство для осуществления своих политических целей с помощью церкви и религии.

Как уже было отмечено, монархия Габсбургов со времен турецкого владычества пользовалась в балканских странах правом протектората над католиками, подобно тому, как этим правом на Востоке пользовалась Франция. Габсбургская монархия стремилась сохранить это право, дававшее ей возможность вмешиваться во внутреннюю жизнь балканских государств. Еще в начале 1913 г. было опубликовано официальное заявление австро-венгерского правительства, что религиозный протекторат является исконным правом монархии, осуществлением которого она дорожит столько же, сколько дорожит своим правом покровительства католикам и Франция[424].

В сербских правительственных кругах считали, что установление непосредственных отношений Сербии с Ватиканом поведет за собой ликвидацию австро-венгерского протектората. В связи с этим уже в конце XIX в. происходили переговоры между сербским правительством и Ватиканом о заключении конкордата[425].

[420] «Die Grosse Politik», Bd. 26, T. 11, S. 479.

[421] «Международные отношения в эпоху империализма», т. IV, М., 1931, стр. 304.

[422] «Известия Министерства иностранных дел», кн. VI, М., 1915, стр. 151; «Вестник Европы», 1909, март, стр. 51—52; апрель, стр. 484—494.

[423] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918, S. 277.

[424] АВПР, ф. Посольство в Риме, д. 2004, л. 16.

[425] АВПР, ф. Политархив. д. 2906, лл. 1—4. В 1896 г. сербский король Александр во время посещения им Льва XIII высказался за заключение конкордата (АВПР, ф. Посольство в Риме, д. 2157, л. 14).

Отрицательное отношение к идее конкордата высказывали представители царского правительства России при Ватикане и в Белграде, считавшие, что заключение конкордата усилит позиции папства и католицизма на Балканах, а также влияние Австро-Венгрии. Заключение конкордата, говорил в марте 1901 г. посланник России в Белграде Чарыков сербскому министру иностранных дел, диктуется политическими соображениями, а именно — стремлением Сербии освободиться от австрийской гегемонии и в области духовных сил. Но нет уверенности, что заключением конкордата эта цель будет достигнута [426].

Вновь вопрос о сербском конкордате стал предметом переговоров в годы, предшествовавшие первой мировой войне. На этот раз заключению конкордата препятствовало правительство Австро-Венгрии, не желавшее потерять право протектората, царская же дипломатия теперь уже не возражала против конкордата. Министр иностранных дел России Сазонов писал 11 июня 1914 г. посланнику при Ватикане, что после балканских войн и присоединения к Сербии новых земель католическое население в этой стране увеличилось, вследствие этого старая точка зрения против конкордата утеряла силу, так как «только путем установления прямых отношений между сербским правительством и курией может быть положен предел существовавшему до сих пор протекторату Австро-Венгрии над католиками помянутых выше земель...» [427]. «Если Сербии удастся заключить конкордат,— писал еще раньше, 28 января (11 февраля) 1913 г., посол России в Вене Гирс,— то этим самым Австрия лишится всякой почвы для вмешательства во внутренние дела Сербии под предлогом оказания покровительства своим единоверцам...» [428].

«Как сербы, так и черногорцы,— писал в сентябре 1913 г. поверенный в делах России при Ватикане Н. Бок,— очевидно, поставят первым условием своих соглашений с Ватиканом уничтожение австрийского протектората в присоединенных к их королевствам областях» [429].

Заключение конкордата было выгодно для Ватикана, но невыгодно для Австро-Венгерской монархии. И папский престол предпочел в интересах Австро-Венгрии затягивать решение этого вопроса. В марте 1914 г. Нелидов сообщал из Ватикана, что заминка в сербско-ватиканских переговорах произошла вследствие вмешательства австро-венгерского правительства [430].

---

[426] АВПР, ф. Политархив, д. 2906, л. 9.
[427] Там же, л. 30.
[428] АВПР, ф. Посольство в Риме, д. 2004, л. 17.
[429] АВПР, ф. Ватикан, д. 34, л. 70.
[430] АВПР, ф. Посольство в Риме, д. 2004, л. 32.

В марте 1914 г. Нелидов сообщал, что при встрече со статс-секретарем кардиналом Мерри дель Валем он ему задал вопрос: справедлив ли слух, что в переговоры между Сербией и Ватиканом намерена вмешаться Австрия? «Кардинал ответил,— пишет Нелидов,— что, конечно, в самих переговорах Австрия не призвана участвовать, но что св. престол не может не считаться с занимаемым Австрией в бывших турецких областях фактическим положением и с законно присвоенными ей католической церковью правами. «А кроме того,— сказал кардинал,— мы имеем относительно Австрии долг благодарности за то, что она до сих пор сделала для католичества в тех краях»» [431]. Таким образом, Ватикан отстаивал сохранение австрийского протектората и особых привилегий Австро-Венгрии в Сербии. Мерри дель Валь советовал Весничу, сербскому представителю, прибывшему в апреле 1914 г. в Рим для ведения переговоров с курией, предварительно договориться с Австрией, но тот отказался, так как это означало бы признание за последней прав на протекторат [432].

По сообщению Гартвига (в мае 1914 г.), австро-венгерское правительство в связи с переговорами о конкордате выдвинуло следующие требования: 1) чтобы во всех католических храмах Сербии с правой стороны вблизи иконостаса было отведено почетное место для австро-венгерских представителей, 2) чтобы над церковными порталами был изображен герб Австро-Венгрии, 3) чтобы во время богослужений возглашалось имя австро-венгерского императора и 4) чтобы Австро-Венгрии было предоставлено право контроля над выполнением Сербией всех взятых ею обязанностей по конкордату [433].

Таким образом, правительство Австро-Венгрии добивалось, чтобы католическая церковь в Сербии была его органом и служила его интересам. Ватикан поддерживал эти притязания Австро-Венгрии на право вмешательства во внутренние дела Сербии.

Римская курия добивалась привлечения к участию в переговорах австро-венгерского правительства и предварительного соглашения Сербии с этим правительством по вопросам, связанным с конкордатом. Лишь категорическое заявление представителя Сербии, что подобное требование приведет к срыву переговоров, заставило курию отказаться от этой мысли.

11 (24) июня 1914 г. сербский конкордат был подписан. Стараниями Ватикана некоторые права «почетного попечительства» Австро-Венгрии над католическими церковными учреждениями в Сербии сохранились.

---

[431] АВПР, ф. Ватикан, д. 35, л. 33.
[432] Там же, л. 54.
[433] АВПР, ф. Политический архив, д. 532, л. 202.

Заключение конкордата не сделало папский престол другом Сербии. Это обнаружилось в дни, последовавшие за заключением конкордата, когда Ватикан занял враждебную Сербии позицию в связи с австро-венгерским ультиматумом и начавшейся первой мировой войной. Папский престол не терял надежды, что Сербия окажется в лагере побежденных и тогда по-иному встанет вопрос и о конкордате, и о реставрации господства Австро-Венгрии в Сербии, чего папский престол и хотел.

«Стремясь к господству на Адриатике, Австрия и Италия оспаривали друг у друга преобладающее влияние в Албании» [434]. По религиозному признаку население Албании состоит из католиков, мусульман и православных. Считалось, что католицизм в Албании находится под австрийским протекторатом. Австрийский «протекторат» над албанцами-католиками выходил далеко за пределы церковных вопросов и служил средством укрепления политического влияния Австро-Венгрии.

В октябре 1898 г. в Рим прибыла депутация от католиков албанского города Призренда просить папу изъять их общину из-под австрийского протектората. Папа не принял депутацию. Тогда она обратилась во французское посольство при Ватикане, но получила ответ, что Франция ревностно оберегает свои права протектората там, где они существуют, и потому не может вмешиваться в дела римско-католического населения Албании, находящегося под австрийским протекторатом [435].

Папский престол был за сохранение австрийского протектората и в Албании.

В июле 1909 г. поверенный в делах России при Ватикане барон Шиллинг писал, что папский престол находится на стороне Австрии в вопросе о протекторате в Албании, «где это право служит могучим орудием австрийского влияния» [436].

Чарыков, посол России в Константинополе, писал в январе 1912 г. министру иностранных дел, что Австро-Венгрия обладает в Албании «историческим правом покровительствовать католической церкви... Однако австро-венгерская пропаганда выходит на деле далеко за границы этого чисто церковного покровительства, к области которой едва ли можно отнести широко распространенное в Албании австро-венгерское школьное дело» [437].

Накануне первой мировой войны правительства империалистических держав выработали проект образования «самостоя-

---

[434] «История дипломатии», т. II, стр. 217.
[435] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 132.
[436] Там же, д. 26, л. 66.
[437] «Международные отношения в эпоху империализма», т. XIX, ч. 1, стр. 315.

тельного» Албанского государства. Ватикан был солидарен с этой новой формой порабощения Албании. Посол Австрии при Ватикане Шенбург-Хартенштейн писал 16 января 1913 г. в Вену, что, беседуя с ним о кандидатуре на будущий албанский трон, кардинал статс-секретарь Мерри дель Валь сказал: «Больше всего желательно, чтобы претендент на престол был католик, если же нет, то лучше мусульманин, чем протестант» [438].

В августе 1913 г. кардинал Альярди заявил посланнику Австро-Венгрии при Ватикане графу Пальффи: «...сохраните протекторат в Албании при всех условиях, так как он — драгоценный камень в короне вашего императора и счастье для католической церкви, которой он принес бесконечно много пользы...» [439].

Курия, сказал далее Альярди, очень заинтересована в том, кто будет правителем Албании. Она предпочитает, естественно, чтобы им был католик, но нет подходящей кандидатуры, а помимо того, против католика будет Италия, из опасения, что он будет склоняться к папскому престолу и, следовательно, приведет к противоречию с Италией. В протестантском князе (за которого, по словам кардинала, на американские деньги ведется пропаганда) курия видит «величайшее несчастье». Единственное возможное решение курия видит в том, чтобы призвать мусульманина. Альярди добавил, что он связан с египетским принцем Фуад пашой, который, по его мнению, является подходящим кандидатом на албанский престол и готов признать австро-венгерский протекторат в Албании [440].

Ватиканские иерархи не хотели считаться с желаниями самого албанского народа, они были непримиримыми врагами его освободительной борьбы.

Австро-венгерские агенты, опираясь на католическую церковную организацию, разжигали в Албании религиозную вражду между католиками и мусульманами, доходившую до кровавых столкновений. Российский вице-консул в Скутари в своем секретном обзоре положения в Албании писал в июле 1915 г.: «...австрийская пропаганда, пользовавшаяся, как средством для достижения цели, помощью преданного Австрии католического духовенства, албанской прессой и подкупами, усилила в католическом населении доходящую до ослепления неприязнь к здешним мусульманам...» [441].

Поддержка Ватиканом захватнических планов Австро-Венг-

---

[438] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Kriese 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914», Bd. V, S. 468.

[439] Ibid., Bd. 7. S. 139.

[440] Ibid., Bd. VII, S. 139—140.

[441] «Международные отношения в эпоху империализма», т. VIII, ч. I, стр. 288.

рии в Албании в противовес таким же захватническим планам итальянской буржуазии ухудшала ватикано-итальянские отношения. В борьбе против Австро-Венгрии на Балканах Италия искала сближения с царской Россией. Это в свою очередь ухудшало и русско-ватиканские отношения.

Папский престол поддерживал также притязания Австро-Венгрии на протекторат над католиками в Черногории, несмотря на возражения последней [442].

В Ватикане лелеяли надежды на упрочение влияния католицизма и в Болгарии. Австрийский посол в Ватикане принц Шенбург сообщал в декабре 1912 г., что кардинал статс-секретарь, беседуя с ним, выразил надежду на переход болгарской церкви в униатство [443].

Поверенный в делах России в Софии Ю. Саблер писал 7 октября 1913 г. Нератову, что в Болгарии развивается униатское движение и большой интерес к нему проявляет Австрия [444].

Даже при решении чисто литургических вопросов, касавшихся католиков южных славян, папский престол учитывал, в какой мере это может затронуть Австро-Венгрию. Среди католиков южных славян давно поднимался вопрос о переводе богослужения на славянский язык и об употреблении требников не на латинском алфавите, а на «глаголице». Католики-славяне видели в этом известное средство противодействия ассимиляции.

Лев XIII в интересах распространения католицизма готов был пойти навстречу этим требованиям. Однако с того времени, как между державами усилилась борьба за влияние на Балканах, папский престол решение вопроса о языке богослужения ставил в зависимость от того, как оно отразится на интересах Австро-Венгрии. В мае 1905 г. папа созвал в Риме епископов Далмации, Хорватии, Истрии и Крайны, чтобы обсудить вопрос о богослужении на старославянском языке и о пользовании местным духовенством требником, напечатанным «глаголицей». Председателем собрания епископов был кардинал Ванутелли, который, по словам Нарышкина, «душою преданный австро-венгерскому влиянию, приложит, конечно, старание вести прения в угодном для Австрии смысле...» [445]. Характерно, что заседание епископов происходило в здании австро-венгерского посольства при Ватикане и «представитель императора Франца-Иосифа,— по словам Сазонова,— если и не руководил работами епископов, то во всяком случае имел возможность

---

[442] АВПР, ф. Посольство в Риме 1910, д. 2059, лл. 34, 36.

[443] E. Winter. Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans 1878—1903, S. 132.

[444] АВПР, ф. Политархив 1913, д. 1351, л. 169.

[445] АВПР, ф. Ватикан, д. 15, л. 17.

влиять на их ход в смысле желаний венского правительства»[446]. Решение папы по вопросам, обсуждавшимся на названном собрании епископов, было объявлено в форме постановления конгрегации обрядов от 18 декабря 1906 г. Оно было не в пользу разрешения славянского богослужения[447]. Славянская литургия разрешалась в Далмации и Истрии лишь в тех церквах, где она совершалась непрерывно последние 30 лет. Это решение вызвало протесты, и под их давлением папа дал указание несколько смягчить его — он поручил конгрегации обрядов в известных случаях разрешать славянское богослужение и в тех церквах, где 30-летняя давность славянских богослужений прерывалась. Сазонов писал 1 (14) апреля 1908 г.: «Считаю не лишним отметить, что мне удалось получить из вполне достоверного источника подтверждение уже высказанных мною предположений касательно давления, оказываемого здешним австро-венгерским послом в Ватикане в видах возможного ограничения славянской литургии. Как известно, в этом отношении желания венского правительства совпадают с личным нерасположением папы-венецианца к национальным стремлениям при-адриатических славян...»[448].

Ватикан, следовательно, участвовал в политике подавления национального движения славянских народов, находившихся под гнетом Габсбургов.

На Балканах столкнулись империалистические интересы различных европейских стран — Австро-Венгрии, поддерживаемой Германией и благожелательно относившейся к ней султанской Турции, с одной стороны, царской России и Италии — с другой. В борьбе держав за порабощение балканских народов Ватикан в годы, предшествовавшие первой мировой войне, находился в лагере австро-венгерских и германских империалистов и их союзника Турции[449].

Нелидов писал в декабре 1912 г., что Ватикан в делах, касающихся балканских стран, «настроен если не прямо враждебно православию, то во всяком случае весьма сочувственно австрийской политике и ее эгоистическим домогательствам. Из этого следует, что и Австрия в свою очередь может и будет широко пользоваться знаменем католичества для своих государственных целей»[450].

Обе враждующие империалистические группы лицемерно прикрывали свои грабительские планы такими «возвышенны-

---

[446] АВПР, ф. Ватикан, д. 19, л. 6.

[447] Там же, л. 7.

[448] Там же, д. 21, л. 80.

[449] Проявлением дружественных отношений главы католической церкви с Турцией явилось награждение султаном в январе 1906 г. турецкими орденами трех видных сановников курии.

[450] АВПР, ф. Ватикан, д. 22, л. 199.

ми» лозунгами, как «защита христиан», «покровительство католиков», «покровительство православия» и т. д. В то же время правительства в обоих империалистических лагерях вместе с Ватиканом безучастно смотрели на систематически организуемую турецкими властями резню христиан.

«Только международная социал-демократия,— писал в большевистской «Искре» Д. Благоев,— способна ныне поднять голос протеста против зверств в турецких провинциях Европы, против поощрения их буржуазными правительствами и энергично высказаться за освобождение стран, борющихся за свою свободу и более высокое культурное существование» [451].

Австрийские правящие круги весьма ценили проавстрийскую политику папского престола на Балканах. В 1907 г. статс-секретарю кардиналу Мерри дель Валю был пожалован высший австрийский орден св. Стефана. По этому поводу Сазонов писал, что это награждение укрепит дружественные чувства римской курии к Австро-Венгрии. «Расположение курии,— писал Сазонов,— приобретает в настоящее время в глазах австрийского правительства особенную цену ввиду все продолжающегося брожения среди адриатических славян по поводу употребления славянского языка в литургии, а также, в еще большей степени, в силу преобладающего положения, занятого в австрийском рейхсрате после недавних выборов, всеми фракциями католической партии, на послушание которых в Ватикане, по-видимому, твердо рассчитывают» [452]. Незадолго до первой мировой войны, в феврале 1914 г., большая группа прелатов курии (кардиналы Ванутелли, Де Лаи и 26 других прелатов) получили австрийские ордена.

Проавстрийская политика Ватикана на Балканах и превращение последним католических церковных организаций балканских стран в проводников австрийского влияния, все более явное участие Ватикана в качестве союзника в германо-австрийской коалиции — все это ухудшало отношения России с Ватиканом. И если вплоть до самого конца своего существования царский режим сохранял дипломатические отношения с папой, то прежде всего потому, что нуждался в его поддержке в подавлении революционного движения среди польского населения России.

ВАТИКАН И АНГЛИЯ

Англия подобно другим державам стремилась опереться в своей империалистической политике на поддержку Ватикана. Большое влияние католического духовенства в Ирландии, бес-

---

[451] «Искра», № 48, 15 сентября 1903 г.
[452] АВПР, ф. Ватикан, д. 21, л. 8.

прекословно повиновавшегося папе, делало для господствующих классов Англии важным сотрудничество с Ватиканом против национального движения ирландского народа.

С конца XIX в. в самой Англии стало заметно усиливаться влияние католицизма. Это наблюдалось прежде всего в аристократических кругах, в том числе среди высших представителей англиканской церкви. В католицизм переходили «англиканское духовенство, аристократы, светские женщины. Другая часть новообращенных приходила из литературных, художественных и театральных кругов... Зато на народные массы и даже на средние классы католическая церковь оказывала слабое влияние» [453].

Сотрудничество с Ватиканом должно было также обеспечить английскому империализму поддержку католических организаций в колониях. Генерал ордена иезуитов Мартин сказал фельдмаршалу Вальдерзее в 1903 г., что Англия извлекает от деятельности иезуитов в колониях большую выгоду [454].

В свою очередь и папство стремилось укрепить свои позиции в Англии. Это открывало ему возможность хотя бы частично вернуть католической церкви то, что она потеряла в результате реформации, и, в еще большей мере, возможность вести католическую пропаганду в английских колониях. Отношение Ватикана к Англии в то же время не могло не определяться общей политикой папского престола, характерной особенностью которой с конца XIX в., как уже было отмечено, являлся все более определенный курс на прочный союз с кайзеровской Германией.

С конца XIX в. англо-германские противоречия становятся наиболее глубокими из всех противоречий между державами. «...Дело не исчерпывалось колониальными притязаниями Германии, торговой конкуренцией, ее стремлением к гегемонии. Важнее было то, что Германия приступила к сооружению сильного военно-морского флота... Появление сильного военного флота делало Германию самым опасным из всех мыслимых врагов Англии» [455].

Обострение противоречий с Германией толкало Англию на сближение с Францией и Россией. Летом 1903 г. президент Франции Лубе приехал в Лондон. Начавшиеся тогда переговоры завершились заключением в апреле 1904 г. англо-французского договора о разделе Африки. В 1907 г. был заключен союз Англии с Россией. Англия сотрудничала и с Италией.

---

[453] Э. Галеви. История Англии в эпоху империализма, стр. 164—165.
[454] «Denkwürdigkeiten des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III, S. 213.
[455] «История дипломатии», т. II, стр. 132—133.

Все эти обстоятельства сказывались на отношении Ватикана к Англии. Ватиканская пресса заняла враждебную Англии позицию в англо-бурской войне 1898—1902 гг. не потому, что она в какой-либо степени сочувствовала бурам. «Газета иезуитов „Voce de la Verità“ доказывала, что так как Италия сильна только поддержкой Англии, то крушение могущества последней, вследствие решительных побед над нею буров, приведет к крушению безбожной Италии и восстановлению в Риме папской власти. Смущение, вызванное этой кампанией ватиканской прессы среди английских католиков, было столь велико, что «светский глава» этих католиков, герцог Норфолькский, нашел себя вынужденным выйти из состава кабинета Сольсбери с тем, чтобы записаться офицером в экспедиционную английскую армию»[456].

Война Англии в Южной Африке, писал из Ватикана Чарыков 9 (21) ноября 1899 г. Ламздорфу, вызвала со стороны папского правительства и его органов столь враждебное к Англии отношение, что английские католические круги обратили внимание кардинала статс-секретаря Рамполлы на неудобство подобного открытого проявления неприязни. Рамполла счел необходимым заявить в «Оссерваторе Романо», что англофобия этой газеты выражает мнение только ее редакторов, а не курии[457]. Ответ этот не удовлетворил английских католических деятелей. Группа католиков, предводительствуемая герцогом Норфолькским, собралась на публичное заседание, где было прочитано письмо кардинала статс-секретаря. Собрание нашло ответ уклончивым и неудовлетворительным и вынесло решение, что английские католики преклоняются перед авторитетом папы «в делах веры и нравственности», но «не допускают никакого вмешательства церкви в их отношения к политическим интересам своей родины»[458].

Чарыков так объяснял антианглийскую позицию, занятую Ватиканом: «В ожидаемом поражении Англии католики усматривают, с одной стороны, удар протестантизму, а с другой стороны — возмездие за поддержку, оказанную британским правительством образованию итальянского королевства...». «Нерасположение римской курии к Англии,— писал Чарыков в декабре 1899 г.,— объясняется, как известно, отчасти конфессиональными и отчасти местными политическими причинами. Но можно с уверенностью сказать, что всякая политическая комбинация, направленная против Англии, будет пользоваться сочувствием и поддержкой курии, клерикальной печати и зна-

---

456 Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 52.
457 АВПР, ф. Ватикан, д. 6, л. 139.
458 Там же, д. 7, лл. 24—25.

чительной части католического населения всех европейских и неевропейских государств»[459].

После окончания англо-бурской войны правящие круги Англии стали добиваться улучшения взаимоотношений с Ватиканом. Уже в апреле 1903 г. английский король посетил папу.

Как бы ни складывались в тот или иной период взаимоотношения Ватикана с Англией, папский престол последовательно поддерживал борьбу английского правительства против освободительного движения ирландского народа. И это обстоятельство явилось одной из главных причин стремления правящих кругов Англии сохранить хорошие отношения с папским престолом.

Ирландская (и английская) католическая иерархия, с ведома и по указаниям из Ватикана, поддерживала английское правительство в его борьбе с освободительным движением ирландского народа.

Маркс писал, что в ирландском движении попы, эти благородные господа, «являются предателями»[460].

О крайне отрицательной роли английского господства, как и о засилии католицизма в Ирландии, В. И. Ленин писал в 1913 г.: «Национальный гнет и католическая реакция превратили пролетариев этой несчастной страны в нищих, крестьян — в заскорузлых, темных и тупых рабов поповщины, буржуазию — в прикрытую националистическим фразерством фалангу капиталистов, деспотов над рабочими; наконец, администрацию — в банду, привыкшую ко всяческому насилию»[461].

Посредническую роль между английским правительством и Ватиканом и ирландским епископатом играли английские католические епископы. Джозеф Чемберлен, ярый идеолог английского империализма, пишет в своих мемуарах, что в 1885 г. он (Чемберлен был тогда министром торговли) с согласия главы правительства имел встречу с английским кардиналом Маннингом (встреча состоялась по инициативе кардинала и в его доме), при этом речь шла об участии католической иерархии в борьбе против национального ирландского движения. Кардинал Маннинг сообщил Чемберлену, что он имел беседу с ирландскими епископами, проезжавшими через Лондон в Ватикан. Почти все ирландские епископы, заверял Маннинг,— противники отделения Ирландии от Англии, лишь некоторые из них высказываются в пользу отдельного парламента, против чего Маннинг их отговаривал и убеждал удовольствоваться местным самоуправлением. Чемберлен ответил Маннингу, что частным образом и он, Чемберлен, предлагал для Ирландии

---

[459] АВПР, ф. Ватикан, д. 6, л. 149.
[460] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 271.
[461] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 297.

местное правительство с правами в области налогообложения и законодательства, не затрагивающими интересы английского государства в целом. Следовательно, Маннинг предлагал ирландским епископам проект, который выдвигало само английское правительство, душившее Ирландию. Епископы готовы были с этим проектом согласиться. В Ирландии, говорил кардинал Чемберлену, имеются в данное время два влиятельных фактора — Парнелл и епископы. Последние, заверял кардинал, в рассматриваемом вопросе — «на нашей стороне», т. е. на стороне правительства. Что касается Парнелла, самого популярного в то время лидера ирландского национального движения, то, судя по словам Маннинга, он, кардинал, был связан с некоторыми видными представителями ирландского движения, в том числе с капитаном О'Ши, который время от времени информировал его о взглядах Парнелла [462]. Капитан О'Ши, по-видимому, по поручению кардинала шпионил за Парнеллем, а затем постарался скомпрометировать его [463]. Маннинг и Чемберлен действовали совместно против борцов за ирландскую независимость. «Меня убивают священники»,— сказал Парнелл близким его людям. Он обвинял духовенство в измене ирландскому делу [464].

Ватикан, всегда враждебно относившийся к освободительной борьбе народов, помогал и душителям Ирландии. Папский престол неизменно предписывал ирландским епископам, чтобы они требовали от католиков-ирландцев лойяльности к Англии, «умеренности» и отказа от активной борьбы с английским господством [465]. Еще в 1882 г. Лев XIII в письме к ирландским епископам запретил католикам поддерживать ирландское национальное движение. В 1887 г. английское правительство послало в Рим герцога Норфолькского с подарком папе от королевы Англии. Тогда же папа послал в Ирландию для изучения положения епископа Персико, а в 1888 г. появилось папское послание к ирландским епископам, направленное против ир-

---

[462] Joseph Chamberlain. A political memoir 1880—1892. London, 1953, p. 145—146.

[463] В 1890 г. О'Ши, который был близок к Чемберлену, очевидно не без совета последнего возбудил судебное дело о разводе со своей женой, с которой в течение ряда лет был близок Парнелл. Это было сделано с целью поколебать нравственную репутацию лидера ирландских националистов и скомпрометировать его в глазах католиков (см. И. Н. Керженцев. Ирландия в борьбе за независимость. М., 1937, стр. 149—150). После судебного процесса католическая иерархия присоединилась к травле, которая была поднята против Парнелла, опубликовав против него специальное заявление (Т. Джексон. Борьба Ирландии за независимость. М., 1949, стр. 294—298).

[464] Е. В. Тарле. Соч., т. I. М., 1957, стр. 114.

[465] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neuesten Zeit, Bd. II, S. 492—493.

ландского национального движения и запрещающее ирландцам бойкот, борьбу за землю и нарушение контрактов с землевладельцами [466].

Извольский писал из Ватикана 25 апреля (7 мая) 1888 г., что этот акт папы, «повидимому, в действительности вызван путешествиями герцога Норфолькского, дважды приезжавшего в Рим... Продолжая повторять мне официальную версию о самостоятельном происхождении недавнего послания, кардинал Рамполла признался мне, что герцог Норфольский обсуждал с ним, доверительно и в качестве личного друга лорда Сольсбери, некоторые важные вопросы. Мне было также сделано — очевидно, с расчетом — признание, что св. престол проектирует еще и другие меры, которые облегчат деятельность английского правительства в Ирландии...» [467].

Поездка английского короля в Ватикан в 1903 г. также была связана с планами Англии в Ирландии. Губастов писал в мае 1903 г., что король был очень доволен приемом у папы «ввиду его (короля.— *М. Ш.*) предстоящей поездки в Ирландию и ожидаемой им там встречи со стороны его католических подданных, для которых ватиканский визит был радостным событием» [468].

Вплоть до окончания первой мировой войны Ватикан помогал английским правящим кругам подавлять освободительную борьбу ирландского народа.

Те же ирландские священники, которые принимали участие в освободительной борьбе ирландского народа, подвергались преследованию со стороны иерархии. Так было с католическим священником Фланаганом, которого иерархия неоднократно отстраняла от исполнения обязанностей священника (был посвящен в сан в 1900 г.) и преследовала. К концу своей жизни он пришел к выводу, что католики обязаны в политических вопросах руководствоваться не указаниями своих священников, а должны иметь собственное мнение. В одном из своих выступлений в 1936 г. он заявил, обращаясь к католикам: «Католик-мирянин не обязан в политических вопросах следовать за своим пастором, он обязан скорее, если он настоящий человек и если он хочет быть достойным гражданином свободной страны, выработать свои собственные взгляды на политические вопросы». В том же своем выступлении священник Фланаган сказал: «...и я говорю папе, вы не непогрешимы ни в чем, кроме как в чисто религиозных и моральных вопросах» [469].

---

[466] T. Curtis. A history of Ireland. London, 1950, p. 380—381.
[467] Е. А. Адамов. Указ. соч., стр. 84—85.
[468] АВПР, ф. Ватикан, д. 11, лл. 64—65.
[469] «The Irish Democrat», London, 1951, August.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВАТИКАНА С АМЕРИКАНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ

С конца XIX в. начался процесс сближения Ватикана и с США.

Возрастающая сила американского империализма и его успехи в борьбе за передел мира привлекали к Соединенным Штатам Америки ватиканских иерархов, всегда преклонявшихся перед более сильными. К тому же с наступлением периода империализма в США католицизм стал играть в этой стране заметную политическую роль.

В. И. Ленин писал, что Америка стала «одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой» [470].

Господствующие в стране капиталистические монополии никогда не останавливались перед применением самых зверских средств подавления протеста трудящихся, чтобы обеспечить господство горстки миллиардеров. В их лице и американское, и международное рабочее движение всегда имело злейшего врага. На амстердамском конгрессе II Интернационала в 1904 г. Бебель сказал: «Когда, к примеру, рабочие путем забастовки борются за лучшие условия существования, где с ними обходятся более жестоко, более низко, и более подло, чем в великой республике по ту сторону океана?» [471].

Вместе с тем наряду с прямым насилием против рабочего движения американская буржуазия уже с конца XIX в. в широких масштабах стала насаждать в массах реакционную идеологию о преимуществе «американского образа жизни», об исключительности американского капитализма, якобы дающего возможность каждому бедняку стать миллионером. Большую роль в идейном пленении трудящихся, в целях примирения их с действительностью, американские миллионеры уделяли и уделяют религии. Американцы, писал Энгельс в 1866 г., «хотя они и не переняли от Европы средневековых институтов, но зато вполне усвоили множество средневековых традиций, религию, английское обычное (феодальное) право, суеверие, спиритизм,— словом, всю эту чепуху, которая не слишком вредила делу, а сейчас очень пригодится, чтобы дурачить массы» [472].

Американская буржуазия подчинила себе религиозные организации — протестантские, католические, иудейские и другие и сделала их мощным орудием власти над народом. С начала

---

[470] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 45.
[471] Internationaler Socialisten-Kongress zu Amsterdam 1904, Berlin, S. 41.
[472] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 607.

XIX в. постепенно в большую политическую силу вырос в США католицизм. Здесь очень быстро привились иезуиты, которым церковь отвела руководящую роль в католической высшей школе, в литературе и печати и которые встретили наиболее предупредительное отношение к себе со стороны господствующих классов [473].

Правящие (протестантские в большей мере) круги в США отлично оценили роль католической церкви, особенно ее иерархии, как антисоциалистической силы. Американские католические епископы Гиббон, Айрланд и другие много усилий приложили к тому, чтобы приспособить католицизм к условиям США, чтобы он мог наилучшим образом выполнить свою роль опоры буржуазного господства. Деятельность американских католических иерархов в этом направлении на первых порах была подозрительно встречена в Ватикане, где опасались сепаратизма американских епископов, которые, например, в 90-х годах высказались против установления дипломатических отношений Вашингтона с Ватиканом из опасения, что присутствие представителя папы в США ограничит их собственную власть [474].

Однако подозрения в сепаратизме быстро рассеялись и уже с начала XX в. папский престол стал поддерживать американскую иерархию в ее стремлении приспособить католицизм к условиям американского капитализма.

Постепенно американская католическая иерархия приобрела большое влияние в самом Ватикане. Немалое значение имело при этом то обстоятельство, что американский епископат, распоряжающийся огромными денежными богатствами, вносил большие суммы денег в папскую казну.

В 1908 г. на торжества по поводу пятилетия понтификата папы Пия X в Ватикан прибыло множество паломников. Особое внимание обращало на себя многочисленное североамериканское паломничество. Большие споры среди журналистов, писал представитель России при Ватикане, ведутся вокруг вопроса о том, сколько денег привезли американцы. «...Можно предположить,— писал он,— что Ватикан обогатился немалыми суммами, в числе коих, как утверждают лица, заслуживающие доверия, свыше 300 000 франков были вручены папе одним лишь нью-йоркским епископом от имени своей паствы» [475].

С начала XX в. установилось сотрудничество правящих кругов США с папским престолом в вопросах колониальной и внешней политики. В апреле 1898 г. американские империали-

---

[473] Th. Maynard. The story of american catholicism, p. 473; «Denkwürdigkeiten des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee». Bd. III, S. 212.

[474] Th. Maynard. The story of american catholicism, p. 490.

[475] АВПР, ф. Ватикан, д. 23, лл. 227—228.

сты под видом «помощи» Кубе против испанских угнетателей начали войну с Испанией, имевшей целью подчинить Кубу, а заодно и Филиппины господству доллара.

Со свойственным империалистам, особенно американским, ханжеством и лицемерием президент Мак-Кинли утверждал, что захват Филиппинских островов американскими империалистами был вызван «необходимостью» для США «цивилизовать и христианизировать» филиппинцев. «Для нас,— заявил Мак-Кинли,— не оставалось ничего иного, как взять их (острова — *М. Ш.*), просветить филиппинцев, поднять, цивилизовать и обратить их в христианство, как наших ближних, за которых также умер Христос» [476].

Фальшь этой ханжеской тирады видна хотя бы и из того, что филиппинцы к этому времени давно подверглись «христианизации» и почти все были католиками.

В связи с началом войны США против Испании за захват Кубы и Филиппин европейские державы ограничились невинной нотой, в которой призывали правительство США к умеренности. Они хотя и не хотели усиления США, но ни одно из них не намерено было вступать в конфликт с этой державой. Англия же активно помогала американским захватчикам, рассчитывая за это получить признание своей гегемонии на Дальнем Востоке.

Германские империалисты сами зарились на испанские владения, в частности на Филиппины, но они не решались выступить против США. Ими был избран другой путь: германское правительство накануне войны выступило перед Ватиканом и испанским правительством с предложением о папском посредничестве между США и Испанией.

В письме германскому послу в Вене графу Эйленбургу от 15 марта 1898 г. статс-секретарь министерства иностранных дел Бернгард Бюлов писал, что кайзер Вильгельм II обеспокоен тем, что испанская королева — регентша должна будет нести ответственность за длительную бесхозяйственность в колониях. Уменьшить ответственность, которую на нее склонен был бы возложить «невежественный и фанатичный народ» могло бы третейское разбирательство папы, авторитет которого нигде так высоко не признается как в Испании [477].

Прусскому посланнику при Ватикане был рекомендован возможный план осуществления папского посредничества. В пользу именно папского посредничества было выдвинуто то обстоятельство, что если Испания потерпит поражение в войне, то это приведет к свержению монархии; папское же решение, имея в

---

[476] P. Moon. Imperialism and world politics. New York, 1947, p. 73.
[477] «Die Grosse Politik», Bd. 15, S. 11.

виду авторитет папы среди испанских католиков, каким бы оно ни было, будет принято в стране [478].

Бюлов писал прусскому послу при Ватикане, что воздействовать на американское правительство, чтобы оно согласилось на папский арбитраж, можно было бы через американских епископов, имея в виду роль католического элемента в конгрессе. Бюлов высказал также мнение о возможности установить связь по этому вопросу между Ватиканом и Вашингтоном при посредничестве американских католических епископов.

По-видимому, совет германского правительства был в Ватикане принят. 29 марта прусский посол при Ватикане сообщал в Берлин, что он беседовал с кардиналом статс-секретарем и тот ему сообщил, что папа телеграфировал архиепископу Айрланду и предложил ему отправиться в Вашингтон, чтобы настоятельно побудить дружески к нему расположенного президента к мирному разрешению конфликта [479].

В Ватикане накануне испано-американской войны всецело сочувствовали испанской монархии, с которой папский престол был тесно связан. Круги, близкие к папе, опасались за судьбу монархии в случае поражения Испании в войне. В апреле 1898 г. Чарыков писал в Петербург: «...Кардинал Рамполла уже несколько недель тому назад высказывал мне свои опасения относительно возможности войны (между США и Испанией.— *М. Ш.*) и неминуемой гибели, коей последняя угрожала бы династии в Испании» [480].

Эти опасения в Ватикане еще больше усилились, когда война началась и Испания стала терпеть поражения.

Беседуя с Чарыковым в начале августа 1898 г., Рамполла выразил опасение, что продолжение войны может привести к гибели монархии в Испании [481].

Желание спасти клерикально-монархический режим в Испании было главной причиной выступления папы в качестве посредника между Испанией и США. При этом папский престол, имея в виду интересы католической церкви в Испании и на Филиппинах, добивался сохранения этой колонии за Испанией.

Посол России в Испании Шевич писал в августе 1898 г.: в Мадриде «убеждены, что папа, в глазах которого потеря Испанией архипелага нанесла бы в то же время чувствительный удар католицизму, деятельно хлопочет теперь в Вашингтоне и в Мадриде ввиду сохранения за Испанией этой колонии с ее вось-

---

[478] Ibid., S. 14—16.
[479] «Die Grosse Politik», Bd. 15, S. 17; L. M. Sears. A history of american foreign relations. New York, 1927, p. 439.
[480] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, стр. 45.
[481] Там же, л. 97.

мимиллионным католическим туземным населением, громадное большинство коего находилось до сих пор под исключительным влиянием монахов...»[482].

Американская католическая иерархия была солидарна с американскими захватчиками, которые душили Филиппины. Церковные иерархи оправдывали захватчиков и уверяли, что католическая церковь выиграет от подчинения Филиппин американцам. Кардинал Гиббон во время войны был озабочен, между прочим, и тем, чтобы число католических священников в американской армии было увеличено[483]. Американский исследователь пишет, что позиция архиепископа Айрланда во время войны была «настолько американская» (т. е. настолько совпадала с позицией ярых экспансионистов), что это стоило ему симпатий некоторых его европейских коллег. Айрланд помогал правительству, в период войны, а после ее окончания он помогал ему заменить испанских руководителей церкви и орденов американскими[484]. Позиция Айрланда во время войны вызвала недовольство даже Льва XIII[485].

В начавшейся войне испанская армия и флот были разбиты. По договору, подписанному 10 декабря 1898 г. в Париже, Куба была объявлена независимой, но фактически попала под протекторат США. К США переходили Порто-Рико, Гуам и Филиппины.

Ватикан неофициально принимал участие в мирных переговорах между США и Испанией, озабоченный положением, в которое будет поставлена церковь на Кубе, Порто-Рико и Филиппинах после того, как они перейдут к США. Жители этих областей — 10 млн. человек — почти все были католиками. Это обстоятельство, писал 24 ноября (6 декабря) 1898 г. Чарыков, должно, «по мнению авторитетных ватиканских кругов, вызвать более тесные отношения и сношения между северо-американским правительством и Римской курией...»[486].

И действительно, если до войны Ватикан был на стороне испанских колонизаторов, то после того, как победителем из войны вышли США, курия пошла рука об руку с победителем.

8 (20) декабря 1898 г. Н. Чарыков писал Муравьеву, что римская курия подчиняется успеху, что бесцеремонность США в отношении Испании приводит курию в негодование, но американские победы повлекли за собой сближение между Белым домом и Ватиканом...[487].

---

[482] АВПР, ф. Тихоокеанский стол 1898—1900, д. 1479, л. 162.

[483] Th. Maynard. The story of american catholicism, p. 530—531.

[484] M. Sullivan. Our Times, v. III, New York, 1930, p. 109.

[485] «The letters of Theodore Roosevelt», v. II, Cambridge (Massachusetts), 1951, p. 1299.

[486] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, лл. 144—145.

[487] Е. А. Адамов. Указ соч., стр. 52.

Захватив Филиппины, американские империалисты принялись за их «освоение». Прежде всего это выразилось в кровавом подавлении освободительной борьбы филиппинцев и в разгроме провозглашенной в 1898 г. Филиппинской республики. Завоеватели-«христианизаторы» совершали неслыханные жестокости над местным населением. Американский майор Уоллер приказал своим солдатам убивать всех филиппинцев старше 10 лет. Позже он был предан суду. На суде он сослался на приказ своего генерала Смита. Суд оправдал Уоллера [488]. Генерал Смит — представитель воинствующего американского империализма издал приказ по воинским частям, который гласил: «Я хочу, чтобы вы убивали и жгли, чем больше вы убьете, тем больше удовольствия вы мне доставите. Вся внутренняя часть Самара (острова) должна быть превращена в голую пустыню. Границей убийств должен быть возраст с 10 лет» [489]. Во главе американской армии, разбойничавшей на Филиппинах, стоял генерал Макартур, сын которого через полстолетия опозорил себя преступлениями против корейского народа.

Американская католическая иерархия помогала захватчикам «освоить» Филиппины. Теодор Рузвельт (с 1901 г.— президент США, до этого губернатор Нью-Йорка) писал в одном из своих писем в 1900 г., что он серьезно желает, чтобы архиепископу Айрланду и наиболее известным католическим священникам была предоставлена свобода действий на Филиппинах [490]. Насколько правящие круги США ценили помощь католических епископов, видно из того, что в июне 1899 г. тот же Теодор Рузвельт обратился к президенту Мак-Кинли с письмом, в котором поддерживал ходатайство влиятельных американских католических кругов, чтобы президент помог архиепископу Айрланду получить в Ватикане кардинальную шапку [491]. Возведение Айрланда в кардиналы, писал Рузвельт в другом письме, будет счастливым событием для Америки, оно важно, в частности, для американских дел на Филиппинах и в других колониях [492].

Американские завоеватели рассчитывали закрепить свое господство на Филиппинах также с помощью сильной и богатой здесь католической церковной организации, а для этого ее надо было сначала «американизировать». Дело в том, что католицизм насильственно насаждался на Филиппинах испанскими завоевателями и на протяжении 300 лет церковь и монастыри

---

[488] «Вестник Европы», 1902, май, стр. 402.

[489] Цит. по «Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1902», S. 311; см. также Марк Твэн. Избранные произведения, т. 11. М., 1951, стр. 508.

[490] «The letters of Theodore Roosevelt», v. 11, p. 1299.

[491] Ibid., p. 1019.

[492] Ibid., p. 971—972.

были здесь одной из главных опор испанских колонизаторов. Все церковные приходы на Филиппинских островах возглавляли испанские монахи-доминиканцы, августинцы и францисканцы. В большинстве приходов священники были единственными представителями испанского правительства, в их руках находилась школа, все дело здравоохранения, монахи были сборщиками налогов [493]. Монашеские организации владели огромными земельными угодьями и филиппинцы находились в полурабской от них зависимости. «Монашеские ордена выступали в качестве наиболее жестоких помещиков. В их руках было сосредоточено не менее 400 тысяч га земли, при этом наиболее плодородной и в наиболее населенных районах. Многие села и города были построены на земле, принадлежавшей монахам, и наряду с эксплуатацией труда крестьян они взыскивали непрерывно повышаемую ими ренту с земель, на которых были построены городские жилища. Алчность монахов приводила зачастую к поголовному восстанию населения целых районов» [494].

Католическая церковная организация на Филиппинах, еще недавно верой и правдой служившая испанцам, очень быстро приспособилась к новым условиям и перешла на службу к новым хозяевам, сохранившим все привилегии церкви.

Шевич писал в сентябре 1898 г. из Мадрида: «Сами испанские патеры и монахи, фактические обладатели в течение более 200 лет островом Люцоном под сенью угодливой им корыстной испанской администрации, начинают с редким отсутствием патриотизма заигрывать с американцами, ввиду предоставления ими духовным орденам на Филиппинах тех же льгот, которыми они пользовались под испанским режимом...» [495].

12 (24) января 1899 г. Шевич писал, что позиция испанского духовенства на Антильских и Филиппинских островах вызывает возмущение в Испании. «Единственно заботясь о материальных выгодах церкви и будущности духовных корпораций в отторженных от Испании колониях, местное духовенство под влиянием северо-американских католических прелатов, получающих инструкции из Рима, с той минуты как оно убедилось в тщетности усилий Испании сохранить за собой свои колонии, открыто стало на сторону завоевателей...» [496].

«На последней аудиенции, которую я имел у королевы регентши,— писал тогда же Шевич,— ее величество не скрыла от меня своего негодования по поводу антипатриотического по-

---

[493] J. H. Latané. America as a world power (1897—1907). New York, 1907, p. 82—83.

[494] А. А. Губер. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948, стр. 61.

[495] АВПР, ф. Тихоокеанский стол, 1898—1900, д. 1479, л. 208.

[496] Там же, л. 288.

ведения испанского колониального духовенства, причем изволила сказать мне, что, встретившись на днях с папским нунцием, она сказала ему «все свое негодование» [497].

В связи с массовыми выступлениями на Филиппинах против церковного землевладения правительством США была образована комиссия во главе с Вильямом Тафтом для изучения вопроса на месте и урегулирования споров, причем в инструкции комиссии говорилось, что право частной собственности (в данном случае — право собственности монастырей и конгрегаций) не должно быть нарушено [498].

Американские правящие круги считали, что католическая церковь на Филиппинах станет служить им еще лучше, когда она будет находиться под юрисдикцией американского епископата. В 1902 г. губернатор Филиппин Тафт и епископ О'Горман были посланы в Ватикан в качестве представителей президента США. Во время происходивших в Риме переговоров папе был предложен такой проект: правительство США выкупает земли испанских монашеских конгрегаций и уплачивает духовным орденам убытки, какие они понесли в связи с войной; папа в свою очередь в течение двух лет обязуется отозвать с Филиппин всех членов конгрегаций — испанцев, а церковную организацию на островах изымает из подчинения испанской иерархии и подчиняет ее американской.

Во время переговоров между Тафтом и курией, писал в июле 1902 г. посол России в Вашингтоне граф Кассини, «обнародовано было значительное число официальных донесений, в коих нравственные качества католического духовенства на архипелаге получили неприглядную окраску со стороны американских властей» [499].

Переговоры завершились соглашением, и предложения правительства США были Ватиканом приняты. В сентябре 1902 г. последовала папская булла о подчинении филиппинской церкви американской иерархии. В феврале 1903 г. Ватикан подчинил юрисдикции американской иерархии католическую церковь и на Кубе [500].

В апреле 1902 г. в письме к американским епископам Лев XIII выразил свою радость по поводу успехов католицизма в этой стране, в то время как, писал он, намекая на Францию, страны, которые столетиями придерживались католицизма, одержимы ныне духом переворотов. Лев XIII особенно превоз-

---

[497] АВПР, ф. Тихоокеанский стол 1898—1900, д. 1479, л. 289.

[498] «The federal and state constitutions», v. V, Washington, 1909, p. 3162—3163.

[499] АВПР, ф. Ватикан, д. 10, л. 18.

[500] J. Schmidlin. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II, S. 499.

посил правительство США за его благожелательное отношение к католической церкви.

В 1903 г. на 25-летний юбилей понтификата Льва XIII с подарками папе от президента Теодора Рузвельта прибыл в Рим кардинал Гиббон. Его приезд явился демонстрацией все большего сближения правящих кругов США с папством.

Преемник Льва XIII, папа Пий X, в период обострения отношений между Ватиканом и Францией в своих выступлениях указывал на США, где правительство, хотя и состоящее из протестантов, покровительствует католической церкви. Тот же Пий X называл миллиардера Моргана «великим и добрым человеком» [501].

Фактически у правительства США с начала XX в. существовали неофициальные отношения с Ватиканом [502].

Рост числа католиков в США и усиление католической церкви, опирающейся на многочисленные массовые организации, сделали ее важным политическим фактором в стране.

«Успехи католицизма в Северной Америке,— писал в марте 1912 г. Булацель,— заставляют римскую церковь с особенною рачительностью относиться к тамошней многочисленной своей пастве и поддерживать возможно лучшие отношения к правительству Соединенных Штатов...» [503].

С конца XIX в. Ватикан развил активную деятельность и в государствах Латинской Америки. 25 декабря 1898 г. папа обратился к епископам латиноамериканских стран с посланием, в котором оповещал их о созыве в мае 1899 г. в Ватикане собора всех епископов этих стран [504]. Собор открылся 28 мая 1899 г. «По словам кардинала Рамполла,— писал Чарыков,— уже на этом соборе был возбужден вопрос о дальнейшем развитии панлатинской солидарности через привлечение Испании, бывшей метрополии большинства американских республик» [505].

Если первоначально планы «панлатинской солидарности» носили в известной мере происпанский характер в противовес проникновению США в страны Латинской Америки, то очень скоро папский престол, чьим правилом является ориентация на наиболее сильного, стал помогать проникновению США в страны Латинской Америки, а католическая «латиноамериканская солидарность» стала орудием политики США в этих странах.

Возросшая роль американского империализма в международной жизни, подчинение им своему влиянию и контролю ряда

---

501 R. G. McGloskey. American conservatism in the age of enterprise. New York, 1951, p. 132.

502 «The letters of Theodore Roosevelt», v. V, Cambridge (Massachusets), 1952, p. 335.

503 АВПР, ф. II Департамент II-5, 1912 г., д. 106, л. 1.

504 АВПР, ф. Ватикан, д. 6, л. 5.

505 Там же, д. 7, л. 180.

стран с католическим населением (Южная Америка, Филиппины), его вражда к освободительному движению угнетенных народов и к социалистическому рабочему движению — все это способствовало сближению Ватикана с правящими классами США.

Неудивительно, что после первой мировой войны, когда главный союзник и надежда папства — кайзеровская Германия — потерпела поражение, папский престол стал добиваться поддержки в вопросе восстановления светской власти папы у американского президента Вильсона.

* * *

Из всего сказанного о международной политике папского престола и ее эволюции с конца XIX в. до первой мировой войны вытекает следующее.

Ватикан в той или иной форме оказывал свое воздействие на международную жизнь, как крупный международный религиозный центр, опирающийся и на силу традиций и на разветвленную по всему миру католическую церковную организацию.

Ватикан не играл в описываемое время самостоятельной роли в международной жизни, а примыкал к более сильной в данный момент державе или коалиции держав. В самом Ватикане шла борьба различных влияний и групп, представлявших интересы разных государств. Какой же курс в конечном счете взял верх? Лев XIII мечтал о создании союза трех императоров вместе с папой для подавления социалистического движения в Европе и упрочения буржуазного строя. По мере того как все более четко стало обнаруживаться размежевание интересов различных группировок держав, вступивших в борьбу за передел мира, Ватикан стал все более ориентироваться на кайзеровскую Германию и ее союзницу Австро-Венгрию. Убедившись в том, что Германия, связанная союзом с Италией, не намерена действовать в интересах папства в «Римском вопросе», папский престол одно время повернул в сторону Франции и ее союзника — России. Однако, с конца XIX — начала XX в. Ватикан надолго связал себя с германо-австрийским блоком и оставался верен ему вплоть до конца мировой войны.

Это основное направление международной политики Ватикана не мешало папскому престолу сохранять и укреплять отношения и с другими державами: он должен был соблюдать видимость нейтралитета, чтобы не подрывать своего авторитета среди католиков.

Ориентация на одну группу держав не препятствовала папству сотрудничать со всеми державами против социализма и освободительного движения колониальных народов.

Глава пятая

ВАТИКАН И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО МИССИОНЕРСТВА ПЕРИОДА ИМПЕРИАЛИЗМА

К концу XIX в. закончился раздел мира между буржуазными государствами и началась борьба за его передел.

Горстка держав поделила между собой страны Азии, Африки, Южной Америки, Океании и установила там режим колониального рабства. Колонизаторы затормозили экономическое развитие этих стран, превратили их в сырьевые придатки метрополий, а народы обрекли на рабское и нищенское существование. «Характерная черта империализма,— сказал В. И. Ленин на II конгрессе Коммунистического Интернационала,— состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой» [1].

Результатом хозяйничанья империалистов в колониях явились экономическая и культурная отсталость этих стран, огромная смертность населения, широкое распространение болезней, массовая неграмотность и вымирание целых народов.

«Когда мы обращаемся к экономической политике англичан в Индии,— пишет Джавахарлал Неру,— то видим, что современное обнищание индийского народа является ее неизбежным последствием. Нет никакой тайны в этой нищете...» [2].

«Пятьдесят пять процентов туземцев на рудниках Южной Родезии гибнет от болезней на почве голода... Детская смертность колеблется в пределах от 300 на каждую тысячу рождений в Нигерии, до 400 — в Кении. Средний годовой заработок африканца на табачных плантациях составляет 33 шиллинга, а жалованье английского «надсмотрщика» 1000 фунтов стер-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 215.
[2] Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М., 1955, стр. 321.

лингов»[3]. Население Французского Конго в 1900 г. составляло 8—10 млн. человек, а в 1921 г.— 2,8 млн.[4] Население Бельгийского Конго вначале доходило до 40 млн. человек, в 1900 г. снизилось до 15,5 млн., в 1933 г.— до 9,4 млн., а в 1938 г. оно составляло 10,3 млн. человек[5].

Для оправдания своего господства над народами колоний колонизаторы создали расовую теорию — о высшей расе белых господ, созданной богом, чтобы господствовать над миром, и низшей расе колониальных рабов, созданной богом для того, чтобы работать на первых. «...Мы в Индии,— пишет Джавахарлал Неру,— узнали расизм во всех его формах с самого начала английского владычества. Вся идеология этого владычества была идеологией «народа господ» и господствующей расы, и структура правительства была основана на ней; идея господствующей расы заложена в империализме. Эта мысль не была завуалирована; она была провозглашена властителями в недвусмысленных выражениях. Но еще убедительнее слов были те дела, которые их сопровождали, и поколение за поколением, год за годом Индия в целом и каждый отдельный индиец подвергались оскорблениям и унижению, а также презрению. Нам говорили, что англичане — раса владык, сам бог даровал им право управлять нами и держать нас в подчинении; если мы протестовали, то нам напоминали о «тигрином праве расы владык»[6].

Утверждения апологетов колониализма о том, что колониальные державы принесли в завоеванные страны «западную цивилизацию», «культуру» и т. д., совершенно не выдерживают критики перед лицом фактов. У народов Китая и Индии, Индонезии, Индокитая и многих других существует своя древняя культура, насчитывающая тысячелетия. Колонизаторы затормозили культурное развитие этих стран. Апологеты колониализма указывают на то, что державы, владеющие колониями, создали в этих странах школы и университеты, принесли с собой достижения европейской и американской медицины, современную технику, средства связи и т. д.[7] В действительности, школьное обучение в колониальных странах и поныне находится на крайне низкой ступени и используется прежде всего для воспитания детей в духе покорности захватчикам. Американ-

---

[3] Теодор Драйзер. Соч., т. XII. М., 1955, стр. 106.

[4] Parker Thomas Moon. Imperialism and world politics. New York, 1947, p. 114.

[5] Жан-Поль Гаррyа. Африка — умирающая земля. М., 1954, стр. 218.

[6] Джавахарлал Неру. Открытие Индии, стр. 349.

[7] См., например, Kenneth Scott Latourette. The development of China. New York, 1946, p. 163—164; Foster Rhea Dulles. China and America. Princeton, 1946, p. 41; P. H. B. Kent. 20-th century in the Far East. London, 1937, p. 228 и др.

ский историк, проф. Колумбийского университета Паркер Томас Мун пишет (книга его вышла в 1926 г.), что на народное просвещение в колониях тратятся гроши, а процент детей, обучающихся в школах, ничтожен. В Алжире на каждую тысячу жителей только 46 детей посещают школу, на Мадагаскаре — 40,5, в Тунисе — 22—28, во Французской Западной Африке и в Камеруне — 3, в Бельгийском Конго — 26, в английских колониях Уганда — 50, в Южной Африке — 40, на Золотом Берегу — 12, в Нигерии — 7 (по другим данным — 30), в Португальской Анголе — 11 (по другим данным — 1) [8].

В Южной Родезии в 1934 г. на школьное дело расходовалось: на обучение 100 тыс. детей местного населения — 50 тыс. фунтов стерлингов, на обучение 8 тыс. детей европейцев — 160 тыс. фунтов. Таким образом, на обучение одного ребенка европейского происхождения расходовалось в 40 раз больше, чем на ребенка из числа коренного населения. Политика расовой дискриминации осуществляется и в области начального обучения [9].

Высшая же школа, если она кое-где и создана в колониальных странах, то прежде всего для того, чтобы из детей очень узкого круга привилегированных слоев местного населения, главным образом феодальных, готовить слуг для колониальной администрации, раболепствующих перед культурой завоевателей и презирающих свою национальную культуру. Ничтожное число медицинских и благотворительных учреждений в колониях должно служить доказательством «заботы» завоевателей об угнетаемых и порабощенных ими народах. Что касается техники, современных средств связи и т. д., то все это принесено империалистами в колонии ровно в той мере, в какой это им самим необходимо для эксплуатации колоний.

Большую роль в укреплении и сохранении господства колонизаторов играли и играют миссионерские организации. Под видом проповедников «самой истинной религии», под видом людей, будто бы не заинтересованных в земных делах, христианские миссионеры более тонкими, чем армии завоевателей, средствами призваны были упрочить господство колонизаторов, внушать трудящимся колоний веру в божественность колониального режима, убеждать их в превосходстве «белого человека», убивать в них дух протеста против хозяйничанья завоевателей.

Что миссионеры явились проводниками политики империализма, признают и буржуазные исследователи. Д. Гобсон в своей книге «Империализм» (по словам В. И. Ленина, ее автор дал «очень хорошее и обстоятельное описание основных эко-

[8] Parker Thomas Moon. Imperialism and world politics, p. 559—560.
[9] G. Padmore. How Britain rules Africa. London, 1936, p. 40.

номических и политических особенностей империализма») [10] пишет, что существует тесная связь между проповедью христианства и всей миссионерской деятельностью церкви и империализмом. «Существует,— пишет он,— определенная марка «христианского империалиста», очень прославленная в некоторых общественных кругах марка «промышленного миссионера», который ставит себе целью распространение христианства по океану выгодных дел, проповедь теологических догматов в промежутках между обучением прикладным искусствам и ремеслам...» [11].

Гобсон приводит отрывок из донесения британского консула в Кантоне, который писал: «Огромные услуги могли бы быть оказаны нашим коммерческим интересам, если бы члены различных миссий в Китае работали совместно с нашими консулами по эксплуатации страны и наравне с богословскими догматами внушали бы и коммерческие идеи китайской интеллигенции». «Это признание коммерческой пользы христианства,— замечает Гобсон,— сделанное британским консулом, ничего не оставляет желать в смысле откровенности» [12].

Миссионеры появлялись в колониальных странах как авангард колониальных захватчиков: сначала появились миссионеры, за ними следовали купцы, а затем армии завоевателей.

Миссионеры, пишет Мун, «обучая туземцев носить платье и употреблять орудия, проложили путь для купца, который в свою очередь приводил за собой военный корабль» [13].

«Вторжение в Корею европейского и американского капитализма,— пишет корейский историк Ли Чен Вон,— началось со времени проникновения в страну христианства. Христианская церковь ...являлась передовым отрядом западного капитализма, осуществлявшим захватническую политику в Корее... Вслед за проникновением миссионерской агентуры последовали прямые попытки вооруженного вторжения иностранных государств в Корею» [14].

Миссионеры выполняли роль агентов, а иногда и дипломатов. В 1882 г. в Корею прибыл в качестве американского протестантского миссионера Аллен. «...Он прожил там более 23 лет, последовательно пройдя длинный путь от скромного миссионера, тайного агента американской разведки, до посланника Соединенных Штатов» [15].

---

[10] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 183.
[11] Д. Гобсон. Империализм. Л., 1927, стр. 165.
[12] Там же.
[13] Parker Thomas Moon. Imperialism and world politics, p. 64.
[14] Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. М., 1952, стр. 27.
[15] А. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952, стр. 164.

Миссионерство в колониях и зависимых странах с конца XIX в. имеет свои особенности по сравнению с миссионерством в доимпериалистический период. Это прежде всего выражается в полном подчинении миссионерства интересам империалистической политики, а отсюда — его тесные связи с капиталистическими монополиями, со своим буржуазным государством, с его дипломатией и вооруженными силами. Миссионеры выступают и как сборщики экономической и военной информации о странах, в которых они пребывают, и как прямые агенты иностранных государств и капиталистических фирм. Прогрессивный американский писатель Теодор Драйзер пишет: «....американские миссионеры живут в роскоши. Понятно также, почему их образ жизни кое-где за границей вызывает осуждение и справедливые нарекания... Эти разъевшиеся миссионеры новой формации, живя в стране, которую они сочли нужным облагодетельствовать своими услугами, третируют ее народ и держатся словно полновластные хозяева. Так они ведут себя и в Китае и в Индии» [16]. Драйзер отмечает то новое, что характерно для современного христианского миссионерства — его непосредственную связь с капиталистическими монополиями: «...выступая в качестве посланцев церкви, наши миссионеры в то же время являются эмиссарами американской промышленности и о ней то, главным образом, и хлопочут... Все их помышления — о «благах материальных», то есть о том, как бы распространить среди местных жителей побольше ванн, швейных машин, электроприборов и холодильников,— словом, весь тот ассортимент товаров, который вырабатывает американская трестированная промышленность» [17].

О миссионерах в Китае один исследователь писал в 1900 г., что их деятельность «важна лишь настолько, насколько она раскрывает тайну внутреннего Китая. Миссионеры заслуживают первейшего внимания, как коммерческие агенты, не в смысле того, что они разносят или развозят товары, не в смысле того, что они разносят христианство и отброски европейской культуры, а в смысле того, что они дают сведения о происходящем внутри страны» [18].

Представитель церковного лагеря — глава православной миссии в Корее,— отнюдь не противник миссионерства, писал об американских миссионерах в Корее в начале XX в.: «Практицизм, присущий американцам вообще, проявляется в частности и у миссионеров. В Корее к ним прилагается нелестный эпитет «торгаши» ...Мы все же должны сознаться, что и нам

---

[16] Теодор Драйзер. Соч., т. XI, стр. 270.

[17] Там же, стр. 271.

[18] Известия Восточного института, т. II, вып. III, Владивосток, 1901, стр. 190. (Из доклада проф. Е. Г. Спальвина.)

приходилось сталкиваться с непохвальными слухами или фактами из жизни американских миссионеров: N дает деньги под приличные проценты, а X переменил благовестническое дело на коммерческое....» [19].

Известный русский географ и путешественник М. Венюков писал в конце прошлого века о иезуитах в Китае: «Следующие факты дадут более полное понятие о религии и морали, проповедуемой этими агентами римского ханжества, властолюбия и корыстолюбия. Иезуиты имеют в Сикавее фабрику католических картин и статуй, выгодно сбываемых ими китайцам-христианам. Здесь, «чтобы не уронить в глазах китайцев католической веры» [20], Иисус Христос является изображенным в китайских башмаках с толстыми подошвами, царство небесное рисуется в виде крепости, совершенно похожей на китайские города и т. п.... В том же Сикавее занимаются покупкой китайских детей, чтобы заставлять их работать даром по 8 и 10-ти часов в день на монастырской фабрике. Это крепостное состояние продолжается до 20 лет, после чего рабочие, разумеется, обращенные в христианство, и уже втянувшиеся в иезуитскую коммерцию, объявляются свободными и делаются агентами по покупке и сбыту товаров, а неспособнейшие — рабочими на иезуитских полях и огородах, носильщиками иезуитских паланкинов и т. п.» [21].

Чиновник российского министерства иностранных дел в Мукдене С. Колоколов писал в январе 1902 г. российскому посланнику в Пекине, что католические миссионеры приобрели в Мукденской провинции большое влияние и добились полного невмешательства китайских властей в жизнь и дела своей паствы. Они стали вмешиваться в государственные дела провинции; они являются покровителями тех китайцев, которые переходят в католицизм, чтобы избежать ответственности за совершенные преступления.

В отличие от католических, протестантские миссионеры, сообщал тот же чиновник, стараются завоевать симпатии населения благотворительной деятельностью, но «если протестантских миссионеров можно в чем-либо упрекнуть, так это в склонности к занятию, помимо прямых своих обязанностей, различными коммерческими предприятиями, граничащими в некоторых случаях с мелким торгашеством. Почти каждый из них состоит каким-нибудь комиссионером или торговым корреспон-

---

[19] Иеромонах Павел (Ивановский). Современное положение христианских миссий в Корее. Владивосток, 1904, стр. 70—71.

[20] Так объяснил мне дело иезуит, сопровождавший меня при осмотре Сикавейского учреждения (прим. М. Венюкова).

[21] М. Венюков. Очерки современного Китая. СПб., 1874, стр. 63—64.

дентом, иногда же некоторые из них ведут торговлю за свой собственный счет и риск...»

В том же документе о миссионерах Китая говорится, что «деятельность миссионеров вообще не исчерпывается одною религиозною пропагандою. Изучая народ, его склад жизни, характер и особенности, они находятся в постоянном и близком соприкосновении с ним. Это преимущество дает им полную возможность следить за всеми проявлениями общественной жизни и приобретать некоторое влияние для направления этих явлений в ту или другую сторону. Такое положение миссионеров давно уже было оценено и ими стали пользоваться как лучшим источником для получения необходимых сведений — политического характера. Таким образом, миссионеры приобрели значение негласных политических агентов, не только сообщающих тому или другому правительству интересующие его сведения, но и проводящих умелым путем в население и чиновничество те или другие идеи, сообразно полученными ими инструкциями...» [22].

Таким образом, религиозная пропаганда не была единственным в деятельности христианских миссионеров в Китае. Больше того, религиозная пропаганда и благотворительность были очень удобной маскировкой политической деятельности агентов империалистических держав, какими на самом деле и явились миссионеры не только в Китае, но и в других странах Азии и Африки.

Так как миссионерство стало важным элементом империалистической политики, то колониальные державы взяли миссионерские организации под свое покровительство. В неравноправных договорах, которые были ими навязаны зависимым странам, имелись специальные пункты, предусматривавшие привилегии миссионерам, их организациям, а также местным жителям, принявшим христианство.

Миссионеры привыкли рассчитывать не на влияние своей религиозной пропаганды, а на военную помощь своих правительств. Английский адмирал Ричардс писал в конце прошлого века своему правительству в одном из своих официальных сообщений, что в Китае «миссионерские общества, повидимому, преднамеренно устраиваются вне назначенной трактатами черты оседлости для европейцев. Устроившись подобным образом, они... громче всех требуют канонерок...» [23]. «Защита миссионеров», отстаивание их привилегий с конца XIX в. все больше становится предлогом для давления держав на колониаль-

---

[22] АВПР, ф. Китайский стол, д. 180, лл. 97—99.

[23] «Известия Восточного института», т. III, вып. I, Владивосток, 1901, стр. 40.

ные страны и для вооруженного выступления против этих стран.

Привилегии, добытые для миссионеров силой оружия, и покровительство крупных держав делали миссионерские организации государством в государстве, независимыми от местных органов власти, добивавшимися привилегий не только для себя, но и для своих последователей из местного населения. Это приводило к тому, что в христианство нередко переходили люди, искавшие материальных выгод или возможности уклониться от ответственности за совершенные ими преступления. Вот что мы читаем об этом в Известиях Восточного института (во Владивостоке) за 1901 г.: «Трактаты открыли доступ в Китай разным сомнительным элементам с Запада и Америки, которые, прикрываясь именем проповедников учения Христова, преследовали более своекорыстные цели, чем внушение истин христианства новой пастве... Раскинувшиеся по лицу Срединного Царства католические и протестантские миссии, с их громадными денежными средствами, на первых же порах обратили на себя внимание личностей, являющихся отбросами китайского населения, которые, в надежде на легкость получения средств жизни и заманиваемые денежными подачками миссионеров, заботящихся более о количестве, чем о качестве крещаемых, принимали новую религию не по внутреннему убеждению, а из чисто своекорыстных видов... Мало-помалу в Китае составилось и окрепло убеждение, что порядочный человек никогда не может быть христианином» [24].

С конца XIX в. более старые миссионерские организации таких стран, как Франция и Англия, оттесняются миссионерскими организациями Германии и США, а протестантские миссии оттесняются католическими. Поверенный в делах России при Ватикане (Н. Бок) писал 2 (15) июля 1913 г., что французская миссионерская деятельность постепенно отступает на второй план; «преемниками французских миссионеров, писал он, уже замененных отчасти на Ближнем Востоке австрийцами и итальянцами, между прочим будут немцы, так как Германское правительство, относясь с сочувствием к миссионерской деятельности своих подданных, всячески поощряет ее...» [25].

Представляя интересы своей буржуазии, противоречащие интересам буржуазии других стран, миссионеры, часто одних и тех же христианских церквей, но различных стран, вели между собой в колониях борьбу за упрочение позиции того государ-

---

[24] А. Рудаков. Общество И-хе-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Известия Восточного института, т. II, вып. III, Владивосток, 1901, стр. 168—169.

[25] АВПР, ф. Ватикан, д. 34, л. 51.

ства, представителями которого они являлись. Пример этому дает вся история раздела Африки [26]. В то же время они всегда выступали (и выступают) единым фронтом против национально-освободительного движения колониальных народов. Борьба против освободительного движения колониальных народов и за упрочение колониальных режимов — основное содержание всей религиозно-политической деятельности миссионерских организаций в период империализма.

Главная область их деятельности — идеологическая (хотя они далеко не ограничиваются только этим). Она явилась важным дополнением к военным, экономическим и дипломатическим методам империалистической политики в колониях. Наряду с другими средствами угнетения Китая,— военными, экономическими, дипломатическими и другими,— писал в 1939 г. Мао Цзэ-дун, «империалистические державы не забывали и о духовном одурманивании китайского народа. К этому направлена их агрессивная политика в области культуры. Проводится эта агрессивная политика путем миссионерской деятельнности, учреждения больниц, учебных заведений, издания газет, привлечения китайской молодежи в учебные заведения за границей. Все это делается для того, чтобы создать послушные империалистам кадры интеллигенции и оболванить широкие слои китайского народа» [27].

Обширную миссионерскую деятельность с конца XIX в. развернул Ватикан. Лев XIII — первый папа периода империализма — много внимания уделил миссионерству католической церкви в колониях. При нем был учрежден ряд апостолических префектур и викариатов в Африке и Азии: в 1879 г.— в Сенегале и на Золотом Берегу, в 1882 г.— в Дагомее, в 1883 г.— в Фернандо По, в 1884 г.— в бассейне Верхнего Нигера; в 1886 г.— во Французском Конго, в 1889 г.— в бассейне Нижнего Нигера, в 1897 г.— во Французской Гвинее и т. д. [28] Множество католических миссий было создано при Льве XIII в Китае.

Поверенный в делах России при Ватикане князь Волконский сообщал в сентябре 1911 г. о широкой миссионерской пропаганде папского престола на Востоке, в Америке и Африке.

---

[26] 30 ноября 1919 г. папа Бенедикт XV, обеспокоенный антиимпериалистическим движением в колониальных странах, издал энциклику «Maximum Illud», в которой писал, что его огорчает то обстоятельство, что католические миссии в колониях ставят интересы своего государства выше интересов «царства божия». Это, писал папа, отталкивает «язычников» от христианства. Миссионеры, поучал он, должны служить не своему государству, а Христу. Увещевания папы, однако, не изменили общего содержания деятельности миссионеров, как агентов своих правительств.

[27] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 3, стр. 148.

[28] E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, p. 140.

Миссионеры римской церкви, писал он, пользуются большим влиянием среди местного населения; «отсюда можно заключить, каким могущественным рычагом способен явится католицизм в экзотических странах для тех государств, которые заручились расположением Ватикана...» [29].

Миссионерская политика Ватикана тесно связана со всей международной политикой папского престола. Начиная с конца XIX — начала XX в., одновременно со все большей ориентацией Ватикана на кайзеровскую Германию, папский престол стал все более активно поддерживать немецкие католические миссии — орудия германской империалистической политики.

В мае 1903 г., когда немецкий фельдмаршал Вальдерзее (вместе с кайзером Вильгельмом II) посетил Ватикан, он, по совету близкого к иезуитам епископа Фавье (главы миссии ордена лазаристов в Пекине), встретился с генералом ордена иезуитов Мартином. Глава иезуитов доказывал графу Вальдерзее, что Германия заинтересована в том, чтобы пустить в страну иезуитов, так как последние ведут борьбу против влияния социализма, а кроме того державы, связанные с иезуитами, извлекают из этого большую пользу в своей колониальной политике. Мартин указал на то, что Англия в своих колониях извлекает пользу от ордена иезуитов, который, например, «Индию поделил на пять провинций» и в каждой насчитывается по 250—400 иезуитов [30].

Следовательно, миссионерство явилось одним из козырей папской международной политики.

В период империализма изменились методы миссионерской деятельности Ватикана. Учитывая недоверие колониальных народов к пришлым миссионерам, тесно связанным с колонизаторами, папский престол взял курс на подготовку своих кадров из местных людей, в расчете на то, что они будут пользоваться бо́льшим, чем иностранцы, доверием населения и помогут ослабить национально-освободительное движение колониальных народов. Этот курс Ватикана вполне соответствовал политике держав, направленной на создание в колониях своей опоры из эксплуататорской верхушки местного населения. При этом, однако, ключевые позиции в церковных организациях и миссиях оставались в руках иностранного духовенства.

Так, в Китае, где Ватикан создал свою большую церковную организацию, вплоть до окончания первой мировой войны не было ни одного католического епископа-китайца. В то же вре-

---

[29] АВПР, ф. Ватикан, д. 30, лл. 111—112.

[30] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III, Berlin, 1923, S. 212—213.

мя, начиная с 1900-х годов, сравнительно быстро стал возрастать удельный вес рядового местного духовенства (при численном все же преобладании иностранного) [31].

Одновременно шел процесс приспособления католического ритуала и практики церкви к местным верованиям и включение наиболее популярных местных религиозных праздников и обрядов в христианский культ. Это практиковалось иезуитами и в более ранние периоды. Ватикан обычно воздерживался санкционировать подобную практику. Положение и в этой области начало меняться с конца XIX — начала XX в., когда Ватикан, ради успеха миссионерской деятельности, стал положительно относиться к внесению элементов местных культов в католический. В 1911 г., например, конгрегация пропаганды удовлетворила просьбу духовенства Сандвичевых островов разрешить отправлять церковную службу во время практиковавшегося там сожжения умерших [32].

Апологеты колониализма превозносят деятельность миссионеров в колониальных странах, но затушевывают тот факт, что они способствовали колониальному порабощению народов Азии, Африки, Южной Америки. Миссионеров апологетическая литература рисует культуртрегерами, а биограф Льва XIII граф

---

[31] Kenneth Scott Latourette. A history of christian missions in China. London, 1929, p. 557. Это положение сохранилось и в последующие годы, о чем свидетельствуют следующие данные о католических миссиях в колониальных странах:

	1925 г.	1936 г.
Иностранных священников	8 196	11 847
Местных священников	4 516	6 660
Иностранных братьев	3 187	5 624
Местных братьев	732	2 645
Иностранных сестер	12 944	23 820
Местных сестер	11 158	25 435

(«Encyclopediae Britannica», v. XV, 1951, p. 600).

О соотношении между числом иностранных и местных духовных лиц в католической церкви в английских колониях Африки свидетельствуют следующие данные (на 1956 г.):

	иностранных священников	местных
Кения	297	10
Ньяссаленд	160	36
Уганда	361	160
Танганьика	734	174

(«Informations catholique internationales», Paris, 1956, № 22).

[32] Дальнейшие шаги в сторону приспособления католицизма к местным религиозным представлениям и обычаям были сделаны Ватиканом после первой мировой войны. В 1936 г. Ватикан разрешил японским католикам участвовать в религиозных церемониях шинтоистской религии — обожествления императора и почитания павших в бою. Несколько позже Ватикан разрешил католикам в Китае соблюдение древних обычаев поклонения предкам.

Содерини представляет этого папу борцом против рабства [33]. Лев XIII действительно опубликовал в 1890 г. энциклику против работорговли, он утверждал, что христианская церковь всегда стремилась уничтожить рабство. История, однако, свидетельствует об ином.

В литературе приводятся следующие данные о работорговле в XVII—XVIII вв.: в 1666—1766 гг. только англичане ввезли в британские, французские и испанские колонии в Америке — 3 млн. рабов (четверть миллиона умерло в пути); в 1680—1786 гг. в британские колонии в Америке ввезено 2 130 000 рабов; одна Ямайка поглотила 610 000 рабов; с 1716 по 1756 г. в среднем ежегодно ввозилось во все американские колонии 70 тыс. рабов. Всего было вывезено 3,5 млн.; в 1752—1762 гг. одна только Ямайка ввезла 71 115 рабов; в 1759—1762 гг. Гваделупа ввезла 40 тыс. рабов; с 1776 по 1800 г. в среднем ежегодно ввозилось во все американские колонии 74 тыс. рабов, а всего было вывезено 1 850 000 (в среднем ежегодно: британцами — 38 тыс., французами — 20 тыс., португальцами — 10 тыс., голландцами — 4 тыс., датчанами — 2 тыс.) [34].

Работорговля в широких масштабах велась и в XIX в. В 1808—1860 гг. в южные штаты Северной Америки было ввезено более 200 тыс. рабов, из них: в 1808—1820 гг.— 60 тыс., в 1821—1831 гг.— 50 тыс.; в 1831—1840 гг.— 40 тыс., в 1841—1860 гг.— 70 тыс. рабов [35].

Где же были папство и католическая церковь в то время, когда (не один год, а на протяжении нескольких столетий) велась охота на людей и продажа их в рабство? Папство тогда оправдывало рабство, а церковь не брезгала получать доходы от работорговли. Так, о раннем периоде торговли рабами португальцами мы читаем следующее: «Всех чернокожих — мужчин, женщин и детей — перед тем, как увезти закованными на кораблях, священники крестили... Церковь получала большие материальные выгоды от этой операции, ибо она взимала за крещение каждого чернокожего (за исключением грудных младенцев) по триста реев» [36].

Еще в середине XIX в. католическая церковь в США отстаивала рабство негров. Против рабства не возражал и римский папа. В 1839 г. папа Григорий XVI издал энциклику о работорговле, в которой он высказался против работорговли, но не против рабства. Папа развивал мысль, что хотя жребий раба

[33] См. E. Soderini. The pontificate of Leo XIII, p. 140—142.
[34] E. Morel. The black man's burden. London, 1920, p. 19.
[35] G. Padmore. How Britain rules Africa, p. 22.
[36] Дерек Картэн. Африка, Африка. М., 1955, стр. 18.

и тяжелый, но он не непримирим с «вечным спасением», что хотя рабство — зло, но оно не является злом для раба, находящегося у доброго хозяина, а рабское состояние не является препятствием для достижения «царства небесного» [37].

В 1840 г. во время президентской избирательной кампании в США тогдашний государственный секретарь Форзит пытался связать католическую церковь с аболиционистским движением, ссылаясь на названную энциклику папы Григория XVI. Чтобы отвести от церкви этот упрек рабовладельцев, один из видных католических иерархов США епископ Ингленд выступил с рядом писем, обращенных к государственному секретарю, в которых доказывал, что его обвинения неверны, что папа писал только против работорговли, но не против рабства. Церковь, писал он, в ранние периоды истории не осуждала, а признавала рабство, что в Ветхом и Новом заветах рабство разрешено [38]. Известно также, что папа Пий IX сочувствовал американским рабовладельцам юга, а не аболиционистам.

В конце XIX в. папа Лев XIII, не рискуя поссориться с влиятельными политическими силами, мог выступить в роли противника работорговли, так как рабство экономически себя изжило. Теперь и буржуазные правительства, стоявшие за безудержную эксплуатацию колониальных народов, выступали в благородной позе врагов рабства и работорговли.

Высказываясь в конце XIX в. против рабства, католическая церковь и Ватикан всей своей деятельностью в колониях, опираясь на миссионеров и их организации, помогали насаждать другую, более современную форму рабства — колониальную.

ВАТИКАН, МИССИОНЕРЫ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГРАБЕЖ КИТАЯ

В. И. Ленин в следующих кратких словах изложил суть политики капиталистических держав в Китае в конце XIX в.: «1895: ...Грабят («делят») *Китай.* (Япония+*Россия*+Англия+ + Германия + Франция.)» [39].

Китайский историк Ху Шен приводит следующий перечень событий, которые в конце XIX в. привели к разделу Китая между различными державами: «К 1899 г. Англия захватила порт Вэйхавэй, а бассейн Янцзы сделала своей сферой влияния; царская Россия захватила Порт-Артур и Дальний, а Маньчжурию и Монголию стала рассматривать как сферу своих монопольных прав и привилегий; Германия захватила Цзяочжоу и

---

[37] Th. Maynard. The story of american catholicism, p. 342.

[38] J. Murphy. An analysis of the attitudes of american catholics toward the immigrant and the negro 1825—1925. Washington, 1940, p. 42—43.

[39] В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 620.

установила свой контроль над провинцией Шаньдун; Франция заставила цинское правительство признать за ней особые права и привилегии в провинции Юньань и на части территории провинций Гуандун и Гуанси, а Гуанчжо-увань сделала своей концессией; Япония, помимо того, что она захватила по Симоносекскому договору остров Тайвань и добилась контроля над Кореей, вынудила еще цинское правительство заявить, что провинция Фуцзянь и прилегающие к ней острова никогда не будут уступлены Китаем другим государствам. Так произошел так называемый раздел Китая...» [40].

Вместе с другими державами в дележе Китая участвовали и США. В 1898 г. президент США Мак-Кинли заявил конгрессу: «Америка не может оставаться безучастным наблюдателем в такой серьезный момент, когда части китайского побережья попадают в чужие руки... Если мы не хотим, чтобы нас вытеснили державы, захватившие китайскую территорию, мы обязательно должны принять участие в китайских делах» [41].

Каждое из государств, присвоивших себе часть китайской территории, неизменно посылало в те районы страны, которые оно облюбовало в качестве «сферы влияния», своих христианских миссионеров. Таким образом, и миссионерская деятельность была поделена на сферы влияния. В Китае миссионерством (помимо протестантских и русской православной церквей) занимались следующие католические организации: иезуиты, капуцины, доминиканцы, августины, траписты, лазаристы и другие религиозные ордена — французские, немецкие, итальянские, американские, бельгийские и др. В 1889—1890 гг. в Китае было 657 католических (и 1296 протестантских) миссионеров [42]. К 1907 г. в Китае было уже 43 католических епископа, а в католических миссиях — одних только священников около 2 тыс. (иностранцев около 1400), помимо монахов и монашек (более 2 тыс.) [43]. Протестантских миссионеров к этому времени было свыше 3500. Постепенно католические миссии стали преобладать над протестантскими. Уже к 1926 г. в Китае было более

---

[40] Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951, стр. 114.

[41] Цинь Бэнь-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае. М., 1951, стр. 33.

[42] Kenneth Scott Latourette. The development of China, p. 163.

[43] B. Wolferstan. The catholic church in China. London, 1909, p. 449. В отчете ватиканской конгретации пропаганды, изданном в 1901 г., приведены следующие данные о католических миссионерах и учреждениях в Китае в конце XIX в.:

	1895 г.	1898 г.	1901 г.
Миссионеров	1016	1168	1375
Церквей	3119	3930	4126
Воспитательных заведений	2739	2962	3614

(АВПР, ф. Ватикан, д. 8, л. 132).

7 тыс. католических миссионеров, в то время как число протестантских в 1936 г. доходило до 6 тыс.

Большое число миссионеров, по преимуществу католических, направилось в Китай в годы, предшествовавшие первой мировой войне. По архивным данным, за период 1907—1913 гг. только через Россию в Китай проехали: около ста бельгийских католических миссионеров (брюссельской миссии), миссионеры из венской миссии, баварской миссии бенедиктинцев, германского «Общества божественного союза» («Стейл»). миссионеры из Англии, Франции, Швеции, США.

В неравноправных договорах, навязанных державами Китаю, оговаривались преимущества для миссионеров. Специальный пункт об этом в Тяньцзинском договоре 1858 г. с Англией гласит: «Христианская религия, исповедуемая протестантами или римскими католиками, внушает практикование добродетели и учит людей делать другим то, что желаешь, чтобы они делали себе. Лица, проповедующие ее, или обучающие ей, посему должны иметь одинаковое право на покровительство китайских властей и никто из них, мирно осуществляющий свое призвание и не нарушающий закона, не должен быть преследуем или испытывать противодействие» [44]. Почти в тех же словах составлен Тяньцзинский договор Китая с царской Россией, заключенный в том же 1858 г. Тяньцзинский договор с США содержит статью, гласящую, что американские миссионеры будут пользоваться в Китае свободой и покровительством. Специальные привилегии для миссионеров с правом деятельности для них во всех местах Китая предусматривались и в Тяньцзинском договоре с Францией.

Католические миссионеры вмешивались в политическую жизнь страны, присваивали себе право суда над китайцами, перешедшими в католицизм [45]. «Разбирая судебные дела, власти не решались выносить решений, невыгодных христианам; собирая налоги, драли три шкуры с простых людей, но не осмеливались требовать что-либо с христиан, за которыми стояли миссионеры» [46].

Российский консул в Фучжоу доносил 29 июля 1895 г. об убийстве в 120—130 км от Фучжоу миссионеров и при этом выразил мнение, что вмешательство миссионеров в частные дела китайцев и их покровительство китайцам-христианам является главной причиной того, что много порочных людей принимают христианство, чтобы заручиться покровительством миссионеров в целях прикрытия своих незаконных действий; это вызывает в

---

[44] Э. Гримм. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. М., 1927, стр. 59.

[45] «Вестник Европы», 1881, январь, стр. 432.

[46] Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае, стр. 89.

свою очередь враждебное отношение нехристиан к миссионерам [47].

Под давлением иностранных держав китайские власти вынуждены были предоставлять все новые привилегии миссионерам. 15 марта 1899 г. был издан императорский декрет о правилах сношений китайских властей с католическими миссионерами. В выработке правил участвовал папский представитель (апостолический викарий) в Пекине епископ Фавье. Декрет предусматривал, что представители католической церкви разных духовных степеней приравниваются к китайским чиновникам определенных рангов [48].

По мере обострения борьбы между державами за закабаление Китая усилилась и борьба между ними вокруг вопросов миссионерской деятельности: каждая из держав добивалась наибольших привилегий для своих миссионеров. В связи с этим разгорелся и спор вокруг так называемого «протектората» над христианами в Китае (одновременно, как уже было выше показано, велась борьба вокруг «протектората» над христианами на Среднем и Ближнем Востоке).

Правом протектората над всеми католическими миссиями в Китае со времен Людовика XIV пользовалась Франция. При недоразумениях с китайскими властями католические миссионеры должны были обращаться за содействием к французскому дипломатическому представителю. Такое положение усиливало позиции Франции. Французский протекторат над христианами в Китае был признан и Ватиканом. Представитель России при Ватикане Н. Чарыков писал 31 марта (12 апреля) 1898 г. в Петербург, что римско-католические миссии в Китае «состоят со времен Людовика XIV под особым покровительством Франции, чрезвычайно ревниво оберегающей признанное за нею официально как св. престолом, так и китайским правительством право протектората» [49].

С того времени, как германский империализм, бросившийся в колониальные авантюры, обратил свои взоры на Китай, германское правительство выступило против французского протектората. Доверенным лицом правящих кругов Германии в Китае был католический епископ Анзер (в 1897 г. этот церковный иерарх был возведен китайским императором в мандарины) [50].

Первый удар по французскому протекторату был нанесен Германией. Стараниями епископа Анзера немецкая католическая миссия в провинции Шаньдун, находившаяся до этого, как

---

[47] АВПР, ф. Китайский стол, д. 180, л. 32.

[48] H. F. MacNair. Modern chines history. Shanghai, 1923, p. 586.

[49] АВПР, ф. Ватикан, д. 5, л. 49.

[50] Th. Devaranne. Der gegenwärtige Geisteskampf um Ostasien. Gotha, 1928, S. 28.

и все католические миссии в Китае, под протекторатом Франции, окончательно перешла в 1891 г. под опеку Германии. Одновременно Берлинский кабинет стал побуждать своих союзников Австрию и Италию, а также Испанию, Бельгию и Голландию последовать его примеру и добиться права протектората над своими миссионерами [51].

Для того, чтобы еще больше подорвать позиции Франции в Китае, в германских правящих кругах возник план способствовать установлению непосредственных дипломатических отношений между Ватиканом и Китаем, тогда «защита христиан» в Китае стала бы делом папского нунция, а не представителя Франции. Российский посланник в Пекине сообщал 28 мая 1892 г. в Петербург: «Мне известно, между прочим, что приступлено уже, без ведома Франции, к секретным переговорам между Ватиканом и китайским правительством, которые ведутся через посредство германской дипломатии в Пекине и в Риме, и которая имеет целью назначения в Пекин папского нунция...» [52]. В той же депеше посланник сообщал об имевшем место столкновении между французским посланником в Пекине Лемером и китайским вице-королем в Тяньцзине Ли Хун-чжаном по вопросу о положении французской торговли в Китае и о протекторате над католическими миссионерами. Во время спора «разгневанный вице-король, забывшись, показал представителю Франции проект соглашения, направленного против протектората этой державы и предусматривающего назначение в Пекин папского нунция. В проекте этом в числе сторонников его упоминаются, между прочим, германский епископ в Шаньдуне Анзер, а, к сожалению, также аббат Фавье, французский священник ордена лазаристов, принадлежащий к пекинской епархии и известный за человека чрезвычайно умного, честолюбивого и беспокойного» [53].

Вопрос о протекторате над католическими миссиями, писал российский посланник, за последнее время стал принимать для Франции серьезный оборот. «Решение его стало явно находиться под влиянием Германии, действующей как глава Тройственного Союза. При подобных обстоятельствах Франции приходится более, чем когда-либо, отстаивать свое право и не соглашаться передать кому-либо из членов Тройственного Союза, т. е. Германии, или еще вероятнее Австрии, лежащего на ней, правда, тяжелого, долга, отрекшись от которого, она неминуемо нанесет роковой удар своему престижу как в Европе, так и в Китае» [54].

---

[51] АВПР, ф. Китайский стол, д. 180, л. 9.
[52] Там же.
[53] Там же, л. 10.
[54] Там же, лл. 10—11.

Планы германского правительства и папы Льва XIII учредить нунциатуру в Китае серьезно беспокоили французские правящие круги. Министр-резидент российского правительства в Ватикане Извольский писал 25 января (6 февраля) 1894 г. в Петербург, что новый французский посланник в Пекине Жерар по пути в Китай остановился в Риме, чтобы быть принятым папой и осведомиться у него относительно взглядов Ватикана на католические дела в Китае. В связи с прежними попытками учредить нунциатуру в Пекине, писал Извольский, «французправительство внимательным образом следит за тем, чтобы со стороны папы не было предпринято ничего такого, что могло бы нанести ущерб французскому протекторату над католическими миссиями в небесной империи»[55]. По словам Извольского, Лев XIII отказался «вследствие энергических представлений Франции» от учреждения нунциатуры в Пекине, но в Ватикане возник план учредить в Китае постоянные католические епархии. При этом папа заверил Жерара, что права французского протектората будут сохранены в силе.

В римской курии враждебную к Франции позицию в вопросе о протекторате занимал кардинал Ледоховский, префект конгрегации пропаганды[56], сторонник прогерманской политики папского престола.

Таким образом, Ватикан активно участвовал в борьбе держав за порабощение Китая, при этом папский престол с конца XIX в. явно склонялся к поддержке германских империалистов. Поддержка Ватиканом колониальной экспансии Германии усилилась еще больше после разрыва официальных отношений между Францией и папским престолом (в 1905 г.). Французский протекторат над католиками в Китае фактически и был ликвидирован в процессе борьбы империалистов за сферы влияния[57].

С конца XIX в. в Китай в большом числе устремились наряду с немецкими также и американские миссионеры (католические и протестантские). Китайский историк Цинь Бэнь-ли пишет: «Из числа капиталистических государств, которые участвовали в агрессии в Китае, американские империалисты лучше всех других умели маскировать свои агрессивные действия. Они применяли такой род агрессии, который бескровно убивал людей — это так называемые религиозно-культурные капита-

[55] АВПР, ф. Китайский стол, д. 180, л. 22.

[56] Там же, л. 23.

[57] В январе 1906 г. французский посол в Пекине заявил китайскому правительству, что в связи с отделением церкви от государства во Франции французское посольство в Пекине будет заниматься делами, касающимися только французских миссионеров, миссионеры же других стран должны обращаться со своими делами в соответствующие посольства. Фактически французский протекторат к этому времени уже не существовал.

ловложения. По оценке Ремера, их общая сумма достигала 41 904 889 американских долларов. Эта цифра превышает размеры займов, предоставленных китайскому правительству... Подавляющее большинство этих капиталовложений было размещено не в крупных городах, а в сельских захолустьях страны... Религиозно-культурные капиталовложения не концентрировались в районе морского побережья, а распылялись в глубинных районах. Это была попытка основать аванпосты агрессии в каждом глухом уголке страны, и, маскируясь «культурой», «богом», «милосердием», приучить китайский народ принимать врагов за друзей...» [58].

Несмотря на то, что в США церковь формально отделена от государства, правительство этой страны добивалось от Китая привилегии для американских миссионеров. Торговое соглашение, заключенное США с Китаем в 1903 г., предусматривало привилегии для американских миссионеров, в частности право миссий владеть собственностью во всех областях страны [59]. Б. Вильямс (профессор политических наук в Питсбургском университете) писал, что «половина американцев в Китае связана с миссиями» [60].

Русские дипломатические агенты в Китае отмечали наличие большого числа американских миссионеров в этой стране. Бывший секретарь русской миссии в Пекине пишет о своей поездке в Китай в 1895 г.: «...на пароходе поражало обилие американских миссионеров, отправляющихся в Китай с женами и детьми» [61]. Поверенный в делах России в Китае писал в 1911 г. в Петербург, в министерство иностранных дел, что «довольно много американских миссионеров» проживает в провинциях Гань-су и Шень-си [62].

Американские миссионеры помогали своим империалистам укрепиться в Китае. Российский посланник в Китае Коростовец писал 2 декабря 1910 г. из Пекина об усилиях американцев привлечь китайцев на свою сторону, об их стараниях убедить китайцев, что одна только Америка действует «бескорыстно» в качестве защитника целостности Китая. «Усилия федерального правительства,— писал Коростовец,— усердно поддерживаются

---

[58] Цинь Бэнь-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае. М., 1951, стр. 74.

[59] H. B. Morse, H. F. MacNair. Far Eastern international relations. Boston — New York, 1931, p. 496.

[60] B. H. Williams. American diplomacy. New York, 1936 p. 127. Уже к 1926 г. половина поступлений крупных католических организаций на миссионерство в Китае шла из США (K. S. Latourette. A history of christian missions in China, p. 716).

[61] Ю. Соловьев. 25 лет моей дипломатической службы. М., 1925, стр. 30.

[62] Международные отношения в эпоху империализма, т. XIX, ч. 1, стр. 183

американским обществом, представителями торговых и деловых сфер, а также многочисленными миссионерами, проживающими в Китае» [63]. Американский историк пишет, что существовала прямая и длительная связь между миссионерами в Китае и теми, кто определял политику в Вашингтоне [64].

С конца XIX в. в США стали создаваться специальные католические общества для поощрения миссионерства. В 1896 г. близ Чикаго был создан католический колледж для подготовки миссионеров, в частности для Китая. В 1911 г. американские архиепископы одобрили план создания крупного католического миссионерского общества «Американское католическое иностранное миссионерское общество». Китай был одним из главных объектов деятельности этой и других американских миссионерских организаций.

Царское правительство России в своей колониальной политике в Китае также старалось опереться на миссионерские организации, прежде всего православной церкви. Некоторые видные русские дипломаты, учитывая вражду китайского народа к миссионерам, высказывались против миссионерской деятельности русской православной церкви в Китае. Синод же православной церкви и влиятельные круги царской бюрократии были за поощрение православного миссионерства. В письме к обер-прокурору синода Победоносцеву 29 февраля 1904 г. министр иностранных дел Ламздорф писал, что миссионерская деятельность в Китае может «при настоящих политических обстоятельствах привести к весьма опасным осложнениям», а потому, писал Ламздорф, «обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, не признаете ли Вы возможным принять зависящие меры в видах прекращения ее проживающими в Китае православными духовными лицами, впредь до восстановления спокойного течения политической жизни на Д. Востоке...» [65]. В ответ на это обращение Победоносцев писал 7 марта 1904 г. Ламздорфу, что синод, «приняв во внимание, что миссионерская деятельность нашей православной миссии в Китае при настоящих политических обстоятельствах может привести к весьма опасным осложнениям»... «предписал преосвященному Переславскому (Начальнику Российской духовной миссии в Пекине) принять зависящие от него меры к приостановлению, впредь до восстановления спокойного течения политической жизни на Дальнем Востоке, миссионерской деятельности находящихся в его ведении духовных лиц» [66].

---

[63] АВПР, ф. Китайский стол, д. 133, лл. 531—532.

[64] R. Van Alstyne. American diplomacy in action. Stanford. California, 1947, p. 354.

[65] АВПР, ф. Китайский стол, д. 182, л. 6.

[66] Там же, л. 7.

Царское правительство не долго оставалось на такой осторожной позиции. Начальник пекинской духовной миссии Иннокентий (был возведен в 1902 г. в сан епископа с присвоением ему титула «Переславский»), принялся за широкое развитие миссионерства православной церкви, что, как мы видели, вызывало возражения российского представителя в Китае.

В феврале 1907 г. посланник в Пекине Покотилов писал министру иностранных дел Извольскому по поводу деятельности епископа Иннокентия: «в донесениях моих императорскому министерству я имел неоднократно случай высказывать взгляд мой на вопрос о расширении православной миссионерской деятельности в Китае. Отсутствие у нас здесь миссионеров я всегда считал одним из серьезных преимуществ нашего политического положения в Срединной Империи и позволяю себе высказать мысль, что было бы очень большой ошибкой с нашей стороны осложнять наши и без того нелегкие задачи в Китае искусственным поощрением здесь православной миссионерской деятельности. Опыт Западной Европы и Америки в достаточной мере красноречиво показывает, какие нежелательные осложнения постоянно возникают на почве столкновений миссионеров с туземным населением и властями» [67]. Покотилов писал, что уж «если признается необходимым распространять православие в Китае», то надо это делать в первую очередь не в центральных областях, а в пограничных с Россией, где, по словам Покотилова, «деятельность проповедников православия могла бы итти рука об руку со стремлением русских пионеров в области экономической» [68]. Допуская миссионерскую деятельность православной церкви в пограничных с Россией районах Китая, Покотилов считал, что она и там будет служить политике царского правительства.

Царское правительство не отказывалось от использования православных миссионеров в Китае. Оно готово было пользоваться также услугами и католических миссионеров. Агент министерства финансов России в Париже писал в 1909 г. в Петербург, что в целях воможно полной осведомленности о настроении умов на Дальнем Востоке, по-видимому, было бы целесообразно воспользоваться услугами католических миссионеров-французов, которые благодаря постоянным непосредственным сношениям с населением имеют возможность быть хорошо осведомленными о тех или других изменениях в политической и общественной жизни страны [69]. Министр финансов Коковцев счел нужным поставить в известность министра иностранных дел Извольского об этом письме.

[67] АВПР, ф. Китайский стол, д. 188, лл. 2—3.
[68] Там же.
[69] Там же, д 180, л. 102.

В глазах широких масс китайского народа проповедь христианства была неразрывно связана с закабалением их страны иностранными империалистами. Народ знал, что миссионеры опираются на те же неравноправные договоры и иностранные армии, что и иностранные купцы, дипломаты и другие враждебные Китаю силы. Отсюда — антимиссионерские движения, явившиеся частью антиимпериалистических движений китайского народа. «Правильнее будет сказать, что в то время китайцы выступали против религиозных миссий не потому, что им была ненавистна иностранная религия, а потому, что в то время миссии в глазах китайцев были самыми прямыми представителями империалистической агрессии» [70]. Американская писательница Перл Бак, известная своими романами о Китае, пишет, что христианская пропаганда в этой стране оказалась малоуспешной. «Христос,— пишет она,— не вошел в китайскую жизнь... Невольно напрашивается мысль, что стоит нам уйти отсюда, как от всей нашей полуторавековой миссионерской деятельности останется не больше следов, чем от старой несторианской церкви, а именно — стертая ветрами, забытая надпись в пустыне» [71].

Под предлогом «защиты» миссий и миссионеров империалистические державы организовывали военно-карательные экспедиции в Китай, сопровождавшиеся неслыханными насилиями над китайским населением и заканчивавшиеся навязыванием стране новых кабальных договоров. Ярким примером этого могут послужить события, связанные с захватом Германией Цзяочжоу (Киао-Чао) в 1897 г., и история подавления народного восстания в 1900 г. объединенными силами держав под командованием немецкого фельдмаршала графа Альфреда фон Вальдерзее.

МИССИОНЕРЫ И ЗАХВАТ ЦЗЯОЧЖОУ (КИАО-ЧАО) ГЕРМАНИЕЙ

Обширная программа колониальных захватов во всем мире, разработанная немецкими шовинистами и империалистами, объединившимися в 1886 г. в «Пангерманский союз», включала и захват китайской территории, в том числе бухты Цзяочжоу [72].

Уже с 1870-х годов эта бухта стала рассматриваться немец-

---

[70] Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае, стр. 134.

[71] Теодор Драйзер. Соч., т. XII, стр. 40.

[72] См. депешу русского посла в Берлине управляющему министерством иностранных дел Ламздорфу от 4 января 1901 г. и докладную записку о пангерманском союзе. «Красный архив», т. 1(92), 1939, стр. 220. (В документах название бухты — Киао-Чао).

кими экспансионистами, как подходящая база для дальнейшего проникновения в Китай [73].

11 марта 1895 г., за несколько лет до захвата Цзяочжоу, барон фон Маршалль, статс-секретарь германского министерства иностранных дел, писал статс-секретарю морского министерства вице-адмиралу Гольману о необходимости теперь же начать подготовку к овладению в Китае угольными станциями и военными гаванями для германского военного флота. В письме отмечалось, что германский посол в Пекине считает, что для этой цели подходит бухта Цзяочжоу в провинции Шаньдун и Пескадорские острова [74]. В своем ответе 17 апреля того же года вице-адмирал Гольман выдвинул программу территориальных захватов в Китае. В числе других объектов его захватнических планов была названа и бухта Цзяочжоу [75].

Адмирал Тирпиц пишет в своих воспоминаниях, что с военной точки зрения в качестве опорного пункта и базы для германского флота больше всего подходила бухта Цзяочжоу [76].

Таким образом, в правящих кругах Германии вопрос о захвате этой части китайской территории в целях дальнейшего проникновения в страну был давно предрешен. Для осуществления этой задачи велась дипломатическая и военная подготовка. Нужен был лишь повод, причем такой, который представил бы захватчиков в роли «спасителей христианской цивилизации».

23 сентября 1895 г. в телеграмме министерству иностранных дел и адмиралу фон Кнорру Вильгельм II писал: «Согласно последним сообщениям, в Китае вследствие общего брожения не невероятно большое гонение на христиан. События в Кантуне вызвали стягивание Англией большой эскадры. И для немецких миссионерских станций необходима близость германских кораблей» [77]. Повод для выступления против Китая намечался: «не невероятное гонение на христиан». Вильгельм приказал германским кораблям отправиться в Китай и держаться у Шаньдунского полуострова. Незадолго до этого, (19) 31 августа 1895 г. Вильгельм телеграфировал имперскому канцлеру Гогенлоэ о своем намерении захватить территории Китая, «чтобы не оказаться, как в остальном, позади англичан или французов» [78].

Германский посол в Пекине рекомендовал своему правительству действовать быстро. Наилучшим поводом для выступления против Китая и захвата его территории могла быть, по

[73] «Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten», Leipzig, 1938, S. 123.
[74] «Die Grosse Politik», Bd. 14, T. 1, S. 6.
[75] Ibid., S. 10.
[76] «Erinnerungen von Alfred von Tirpitz». Leipzig, 1920, S. 62.
[77] «Die Grosse Politik», Bd. 14, T. I, S. 16—17.
[78] «Красный архив», т. 2(87), М., 1938, стр. 27.

его мнению, затяжка с удовлетворением жалоб немецких католических миссионеров [79].

К агрессивным действиям против Китая, под предлогом «защиты» немецких католических миссионеров, побуждал правящие круги и немецкий католический епископ в Китае — Анзер. Германский посол в Пекине сообщал, что епископ Анзер неоднократно жаловался на то, что немецкие католические миссии не пользуются среди властей и населения никаким уважением и требовал срочных и энергичных действий в интересах его миссии, чтобы внушить китайцам уважение к миссионерам. В противном случае, намекал Анзер, его миссионеры могли бы вынудить его вернуться к французской защите, которая показала себя более действенной [80].

Конечно, не «защита» католических миссионеров была главной заботой правящих кругов Германии. Поверенный в делах России в Пекине Павлов сообщал в марте 1897 г. министру иностранных дел в Петербурге, что германский посол в Пекине барон Гейкинг предпринял в китайском министерстве иностранных дел шаги к тому, чтобы добиться уступки Германии одной из китайских бухт для устройства в ней германского военного порта. Речь шла о Цзяочжоу. «Владение у берегов Китая благоустроенным военным и коммерческим портом, по мнению барона Гейкинга,— писал Павлов,— даст Германии, с одной стороны, возможность значительно увеличить состав своей Тихоокеанской эскадры, а с другой стороны,— упрочить положение германской торговли в Китае, ибо такой порт может со временем сделаться важным складочным пунктом германских товаров подобно тому, как Гонконг служит ныне для английских» [81]. Как явствует из донесений Павлова, китайские министры были решительно против предоставления Германии Цзяочжоу [82].

Вопрос о Цзяочжоу был предметом переговоров Вильгельма II с Николаем II во время посещения Вильгельмом царя в Петергофе в августе 1897 г.[83]. Позиция царского правительства, которое в конце концов пошло на компромисс с Германией за счет Китая, облегчала немецким империалистам осуществление их целей [84].

В это же самое время, 1 ноября 1897 г., в провинции Шаньдун были убиты два немецких католических миссионера. В правящих кругах Германии необычайно обрадовались этому убийству: теперь у них был давно ожидаемый повод для выступления. Теперь кайзер Вильгельм II, захватывая китайскую

[79] «Die Grosse Politik», Bd. 14, T. I, S. 26.
[80] Ibid.
[81] «Красный архив», т. 2(87), стр. 31.
[82] Там же, стр. 34—35.
[83] Там же, стр. 33.
[84] «История дипломатии», т. II, стр. 125.

территорию, убивая и терроризируя китайское население, мог выступать в роли «защитника христианства».

6 ноября 1897 г. кайзер приказал адмиралу фон Дидерихсу немедленно отправиться с эскадрой в Цзяочжоу и занять ее. В телеграмме министерству иностранных дел, посланной также 6 ноября, кайзер писал, что за нападение на немецких католических миссионеров, находящихся под его протекторатом, нужно добиться «щедрого искупления» посредством активного вмешательства германского флота, что германская эскадра должна немедленно отправиться в Цзяочжоу, оккупировать прилегающую китайскую местность и угрожать самыми суровыми репрессиями, если китайское правительство немедленно и в большом размере не возместит убытки в деньгах, а также если не будет произведено действенное преследование и наказание преступников. Вильгельм писал далее, что он твердо намерен действовать в Восточной Азии, если нужно, с «жесточайшей беспощадностью» («brutalster Rücksichtslosigkeit»), чтобы показать китайцам, что «кайзер не даст с собой шутить». Такие действия, писал Вильгельм, тем более необходимы, что он этим сможет доказать своим католическим подданным, включая ультрамонтанов (имелась в виду партия центра), что их благополучие близко его сердцу и они могут рассчитывать на его защиту [85].

В телеграмме от 7 ноября 1897 г. статс-секретарю по иностранным делам Бюлову Вильгельм II не мог скрыть своей радости по поводу убийства миссионера. «Итак,— писал он, имея в виду этот акт,— наконец китайцы дали нам... так давно страстно ожидаемые основание и случай». Вильгельм писал, что он решил немедленно выступить, так как по всем сообщениям, как письменным, официальным и частным, так и устным, которые приходят от возвращающихся из Восточной Азии, нет никакого сомнения в том, что настоящий момент является решающим для целей Германии, для ее влияния и видов на развитие торговли. Напомнив, что он велел в Китае действовать энергично и угрожать репрессиями, кайзер далее писал: «Тысячи немецких христиан вздохнут, когда узнают о близости флота германского кайзера, сотни немецких купцов возликуют в сознании того, что германское государство, наконец, стало твердой ногой в Азии, а сотни тысяч китайцев задрожат, когда близко ощутят железный кулак немецкой империи» [86].

С таким ликующим посланием, в котором перемешались торговля, жажда убийств и «защита христианства», обратился к Бюлову кайзер Вильгельм, этот ограниченный, жестокий и самовлюбленный прусский юнкер, который был убежден, что на нем почиет божья благодать, приступая к кровавой распра-

[85] «Die Grosse Politik», Bd. 14, T. I, S. 67.
[86] Ibid., p. 69—70.

ве с Китаем под благовидным предлогом «защиты интересов христианства».

В той же роли «защитника христианства» Вильгельм выступает и в своей телеграмме Николаю II от 7 ноября (26 октября) 1897 г., двусмысленный ответ которого мог только поощрить Вильгельма. Сообщая царю об убийстве немецких миссионеров, Вильгельм писал: «Я должен наказать этих китайцев». Германская эскадра отправилась в Цзяочжоу, телеграфировал Вильгельм царю, чтобы оттуда действовать: «Я обязан показать католической партии в Германии, что я в состоянии защитить их...» Свою телеграмму кайзер закончил заверением в том, что предпринятое им «наказание» китайцев «необходимо и принесет пользу всем христианам» [87].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в своих телеграммах кайзер часто ссылается на то, что он должен выполнить свои обязательства перед католической партией. Немецкая католическая партия центра, ранее партия оппозиционная, к концу XIX — началу XX в. все больше втягивалась в империалистическую политику правящих кругов. Прикрывая военную экспедицию в Китай лозунгами защиты католических миссионеров, Вильгельм еще больше привязывал к себе католическую партию.

Через несколько дней после убийства миссионеров германская эскадра вошла в бухту Цзяочжоу и высадила десант. В тронной речи в имперском сейме 30 ноября 1897 г. Вильгельм так объяснил этот разбойничий акт: «Убийство немецких миссионеров и нападения на состоящие под моим императорским покровительством и близкие моему сердцу учреждения миссий в Китае вынудили меня послать мою восточно-азиатскую эскадру в ближайшую к месту действия бухту Киао-Чао и высадить там войска, чтобы добиться полного возмездия и надлежащих гарантий против повторения подобных печальных событий» [88].

Германия потребовала от китайских властей не только «наказания виновных» и выплаты католической миссии денежного вознаграждения, но прежде всего ряда привилегий для своих купцов и промышленников. По договору от 6 марта 1898 г. Германия получила право свободного прохода своих войск во всякое время на пространстве 50 км от бухты Цзяочжоу (Киао-Чао), а также обе стороны входа в бухту в «аренду» на 99 лет с правом возводить укрепления [89]. Одновременно Германии бы-

---

[87] «Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894—1914 гг.». М.—Пг., 1923, стр. 21; «Die Grosse Politik», Bd. 14, T. I, S. 70.

[88] «Вестник Европы», 1898, январь, стр. 408.

[89] J. Hohlfeld. Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten, Bd. 1, S. 317—318.

ли предоставлены концессии на строительство двух железнодорожных линий в провинции Шаньдун и ряд горных концессий. Тем самым фактически вся провинция Шаньдун была превращена в сферу влияния Германии.

Захват Цзяочжоу Германией послужил поводом для нового грабежа Китая Англией, Францией, Японией и царской Россией.

Вся обстановка убийства двух немецких католических миссионеров, послужившего поводом к вооруженному захвату кайзеровской Германией китайской территории, дает основание предполагать о провокационном характере этого акта, к которому, возможно, приложили руку и агенты германского правительства. В дипломатических кругах в Пекине считали, что с убийством миссионеров «немцам повезло» [90]. Поверенный в делах России в Пекине Павлов писал министру иностранных дел Муравьеву в Петербург 2(14) ноября 1897 г., что не случись убийства миссионеров, «германский посланник или командующий германской эскадрой так или иначе создали бы в самом ближайшем времени какой-нибудь новый инцидент, коим германское правительство могло бы тогда воспользоваться для своих целей» [91]. Английский посол в Японии Сатоу доносил 1 декабря 1897 г. министру иностранных дел маркизу Солсбери в Лондоне: «Захват Киао-Чао последовал настолько быстро вслед за известиями об убийстве германских миссионеров, что трудно не поверить, что за этим не было каких-то скрытых мотивов» [92].

Как же отнеслись в церковных кругах к этим событиям?

Историк христианского миссионерства Латуретт, профессор Иельского университета (США), пишет, что убийство миссионеров послужило для германского правительства предлогом для захвата китайской территории и для того, чтобы потребовать специальные привилегии в Шаньдуне. «Возможно,— добавляет Латуретт,— что по крайней мере некоторые из римско-католических властей не были недовольны этим» [93]. Действительно, римско-католические власти, особенно немецкие, были довольны тем, что благодаря убийству миссионеров германский империализм получил удобный повод для осуществления давно подготовляемых им планов экспансии в Китае.

Немецкий католический епископ провинции Шаньдун Анзер, в дни убийства миссионеров находившийся в Берлине, не мог скрыть своей радости по случаю этого убийства. «То была кро-

---

[90] Ю. Соловьев. 25 лет моей дипломатической службы, стр. 56.
[91] «Красный архив», т. 2(87), стр. 44.
[92] British documents on the origins of the war. 1898—1914, vol. I, London, 1927, p. 3.
[93] K. S. Latourette. A history of christian missions in China, p. 498.

вавая смерть наших собратьев,— заявил он,— которая привела немецкого орла в Восточный Китай» [94].

Согласно записи от 7 ноября 1897 г. заместителя германского статс-секретаря барона фон Ротенгана, епископ Анзер выразил ему надежду, что Германия использует обстоятельство, «чтобы занять Киао-Чао,— наилучший и имеющий наибольшие возможности к развитию опорный пункт для нас во всех отношениях...» [95]. 16 ноября на аудиенции у кайзера Вильгельма епископ Анзер выразил свое удовлетворение действиями Германии в Китае; Германия, сказал он, ни при каких обстоятельствах не должна отдать Цзяочжоу, экономическое и промышленное будущее которого еще важнее, чем значение Шанхая в настоящее время. Занятие Германией Цзяочжоу заявил этот иерарх католической церкви на Востоке никого не удивляет, так как все этого давно ожидали [96].

Таким образом, и для епископа Анзера, как и для немецких экспансионистов из лагеря пангерманистов, убийство двух немецких миссионеров явилось даром провидения, счастливым событием, которое дало возможность под предлогом «защиты христианских миссионеров» захватить опорные базы в Китае.

Захват Цзяочжоу приветствовали и другие видные представители католической церкви Германии. Архиепископ Бреславльский кардинал Копп обратился 15 декабря 1897 г. к Вильгельму с приветственной телеграммой по поводу посылки германской эскадры во главе с братом кайзера в Китай «для защиты креста».

С приветствием по этому же поводу обратился с телеграммой к кайзеру и архиепископ Познаньский и Гнезненский Стаблевский. Он писал, что его молитвы сопровождают отправившегося во главе немецкой эскадры в Китай брата кайзера, чтобы крест Христа нашел на Дальнем Востоке надежную защиту и дальнейшее продвижение.

В своих ответах на эти приветствия Вильгельм повторил сказку о том, что его брат отправился во главе карательной экспедиции на Дальний Восток для службы отечеству и «защиты креста». Кайзер писал Коппу, что он рад тому, что принца сопровождают в его поездке молитвы людей, которые одинаково верны как отечеству, так и церкви [97].

Высшее католическое духовенство поддержало и само распространяло лживую версию о том, что действия германского правительства будто бы вызваны религиозными соображения-

---

[94] Th. Devaranne. Der gegenwärtige Geisteskampf um Ostasien. S. 28.

[95] «Die Grosse Politik», Bd. 14, T. I, S. 76.

[96] Ibid.

[97] Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, 1897, S. 167—168.

ми. Служители церкви оправдывали агрессию, а некоторые из них высказывались также за жестокую расправу с китайцами.

Строгого наказания «виновных» требовал епископ Анзер, настаивавший на извлечении из этого дела максимальных выгод не только для германской промышленности и торговли, но и для католической церкви.

По настоянию германского правительства двое невинных китайцев были казнены, а многие арестованы. Правительство Китая обязалось выплатить определенную сумму католической миссии, построить на свои средства три католические церкви и один дом для миссионеров.

8 февраля 1898 г. в германском рейхстаге в связи с обсуждением бюджета обсуждался вопрос о политике в Восточной Азии. Статс-секретарь министерства иностранных дел фон Бюлов в своем выступлении заявил, что германское правительство давно уже считало необходимым иметь в Восточной Азии опорный пункт для экономических, военных и политических целей, как дверь в Китай. Китай, заявил Бюлов, с его 400-миллионным населением составляет огромный рынок и Германия должна включиться в этот рынок подобно другим державам. Из выступления Бюлова видно, что вопрос о захвате Цзяочжоу был давно предрешен. Однако и Бюлов счел нужным прибегнуть к аргументу о «защите христианства». Признав, что Германия преследует экономические, военные и политические цели в Китае, Бюлов заявил: после того, как Германия взяла на себя охрану христианских и католических миссий в Шаньдуне, она рассматривает осуществление этой защиты не как обязанность, а как честь; для нас продолжал Бюлов, большое значение имело то, что недвусмысленно сказал представитель этих миссий епископ Анзер, а именно, что закрепление Германии в Киао-Чао является жизненным вопросом для дальнейшего существования миссий в Китае [98].

В своей речи в ответ на выступление Бюлова Август Бебель раскрыл истинный, грабительский характер действий германских империалистов в Китае и подчеркнул, что убийство двух католических миссионеров послужило лишь поводом для вторжения в Китай. Если бы, сказал Бебель, миссионеры не были убиты, то убийство было бы вызвано.

Характерно, что лидер католической партии центра Либер не только одобрил захватническую колониальную политику правительства, но и выразил ему благодарность за «защиту миссионеров». Он напомнил, что партия центра с самого начала поддержала колониальную политику правительства «под углом

---

[98] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, 1897/1898, Bd. 11, Berlin, 1898, S. 895.

зрения задач миссионерской деятельности». Либер приветствовал захват Цзяочжоу и выразил надежду, что теперь Германия сможет сделать то, что сделали другие державы для защиты миссий [99].

Католические церковные круги и католические политики из партии центра были в числе воинствующих идеологов колониальных захватов германских империалистов в Китае и в других странах.

Лозунг «защиты христиан» не раз выдвигался германскими (и другими) колонизаторами в качестве повода для предъявления экономических и политических требований Китаю. Гирс, посланник России в Пекине, писал 28 марта 1899 г. в Петербург, что Германия добивалась у китайского правительства железнодорожной концессии, но безуспешно. Тогда «берлинский кабинет поднял вопрос о преследовании христиан в Шаньдуне и, воспользовавшись фактом оскорбления, нанесенного немецким инженерам, выслал в И-чжоу отряд в 200 человек...» [100].

21 мая того же года Гирс сообщал, что германскому посланнику в Пекине удалось завершить переговоры с китайским правительством о постройке железной дороги [101].

ВАТИКАН, МИССИОНЕРЫ И НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 1900 г.

В 1900 г. в Китае вспыхнуло восстание, получившее название «Ихэтуань» (или, как его нередко именуют в литературе, «боксерское» восстание). Это народное восстание было справедливой войной китайских крестьян и ремесленников против иностранных захватчиков. «...Движение «Ихэтуань» явилось активным выступлением китайского народа против империалистической агрессии...» [102].

Движение «Ихэтуань», «которое вело борьбу против иностранных агрессоров, фактически было враждебно также и абсолютистским правителям (самого Китая.— *М. Ш.*), а последние не поддерживали всерьез патриотического движения, занимаясь лишь интригами и злостным обманом китайского народа» [103].

Проф. Ф. Мартенс, непременный член министерства иностранных дел царского правительства, в составленной им в 1900 г. записке о вспыхнувшем в Китае восстании указывает на две

[99] Ibid., S. 906.
[100] АВПР, ф. Китайский стол, д. 116, л. 36.
[101] Там же, л. 86.
[102] Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М., 1955, т. I, стр. 483.
[103] Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае, стр. 141.

главнейшие причины, вызвавшие его: невыносимый гнет иностранных захватчиков и деятельность христианских миссионеров. «Эксплуатация китайцев со стороны европейских народов,— писал Мартенс,— на самой китайской территории доведена до крайних пределов бессовестности... Если недобросовестность и жажда к наживе английских подданных вселили в китайцах ненависть и презрение, то эти чувства ненависти и презрения, в силу политики «открытых дверей» и формулы «наиболее благоприятствуемой нации», должны были распространяться на все иностранные народы» [104].

Мартенс пишет, что «другая причина, вызвавшая нынешнюю катастрофу, это деятельность христианских миссионеров в Китае. Китаец отличается полным индифферентизмом в делах веры, и Китай — классическая страна свободы совести. Но ни один китаец не может относиться равнодушно к деятельности римско-католических и протестантских миссионеров в его отечестве. Тян-цзинские трактаты 1858 года послужили основанием самых вопиющих злоупотреблений во имя христианской веры, и христианская религия обратилась в глазах порядочных китайцев в предмет самой неограниченной и справедливой ненависти... Католические миссионеры составляют в Китае государство в государстве, и протестантские их собратья стараются занимать такое же положение. Франция и другие католические державы считают долгом чести поддерживать эти опаснейшие претензии католических миссионеров. Англия, Соединенные Штаты и Германия признают себя обязанными не отставать от католических держав в покровительстве самым несправедливым требованиям протестантских и англиканских миссионеров. При таких условиях святая христианская вера обратилась в Китае в ширму, прикрывающую самые незаконные дела и самые анархические стремления. Миссионерская деятельность подорвала самые устои китайского государства, распространяла анархию и вызывала глубокую ненависть к христианской религии и ее представителям в лучших слоях китайского народа...» [105].

В таких словах охарактеризовал деятельность христианских миссионеров ответственный чиновник министерства иностранных дел царского правительства. По его словам, враждебная интересам китайского народа деятельность миссионеров вызывала частые антимиссионерские выступления. Не приходится удивляться тому, пишет Ф. Мартенс, что «китайскому народу европейская цивилизация представляется произведением ада и христианская религия — удобным средством в руках «замор-

---

[104] «Красный архив», т. 1(20), 1927, стр. 179.
[105] Там же, стр. 180.

ских чертей» для уничтожения порядка, благосостояния, добрых нравов и многовековой культуры китайцев...» [106].

Народное восстание встревожило колонизаторов. Правительства Англии, Германии, США, Франции, России, Японии и некоторых других держав отправили в Китай международную карательную военную экспедицию под командованием немецкого фельдмаршала графа фон Вальдерзее. Каратели ставили себе целью подавить восстание, запугать китайский народ путем террора и укрепить позиции иностранных захватчиков, а также сохранить в стране реакционный, трусливый феодальный режим, который шел навстречу всем требованиям империалистов, угождал им и пресмыкался перед ними и за это пользовался их поддержкой.

Президент США Мак-Кинли заявил китайскому послу в Вашингтоне: «... зная, что Китай беспокоят мятежники и императорский двор уважаемого государства не потакает им..., наша страна с радостью готова на все услуги уважаемому государству» [107].

Для оправдания посылки военно-карательной экспедиции было выдвинуто утверждение, будто китайцы восстали против «белой расы» и будто военная экспедиция направляется для помощи христианским миссионерам и для их защиты. Вильгельм II, особенно настаивавший на жестоком подавлении восстания, в своей телеграмме от 22 июля 1900 г. статс-секретарю министерства иностранных дел графу Бюлову относительно отправки карательной экспедиции в Китай уверял, что его интересует только судьба христианских миссионеров и их учреждений. Миссионеры, писал Вильгельм, бросили свои дела на произвол судьбы, миссионерские станции разгромлены и, «возможно, что при этом погибли и христиане». Не забыл кайзер напомнить о своем сотрудничестве с Ватиканом и католической партией центра. Мы, писал он в той же телеграмме Бюлову, «с большим шумом и энергично перед всем миром заявили и обещали в Ватикане перенять на себя защиту наших миссионерских станций. Это, само собой понятно, должно быть выполнено путем их восстановления. Если этого не произойдет, французы окажутся правыми в Ватикане и мы потеряем католические голоса центра» [108].

Кайзер предлагал занять войсками важнейшие пункты Китая и обеспечить возможность работать в стране миссионерам... и железнодорожным инженерам: Вильгельма, прежде всего, беспокоила судьба немецких железнодорожных концес-

---

[106] «Красный архив», т. 1 (20), стр. 180—181.

[107] Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1951, стр. 46.

[108] «Die Grosse Politik», Bd. 16, S. 67.

сий в Китае, но этот мотив был бы слишком прозаическим для оправдания готовившегося военного похода.

Другое дело, когда военную экспедицию, которая имела целью новое ограбление Китая иностранными державами, можно было оправдать таким благочестивым мотивом, как «защита христианских миссионеров». Такой предлог Вильгельм II использовал при захвате Цзяочжоу. Он был выдвинут и в 1900 г. для оправдания нового военного похода против Китая.

В. И. Ленин в своей статье «Китайская война» вскрыл всю преступность военной экспедиции держав против Китая. Европейские правительства, писал Ленин, «принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление,— они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев»[109]. В. И. Ленин бичевал царское правительство России за его участие в разделе и грабеже Китая. «Политика царского правительства в Китае,— писал он,— есть преступная политика, еще более разоряющая народ, еще более развращающая и угнетающая его»[110].

В. И. Ленин писал о лживости утверждений сторонников войны, будто восстание китайского народа вызвано «враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации». «Не европейские народы ненавидят китайцы,— писал Ленин,— с ними у них не было столкновений,— а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства?»[111].

Заслуживает внимания то обстоятельство, что католические миссионеры в Китае первые возбудили перед своими правительствами вопрос о присылке вооруженных сил для подавления движения «Ихэтуань».

7 мая 1900 г. Гирс сообщал министру иностранных дел Муравьеву, что начальник пекинской католической миссии епис-

[109] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 349.
[110] Там же, стр. 351.
[111] Там же, стр. 348.

коп Фавье обратился к французскому посланнику в Пекине Пишону с письмом, в котором с тревогой сообщал о росте народного движения и об антихристианских выступлениях. Письмо заканчивалось просьбой вызвать морской десант «для защиты нас самих и нашего имущества» [112].

Получив письмо епископа, французский посланник обратился к старшине дипломатического корпуса с предложением немедленно созвать иностранных представителей для обсуждения вопроса [113]. Совещание иностранных представителей, созванное старшиной дипломатического корпуса «для обсуждения вопроса о вызове, согласно ходатайству католических миссионеров, морского десанта», обратилось к китайскому правительству с требованиями жестокого преследования, ареста и казни участников движения [114].

Войска империалистических держав, посланные в Китай для подавления народного восстания, действовали в стране с невероятной жестокостью. Напутствуя 27 июля 1900 г. в Бремене немецких солдат, отправлявшихся в Китай, Вильгельм II потребовал от них не давать никому пощады, не брать пленных («кто попадет к вам в руки, тот должен быть уничтожен!»), вести себя как гунны, которые на тысячу лет оставили по себе страшную память; действуйте своим оружием, заявил этот «рыцарь христианства», так, чтобы в течение тысячи лет ни один китаец не посмел покоситься на немца! Он добавил далее: «с вами божье благословение».

Приказ кайзера убивать и уничтожать был выполнен самым тщательным образом христолюбивым воинством Германии и других держав, участвовавших в походе.

Необычайной жестокостью отличился командующий всей карательной экспедицией граф фон Вальдерзее.

«В качестве одного из наиболее типичных представителей прусской юнкерско-милитаристской касты Вальдерзее всегда был сторонником подавления рабочего и социалистического движения при помощи самых крутых мер — политического и даже военного насилия» [115].

Еще более жестокие меры военного подавления и устрашения он применил против восстания китайского народа. Вот что сообщалось в печати того времени о Вальдерзее и войсках, которыми он командовал. «Граф Вальдерзее, действующий от

---

[112] АВПР, ф. Китайский стол, д. 117, лл. 156—167.

[113] Там же, л. 165.

[114] «Вестник Европы», 1900, август, стр. 821—822; см. также H. B. Morse, H. F. Mac Nair. Far Eastern international relations. New York. p. 462.

[115] А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в., стр. 69.

имени всех держав... посылает в разные стороны значительные экспедиционные отряды для наказания и опустошения местностей, где находили поддержку китайские боксеры... Множество крупных селений или местечек, жители которых заподозрены в сношениях с боксерами, уничтожено, чтобы — как сказано в одной депеше — «произвести возможно более глубокое впечатление на туземцев»»[116].

«В домах Пекина и Тяньцзиня, занятых и потом покинутых европейскими солдатами,— как сообщали английские корреспонденты,— можно было видеть груды убитых тел, не только мужчин, но и женщин и детей, и даже домашних животных; женщины и девушки всякого возраста сначала подвергались насилиям, а затем закалывались...»[117].

Русский дипломатический чиновник Коростовец писал 3 июля 1900 г. из Тяньцзиня о грабежах и насилиях союзных войск при вступлении в этот город: «Какая жестокая война. Пленных не берут, раненых добивают. Это — хуже всякой африканской войны»[118].

Финансовый агент России в Китае Покотилов телеграфировал 9 (22) августа 1900 г. министру финансов о взятии Пекина союзным отрядом, состоявшим из англичан, японцев, русских, французов и американцев. Войска, писал он, «производят теперь большие насилия, убивая массы нейтральных мирных китайцев и страшно грабят. Особенно отличаются в этом японцы...»[119].

Об огромных разрушениях, совершенных карателями, сообщает в своих донесениях и сам Вальдерзее[120]. По его словам, войска разных держав боролись между собой за пальму первенства в грабеже[121]. В напечатанных в немецких газетах письмах немецких матросов и солдат «с наивной откровенностью рассказываются самые невероятные ужасы, и притом с полным убеждением в необязательности наших обычных понятий о морали в применении к китайцам...»[122].

О действиях французских отрядов в Китае в шанхайской газете в декабре 1900 г. сообщалось: «Фельдмаршал граф Вальдерзее доносит, что французский отряд взял Чжоу-Чжоу и сжег этот город вместе с окружающими его деревнями. Китайцы потеряли 1000 человек убитыми и 4 пушки, на стороне

---

[116] «Вестник Европы», 1900, декабрь, стр. 806.
[117] Там же, 1901, июнь, стр. 820.
[118] АВПР, ф. Китайский стол, д. 775, л. 39.
[119] Там же, л. 4.
[120] См., например, «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III, S. 20, 48.
[121] Ibid., S. 36.
[122] «Вестник Европы», 1901, июнь, стр. 821.

же французов не было никаких потерь»[123]. Американские офицеры и солдаты вместе с карателями из других стран также приняли участие в зверских убийствах и грабежах, которые учинила объединенная армия в Китае[124].

В грабежах участвовали и миссионеры. «Говоря о поведении союзных войск и миссионеров во время похода на Пекин, военный корреспондент газет «Daily express» и «Sphere» г. George Lynch пишет, что английские солдаты день или два не участвовали в разграблении Пекина, пока не увидали, что все занимаются этим. Тогда и они пустились в организованный грабеж. Отправлена была команда под начальством офицера, и похищенные вещи были доставлены в английское посольство, где они продавались с аукциона. Вещи забирались отовсюду, из лавок и из частных домов, по большей части покинутых... Неорганизованный грабеж успешнее всего практиковался миссионерами. В конце концов военный грабеж был запрещен. Запрещение это, однако, не касалось миссионеров, и они продолжали таскать имущество из богатых китайских домов и сбывать все, что было ими захвачено. Они заставляли своих обращенных приносить к ним запасы новых вещей из частных домов и магазинов»[125].

Китайский историк Фань Вэнь-лань пишет, что в грабежах, насилиях и убийствах, учиненных войсками иностранных держав в Китае, участвовали и миссионеры: «Начиная с послов, генералов, командовавших войсками, и их офицеров и солдат, миссионеров, рядовых иностранцев и кончая переводчиками, предателями, шпионами и частью китайцев-христиан — все они принимали участие в этой «цивилизаторской миссии». Ведь к этому «неожиданному обогащению» призывала их известная брошюра, выпущенная католическим храмом («Проповедь об успокоении»)[126].

Об участии миссионеров в грабеже, организованном военно-карательной экспедицией под командованием графа Вальдерзее, писал в 1901 г. и Марк Твен. В памфлете «Человеку, ходящему во тьме», он цитирует опубликованное в нью-йоркской газете «Сан» сообщение из Китая, в котором приводилось высказывание преподобного мистера Амента из американского

---

[123] «Известия Восточного института», т. II, вып. II, Владивосток, 1901, стр. 211.

[124] Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, стр. 45; см. также «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III, S. 37.

[125] «Известия Восточного института», т. II, вып. II, 1901, стр. 145. «Как писал один английский корреспондент, продажа добычи с публичного торга происходила ежедневно, кроме воскресенья, под колоннадою британского посольства...» («Вестник Европы», 1901, июнь, стр. 821).

[126] Фань Вэнь-лань. Новая история Китая, стр. 550.

бюро зарубежных миссий, возвратившегося из поездки по Китаю, где он получал «компенсацию» за ущерб, нанесенный во время восстания.

Газета «Сан» сообщала, что «куда бы он ни приезжал, он всюду заставлял китайцев платить». Он не только полностью взыскал стоимость всего уничтоженного имущества христиан, но «кроме того наложил штраф в тринадцать раз превышающий сумму контрибуции. Эти деньги пойдут на распространение евангельского учения»[127]. «Мистер Амент,— писала газета «Сан»,— заявляет, что он получил скромную компенсацию по сравнению с той, которая досталась католикам, взимающим кроме денег еще жизнь за жизнь...» Представитель церкви Амент не отрицал участия миссионеров в расправах над китайским населением, в грабежах и восхищался «бронированным кулаком немцев». Комментируя высказывания Амента, Марк Твен с возмущением писал о его «подвигах на финансовом поприще», совершенных ради того, чтобы эти обагренные кровью деньги пошли на распространение евангельского учения...[128].

Державы, участвовавшие в военно-карательной экспедиции, потребовали у китайского правительства «наказания виновных» и «компенсации за потери». На Китай была возложена выплата контрибуции в сумме 450 млн. таэлей, китайское правительство должно было казнить многих участников восстания, построить памятники пострадавшим иностранным дипломатам. На «компенсациях» особенно настаивали миссионеры. В ряде мест Китая на население были наложены особые налоги и собиравшиеся средства шли на вознаграждение католическим и протестантским миссионерам[129]. Им самим предоставлялось собрать с населения «компенсацию»[130]. При поддержке посланников своих держав католические, протестантские и православные миссионеры взяли на себя также защиту интересов китайцев-христиан, пострадавших во время боксерского движения[131].

После подавления движения «Ихэтуань» миссионеры стали добиваться, чтобы за ними были не только сохранены прежние привилегии, но и гарантированы новые. В 1901 г. английские и американские миссионеры в Пекине обратились к английскому и американскому послам с официальным обращением, в котором настаивали, чтобы в договоре, который будет заключен с Китаем, были предусмотрены меры для ограждения и поощре-

---

[127] Марк Твен. Избранные произведения, т. I. М., 1953, стр. 496.

[128] Там же, стр. 498.

[129] Современная летопись Дальнего Востока. «Известия Восточного института», т. III, вып. I, Владивосток, 1901, стр. 114.

[130] Там же, стр. 9.

[131] АВПР, ф Китайский стол, д. 118, лл. 229—230.

ния миссионеров. В числе прочего они требовали подтверждения всех прежних пунктов в трактатах, где речь идет о защите и привилегиях иностранных миссионеров и китайцев-христиан. «...Мы предлагаем,— говорилось в обращении,— чтобы при будущем пересмотре трактатов ясно было оговорено право миссионеров жить внутри страны, нанимать и приобретать недвижимую собственность, необходимую для осуществления их деятельности» [132]. Авторы декларации требовали покровительства миссионерам при их передвижении по стране и поощрения «дружеского общения миссионеров с китайскими чиновниками».

Наиболее безжалостными к китайцам после подавления народного восстания оказались миссионеры, лицемерные проповедники «христианской любви» и «всепрощения».

Гирс писал 9 февраля 1901 г. из Пекина Ламздорфу: «Большинство посланников, следуя отчасти указаниям своих правительств, а главным образом подчиняясь влиянию покровительствуемым ими миссионеров, проявляли необыкновенную жестокость, исходя из того принципа, открыто заявленного английским посланником на общем нашем заседании с китайскими уполномоченными, что наименее виновный из всех главарей боксеров заслуживает смертной казни, а потому одно только наказание и должно быть для всех виновных — именно казнь, в том или другом виде...» [133]. Переговоры о наказаниях виновных обнаружили, писал Гирс, «не совсем приглядные черты в деятельности европейских миссионеров в Китае. Нельзя не удивляться тому обстоятельству, что громадное большинство этих миссионеров, к какой бы религии или национальности они ни принадлежали, являются главными проповедниками идеи мщения огнем и мечем за вынесенные гонения от китайцев-язычников. Мой французский коллега, не отличающийся особенною снисходительностью по отношению к китайцам, неоднократно говорил мне, что у него волосы становятся дыбом от тех бесконечных списков китайских чиновников, наказания которых требуют католические епископы. По словам г. Пишона (французский посланник в Пекине.— *М. Ш.*), многие французские офицеры, отличающиеся преданностью католицизму, высказывали ему, что религиозные их чувства глубоко оскорблены поведением миссионеров, весьма часто сопровождающих военные экспедиции и подбивающих военачальников подвергать сожжению целые деревни под тем предлогом, что их жители преследовали христиан...» [134].

---

[132] Современная летопись Дальнего Востока. «Известия Восточного института», т. II, вып. III, 1901, стр. 330—332.

[133] АВПР, ф. Китайский стол, д. 118, л. 11.

[134] Там же, лл. 13—14.

Ватикан и католический епископат различных стран с одобрением отнеслись к посылке карательной экспедиции в Китай.

Глава этой экспедиции фельдмаршал фон Вальдерзее доносил (25 августа 1900 г.) кайзеру с пути следования в Китай, что во время его кратковременной остановки в Риме в приветствиях в его честь «самым активным образом участвовало многочисленное католическое духовенство» [135]. В донесении из Китая кайзеру от 1 июня 1901 г. Вальдерзее отмечал, что особенно горячую благодарность он встречает со стороны католических епископов [136]. Характерно, что даже этот каратель, выступавший под личиной «защитника христианства» и восхваляющий в своих записках миссионеров, признает, что среди миссионеров, в частности американских, имеются люди, которые смотрят на свое дело, как на средство заработка, и поэтому устраивают различные предприятия для получения денег. Вальдерзее пишет, что он сам видел миссионеров, которые в лазаретах и казармах выступали как торговцы [137].

В Ватикане были обеспокоены движением «Ихэтуань», обнаружившем, что в китайском народе накопилось много обид и вражды к христианским миссионерам. Представитель России при Ватикане Чарыков сообщал 6 (19) июня 1900 г., что ватиканский статс-секретарь кардинал Рамполла, «весьма озабоченный событиями в Китае», получив телеграмму от апостолического викария в Пекине епископа Фавье о положении дел, «обратился через нунция в Париже к г. Делькассе, прося защиты французского правительства для католиков в Китае, на основании присвоенного Франции над ними протектората. Г. Делькассе ответил, что он примет необходимые меры в согласии с другими державами...» [138].

Ватиканская дипломатия старалась выгородить миссионеров. 20 июня (3 июля) 1900 г. Чарыков писал Ламздорфу, что, по мнению кардинала статс-секретаря Рамполлы, виновниками событий являются «ближайшим образом германцы, которые своим небывалым и грубым территориальным захватом в Киау-Чау первые вызвали негодование и озлобление китайцев...» [139].

4 (17) июля 1900 г. временно управляющий российской миссией при Ватикане Сазонов писал Ламздорфу, что он имел беседу с кардиналом Рамполлой о китайских делах. Рамполла старался опровергнуть усилия части европейской печати возложить на миссионеров ответственность за антихристианское дви-

---

[135] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. III, S. 10.

[136] Ibid., p. 142.

[137] Ibid., p. 76.

[138] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, л. 55.

[139] Там же, л. 67.

жение в Китае. По мнению Рамполлы, писал Сазонов, «восстание боксеров — движение чисто политическое, направленное, с одной стороны, против иностранцев, вторгшихся в Китай с целью захватов и наживы и не щадящих в сношениях с народом ни его национальной гордости, ни, в особенности, крайне развитого у китайцев чувства собственного достоинства, а — с другой стороны,— против династии, не сумевшей оградить страну от насилий чужеземцев» [140]. По мнению Рамполлы, миссионеры и китайские христиане преследуются «не как представители чуждого массе религиозного учения..., а как враги китайской народности и национальной цивилизации» [141].

Кардинал Рамполла в общем правильно указал на причины возникшего в Китае движения. Это, однако, не помешало Ватикану поддерживать империалистов, грабивших Китай, и поощрять миссионеров, помогавших захватчикам. Что касается непопулярной в китайском народе императорской династии, то Рамполла, беседуя с Сазоновым, сказал, что за последнее время «происходило даже знаменательное сближение между папой и императрицей регентшей», выразившееся в обмене впервые между ними писем и подарков; посредником между ними служил епископ Фавье, пользовавшийся, по словам кардинала Рамполлы, «особым почетом при китайском дворе» [142]. Таким образом, Ватикан сотрудничал и с империалистами, и с враждебным китайскому народу императорским правительством Китая.

Рамполла повторил Сазонову то, что незадолго до этого говорил Чарыкову: он обвинил германскую дипломатию и других представителей Германии в Китае за их образ действия и приемы. «...Немцы, по словам кардинала, были первыми виновниками нынешнего восстания...» [143].

Кардинал Рамполла неоднократно высказывал представителям России при Ватикане мысль о том, что Россия вместе с Францией должны с помощью святого престола действовать в Китае в противовес «своекорыстным побуждениям» других держав [144].

Ватикан был за решительное подавление народного восстания. 18 (31) июля 1900 г. Сазонов писал Ламздорфу: кардинал Рамполла «продолжает быть попрежнему крайне озабочен ходом событий в Китае... Из слов кардинала статс-секретаря, я заметил, что он относится несколько скептически к возможности сохранить неприкосновенным принцип территориальной целост-

---

[140] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, л. 76.
[141] Там же.
[142] Там же, л. 77.
[143] Там же.
[144] Там же, лл. 68, 78.

ности Китая после подавления настоящего антидинастического движения, от которого можно ожидать, по его словам, лишь продолжения анархии и дальнейших избиений иностранцев...» [145]. Следовательно, Ватикан стоял за дальнейшее раздробление Китая на «сферы влияния» держав.

Из сообщений Сазонова видно также, что в Ватикане с удовлетворением следили за действиями войск-усмирителей в Китае [146].

Как и правительства держав, Ватикан после подавления народного восстания требовал от правительства Китая «компенсаций». 24 октября (6 ноября) 1900 г. Сазонов сообщал, что Рамполла ожидает прибытия в Рим апостолического викария в Пекине епископа Фавье. Приезд Фавье объясняется желанием курии осведомиться о положении вещей в Китае. «Нам надо выяснить в точности размеры постигшего наши миссии разгрома, сказал мне кардинал,— писал Сазонов,— и подумать об изыскании средств на восстановление того, что разрушено...» Кардинал сказал, что Ватикан намерен потребовать от китайского правительства компенсаций и вопрос этот явится «предметом особого обсуждения между ним и французским правительством», которое «будет в данном случае действовать в качестве уполномоченного курии» [147].

В декабре 1900 г. епископ Фавье прибыл в Ватикан за инструкциями в связи с переговорами в Пекине между представителями держав. Фавье был посредником между папой и ими в делах, интересовавших папский престол [148].

19 декабря 1900 г. (1 января 1901 г.) Чарыков сообщал в Петербург в связи с этим, что, по мнению Фавье, китайскую императрицу «ошибочно считают реакционеркой»; «пекинских революционеров епископ сравнивает с Парижской Коммуной, усматривая в восстании и социальную подкладку...» [149].

Фавье, отражавший в Ватикане интересы французской политики в Китае, также считал, что ближайшим поводом к восстанию «послужил захват области Киао-Чао».

Германское правительство в свою очередь старалось заручиться в Ватикане поддержкой своей политики в Китае. В августе 1900 г. в Рим на один день приехал принц Генрих Прусский, чтобы присутствовать на похоронах итальянского короля Гумберта. Несмотря на такой короткий срок пребывания в Риме, принц Генрих был принят папой, о чем кардинал Рамполла сообщил Сазонову «с видимым удовольствием, хотя и

---

[145] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, лл. 83, 84.
[146] Там же, л. 108.
[147] Там же, лл. 132—133.
[148] «Известия Восточного института», т. II, вып. III, стр. 289—290.
[149] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, лл. 176—177.

крайне сдержанно». Сазонов писал, что, по его сведениям, еще не проверенным им, визит принца к папе связан с китайскими событиями. «Зная,— писал Сазонов в Петербург 1 (14) августа 1900 г.),— что кардинал Рамполла не одобряет германской политики на Дальнем Востоке, и желая вызвать его на большую сообщительность, я выразил мнение, что папа, вероятно, не упустил случая преподать через принца германскому правительству советы умеренности и благоразумия в деле насаждения европейской цивилизации в Китае. Из ответа кардинала, хотя и весьма неопределенного, я вынес впечатление, что принцу было поручено добиться содействия курии германской политике путем согласных с ее видами инструкций монсиньеру Анзер, начальнику р.-католических миссий в Шаньдуне, находящемуся в настоящее время в Риме...» [150].

Ватиканские иерархи положительно отнеслись к кровавой деятельности графа Вальдерзее. В мае 1903 г., когда Вальдерзее посетил Ватикан, генерал ордена иезуитов Мартин благодарил его за «действенную поддержку», оказанную католическим миссиям в Пекине [151]. Вальдерзее отмечает, что генерал ордена иезуитов — наиболее влиятельное лицо в Ватикане. Следовательно, его мнение о действиях Вальдерзее в Китае отражало мнение наиболее влиятельных кругов Ватикана. Вальдерзее сообщает, что его приветствовал и папа Лев XIII и благодарил за то, что он «сделал в Китае для христиан и особенно для католических миссий» [152]. Тогда же папа наградил Вальдерзее за его «заслуги» перед церковью ватиканским орденом. Так реагировал Ватикан на подавление боксерского восстания.

Против войны в Китае протестовали представители международного социалистического рабочего движения. Они разоблачали лживость лозунгов «защиты европейской цивилизации», «защиты христианства» и т. д., которыми правительства оправдывали посылку своих армий в Китай. В. И. Ленин бичевал империалистические державы, в том числе и царское правительство России, за начатую ими войну против Китая [153]. Ленин подчеркивал, что русский рабочий класс, русский народ решительно против этой политики.

13 февраля 1901 г. против деятельности миссионеров в Китае, против государственной их защиты и предоставления им исключительных прав выступил в германском рейхстаге Август Бебель. Он заявил, что миссионеры несут значительную долю ответственности за события 1900 г. Многие китайцы, и не луч-

[150] АВПР, ф. Ватикан, д. 7, лл. 205—206.

[151] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee, Bd. III, S. 212

[152] Ibid., S. 211.

[153] См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 351.

шие, сказал Бебель, стали христианами, так как это сулит им определенные выгоды. То обстоятельство, что католические миссионеры в ранге китайских чиновников выступают в судах за своих единоверцев, которые не заслуживают, чтобы за них заступались, вызывает чувство горечи среди китайцев.

Бебель процитировал ряд документов, в том числе, заявление фон Бранда, бывшего много лет послом Германии в Китае, который писал, что самая большая доля вражды к иностранцам в Китае падает на миссионеров и если после имевших место событий не произойдет изменений в области миссионерской деятельности, то через 10 лет в Китае вновь возникнет кризис, еще более серьезный, чем нынешний. Бебель указал на ту отрицательную роль, которую сыграл в Китае немецкий католический епископ Анзер: вражда к немцам в провинции Шаньдун, заявил он,— это результат деятельности этого епископа [154]. Бебель потребовал прекращения вмешательства Германии в дела Китая, которое предпринималось под видом защиты миссионеров.

Что касается Ватикана, то он и во время движения «Ихэтуань» и в последующие десятилетия неизменно враждебно относился к национально-освободительной борьбе китайского народа. Папский престол поддерживал иностранных захватчиков, а также и те реакционные силы в самом китайском обществе, которые ненавидели свой народ и продавали империалистам национальные интересы страны.

Свою солидарность с теми, кто угнетал китайский народ, Ватикан продемонстрировал, в частности, тем, что в начале 1955 г. причислил «к лику блаженных» 50 христиан (в том числе иезуитов), убитых в Китае во время событий 1900 г. [155] Ватикан «забыл» о многих тысячах китайцев, убитых в те дни карателями.

ВАТИКАН И РАЗДЕЛ АФРИКИ

В буржуазной литературе существует специальный термин — «христианская оккупация Африки» для обозначения успеха распространения христианства среди народов африканского континента. «Христианская оккупация Африки» неразрывно связана с закабалением и безжалостным угнетением ее народов империалистическими державами. Английские, французские, португальские, германские, шведские, голландские, американские и другие миссионеры — католические и протестант-

---

[154] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. 1900/1902, Bd, II, Berlin, 1901, S. 1344—1347.

[155] «Osservatore Romano», 23. II; 18,19.IV 1955.

ские — были пионерами проникновения в Африку и завоевания ее. Даже апологеты миссионеров признают, что народы Африки привыкли видеть в миссионерах представителей тех самых сил, которые душат эти народы. Один из таких апологетов миссионерства признает, что народ банту в Южной Африке говорит: «Когда европейцы пришли, у нас была земля, у них — библия; ныне — у нас библия, а у них — земля» [156].

Борьба между державами за раздел Африки сопровождалась также ожесточенной взаимной борьбой между христианскими миссионерами — английскими, французскими, немецкими и другими, не брезгавшими никакими средствами, чтобы убрать своих конкурентов, тоже христианских миссионеров, но представителей другого государства [157].

Большая активность Ватикана в Африке особенно стала заметна с конца XIX в. К 1895 г. в Африке существовало 24 апостолических (папских) викариата и 18 апостолических префектур (помимо миссионерских организаций). К 1905 г. здесь было уже 32 викариата, 25 префектур, одна епархия и 1600 миссионеров. К 1915 г. число ватиканских учреждений и обслуживающих их лиц выросло еще больше: 49 викариатов, 32 префектуры, 2078 миссионеров европейцев и 84 местных священника [158]. Одновременно с католическими возросло число и протестантских миссий.

До конца XIX в. главную роль в миссионерстве в Африке играли английские протестантские миссионеры, проводники колониальной политики Англии, и французские католические миссионеры, проводники завоевательной политики Франции. Деятельность последних была связана с именем кардинала Лавижери — архиепископа Алжира и примаса Африки. Бывший монархист, он перешел на сторону республики и стал активно сотрудничать с правящей буржуазией.

В 1868 г. Лавижери образовал монашеский орден «Белых братьев» для миссионерства в Африке. Организация эта создала свои миссии во многих районах, они распространяли христианство, а вместе с ним — влияние Франции в Алжире и Тунисе, в Сахаре, Судане, Западной и Центральной Африке [159]. Английский историк колонизации Африки пишет, что Лавижери одновременно с желанием распространять христианство среди арабов, берберов, негров в такой же мере хотел сделать их

---

[156] G. E. Haynes. Africa — continent of the future. Kobenhavn, 1950, p. 450.

[157] M. F. Hill. Permanent way (The story of the Kenya and Uganda railway). Nairobi (Kenya), 1949, p. 25, 27, 33, 34, 42 и др

[158] L. Berg. Die katholische Heidenmission als Kulturträger, Bd. I. Aachen, 1927, S. 162.

[159] C. S. Phillips. The church in France, p. 212—213.

французами, или подвластными французскому протекторату [160]. Имея в виду важную роль церкви в колониальной политике, французские буржуазные антиклерикалы считали, что антиклерикализм может быть делом только внутренней политики. Антиклерикализм, заявил Гамбетта, «не является предметом экспорта». Для колониальной политики Франции он был не нужен.

Вместе с «Белыми братьями» в Африке работали и «Светские братья» — специалисты по сельскому хозяйству и в различных областях техники. Чтобы завоевать расположение местного населения, «Белые братья» занимались также и врачеванием. Женская организация ордена вела пропаганду среди женщин. «Белые братья» создавали школы, медицинские и другие учреждения, которые, подобно другим таким учреждениям миссионеров в колониях, были средством духовного порабощения местного населения и его подчинения колонизаторам.

Лавижери и созданные им организации облегчили французской буржуазии осуществление ее захватнических планов в Африке. В 1875 г. Лавижери учредил в Карфагене миссионерский центр для распространения не только религии, но и политического влияния Франции. В это время и Франция, и Италия тянулись к Тунису. Лавижери действовал заодно с французским генеральным консулом и вместе с ним работал над завоеванием Туниса для Франции. Правительство Жюль Ферри с одобрением относилось к его деятельности. В 1881 г. Франция установила свой протекторат над Тунисом. Лавижери в это время действовал как советник военных властей [161].

Вместе с «Белыми братьями» в интересах французских колонизаторов в Африке действовала другая миссионерская организация «Братья св. духа» (в Занзибаре, Французском Конго и др.).

Деятельность Лавижери, сотрудничавшего с французским правительством и его представителями в Африке, прикрывалась такими благочестивыми мотивами, как пропаганда христианства среди «язычников» и борьба с работорговлей. Пропаганда против работорговли не мешала Лавижери и некоторым представителям церкви активно содействовать колонизаторам порабощать народы Африки.

Ватикан поддерживал Лавижери и его организации. Это было связано не только с тем, что Лев XIII стремился расширить влияние католицизма в Африке.

Папский престол никогда не протестовал против колониального порабощения народов Африки, так же как он не протесто-

---

[160] H. Johnston. A history of the colonisation of Africa by alien races. Cambridge, 1930, p. 246.
[161] C. S. Phillips. The church in France, p. 325.

вал против колониальных захватов в Азии, Океании и других местах. В соответствии с теми целями, какие Ватиканом преследовались в то или иное время, он поддерживал то одну, то другую группу колонизаторов, но он никогда не был против колониализма, как такового. Так, Лев XIII поддерживал французское католическое миссионерство и Лавижери как раз тогда, когда папа рассчитывал на помощь Франции в решении ватиканского вопроса в духе ультрамонтанов за счет Италии. В июле 1890 г. он обратился к Лавижери с письмом, в котором выражал свое удовлетворение «успехами цивилизации» народов Африки. Как известно, «цивилизация», которую принесли народам Африки колонизаторы, привела к порабощению и чудовищной эксплуатации этих народов.

28 марта 1899 г. Чарыков писал из Ватикана: «Соглашение между Францией и Англией о разграничении взаимных сфер влияния в Африке встречено в Ватикане с большим сочувствием...» [162]. Следовательно, папство не имело ничего против раздела Африки колонизаторами. Помимо других причин, писал Чарыков, курия довольна этим соглашением, так как оно «наносит некоторый ущерб если не материальным интересам Италии, то политическому обаянию ее теперешнего правительства» [163]. Точно так же и вся миссионерская деятельность папского престола в Африке была связана с политикой империализма.

Подчиненный характер миссионерской деятельности политике империализма особенно наглядно обнаружился в длившейся много лет острой борьбе христианских миссий за влияние в Уганде. Первыми в 70-х годах XIX в. в Уганде начали свою деятельность английские протестантские миссионеры из «Church missionary Society». Распространяя христианство, они имели в виду превратить Уганду в колонию Англии. Вскоре вслед за протестантскими миссионерами в Уганду проникли «Белые братья», которые поставили себе целью превратить страну в колонию Франции. Началась острая борьба между протестантскими и католическими миссионерами. И те и другие не брезгали ничем, чтобы привлечь местного правителя и его окружение на свою сторону и настроить его против конкурента. Одно время и те и другие были изгнаны из страны, но вернулись обратно. Миссионеры объединялись, чтобы дать отпор усилившемуся проникновению ислама, но затем борьба между ними принимала еще более острый характер. Французские «Белые братья», работавшие под руководством Лавижери, согласны были даже на протекторат Германии (если Франция неуста-

[162] АВПР, ф. Ватикан, д. 6, л. 48.
[163] Там же.

новит его), но не Англии. В литературе отмечается, что главной целью Лавижери было создание в Центральной Африке католического государства под властью Ватикана. Борьба между католическими и христианскими миссионерами и их сторонниками из среды местного населения вылилась в кровавые столкновения, что послужило для Англии поводом ввести из Судана свои войска в Уганду, чтобы затем (в 1884 г.) установить над ней свой протекторат [164]. «Захват Уганды показал технику империалистического проникновения в отсталые районы: сначала пришли миссионеры с библией, затем — купцы и наконец — солдаты с пулеметами...» [165].

Для закрепления своих позиций английские колонизаторы направили в Уганду наряду с протестантскими также и католических миссионеров во главе с епископом-ирландцем [166], которые действовали в согласии с колониальной администрацией. С конца XIX в. развернулось в Уганде миссионерство «Братьев св. Иосифа» — католической организации, центром которой был колледж св. Иосифа в Лондоне. Кроме Уганды, эта католическая агентура английских колонизаторов обосновалась в Кении. Английские католические миссии подобно французским создавали свои школы и госпитали — средство распространения английского влияния [167].

В Уганде обосновались и итальянские католические миссии — представители колониальных интересов итальянской буржуазии. Другие итальянские католические миссии обосновались в Эритрее и Сомали.

Германские колонизаторы также широко прибегали к содействию миссионеров для осуществления своих захватнических планов в Африке, которую пангерманский союз избрал одним из объектов экспансии германского капитала [168]. Теоретиков национализма, пишет Мун, подкрепляли миссионерские общества. «Барменская Рейнская миссия учредила десять или более миссионерских станций в Юго-Западной Африке, вела обширную торговлю и через своего инспектора требовала защиты у германского правительства. Германские миссии деятельно работали также и на островах Тихого океана. А набож-

---

[164] J. Evans. The British in tropical Africa. Cambridge, 1929, p. 306—308; H. Johnston. A history of the colonization of Africa, p. 377—379; L. Raphael. The Cape to Cairo dream, New York, 1936, p. 271—273; см. также Б. И. Шаревская. Религиозная политика английского империализма в британских владениях Африки. Сб. «Вопросы истории религии и атеизма», М., 1950, стр. 106—136.

[165] G. Padmore. How Britain rules Africa, p. 87.

[166] H. Johnston. A history of the colonization of Africa, p. 379.

[167] «Light and darkness in East Africa», London, 1927, p. 58.

[166] «Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten», S. 56, 58—59 u. a.

ные немецкие обыватели страстно желали, чтобы флот шел вслед за евангелием» [169].

В 1912 г. в германских колониях существовала большая сеть католических и протестантских миссий. Одних только католических миссионерских станций было 225, и в них около 1200 человек священников, монахов и монашенок [170].

Немецкие миссионеры «еще накануне мировой войны развили весьма интенсивную миссионерскую деятельность..., направленную не столько на обращение новых языческих душ, сколько на овладение позициями, ранее уже захваченными другими миссионерскими организациями...» [171].

Германские колонизаторы подобно колонизаторам других стран лицемерно оправдывали свою политику тем, что она будто бы имеет целью «нести свет христианства» народам Африки. Выступая в рейхстаге 11 декабря 1894 г., канцлер Гогенлоэ (первый в Германии канцлер-католик, его брат был кардиналом) заявил: «Немецкая колониальная политика имеет также идеальную и религиозную основу. Было бы принижением в мире немецкого имени, если бы и германский народ не хотел принять участия в культурной миссии, которая устраняет последние ужасы рабства и приносит свет на черный материк...» [172]. Правительство, заявил Гогенлоэ, будет оказывать миссиям всемерную помощь в их деятельности.

Немецкое католическое и протестантское духовенство участвовало в созывавшихся пангерманистами колониальных съездах. Архиепископ Кельнский создал «Африканский союз немецких католиков». На всегерманских ежегодных католических конгрессах систематически ставился вопрос об активизации миссионерской пропаганды в Африке.

Сторонником активной колониальной экспансии выступала немецкая католическая партия центра.

Лидеры центра, как уже отмечалось, порой критиковали правительство кайзера Вильгельма за грубые методы колониальной администрации, за кровавую деятельность властей в колониях, но они никогда не выступали против колониальной экспансии германского империализма. Они не переставали указывать на то, что миссионерские организации церкви являются лучшим помощником колониальных завоевателей.

15 марта 1906 г. лидер католической партии центра Шпанн говорил в германском рейхстаге о необходимости поддержать

---

[169] Parker Thomas Moon. Imperialism and world politics, p. 48.

[170] «Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten», S. 206

[171] Е. А. Коровин. Католицизм как фактор современной мировой политики. М., 1931, стр. 9.

[172] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumspartei, Bd. V, S. 376.

миссионеров, так как «культурное» развитие немецких колоний опирается не на военные силы, а на миссионеров [173].

Решительным сторонником агрессивной колониальной политики Германии и сторонником католической миссионерской деятельности был депутат центра Эрцбергер, католический деятель, связанный и с Ватиканом.

Выступая в рейхстаге 6 марта 1913 г., Эрцбергер заявил, что католическая партия поддерживает германскую колониальную политику уже с 80-х годов XIX в. по религиозным, экономическим и национальным мотивам. Задача колонизации, заявил он, не может быть осуществлена без привлечения миссионеров. Он требовал всемерной помощи последним со стороны государства. Знаменательно, что Эрцбергер требовал, чтобы в германских колониях миссионерами были немцы, а не люди других национальностей. Он сообщил, что и в Ватикане согласны считаться с этим требованием [174].

Пренебрегая фактами, Эрцбергер уверял, что германская колониальная политика в Африке имела единственной целью заботу о культуре и экономике проживающих там народов [175].

Таким образом, миссионерская деятельность Ватикана и католической церкви стала с конца XIX в. важным элементом империалистической политики. Именно поэтому стали возможными сотрудничество католических и протестантских миссионеров данной колониальной державы и одновременно вражда между католическими (или протестантскими) миссионерами разных стран [176].

Ватикан сделал миссионерство орудием своей международной политики. В зависимости от целей этой политики папство поощряло и поддерживало миссионеров той или иной страны. В то же время численный рост католических миссий, оттеснявших на задний план протестантские, способствовал возрастанию международной роли папства. В памятной записке, составленной в 1898 г. в министерстве иностранных дел царского пра-

---

[173] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, 1905/1906, Bd. III, Berlin, 1906, S. 2029.

[174] Verhandlungen des Reichstages, Stenographische Berichte, 1913, Berlin, S. 4304—4310.

[175] M. Erzberger. Die Erfolge der deutschen Kolonialpolitik. Сб. «Die Deutsche Kolonialpolitik vor der Gerichtshof der Welt», Basel, 1918, S. 6.

[176] В декабре 1905 г. представители немецких протестантских и католических миссий в Южной Африке, собравшиеся под председательством немецкого губернатора, заключили соглашение о координации миссионерской деятельности. Соглашение содержало даже такой пункт: дети местного населения, не имеющие родителей, распределяются властями равным числом между католическими и протестантскими миссиями для воспитания (см. «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, 1906», S. 34—35).

вительства об отношениях между Россией и Ватиканом, указывалось, что «папство, в силу религиозного протектората и благодаря своим миссиям, приобретает все большее спорное значение для мировой дипломатии. Вот почему Германия и Англия, как известно, добиваются расположения папы» [177].

Ватикан оказался не в состоянии изменить «национальный» характер различных католических миссий, поскольку миссионеры выступили не как представители какой-то отвлеченной идеи «просвещения светом христианства» народов колониальных стран, а в конечном счете как представители правящих классов своих стран. В то же время общим для миссионерской деятельности католических (и других) организаций всех стран явилась ее направленность против национально-освободительного движения народов колоний. Это же характерно для миссионерской политики папского престола.

Связь христианского миссионерства с политикой колониализма вызывала недоверие колониальных народов к миссионерам. На этой почве и зародилось антимиссионерское движение как составная часть антиимпериалистического движения. Миссионеры, пишет китайский историк Фань Вэнь-лань, «являлись передовым отрядом разведчиков при захвате колоний — капиталистическими государствами. Страдавший от их притеснений китайский народ, конечно, имел основания изгонять их и нападать на них» [178].

В некоторых колониальных странах Азии и Африки уже с конца XIX в. одной из форм протеста против политики империалистов и их миссионерской агентуры стал переход местного населения в ислам [179]. Вместе с разложением родовых отношений и образованием классового общества старые родовые и племенные боги теряли прежнее положение. На смену им приходила религия классового общества. Так как христианство в глазах народов Азии и Африки ассоциировалось с европейскими и американскими захватчиками, то ему нередко предпочитали ислам.

О распространении ислама в Африке с тревогой говорили представители католической партии центра в германском рейхстаге. Лидер центра Шпанн заявил в рейхстаге 6 марта 1906 г., со слов миссионеров, что в Африке вопрос стоит так: либо успех одержит ислам, либо христианство. Германское государство, заявил Шпанн, обязано в своих колониях помочь представителям христианской религии — миссионерам — и тем

---

[177] Е. А. Адамов. Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма, стр. 136.

[178] Фань Вэнь-лань. Новая история Китая, стр. 497.

[179] Donald Fraser. The new Africa. London, 1927, p. 49—55.

противодействовать успеху ислама [180]. С такими же требованиями противодействовать распространению ислама в Африке выступал и Эрцбергер [181].

Об «угрозе христианству» в Африке со стороны ислама говорил князь Левенштейн-Вертхейм на Всегерманском католическом конгрессе в Бреславле в августе 1909 г. Об этом в годы, предшествовавшие первой мировой войне, все чаще стала писать и церковная печать католическая и протестантская.

По мере роста политической сознательности народных масс колониальных стран их национально-освободительная борьба стала развиваться под политическими лозунгами. Национально-освободительное движение народов колоний в качестве союзника социалистического рабочего движения капиталистических стран стало мощным фактором, расшатывающим всю систему империализма.

Вместе со всем империалистическим лагерем ожесточенным врагом этого движения выступили Ватикан и миссионерские организации, которые в условиях подъема антиколониальной борьбы угнетенных народов начали изыскивать новые методы увековечения колониализма.

---

[180] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. 1905/1906, Bd. III, S. 2030.

[181] Ibid., p. 4309—4310.

Глава шестая

ВАТИКАН И ВОЙНА 1914—1918 гг.

ВАТИКАН И АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ УЛЬТИМАТУМ СЕРБИИ

Об отношении папскего престола к войне создано множество легенд. Основной их мотив тот, что папство с самого начала войны заняло позицию строгого «нейтралитета» и бескорыстно добивалось мира между воюющими.

Так ли было на самом деле?

Война 1914—1918 гг. была войной империалистической, грабительской, несправедливой. Обе воюющие стороны добивались передела уже поделенного мира, захвата чужих земель, покорения и подчинения других народов, уничтожения своих конкурентов на мировых рынках. В обоих воюющих лагерях буржуазия также преследовала цель подавления освободительного движения трудящихся. «Война,— писал В. И. Ленин,— не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма *капиталистической* жизни, как и мир» [1].

Война была несправедливой и грабительской для обеих воюющих сторон, хотя буржуазия каждой воюющей страны старалась убедить народные массы, что именно она ведет справедливую, «защитную» войну, а ее противник — хищническую, грабительскую, несправедливую войну. Разоблачая этот обман, В. И. Ленин писал: «Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 23.

буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного»[2].

Обе группировки держав — Антанта и Тройственный союз на протяжении ряда лет готовились к войне, и виновником ее являются империалисты обоих воюющих лагерей; непосредственно же война была развязана германскими милитаристами.

Какую же позицию занял папский престол в борьбе двух лагерей империалистических держав?

28 июня 1914 г. в Сараево сербскими националистами был убит австрийский наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Правящие круги Германии поддерживали воинственные элементы в австрийском правительстве, стоявшие за войну с Сербией, зная, что это поведет к европейской войне, которую германские империалисты хотели и к которой Вильгельм II считал Германию наиболее подготовленной в военном отношении[3].

23 июля был вручен австро-венгерский ультиматум Сербии, а через несколько дней началась война.

Об отношении Ватикана к австро-венгерскому ультиматуму Сербии известно из донесений фон Риттера, баварского посла при Ватикане, от 24 июля 1914 г., и австрийского посланника при Ватикане графа Пальффи от 29 июля 1914 г.

В своей телеграмме от 24 июля 1914 г. в Мюнхен фон Риттер писал: «Папа одобряет резкий образ действия Австрии против Сербии и на случай войны с Россией не высоко оценивает русскую и французскую армии. Кардинал-секретарь надеется также, что на этот раз Австрия выдержит; и он не представляет себе, когда же собственно еще она могла бы вести войну, если и теперь она не решилась отразить с помощью оружия иностранную агитацию, которая повела к убийству престолонаследника и, кроме того, при нынешнем положении дел угрожает самому существованию Австрии. Отсюда явствует также — сильный страх курии перед панславизмом»[4].

Этот документ стал достоянием гласности в 1919 г. по инициативе баварского советского правительства. Вслед за опубликованием этих документов последовали «поправки» и «опровержения» ватиканских и связанных с ними политических деятелей. Барон фон Риттер, который в 1919 г. еще оставался на посту баварского посла в Ватикане, писал 5 мая 1919 г. баварскому правительству Гоффмана в Бамберге, что его телеграм-

---

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 12

[3] «История дипломатии», т. II, стр. 246—249.

[4] Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch, München — Berlin, 1925, S. 206.

ма от 24 июля 1914 г. не говорит о том, что папа поощрял Австрию напасть на Сербию, а говорит о том, что папа одобрил бы отпор, даже военной силой, сербской агитации, которая привела к убийству эрцгерцога [5]. Фон Риттер предлагал выразить папскому нунцию сожаление и принести извинения по поводу тех неприятных подозрений, какие навлекло на Ватикан опубликование его телеграммы.

После подавления советской власти в Баварии контрреволюционное баварское правительство Гоффмана заявило папскому нунцию, что опубликование телеграммы Риттера было следствием «незаконного изъятия» документов из министерства иностранных дел. Из подлинного текста телеграммы Риттера, утверждалось в этом заявлении, не вытекает, что папа вдохновлял Австрию на военные действия против Сербии [6].

Позднейшие опровержения не меняют, однако, того факта, что в своей телеграмме от 24 июля 1914 г. фон Риттер сообщал, что и папа и его статс-секретарь были за активные действия Австро-Венгрии против Сербии.

О такой именно позиции папского престола сообщал и австрийский посланник в Ватикане граф Пальффи. В своем донесении правительству в Вену, датированном 29 июля 1914 г., он писал, что печать неправильно освещает позицию Ватикана в происходящих событиях, в частности некоторые наивно считают, что острый характер австрийской ноты — это реванш за сербский конкордат, что Австро-Венгрия в иной форме хочет выиграть то, что она потеряла в результате его заключения [7]. Этим неверным оценкам прессы, замечает Пальффи, он считает нужным противопоставить действительные взгляды курии. Когда два дня назад он, Пальффи, посетил кардинала статс-

---

[5] Ibid., p. 209.

[6] Ibid., p. 210—211.

[7] Как уже отмечалось, заключением конкордата сербское правительство рассчитывало покончить с притязаниями Австрии на право протектората (покровительства) над католиками в Сербии. Конкордат был подписан в июне 1914 г. и ратифицирован в марте 1915 г. Однако папский престол затягивал решение вопроса, поднятого еще в конце 1914 г. сербским правительством, об учреждении постоянного сербского представительства при Ватикане. «Возможно при воздействии Австрии», как сообщал в апреле 1915 г. российский посланник при Ватикане Нелидов, Ватикан дал понять, что считает назначение сербского посланника преждевременным. «Переговорам этим, писал Нелидов, по всей вероятности суждено принять затяжной характер. Полагаю, что Ватикан, в данном случае, желает выиграть время и решить вопрос в зависимости от выяснения общеполитического положения» (АВПР, ф. Ватикан, д. 50, л. 61).

Ватикан выжидал: если Австро-Венгрия — Германия выйдут из войны победителями, это определит и характер его отношений с Сербией. Через год, в марте 1916 г., Нелидов писал в Петербург: «Ватикан до сей поры не соглашается вступить в постоянные официальные сношения с Сербией...» (АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 39).

секретаря Мерри дель Валя, он повел разговор о больших проблемах, которые сейчас занимают Европу. В замечаниях кардинала статс-секретаря, отмечал Пальффи, не чувствовалось признаков кротости или миролюбия. «Ноту, направленную Сербии,— сообщал Пальффи,— которую он (кардинал — статс-секретарь.— *М. Ш.*) охарактеризовал как чрезвычайно резкую, он, несмотря на это, безоговорочно одобрил и при этом косвенно выразил надежду, что монархия выдержит до конца. Конечно, считает кардинал, жаль, что Сербия не была «урезана» много раньше, так как тогда, вероятно, это прошло бы без таких непредвиденных случайностей, какие возможны сегодня. Это высказывание совпадает также с образом мыслей папы, так как на протяжении последних лет его святейшество много раз выражал сожаление по поводу того, что Австро-Венгрия упустила возможность «наказать» своего опасного соседа на Дунае» [8].

Таковы были действительные настроения в Ватикане накануне войны: здесь думали о «наказании» Сербии, о ее «укорочении».

Пальффи пишет в своем донесении: можно было бы спросить, чем объяснить, что католическая церковь, в то время, когда во главе ее стоит «проникнутый апостолическими идеями» глава, столь «воинственно настроена»? Ответ, пишет Пальффи, весьма прост: папа и курия видят в Сербии болезнь, разъедающую Австро-Венгерскую империю; Австро-Венгрия была и остается католическим государством, мощным бастионом веры, оставшимся в наше время у церкви Христа; разрушение этого бастиона означает для католической церкви потерю ее сильнейшей опоры и ее передового борца против православия. И подобно тому, как для Австро-Венгрии делом самосохранения является удалить из своего организма, если нужно силой, разрушающую его болезнь, так и для католической церкви важно все делать, что служит этой цели. «Рассматривая вопрос в этом свете,— заканчивает свое донесение Пальффи,— очень легко перебросить мост между апостолическим образом мыслей и воинственным духом» [9].

Из донесений Пальффи и фон Риттера совершенно ясно, что в Ватикане не только были настроены резко антисербски, но и одобрительно отнеслись к австро-венгерской ноте Сербии.

Т. Масарик, чехословацкий буржуазный политический деятель пишет в своих воспоминаниях: «Ватикан в начале войны был бесспорно австрофильски и германофильски настроен. Из австрийского посольства при Ватикане (граф Пальффи) и в

---

[8] «Österiech-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914», Bd. VIII, Wien — Leipzig, 1930, S. 894.
[9] Ibid.

Квирилане (Маккио) распространялись сведения, что и папа Бенедикт XV настроен против Сербии и за Австрию. У меня были совершенно точные данные о графе Пальффи. Австрия, так заявил он в Риме,— католическое государство по преимуществу, она является защитником церкви, главным образом против православия. Граф Пальффи подчеркивал, что не только государственный секретарь, но и сам папа безусловно одобряет выступление против Сербии» [10].

В 1936 г., спустя много лет после опубликования цитированного выше донесения графа Пальффи, представитель ватиканского статс-секретариата передал для опубликования в итальянской фашистской печати три «личных документа» кардинала статс-секретаря Мерри дель Валя при папе Бенедикте XV, которые должны были опровергнуть сложившиеся убеждения в сочувственном отношении папского престола в июле 1914 г. к австро-венгерскому ультиматуму Сербии. Первый документ — запись Мерри дель Валя о его беседе с графом Пальффи 27 июля 1914 г. Кардинал пишет, что между ним и графом Пальффи произошла беседа такого содержания: граф спросил кардинала, какое впечатление на него произвел ультиматум, предъявленный Сербии. Мерри дель Валь ответил, что он ему кажется очень суровым. Пальффи спросил кардинала, думает ли он, что Сербия примет ультиматум. Мерри дель Валь ответил, что он сильно в этом сомневается, особенно относительно некоторых пунктов. На заявление Пальффи: «все или ничего!», Мерри дель Валь ответил, что это поведет к всеобщему пожару. Лучше катастрофа, возразил Пальффи, чем нынешнее состояние. На это, пишет Мерри дель Валь, он заметил, что положение представляется ему очень серьезным, что после сараевского убийства Австрия не обязана идти на компромисс, что она имеет право на наиболее торжественные возмещения и на охрану ее жизни, но он, кардинал, никогда не выражал надежды или взгляда, что Австрия должна идти на войну.

Другая записка Мерри дель Валя датирована 22 октября 1923 г. и является ответом на опубликование телеграммы фон Риттера. Мерри дель Валь пишет, что после сараевского убийства он действительно заявлял в разное время, что Австрия имеет право на наиболее торжественные возмещения и на охрану своей жизни. Но он, кардинал, никогда не употреблял выражений, приписанных ему фон Риттером в его телеграмме, и не выражал надежду на то, что Австрия прибегнет к войне.

В третьем документе, датированном 18 января 1926 г. (неизвестно кем написанном), говорится, что кардинал отвергает

---

[10] Т. Г. Масарик. Мировая революция, т. I. Прага, 1926, стр. 53.

[11] C. Sforza. The Vatican and the world war. «The Contemporary review», 1937, June, London, p. 696—700.

то, что говорится в письме графа Пальффи относительно подстрекательства к войне. Такая идея принадлежала автору письма, а не кардиналу.

Даже из документов Мерри дель Валя, написанных с явной целью оправдать позицию Ватикана и свою собственную, недвусмысленно вытекает, что Ватикан одобрял образ действия Австро-Венгрии против Сербии. В документах Мерри дель Валя упор делается на то, что кардинал не призывал Австрию пойти войной против Сербии и не подстрекал к войне, а «лишь» одобрял образ действий австро-венгерского правительства. Но этот образ действий и вел к войне, что ватиканские дипломаты отлично понимали.

По словам прогрессивного итальянского историка Дж. Канделоро, «...Ватикан, как и большинство австрийских правителей, был сторонником локализации конфликта, дабы Австрия могла в результате этого поединка укрепить свои позиции, нанеся основательный удар Сербии, но не развязывая всеобщей войны и не подвергая тем самым угрозе существующий политический и социальный строй Европы» [12].

Нельзя не отметить совпадение позиции папского престола в этом вопросе с позицией правящих кругов Германии, которые добивались обострения австро-сербских отношений. «5 июля 1914 г. Вильгельм II принял в Потсдамском дворце австрийского посла Сечени и дал ему ясный ответ: «не мешкать с этим выступлением» (против Сербии). Так передавал Сечени слова германского императора» [13].

О нетерпении Вильгельма II, о его стремлении добиться, чтобы обострение австро-сербских отношений закончилось войной, можно судить и по тому, как он реагировал на сообщение о сараевском убийстве. На полях донесения германского посла в Вене Чиршки от 30 июня 1914 г. о сараевском убийстве, в том месте, где Чиршки писал, что он слышит даже от серьезных людей, что нужно с сербами основательно рассчитаться, Вильгельм II сделал следующее замечание: «Теперь, или никогда!». Чиршки писал, что он старается предостеречь австрийские правящие круги от поспешных шагов. В этом месте Вильгельм II написал: «Кто его на это уполномочил? Это очень глупо, ему совсем не подходит, дело только Австрии, что ей предпринимать... С сербами должно быть покончено и именно скоро» [14].

---

[12] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 406.

[13] «История дипломатии», т. II, стр. 248. О том, как правящие крути Германии толкали Австро-Венгрию на обострение отношений с Сербией, см. также H. Wendel. Die Habsburger und die Südslawenfrage. Belgrad — Leipzig, 1924, S. 82—83.

[14] «Die auswärtige Politik des Deutschen Reiches», 1871—1914, Bd. IV, Berlin. 1928, S. 739—740.

В Ватикане царили подобные настроения; в словах кардинала статс-секретаря, сказанных графу Пальффи, сквозило то же желание, чтобы Австро-Венгрия «наказала» Сербию.

Отношение Ватикана к начинавшейся войне определялось общей политикой папского престола в период империализма и сложившимися в годы, предшествовавшие войне, дружественными отношениями Ватикана с центральными державами.

В одном лагере были Австро-Венгрия и Германия, державы, с торжеством которых Ватикан на протяжении многих лет связывал осуществление своих важнейших политических целей.

Австро-Венгрия рассматривалась Ватиканом как единственная католическая монархия, оплот католицизма в центральной Европе, его форпост на Балканах. Для католицизма, пишет итальянский дипломат и бывший министр иностранных дел граф Сфорца, Австро-Венгрия была единственной великой державой, чей монарх ежегодно участвовал в религиозной процессии Тела Христова. Ватикан знал, какую цену надо часто платить за эту демонстрацию [15].

Союзником Австро-Венгрии выступала Германия, игравшая главную роль в военной группировке центральных держав. К протестантизму — наиболее распространенной в Германии религии — Ватикан всегда относился непримиримо. Незадолго до войны папа Пий X это продемонстрировал своей так называемой Борромеевой энцикликой (1910 г.), в которой грубо и оскорбительно отозвался о деятелях реформации в Германии [16]. Тем не менее, как выше было показано, папский престол еще задолго до войны стал ориентироваться на вильгельмовскую Германию, при поддержке которой рассчитывал осуществить свои важнейшие политические цели. И если Австро-Венгрия рассматривалась в наиболее консервативных влиятельных кругах Ватикана как оплот католицизма, то вильгельмовская Герма-

---

[15] C. Sforza. Fifty years of war and diplomacy in the Balkans. New York, 1940, p. 106. В литературе отмечается еще одно, правда частное, обстоятельство проавстрийских симпатий Пия X к началу войны — это лично хорошие отношения папы к императору Францу-Иосифу и престолонаследнику Франц-Фердинанду. Последний был известен как клерикал и италофоб (C. Sforza. Fifty years of war and diplomacy in the Balkans, p. 74). «Знали его католический прозелитизм и враждебность к православным» («Международные отношения в эпоху империализма», т. IV, М., 1931, стр. 81). Поверенный в делах России при Ватикане (Н. Бок) писал 1(14) июля 1914 г. Сазонову: «Пылкий приверженец католицизма и глава клерикальной партии, Эрцгерцог Франц-Фердинанд пользовался конечно большим расположением и сочувствием Ватикана. Кончина его является крупной потерей для католической церкви и, с этой точки зрения, папский официоз справедливо назвал покойного австрийского наследника «угасшей надеждой». Герцогиня Гогенберг, известная своей набожностью и преданностью церкви, также пользовалась широкими симпатиями в ватиканских кругах...» (АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 178, л. 50).

[16] См. стр. 290—291.

ния рассматривалась ими как наиболее сильный оплот против социализма. На Германию Ватикан рассчитывал тем более, что в политической жизни этой страны играла видную роль католическая партия центра. Кроме того, католическая Бавария также рассматривалась папством как важный оплот католицизма.

«Австро-Венгрия,— пишет Т. Масарик,— была в Европе единственным большим католическим государством и заранее можно и должно было ожидать, что Ватикан будет на стороне Австрии. Ватикан знал, что австрийский католицизм это «болото» (так о нем отзывались крупные католические органы печати в Германии), но его надеждой был католицизм немецкий, который, благодаря своей жизненности и политической силе (центр), мог бы повести за собой австрийских и венгерских католиков» [17]. Немецкий католический историк прусско-ватиканских отношений (книга его вышла с одобрения церковных властей) пишет, что папа Пий X считал немецких католиков лучшими католиками в церкви и ими гордился [18]. Сообщая в мае 1914 г. о возведении папой в кардинальское достоинство 13 новых кардиналов, посланник России при Ватикане (Нелидов) отмечал, что больше всего кардинальских шляп получили итальянские церковные иерархи, а «из народностей — львиную долю кардинальских шляп получили немцы в лице архиепископов Кельнского, Венского и Мюнхенского» [19].

В другом лагере воюющих были протестантская «либеральная» Англия, «безбожная» Франция и православная Россия, страны, к которым папский престол не питал симпатий. Отношения Ватикана с Россией к началу мировой войны были натянуты не только вследствие того, что многие вопросы, связанные с положением католической церкви в России, не были разрешены. Руководящие ватиканские круги были целиком солидарны с царизмом в его борьбе с революцией. В то же время они, близко принимая к сердцу интересы Австро-Венгерской монархии, с опаской смотрели на экспансию царской России на Балканах. Папский престол, как было указано, усматривал в этом угрозу Австро-Венгрии и католицизму. С еще большей враждой Ватикан по тем же мотивам относился к национальному движению южных славян.

Граф Сфорца пишет, что Пий X в кругу своих близких называл Францию «дьявольской троицей франкмасонства, христианской демократии и модернизма». Модернизм он называл «французским церковным злом». «Неудивительно,— пишет

[17] Т. Г. Масарик. Мировая Революция, т. I, стр. 53.

[18] См. F. Hanus. Die preussische Vatikangesandschaft. München, 1954, S. 395.

[19] АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 257, л. 10.

Сфорца,— что протестантские армии Германии казались папе Пию X инструментом, избранным богом, чтобы наказать Францию» [20]. В его «честном, но ограниченном уме», пишет тот же автор, марш германских армий «на Париж» воспринимался как форма наказания бога своей «старейшей дочери церкви», которая причинила ему больше всего беспокойства за время его понтификата, и в глубине души он предпочитал победу турок над «либералами» [21]. «В период нейтралитета (Италии.— *М. Ш.*),— пишет Дж. Канделоро,— на страницах старого органа непримиримых клерикалов («Unita Cattolica» 10 октября 1914 г.— *М. Ш.*) можно было прочесть следующие высказывания: «В то время как Франция вызывающе отгораживается от церкви, не лютеранская ли Германия относится к церкви с особым уважением? Франция мобилизовала на эту войну даже духовенство, между тем как Германия предоставила священникам возможность заниматься своим делом... Франция развращена, она изъяла из школ распятия, из учебников имя бога, в то время как кайзер запрещает танго в армии, признает религию в школе и хочет, чтобы молодежь воспитывалась в страхе божием. В то время как французские законодатели стыдливо умалчивают о боге, император Вильгельм... широко применяет религиозное учение и религиозную терминологию...» [22].

Было еще одно немаловажное обстоятельство, которое определило сочувствие влиятельных ватиканских кругов к австрогерманскому блоку в годы войны: в Ватикане не потеряли надежды разрешить с его помощью в интересах папства «Римский вопрос».

Как уже раньше было отмечено, видные ватиканские деятели, начиная со Льва XIII, видели в европейской войне один из путей к разрешению «Римского вопроса». «Воинственность св. престола в июльские дни 1914 г., как и в предыдущие годы, объяснялась тем, что из всякой войны (даже из испано-американской) римская курия извлекала для себя ту или иную пользу, а война европейская считалась ею верным и единственным путем к осуществлению центральной части ее политической программы, к восстановлению папского суверенитета в римской области с того самого момента, когда эта война стала в центре расчетов и планов европейской дипломатии» [23].

Правда, вскоре после вступления Италии в войну, Ватикан, чтобы успокоить общественное мнение Италии, должен был

---

[20] C. Sforza. Contemporary Italia. New York, 1944, p. 105.
[21] Ibid., p. 189, 203.
[22] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 409.
[23] Е. А. Адамов. Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма, стр. 62—63.

сделать заявление, что папство не рассматривает европейскую войну как путь к решению «Римского вопроса». Тем не менее центральные державы, и особенно правящие круги Германии, поддерживали в Ватикане такого рода настроения. Особенную активность в этом направлении проявлял Эрцбергер, служивший в годы войны заграницей для ведения германской пропаганды и для связи между германскими правительственными и военными кругами и Ватиканом [24].

Близкий к руководящим ватиканским кругам епископ Худаль сообщает, что в ноябре 1914 г. папский камергер Пауль Мария Баумгартен получил из Берлина поручение сделать папе Бенедикту XV во время частной аудиенции следующее доверительное сообщение: после войны германское правительство всеми имеющимися в его распоряжении средствами поддержит все, что будет предпринято австро-венгерским правительством для улучшения положения папского престола в Италии.

По словам Худаля, папа на это ответил, что он может принять лишь такое улучшение своего положения, какое сам сочтет желательным; все другое он должен отклонить [25]. В этом ответе папы Худаль усматривает отказ принять немецкие предложения. Но даже в передаче епископа Худаля ответ папы не содержит прямого отклонения предложения, которое ему было сделано Берлином.

Правящие круги Германии на протяжении всех лет войны не оставляли мысли использовать в своих интересах «Римский вопрос». Эрцбергер сообщает, что в 1915 г. он обратился к нунцию в Мюнхен (Е. Пачелли) с предложением образовать международный комитет из видных католиков (пять-семь от каждой страны) для созыва международного католического конгресса, который должен будет обратиться к воюющим державам с призывом при заключении мира обеспечить политическую свободу и независимость папского престола. Очевидно, нунций не возражал против этого проекта, так как Эрцбергер после этого вел по данному вопросу переговоры с католическими деятелями некоторых стран. Эрцбергер придавал особенное значение тому, чтобы одновременно с решением «Римского вопроса» была осуществлена бóльшая, чем до этого, интернационализация папской курии, а также было увеличено число немцев в ней [26].

---

[24] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. IX, S. 383—384, 406—408 и др.

[25] Alois Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft, 1806—1918, S. 293.

[26] M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg. Stuttgart — Berlin, 1920, S. 127.

Все сказанное дает достаточно определенный ответ на вопрос, поставленный уже в докладе графа Пальффи,— чем объяснить воинственность Ватикана в дни кануна войны. Ватикан одобрял австро-венгерский ультиматум Сербии [27], несмотря на то, что незадолго до начала войны (24 июня) был подписан конкордат с Сербией.

КОНКЛАВ 1914 г., ИЗБРАНИЕ БЕНЕДИКТА XV, ЕГО ПЕРВАЯ ЭНЦИКЛИКА

20 августа 1914 г., через три недели после начала войны, умер папа Пий X. Проватиканская литература создала благочестивую легенду о том, что он умер, потрясенный разразившейся войной. Одну из таких легенд повторяет в своих воспоминаниях кардинал Мерри дель Валь, статс-секретарь Ватикана при Пие X. «Трудно сказать,— пишет он,— как глубоко потрясло его (папу Пия X.— *М. Ш.*) эта ужасная трагедия. Как я уже сказал, он давно предвидел и предсказывал европейский конфликт. Ужас и боль, которые овладели им, когда он действительно разразился, были сильны. День и ночь потрясающее зрелище ужасной борьбы преследовало его сознание, как и предвидение всех тех страданий и мук, которые неизбежно должны за ней последовать. Вторжение в Бельгию и известия о первых боях наполняли его самой горькой печалью. Он лихорадочно ожидал документальные доказательства всех этих фактов, чтобы наметить определенную линию действий, которые позволили бы ему поднять безбоязненно голос в защиту святых принципов справедливости и мира» [28]. Смерть, пишет Мерри дель Валь, помешала ему выполнить эту цель.

По поводу подобных благочестивых рассказов граф Сфорца пишет, что наиболее живучая из легенд, какие возникли в 1914 г. и позже, касается отношения папы Пия X к нападению Австрии на Сербию. Эта легенда показывает нам Пия X молящимся и борющимся против того, чтобы вспыхнула война,

---

[27] Безусловно преданный папству и на протяжении полустолетия близко стоявший к правящим кругам Ватикана итальянский католический священник Луиджи Стурцо (основатель католической партии христианских демократов) пишет, что в отношении церкви к войне отсутствует «этическая оценка». Почему, спрашивает Стурцо, в 1914 г. так много католиков нейтральных стран отнеслись благожелательно к Австрии, когда она напала на Сербию, а позже к Германии, когда она напала на Францию и нарушила бельгийский нейтралитет? К несчастью, отвечает Стурцо, политические или псевдополитические чувства брали верх над этическими оценками: Сербия — православная страна и была связана с Россией, в то время как Австрия — страна католическая. (M. Moos. Don Luigi Sturzo — Christian Democrat. «The American Political Science Review», 1945, april, p. 285).

[28] Cardinal Merry del Val. Memories of pope Pius X. London, 1939, p. 71.

ужасающимся тем, что христианство разделено на два враждебных лагеря, и умершего от горя, вызванного вторжением в Бельгию и ужасами войны [29]. Другая легенда, пишет Сфорца, такова: когда папа узнал об ультиматуме Сербии, он послал своего нунция в Вену, чтобы увещевать старого императора именем всевышнего, но дипломаты и военные из окружения последнего помешали посланцу Пия X беседовать с императором. И, наконец, последняя легенда: папа неожиданно умер с горя, убедившись в своем бессилии предотвратить катастрофу [30].

Сфорца опровергает эти легенды. Он ссылается на вышеприведенное донесение Пальффи в доказательство того, что Пий X одобрительно отнесся к ультиматуму Сербии. Что касается смерти папы «от огорчения», пишет Сфорца, то от врача, своего коллеги по итальянскому сенату, он знал, что папа умер от болезни, которая давно изнуряла его [31].

31 августа в Ватикане собрался конклав. Правительства главных воюющих держав, их дипломаты и церковные иерархи, несмотря на военное время, развернули активную деятельность, чтобы повлиять на папские выборы в наиболее желаемом для них направлении. Французские послы в Лондоне и Мадриде получили инструкции использовать свое влияние, чтобы на конклаве был создан блок из кардиналов Англии, Франции, Бельгии и Испании для обеспечения избрания на папский престол человека, желательного странам Антанты [32].

Раймонд Пуанкаре, тогда президент Французской республики, в своих воспоминаниях под датой 21 августа 1914 г. записал, что он получил письмо от кардинала Аметта, архиепископа Парижского, в котором тот просил его (как президента) присутствовать на заупокойной мессе по умершем папе и прибавил, что если он, Пуанкаре, желает видеть его перед его отъездом в Рим, то он к его услугам. Аметту было через Жюля Камбона (до войны посол Франции в Берлине) передано, что французское «правительство рассчитывает на патриотическое согласие среди французских кардиналов. Он (Камбон) знает, что они будут голосовать за самого достойного кандидата и вместе с тем за самого благожелательного к Франции, но они должны будут действовать с большим тактом и большой осторожностью по отношению к другим странам, и чтобы не каза-

---

[29] C. Sforza. Contemporary Italiy, p. 186—187.

[30] Ibid., p. 187.

[31] Ibid., p. 189. О том, что папа умер не «от огорчения» свидетельствует и телеграмма российского посланника при Ватикане, сообщавшего 6(19) августа: «Четыре дня назад папа захворал бронхитом» (АВПР, ф. II Департамент, II-5, 1914 г., д. 124, л. 1).

[32] H. Johnson. Vatican diplomacy in the world wad. Oxford, 1933, p. 8.

лось, что они повинуются своего рода национальному лозунгу...»[33].

Кардинал Аметт перед отъездом в Рим заверил представителя правительства (Жюля Камбона), что он «сделает все, от него зависящее, чтобы объединить голоса всех французских кардиналов на одном кандидате, вероятно на монсеньоре Феррата. Монсеньор Аметт полагает, что Малинский епископ, кардинал Мерсье, испанские кардиналы и быть может также вестминстерский архиепископ монсеньор Борн согласятся голосовать с французами. Думерг (министр иностранных дел.— *М. Ш.*) поручил нашим послам в Лондоне и Мадриде... всячески поддерживать этот проект официозного соглашения»[34].

Правительства Австро-Венгрии и Германии в свою очередь влияли на конклав, опираясь на кардиналов и руководящие католические круги своих стран. 2 сентября 1914 г. конклаву был вручен «Меморандум немецких католиков о мировой войне», составленный по инициативе и при участии Эрцбергера[35]. В этом документе немецкие католические деятели (меморандум подписали 60 человек) заявили, что объявление войны и мобилизация вызвали «религиозное обновление» в немецком народе, что «Германия не хотела войны» ,она «ведет войну не ради завоеваний, но борется за свое существование. Самое тяжелое нападение в настоящей войне приходится выдерживать со стороны православных московитов... Победа России нанесла бы тягчайший урон католичеству»[36]. Католицизм во всей Западной Европе, говорилось далее в этом документе, не имеет более опасного врага, чем Россия, которая на протяжении столетий насильственно отрывала польских католиков от церкви.

Российский посол в Риме Крупенский писал 1 (14) сентября 1914 г. Сазонову (министру иностранных дел), что всем кардиналам, собравшимся на конклав, было послано немцами «латинское воззвание»: «В воззвании им пространно объяснялось, что победа России явилась бы поражением католицизма, гонением на него и насильственным обращением галичан и познанцев в православие»[37].

В этом документе немецкие католические деятели не только выгораживали германский империализм, утверждая, что он ведет не захватническую, а «оборонительную» войну (так же выгораживали свою буржуазию церковные деятели всех других воюющих стран), они старались запугать конклав «русской угрозой», уверить, что победа стран Антанты (следовательно,

---

[33] Раймонд Пуанкаре. На службе Франции, т. I. М., 1936, стр. 77.
[34] Там же, стр. 85.
[35] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft, S. 286.
[36] M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg. S. 11.
[37] АВПР, ф. Канцелярия, 1914, д. 33, л. 21.

и России) явится торжеством православия и угрозой католицизму. Отсюда делался вывод, что католическая церковь заинтересована в победе германо-австро-венгерского блока (хотя, как известно, к этому блоку примыкала и Турция, где мусульманство было государственной религией) [38]. Австрийские правящие круги приветствовали обращение немецких католиков к конклаву [39], которое оказало свое воздействие на кардиналов.

Английский католический историк папской дипломатии пишет, что прибывшие на конклав «кардиналы стран Антанты увидели, какое глубокое впечатление произвел в высших церковных кругах в Риме призрак победы России и насколько распространено было убеждение, что Германия и Австрия представляют принципы авторитета и порядка» [40].

После 16 голосований конклав избрал на папский престол архиепископа Болонского делла Кьеза, принявшего имя Бенедикт XV. Выходец из старинной генуэзской семьи, он, по словам лично знавшего его немецкого историка папства Людвига Пастора, был человеком сдержанным, дипломатом. Вскоре после избрания Бенедикта XV Пастор писал, что этот папа, вероятно, будет держаться курса Льва XIII [41]. Худаль пишет, что Бенедикт XV был церковным иерархом из школы Рамполлы [42]. Известно, что Рамполла держался французской ориентации. Утверждения ряда писателей, что Бенедикт XV был дипломатом школы Рамполлы имеют в виду отметить его профранцузские симпатии.

Секретарь британского посольства в Ватикане в годы первой мировой войны Грегори также заявляет, что Бенедикт XV был преданным сторонником Рамполлы; своим статс-секретарем папа утвердил человека, который был тесно связан с Парижем и Францией (кардинал Феррата, а после его смерти — Гаспарри) [43].

---

[38] «Защитники христианства» — Вильгельм II и германские империалисты, заигрывавшие с католицизмом и пугавшие угрозой православия, охотно использовали и ислам для своих военных целей. В Турции с первых дней войны германская агентура развернула широкую панисламистскую пропаганду, чтобы возбудить мусульманское население против противников Германии. Среди турок распространялись слухи, писал Российский посол в Турции Гирс, что «император Вильгельм принял мусульманство и что немцы исповедуют религию, ничем от ислама не отличающуюся. Мне сообщили, что в некоторых местах в Константинополе происходили моления за германского императора, причем его поминали с присвоенным ему особым турецким именем» (из депеши Гирса, адресованной Сазонову 10 октября 1914 г. АВПР, ф. Политархив, 1914, д. 1050, л. 204).

[39] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft, S. 286.

[40] H. Johnson. Vatican diplomacy in the World war, p. 9.

[41] L. Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen. Heidelberg, 1950. S. 612.

[42] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft, S. 286.

[43] J. D. Gregory. On the edge of diplomacy (1902—1928), p. 88—89.

По словам Грегори, в папском дворе в Ватикане, в домах и учреждениях церковного Рима господствовала неуверенность в вопросе об отношении к войне: одна сторона участников войны — центральные державы — представляла авторитет, порядок, закон и стабильность, она включала католические Баварию, Рейн и Эльзас и одну из двух оставшихся католических династий; на другой стороне были — протестантская Англия, масонская Франция и православная Россия, коалиция, победа которой будет вредна для интересов церкви [44]. События показали, что первая сторона имела больше сторонников.

Сфорца пишет, что Бенедикт XV в первое время после избрания рассматривался правительствами Германии и Австро-Венгрии как креатура Рамполлы, следовательно как враг их государств,— однако в Париже и Лондоне вскоре заключили, что новый папа «германофил» [45].

Официально Ватикан заявлял, что он придерживается позиции нейтралитета и будет работать в пользу мира. 8 октября 1914 г. «Оссерваторе Романо» заявила, что папский престол нейтрален в войне, так как мир между народами он ставит выше всего. При всех симпатиях руководящих кругов Ватикана к Австро-Венгрии и Германии папство должно было соблюдать видимость нейтралитета, чтобы не компрометировать Ватикан в глазах католиков нейтральных стран и государств Антанты. К тому же было невыгодно открыто связать себя с одной стороной до того, как определится, кто выйдет из войны победителем.

Была одна область, где папский престол в годы войны мог выступать заодно с правящими кругами обоих воюющих лагерей, это — борьба с социалистическим рабочим движением. В этом вопросе никакого «нейтралитета» не требовалось. И действительно, первая энциклика папы Бенедикта XV от 1 ноября 1914 г. главным образом была направлена против социализма [46].

Энциклика содержит много общих положений о разрушениях и кровопролитиях, об ужасах войны. Папа говорит, что его ужасают также и изменения в идеях и моральных взглядах людей.

Где же выход из положения? На это папская энциклика ответа не дает. Кто виновен в войне? Об этом также умалчивается в энциклике. Бенедикт XV апеллирует к тем же силам, которые развязали войну. Он взывает к правителям воюющих стран приостановить кровопролитие. Он утверждает, что все зло в отсутствии уважения к власти, и это связано с забвением

---

[44] J. D. Gregory. On the edge of diplomacy (1902—1928), p. 89.
[45] C. Sforza. «Contemporary Italy», p. 202.
[46] См. «The pope speaks», New York, 1940, p. 265—273.

принципов религии и религиозной морали, с изгнанием религии из школы.

Нельзя не видеть того, что такая постановка вопроса уводила от правильного понимания причин войны, от понимания империалистического ее характера и виновности буржуазии обоих воюющих лагерей.

Революционная социал-демократия, та ее часть, которая не изменила социализму и не перешла в лагерь буржуазии, а оставалась верной принципам пролетарского интернационализма, считала своей важнейшей задачей довести до сознания масс истинный, империалистический характер войны. В конце сентября 1914 г. В. И. Ленин писал: «На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны» [47].

Как русские большевики, так и левые деятели социалистических партий других стран, которые остались верны марксизму, в труднейших условиях войны, полицейских преследований, военно-полевых судов и разгула шовинизма, а также в условиях измены большинства вождей II Интернационала, неустанно разъясняли народным массам истинный характер войны и указывали на необходимость для трудящихся каждой страны обратить оружие против своей буржуазии. В Германии Карл Либкнехт, отказавшийся голосовать за военные кредиты, в своем выступлении в рейхстаге 2 декабря 1914 г. заявил: «Эта война, которую ни один из участвующих в ней народов не хотел, загорелась не ради благосостояния немецкого или какого-либо другого народа. Это — империалистическая война, война за капиталистическое обладание мировым рынком, за политическое господство над важнейшими сферами приложения промышленного и банковского капитала» [48].

Деятельность церквей в годы войны, в том числе и Ватикана как центра католической церкви, была направлена на то, чтобы в каждой стране помочь буржуазии затушевать истинный характер войны. Сказанное относится и к первой энциклике Бенедикта XV: первая ее часть выгораживала буржуазию, вторая же часть была направлена против социализма. Общество, заявил папа, разделилось на две воюющие армии: против собственников стоит пролетариат, полный ненависти потому, что он занимает не такое положение, как другие. Агитаторы говорят последнему, что так как люди равны по природе, они все должны занимать равное положение в обществе. Такая про-

---

[47] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 11.

[48] Karl Liebknecht. Ausgewählte Reden. Briefe und Aufsätze. Berlin, 1952, S. 281.

грамма неприемлема для папы, он против идей равенства людей на земле. Бедные, пишет папа, которые выступают против богатых и думают, что они могут принять участие во владении богатствами последних, действуют не только против справедливости и милосердия, но и неразумно.

По-видимому, чтобы не нарушить справедливость по отношению к богатым, к эксплуататорам, к виновникам войны, папа и призывал духовенство, католические организации и прессу именно теперь, в годы войны, вести неустанную борьбу с социализмом, напоминая при этом, что вести борьбу с социализмом завещал церкви и Лев XIII.

Бенедикт XV выразил недовольство тем, что людям внушают, что незачем стремиться к небесному счастью, а нужно быть счастливыми здесь, на земле. Так как, пишет папа, материальные блага на земле неравномерно распределены, то каждый несчастливый выступает против счастливых. Так «объяснял» глава католицизма борьбу классов, как борьбу «несчастливых» против «счастливых».

Папа уверял в своей энциклике, что земные блага не дают людям реального счастья, бог учит, что «блаженны нищие», им, «нищим», бог и отдает свою любовь. Нужно, предлагал папа, оживить в людях веру в «вечное», будущее счастье.

Таким образом, первое публичное выступление папы в начале войны было обращено не против тех, кто развязал войну, а против социализма.

Ромен Роллан в своем «Дневнике военных лет» записал зимой 1914—1915 гг.: «Папа, слова которого с таким нетерпением ждали, наконец, возвысил свой голос; и возвысил его, чтобы осудить... социализм! В новой энциклике сказано:

«Когда наименее состоятельные борются против богатых, они не только грешат против справедливости и милосердия, но и надругаются над самым разумом, тем более, что они тоже могли бы, если бы хотели, посредством честного соревнования в труде достичь лучшего положения...»

Наместник Христа не может все же не говорить о любви к ближнему. Но — «Эта любовь, конечно, не должна иметь своим следствием уничтожение различий состояний и классов, что неосуществимо подобно тому, как невозможно, чтобы в живом теле все члены обладали равным достоинством; однако, благодаря этой любви те, кто занимает высшее положение, некоторым образом снизойдут к низшим и будут не только соблюдать справедливость по отношению к ним, но и проявят доброту, приветливость и терпение в обращении с ними; а эти последние со своей стороны будут радоваться благоденствию тех и уповать на их помощь, подобно тому, как в семье младший сын полагается на покровительство старшего».

Какая презрительная благосклонность! Какое аристократическое высокомерие! Сразу видно, что человек, написавший это, никогда не испытывал нищеты. Легко ему напоминать басни Менения Агриппы,— ведь он в живом теле присваивает себе роль головы! Вся эта мысль в сущности покоится на обожествлении торжествующей силы, выраженном таким образом:

«Нет власти, кроме как от бога, и все существующие власти изначально установлены богом. Всякая власть над людьми, будь то власть князя, или низшего начальника, проистекает от бога!» [49]. Так оценил Ромен Роллан папскую энциклику.

Первая энциклика Бенедикта XV заканчивалась жалобой на положение папы в Риме, на то, что он не свободен, и заявлением, что должен быть положен конец ненормальному положению главы церкви.

Эти слова папской энциклики подтверждают, что в Ватикане рассчитывали и на то, что в итоге войны в интересах папства будет разрешен «Римский вопрос».

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ВОЙНА

Война развеяла еще одну легенду, легенду о том, будто церковь может предотвратить массовое истребление людей и быть объективным судьей в столкновениях между государствами.

Война разразилась между государствами, правящие круги которых неизменно заявляли о своей преданности принципам религии, принципам христианства. Христианское духовенство (как и нехристианское) в обоих лагерях призывало божье благословение на армии своей страны и кару божью на армии противников.

Ромен Роллан записал в 1915 г. в своем «Дневнике»: «...что до меня, который пытался до прошлого года примирить уважение к христианской религии со свободомыслием, то опыт этой войны доказал мне, что христианство лишь усугубило своим дурманом неистовство уже опьяненных народов и стремится освятить их опьянение. Оно надругалось над Христом. Оно сделало из него товарища по резне для скотов в человеческом образе. Значит, оно опасно; и когда война кончится, с ним нужно будет без колебаний бороться» [50].

Во всех воюющих странах духовенство всех исповеданий стало на сторону своей буржуазии в этой несправедливой войне. Защищая интересы буржуазии, оно в то же время стреми-

---

[49] Ромен Роллан. Дневник военных лет (1914—1919). «Новый мир», 1955, № 3, стр. 209—210.

[50] Там же, стр. 213.

лось использовать бедствия войны для укрепления позиции церкви в народе. Католическое духовенство Франции с начала войны повело кампанию за организацию в национальном масштабе молитв, чтобы привлечь божье покровительство на французскую армию. Некоторые иерархи (например, архиепископ Реннский) уверяли, что настоящие бедствия Франция заслужила своим равнодушием к религии [51].

В своих воспоминаниях Пуанкаре сообщает (запись, сделанная 29 августа 1914 г.), что к нему обращались женщины и священники с настойчивыми просьбами «посвятить Францию святому сердцу Иисуса». «Во многих случаях,— пишет Пуанкаре,— эти требования вырываются из наболевшей души, вытекают из искренней веры, но другие продиктованы, увы, не столько религиозным чувством, сколько политическими страстями. Наши поражения выставляются здесь, как заслуженная кара, которую бог посылает на республику» [52].

Позицию безоговорочной поддержки своей буржуазии в грабительской, несправедливой войне заняло духовенство разных культов и в царской России, и в Англии, и в других странах Антанты.

Горячим защитником войны выступило духовенство в лагере центральных держав. Как только началась война, венский архиепископ издал пастырское послание, в котором утверждал, что Сербия вынудила «миролюбивейшего» австрийского императора взяться за оружие и что в этой «навязанной» Австрии войне ей приходится защищать против сербов «не только положение своего государства, как великой державы, и не только могущество и честь своей славной армии, но и прежде всего высокие и идеальные блага и свое священное право, на место которого жадные до чужих земель враги хотели бы поставить открытое насилие и восстание...» «Найдется ли среди нас хоть один,— патетически восклицал Венский архиепископ,— кто не был бы вполне убежден в справедливости и необходимости этой навязанной нам войны» [53].

Шовинистическую позицию заняло католическое (и протестантское) духовенство в Германии. Война германского империализма превозносилась немецкими епископами как война справедливая, война высшей культуры, против низшей, война сильного католицизма немецкого против слабого католицизма французов. Войну и аннексионистскую программу германского империализма поддерживала и католическая партия центра.

[51] «Церковный вестник», № 45, 6.XI 1914. Позже, в годы второй мировой войны, французское высшее духовенство оправдывало оккупацию Франции гитлеровцами теми же мотивами.

[52] Раймонд Пуанкаре. На службе Франции, т. I, стр. 112.

[53] «Вестник Европы», 1914, август, стр. 402.

В декларации центра о целях войны в октябре 1915 г. провозглашалась необходимость для Германии захвата чужих территорий [54]. И в годы войны и после нее лидеры центра занимались выгораживанием кайзера и германских империалистов. Один из лидеров центра, Бахем, пишет: «В Германии никто не хотел войны — ни кайзер, ни рейхсканцлер, ни верховное командование, ни рейхстаг, ни народ...» [55]. Что трудящийся народ Германии не хотел войны — это верно, но что войны не хотели кайзер, верховное командование и буржуазия — это, конечно, неверно, и заявление Бахема ничего общего с правдой не имеет. По утверждению Бахема, вильгельмовская, юнкерская Германия воевала не только за свою «честь», «достояние» и положение, но и за «нравственную идею государственного порядка в Европе, за справедливость в международной жизни, за равноправие народов» [56].

Таково было, пишет Бахем, убеждение католической партии центра. Эта «нравственная идея государственного порядка», которую огнем и кровью насаждала германская военщина, стоила народам Европы огромных жертв, многих миллионов жизней.

С восторженной брошюрой о большом генеральном штабе германской армии — этом главном центре прусского милитаризма, реакции и войны — выступил в первые дни войны другой видный деятель центра, Эрцбергер [57]. Доверенное лицо Тиссена, Эрцбергер (в 1915 г. он официально стал членом тиссеновского совета директоров с жалованием 40 тыс. марок; при этом и сам Альфред Тиссен был членом партии центра [58]) сотрудничал с военным министерством и по его поручению занимался ведением немецкой военной пропаганды за границей [59]. Вместе с тем он выполнял и поручения правительства в Ватикане. В частности, он старался с помощью влиятельных католических кругов удержать Италию от вступления в войну на стороне Антанты.

В начале 1915 г. французские епископы и католические политические и общественные деятели выступили публично против преступлений немецкой военщины в Бельгии и на других оккупированных ими территориях. Был организован «Католический комитет французской пропаганды за границей» во главе

---

[54] Hans von Gatzke. Germany's drive to the west. Baltimore, 1950, p. 103.

[55] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. VIII, 1931, S. 224.

[56] Ibid., p. 227.

[57] M. Erzberger. Die Mobilmachung. Stuttgart — Berlin, 1914.

[58] Hans von Gatzke. Germany's drive to the west, p. 20.

[59] I. M. Winiewicz. Have we allies inside Germany? London, 1944, p. 1.

с архиепископом Парижским кардиналом Аметтом и архиепископом Реймским кардиналом Люсоном и с участием епископов Бодрийяра, Туринау и др. Комитет издал коллективный сборник «Германская война и католизацизм» и альбомы фотографий о преступных методах ведения войны германской военщиной. Книга была переведена на иностранные языки. Тот же комитет издал ряд других книг, часть которых написана священниками. В них доказывалось, что принципы ведения войны Германией противоречат христианству, что Германия начала войну, нарушив нейтралитет Бельгии, что ее войска разрушают церкви, убивают мирное население.

Германский католический епископат и влиятельные католические круги постарались ослабить впечатление, произведенное этой книгой. Хотя французская книга была издана при участии двух французских кардиналов два немецких кардинала — Беттингер (архиепископ Мюнхенский) и Гартман (архиепископ Кельнский) — в торжественном послании к кайзеру назвали книгу «Германская война и католицизм» «клеветой на немецкое отечество и его славную армию». Немецкие кардиналы заявили, что будут жаловаться папе на французских авторов книги.

Летом 1915 г. 77 немецких католических деятелей образовали по образцу французского «Комитет немецких католиков» для ведения немецкой военной пропаганды под покровительством церкви. Во главе этого комитета стоял один из видных лидеров центра Гертлинг. Комитет выпустил книгу «Германская война и католицизм» — ответ на французскую, вышедшую под тем же названием. В ней опровергались заявления французских католических деятелей о зверствах германской военщины, возносились германская армия, кайзер и цели Германии в войне. О кайзере говорилось, что он добрый христианин, что он свою речь 31 июля 1914 г. в связи с началом войны закончил словами: «Теперь идите в церкви, падайте на колени перед богом и молите его о помощи нашим храбрым воинам». Смысл этой аргументации заключался в следующем: разве может такой богомольный и богобоязненный кайзер толкать на преступную войну?

Комитет 77 немецких католиков безоговорочно взял под защиту действия германской военщины в Бельгии, он писал о «благочестии» немецких войск. В изданиях немецких католиков говорилось, что могли быть отдельные «недисциплинированные» действия, но в целом германская армия не может быть обвинена ни в жестокости, ни в кощунстве.

В полемику втянулись и немецкие католические теологи и епископы. Епископ Фаульгабер (позже кардинал) оправдывал войну ссылками на христианство и проповедовал, что в библии

говорится о мире во всем мире в смысле будущего царства божия. Сам Христос, заявил Фаульгабер, являлся в одежде бойца и это — доказательство справедливого характера войны.

Французский католический комитет отвечал на издания немецких католических деятелей новыми книгами, и острая борьба католических богословов и политиков двух воюющих лагерей продолжалась до конца войны [60]. Сама эта полемика показала, насколько глубоко католическая церковь срослась с империализмом.

В художественной литературе это очень хорошо показал Анри Барбюс в своей знаменитой книге «Огонь». Он приводит рассказ французского летчика о том, как в воскресенье утром, когда он летал над линией огня, он заметил, что и у немцев и у французов священники служили воскресную мессу: «чем больше я снижался, тем ясней я видел, что эти две толпы одинаковы, совсем одинаковы, так что все казалось нелепостью. Любая из этих двух церемоний была отражением другой... Вы только представьте себе: две одинаковые толпы, обе выкликивают одинаковые и все-таки противоположные слова, испускают враждебные и в то же время однородные крики? Что должен ответить господь бог? Я знаю, что он знает все, но даже зная все, наверно, не знает, что делать...» [61].

В германской армии большую работу вели иезуиты, и многие из них были награждены железными крестами [62]. Не за верную ли службу германскому империализму в апреле 1917 г. в Германии был отменен закон против иезуитов, принятый еще в 1872 г. во время культуркампфа? [63].

Церковные идеологи и руководители обоих воюющих лагерей подыскивали богословские, этические, исторические и всякие другие оправдания преступлениям своей буржуазии. В. И. Ленин пишет: «Писатели, поэты, попы, вся печать шли на дело прославления войны...» [64].

Какую же позицию занял в этой шовинистической полемике между католическими кругами воюющих стран верховный глава католической церкви папа римский? Масарик пишет об этом: «Несмотря на эти и иные споры, Ватикан внешне сохранял объективность; ему это удавалось главным образом благодаря

---

[60] «Вестник Европы», 1917, № 7—8, стр. 333—340; «Die Einheit», Berlin, 1948, Nr. 10, S. 924—933; «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender», S. 230—231; M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg, S. 11—15.

[61] Анри Барбюс. Огонь. М., 1955, стр. 262.

[62] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. IX, S. 358—359.

[63] H. Feine. Kirchliche Rechtsgeschichte, Bd. I. Weimar, 1950, S. 587; K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. VIII, S. 234.

[64] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 200.

тому, что он избегал жгучих современных вопросов, а удовлетворялся общими рассуждениями о своем божественном назначении. Особенно Ватикан специализировался на роли миротворца»[65].

Кардиналы и епископы воюющих стран выдвинули друг против друга тягчайшие обвинения и активно поддерживали несправедливую войну, а глава церкви сохранял «нейтралитет». Фактически же папа Бенедикт XV сам втянулся в эту полемику. Эрцбергер пишет, что когда он обратился к ряду видных немецких католиков о создании «Комитета немецких католиков», который составил бы ответ на документ, изданный французскими католиками, то папа Бенедикт XV пожелал, чтобы в составлении такого возражения не участвовали церковные деятели, а участвовали, если нужно, видные католики-миряне[66].

Папский нейтралитет был только видимым. В действительности Ватикан не был нейтрален. Оба воюющих лагеря в течение всей войны вели борьбу и в самом Ватикане за влияние на папу и его окружение, стремясь использовать его религиозный авторитет для своих военных целей. Это относится и к царскому правительству России.

В цитированной выше докладной записке министерства иностранных дел, составленной за полгода до начала войны, в январе 1914 г., проводилась та мысль, что необходимо сближение правительства России с папством не только для совместной борьбы с социализмом, но и в интересах международной политики царизма. В записке, между прочим, указывалось: «Не подлежит сомнению, что государство при умелом использовании дипломатического представительства (в Ватикане.— *М. Ш.*) может добиться более сильного и действительного воздействия высшей церковной власти на епархиальное начальство и духовенство, чем самостоятельным и непосредственным давлением всей силой гражданского закона. Не исключена и возможность, в случае нахождения на святом престоле крупной политической личности вроде Льва XIII, и использования международной силы и влияния католической церкви в смысле достижения чисто светских целей мировой политики»[67].

В декабре 1914 г. английское правительство, не внося вопрос на рассмотрение парламента, возможно, из опасения возражений, направило в Ватикан свою дипломатическую миссию.

---

[65] Т. Масарик. Мировая революция, т. 1, стр. 54.
[66] M Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg, S. 11.
[67] «Красный архив», т. 4—5 (47—48), 1931, стр. 184—188; АВПР, ф. Ватикан, д. 22, л. 273—274. Подчеркнуто в оригинале. На документе надпись: «Одобрено г. Министром 4-го января 1914».

Было объявлено, что миссия посылается только на время войны. Однако дипломатические отношения Англии с Ватиканом с того времени не прекращались.

Секретарь этой миссии Грегори пишет, что в течение ряда лет в Ватикане (где не было ни французской, ни английской миссий) наибольшую активность проявляли австрийский и немецкий послы, которые «монополизировали это поле»; в этих условиях английское правительство сочло нужным в конце 1914 г. послать туда свою миссию, чтобы изложить точку зрения Великобритании, оправдать ее вступление в войну и заявить о полной ответственности Германии, прежде всего за ее действия в Бельгии [68].

Поверенный в делах России при Ватикане писал, что «одной из главных целей» британской миссии «была борьба с немецким засильем в Ватикане» [69].

Таким образом, установление Англией в самом начале войны дипломатических отношений с Ватиканом преследовало военно-политические цели.

Ватикан, пишет Грегори, является лучшей разведкой в Европе. Здесь были информированы о событиях и ходе войны лучше, чем любое правительство в мире. Вряд ли можно не видеть международной сети католических организаций, особенно религиозных орденов, отчеты которых из обоих лагерей ежедневно прибывали в Ватикан [70]. В некоторых кругах британскую миссию при Ватикане рассматривали и с точки зрения задач пропаганды и как канал для связи между воюющими странами (на случай переговоров) [71].

Правящие круги Великобритании рассчитывали также заручиться поддержкой папского престола в колониальных вопросах, как и в ирландском. Такую поддержку Ватикан неоднократно и в прошлом оказывал им в ущерб национальному ирландскому движению. Говоря о доминионах, Грегори заявляет: необходимо было, чтобы конфликты, которые могли возникнуть в религиозно-политической сфере, разрешались в дружеском сотрудничестве высших светских и церковных властей [72].

Большую активность в Ватикане развили прусский, баварский и австро-венгерский послы. Австрийское посольство в Ватикане было занято включением «Римского вопроса» в программу центральных держав, оно было озабочено также тем, чтобы итальянское церковное общественное мнение сохранило нейтра-

---

[68] J. Gregory. On the edge of diplomacy, p. 90

[69] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 102.

[70] J. Gregory. On the edge of diplomacy, p. 91.

[71] Ibid., p. 101.

[72] Ibid., p. 105.

литет в вопросе о виновниках войны. Худаль утверждает, что косвенно австрийское посольство оказало влияние и на возведение в 1915 г. в кардиналы нунциев — мюнхенского Фривирта и венского Скапинели [73].

Таким образом, в Ватикане в своеобразной форме велась дипломатическая война, которая была неразрывно связана с войной на фронтах. Каждая воюющая сторона добивалась, чтобы этот религиозный центр служил ее интересам и в той идеологической борьбе, которая велась в связи с войной, и в деле завоевания нейтральных стран на свою сторону, и в подавлении протеста народных масс против кровавой бойни.

Дошло до того, что германская разведка имела среди ближайших к папе Бенедикту XV людей своего шпиона. Это был один из четырех личных секретарей папы баварец Рудольф фон Герлах. По сообщению российского поверенного в делах при Ватикане (от 7 (20) февраля 1917 г.), еще до вступления Италии в войну итальянское правительство и посольства держав Антанты считали фон Герлаха немецким агентом, помогавшим в Риме немецкой пропаганде Эрцбергера. После вступления Италии в войну Герлах остался в Ватикане. Говорили, что папа обязал его не покидать стен Ватикана. Но запрещение это со временем, очевидно, потеряло свою силу, и Герлах появлялся в городе, где «даже исполнял официальные поручения... Повидимому, монсиньор Герлах, злоупотребляя своим положением, служил посредником между Германским правительством и его здешними тайными агентами» [74].

Соучастники Герлаха — итальянцы были либо расстреляны, либо осуждены на тюремное заключение. Герлах избег наказания благодаря ходатайству Ватикана, добившегося от итальянских властей его высылки в Швейцарию, после чего он заочно был осужден на бессрочные каторжные работы.

ПАПСКИЕ МОЛИТВЫ О МИРЕ

Сочувствуя блоку центральных держав, папский престол стремился в то же время демонстрировать свой нейтралитет. С этим связана и активная «гуманная» и «миротворческая» деятельность Ватикана.

В середине ноября 1914 г. Ватикан обратился к воюющим державам с предложением приостановить военные действия на день праздника рождества. Предложение не было принято. Сазонов телеграфировал посланнику России при Ватикане Не-

---

[73] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918, S. 290. В 1915 г. кардинальские шапки получили шесть человек: пять итальянцев (в том числе нунций в Вене) и один немец (нунций в Баварии).

[74] АВПР, ф. Ватикан, д. 122, лл. 4—5.

лидову, что военные власти считают перемирие в день рождества «практически неосуществимым»[75]. Пуанкаре писал, что мысль папы «несколько платонична», что, в частности, «праздник русского рождества не совпадает по времени с нашим»[76].

22 января 1915 г. папа выступил перед кардиналами. Он говорил о том, что конца кровопролитию не видно, и заявил, что осуждает несправедливость, какая бы сторона ее ни совершала; заявив, что папский престол соблюдает в войне строгий нейтралитет, Бенедикт XV призвал тех, кто оккупировал чужие территории, не разрушать больше того, что диктуется требованием военной оккупации, и особенно щадить церкви, духовенство и права религии. Населению оккупированных стран папа советовал воздерживаться от нарушения порядка, чтобы тем не ухудшить своего положения (этот совет относился прежде всего к Бельгии и явился призывом к населению этой страны покориться оккупантам)[77]. Война, заявил папа, происходит не без воли божьей, она послана в наказание людям за то, что все их помыслы заняты земными делами. В заключение папа предложил 7 февраля в католических церквах Европы, а 27 марта в церквах других стран устроить особые богослужения за мир.

Призыв папы не встретил поддержки не только гражданских и военных властей, но и высшего духовенства воюющих стран. Призывы к миру их не удовлетворяли, поскольку правящие классы в каждой стране хотели не мира вообще, а поражения своих противников и осуществления своих грабительских целей. Они опасались, что устройство особых богослужений о мире будет способствовать усилению антивоенных настроений в массах. Министр внутренних дел России Маклаков писал 20 марта 1915 г. министру иностранных дел Сазонову, что «папский декрет, при тенденциозном его освещении, мог бы поколебать столь необходимое для успешного завершения войны единение всех подданных его величества»[78]. «Царское правительство по этим причинам признало нежелательным исполнение папского декрета об организации богослужений за мир на территории России»[79].

В правящих кругах Франции папский призыв был воспринят как акт, благоприятный для Германии[80]. Российский посланник при Ватикане Нелидов сообщал 4 февраля (22 января) 1915 г. в Петербург, что во Франции правительство запретило

[75] Международные отношения в эпоху империализма, т. VI, ч. 2, М., 1935, стр. 168.

[76] Раймонд Пуанкаре. На службе Франции, т. I, стр. 253.

[77] Цит. по «A papal peace mosaic 1878—1944», New York, 1944, p. 20; Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, 1915, S. 1003—1004.

[78] АВПР, ф. Ватикан, д. 58, л. 5.

[79] Там же, л. 4.

[80] Там же, д. 51, л. 3.

публиковать и распространять декрет и молитвы папы, «усмотрев в почине папы воздействие на политическое настроение населения и вмешательство во внутренние дела государства». В связи с этим «кардинал Аметт, архиепископ парижский, не замедлил в пастырском послании разъяснить, что под миром, о коем молит папа, вовсе не надо непременно разуметь мира немедленного, во что бы то ни стало, мира ради мира, а мира, как нормы человеческого бытия, мира прочного и долговечного... А потому, прося о нем, всякий верующий волен понимать его, как осуществление стремлений именно своей родины и государства, к которому он принадлежит. В этом же смысле высказались и прочие французские епископы...» [81]. После этого запрещение, наложенное правительством на папский декрет, было снято.

Возражал ли папа против такого истолкования предложенной им молитве о мире? Нет. Нелидов сообщает, что после беседы с епископом Ниццким Шапоном Бенедикт XV вполне согласился с тем, что в текст папской молитвы местные пастыри должны вкладывать «именно тот смысл, который наиболее по сердцу их пастве» [82].

Кардинал статс-секретарь в ответ на сообщение Нелидова о том, что царское правительство не разрешило допустить чтение папской молитвы, сказал: «Всякий, прося мира, может представлять его себе как угодно, как то и разъяснили французские епископы» [83]. Ватикан ничего не имел против того, чтобы германские епископы толковали папскую молитву о мире, как молитву о победе германского оружия, французские — как молитву о победе французского оружия, а русские, как победу русского оружия.

Следовательно, выступление папы за мир в январе 1915 г., как и многие позднейшие его выступления такого рода, способно было только сеять в массах иллюзии, что буржуазия, которая несла ответственность за войну, может дать народам справедливый мир.

ВСТУПЛЕНИЕ ИТАЛИИ В ВОЙНУ

Оба воюющих лагеря вели между собой борьбу за привлечение Италии на свою сторону. Правящие же круги Италии выжидали и вели торг и с Антантой и с центральными державами, имея в виду присоединиться к тому, у кого больше шансов на победу и кто больше заплатит.

---

[81] «Международные отношения в эпоху империализма», т. VII, ч. 1, стр. 173.

[82] Там же, стр. 173.

[83] Там же, т. VIII, ч. 1, стр. 72.

Русский посланник в Бухаресте Поклевский телеграфировал 15 (2) января 1915 г. министру иностранных дел в Петербург о своих беседах с итальянским посланником в Румынии относительно позиции Италии в войне: «Посланник довольно цинично считает, что в настоящее время на поле сражения установилось временное равновесие сил, что выступление Италии может дать перевес любой стороне и что она должна поэтому продать свое содействие возможно дорогой ценой»[84].

Ватикан принял активное участие в борьбе держав за Италию.

В декабре 1914 г. в Рим в качестве представителя кайзера поехал бывший рейхсканцлер Бюлов. Ему было поручено воздействовать на правящие круги Италии в интересах Германии. Бюлов установил связь с Ватиканом. Через несколько дней в Рим приехал с той же целью и Эрцбергер, рассчитывавший на свои связи в ватиканских кругах. Бюлов, не симпатизировавший Эрцбергеру, тем не менее признает, что последний в Риме оказал «хорошие услуги»[85].

Германия прилагала большие усилия, чтобы предотвратить вступление Италии в войну, пишет Грегори (дело шло к ее вступлению в войну на стороне Антанты). В Риме появился Эрцбергер, чтобы воздействовать на католиков Италии. Он часто появлялся в Ватикане, и английская миссия неофициально возражала против его активности[86].

Австрийское правительство в свою очередь добивалось, чтобы курия делала все возможное для облегчения соглашения между Австро-Венгрией и Италией и недопущения вступления последней в войну[87] на стороне Антанты.

Папский престол не остался безразличен к усилиям центральных держав. «...Бенедикт XV,— пишет Бюлов,— горячо поддерживал мои усилия, направленные на сохранение мира. Он желал сохранения Габсбургской империи, этой последней католической великой державы. Он ясно сознавал, что войны можно было избежать лишь при условии, что Австрия не медлила пожертвовать по меньшей мере Трентино... Он поручил венскому архиепископу кардиналу Пиффлю в этом смысле говорить со старым императором Францем-Иосифом. Но восьмидесятичетырехлетний император не дал кардиналу даже высказаться, когда тот скромно и боязливо стал выполнять желание

---

[84] «Международные отношения в эпоху империализма», т. VII, ч. 1, стр. 21.

[85] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. III. Berlin, 1931, S. 209.

[86] J. D. Gregory. On the edge of diplomacy, p. 97.

[87] A. Hudal. Die östereichische Vatikanbotschaft 1806—1918. S. 290—291.

святого отца. Краска гнева залила его старческое лицо. Он взял кардинала за руку и буквально выставил его за дверь» [88].

Посол Австро-Венгрии в Италии барон Маккио опровергает этот рассказ Бюлова и по-иному освещает события. Он пишет, что уполномочен кардиналом Пиффлем опровергнуть от первого до последнего слова рассказ Бюлова о том, что Пиффль по поручению Бенедикта XV явился, чтобы советовать Францу-Иосифу уступить Италии Трентино, а тот выпроводил его за дверь. Его, Пиффля, из различных частных источников, совсем не со стороны папы, призывали сделать такой шаг, но он отказывался выступать перед императором в столь политическом деле. Он, Пиффль, вспоминает, что в те дни баварский капуцин, посланец Эрцбергера, старался воздействовать на окружение императора в этом духе. В действительности предложение, о котором пишет Бюлов, было передано императору нунцием в Вене Скапинелли. Император ответил, что он скорее отречется, чем уступит даже самую небольшую часть унаследованной им земли [89].

Выполнял ли поручение папы кардинал Пиффль или нунций в Вене, не имеет большого значения. Заслуживает лишь внимания то обстоятельство, что план папы совпадал с планом Бюлова, который заключался в том, чтобы за счет уступок со стороны Австро-Венгрии привлечь Италию в лагерь центральных держав. Посол России в Риме Крупенский писал в Петербург 22 января (4 февраля) 1915 г.: «...Предположение, что князь Бюлов коснулся — искренно или неискренно — территориальных уступок насчет Австрии, может быть близко к истине...» [90]. Тот же Крупенский писал 2 (15) февраля 1915 г., что некоторые итальянские газеты, близкие к германскому посольству в Риме и к Ватикану, ведут пропаганду, что Италия без войны может получить бóльшие территориальные уступки от Австрии [91].

Державы Антанты в свою очередь старались использовать ватиканское окружение для воздействия на Италию в своих интересах. Этим была занята, в частности, британская миссия в Ватикане. Вокруг миссии образовалась влиятельная группа прелатов, которые регулярно собирались при участии представителя английского посольства и вырабатывали план действий в связи с назревавшими вопросами [92].

Ватикан и влиятельные церковные круги Италии и в этом вопросе занимали позицию, благоприятную центральным дер-

---

[88] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. III, S. 228—229.

[89] Freiherr von Macchio. Wahrheit! Fürst Bülow und ich in Rom 1914/1915. Wien, 1931, S. 63—64.

[90] АВПР, ф. Канцелярия, 1915, д. 38, л. 20.

[91] Там же, л. 26.

[92] J. Gregory. On the edge of diplomacy, p. 94—95.

жавам. Лорд Берти, посол Англии в Париже, записал в своем дневнике 23 августа 1915 г., что по словам Генри Говарда, британского посла в Ватикане, папа не настроен противобритански, но он настроен сильно проавстрийски [93]. В январе 1915 г. кардинал статс-секретарь Гаспарри сказал Людвигу Пастору, что когда вспыхнет война Италии с Австрией, тогда дело пойдет уже не только о том, чтобы завоевать Триент, но и о свержении Австро-Венгерской монархии [94]. Поэтому Бенедикт XV и предлагал австрийскому императору без войны уступить Италии в территориальных вопросах, чтобы сохранить монархию.

В Италии, как и в других странах, против участия в войне на какой бы то ни было стороне был трудящийся народ. «Когда началась первая мировая война и когда вскоре в нее вступила и Италия, итальянский пролетариат был решительно настроен против войны, передовая часть трудящихся была готова бороться против нее, но социалистическая партия продолжала оставаться без правильной идеологической и политической линии, а ее деятельность не соответствовала сложным и ответственным задачам момента... Когда Италия вступила в войну, в наиболее развитых районах страны имели место вспышки народного возмущения...» [95].

23 мая 1915 г. правительство Италии объявило Австрии войну. Незадолго до этого 13 (26) апреля было заключено соглашение держав Антанты с правительством Италии, в котором предусматривалось, что получит Италия за участие в войне. Статья 15-я этого соглашения оговаривала: «Франция, Великобритания и Россия будут поддерживать сопротивление, которое Италия будет оказывать всякому предложению, клонящемуся к привлечению представителя святейшего престола к участию во всех переговорах о мире и об урегулировании вопросов, выдвинутых настоящей войной» [96].

Добиваясь включения этого пункта в соглашение, Италия имела в виду предотвратить участие папского престола в мирной конференции и возбуждение там «Римского вопроса», который центральные державы продолжали рассматривать как козырь против Италии.

В Италии, где были хорошо известны австро-германские симпатии Ватикана, существовали подозрения, что папский престол желает поражения Италии. В связи с этим 28 мая 1915 г.

---

[93] «The diary of lord Bertie», v. I, p. 227.

[94] Ludwig Freiherr von Pastor. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, S. 615.

[95] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., 1953, стр. 47.

[96] «Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917», М., 1952, стр. 441.

в католической прессе было опубликовано заявление кардинала статс-секретаря Гаспарри о том, что папский престол соблюдает нейтралитет и не намерен создавать каких-либо затруднений итальянскому правительству; папа возлагает надежды на бога, ожидая упорядочения своего положения не от иностранных армий, а от торжества чувства справедливости в итальянском народе [97]. Тем самым кардинал статс-секретарь заявлял, что Ватикан не рассчитывает на иностранные армии в решении «Римского вопроса».

Однако, когда после вступления Италии в войну послы центральных держав оставили Рим (Орландо заявил в палате депутатов, что послы сами уехали из Рима), «Оссерваторе Романо» опубликовала (в конце мая 1915 г.) заявление о ненормальном положении папского престола, который не может непосредственно сноситься с представителями части воюющих держав. В связи с этим обсуждался вопрос — не следует ли папе оставить Рим на время войны и принять предложение короля Испании переехать в эту страну. Папа решил остаться в Риме [98].

«Римский вопрос», таким образом, продолжал быть и козырем в антиитальянской политике, и козырем, которым державы пользовались для воздействия на Ватикан. В августе 1916 г. вопрос этот всплыл с новой остротой в связи с занятием по распоряжению итальянского правительства Венецианского дворца в Риме, служившего местопребыванием австро-венгерского посольства при папе. Папский престол обратился по этому поводу с нотой протеста ко всем иностранным представителям при Ватикане. «Наибольшее удивление,— писал 18 (31) августа 1916 г. в Петербург по этому поводу поверенный в делах России при Ватикане Н. Бок,— вызывает необычный конец ноты. Не ограничиваясь протестом, св. престол пытается побудить остальные Державы осудить поведение Италии. Попытка эта, нужно полагать, обречена на полный неуспех. Ни одна из нейтральных, а тем более союзных, держав, как мне представляется, не может откликнуться на него, ибо всякий ответ, даже самый отрицательный, означал бы вмешательство в отношения между итальянским правительством и Ватиканом, в так называемый Римский вопрос» [99].

В то же время в Ватикане спокойно отнеслись к вступлению (в 1916 г.) итальянского депутата-католика Меда в министерство в качестве министра финансов. «...Впервые один из наиболее видных деятелей католического движения стал министром, продолжая при этом пользоваться поддержкой католических орга-

---

[97] A. Hudal. Die östereichische Vatikanbotschaft, S. 294.
[98] D. Gwynn. The Vatican and war in Europe. London, 1940, p. 37.
[99] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 75.

низаций и католической печати»[100]. «Оссерваторе Романо» писала, что Меда — «человек ясных католических принципов», и он, вступая в правительство, «не разошелся с поведением итальянских католиков»: до объявления войны они были «нейтралистами», «когда же была объявлена война Австрии, католики не уклонились от обязанностей добрых граждан»[101], т. е. поддержали войну.

БЕНЕДИКТ XV О ВОЙНЕ

Через месяц после вступления Италии в войну папа Бенедикт XV в беседе с представителем французской газеты «Либертэ» Латапи изложил свои взгляды по наиболее важным вопросам войны. Нелидов сообщал 29 (16) июня, что папа во время этой беседы «с такой неожиданной определенностью высказался относительно всех вопросов, возбужденных нынешней войной, как общественных, о способах и орудиях ведения ее, так и чисто политических, например, о положении св. престола в Риме, что подлинность этого разговора, а в особенности точность его передачи, были немедленно подвергнуты повсеместному опровержению, и с интересом ожидалось опровержение или хотя бы разъяснение со стороны св. престола»[102].

На вопрос корреспондента газеты, почему Ватикан молчит о преступлениях германских войск в Бельгии, папа ответил, что каждое обвинение, выдвинутое против немецких войск, встречает ответное обвинение и что у него нет средств для беспристрастного суждения по этому вопросу. Немцы, сказал он, не являются единственными, которые берут священников в качестве заложников. Папа указал на то, что «русская армия также брала заложников среди католических священников и что в одном случае они выставили вперед полторы тысячи евреев, чтобы двигаться за этой живой стеной против неприятельских пуль»[103]. Относительно обстрела немецкими войсками Лувена и Реймского собора папа сказал, что германское командование объяснило это тем, что немецкие войска были оттуда обстреляны, Реймский же собор был превращен французами в наблюдательный пункт. По поводу потопления «Лузитании» папа заявил, что это, несомненно, большое преступление, но, с другой стороны, блокада центральных держав союзниками имеет целью обречь на голод миллионы невинных людей[104].

---

100 Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии, стр. 411.
101 АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 52.
102 «Международные отношения в эпоху империализма», т. VIII, ч. I, стр. 469.
103 Там же, стр. 248.
104 The annual register for the year 1915. London, 1916, p. 209—210.

По существу папа занял явно прогерманскую позицию во всех затронутых в беседе вопросах.

Интервью папы вызвало протесты представителей держав Антанты при Ватикане. Статс-секретарь Ватикана Гаспарри должен был давать разъяснение. Беседуя с представителем клерикальной газеты «Коррьера д'Италия», кардинал Гаспарри заявил, что Латапи исказил мнение папы, вырвав отдельные высказывания из всего контекста, что папа не высказывался об обвинении, выдвинутом австрийцами в связи с деятельностью русских войск в Галиции, у него нет русских сообщений об этом; что же касается насилий над духовенством и церковью в Бельгии, то ни у папы, ни в его статс-секретариате нет данных от немецкого генерал-губернатора о том, что в Бельгии происходит; папа хотел предотвратить вступление Италии в войну; после того, как она все же в войну вступила, он держится нейтралитета; что же касается потопления «Лузитании», то папа очень скорбит об этом, но не может занять определенной позиции, так как не имеет возможности установить обстоятельства дела [105].

Так поправлял папу его статс-секретарь в связи с его интервью, шедшим вразрез с декларированным Ватиканом нейтралитетом. 13 (26) июня 1915 г. кардинал Гаспарри по своему «собственному почину» пожелал дать объяснение российскому посланнику при Ватикане Нелидову относительно того места разговора папы с Латапи, где речь шла о России. По признанию Гаспарри, это место «в приведенной в печати редакции могло иметь обидный для России смысл». Папа, разъяснял Гаспарри, упоминая об обвинениях, выдвинутых австрийцами относительно действий русских военных властей в Галиции, не имел в виду судить об этом образе действий, либо признать факты достоверными, а хотел лишь на этом примере «доказать невозможность для него произнести определенное суждение о воюющих, в особенности осуждение кого-либо из них» [106].

По настоянию Нелидова газета «Оссерваторе Романо» поместила опровержение российской миссии при Ватикане, относящееся к той части папского интервью, в которой речь шла о действиях русских войск в Галиции. Посланнику Великобритании по его настоянию кардинал статс-секретарь написал письмо, в котором «после объяснений, почему именно папа счел возможным доверительно разговаривать с Латапи, заключается категорическое заявление, что, по мнению св. отца, применяемая Англией против Германии строгая блокада, с запрещением ввоза даже продовольствия для мирного населения, не составляет акта, противного законам, ни юридическим, ни

[105] Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, 1915, p. 1006.
[106] АВПР, ф. Ватикан, д. 50, л. 31.

нравственным (lois divines et lois humanes), и что, следовательно, упоминая об этом в беседе с Латапи, папа не имел в виду высказать, что Англия нарушила эти законы» [107]. Получив это письмо, посол Великобритании Говард заявил о своем намерении опубликовать заключенные в нем разъяснения, но в статс-секретариате решительно против этого возражали, и неудивительно, так как новое разъяснение папского статс-секретаря компрометировало Ватикан не меньше, чем интервью папы.

Бельгийскому послу при Ватикане было написано письмо, «смысл коего сводится к тому, что, хотя св. престол и не имеет возможности высказаться по поводу противоречивых утверждений Бельгии, что ее нейтралитет был нарушен вступлением германских войск, и Германии,— что Бельгия сама, еще раньше войны, его нарушила мнимым соглашением с Англией,— но так как сам германский канцлер в речи в рейхстаге признал вступление войск в Бельгию актом незаконным, оправдываемым лишь военною нуждою,— то само собой разумеется, что военные действия немцев в Бельгии составляют одно из тех беззаконий, которые громко были осуждены папою в его речи в консистории 22 января нов[ого] ст[иля], и что и в беседе своей с Латапи папа не мог думать иначе» [108].

Наконец, пришлось папе поправиться и в своем высказывании относительно Франции. Во время беседы с редактором «Ревью Гебдомадер» г. Лоде (опубликованной в «Фигаро» Зизоля) «папа заверил своего собеседника, что «нейтральность» его не значит равнодушие, что он горячо любит Францию, «не только католическую, но и Францию вообще», и что искренно стремится доказать это при первой возможности».

Сообщая все эти факты, Нелидов сделал следующее заключение: «Таким образом в результате оказалось, что Бенедикту XV пришлось почти везде отказаться от суждений по поводу войны, приписанных ему г. Латапи, и это отсутствие, конечно, не послужило на пользу «высшему нравственному авторитету» св. престола и лишь дало новую пищу бесконечным пересудам печати об истинном отношении папы к европейской войне и преследуемых им при этом побочных целях» [109].

Позиция Ватикана как в вопросе нарушения бельгийского нейтралитета, так и в других вопросах войны вызывала в католических кругах недоумение, особенно среди католиков стран Антанты. В связи с этим в защиту папской позиции 30 мая

---

[107] «Международные отношения в эпоху империализма», т. VIII, ч. I, стр. 470.

[108] Там же, стр. 470—471.

[109] Там же, стр. 469—472.

1915 г. выступил с заявлением изданном затем в форме памфлета, английский кардинал Борн. Он возражал тем, кто критикует позицию папы, в частности за его молчание относительно Бельгии [110]. В оправдание позиции папы появились статьи и других католических деятелей [111].

2 ноября (20 октября) 1915 г. Нелидов сообщал Сазонову о своей беседе с монсеньором Пачелли (с 1939 г.— папа Пий XII), секретарем конгрегации чрезвычайных церковных дел, в связи с появлением в итальянской клерикальной печати статей, в которых выражалась тревога по поводу политики и целей правительства России, в частности его притязаний на Константинополь. Нелидов заявил Пачелли: «Для органа печати, если не признано официозного, то во всяком случае заведомо доступного воздействию св. престола,— этой считающей себя сверхнациональной и принципиально миротворческой власти,— едва ли является подходящею ролью возбуждение щекотливых вопросов и при том в форме, способной вызвать в России неприязненное подозрение, а среди союзников по меньшей мере недоумение...»

О своем разговоре с Пачелли Нелидов пишет, что он «не мог не вынести убеждения, что перспектива возможного водворения России в Царьграде и «креста на св. Софии» составляет ныне очередную заботу католичества» [112].

Ватикан выгораживал германскую военщину. В своем ответе на обращение Фульдской конференции немецких епископов (эта конференция обратилась с верноподданнической телеграммой к Вильгельму II) папа писал 26 сентября 1915 г., что он опечален гибелью людей на войне и разрушениями. Повсюду налицо стремление к миру. С пути, который ведет к миру, писал в том же ответе папа, сбиваются те, кто думает, что им разрешено осуждать письменно или устно действия католиков другой страны [113]. Слова папы, очевидно, были обращены прежде всего против католических деятелей в странах Антанты, которые нападали на германскую военщину и осуждали германский епископат за поддержку им этой военщины.

Ватикан помогал немецким войскам закрепиться в оккупированных ими областях. Это прежде всего относится к Бельгии, население которой было резко настроено против захватчиков. В рождественском послании 1914 г. бельгийский кардинал Мерсье писал об опустошении страны, связанном с втор-

---

[110] D. Gwynn. The Vatican and war in Europe, p. 3—4.

[111] См., например, «The nineteenth century and after», 1915, October, p. 851—861.

[112] «Международные отношения в эпоху империализма», т. IX, стр. 136—137.

[113] Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, 1915, S. 482.

жением немецких армий, о нарушении Германией своих обязательств. Германские власти в оккупированной Бельгии запретили духовенству зачитывать послание Мерсье, а сам он был подвергнут домашнему аресту.

Бельгийские прелаты и католики ждали от папы осуждения действий Германии, но папа этого не сделал [114]. В то же время он добивался, чтобы бельгийский народ примирился со своим положением. Эрцбергер пишет: «Смею сказать, что стараниями курии удалось создать отношение, делавшее возможным сносное сожительство германской военной власти и высшего церковного учреждения Бельгии» [115].

Даже некоторые как будто чисто церковные акты Ватикана были на руку державам Тройственного союза. С самого начала войны шла борьба между союзными державами за привлечение Болгарии на свою сторону. Кончилось дело тем, что в сентябре 1915 г. правительство Болгарии присоединилось к Тройственному союзу, а в октябре того же года Болгария вступила в войну. В марте 1915 г., когда борьба за привлечение Болгарии была особенно острой, Ватикан снял с болгарского короля Фердинанда отлучение от церкви, наложенное на него папой Львом XIII в 1896 г. за переход наследного принца Бориса в православие.

Нелидов писал в связи с этим 9 (22) апреля 1915 г.: «Меня поразило совпадение, что между тем как упомянутая церковная кара постигла болгарского государя в минуту, когда его политика обращалась в сторону России, снимается она с него в момент совершенно обратного политического настроения. Я счел поэтому любопытным запросить кардинала статс-секретаря о подробностях этого «прощения» и почему оно состоялось именно теперь. Кардинал Гаспарри подтвердил мне точность факта, сказав, что никаких подобных соображений при этом не имелось в виду...» [116].

В действительности дело обстояло не так, как заверял кардинал Гаспарри. Российский посланник в Софии Савинский сообщал в секретной телеграмме от 28 марта (10 апреля) 1915 г. о снятии папой отлучения с короля Фердинанда: «Так как эта мера была, по-видимому, проведена при участии австрийского посла в Риме, то, возможно, что ее действительной причиной было желание австрийцев расположить короля, очень тяготившегося отлучением и неоднократно ранее ходатайствовавшего о его снятии» [117].

Влияние австро-германских кругов в Ватикане в годы вой-

---

[114] J. Gregory. On the edge of diplomacy, p. 91.
[115] M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg, S. 204.
[116] АВПР, ф. Ватикан, д. 50, л. 62.
[117] Там же, д. 63, л. 1.

ны усилилось еще больше после избрания в феврале 1915 г. генералом ордена иезуитов графа Ледоховского, немецкого аристократа польского происхождения, связанного с прусской и австрийской землевладельческой знатью и высшими церковными кругами этих стран. Иезуиты и другие католические ордена, вдохновляемые Германией, рассчитывали, по утверждению лорда Берти, что победа Германии и Австро-Венгрии вернет папе значительную часть его былой власти [118].

УЧАСТИЕ ВАТИКАНА В ПОПЫТКАХ ИМПЕРИАЛИСТОВ СГОВОРИТЬСЯ МЕЖДУ СОБОЙ

Уже с 1915 г. в обоих воюющих лагерях среди правящих кругов стала намечаться все более определенная тенденция к сговору, к тому, чтобы выйти из войны и заключить империалистический мир. «Две основные причины вызывали у империалистов потребность прекратить затеянную ими войну; истощение военных ресурсов и рост революционного настроения народных масс...» [119]. В. И. Ленин писал в 1915 г., что буржуазия воюющих стран хочет империалистического, несправедливого мира. «За мир вообще,— писал он,— стоят безусловно все вплоть до Китченера, Жоффра, Гинденбурга и Николая Кровавого, ибо *каждый* из них желает кончить войну: — вопрос именно в том, что каждый ставит империалистические (т. е. грабительские, угнетающие чужие народы) условия мира в пользу «своей» нации» [120].

В противовес буржуазной программе мира Ленин настойчиво пропагандировал программу мира революционной социал-демократии: «Социалисты,— писал Ленин,— должны разъяснять массам невозможность сколько-нибудь демократического мира без ряда революций и без революционной борьбы в каждой стране со *своим* правительством. Вместо того, чтобы позволять буржуазным политиканам обманывать народы фразами о свободе наций,— социалисты должны разъяснять массам *угнетающих* наций безнадежность их освобождения, если они будут помогать угнетению других наций, если не будут признавать и отстаивать права этих наций на самоопределение, т. е. на свободное отделение» [121].

Переговоры о мире велись по различным каналам.

14 января 1915 г. русский посол в Вашингтоне Бахметев телеграфировал в Петербург, что германский посол в Вашингтоне распространяет слухи о готовности Германии прекратить войну на условиях возвращения к состоянию, которое было

---

[118] «The diary of lord Bertie», v. I, p. 299.
[119] «История дипломатии», т. II, стр. 291.
[120] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 262.
[121] Там же, стр. 266.

накануне войны, и что президент США решил послать в Берлин своего личного друга Хауза, чтобы выяснить действительно ли Германия ищет мира и на каких условиях? [122].

На свое сообщение о поездке личного представителя президента США в Берлин английский посол в Вашингтоне получил из Лондона ответ, что «американское правительство выказывает так мало дружбы к Англии и что всякое предложение вмешательства отсюда никак не может быть принято в соображение...» [123].

Услуги посредника между Германией и Россией предлагал и шведский король [124], а также шведские и другие банкиры [125]. В качестве «миротворца» в Европу отправился в конце 1915 г. Форд, о миссии которого Бахметев писал: «Есть также и не безосновательное предположение, что его предприятие не более, чем новое проявление столь изобретательной германской пропаганды...» [126].

Активное участие в закулисных переговорах держав о выходе из войны и заключении мира принял и Ватикан. Еще большее участие он принимал в обмане народов фразами о возможности заключения буржуазией справедливого мира.

В ходе войны в кругах ватиканской иерархии возрастала тревога по поводу растущего в народных массах революционного движения. В Ватикане особенно были глубоко обеспокоены за судьбу австрийской монархии. Эрцбергер сообщает о своем посещении папы в 1915 г.: папа с огорчением говорил о войне «и между прочим заметил: если война протянется долго, то будет социальная революция, какой еще свет не видал» [127].

Таким образом, важнейшим мотивом папского миротворчества было стремление выйти из войны, чтобы предупредить революцию.

Еще в марте 1915 г. Бенедикт XV заявлял, что охотно примет на себя посредничество между Веной и Антантой [128].

Сфорца отмечает, что по мере того, как перспектива победы центральных держав становилась менее вероятной, мир, за который Бенедикт XV выступал с начала войны, становился все более желательным для этих держав. Державы же Антанты этому миру всемерно сопротивлялись [129].

---

[122] «Международные отношения в эпоху империализма», т. VII, ч. 1, стр. 12—13.

[123] Там же, стр. 100.

[124] Там же, стр. 275, 332.

[125] Там же, т. VIII, ч. 2, М., 1935, стр. 104.

[126] Там же, т. IX, М., 1937, стр. 471.

[127] M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg, S. 43.

[128] A. Hudal. Die östereichische Vatikanbotschaft, S. 303.

[129] C. Sforza. Contemporary Italy, S. 203—204.

Правящие классы Германии рассчитывали на папу и его посредничество. Бюлов пишет: «Лучшим посредником для мирных переговоров был бы папа Бенедикт XV, чье дружественное расположение к Германии и к ее австро-венгерскому союзнику было также несомненно, как и его искренняя любовь к миру...» [130]. По словам Бюлова, состоявший при Вильгельме II генерал-адъютант фон Хелиус информировал его о настроении кайзера и при этом писал: «...совершенно доверительно мог бы добавить еще, что здесь существует мнение, что папа выступит весной с предложением мира и своего посредничества. Эта мысль очень нравится его величеству. Естественно, что это могло бы произойти лишь на основе военного status quo» [131].

Российский посланник в Берне Бахерахт сообщал в Петербург 3 ноября (21 октября) 1915 г., что по поводу приезда в Швейцарию представителя германского правительства князя Бюлова циркулируют слухи, будто его цель — выяснить возможность переговоров о мире. «...Более вероятным кажется,— писал Бахерахт,— что князь намерен вести переговоры со святейшим престолом. Вчера он был в знаменитом монастыре Эйнзидель, где имел свидание с папским посланцем Маркетти» [132]. О встречах Бюлова с лицами, имевшими отношение к Ватикану, Бахерахт сообщал и в другой телеграмме, от 25 (12) ноября 1915 г. По его словам, французский посол сообщил ему следующее: «6 декабря (23 ноября) состоится в Ватикане консистория, во время которой, по слухам, папа намерен обратиться с воззванием, призывающим народы к миру. На консистории будет присутствовать кельнский архиепископ кардинал Гартман, и император Вильгельм намерен, будто бы, тогда же издать воззвание, в котором он объявит миру, что Германия согласна прекратить войну, великодушно очистить Бельгию и занятую часть Франции, даровать самостоятельность Польше и для себя требовать лишь свободы морей и колониальных и экономических компенсаций...» [133].

Консистория с участием кардинала Гартмана состоялась в Ватикане 6 декабря 1915 г. В своем выступлении на консистории папа призывал к «справедливому миру», которого можно достигнуть, по его словам, путем уступок с обеих сторон. Нужно, сказал папа, чтобы состоялся обмен мнений между воюющими непосредственно или через посредников.

---

[130] B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. III, S. 266.
[131] Ibid., p. 215
[132] «Международные отношения в период империализма», т IX, стр. 152.
[133] Там же, стр. 357.

Более конкретную мирную программу папы изложил статс-секретарь Ватикана французскому епископу Бодрийяру, посетившему Ватикан в сентябре 1915 г. Программа эта сводилась к следующему: сохранение целостности территории Франции и ее позиции великой державы, независимость Бельгии и целостность ее территории, сохранение Австро-Венгрии, как великой державы, что не исключает уступок с ее стороны Италии, образование Польского государства в границах, в каких обстоятельства этого позволят (как понимал Ватикан этот тезис, дальше будет показано), и такое устройство на Балканах, которое исключало бы влияние России и отстраняло бы ее от проливов и Константинополя [134].

Папские условия мира имели в виду возвращение к предвоенному положению в Европе. Ряд же положений папской «программы мира» был направлен против России.

Ирония судьбы была такова, что в Ватикане были озабочены не только судьбой Австро-Венгерской монархии и кайзеровской Германии, но и Турции, во владении которой тогда находилась Палестина со «святыми местами» в Иерусалиме. В Ватикане предпочитали, чтобы «святые места» находились в руках мусульманской Турции, а не протестантской Англии или Франции. Однако на случай занятия Константинополя союзными войсками Ватикан обратился к французскому правительству с предложением о передаче собора св. Софии в Константинополе католикам восточного обряда [135].

В странах Антанты папские мирные призывы и предложения были расценены как акты, в которых заинтересованы центральные державы. Американский посол в Париже Шарп писал 6 августа 1915 г. в Вашингтон, что «призыв папы к воюющим народам и их руководителям к годовщине войны холодно встречен французской прессой...» [136].

Лансинг, статс-секретарь США, писал 18 августа 1915 г. президенту Вильсону, что в современных условиях, когда Германия и Австро-Венгрия заняли большие территории своих противников, эти державы будут приветствовать выступление нейтральных стран за мир, так как они находятся в лучших условиях, чтобы получить часть захваченной территории и, кроме того, еще компенсации ценностями. Что касается союзников, но они не хотят рассматривать вопрос о мире при теперешнем военном положении. С врагом, оккупировавшим их террито-

---

[134] D. Gwynn. The Vatican and war in Europe, p. 41; H. Johnson. The papacy and the kingdom of Italy, London, 1926, p. 105.

[135] Friedrich Ritter von Lama. Papst und Kurie in ihrer Politik nach dem Weltkriege. Illertissen, 1926, S. 49—54.

[136] Papers relating to the foreign relations of the United States 1915. Washington, 1928, p. 52.

рии, они не в состоянии заключить мир, который их удовлетворит [137].

Лорд Берти записал в своем дневнике 1 августа 1915 г. о папском призыве к миру: кто может быть судьей в том, что папские условия мира благоразумны? Может быть, советники папы думают, что папа посеет несогласие среди католиков Франции, Италии и Бельгии в пользу Германии и Австрии. Во Франции очень недовольны папой. Это может толкнуть на создание независимой от Рима галликанской церкви. Даже священники возмущены отношением папы к Франции [138].

Ватикан возлагал большие надежды на США в своих «миротворческих» планах [139]. Берти записал 5 сентября 1915 г.: «Мне не нравятся пробные шары, настойчиво пускаемые папой, который через кардинала Гиббона льстит тщеславию президента Вильсона, чтобы побудить предложить свои добрые услуги в интересах «хромого мира», который при теперешнем настроении во французской армии и в народе, не будет принят Францией» [140].

Действительно справедливого мира хотели народные массы, трудящиеся. Именно они страдали от ужасов войны и от ее затяжки.

В. И. Ленин писал в феврале (марте) 1915 г.: «Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций» [141].

Ватикан стремился помешать революционной борьбе за мир. Он призывал народы молиться за мир и надеяться на тех, кто развязал войну и кто был заинтересован в том, чтобы закончить войну грабительским миром. Сочувствуя одной группе держав — германо-австрийскому блоку — и всячески ей помогая, Ватикан особенно активно стал выступать в роли посред-

---

[137] Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing papers 1914—1920, v. I, Washington, 1939, p. 13—14.

[138] «The diary of lord Bertie», v. I, p. 209.

[139] См. Papers relating to the foreign relations of the United States 1915, p. 41.

[140] «The diary of lord Bertie, v. I, p. 231. По поручению Ватикана кардинал Гиббон посетил 2 сентября 1915 г. Вильсона и изложил ему точку зрения папы (D. Gwynn. The Vatican and war in Europe, p. 41). Американский посол в Риме сообщил в марте 1915 г., что в Риме ходят слухи о предстоящем назначении официального представителя США в Ватикан («The Lansing Papers», London, v. I, p. 722).

[141] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 141.

ника, чтобы добиться заключения империалистического мира, точнее — сговора между правящими кругами воюющих стран, когда убедился в том, что недовольство народных масс войной может вылиться в революционный взрыв.

В то же время папские призывы к миру находили большой отклик в народных массах, жаждавших мира. Им не были известны закулисная сторона папского миротворчества и движущие силы папской политики. Папство поднимало свой авторитет в глазах народных масс, выступая перед ними в роли борца за мир. Франц Меринг писал в августе 1917 г.: «...возвышая свой увещевающий и предостерегающий голос против войны уже во время самой войны, папа несомненно ведет умнейшую политику, какую только можно вести с папской точки зрения...» [142].

В. И. Ленин писал в конце 1916 г. о начавшемся повороте мировой политики «от империалистической войны к открытому выступлению ряда буржуазных правительств за империалистический мир...» [143]. К этому времени относится также и наибольшая активность ватиканской дипломатии, ее более решительное вмешательство в ход событий, что нашло свое отражение в папской ноте мира от 1 августа 1917 г.

ВАТИКАН И ГЕРМАНСКАЯ НОТА МИРА
(декабрь 1916 г.)

12 декабря 1916 г. германское правительство выступило с официальным предложением начать переговоры о мире. После успехов германских армий в Румынии и на Балканах германские правящие круги считали время благоприятным для заключения мира. Предложение о мире должно было продемонстрировать и «миролюбие» Германии. Оно было также данью все более усиливавшимся в Германии (и в других странах) антивоенным настроениям. «Выступление германской дипломатии преследовало двоякую цель. Во-первых, это был мнимо миролюбивый жест, который в случае отклонения его Антантой, позволил бы заявлять массам, что войну затягивает лишь она одна. Это обосновало бы и подготовлявшееся немцами объявление «беспощадной» подводной войны. Во-вторых, в случае согласия Антанты, германская дипломатия надеялась использовать мирные переговоры, чтобы внести раскол в ряды противников и заключить сепаратный мир с кем-либо из них за счет других членов Антанты. В настоящее время известно, что еще в ноябре 1916 г. между Берлином и Веной были согласо-

---

[142] Франц Меринг. В дни войны. М., 1922, стр. 27

[143] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 197.

ваны те требования, с которыми они выступят на мирной конференции»[144].

Германская и австрийская ноты были переданы при посредстве правительств США, Швейцарии и Испании правительствам воюющих держав. Нота со специальным письмом была направлена также папе. В письме папе заявлялось, что Германия и ее союзники предлагают приступить к мирным переговорам, чтобы прекратить кровопролитие. Письмо заканчивалось восхвалением «миротворчества» папы и заявлением, что «германское правительство считает себя вправе надеяться на то, что инициатива, исходящая от держав четвертного союза, встретит доброжелательное отношение со стороны папы и что их усилия в пользу мира получат возможность опереться на драгоценную поддержку святейшего престола»[145].

Австро-венгерское правительство в свою очередь обратилось к папе с нотой и просило его поддержать мирное выступление центральных держав, что Ватикан и сделал.

Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод, что папа не просто поддержал новую «мирную акцию» Германии, но что сама эта акция была начата с ведома Ватикана.

По словам Эрцбергера, еще в июне 1916 г. он получил поручение от германского статс-секретаря по иностранным делам поставить в известность Ватикан, что германское правительство охотно примет посредничество папы в вопросе о заключении мира[146].

Русский посол в Риме в секретной телеграмме от 3 (16) декабря 1916 г. писал: «Из весьма доверительного источника мне сообщают, что Ватикану было заранее известно о германском выступлении и что ему были сообщены германские условия мира. Весьма авторитетное духовное лицо резюмировало их будто бы следующим образом — по отношению: к Англии, Франции и Бельгии — восстановление положения ante bellum[147]. К Италии предоставление ей Трентино и обеспечение особого положения итальянцев в Триесте; «к России — сохранение нынешней границы на Западе» «uti possidentis»[148] исключительно в пользу Германии и Австрии»[149].

Н. Бок сообщал 7 (20) декабря 1916 г. в Петербург, что во время обычного дипломатического приема кардинал статс-секретарь Гаспарри спросил его, что он скажет про «эту последнюю немецкую бомбу», т. е. про германскую ноту. Бок ответил, что

---

[144] «История дипломатии», т. II, стр. 294.
[145] «Вестник Европы», 1916, декабрь, стр. 363.
[146] M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg, S. 271.
[147] До войны.
[148] По праву владения.
[149] АВПР, ф. Канцелярия 1916, д. 29, ч. 2, л. 643.

кроме газетных известий у него об этом никаких официальных сведений нет, и «тут же я прибавил,— пишет Бок,— что он (т. е. Гаспарри.— *М. Ш.*), очевидно, осведомлен о ней во всех подробностях до причин, вызвавших ее и до предполагаемых условий включительно. На это кардинал статс-секретарь заявил мне, что действительно, немцы нотою... известили св. престол о своем предложении, но что ни подробностей, ни условий он не знает. Искренность последнего заявления кардинала Гаспарри, как мне кажется, может быть подвергнута большому сомнению...» [150].

Бок далее сообщал, что как только немецкое предложение было обнародовано, римская католическая печать стала упорно настаивать на необходимости ознакомления с немецкими условиями, доказывая вред их отклонения без всестороннего обсуждения их приемлемости.

Отмечая, что итальянские католические деятели положительно отнеслись к германской ноте, а «католическая парламентская партия устами своих представителей выразила надежду, что итальянское правительство рассмотрит немецкие предложения с точки зрения соответствия его итальянским интересам», Бок писал: «Трудно предположить, что одно желание мира заставило бы итальянских католиков стать на такую точку зрения и кажется довольно естественной мысль о том, что газеты и круги, вдохновляемые Ватиканом, получили от него указания, что предлагаемый немцами мир выгоден, как католической церкви, так и, до некоторой степени, Италии» [151].

Таким образом, Ватикан был не просто посредником в переговорах, он был осведомлен о планах Германии, о ее условиях мира и добивался, чтобы державы Антанты не отклоняли немецкое предложение.

Кардинал Гаспарри заявил, пишет Ллойд Джордж, что у него есть основание верить в умеренность условий Германии [152]. Большинство кардиналов, отмечает Ллойд Джордж, симпатизирует Австрии.

Американский посол в Риме Пейдж, ссылаясь на хорошо осведомленное лицо, писал 22 января 1917 г. Лансингу, что Ватикан отлично информирован о всех действиях, которые предпринимаются современной дипломатией, и знает о том, на каких именно условиях Германия и Австрия согласятся заключить мир [153]. Пейдж отмечал: «...совершенно ясно, что Ватикан всеми силами работает для Австрии» [154].

---

[150] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, лл. 165—166.
[151] Там же, л. 166.
[152] «War memoirs of David Lloyd George», vol. III, 1934, p. 1105.
[153] «The Lansing papers, v. 1, p. 751.
[154] Ibid.

Германские предложения не были приняты, так как дипломатия стран согласия пришла к выводу, что эти предложения рассчитаны на раскол Антанты.

О том, почему Ватикан настойчиво добивался принятия немецких предложений, Бок писал в депеше от 7 (20) декабря 1916 г. Папа, как глава церкви, писал он, не может не стремиться к миру. К тому же «существует причина узко материальная»: в связи с войной приостановился приток денег из разных стран в папскую казну, так как война разорила наиболее католические страны. Продолжение войны грозит истощением и папской казне. «И, наконец, мир, оканчивающий войну в ничью для остальных и в ущерб России, представляется Ватикану, и во всяком случае очень сильной в нем партии, как мир выгодный для католической церкви» [155].

Насколько далеко шел Ватикан в своем стремлении помочь Германии и Австро-Венгрии выйти без ущерба из войны, свидетельствует проект быстрого окончания войны, с которым папский престол обратился к правительству США как раз в то время, когда правительство Германии выступило со своей нотой мира. 29 декабря 1916 г. Пейдж писал Лансингу, что в разговоре с одним лицом, с которым Пейдж связан, статс-секретарь Ватикана кардинал Гаспарри заявил (причем он знал, что об этом разговоре будет сообщено американскому послу в Риме), что США в состоянии добиться мира в 24 часа. На вопрос, как они могут этого добиться, Гаспарри ответил: «просто, действуя как нейтральное государство на деле, так же, как в теории». Гаспарри далее разъяснил: достаточно США приостановить торговлю с государствами Антанты (поскольку они не могут торговать с центральными державами), и война придет к концу. На возражение, что такой акт будет рассматриваться союзниками, как акт враждебный, Гаспарри ответил, что правительство США найдет выход из положения: оно может заявить, что больше не может посылать амуницию и продовольствие иностранным державам, так как все это нужно для самих США [156].

Эта идея очень занимала ватиканских дипломатов. 20 марта 1917 г. Пейдж писал Лансингу, что тот же самый человек, который к нему приходил в декабре 1916 г. и рассказал о беседе с кардиналом Гаспарри, вновь приходил и изложил ту же идею — как президент США может немедленно приостановить войну путем запрещения вывоза продовольствия и снаряжения. Вскоре после этого Лансинг получил об этом письмо из Ватикана для передачи президенту США [157].

---

[155] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 167.

[156] «The Lansing papers», v. I, p. 744—745.

[157] Ibid., p. 760—761

ВАТИКАН И РОССИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ

В своей депеше от 22 января (4 февраля) 1916 г. российский посланник при Ватикане Нелидов, характеризуя взаимоотношения держав согласия с Ватиканом в годы войны, отметил: «Самым слабым местом держав согласия в Ватикане является Россия...» [158].

Выше уже цитировалось и более позднее донесение поверенного в делах при Ватикане Н. Бока (от 7(20) декабря 1916 г.), что мир в ущерб России представляется Ватикану, или во всяком случае очень сильной в нем партии, весьма выгодным для католической церкви.

Ряд нерешенных вопросов, относящихся к деятельности и положению католической церкви в России, явился причиной трений между Ватиканом и правительством России еще до войны. Немалую роль при этом играло то обстоятельство, что при их решении царское правительство стремилось сохранить господствующее положение православной церкви — государственной церкви в дореволюционной России.

Было бы, однако, неправильно только в этом видеть причину антирусской направленности ватиканской политики в период войны. Война выдвинула ряд новых проблем. Папский престол, связавший себя с центральными державами, был за решение этих проблем в соответствии с интересами этих держав. В числе таких вопросов был и польский вопрос.

Ватикан проявлял большой интерес к положению в Галиции, занятой в начале войны русскими войсками. Интерес этот вызывался не только положением, в каком оказались униатская церковь и ее митрополит граф Андрей Шептицкий, но и тем, что занятие Галиции русскими войсками затрагивало Австро-Венгерскую монархию.

В Ватиканских кругах считали, что победа каолиции держав, в которую входит и Россия, приведет к усилению православия в ущерб католицизму. Нелидов писал в январе 1916 г., что католическая печать с опаской относится к деятельности России в Галиции и к намерениям ее относительно Константинополя; в этом, писал он, сказываются не только враждебные России влияния, но и главным образом страх перед ущербом, который будет нанесен католицизму [159].

Глава униатской церкви в Галиции митрополит граф Андрей Шептицкий осенью 1914 г., после занятия Львова русскими войсками, был выслан в Курск. Деятельность этого церковного иерарха на протяжении многих лет была тесно связана

---

[158] АВПР, ф Ватикан, д. 88, л. 9.
[159] Там же.

с австро-германской политикой и с деятельностью украинских националистов в Галиции.

Правящие круги австро-венгерской монархии рассчитывали, что когда начнется война, митрополит Шептицкий и возглавляемая им униатская церковь окажут серьезную помощь в реализации их планов захвата Украины.

Незадолго до войны Шептицкий составил докладную записку о военном, гражданском и церковном устройстве Украины на случай занятия ее австрийскими войсками[160]. Эта докладная записка, датированная 15 августа 1914 г.[161], начинается так: «Как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины, нам предстоит решить троякую задачу: военной, правовой и церковной организации края». Задача заключается в том, писал Шептицкий, чтобы «возможно полнее отторгнуть от России» украинские области. Митрополит предлагал подчинить Украину Австро-Венгерской монархии, поставив во главе ее по повелению австрийского императора «наиболее выдающегося полководца» австро-венгерской армии в качестве гетмана, опубликовать на Украине австрийское гражданское уложение, а в подкрепление австрийского господства создать самостоятельную украинскую церковь, которая должна быть возможно полнее отделена от русской православной церкви. Ей предписывается молиться за австрийского императора, а не за русского царя, из календаря должны быть вычеркнуты «соответственные (великорусские — московские) святые»; церковные декреты должны быть изданы от имени «митрополита Галицкого и всей Украины», т. е. Шептицкого.

Шептицкий был уверен, что Ватикан одобрит все, что он сделает. «Как митрополит,— писал он в своей записке,— я мог бы это сделать, так как согласно постановлениям[162] восточного церковного права и традициям моих предшественников, я имею право, одобренное и Римом, осуществлять архипасторскую власть во всех этих областях...»

«Рим,— писал далее Шептицкий,— впоследствии согласился бы со всеми этими постановлениями и назначениями[163]. Одобрят их и восточные патриархи (оплаченные правительством)...» («Die Morgenländischen Patriarchen (durch die Regierung gezahlt) werden sie auch approbieren»). В заключение своей записки Шептицкий писал: «Признание всего этого я мог бы провести в Риме, или вернее я уже в значительной части все

---

[160] АВПР, ф. ОПО, д. 161, л. 195.
[161] Там же, лл. 247—249.
[162] В немецком тексте — «Nach den Principien».
[163] Это предложение в немецком тексте зачеркнуто.

это подготовил» («Ich würde[164] deren Anerkennung in Rom dursetzen, oder eher habe ich sie schon zum grössten Teil vorbereitet»)[165].

21 августа 1914 г. Шептицкий обратился с посланием к верующим «пограничных сел и всех галицких епархий», в котором призывал их воевать с Россией, так как католики-униаты «идут в бой за святую веру». «Мы,— писал он,— божьей милостью связаны с австрийским государством и династией Габсбургов»[166].

Для характеристики двуличия этого иерарха можно отметить следующий факт: высланный после занятия Галиции русскими войсками из Галиции, он из Киева обратился к Николаю II с письмом, в котором писал: «Трехмиллионное русское население Галичины приветствует с радостью русских воинов, как своих братьев...»[167].

Чиновник для ведения дипломатической переписки при военном губернаторе Галиции сообщал 28 апреля 1915 г. барону Шиллингу (начальнику канцелярией министра иностранных дел), что найденными у митрополита во Львове документами «устанавливается несомненная связь Шептицкого с Берлином, его деятельность в интересах Австрийского генерального штаба»[168].

Австро-германская пропаганда подняла большую антирусскую кампанию по поводу высылки Шептицкого из Львова и положения униатской церкви в Галиции. К этой кампании присоединились и клерикальные круги, возглавляемые Ватиканом, который большие надежды в деле насаждения католицизма на Украине и в России возлагал на униатство. Нелидов сообщал в Петербург в ноябре 1914 г., что к нему с различных сторон обращаются по вопросу об униатской церкви в Галиции и о Шептицком[169].

В ноябре 1914 г. кардинал статс-секретарь обратился через российского представителя в Ватикане с ходатайством об отправке Шептицкого в Канаду[170].

Со временем Ватикан выдвинул различные варианты освобождения Шептицкого, в частности путем обмена его на находившегося в австрийском плену русского журналиста[171].

В июле 1916 г. кардинал Гаспарри передал российскому представителю при Ватикане три предложения об освобожде-

---

[164] В немецком тексте зачеркнуто «musste».
[165] В немецком тексте зачеркнуто «durchgesetzt».
[166] АВПР, ф. ОПО, д. 161, л. 23.
[167] Там же, л. 49.
[168] Там же, л. 65.
[169] Там же, ф. Канцелярия, 1914, д. 257, л. 161.
[170] Там же, л. 164.
[171] АВПР, ф. Ватикан, д. 87, лл. 16, 19.

нии Шептицкого: 1) предлагалось перевести его в Канаду, 2) перевести в Англию под надзор вестминстерского архиепископа Борна и 3) поселить в Риме, где его обяжут не покидать стен Ватикана [172]. Н. Бок писал в августе 1916 г. в Петербург, что с конца 1914 г. «дело Шептицкого являлось главным осложнением в русско-ватиканских отношениях» [173].

В ноябре 1914 г. папа заявил Нелидову: наверно, «мой друг г-н Сазонов» (министр иностранных дел) «обладает достаточно вескими доказательствами политической виновности митрополита, если допустил его удаление внутрь России, и что он очень желал бы ознакомиться с возведенными на митрополита обвинениями» [174]. В связи с новыми обращениями Ватикана Сазонов в 1916 г. отправил Гаспарри фотографический снимок с найденного в бумагах графа Шептицкого собственноручного черновика его докладной записки, «изобличающей его деятельность, направленную на отторжение от России юго-западных областей» [175].

28 ноября (11 декабря) 1916 г. Н. Бок писал в Петербург, что после письма Сазонова кардиналу статс-секретарю, в котором были даны «исчерпывающие доказательства виновности Шептицкого, подкрепление фотографическими снимками с крайне компрометирующих его документов», вопрос о Шептицком потерял остроту, «как бы отошел на задний план». Вопрос снова обострился в связи с помещением в конце 1916 г. митрополита в православный монастырь (Спасо-Евфимьевский, в Суздале), «под начало и надзор православного архимандрита» [176].

Русско-ватиканские отношения в годы войны были осложнены также вопросом о положении униатской церкви в Галиции. Еще в декабре 1914 г. посол в Риме Крупенский телеграфировал в Петербург: «В влиятельных клерикальных, нам враждебных кругах и печати распространилось и неблагожелательно комментируется известие о насильственном будто бы обращении нами в православие католиков в Галиции...» [177].

12(25) февраля 1915 г. Нелидов сообщал, что клерикальная печать ведет систематическую кампанию против действия русских властей в Галиции, сообщает о принуждении униатов переходить в православие, о ссылке униатских священников [178].

В свою очередь царские военные и гражданские власти собрали (и, судя по переписке, переслали представителю России

[172] АВПР, ф. Ватикан, д. 87, л. 32.
[173] Там же, д. 88, л. 160.
[174] АВПР, ф. Канцелярия, 1914, д. 257, л. 164.
[175] АВПР, ф. ОПО, д. 161, л. 90.
[176] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, лл. 160—161.
[177] АВПР, ф. Канцелярия, 1914, д. 34, л. 149.
[178] АВПР, ф. Ватикан, д. 50, л. II.

при Ватикане) различные факты об арестах немецкими и австро-венгерскими военными властями православных священников на занятых этими войсками территориях России, об ограблении, разрушении и осквернении ими церквей [179]. Каждая сторона уличала другую в неуважениях к религии, гонениях на религию, чтобы скомпрометировать противника в глазах общественного мнения.

В действительности, обе стороны не считались с религиозными чувствами населения занятых областей, хотя правящие классы обеих империалистических групп держав, участвовавших в войне, старались уверить, что они воюют, между прочим, и во имя бога и религии. Австро-венгерское и германское военное командование с одобрения церковных иерархов своих стран не останавливалось перед преследованием духовенства и религиозных учреждений на занятых территориях. В свою очередь правительство и военные власти царской России с одобрения и при активном участии иерархов православной церкви и в интересах последней проводили в Галиции политику насильственного насаждения православия. Митрополит Волынский Евлогий развернул в Галиции активную деятельность, рассчитывая открыть здесь большое число православных приходов [180].

Царизм вел в Галиции такую же империалистическую политику порабощения, какую вела здесь на протяжении десятилетий Австро-Венгерская монархия.

В. И. Ленин указывал на необходимость разоблачать грабительскую политику царской России, так же как и других участвовавших в войне держав. Он писал в 1915 г.: «Кричать о Бельгии и молчать о Галиции есть цинизм» [181]. Еще раньше, осенью 1914 г., В. И. Ленин в письме в «Vorwärts» и в Wiener «Arbeiter Zeitung» писал: «...я, будучи убежден, что долг социалистов каждой страны вести беспощадную борьбу с шовинизмом и патриотизмом собственной (а не только неприятельской) страны, резко нападал на царизм и в связи с этим говорил о свободе Украины. Но смысл моих рассуждений совершенно извращается, если ни одним словом не упомянуть о том, что я говорил о крахе II Интернационала, об оппортунизме и против позиции немецкой и австрийской социал-демократии» [182].

Совсем иной смысл и иные цели имели выступления католической печати (и Ватикана) по поводу действий царских властей в Галиции, в частности в защиту униатской церкви. Ватикан и католическая печать выступали и в данном случае как защитники интересов Австро-Венгерской монархии, но не инте-

---

[179] АВПР, ф. Ватикан, д. 47, лл. 1—27, 33—41.
[180] АВПР, ф. ОПО, д. 162, л. 26.
[181] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 102.
[182] Там же, стр. 25.

ресов украинского народа. Ватикан, как это видно из упомянутой выше записки Шептицкого, поддерживал программу закабаления всей Украины Австро-Венгерской монархией.

Таким образом, в разгоревшейся в годы войны полемике и борьбе вокруг Галиции Ватикан занимал сторону одной из империалистических групп против другой империалистической группы. Эта его позиция ничего общего не имела с подлинными интересами украинского народа, так как ни царизм, ни Австро-Венгерская монархия не хотели предоставления свободы украинскому народу.

Ничего общего с интересами польского народа не имела и позиция Ватикана в польском вопросе в годы войны.

ВАТИКАН И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ни царское правительство России, ни правительство Германии Вильгельма II, ни Австро-Венгерская монархия не хотели свободы и независимости Польши. Царское правительство в начале войны имело в виду «воссоединение» Польши «под скипетром русского царя» [183]. Австрийская монархия стремилась присоединить Польшу к себе, а германский империализм рассчитывал подчинить Польшу себе. Империалисты — душители польского народа — говорили о «свободе» лишь той части Польши, которая была под господством противника, и говорили только для того, чтобы обмануть общественное мнение в нейтральных и в своих странах, обмануть поляков, рассчитывая в то же время на то, что с поражением противника удастся подчинить себе и другие части Польши.

В. И. Ленин писал в 1916 г.: «...Николай Кровавый, Хвостов, Челноков, Милюков и К° вполне за независимость Польши, всей душой за нее *теперь,* когда этот лозунг *на практике* означает лозунг *победы* над Германией, отнявшей у России Польшу» [184].

Ленин разоблачал и меньшевиков-ликвидаторов, которые до войны выступали против лозунга самоопределения наций и против свободы отделения Польши, а теперь, «когда Польша отобрана от России, они *за* «независимость» Польши (от Германии, об этом умалчивается скромно...)» [185].

В другом лагере воюющих держав оппортунисты в социалистических партиях поддерживали программу своей буржуазии и, выступая против угнетения Польши российским царизмом,

[183] Русско-польские отношения в период мировой войны, Центрархив, М., 1926, стр. 17.
[184] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 127.
[185] Там же.

умалчивали об угнетении Польши своими империалистами. В. И. Ленин осуждал Каутского за то, что он протянул руку примирения... «представителю самого грязного немецкого шовинизма, Аустерлицу, отвергая для габсбургской Австрии свободу отделения угнетенных наций, но признавая ее для *русской* Польши...» [186]. Такая позиция, писал Ленин, выгодна Вильгельму и Гинденбургу. «...Каутский признает *свободу отделения* Польши от России,.. но о свободе отделения поляков от Германии он молчит!!!» [187].

Верная пролетарскому интернациональному знамени, большевистская партия во главе с Лениным доказывала, что только победа пролетариата над буржуазией и победа социализма в результате массовой революционной борьбы в каждой воюющей стране принесет свободу угнетенным нациям, принесет свободу и независимость также и польскому народу. «Великоросский (и немецкий) рабочий,— писал В. И. Ленин,— обязан стоять безусловно за свободу отделения Польши, ибо иначе он *на деле, теперь* — лакей Николая II или Гинденбурга. Польский рабочий *мог бы* стоять за отделение *только* условно, ибо спекулировать... на победу той или иной империалистической буржуазии значит становиться ее лакеем» [188].

В годы войны империалисты обоих лагерей стремились привлечь поляков на свою сторону, прибегая для этого к различным маневрам, к обещаниям «свободы», «независимости», «объединения» Польши и т. п.

Польская буржуазия и польские помещики, а также польские буржуазные партии в России, Австро-Венгрии, Германии стояли на стороне империалистов своей страны, делали ставку на их победу. Такую же позицию, враждебную интересам польского народа, занимали польские епископы в этих странах.

Какова же была позиция папства в польском вопросе?

Провозгласив формально нейтралитет в войне, Ватикан старался показывать, что он не находится в союзе ни с одной из сторон и в этом вопросе.

Ватиканские иерархи не скупились на слова о своем сочувствии полякам, о своей любви к Польше, но ни разу за годы войны ни папа, ни его ближайшие сотрудники не сказали во весь голос, что они стоят за свободную и независимую Польшу, независимую и от российского империализма и от германского и австро-венгерского.

В январе 1916 г. в Ватикан прибыли польские буржуазные деятели Роман Дмовский и граф Плятер, оба — сторонники

[186] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 145. Ф. Аустерлиц — один из лидеров австрийской социал-демократии, занимавший в годы войны шовинистическую позицию.

[187] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 154.

[188] Там же, т. 23, стр. 45.

царской России и ее союзников. Российский посол в Риме Гирс сообщал об их приезде (телеграмма от 24 января (6 февраля) 1916 г.): «В Рим они прибыли для выяснения отношения к ним Ватикана. Встретив сперва недоброжелательство, они выехали отсюда под более благоприятным впечатлением. Ватикан одобрил, по их словам, циркулярное послание Варшавского архиепископа, приглашающее духовенство воздерживаться от политической деятельности» [189].

Дмовский и Плятер встретили «недоброжелательство» в Ватикане в коренном вопросе — о будущем Польши. Ватиканские дипломаты обусловили прием их папой обязательством, что они не затронут в беседе с ним политических вопросов, следовательно, и польского вопроса.

В Ватикане существовала весьма влиятельная группа во главе с кардиналом Ледоховским — генералом ордена иезуитов,— которая придерживалась австро-германской ориентации и была за решение польского вопроса в интересах монархии Габсбургов.

Нелидов сообщал 22 января (4 февраля) 1916 г., что одной из целей приезда Дмовского и Плятера — «желание противодействовать австро-германским влияниям в нашей Польше. Хорошо знакомые с австро-германским авторитетом в Ватикане, они будто бы боялись, что Ватикан не только не препятствует, но, быть может, поощряет германо и австрофильские веяния в Польше. По словам их, они нашли ватиканское настроение гораздо менее германо и австрофильским, чем предполагали...» [190].

Оба царских дипломата констатируют, со слов Дмовского и Плятера, что последние, во всяком случае вначале, были встречены холодно в Ватикане. Сам Дмовский более определенно рассказывает о том, как их встретили. Вот что он пишет:

«Наименее сочувственное отношение к нашим стремлениям и нашей позиции я встретил там, где, казалось бы, этого меньше всего можно было ожидать, а именно в Ватикане. У меня было впечатление, что папа Бенедикт XV весьма благожелательно расположен к Польше. Однако я не мог поближе узнать его точку зрения, так как ватиканские дипломаты поставили мне условие, чтобы на аудиенции я не касался вопросов политики. Но беседы с руководителями ватиканской политики более чем достаточно определили их позицию.

Я затрагиваю вопрос, особенно щепетильный для католического государства, но вместе с тем весьма важный и требующий серьезной и четкой трактовки. Я делаю различие между церковью и политикой апостолического престола. Церковь для

---

[189] АВПР, ф. Канцелярия, 1916, д. 29, ч. 1, л. 91

[190] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 12.

католиков является властью, которой они обязаны безоговорочным послушаниям в вопросах веры. Политика же Ватикана является делом человеческим, и, подобно всякому человеческому делу, она не свободна от ошибок и стоит в одном ряду с политикой всякого другого государства. Наибольшее католическое государство обязано чувствовать себя связанным с ней постольку, поскольку она не противоречит благополучию государства и народа. Мне кажется, что ватиканская политика во время войны допустила крупные ошибки, в особенности в отношении Польши.

Позицию Ватикана в отношении Польши лучше всего характеризует беседа, которую я имел в январе 1916 г. с высоким сановником Ватикана, из которой я привожу текстуально ту часть, которая имеет значение для данного вопроса.

Меня спросили:

— Почему вы идете с Россией?

— Потому, что я хочу, чтобы Германия была разбита.

— Зачем вам поражение Германии?

— Потому что иначе не будет объединенной Польши.

— А вы думаете, что объединенная Польша будет счастлива под скипетром российского монарха?

— Я полагаю, что Польша может оставаться под чужой властью только пока она разделена. Объединенная Польша будет и независимой. Стремясь к объединению, мы стремимся к независимой Польше.

В ответ я услышал взрыв смеха.

— Независимая Польша! Но, ведь, это фантазия, несбыточная мечта.

Не скажу, чтобы мое польское ухо было приятно поражено этими словами. Я спросил:

— Что же ваша эминенция нам посоветовала бы?

— Ваше будущее с Австрией...» [191].

Итак, подытоживает Дмовский, отношение Ватикана к вопросу польской независимости можно выразить в словах: «Независимая Польша — это несбыточная мечта, ее будущее — с Австрией» [192]. «Дипломатия Ватикана,— пишет Дмовский,— ...рекомендовала полякам возлагать свои надежды на центральные державы» [193].

Дмовский вносит значительные поправки в сообщения Гирса и Нелидова. Он свидетельствует о том, что ватиканские дипломаты были против независимости Польши и рекомендовали полякам ориентироваться на Австро-Венгрию.

---

[191] R. Dmowski. Pisma, t. V «Polityka Polska i odbudowanie Panstwa», Czestochowa, 1937, l. 259—260.
[192] Ibid., l. 260.
[193] Ibid., l. 252.

«Сочувствие» Ватикана польскому народу выразилось в том, что папа установил в 1916 г. «Польский день», «во время которого во всех католических церквах были вознесены молитвы за Польшу и учинен сбор пожертвований в пользу пострадавшего от войны населения ее» [194].

Польский вопрос решался не молитвами. Призывы папы в 1916 г. «молиться за Польшу», напоминают о его «молитве мира» 1915 г., которую ватиканские дипломаты так истолковали: французы могут понимать «молитву о мире», как молитву о мире в пользу Франции, а немцы, как молитву в пользу Германии. Призыв папы в столь общей форме «молиться за Польшу» означал, что сторонники подчинения Польши австро-германскому блоку могли вкладывать в эту молитву свое толкование, а сторонники царской России — свое.

Польский епископат за подписью архиепископа Варшавского Каковского и ряда епископов в письме папе от 13 января 1916 г. благодарил папу за призывы молиться за Польшу [195] и собирать пожертвования для ее населения.

Политический смысл организаций молебствий заключался в том, что епископат (с одобрения Ватикана) внушал трудящимся полякам молиться, но не заниматься вопросами о судьбе Польши, предоставив решать эти вопросы буржуазии, помещикам и правительствам держав, угнетавших Польшу.

Угнетатели польского народа в обоих лагерях рассчитывали опереться в числе других сил также и на Ватикан и польский епископат. Среди последнего они старались подбирать наиболее преданных им людей. В 1915 г. на познанскую архиепископскую кафедру по соглашению между Ватиканом и кайзеровским правительством был утвержден архиепископ поляк Дальбор [196]. Если иметь в виду, что германские правящие круги тормозили назначение польских иерархов на епископские кафедры, то назначение в разгар войны поляка познанским архиепископом говорило о том, что новый иерарх будет верен германским правящим кругам. В ответной телеграмме рейхсканцлеру, поздравившему его по случаю интронизации, архиепископ Дальбор писал (в сентябре 1915 г.), что он просит бога, чтобы он дал ему возможность так исполнять свои обязанности, «чтобы государство и церковь, его величество кайзер и его святейшество папа увидели осуществление своих ожиданий» [197].

В списке утвержденных (от своего имени и от имени авст-

---

[194] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 22.

[195] Там же, л. 25.

[196] По словам Эрцбергера, кандидатура эта была выдвинута Бенедик-
(M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg, S. 43).
том XV во время беседы с ним, Эрцбергером, в Ватикане в 1915 г.

[197] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1915, S. 476.

рийского императора) кайзером Вильгельмом II в сентябре 1917 г. трех членов регентского совета — «Королевства Польского» — марионеточного органа австро-германского блока — первым фигурировал архиепископ и митрополит Варшавский Каковский (другими членами этого совета были князь Любомирский и крупный помещик Островский).

Как свидетельствует Сфорца, папа Бенедикт XV еще летом 1917 г. надеялся на передачу «польской короны» Австрии [198].

Дипломатия царской России в свою очередь стремилась заручиться поддержкой Ватикана в польском вопросе.

Царские дипломаты считали, что уступками Ватикану в религиозных делах можно заручиться его поддержкой в делах политических, в частности в польском вопросе. Поверенный в делах при Ватикане Н. Бок писал в июне 1916 г. Сазонову, что вероисповедный вопрос составляет «существенную часть польского вопроса» и уступки Ватикану в религиозном вопросе дадут возможность извлекать выгоды и компенсации за уступки [199]. В сохранившейся в архивах «весьма доверительной» докладной записке, «Католическая церковь и воюющие страны», предназначенной для министерства иностранных дел и датированной 13(26) октября 1916 г., проводится идея сотрудничества царского правительства с Ватиканом, в частности в польском вопросе. «...Католическая церковь,— говорится в записке,— будучи первостепенным консервативным элементом с государственной точки зрения в Австрии и Германии, может, при добрых отношениях с Россией, с успехом играть ту же роль для России и в Польше...» [200].

В январе 1917 г. в Ватикан прибыл польский деятель Эразм Пильц, который был принят папой и несколько раз кардиналом статс-секретарем Гаспарри. Пильц изложил папе точку зрения главнейших польских политических партий, в частности руководимой им, Пильцем, партии «реалистов». Партия «реалистов» («угодовцев») представляла интересы крупных польских помещиков и буржуазии и стояла за сотрудничество с царизмом, в котором она видела защиту от революции.

Беседуя с папой, Пильц убеждал его в том, что в интересах католицизма Ватикану нужно поддержать тех польских деятелей, которые ориентируются на царскую Россию, и противодействовать австро-германским планам в Польше. Пильц говорил папе, что «убежденная защитница начал легитимизма, католическая церковь никогда не противилась даже крутым мерам. принимавшимся правительственной властью для подавления националистических движений и не возвышала своего голоса

[198] C. Sforza. Contemporary Italy, p. 205.
[199] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 49.
[200] Там же, д. 104, л. 11.

против самой суровой расправы с их вождями, будь то галичане, чехи, юго-славяне или итальянцы. Оправдывая же означенные преследования, церковь, во имя тех же начал, должна протестовать против австро-германских действий в Польше, направленных к вооружению народа против законного его государя» [201].

Представитель польских помещиков и буржуазии, стоявший за сотрудничество с царизмом, Пильц знал, на какой струне ему в разговоре с папой можно играть. Он напомнил Бенедикту XV, что царизм — это опора легитимизма, «порядка», а церковь всегда отстаивала такие «начала»; он напомнил, что католическая церковь во главе с папством никогда не возражала против «крутых мер» подавления националистических движений галичан, чехов, южных славян. Во имя тех же «начал консерватизма и легитимизма», убеждал он папу, тот должен поддержать царизм в Польше, как «законную власть».

В то время (начало 1917 г.), когда в Польше трудящиеся поднялись на борьбу за свое социальное и национальное освобождение, представители польских помещиков и буржуазии вели антинациональную политику и ориентировались — одни на российские, другие на австрийские или германские правящие круги. И те и другие старались привлечь на свою сторону папский престол. Германские и австрийские военные и правительственные круги к концу войны были заняты подыскиванием короля для Польши и спорили между собой, кому достанется «польская корона» [202]. С интересами польского народа ни германо-австрийский блок, ни державы Антанты не считались,

Национальное освобождение принесла польскому народу Октябрьская социалистическая революция в России, которую так враждебно встретили и в Ватикане и в буржуазно-помещичьих польских кругах.

ПАПСТВО И ЛИТОВСКИЙ ВОПРОС

Германские войска, оккупировавшие в 1915 г. Литву, установили здесь свирепый колониальный режим. Оккупанты беспощадно подавляли рабочее движение. Они держали курс на присоединение Литвы к германской империи и колонизацию ее немцами. Можно сказать, говорится в специальной работе о немецкой оккупации в Литве, что немцы в Литве ни с одной другой группой не нашли лучшего взаимопонимания, чем с литовским католическим духовенством [203], хотя даже такой предан-

---

[201] АВПР, ф. Ватикан, д. 122, лл. 7—8.
[202] M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg, S. 181.
[203] B. Colliander. Die Beziehungen zwischen Litauen und Deutschland während der Okkupation 1915—1918. Abo, 1935, S. 66, 33.

ный кайзеру немецкий католический деятель и активный участник всякого рода планов закабаления Литвы Германией, как Эрцбергер, признает, что отношение немецких оккупационных властей не только к литовскому населению, но и к литовскому духовенству было во многих случаях «прямо скандальным» [204]. Большинство литовского католического духовенства было заодно с теми буржуазными националистами, которые лакействовали перед оккупантами и торговали интересами литовского народа. Среди них уже тогда фигурировал Сметона. Литовские националистические и католические деятели были связаны с правительственными кругами Германии через Эрцбергера, который был поборником «идеи» образования литовского королевства во главе с немецким принцем герцогом фон Урахом.

Некоторые католические литовские деятели, в частности из числа тех, которые стояли за сотрудничество с царской Россией, пытались в годы войны привлечь внимание ватиканских кругов к литовскому вопросу. Но для Ватикана такого вопроса не существовало. Папство рассматривало Литву как часть Польши, и ватиканские иерархи прислушивались к голосу тех реакционных польских деятелей, которые мечтали о подчинении литовских областей польским помещикам и буржуазии.

В мае 1916 г. в Рим прибыл член Государственной думы Ичас, который намеревался беседовать с папой о литовских делах. Н. Бок сообщал, что «не без значительного давления» с его (Бока) стороны папа согласился принять и выслушать Ичаса. «По моему убеждению, подтвержденному между прочим весьма прозрачными намеками осведомленных лиц,— писал Бок,— причина задержки крылась в противодействии этому приему поляков» [205], т. е. влиятельных прогерманских и проавстрийских польских кругов в Ватикане.

Ичас просил папу установить «Литовский день» молитвы, наподобие «Польского дня», чтобы во всех католических церквах молились в этот день за Литву и собирали пожертвования для ее населения. Папа обещал это сделать [206]. Однако, когда в июле того же года к папе обратился об устройстве «Литовского дня» молитвы прибывший в Ватикан делегат американских литовцев Бартуска, Бенедикт XV заявил ему, что он не помнит, чтобы он дал таковое обещание [207]. Лишь в начале 1917 г., когда даже немецкие оккупанты, в связи с усилением борьбы трудящихся Литвы за социальное и национальное освобождение стали приходить к заключению, что методами на-

---

[204] M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg, S. 185.
[205] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 47.
[206] Там же, л. 46.
[207] Там же, л. 54.

сильственной германизации они ничего не добьются, и стали искать иных путей закабаления литовского народа, тогда и Ватикан начал соглашаться с тем, что существует литовский вопрос. Н. Бок сообщал в январе 1917 г. из Рима, что в Ватикан прибыл литовский каноник К. Ольшевский добиться разрешения на устройство «Литовского дня» молитвы. Сначала он «встретил здесь те же затруднения, что и его предшественники», и добился согласия папы лишь «решительностью и энергией» [208].

Папа после долгих колебаний разрешил устроить молебствия за Литву, но, конечно, не это помогло литовскому народу. Победа Октябрьской революции в России принесла национальное освобождение и литовскому народу.

Из всех приведенных фактов явствует, что ватиканские влиятельные круги отрицательно относились к вопросу о литовской самостоятельности. Еще 17 июня 1919 г. представитель белогвардейских «правительств» (Колчака и др.) при Ватикане Лысаковский писал, что Ватикан не может решиться занять определенную позицию в литовском вопросе. «По отношению к Литве,— писал Лысаковский,— св. престол поставлен в очень щекотливое положение, т. к. должен, как мне говорил не без недовольства кардинал (статс-секретарь Гаспарри.— *М. Ш.*), балансировать между польскими притязаниями и отпором против них литовцев» [209].

ЗАИГРЫВАНИЕ ВАТИКАНА С ФРАНЦИЕЙ

До конца войны Ватикан остался верен своим симпатиям центральным державам, своей политике в интересах этих держав. В то же время к концу войны папский престол стал демонстрировать свое расположение к Франции.

9 ноября 1916 г. Н. Бок телеграфировал из Рима, что на 21 ноября назначена консистория и будет возведено в кардинальское достоинство 10 человек; среди этих десяти нет ни одного немца и австрийца, но зато есть три француза. «Последнее обстоятельство,— писал Бок,— в связи с отсутствием в списке новых кардиналов австро-германцев должно произвести самое выгодное впечатление во Франции и других союзных странах» [210].

Возвращаясь к вопросу о предстоящей консистории, Бок писал 6(19) ноября 1916 г.: «Наибольшее впечатление в обнародованном списке (объявленных новых кардиналов.— *М. Ш.*) произвело предстоящее создание трех новых французских кардиналов, доводящее общее количество французских членов

[208] АВПР, ф. Ватикан, д. 122, л. 9.
[209] ЦГАОР, ф. 3696, д. 22, л. 8.
[210] АВПР, ф. Ватикан, д. 87, л. 55.

священной коллегии до давно не бывавшей цифры 8-и. Нет сомнения в том, что таковым своим действием Бенедикт XV хотел дать новое доказательство своего благоволения к Франции и сделать еще один шаг вперед на пути сближения, о желательности коего давно открыто говорят в Ватикане...» [211].

В декабре 1916 г. при возложении кардинальских шляп на прибывших в Рим новых французских кардиналов Бенедикт XV сделал следующее заявление: «...но зачем мы будем молчать, что воздавая почести пастырям, мы желали возвеличить паству? Зачем не сказать нам, что, свидетельствуя наше доброжелательство трем сынам Франции, мы желали подчеркнуть, что пламя любви всегда горячо горит в нашем сердце к родине Хлодвига, Св. Людовика и Иоанны Д'Арк?» Свою патетическую речь Бенедикт XV закончил словами: «Мы счастливы, что укрепили связи ее (Франции.— *М. Ш.)* с св. престолом и мы твердо уверены, что исполнится старинное пожелание «Utinam renoventur gesta Dei per Francos» («О если бы дела господни возродились через франков»!) [212].

В те же дни декабря 1916 г. ватиканская конгрегация ритуалов на торжественном заседании объявила декрет о беатификации туринского «подвижника» Коттоленго и основателя одной из французских католических конгрегаций священника Гарикоа. В речи, произнесенной по этому случаю и обращенной к присутствовавшим французским кардиналам, епископам, священникам и мирянам, папа заверил, что он любит Францию и просил их передать об этом, когда они вернутся домой [213].

Заигрывание с Францией в конце 1916 г. объясняется тем, что к концу войны, считаясь с возможностью поражения Германии, папская дипломатия хотела обеспечить себе поддержку Франции после войны. Но это только часть вопроса. В случае поражения Германии и победы держав Антанты папство опасалось усиления России. Заигрывая с Францией, ватиканские дипломаты имели также в виду вбить клин между Францией и Россией. Имеющиеся документы целиком подтверждают это положение.

В августе 1916 г. в газетах, в том числе католических, появились выдержки из беседы кардинала статс-секретаря Гаспарри с корреспондентом французской газеты «Ле журналь» Хэльсэ об отношении папы к войне, при этом, как писал российский поверенный в делах при Ватикане Бок, были сделаны «намеки на желательность возобновления официальных сношений между св. престолом и Францией, и с выражением похвал французскому духовенству и народу. Как я узнал из достоверного источ-

[211] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 147.
[212] Там же, л. 188.
[213] Там же, л. 189.

ника, статья эта помещена с одобрения кардинала статс-секретаря» [214]. Вслед за этим в бельгийской газете «Ля Бельжик», издававшейся в Голландии, были напечатаны «сенсационные разоблачения, касающиеся разговора одного из французских корреспондентов с тем же кардиналом статс-секретарем. Последний будто бы предостерегал Францию от грозящей ей в случае торжества союзников «русской опасности» и от предстоящего поглощения Россией и славянством французской культуры и католичества и высказал мысль, что только сближение Франции с Ватиканом способно предохранить Европу как от сказанной опасности, так и от «итальянских аппетитов» [215].

«Оссерваторе Романо» тотчас же категорически опровергла это сообщение, но римская корреспондентка газеты «Ля Бельжик» Ирма Казье подтвердила в римской газете «Трибуна» свое первоначальное заявление и вызвалась назвать имя французского журналиста, которому Гаспарри высказал свои мысли, а после вторичного опровержения «Оссерваторе Романо» она заявила, что эти взгляды были кардиналом Гаспарри изложены корреспонденту французской газеты «Ле Журналь» Хэльсэ.

Сообщая об этом, Бок писал, что при первой же встрече с ним кардинал Гаспарри по собственному почину опроверг приписанные ему мысли и решительно протестовал против вложенных ему в уста слов [216]. «Занимательность настоящего объяснения,— писал Бок,— заключается в том, что слова, от которых с таким жаром пришлось отрекаться кардиналу статс-секретарю, были по всей видимости, на самом деле сказаны им. В последнем меня убеждают не только данные, полученные мною через союзных сотоварищей из газетного мира, но и сведения, давно имевшиеся в миссии от ее заслуживающих полного доверия осведомителей. Как о том несколько раз упоминала миссия в своих донесениях, на основании сообщений, делаемых ей время от времени союзными католическими деятелями, «русская опасность», в виде завладения нами Константинополем и проливами и расширения нашего за счет католической Австрии, составляет одну из очередных забот некоторых ватиканских кругов и, в частности, кардинала Гаспарри. Поэтому мне представляется более, чем вероятным, что, принимая г-на Хэльсэ и, страдая иногда неуместной болтливостью, и, как показывает настоящий случай, значительной бестактностью, он заговорил с ним о смущающем его призраке и выставил «угрозу России», как один из доводов в пользу сближения с Фран-

---

[214] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 123.

[215] Там же, л. 123.

[216] При этом, по словам Бока, «про г-жу Казье он отозвался с озлоблением, назвав ее «любовницей» г-на Хэльсэ» (АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 124).

цией. При этом он, конечно, рассчитал на скромность своего собеседника и предполагал, что просмотр корректуры разговора обеспечит его от разглашения мест, не подлежащих огласке. Расчет, как оказалось, не оправдался. Г. Хэльсэ, возможно, что движимый патриотизмом и чувством солидарности с союзниками,— счел нужным обнародовать через третье лицо то, чего он сам, по тем или иным причинам не мог огласить, чем, конечно, безмерно подвел кардинала статс-секретаря, вынудив его к тому же к отречению от собственных слов...»[217].

Спекуляция на «русской опасности», как видно из этих материалов, для ватиканской дипломатии дело не новое. Спекуляцией на «русской опасности» папский престол стал заниматься в особенно больших масштабах после победы пролетарской революции в России.

ВАТИКАН И БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Хотя ватиканские иерархи считают наследственную монархию наилучшей формой правления, а революцию народа рассматривают как явление, противоречащее церковному учению об обществе, они тем не менее спокойно отнеслись к началу революции в России и свержению царизма в феврале 1917 г.

Вот что писал поверенный в делах России при Ватикане Н. Бок 18(31) марта 1917 г. министру иностранных дел временного правительства П. Н. Милюкову о том, как отнеслись в Ватикане к революции в России: «Нет сомнения, что в Ватикане были подготовлены к совершившемуся у нас перевороту и что известие о нашей революции не явилось для него совершенно неожиданным, хотя и время ее и форма, в кою она вылилась, вряд ли могли быть предугаданы им...»[218].

Сообщение о революции в России, по словам Бока, произвело в Ватикане «смешанное впечатление», но преобладающим явилось «чувство эгоистической радости за интересы католической церкви». В Ватикане рассчитывали, что с падением царизма будут отменены особые привилегии государственной православной церкви, что откроет папству возможность для осуществления его давних планов насаждения католицизма в России. Падение царского строя, писал в той же депеше Бок, означает для Ватикана «открытие новой эры свободы католичества в России»[219].

Но одновременно с этим в Ватикане, как и в правящих кругах стран Европы и Америки, опасались, что революция в Рос-

[217] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 124—125.
[218] Там же, д. 122, л. 24.
[219] Там же.

сии не остановится на свержении монархии и установлении буржуазного господства.

«Второе чувство, замеченное мною за эти дни в Ватикане,— писал Бок,— чувство опасения за крайность нашего движения. Впечатление это я вынес и из бесед с здешними иерархами и из чтения католической печати. Мало знакомое с Россией и русским народом, здешнее духовенство, и в особенности наиболее консервативные его представители, не только поражены быстротою и радикальностью небывалого в истории переворота, но и обеспокоены за дальнейшее его развитие, причем именно незнакомство с Россией заставляет их сравнивать ее с Францией 18-го века и опасаться, как бы наша революция не уподобилась бы впоследствии французской и не увлекла бы за собою и другие страны...» [220].

Страх перед углублением революции в России и перед тем, что она окажет большое влияние на другие страны, был не последней причиной миротворчества папского престола в 1917 г.

В Ватикане рассчитывали, что выход России из войны не только облегчит положение центральных держав (Германии и Австро-Венгрии), интересы которых были все еще близки Ватикану, но и ускорит окончание войны и даст возможность переключить армии на подавление революционного движения в России и во всей Европе.

Февральская революция не положила конца войне. Временное буржуазное правительство, связанное договорами с капиталистами Англии и Франции, не хотело, чтобы Россия вышла из войны. Это обстоятельство вызывало известное разочарование в Ватикане.

В той же депеше от 18 (31) марта 1917 г. Бок писал Милюкову, что третье чувство, вызванное в Ватикане известиями из России, это чувство разочарования: «...ватиканские миролюбцы лелеяли надежду, что Российский переворот ускорит дело мира». Обнаружившаяся ошибочность этих расчетов не могла «не пробудить в них разочарования» [221].

В другой депеше от 18 (31) марта 1917 г. Бок писал Милюкову, что по его поручению он сообщил кардиналу статс-секретарю о революции в России. Кардинал Гаспарри выразил «удивление и удовольствие» по поводу быстроты переворота и сравнительной ничтожности числа жертв и радость по поводу отмены вероисповедных ограничений; он выразил также уверенность, что при новом строе отношения между Россией и св. престолом улучшатся [222].

Временное правительство не упразднило привилегий право-

---

[220] АВПР, ф. Ватикан, д. 122, л. 25.
[221] Там же.
[222] Там же, л. 26

славной церкви, как и не провело отделения церкви от государства. В то же время в апреле 1917 г. под председательством проф. С. А. Котляревского была создана при министерстве внутренних дел комиссия для пересмотра действующих в России законов о римско-католической церкви.

Папский престол рассчитывал на то, что сможет оказать свое влияние на законодательную деятельность Временного правительства в религиозном вопросе. С этой целью в июне 1917 г. российскому представителю при папском престоле был вручен для передачи Временному правительству меморандум по вопросам, относящимся к положению католической церкви в России, пересмотра которых Ватикан добивался [223]. В основу меморандума легли те же требования, которые были выдвинуты папским престолом в меморандумах, врученных царскому правительству в 1912 и 1913 гг. Речь шла в значительной мере о чисто религиозных вопросах, как, например, о смешанных браках (католиков с некатоликами) и религиозной принадлежности детей, родившихся от таких браков, о допущении в определенных случаях русского языка в католическое богослужение, о праве свободного перехода в католицизм, о языке религиозного обучения и ряде других.

Царское правительство, как уже было отмечено, ревниво следившее за сохранением привилегированного положения православной церкви, все преимущества отдавало в перечисленных (как и во всех других) вопросах этой церкви. На этой, в частности, почве и возникали трения с Ватиканом. Временное правительство не отделило церковь от государства, тем самым многие из спорных вопросов остались нерешенными и после свержения царизма. О них и шла речь в меморандуме папского престола.

В папском меморандуме временному правительству выдвигались и такие требования, как разрешение непосредственной переписки верующих и епископов с папским престолом, разрешение деятельности епископов за пределами их епархий и беспрепятственной деятельности религиозных орденов и католических обществ, обучения католицизму вне церкви и школы и т. д.

Курия, как это видно, в частности, и из ее меморандума, намеревалась воспользоваться новыми условиями, чтобы развернуть активную пропаганду католицизма в России. Для направления этой деятельностью в мае 1917 г. в Ватикане была создана конгрегация по делам восточной церкви. 13 (26) мая 1917 г. Бок телеграфировал в Петербург, что римские газеты сообщают «о предстоящем учреждении новой конгрегации,

---

[223] АВПР, ф. Ватикан, лл. 37—39.

имеющей задачей сближение с восточными церквами. Запрошенный мною по этому поводу кардинал Марини подтвердил мне на днях правильность упомянутых известий и сообщил, что, применяясь к изменившимся обстоятельствам и, в частности, к свободе, дарованной церкви России, он предложил папе, вместо задуманного им ранее института... создать самостоятельную «Конгрегацию Восточного обряда» [224]. Разработанный Марини проект одобрен папой, сообщал Бок, «и вероятно в скором времени будет осуществлен». «В круг ведения новой конгрегации,— сообщал он далее,— войдут имеющиеся быть переданные ей из Конгрегации пропаганды дела католиков восточных обрядов, а также вопросы взаимного ознакомления, сближения и соединения католической церкви с восточными церквами. По слухам, префектом конгрегации будет сам папа; секретарем ее кардинал Марини» [225].

Конгрегация по делам восточной церкви была создана и, начиная с октября 1917 г., стала одним из центров организации антисоветской деятельности Ватикана. Важно отметить, что сами ватиканские иерархи, как это видно из приведенной телеграммы российского поверенного в делах при Ватикане, признавали, что создание конгрегации по делам восточной церкви было вызвано событиями в России и стремлением папства повести здесь широкую католическую пропаганду.

Большие надежды возлагались при этом Ватиканом на униатскую церковь и ее главу митрополита графа Андрея Шептицкого.

8 марта 1917 г. состоялось постановление временного правительства «Немедленно освободить из заточения униатского митрополита Галиции гр. Шептицкого». Появившись в Петербурге, митрополит сейчас же принялся за создание униатской церкви, опоры Ватикана и орудия распространения католицизма в России. Он занялся вербовкой («рукоположением») униатских священников, посвятил в сан епископа своего секретаря Л. И. Федорова и назначил его экзархом, т. е. главой, греко-католической церкви в России.

Федоров, теперь как глава униатской церкви, возбудил ходатайство перед министерством исповеданий об ежегодном отпуске из казны средств на содержание личного состава духовенства греко-католического обряда, о предоставлении в Петрограде помещений под греко-католическую церковь, под канцелярию экзарха и квартиры для подведомственных ему священников, о выдаче настоятелям приходов греко-католических церквей метрических книг, о предоставлении ему, Федорову,

---

[224] АВПР, ф. Ватикан, д. 136, л. 2.
[225] Там же.

права снабжать греко-католических священников паспортами и выдаче ему для этой цели паспортных книжек и др.[226].

Сообщая обо всем этом 12 октября 1917 г. министру иностранных дел Терещенко, министр исповеданий Карташев отмечал, что удовлетворение всех этих ходатайств встречает препятствия, так как епископат и апостолический администратор назначаются Ватиканом по соглашению с русским правительством; греко-католическое же исповедание, строго говоря, «не имеет еще полномочного духовного представителя, назначенного в таком именно порядке». Карташев просил дипломатическим путем выяснить намерения Ватикана в отношении организации в России духовного управления католиков восточного обряда (т. е. униатской церкви), а также кто будет поставлен во главе этого управления[227].

Соглашения с Ватиканом по этим вопросам еще не существовало, и поведение Шептицкого вызывало возражения. Н. Бок писал из Рима 4(17) июля 1917 г. министру иностранных дел Терещенко о деятельности Шептицкого, что «здешним русским католикам» непонятно «как может австриец во время войны организовать русскую церковь, подчинять себе русское духовенство и русских мирян и, как говорилось в старинных актах, «отправлять над ними епископскую расправу, тем более, что австриец этот не только набожный пастырь, но в то же время сенатор вражеской монархии и глава политической партии, доброжелательство которой к России весьма для них сомнительно»[228].

В Ватикане делали вид, что там не одобряют бурную деятельность Шептицкого в России. Эта деятельность, писал Бок, «действительно, не может не причинять бескопойства св. Престолу. Ведь как ни как, но на Россию Ватикан никогда не перестанет смотреть, как на тучную ниву, которая может дать ему когда-нибудь обильную жатву. Игра же Шептицкого способна повредить таким расчетам. Слишком ярко клеймо его на прививаемом им католицизме, клеймо, если не австрофильства, то украинского сепаратизма, клеймо, дающее сильное оружие против католичества всем врагам его...»[229].

В Ватикане, чтобы успокоить представителя Временного правительства, утверждали, что Шептицкий действует самовольно, без ведома римской курии. Н. Бок сообщал о своей беседе с статс-секретарем кардиналом Гаспарри, который «ждет его (Шептицкого.— *М. Ш.*) с нетерпением, чтобы осудить его за превышение власти и чтобы пресечь его вмешательство в русские дела. Как сказал мне кардинал Гаспарри еще сегодня,

[226] АВПР, ф. Ватикан, д. 155, лл. 1—2.
[227] Там же, л. 2.
[228] Там же, д. 122, л. 59.
[229] Там же, л. 60.

никаких полномочий Ватикана для России Львовский митрополит не имеет»[230].

Трудно представить себе, чтобы при той централизации и беспрекословном подчинении Риму, которая существует в католической иерархии, митрополит Шептицкий действовал самовольно. Выше уже было отмечено, что в докладной записке, составленной в августе 1914 г. для австро-венгерского и германского императоров, в которой излагался план захвата Украины, Шептицкий писал, что признание всех предложенных им мероприятий он «мог бы провести в Риме, или вернее ... уже в значительной части все это подготовил». В той же записке он писал о своих планах создания униатской церкви на Украине: «Как митрополит я мог бы это сделать, так как согласно постановлениям восточного церковного права и традициям моих предшественников, я имею право, одобренное и Римом, осуществлять архипастырскую власть во всех этих областях»[231].

Несомненно, что митрополит действовал с ведома и одобрения папского престола.

Н. Бок писал министру иностранных дел Терещенко, что вопрос о полномочиях Шептицкого темен: «Ватикан не рассеял сомнений здешних русских католиков, ответив, что ничего не знает о деятельности Шептицкого в России и что никогда не давал ему никаких по отношению к ней прав»[232].

Создав униатскую иерархию и подготовив почву для католической пропаганды, Шептицкий уехал в августе 1917 г. в Швейцарию, предоставив назначенному им экзарху Федорову активно действовать в деле распространения униатства.

21 августа (3 сентября) 1917 г. российский поверенный в делах в Париже Севастопуло телеграфировал, что по полученным им сведениям папа намерен возвести Шептицкого в кардинальское достоинство и поставить во главе дела католической пропаганды в России: «Ватикан считает,— писал Севастопуло,— что создавшееся у нас положение, представляет особенно благоприятные условия для такой пропаганды»[233]. На этой телеграмме товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов написал: «Телеграфировать Боку об этом и поручить ему сде-

---

[230] АВПР, ф. Ватикан, д. 122, л. 61. В современной католической литературе прямо говорится, что Шептицкий действовал в 1917 г. в России на основании власти, полученной им прежде от Пия X, и что на основании той же власти он назначил Л. Федорова своим экзархом для России (см. об этом изданную с разрешения архиепископа Балтиморы и церковной цензуры книгу Mary Just. Rome and Russia. Westminster — Maryland, 1954, p. 152).

[231] АВПР, ф. ОПО, д. 161, л. 248.

[232] АВПР, ф. Ватикан, д. 122, л. 60.

[233] АВПР, ф. ОПО, д. 161, л. 202.

лать так, чтобы возведение Шептицкого в кардинальский сан... не состоялось, указав также на услугу, которую оказало Временное правительство Ватикану, выпустив Шептицкого...»

После Октябрьской революции Шептицкий вновь обосновался во Львове, где до самой своей смерти (1944 г.) возглавлял униатскую церковь и играл немалую роль в антисоветской политике папства и буржуазных государств.

ПАПСКАЯ НОТА МИРА ОТ 1 АВГУСТА 1917 г.

По мере углубления русской революции и нарастания революционного протеста народных масс против войны во всех воюющих странах папский престол все более активно вмешивался в ход событий, имея в виду спасти от военного разгрома центральные державы и сплотить силы буржуазии против революции. Этими целями и была вызвана папская нота мира от 1 августа 1917 г.

1 августа 1917 г. папа Бенедикт XV обратился к правительствам воюющих стран с нотой о заключении мира. В папской ноте содержалась и программа мира. Этот акт папы был неразрывно связан со всем ходом войны и политикой участвовавших в ней держав.

В правящих кругах обоих воюющих лагерей все более и более намечалась тенденция добиться скорейшего окончания войны из опасения того, что недовольство народных масс выльется в революцию. В январе 1917 г. В. И. Ленин писал, что наступил «поворот в мировой политике *от империалистической войны,* наградившей народы величайшими бедствиями и величайшим предательством социализма господами Плехановыми, Альбертами Тома, Легинами, Шейдеманами и пр., *к империалистическому миру,* который имеет наградить народы величайшим обманом добреньких фраз, полуреформ, полууступочек и т. п.» [234].

Два главнейших обстоятельства побуждали буржуазию спешить с окончанием войны: истощение военных ресурсов и рост революционных настроений в народных массах, страх перед революцией.

Папское посредничество о мире также было продиктовано страхом перед революцией. Конечно, как глава церкви, провозгласивший формально политику нейтралитета, папа мотивировал свое выступление за скорейшее окончание войны только религиозными и человеколюбивыми целями. В действительности еще бóльшую роль в папском «миротворчестве» в

---

[234] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 256—257.

1917 г. играли политические мотивы: ватиканские иерархи, хорошо информированные через свою церковную агентуру о настроениях в воюющих странах, были встревожены тем, что вражда народных масс к войне повсеместно выльется в революцию, уже одержавшую первые успехи в России. Революционные выступления в самой Италии еще больше убедили папу в необходимости окончить войну.

В папском посредничестве между воюющими державами в пользу окончания войны в 1917 г. активную роль сыграл нунций в Баварии Евгений Пачелли.

В конце апреля 1917 г. Пачелли — тогда помощник статс-секретаря Ватикана — был послан нунцием в Мюнхен. Поверенный в делах России при Ватикане еще в ноябре 1916 г. сообщал, что разнесся слух о предстоящем назначении Пачелли нунцием в Мюнхен. «Как мне довелось узнать из достоверного источника, баварское правительство и, в частности, проживающий в Лугано посланник его барон Риттер, домогались назначения его» (т. е. Пачелли) [235]. В ноябре 1916 г. назначение Пачелли нунцием не состоялось. Лишь в апреле 1917 г., когда положение в воюющих странах ухудшилось, Пачелли был направлен нунцием в Мюнхен. Он должен был установить личный контакт с влиятельными политическими деятелями Германии и добиться поддержки папской «мирной инициативы». При этом в Ватикане предполагалось, что мир с Германией само собой разумеется привел бы к миру и с Австрией [236].

Секретные переговоры между агентами различных воюющих держав к тому времени уже велись.

26 июня 1917 г. Пачелли встретился с германским канцлером Бетманом Гольвегом. Беседа шла о германских условиях мира. Эрцбергер пишет: «Встреча между Бетманом Гольвегом и нунцием привела к пространному обмену мнениями о конкретных условиях мира» [237].

29 июня Пачелли встретился о кайзером Вильгельмом II. Об этой встрече Вильгельм II рассказывает в своих мемуарах [238]. «Очень скоро,— пишет Вильгельм,— разговор стал вращаться вокруг вопроса о мирном посредничестве и достижении мира, причем затрагивались, обсуждались и забраковывались различного рода проекты и возможности». Наконец, Вильгельм предложил, чтобы папа сделал попытку выступить в пользу заключения мира. Вильгельм советовал нунцию, как это сделать и с чего начинать. Папа как глава всех римских католиков «должен в первую очередь попытаться побудить своих священ-

---

[235] АВПР, ф. Ватикан, д. 88, л. 141.
[236] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschafts, S. 305.
[237] M. Erzberger. Erlebnisse im Weltkrieg, S. 274.
[238] Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten. 1878—1919, S. 223—230.

ников во всех странах изгнать из человеческих душ ненависть, которая является величайшим препятствием на пути к миру». Пачелли «нашел эту идею безусловно удачной и достойной внимания, полагая лишь, что будет трудно привлечь к этому различные епископаты». Пачелли знал, что в каждой стране епископы основательно связали себя с военными делами правящих классов, и не был уверен в миротворческом рвении епископов. Пачелли спросил у Вильгельма, как, помимо предлагаемого им шага, папа мог бы участвовать в установлении мира? Вильгельм II посоветовал расколоть фронт Антанты, оторвать от нее Италию и способствовать сепаратным итало-австрийским переговорам. «...Италия и Австрия,— убеждал Вильгельм II Пачелли,— это два римско-католических государства, на которые папа мог бы легко и сильно повлиять... Мне кажется, что папе было бы не трудно по крайней мере попытаться положить начало тому, чтобы эти две страны вступили в мирные переговоры». А затем другие державы последовали бы этому призыву.

Пачелли возразил, что практически папа сделать что-либо для мира не может, что папа, к сожалению, не свободен, что прямых сношений с Италией у него нет и что «если бы он имел собственную страну или по меньшей мере собственный округ, где он мог бы автономно управлять и свободно распоряжаться и господствовать, то положение было бы совершенно иным, теперь же он слишком зависит от светского Рима и не может поступать так, как он желает».

Пачелли заговорил с Вильгельмом о «Римском вопросе», о притязаниях папы на восстановление его светской власти. Вильгельм II не преминул ухватиться за этот аргумент. Он заявил, что если папе удастся осуществить задачу достижения мира, «то благодарные ему народы, конечно, после заключения мира, охотно поддержат перед итальянским правительством его желание независимости». Вильгельм II вновь пустил в ход «римский козырь» — обещание решить «Римский вопрос» в интересах папства. Эти слова «произвели впечатление на нунция,— замечает Вильгельм,— и он сказал, что я все же прав, и что папа должен что-нибудь сделать в этом вопросе».

Наконец, Вильгельм II выдвинул еще один веский аргумент в пользу папского выступления: во всем мире сильно стремление к миру, и «если папа ничего не сделает (в пользу мира.— *М. Ш.*),— сказал он нунцию,— то возникает опасность, что к миру вынудят социалисты, и тогда наступит конец господствующему положению папы и римской церкви даже среди католиков». Вильгельм пугал нунция «социалистической опасностью», что «народы, наконец, сами возьмут это дело в свои руки. Это совершилось бы, как показывает история, не без

опасных потрясений и переворотов и не оставило бы незатронутыми также и римскую церковь и папство...» [239].

Вильгельм отмечает, что этот аргумент подействовал на нунция. Он заявил, что немедленно сообщит Ватикану об этих соображениях и сам выступит в пользу немедленных действий папы.

Свидетельство Вильгельма II показывает, что папское мирное выступление в августе 1917 г. было сделано при участии правящих кругов Германии.

Если во всех воюющих странах положение становилось неустойчивым и тревожным для господствующей буржуазии, то особенно тревожным оно стало в Австро-Венгрии и Германии, военное положение которых ухудшилось после вступления в апреле 1917 г. США в войну на стороне держав Антанты.

Папа с особой тревогой следил за положением в Австро-Венгрии [240]. В начале 1917 г., пишет Худаль, стала известна секретная записка австро-венгерского министра иностранных дел Чернина, в которой он писал императору Карлу, что Австрия может ждать еще несколько недель, что надо искать возможности вести переговоры с Парижем и Петербургом и сделать все, чтобы предотвратить крушение монархии [241]. Эти факты были хорошо известны и в Ватикане и вызывали тревогу за судьбу монархии Габсбургов.

Все эти обстоятельства и толкнули папу на выступление с нотой мира, основные положения которой были намечены при встречах Пачелли с ведущими политическими деятелями Германии.

Папская нота начинается с заявления, что все годы войны папа соблюдал полное беспристрастное ко всем воюющим странам отношение и еще в конце первого года войны звал к справедливому и почетному миру. Теперь папа снова обращается «к вождям народов» «с предложениями более конкретными и практичными» и приглашает их согласиться на следующих пунктах, как основы для прочного и справедливого мира: 1) заключение соглашения об одновременном и взаимном сокращении вооружений; 2) уничтожение всех препятствий к международным путям сообщений и полная свобода морей; 3) «что касается исправления ущерба и военного вознаграждения, то единственным способом разрешения этого вопроса является признание принципа полного и взаимного отказа от них»; 4) взаимное возвращение занятых теперь территорий. «Следовательно, со стороны Германии совершенное очищение Бель-

---

[239] Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten. 1878—1918, S. 229.

[240] A. H u d a l. Die österreichische Vatikanbotschaft, S. 303.

[241] Ibid., S. 306; см. также Т. М а с а р и к. Мировая революция, т. II. Прага, 1927, стр. 9.

гии с ее полной политической, военной и экономической независимостью по отношению к какой бы то ни было державе; равным образом очищение французской территории; со стороны остальных воюющих держав подобное же возвращение германских колоний». В следующих пунктах папа предлагал «в примирительном духе», «в пределах справедливого и возможного» разрешить территориальные споры между Австрией и Италией, Германией и Францией, а также вопросы «Армении, Балканских государств и земель, входивших в состав старого Государства Польского» [242].

Папская нота встретила отрицательные отклики в правящих кругах стран Антанты, где предложения папы были оценены как соответствующие интересам Германии и Австро-Венгрии. Положительное отношение папское выступление встретило в правящих кругах Австро-Венгрии. Что касается германской военщины, то еще накануне полного своего разгрома она не хотела выпустить из рук захваченной добычи, и прежде всего Бельгии.

Ллойд Джордж пишет, что английская пресса встретила папскую ноту «с уважением, но недружелюбно», предполагая, что Ватикан более расположен к центральным державам. «Таймс» писал, что нота должна быть отвергнута как «пронемецкая и антисоюзническая» [243].

Клемансо назвал папские мирные предложения «германским миром», «миром против Франции», «миром против народов Антанты» [244]. По словам лорда Берти, маркиз Советоль (был до 1910 г. послом Португалии в Лондоне) сказал ему, что «каким бы добрым католиком он ни был, он не может принять папских мирных предложений, которые являются австрогерманскими [245].

Характерно, что в папских условиях мира предусматривалось очищение германскими войсками занятой ими французской территории, но не предусматривалось очищение ими занятых территорий России.

Посол России в Риме Гирс телеграфировал 30 июля (12 августа) 1917 г., что папский престол «поспешил воспользоваться самым неблагоприятным для нас моментом временного ослабления нашей армии и очищения Галиции, чтобы выступить с предложениями, вся тяжесть коих падает почти исключительно на Россию и все выгоды приходятся на долю наших врагов. Если до сих пор Ватикан старался сохранить хотя бы вид бес-

---

[242] АВПР, ф. Ватикан, д. 145, лл. 4—7; см. также H. Johnson. Vatican diplomacy in the world war. Oxford, p. 26—28.

[243] War memoirs of David Lloyd George, v. IV, p. 2058.

[244] H. Johnson. Vatican diplomacy in the world war, p. 30.

[245] «The diary of lord Bertie». v. II, London, p. 167.

пристрастия между воюющими сторонами, то этим выступлением он несомненно перешел на сторону центральных империй» [246].

Н. Бок телеграфировал 31 июля (13 августа), что в беседе с Гаспарри о ватиканских мирных предложениях он не мог не выразить своего «недоумения по поводу упущения в четвертом пункте требования об очищении русской территории, занятой австро-германцами» [247].

В правящих кругах Антанты были убеждены, что папская нота и выдвинутые им условия мира вырабатывались Ватиканом при участии Берлина. Лансинг писал Вильсону 13 августа 1917 г.: «Мое личное впечатление, что эта (папская.— *М. Ш.*) декларация об условиях мира исходит от Австро-Венгрии и, возможно, санкционирована германским правительством» [248]. В письме к Вильсону от 20 августа 1917 г. Лансинг писал, что после тщательного анализа он пришел к выводу, что папское обращение «практически не идет дальше декабрьских мирных предложений Германии» [249].

Полковник Хауз, ближайший помощник и сотрудник президента Вильсона, писал французскому послу в Америке: «Я думаю, что вы правы в вашем предположении, что мирные предложения (папы.— *М. Ш.*) инспирированы Австрией. Я не столь уверен, что Германия тоже приложила к ним руку...» [250].

Отрицательно была встречена папская нота и в правящих кругах Италии. «Соннино разослал всем итальянским посольствам и миссиям длинный циркуляр по поводу папской ноты. В циркуляре «при всем уважении к св. отцу и его добрым намерениям», он заявляет, что трудно было выбрать более неподходящий момент для его выступления» [251].

Российский посланник при бельгийском дворе телеграфировал 11(24) августа 1917 г. из Гавра, что в разговоре с ним по поводу папской ноты мира бельгийский министр иностранных дел барон Броквиль сказал, что «она, очевидно, составлена с ведома Германии, иначе не могла бы так определенно выражаться о восстановлении Бельгии. Барон Броквиль утверждает, что имеет положительные указания того, что германское правительство уже убедилось в неизбежности для себя признания

---

[246] АВПР, ф. Ватикан, д. 145, л. 8.
[247] Там же, л. 9.
[248] Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing papers, v. II, Waschington, 1940, p. 43.
[249] Ibid., p. 44.
[250] Архив полковника Хауза, т. III, М., 1939, стр. 116.
[251] Л. Альдрованди Марескотти. Дипломатическая война. М., 1944, стр. 89.

полной государственной и экономической независимости Бельгии...»[252].

Н. Бок телеграфировал 31 июля (13 августа) из Рима: кардинал Гаспарри «старался уверить меня, что они (папские условия мира.— *М. Ш.*) выработаны без предварительного соглашения с кем-либо из воюющих. Однако,— замечает Бок,— выбор момента, когда мы принуждены были оставить Галицию, а равно категорическое требование возвращения немецких колоний, как мне кажется, свидетельствует об обратном»[253].

Таким образом, поездка Пачелли к Вильгельму II и его беседы с ведущими германскими деятелями сыграли немаловажную роль при выработке папских мирных условий, которые не только соответствовали интересам центральных держав, но и были составлены не без их ведома. На роль Пачелли в выработке папских «мирных предложений» указывают и проватиканские писатели[254]. Лондонский корреспондент газеты «Новое время», ссылаясь на сообщения корреспондента газеты «Обсервер» из Берна, телеграфировал 9 августа 1917 г.: предполагают, что папская нота была подготовлена в римско-католическом монастыре Эйнзидель в Швейцарии, куда прибыли для совещания князь Бюлов, депутат Эрцбергер, бывший посланник Пруссии при Ватикане барон Мюльберг, бывший посланник Баварии при Ватикане барон Риттер и генерал ордена иезуитов Ледоховский[255].

В свете фактов ясно, насколько несостоятельны попытки проватиканских авторов представить дело так, как это делает епископ Худаль в своей книге по истории австро-ватиканских отношений, когда он пишет, что «единственный, кто стоял над партиями и честно добивался мира для христианского мира, был папа Бенедикт XV»[256].

Условия мира, выдвинутые папой, были выгодны одной стороне. Но война была империалистической, и справедливого мира не хотела и не добивалась ни одна из участвовавших в ней сторон.

Насколько «справедливы» были папские предложения, можно судить и по следующему. В папских предложениях ни словом не упоминалось об удовлетворении национальных стремлений чехов. О Польше в папских мирных предложениях говорилось, что после войны должны быть в духе примирения разрешены вопросы, относящиеся к землям, составлявшим часть

---

[252] АВПР, ф. Ватикан, д. 145, л. 22.

[253] Там же, л. 9.

[254] См., например, Oskar Halecki. Eugenio Pacelli. Pope of peace. New York, 1951, p. 32.

[255] АВПР, ф. Отдел печати, 1917, д. 189, л. 35.

[256] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918, S. 308.

старого польского государства... По этому поводу Лансинг писал Вильсону, что речь идет о создании польского государства на части территории старого польского государства, по-видимому на территории русской Польши [257]. Папский престол предлагал на территории только Царства Польского образовать Польское государство, без включения в него польских земель, находившихся под господством Австрии и Германии. Но и такое Польское государство, как пишет граф Сфорца, в планах Ватикана должно быть отдано Австро-Венгерской монархии в качестве компенсации за территориальные уступки последней Италии [258].

Английский католический историк папской дипломатии в годы войны Джонсон пишет, что в Ватикане благожелательно относились к такому решению польского вопроса, при котором Польша стала бы «третьим партнером» Австро-Венгерской монархии [259]. Это означало бы превращение Польши в часть Австро-Венгерской монархии.

Таковы на деле «надпартийность» папы и «справедливый» характер его мирных условий.

27 августа 1917 г. появился ответ Вильсона на папскую ноту. Ответ содержал много общих слов о «благородных целях» правящих классов США в войне, об их «бескорыстии», о преступлениях германской военной машины и о «великодушных мотивах» папского выступления. Однако Вильсон отвергал папскую программу мира, так как принятие ее, писал он, «означало бы, на наш взгляд, содействовать восстановлению ее (Германии.— *М. Ш.*) мощи и возобновлению ее политики» [260].

Английское правительство решило ответить папе в том же духе, что и Вильсон, и указать, что пока центральные державы не сформулировали своих целей войны, английское правительство не может дать детального ответа на папскую ноту. Посланнику Англии в Ватикане было поручено сообщить кардиналу Гаспарри, что для переговоров о мире необходимо сначала иметь определенное заявление германского правительства о независимости Бельгии и о целях войны [261]. Набоков, поверенный в делах России в Лондоне, телеграфировал 8(21) августа 1917 г., что Бальфур передал ему текст инструкции, посланной представителю Великобритании при Ватикане в связи с пап-

---

[257] Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing papers, v. II, p. 44.

[258] C. Sforza. Contemporary Italy, p. 205.

[259] H. Johnson. Vatican diplomacy in the world war. P. 29. (напомним, что эта книга вышла с предисловием графа де Салис — английского представителя при Ватикане в последний период войны).

[260] Вудро Вильсон. Принципы демократии. Берлин, 1924, стр. 9—12.

[261] David Lloyd George. War memoirs, v. IV. London, 1934, p. 2060—2067.

ской нотой. Последнему рекомендовалось указать статс-секретарю, что переговоры не могут быть подвинуты, «пока Центральные империи и их союзники не заявят официальных целей, ради коих они продолжают войну, размеры реставраций и возмещения, на которые они готовы пойти и методы, которыми мир может действительным образом быть обеспечен против повторения ужасов, от которых он теперь страдает»[262]. К этому ответу присоединилось и правительство Франции.

Ватикан взял на себя миссию вести переговоры от имени Германии. 23 августа 1917 г. Гаспарри заявил британскому послу, что Германия в резолюции рейхстага выразила готовность восстановить Бельгию. Ему было указано на то, что не рейхстаг правит Германией. Гаспарри в беседе на следующий день заявил, что он ожидает официальной германской декларации о Бельгии[263].

Действительно, Ватикан поручил нунцию в Мюнхене Пачелли вступить в переговоры с германским правительством по вопросам, связанным с мирными предложениями папы, и добиться от него декларации о целях войны, прежде всего о восстановлении независимости Бельгии[264].

Посол России в Риме Гирс телеграфировал 22 августа (4 сентября), что по сведениям итальянского правительства, «исходящим от одного из представителей Ватикана за границей — Паланци в Мюнхене — Пачелли ездил в Берлин для установления условий, выставленных папой в своей ноте касательно мира»[265]. Пачелли обратился к рейхсканцлеру Михаэлису 30 августа с письмом, в котором сообщил инструкции, полученные де Салис, и заявил, что ему особенно поручено добиться декларации о Бельгии[266].

Германские правящие круги хотели выйти из войны на наиболее выгодных для себя условиях, они при этом не хотели выпустить из рук захваченного. Военщина, оказывавшая огромное влияние на политику берлинского правительства, осенью 1917 г., после взятия германскими войсками Риги и их продвижения на восточном фронте, еще надеялась на осуществление своей обширной программы захватов. Людендорф направил 14 сентября 1917 г. канцлеру меморандум, в котором признавал тяжелое внутреннее положение Германии, но ее положение лучше в военном отношении, чем положение стран Антанты, и внутреннее положение Германии, доказывал он, менее

---

[262] АВПР, ф. Ватикан, д. 145, л. 17.

[263] H. Johnson. Vatican diplomacy in the world war, p. 31.

[264] F. von Lama. Papst und Kurie in ihrer Politik nach dem Weltkriege, S. 36—37.

[265] АВПР, ф. Ватикан, д. 145, л. 42.

[266] F. von Lama. Papst und Kurie in ihrer Politik nach dew Weltkriege, S. 37.

напряженное, чем положение в странах Антанты. И все же, как писал далее Людендорф, Германии желательно до зимы получить мир. Дав такую оценку общего положения, Людендорф в своем меморандуме развил обширную программу территориальных захватов в целях лучшей подготовки к новой войне. Эта программа предусматривала и захват Германией Литвы, Прибалтики, Саара, Лотарингии, Люксембурга, «расширения» Восточной Пруссии и др. Бельгия в планах Людендорфа должна быть экономически и политически подчинена Германии, так как ее нейтралитет, по его словам, призрак. Аппетиты Людендорфа простирались и на Голландию. Он требовал для Германии колоний, в том числе и в Южной Америке [267].

Такая позиция правящих кругов Германии нашла свое отражение и в ответе рейхсканцлера на папскую ноту, посланном 19 сентября. В ответе правительства Германии содержались заверения, что император Вильгельм и его правительство всегда хотели сохранить мир, что правительство кайзера, изучив папскую ноту, убедилось в том, что предложения папы близки его сердцу; в ответе говорилось, что германское правительство приветствует призыв папы, чтобы место материальной силы заняла сила моральная. В такой общей декларативной форме и был составлен ответ германского правительства. В нем не содержалось ни слова о Бельгии, от которой правящие круги Германии не хотели отказаться, а также и по другим вопросам, интересовавшим правительства стран Антанты [268].

В ответе на папскую ноту австро-венгерского императора Карла от 20 сентября говорилось, что папские предложения могут служить основой для начала мирных переговоров.

После окончания войны в немецкой католической литературе появилась тенденция делать упор на том, что отклонение Германией папских предложений было сделано канцлером *протестантом* — Михаэлисом [269]. Еще более демагогическим является заявление епископа Худаля, что планы Бенедикта XV не удались по вине «франкмасонов, мирового капитализма и в известной степени также мирового протестантизма» [270].

Такое объяснение ничего общего с действительностью не имеет. Германские католические промышленные круги, в частности группировавшиеся вокруг партии центра, не менее, чем

---

[267] David Lloyd George. War memoirs, v. IV, p. 2069—2076.

[268] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1917, Bd. I, S. 801—802. J. Hohfeld. Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten, 1849—1926, Bd. II, Berlin, S. 597—599.

[269] См. например, F. von Lama. Das vereitelte Friede. Augsburg, 1926, S. 64.

[270] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft. S. 308.

капиталисты-протестанты, поддерживали грабительскую политику германского правительства. Собравшаяся в ноябре 1917 г. конференция немецких католических епископов заявила: «Мы (католики) всегда будем готовы защищать как алтарь, так и трон против внешних и внутренних врагов» [271]. Имперское руководство партии центра в октябре 1917 г. единогласно вынесло резолюцию, в которой говорится, что оно «с отвращением и негодованием отвергает неслыханную и недостойную попытку Вильсона вмешаться во внутренние дела Германии, чтобы ослабить неразрывную связь между кайзером и народом» [272].

Таким образом, и католический епископат и руководство католической партии центра до самого крушения империи Вильгельма II поддерживали кайзера, его правительство и империалистическую политику, которая проводилась ими. Следовательно, утверждение, будто из-за протестанта канцлера Михаэлиса папское «миротворчество» не достигло цели, совершенно не состоятельно.

1 ноября 1917 г. Михаэлиса на посту рейхсканцлера сменил Гертлинг — один из лидеров центра. Гертлинг, пишет о нем Бахем, историк центра, до конца остался верным католиком; он был убежденным сторонником монархии и противником конституционной системы [273]. Гертлинг был рейхсканцлером до октября 1918 г. Почему же он не подхватил папской «мирной» инициативы? И разве не фракция партии центра в рейхстаге высказалась в 1916 г. за неограниченную подводную войну? [274]. Лидеры центра были за захват Бельгии Германией. Орган центра «Германия» в январе 1917 г. возражал против восстановления довоенного положения в отношении Бельгии, против отказа от Бельгии и требовал получение Германией контрибуции и колоний [275]. Дело, следовательно, не в религиозной принадлежности канцлера, а в том, что германский империализм, кайзер, генеральный штаб германской армии еще надеялись выиграть войну и осуществить обширный план грабежа чужих территорий. Католические промышленные круги и епископат (католический и протестантский) поддерживали эту программу захватов.

Несмотря на отказ германского правительства объявить о своих намерениях, в частности в отношении Бельгии, Ватикан продолжал свои попытки добиться соглашения между воюющими державами, при этом он выступал фактически за герман-

[271] E. von Lama. Papst und Kurie in ihrer Politik nach dem Weltkriege, S. 85.

[272] Schulthess'Europäischer Geschichtskalender, 1917, Bd. I, S. 906.

[273] K. Bachem. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumspartei, Bd. VIII, S. 244.

[274] Hans von Gatzke. Germany's drive to the west, p. 166.

[275] Ibid., p. 167.

ское правительство. Гирс телеграфировал 20 сентября (3 октября) 1917 г. из Рима, что Ватикан передал в Лондон ответ центральных держав на папские мирные предложения; «подтверждается равным образом,— писал Гирс,— что Ватикан дал при этом понять, что Германия согласится на восстановление Бельгии»[276]. В другой телеграмме от 29 сентября (12 октября) Гирс писал: Соннино (итальянский министр иностранных дел) считает, что не следует отвечать Ватикану в связи с передачей им английскому правительству ответов центральных держав, так как в сопроводительном письме кардинала Гаспарри не было прямого указания о Бельгии, «но было высказано, в общих выражениях, что условия мира папы признаются центральными империями принципиально приемлемыми и что Ватикан готов содействовать их дальнейшему выяснению»[277].

Российский поверенный в делах в Париже Севастопуло сообщал 22 сентября (5 октября) 1917 г., что британское правительство получило сообщение из Ватикана, такое же сообщение получил бельгийский посланник при Ватикане. Последнему кардинал статс-секретарь указал, «что если немецкий ответ ничего положительного не содержит, то австрийский является гораздо более удовлетворительным и при существующих между Центральными империями тесных узах, нет сомнения, что Венский Кабинет отражает в данном случае намерения немецкого»[278].

Ватикан старался «улучшить» немецкий ответ, представить его более приемлемым для Антанты, чем он был. Гирс писал, что, по мнению Соннино, «папа стремится новым выступлением главным образом сохранить за собой роль негоциатора в деле о мире. Условия же мира имеют будто бы для него второстепенное значение. В этом его интересы совпадают с интересами Германии, желающей дать общественному мнению впечатление, что переговоры о мире уже ведутся и нисколько не прекратились»[279].

Активное посредничество папы в 1917 г. преследовало, кроме отмеченных уже, еще одну цель — обеспечить Ватикану место на мирной конференции после войны. Пейдж, посол США в Риме, писал 20 марта 1917 г. Лансингу: «первым желанием» Ватикана является «интернационализация закона о гарантиях, который ныне является делом одной только Италии, и в качестве первого шага к этому — обеспечить себе место на мирной конференции, когда она соберется»[280].

---

[276] АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 35, л. 544.
[277] Там же, л. 567.
[278] АВПР, ф. Ватикан, д. 145, л. 53.
[279] АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 35, л. 544.
[280] Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing papers, v. I, p. 762.

При всех своих симпатиях и антипатиях, при всем лавировании и дипломатических комбинациях папский престол не отказывался от претензий на восстановление светской власти папы. Он все еще считал, что «Римский вопрос» не решен. Неудивительно, что, особенно в Италии, с подозрением относились к папской дипломатической активности.

ЗАБОТА ВАТИКАНА О СУДЬБЕ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ И ГАБСБУРГОВ

Эрцбергер рассказывал в июле 1919 г. в германском Учредительном собрании следующее: «В конце сентября (1917 г.— *М. Ш.*) я был в Мюнхене. Папский нунций (Евгений Пачелли.— *М. Ш.*) мой давний личный друг... Во время моего визита нунций пришел ко мне со слезами на глазах: «все потеряно, даже ваше бедное отечество»» [281].

В конце 1918 г., когда положение монархии Габсбургов было критическим, папа, чтобы предотвратить революцию в этой стране, обратился 1 ноября с телеграммой к английскому правительству с просьбой немедленно благожелательно рассмотреть просьбу Австро-Венгрии о сепаратном мире. Как пишет Ллойд Джордж, переговоры после этого быстро закончились и перемирие было заключено 3 ноября [282]. Правда, это уже не спасло монархию Габсбургов, которая прекратила свое существование 11 ноября.

Заботы Ватикана о Габсбургах продолжались и после свержения их власти. Когда после падения монархии австрийский посол в Ватикане князь Шонбург-Хартенштейн был на прощальной аудиенции у папы, тот наградил его орденом Христа — высшим ватиканским орденом, который дается главам государств. При этом папа сказал, что данным награждением он хочет отметить не только личные заслуги князя, но и исторические заслуги монархии Габсбургов перед католицизмом. Известно, что и после свержения Габсбургов в Ватикане не были оставлены планы воссоздания в какой-либо форме монархии Габсбургов. В 1921 г. Бенедикт XV был одним из немногих, кто выступил в пользу удовлетворения имущественных притязаний бывшего австро-венгерского императора Карла [283].

Точно так же папа после войны принял близко к сердцу судьбу Вильгельма II. Так как на основании статьи 227-й Версальского мирного договора (которая предусматривала создание международного трибунала для суда над Вильгельмом) мог быть поднят вопрос о выдаче бывшего кайзера Голландией

---

[281] «Fall of German Empire, 1914—1918», т. I, Stanford (Calif.), p. 447.
[282] David Lloyd George. War memoirs, v. VI, p. 3315—3316.
[283] A. Hudal. Die österreichische Vatikanbotschaft, S. 310, 311.

и о суде над ним, германские епископы обратились в Ватикан и просили его употребить все свое влияние, чтобы не допустить выдачи Вильгельма и суда над ним. Ватикан так и поступил. Ватиканская печать выступала с заявлением, что причина войны — «печальная политика господствующего атеизма»[284] и поэтому неправильно ставить вопрос о виновниках войны! Так выгораживали ватиканские иерархи империалистов и их преступления, приписав, как часто они это делают, вину «господствующему атеизму», хотя ни в одной стране ни в 1914 г., когда война началась, ни ранее атеизм не «господствовал».

* * *

Из сказанного вытекает, что Ватикан не был нейтрален в войне. В империалистической, несправедливой войне он был на стороне одной из воюющих империалистических групп — на стороне держав Тройственного союза. Даже в правящих кругах США считали нейтралитет Ватикана «прогерманским»[285]. Такая позиция папства в годы первой мировой войны явилась прямым продолжением политики папства в годы, предшествовавшие войне.

На протяжении двух десятилетий папство видело в монархиях Габсбургов и Гогенцоллернов опору «порядка», надежную, как ему казалось, защиту против социализма. К концу войны призрак социализма, борьба с которым с конца XIX в. стала одной из главных целей ватиканской политики, перестал быть призраком, социализм стал реальностью. Победа пролетарской революции в России и начавшийся под ее влиянием мощный подъем революционого движения в странах Европы и во всем мире напугал эксплуататорские классы, а вместе с ними и ватиканскую иерархию.

Начиная с ноября 1917 г. «Римский вопрос», который на протяжении почти полстолетия играл столь важную роль в политике римской курии, отступает на второй план. Как известно, переговоры с Муссолини о решении этого вопроса начались вскоре после захвата в Италии власти фашистами и были завершены в 1929 г. Главной целью ватиканской политики отныне становится борьба с Советским Союзом и с коммунистическим движением во всех странах.

---

[284] F. von Lama. Papst und Kurie in ihrer Politik nach dem Weltkriege, S. 117—118.

[285] Papers relating to the foreign relations of the United States, 1919. The Paris peace conference, v. I, Washington, 1942, p. 46.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Произведения классиков марксизма-ленинизма

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Манифест Коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 1955.

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Циркуляр против Криге. Соч., т. 4.

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. («Циркулярное письмо» 17—18/IX—1879 г.) **Соч., т.** XXVII.

Маркс К. Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4.

Маркс К. Критика Готской программы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 10/XII 1869. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 31/V 1873. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 19/IX 1868. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV.

Маркс К. Письмо Фердинанду Фреклесу 21/I 1877. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI.

Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI. ч. 1.

Энгельс Ф. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Энгельс Ф. Об антисемитизме. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Энгельс Ф. Предисловие к 4-му немецкому изданию «Коммунистического манифеста». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Энгельс Ф. Введение к брошюре Маркса «Гражданская война во Франции». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Энгельс Ф. Предисловие ко второму польскому изданию «Коммунистического манифеста». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Энгельс Ф. Об итальянской панаме. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Энгельс Ф. К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.
Энгельс Ф. Письмо Ф.-А. Зорге 29/XI 1886. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII.
Энгельс Ф. Письмо Фридриху-Альберту Зорге 7/I—1888. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII.
Ленин В. И. Фридрих Энгельс. Соч., т. 2.
Ленин В. И. Китайская война. Соч., т. 4.
Ленин В. И. Ценное признание. Соч., т. 5.
Ленин В. И. Что делать. Соч., т. 5.
Ленин В. И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии. Соч., т. 6.
Ленин В. И. Московские зубатовцы в Петербурге. Соч., т. 6.
Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе. Соч., т. 6.
Ленин В. И. Задачи революционной молодежи. Соч., т. 7.
Ленин В. И. Третий съезд. Соч., т. 8.
Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч., т. 9.
Ленин В. И. Социализм и религия. Соч., т. 10.
Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии. Соч., т. 15.
Ленин В. И. Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию. Соч., т. 15.
Ленин В. И. Лев Толстой и его эпоха. Соч., т. 17.
Ленин В. И. Конец войны Италии с Турцией. Соч., т. 18.
Ленин В. И. Исторические судьбы учения Карла Маркса. Соч., т. 18.
Ленин В. И. К пятнадцатилетию смерти Иосифа Дицгена. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Классовая борьба в Дублине. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Цаберн. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Война и российская социал-демократия. Соч., т. 21.
Ленин В. И. Положение и задачи социалистического Интернационала. Соч., т. 21.
Ленин В. И. Русские Зюдекумы. Соч., т. 21.
Ленин В. И. Конференция заграничных секций РСДРП. Соч., т. 21.
Ленин В. И. Вопрос о мире. Соч., т. 21.
Ленин В. И. О мире без аннексий и о независимости Польши, как лозунгах дня в России. Соч., т. 22.
Ленин В. И. О «программе мира». Соч., т. 22.
Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Соч., т. 22.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.
Ленин В. И. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову). Соч., т. 23.
Ленин В. И. О карикатуре на марксизм. Соч., т. 23.
Ленин В. И. Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям. Соч., т. 23.
Ленин В. И. Поворот в мировой политике. Соч., т. 23.
Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Соч., т. 28.
Ленин В. И. Проект программы РКП (большевиков). Соч., т. 29.
Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. Соч., т. 31.
Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам. Соч., т. 31.
Ленин В. И. А. М. Горькому. Соч., т. 35.
Ленин В. И. Организация масс немецкими католиками. Соч., т. 36.
Ленин В. И. Тетради по империализму. М., 1939.

Источники

Архив Внешней политики России (АВПР):

фонд Ватикан, дела 5—11, 13, 15, 17, 19, 21—23, 26, 27, 30, 31, 34, 35, 45, 47, 51, 58, 87, 88, 104, 122, 136, 144, 145, 155.
фонд Особый политический отдел, дела 161, 162.
фонд Политархив, дела 532, 1038, 1047, 1050, 1351, 2906.
фонд Канцелярия, дела 14, 92, 110—1903 г.; 109—1911 г.; 33, 34, 178—1914 г.; 38 — 1915 г.; 29, 257 — 1916 г.; 35 — 1917 г.
фонд Тихоокеанский стол, дела 622, 632, 637—639, 644—647, 649—656, 1479.
фонд Посольство в Риме, дела 1929, 1950, 1951, 1960, 2004, 2016, 2059, 2157.
фонд Китайский стол, дела 116—118, 133, 180, 182, 188, 775.
фонд Секретный архив, дело 249/250.
фонд II Департамент 11-5, дела 34, 60, 106, 107.
фонд Отдел печати, дело 189.

ЦГАОР, фонд 3696, дело 22.

Собрания опубликованных документов

Агрессивные планы Италии в связи с переговорами о возобновлении Тройственного союза. «Красный архив», т. 2(87), М., 1938.
Адамов Е. А. Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма. М., 1931.
Ван-Коль. Колониальная политика и социал-демократия (Доклад международному Амстердамскому социалистическому конгрессу). СПб., 1906.
Вильгельм II. Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894—1914 гг. Под ред. М. Н. Покровского. М.— Пг., 1923.
Гримм Э. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927.
Доклады б. министра иностранных дел С. Д. Сазонова Николаю Романову. 1910—1912. «Красный архив», № 3, 1923.
Записка Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай». «Красный архив», т. 1(20), М., 1927.
Захват Германией Киао-Чао. «Красный архив», т. 2(87), 1938.
Из записной книжки архивиста. Самодержавие и Ватикан накануне империалистической войны. «Красный архив», т. 4—5(47—48), М., 1931.
К истории пангерманского союза. «Красный архив», т. 1(92), М., 1939.
Международные отношения в эпоху империализма, т. IV, VI, VIII, IX, XVIII, XIX, М., 1931—1938.
Отражение событий 1905 г. за границей. «Красный архив», т. 2(9), М., 1925.
Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III. Под ред. М. Н. Покровского, т. I—II. М., 1925—1926.
Русско-польские отношения в период мировой войны. Центрархив, М., 1926.
Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917, М., 1952.
Сборник секретных документов из архива бывшего министра иностранных дел, № 6, Пг., 1918.
Современные течения религиозно-философской мысли во Франции, Пг., 1915.
Энциклика папы Льва XIII об объединении церквей. Пг., 1895.
Die Auswärtige Politik des Deutschen Reiches 1871—1914. Ausgabe... unter leitung A. Barhtoldy und F. Thimme, Bd. IV, Berlin, 1928.
Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch. Hrsg. von Dr. P. Dirr, München — Berlin, 1925.
British documents on the origins of the war. 1898—1914. v. I, III, IX, London, 1927—1933.

Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten. Gedanken und Gestalten aus den letzten fünfzig Jahren. Hrsg. und eingeleitet von E. G. Jacob, Leipzig, 1938.
Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten 1849—1926 von J. Hohlfeld, Bd. I, Berlin, 1934.
Fall of German Empire 1914—1918, v. I. Selected and edited by R. Lutz. Stanford, California, 1932.
The Federal and state constitutions, colonial charter and organic laws of the states, territories and colonies..., v. V, Washington, 1909.
Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes, Bd. 1—39, Berlin, 1922—1926.
Index librorum prohibitorum, 1948.
Internationaler socialisten Kongress zu Amsterdam, Berlin, 1904.
Osterreich Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Kriese 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914, Bd. I—VIII, Wien — Leipzig, 1930.
A papal peace mosaic 1874—1944, New York, 1944.
Papers relating to the foreign relations of the United States 1903. Washington, 1904.
Papers relating to the foreign relations of the United States 1915, Washington, 1928.
Papers relating to the foreign relations of the United States 1919. The Paris peace conference, v. I, Washington, 1942.
Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing papers 1914—1920, v. I, II, Washington, 1939—1940.
The pope speaks. The words of Pius XII, New York, 1940.
Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages 1884—1890, 1894—1895, 1897—1903, 1905—1906, 1913.

Периодическая печать

Газеты

«Вперед», Женева, 1905.
«За прочный мир, за народную демократию», Бухарест, 1950.
«Звезда», СПб., 1912.
«Искра», Лейпциг — Мюнхен — Лондон — Женева, 1900—1903
«Правда», СПб., 1912.
«Пролетарий», Женева, 1905.
«Berliner Zeitung», Berlin, 1952.
«The Daily Worker», New York, 1938.
«The Irish Democrat», London, 1951.
«New York Times», 1955.
«Osservatore Romano», Roma, 1955.

Журналы

«Богословский вестник», М., 1894, 1904—1909.
«Вестник Европы», СПб., 1870—1918.
«Вестник комиссариата иностранных дел», М., 1921.
«Журнал Министерства народного просвещения», 1900—1901.
«Известия Восточного института», Владивосток, 1901—1904.
«Мир божий», СПб., 1903—1906.
«Образование», СПб., 1904—1909.
«Церковный вестник», СПб., 1900—1914.
«Die Einheit», Berlin, Nr. 10, 1948.
«Informations catholique internationales», Paris, 1956.
«Die Neue Zeit», Stuttgart, 1890, 1891, 1902—1903, 1904.

Ежегодники, статистические справочники, энциклопедии

The Americana Annual 1957, New York — Chicago — Washington.
The Annual Register. 1914—1916, London.
Christian socialism. Encyclopediae Britannica, 1951.
Census of religious Bodies. 1926, 1936, Washington.
Missions. Encyclopediae Britannica, v. 15, London, 1951.
Modernism. Encyclopediae Britannica, v. 15, 1951.
Religions und kirchliche Statistik, München, 1921.
Religionstatistik. «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», Bd. IV, Tübingen, 1913.
Schiemann Th. Deutschland und die Grosse Politik. Berlin, 1901—1914.
«Schulthess'Europäischer Geschichtskalender», München, 1890—1918.
The Statesman's Year-Book, 1899—1916, London.
Statistical abstract of the USA, Washington, 1955.

Произведения и мемуары участников и современников изучаемых событий

Бебель А. Из моей жизни. М., 1925.
Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. под ред. А. С. Ерусалимского, т. III. М. 1941.
Вейтлинг В. Евангелие бедного грешника. Пер. с нем. Лейпциг — Петербург, 1907.
Венюков М. Очерки современного Китая. СПб., 1874.
Вильсон В. Принципы демократии. Извлечения из речей и посланий во время войны. Пер. с англ. Берлин, 1924.
Гед Жюль. Государственные предприятия и социализм. Пер. с франц. СПб., 1907.
Гед Жюль. Женщина и буржуазное общество. Пред. М. Кашена. Пер. с франц. М., 1925.
Гед Жюль. Речи, произнесенные в Палате депутатов. Пер. с франц. СПб., 1908.
Гед Ж. и **Лафарг П.** Программа рабочей партии, ее основание и комментарий к ней. Пер. с франц. В. Величкиной. Пг., 1917.
Гед Ж. и **Лафарг П.** Чего хотят социал-демократы. Пер. с франц. с прим. Г. Плеханова. Женева, 1902.
Гере П. Как я стал социал-демократом. Пер. с нем. СПб., 1906.
Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, т. 1. М., 1957.
Дневник В. Н. Ламздорфа. «Красный архив», т. 3(46), М., 1931.
Дюшен Л. История Древней церкви. Пер. с франц., т. 1. М., 1912.
Ивановский П. Современное положение христианских миссий в Корее; Иеромонаха Павла (Ивановского). Владивосток, 1904.
Извольский А. П. Воспоминания. Пер. с англ. Пг., 1924.
Каутский К. Социальдемократия и католическая церковь. Пер. с нем. М., 1906.
Ламеннэ Ф. Слова верующего. Пер. с франц. М., 1911.
Ламеннэ Ф. Современное рабство. Пер. с франц. Н. Новгород, 1905.
Ламздорф В. Н. Дневник 1891—1892. Пер. с франц. М., 1934.
Лафарг Поль. Соч., т. I—III. М., 1925—1928.
Луначарский А. В. Италия и война. Пг., 1917.
Люксембург Роза. Избранные соч., т. 1. М., 1928.
Люксембург Роза. Речи. Пер. с нем. М., 1929.
Люксембург Роза. Шаг за шагом. Пер. с польского. М., 1926.
Мани Том. Воспоминания. Пер. с англ. М., 1924.
Маи Гендрик де и **Бруккер Луи де.** Рабочее движение в Бельгии. Пер. с нем. М., [1926].
Марескотти Л. Альдрованди. Дипломатическая война. Воспоминания и

отрывки из дневника (1914—1919). Пер. с итал. Под ред. и с вступ. ст. Б. Е. Штейна., М. 1944.
Масарик Т. Мировая революция. т. I—II. Прага, 1926—1927.
Меринг Ф. В. дни войны. Пер. с нем., Пг., 1922.
Меринг Ф. 9 января 1906 г. в Германии. Пер. с нем. СПб., 1906.
Меринг Ф. История Германской социал-демократии. Пер. с нем., т. III, IV. М., 1921—1924.
Неру Джавахарлал. Открытие Индии. Пер. с англ. М., 1955.
Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. Пер. с франц., т. 1. М., 1936.
Роллан Ромен. Дневник военных лет (1914—1919). «Новый мир», М., 1955, № 3.
Саблер В. О мирной борьбе с социализмом. Сергиев посад, 1911.
Соловьев Ю. Я. 25 лет моей дипломатической службы (1893—1918). М., 1928.
Тимирязев К. А. Наука и демократия. Соч., т. IX. М., 1939.
Тунеев В. Уничтожение монастырей в Италии. «Отечественные записки», СПб., 1864, ноябрь.
Франко И. Католический панславизм. Сб. «Избранные общественно-политические и философские произведения украинских революционных демократов», М., 1955.
Хауз Э. Архив полковника Хауза. Пер. с англ., т. III. М., 1939.
Чернин О. В дни мировой войны. М., 1923.
Bebel A. Auswahl aus seinen Reden. Berlin, 1926.
Bebel A. Socialdemokratie und Zentrum (Eine Rede Bebels in Bamberg). Berlin, 1903.
Bebel A. Zum ersten Oktober. «Die Neue Zeit», 1890/91, Nr. 1.
Bertie. The diary of lord Bertie of Thame 1914—1918. v. I—II. London, 1924.
Bismarck. Die Gesammelten Werke, Bd. 8, Gespräche. Berlin, 1926.
Bülow B. Denkwürdigkeiten, Bd. 1—IV. Berlin, 1930—1931.
Chamberlain J. A political memoir 1880—1892. London, 1953.
Christentum und Socialismus. Eine religiöse Polemik zwischen Herrn Kaplan Hohoff in Hütte und A. Bebel, Berlin, 1906.
Crispi F. The memoirs of Francesco Crispi, Tr. by Mary Prichard-Agnett; from the documents collected and ed. by Th. Palamenghi Crispi. London, 1912—1914.
Dietzegen J. Die Religion der Socialdemocratie. Berlin, 1891.
Dmowski R. Pisma, t. V. Polityka Polska a odbudowanie Panstwa. Czestochowa, 1937.
Erzberger M. Die Erfolge der deutschen Kolonialpolitik («Die deutsche Kolonialpolitik vor dem Gerichtsgof der Welt»). Basel, 1918.
Erzberger M. Erlebnisse im Weltkrieg. Stuttgart — Berlin, 1920.
Erzberger M. Die Mobilmachung. Stuttgart — Berlin, 1914.
Eulenburg-Hertefeld Ph. Aus 50 Jahren. Berlin, 1925.
Favre J. Rome et la République Française. Paris, 1871.
Giolitti G. Memoirs of my life. London, 1923.
Göhre P. Die evangelisch-sociale Bewegung. Leipzig, 1896.
Gregory J. D. On the edge of diplomacy (1902—1928). London, 1928.
Hertling G. Erinnerungen aus meinem Leben, Bd. I, II. München, 1920.
Hohenlohe-Schillingsfürst Ch. Denkwürdigkeiten, Bd. I—II. Stuttgart — Leipzig, 1907.
Ketteler W. E. Schriften, Bd. I, III. München, 1924.
Liebknecht K. Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze. Berlin, 1952.
Lloyd George. War memoirs of David Lloyd George. III—VI. London, 1934.
Macchio. Warheit! Fürst Bülow und ich in Rom 1914/15. Wien, 1931.
Merry del Val, cardinal. Memoires of pope Pius X. London, 1939.
Naumann Fr. Was heisst christlich-social. Leipzig. 1896.

Pastor L. Tagebücher — Briefe — Erinnerungen 1854—1928. Heidelberg, 1950.
Pernot M. La politique de Pie X (1906—1910). Paris, 1910.
The programm of modernism. A reply to the encyclical of Pius X Pascendi domini gregis... Пер. с итал. New York — London, 1908.
Roosevelt Th. The letters of Theodore Roosevelt, v. II, V. Cambrige — Massachusetts, 1951—1952.
Sasonoff S. D. Sechs schwere Jahre. Berlin, 1927.
Schlözer K. Letzte römische Briefe, 1882—1894. Berlin, 1924.
Sforza C. Contemporary Italy. New York, 1944.
Sforza C. Fifty years of war and diplomacy in the Balkans. New York, 1940.
Sforza C. The Vatican and the world war «The Contemporary review», London, 1937, N 858.
Stutz Ul. Die päpsteriche Diplomatie unter Leo XIII. Nach den Denkwürdigkeiten des Kardinals Dominico Ferrata. Berlin, 1926.
Sullivan M. Our Times (The United States 1900—1925), v. III. New York — London, 1930.
Tirpitz A. Erinnerungen. Leipzig, 1920.
Waldersee A. Aus dem Briefwechsel das Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee, Bd. I. Stuttgart — Berlin, 1928.
Waldersee A. Denkwürdigkeiten des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee, Bd. II, III. Stuttgart — Berlin, 1923—1925.
Wilhelm II, Kaiser. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipzig — Berlin, 1922.
Williams B. American diplomacy (Policies and practice). New York, 1936.

Исторические исследования и публицистические произведения

Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. М., 1952.
Барбюс Анри. Огонь. М., 1955.
Барраль-Монферра. От Монро до Рузвельта (1823—1905). Пер. с франц. М., 1925.
Болье, Анатоль Леруа. Христианство и демократия. Пер. с франц. СПб., 1906.
Брейди Р. Кризис Британии. Пер. с англ. М., 1952.
Брентано Л. Христианско-социальное движение в Англии. Пер. с нем. М., 1906.
Вейль Ж. История социального движения во Франции (1852—1902). Пер. с франц. М., 1906.
Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. Пер. с англ., т. 1. М., 1937.
Гарнак А. Сущность христианства. СПб., 1907.
Гарруа Ж.-П. Африка — умирающая земля. Разрушение африканских почв под влиянием колонизации. Пер. с франц. М., 1954.
Геркнер Г. Рабочий труд в Западной Европе. Пер. с нем. СПб., 1899.
Гладстон В. Рим и папа перед судом совести и истории. М., 1903.
Гобсон Д. Империализм. Пер. с англ., Л., 1927.
Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948.
Джексон Т. А. Борьба Ирландии за независимость. Пер. с англ. М., 1949.
Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952.
Драйзер Т. Трагическая Америка. Соч., т. XI. М., 1954.
Драйзер Т. Америку стоит спасать. Соч., т. XII. М., 1955.
Дэвис Д. Капитализм и его культура. Пер. с англ. М., 1949.

Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951.
История дипломатии, т. II. Дипломатия в новое время. М., 1945.
Камбон Ж. Дипломат. Пер. с франц. М., 1946.
Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. Пер. с итал. М., 1955.
Картэн Д. Африка, Африка! Пробуждающийся континент. Пер. с англ. М., 1955.
Керенский В. Римско-католический модернизм (Его происхождение, сущность и значение). Харьков, 1911.
Керженцев П. М. Ирландия в борьбе за независимость. М., 1936.
Коровин Е. А. Католицизм как фактор современной мировой политики. М., 1931.
Кутепов Г. Н. Босна-Герцоговина. «Известия Министерства иностранных дел», кн. VI. Пг., 1915.
Кучинский Ю. История условий труда в Германии (1800—1945). Пер. с нем. М., 1949.
Лаврецкий И. Ватикан. М., 1957.
Лихтенберже А. Современная Германия. Пер. с франц. СПб., 1914.
Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. Пер. с корейского. М., 1952.
Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1951.
Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871—1891 годов. М., 1952.
Мао Цзэ-дун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. Избранные произведения, т. III. М., 1953.
Мархлевский Ю. Ю. Очерки истории Польши. Соч., т. VI. М., 1931.
Мархлевский Ю. Ю. Социальные отношения в Польше. М., 1920.
Мархлевский Ю. Ю. Польша и мировая революция. М., 1920.
Михневич Д. Е. Очерки из истории католической реакции (иезуиты). М., 1955.
Павлович М. П. (Мих. Вельтман). Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего, кн. 1. М., 1922.
Революция 1848—1849 гг., т. 1, М., 1952.
Романов Б. А. Россия и Манчжурия (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.
Рубинштейн Е. И. Политика германского империализма в западных польских землях конца XIX — начала XX в. М., 1953.
Рудаков А. Общество И-хе-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. «Известия Восточного Института», т. II, вып. III, Владивосток, 1901.
Серени Э. Аграрный вопрос в Италии. Итальянское крестьянство в борьбе за демократию. Пер. с итал. М., 1949.
Смирнов Н. Из современных проблем. Христианство и социализм. М., 1903.
Соколов В. Католическая церковь и государство в Германии во второй половине XIX ст. Казань, 1912.
Таксиль Л. Священный вертеп. Пер. с франц. М., 1930.
Тарле Е. В. Чарльз Парнель. Страницы из истории Англии и Ирландии. Соч., т. 1. М., 1957.
Твен Марк. Человек, ходящий во тьме. Избранные произведения. Пер. с англ., т. II. М., 1953.
Трайнин И. П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М., 1947.
Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сб. статей и документов под общей редакцией П. Тольятти. Пер. с итал. М., 1953.
Тягай Г. Д. Крестьянское восстание в Корее 1893—1895 гг. М., 1953.
Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. Пер. с кит., т. 1, 1840—1901. М., 1955.
Фей С. Происхождение мировой войны. Пер. с англ., т. 1. М., 1934.

Фонер Ф. С. История рабочего движения в США. От колониальных времен до 80-х гг. XIX в. Пер. с англ. М., 1949.
Фостер У. З. Закат мирового капитализма. Пер. с англ. М., 1951.
Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. М., 1953.
Хатт. А. Английское профсоюзное движение. Пер. с англ. М., 1954.
Хейфец Я. П. «Готтентотский блок» и выборы в Германский рейхстаг в 1907 г. «Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института», вып. III, Нальчик, 1951.
Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. Пер. с кит. М., 1951.
Цинь Бэнь-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае. Пер. с кит. М., 1951.
Шаревская Б. И. Религиозная политика английского империализма в британских владениях Африки. «Вопросы истории религии и атеизма», М., 1950, № 1.
Aberly J. An outline of missions. Philadelphia, 1945.
Ahern P. The Catholic university of America 1887—1892. Washington, 1948.
Askew W. Europe and Italys acquisition of Libya 1911—1912. Durham, 1942.
Bachem K. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, Bd. 1—IX. Köln, 1927—1932.
Bainville J. La Troisième République 1870—1935. Paris, 1935.
Becker O. Bismarck und die Einkreisung Deutshland. Zweiter Teil — Das-Französisch-russische Bündnis. Berlin, 1925.
Berg L. Die Katholische Heidenmission als Kulturträger, Bd. 1. Aachen, 1927.
Bernhard L. Die Polenfrage. Der nationalitäten Kampf der Polen in Preussen. München — Leipzig, 1920.
Binchy D. Church and state in fascist Italy. London, 1941.
Bornhak C. Deutsche Geschichte unter Kaiser Wilhelm II. Leipzig, 1922.
Brand F. Foreign missions in China. St. Louis, 1927.
Browne H. The catholic church and the Knights of labor. Washington, 1949.
Charvet P. France. London, 1954.
Colliander B. Die Beziehungen zwischen Litauen und Deutschland während der Okkupation 1915—1918. Abo, 1935.
Cronin B. Father York and the labor movement in San-Francisko 1900—1910. Washington, 1943.
Curtis E. History of Ireland. London, 1950.
Devaranne Th. Die gegenwärtige Geisteskampf um Ostasien. Gotha, 1928.
Eckhardt C. The papacy and world affairs. Chicago — Illinois, 1937.
Dulles Foster Rhea. China and America. The story of their relations since 1784. Princeton, New Jersey, 1946.
Egelhaaf G. Geschichte der neusten Zeit. Vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart, Bd. I. Stuttgart, 1924.
Einaudi M., Goguel F. Christian democracy in Italy and France. Notre Dame, Indiana, 1952.
Evans J. The british in tropical Africa. Cambrige, 1929.
Feine H. Kirchliche Rechtsgeschichte, Bd. 1. Die Katholische Kirche. Weimar, 1950.
50 Jahre Christlich-sozial. Berlin.
Fishel W. The End of extraterritoriality in China. Los Angelos, 1952.
Fogarty M. Christian democracy in Western Europe. 1820—1953. London, 1957.
Fraser D. The new Africa. London, 1927.
Friedjung H. Das Zeitalter des Imperialismus 1884—1914, Bd. I. Berlin, 1919.
Fuchs A. Geistige Strömungen in Österreich 1867—1918. Wien, 1949.
Fugger K. Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. Berlin, 1949.
Garaudy R. L'Eglise, le Communisme et les Chrétiens. Paris, 1949.

Gathrein V. Socialismus und Katholizismus. Paderborn, 1929.
Gatzke H. German's drive to the West (Drang hach Westen). Baltimore, 1950.
Gilman N. Socialism and the american spirit. Boston — New York, 1893.
Gooch G. History of modern Europe 1879—1919. London, 1924.
Gualtieri H. The labour movement in Italy. New York, 1946.
Gwynn D. The Vatican and war in Europe. London, 1940.
Halecki O. Eugenio Pacelli. Pope of peace. New York, 1951.
Hantsch H. Die Geschichte Österreichs, Bd. II. Graz — Wien — Köln, 1953.
Hanus F. Die preussische Vatikangesandschaft 1747—1920. München, 1954.
Hartung Fr. Deutsche Geschichte 1871—1919. Leipzig, 1948.
Haynes G. Africa continent of the future. Kobenhavn, 1950.
Haynes T. Social politics in the United States. Boston — New York, 1924.
Hill M. Permanent Way. The story of the Kenya and Uganda railway. Nairobi (Kenya), 1949.
Hirsch F. Der Taxil — Schwindel, oder Roms gröszte Blamage. Wien, [1928].
Hoernigk R. Italien zwischen Frankreich und dem Dreibund. Halle, 1931.
Hudal A. Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918. München, 1952.
Industrial relations and the churches. The Annual of the American academy of political and social science. Philadelphia, N 192, 1922.
Italicus. Italiens Dreibundpolitik (1870—1896). München, 1928.
Johnston H. A history of the colonisation of Africa by alien races. Cambridge, 1930.
Johnson H. The papacy and the kingdom of Italy. London, 1926.
Johnson H. Vatican diplomacy in the world war. Oxford, 1933.
Just M. Rome and Russia. Westminster — Maryland, 1954.
Keeton G. China, the Far East and the future. London, 1949.
Kent P. The twentieth century in the Far East. London, 1937.
Lama Fr. Papst und Kurie in ihrer Politik nach dem Weltkriege. Illertissen (Bayern), 1925—1926.
Lama Fr. Der vereitelte Friede. Augsburg, 1926.
Langer W. The diplomacy of imperialism 1890—1902. New York, 1951.
Langer W. The Franco-russian alliance 1890—1894. Camridge, Mass., USA, 1929.
Latané J. America as a world power (1897—1907). New York, 1907.
Latourette K. The development of China. New York, 1946.
Latourette K. A history of christian missions in China. London, 1929.
Laubert M. Die preussische Polenpolitik von 1772—1914. Krakau, 1944.
Light and darkness in East Africa (A missionary survey of Uganda, Anglo-Egyptian Sudan, Abyssinia, Eritrea and the three Somalilands), London, 1927.
Lugmayer K. Leos lösung der Arbeiterfrage. Wien, 1927.
MacNair H. Modern Chinese history. Shanghai, 1923.
Maynard Th. The story of american catholicism. New York, 1943.
McCloskey R. American conservatism in the age of enterprise. Cambridg — Massachusetts, 1951.
Meyer M. Die Weltanschaung des Zentrums in ihren Grundlinien. München — Leipzig, 1919.
Mommsen W. Deutsche Parteiprogramme. München, 1952.
Moon P. Imperialism and world politics. New York, 1947.
Moos M. Don Luigi Sturzo — christian democrat. «The American political science review», April, 1945.
Morel E. The black man's burden. London, 1920.
Morse H., MacNair H. Far Eastern international relations. Boston — New York, 1931.
Moyes J. The pope and the german atrocities. «The nineteenth century and after», London, Oktober, 1915.

Munby L. Religious reaction in the epoch of imperialism. «The Modern Quarterly», N 4, London, 1950.
Murphy J. An analysis of the attitudes of american catholics toward the immigrant and the negro, 1825—1925. Washington.
Nowicki A. Watykański bank Pacellich. Warszawa, 1952.
Padmore G. How Britain rules Africa, London, 1936.
Parr J. Théophil Delcassé and the practice of the Franco-Russian Alliance 1898—1905. Fribourg, Switzerland, 1951.
Phillips C. The church in France 1848—1907. New York, 1936.
Ramus P. Francisco Ferrer. Sein Leben und sein Werk. Nürnberg, 1929.
Ranke L. Bilder aus der Geschichte des Papsttums. München, 1914.
Raphael L. The Cape-to-Cairo dream. New York, 1936.
Richter J. Das Werden der christlichen Kirche in China. Gütersloh, 1928.
Salomone A. Italian democracy in the making. Philadelphia, 1945.
Schilling O. Die Staats und Sociallehre des Papstes Leo XIII. Köln, 1925.
Schlesinger A. The rise of modern America 1864—1951. New York, 1954.
Schmidlin J. Papstgeschichte der neusten Zeit, Bd. II—III. München, 1934—1936.
Schreiner A. Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945, Bd. I. Bern, 1952.
Sears L. A history of american foreign relations. New York, 1927.
Soderini Ed. Leo XIII und der deutsche Kulturkampf. Innsbruck — Wien — München, 1935.
Soderini Ed. The pontificate of Leo XIII, v. I. London, 1934.
Somervell D. English thought in the nineteenth century. London, 1950.
Sturzo L. Italy and the new world order. London, 1944.
Teifen T. Die christlich socialen und ihr Programm. Wien.
Thälmann E. Das Zentrum, die führende Partei der deutschen Bourgeoisie. «Die Internationale», Berlin, 1932, Nr. 1.
Van Alstyne R. American diplomacy in action. Stanford, California, 1947.
Veldt J. van der. The city set on a hill. The story of the Vatican. New York, 1946.
Vidler A. Prophecy and papacy. London, 1954.
Wahrmund L. Katholische Weltanschauung und freie Wissenschaft. München, 1908.
Walterbach C. Leo XIII und die Arbeiterfrage. München, 1931.
Wendel H. Aus dem südslawischen Resorgimento. Gotha, 1921.
Wendel H. Die Habsburger und die Südslawenfrage. Belgrad — Leipzig. 1924.
Wlniewicz J. Have we allies inside Germany? London, 1914.
Winter E. Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans 1870—1903. Berlin, 1950.
Wolf G. Das elsässische Problem. Grundzüge einer elsässishen Politik in Zeitalter des Pakts von Locarno. Strasbourg, 1926.
Wolferstan B. The catholic church in China. From 1860 to 1907. London, 1909.
Woodworth A. Christian socialism in England. London, 1903.
Zach L. 50 Jahre Zentrum. Wirtschafts-und Socialpolitik im Reichstag (1871—1927). Berlin, 1921.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. М. Шейнман

Ватикан и католицизм
в конце XIX — начале XX в.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук СССР

Редактор издательства *М. Мчедлов*
Технический редактор *Г. В. Полякова* Художник *М. Л. Компанеец*

РИСО АН СССР № 53—77В. Сдано в набор 10/I-1958 г. Подписано к печати 24/II-1958 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 29,25; Уч.-издат. л. 31. Тираж 5000. Т-00079. Изд. № 2834.
Тип. зак. № 39
Цена 20 руб. 60 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
19	4 сн.	Американский	Английский
192	15 сн.	враждебной	враждебный
229	2 св.	Дортмуте	Дортмунде
255	5 св.	коллеги	коллегии
290	4 сн.	600	300
294	9 св.	сил.	дел.
333	20 сн.	1905	1904
392	16 сн.	„Царское	Царское
392	13 сн.	России"	России
400	21—20 сн.	Зизоля	3 июля
414	7—8 св.	милостью	волею
432	22 св.	расправу,	расправу",
462	15 св.	päpsteriche	päpstliche

М. М. Шейнман

М. ШЕЙНМАН

Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в.